Ключ от Кеплиан
Магический камень

Ключ от Кеплиан
Магический камень

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ВПЕРВЫЕ!

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRE

NORTON

The Key of Keplian

Andre Norton and Lyn McConchie

Magestone

Andre Norton and Mary N. Schaub

АНДРЭ

НОРТОН

Ключ от Кеплиан

Магический камень

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2000

ББК 84(7США)
Н82

THE KEY OF THE KEPLIAN
1995
MAGESTONE
1996

Перевод с английского Беллы Жужунавы («The Key of the Keplian») и Кирилла Плешкова («Magestone»)

Серийное оформление Александра Кудрявцева
Оформление книги Анатолия Нечаева

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов Baror International, Inc. и "Права и переводы" (Москва).

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Нортон А.

Н82 Ключ от Кеплиан. Магический камень: Фантастические романы / Пер. с англ. Б. Жужунавы, К. Плешкова. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2000. — 640 с.

ISBN 5-237-05273-8 (ООО «Фирма «Изд-во АСТ»)
ISBN 5-7921-0288-0 (TF)

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

© Andre Norton, 1996
© А. Нечаев, дизайн книги, 2000
© Перевод. Б. Жужунава, 2000
© Перевод. К. Плешков, 2000
© Оформление.
ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000
® TERRA FANTASTICA

Ключ от Кеплиан

Тем, кто так или иначе способствовал созданию этой книги:

Грегу Хилзу, который уговорил меня писать для начала хотя бы как дилетант.

Стиву Пасечнику из «Стрейндж Плазма», который приобрел мое первое профессиональное произведение.

Моему агенту Сьюзен Джеймс из «Куртис Браун Лимитед», чье согласие работать со мной помогло мне поверить в свои силы.

И моей подруге и соратнице Андре Нортон. Твои книги были первыми в этом жанре, которые я прочла. Они открыли мне новые Миры и все еще продолжают делать это. Живи и пиши их вечно — на меньшее я не согласна!

Лин Маккончи

1

Старик умирал. Когда-то она думала, что он будет жить вечно. Теперь она стала старше и знала, что всему на свете рано или поздно приходит конец. Сейчас настало его время. Он невозмутимо встретился с ней взглядом, и она поняла — он собирается рассказать ей, что нужно делать.

Она склонилась к нему, он также не сводил с нее внимательного взгляда. Слишком худенькая, чтобы считаться красавицей, в его глазах она была и прекрасной, и любимой: дочь дочери его сына и единственная из его потомков, кто остался в живых. Приход чужой и враждебной расы плохо сказался на его народе. Слишком многие умирали от болезней, о которых даже не подозревали, пока были свободными скитальцами. Другие, точно голодные койоты, готовы были рвать друг другу глотки из-за огненной воды, которую им предлагали слишком часто.

Болезнь убила его сына, злая судьба унесла жизнь дочери сына и ее возлюбленного, и только эта девочка уцелела. На протяжении поколений чужая кровь смешивалась с кровью немунух: его собственная мать была лишь наполовину навахо, дочь белого человека и его жены-индианки. Глаза старика неотрывно наблюдали за девочкой. Элири, так он назвал ее на древнем языке, известном только тем, кто владел силой. Теперь таких осталось совсем немного. По мере того как сменялись

поколения, слишком многие семьи постепенно утратили дар. Но в этом ребенке он возродился снова, расцвел в подлинный дар умения обращаться с лошадьми и ощущать свою связь со всей остальной жизнью.

Девочка тоже наблюдала за ним, с печалью в больших серых глазах. Длинные черные волосы свисали с ее худого плеча, и она нетерпеливым движением поправляла блестящие пряди. Каждый раз, когда рука поднималась, на худом запястье проступали сильные сухожилия. Внешняя слабость была обманчивой; на самом деле все ее тело, казалось, было сплетено из стальной проволоки и прочной кожаной бечевы. Много-много лет назад женщины тоже были воинами, и мужчины-немунух признавали их в этом равными себе. Фар Трейвелер воспитал свою правнучку хорошо. В эти дни всеобщего вырождения никто из молодых мужчин не мог сравниться с ней в стрельбе из лука или во владении ножом. Равно как никто, будто то мужчина или женщина, не умел лучше нее обращаться с лошадьми и охотиться.

Он улыбнулся и заговорил. Его голос звучал слабо, но отчетливо:

— Я назвал тебя Элири. Теперь тебе предстоит доказать, что я не ошибся.

Девочка выглядела смущенной. То, что ее имя означало «Та-Кто-Ходит-Странными-Путями», она знала всегда. Но каким именно путем предстояло пройти ей?

Старик улыбнулся, увидев, что она наморщила брови.

— Иди в горы, найди там начало пути Идущих Впереди. Ничего не бойся, иди как воин. Ты — последняя из моего рода и пройдешь дальше всех с помощью того, что я могу тебе дать.— Его голова судорожно дернулась в сторону небольшого мешка, плохо различимого в темном углу комнаты.— Иди со Светом, ког-

да солнце поднимется высоко, и Ка-дих благословит тебя.— Он негромко вздохнул.— Ты не сможешь поехать верхом, последнего коня я продал. И ждать слишком долго ты тоже не сможешь. Женщина, которая навещает нас, приедет сегодня. Ты должна уйти как можно дальше, прежде чем она появится здесь.

Элири вздрогнула. Он прав, ей и в самом деле следовало так поступить. Именно прадед спас ее шесть лет назад. Она ни на мгновенье не забывала, как жестоко обращались с ней дядя и тетя. Когда ее отец женился, он не презирал индейскую кровь своей невесты, но его сестра и хозяин ранчо, за которого она вышла замуж, смотрели на это совсем иначе. Когда Фар Трейвелер умрет, по закону белых людей она снова окажется в их руках, ведь ей еще нет шестнадцати. Если есть возможность бежать, она сделает это.

Путь Идущих Впереди? Ее сердце забилось сильнее. Рассказывали немало историй об этих древних людях; даже в школе, куда она ходила, знали об их существовании. Отчасти, по крайней мере. Книги подтверждали правдивость старинных рассказов Фара Трейвелера, которые сам он слышал от своей матери. Но о существовании пути Элири не знала ничего.

Черные глаза мерцали на морщинистом лице ее прадеда, похожем на карту холмов и низин его древней земли. Коричневом, как пыль, и все же живом, как сама эта земля.

— Принеси мой мешок.

Она подала ему мешок из дубленой кожи оленя и замерла в ожидании. Он достал оттуда и расправил на постели кусок белой оленьей кожи, выдубленной и выскобленной до полной мягкости. Слегка дрожащая рука поднялась, и Элири, как завороженная, следила за ней взглядом.

— Это... — он прикоснулся пальцами к белому куску кожи, — это наша земля. Иди вдоль реки в горы. На одном из склонов найди сначала пень — все, что осталось от огромного дерева, поваленного молнией. — Элири кивнула; она видела его. — Дальше по пути вверх ищи место, где много лет назад были оползни. Оттуда начинаются уже сами горы. — Она кивнула опять. Их она тоже видела во время охоты. — Оставь реку и дальше иди так, как показано на карте.

Его пальцы замерли на полоске кожи. Он помолчал, переводя дыхание, и во время этой паузы оба услышали звук. И поняли, что он означает.

Фар Трейвелер выругался.

— Она едет, эта приставала. Тебе нужно уходить.

— Я не оставлю тебя умирать в одиночестве. — Элири бросилась к окну. Далеко внизу на дороге крошечный красный автомобиль с трудом одолевал склон. Элири схватила ключ и выбежала во двор. Торопливо заперла ворота и вернулась в дом. — Если мы будем сидеть тихо, она подумает, что нас нет.

Старик еле слышно рассмеялся:

— Только не эта женщина из чужого народа; она вечно сует нос во все щели. Запертые ворота ненадолго спасут нас от нее. Тебе известны их обычаи. Стоит ей увидеть меня таким, и она увезет тебя туда, откуда уже не выбраться. Ты должна бежать, дитя мое. Беги как можно быстрее и дальше, только тогда ты не попадешься ей в руки. Спасти тебя может лишь путь.

Элири вскинула голову:

— Я не оставлю тебя умирать в одиночестве.

— Я не собираюсь умирать в одиночестве, — негромко сказал старик. — Принеси мои лук и нож. И боевую краску, которую я приготовил.

Элири выбежала и вернулась, выполнив его просьбу. Присев на корточки, она не сводила взгляда со старика. На лбу у него выступили крупные капли пота; чувствовалось, каких громадных усилий стоило ему подняться с постели. Элири заметила это, но не произнесла ни слова. Он жил как воин; ясное дело, и умирать ему следовало как воину. Стянув набедренную повязку, он медленно надел штаны из оленьей кожи. Раскрасив лицо, взял в руки оружие, направился к двери и вышел наружу. Поднял взгляд горящих черных глаз на солнце, посмотрел вниз. Красный автомобиль на дороге был уже близко.

Старик негромко запел. Песнь смерти своего народа. Закончив первую часть, он повернулся к Элири и взмахнул рукой. В чистый воздух вознеслась еще одна песнь. Благословение воину на его долгом пути. Благословение Ка-дих и племени. Потом старик в последний раз устремил взгляд на горы и продолжил песнь смерти. Голос его крепчал по мере того, как он перечислял свои подвиги и молился о том, чтобы вечность приняла его как воина. С последним неистовым восклицанием он шагнул вперед.

Элири изумленно открыла рот — казалось, фигуру старика внезапно охватило пламя. Создалось впечатление, что вокруг дома захлопали огромные крылья. Фар Трейвелер безжизненной массой медленно опустился на землю. Вокруг Элири волнами плыло тепло. Оно несло в себе приветствие воину, вернувшемуся домой, и успокаивало ту, которую он оставил после себя. Она смиренно склонила голову. Все хорошо. Прадед, которого она любила всем сердцем, отправился в свой последний поход. Перед Элири тоже лежал долгий путь — путь, ставший его последним даром. Красный автомобиль приближался к последнему повороту дороги пе-

ред их домом. Примерно через десять минут он будет у ворот. Элири вспомнила ненависть своего дяди, побои, презрение к ней как квартеронке. Лучше умереть, чем вернуться туда. Она стиснула зубы и с внезапным приливом силы, который показался бы невозможным тем, кто не знал ее, подняла тело старика и внесла в дом. Мягкими, ласковыми движениями устроила его на постели, положив рядом лук и нож.

Автомобиль смолк, остановившись перед воротами. Послышался голос, ворота затряслись под ударами. Элири сунула карту в сумку, приготовленную для нее стариком. Проверять, что там еще, времени уже не было. Наверняка, он знал, что именно может ей понадобиться. Она поцеловала впалую щеку. Голос снаружи позвал снова, более настойчиво. Элири горько улыбнулась. Фар Трейвелер был прав относительной этой женщины. Она не из тех, кто уходит с пустыми руками.

Стараясь двигаться бесшумно, девушка проскользнула к задней двери и открыла ее. Нехорошо, если в доме один выход, не раз говорил ей прадед. И всегда лучше, если запасной выход не бросается в глаза. Озорная улыбка на мгновение осветила лицо Элири. Она услышала, как задребезжали ворота, когда через них перелезали, потом снова раздался голос, теперь уже громче, ближе. Переднюю дверь она тоже заперла; это еще чуть-чуть задержит настырную женщину. Элири обогнула дом и прошмыгнула к забору, прячась за полуразрушенным сараем. Вынув два железных гвоздя, отогнула одну из досок. Выскользнула наружу и вернула доску в прежнее положение, вставив гвозди на место. Хорошая головоломка для бледнолицей. Послышались звуки бьющегося стекла, голос зазвучал еще ближе, еще настойчивей.

Затем послышались возгласы, вперемежку с которыми женщина выкрикивала имя Элири. Ноги затопали туда и обратно, призывы зазвучали почти неистово. Женщина ей сочувствовала; что же, вполне возможно, у нее и впрямь были добрые намерения. И все же в дом, где ее презирали, Элири не вернется. Теперь она понимала, что неспроста Фар Трейвелер настоял вчера на том, чтобы помочь ей поработать по дому. Не все это время он помогал ей, несколько часов он провел в сарае, запершись от нее. Скорее всего, почувствовав приближение смерти, собирал ту самую сумку, которая теперь была у нее.

Женщина из социальной службы приходила лишь раз в неделю. Во всяком случае, до сих пор, пока им удавалось скрыть от нее растущую слабость Фара Трейвелера. Они надеялись, что у него хватит сил продержаться еще несколько недель, до того дня, когда ей исполнится шестнадцать. Тогда она смогла бы жить самостоятельно в доме, построенном стариком на небольшом клочке оставшейся у него земли. Элири недобро усмехнулась. Ее тетке и дяде мало что достанется. Практически вся земля, когда-то принадлежащая роду Два Пера, была давным-давно продана. Личные вещи, крошечный дом и несколько акров безводной земли — вот все, что осталось. И все же девушка смогла бы здесь выжить. Она умела охотиться, объезжать лошадей, управляться с маленьким огородом. Для тех же, кто не привык вести такой образ жизни, ни дом, ни земля никакой цены не имели.

Спрятавшись за деревом, Элири обшаривала взглядом двор. Появилась женщина и неуклюже побежала от одного ветхого строения к другому. Все ясно. В распоряжении Элири несколько часов — до прибытия поисковиков. А они появятся, в этом можно не сомне-

ваться. Женщина из социальной службы не относилась к разряду тех, кто позволил бы ей уйти с миром.

Девушка повесила сумку на плечо и проверила оружие. Чтобы карта в любой момент находилась под рукой, она прикрепила ее к поясу и стала взбираться вверх по крутому склону. Двигалась уверенно, но не слишком быстро, чтобы беречь дыхание. Надо экономить силы, на случай, если неожиданно понадобится убегать. Да и вообще, судя по карте, путь предстоял неблизкий, и все время по неровной местности. Так что силы ей еще пригодятся. Хотя, если для поисков привлекут вертолет, ее может спасти лишь умение, а не сила или скорость.

Красный автомобиль внизу отправился в обратный путь по горной дороге. Женщина, сидящая за рулем, была настроена не менее решительно, чем Элири. Девчонка, скорее всего, убежала в горы. Ее необходимо найти и увезти в безопасное место. Начальник поступил глупо, позволив ей жить со стариком. Сразу было ясно, что все это добром не кончится. К тому же начальника, что вообще характерно для мужчин, всегда не оказывается на месте, когда что-нибудь случается. Женщина задумчиво покусывала губу: выходит, теперь она за старшего. Он вернется почти через неделю, а к этому времени она найдет беглянку. Все его рассуждения не имеют никакого значения — девчонке еще нет шестнадцати, и тетка никогда не отказывалась взять ее обратно. Женщина, конечно, читала запись в личном деле Элири, где говорилось, как в этой самой семье с ней обращались шесть лет назад. Читала, но предпочла проигнорировать ее.

Ну, наказали девчонку разок-другой. Детям необходима твердая рука. Женщина прибавила скорость,

так велико было желание поскорее добраться до офиса и связаться с теми, кто найдет для нее девчонку. Потребуется, конечно, некоторое время, но она не сомневалась в своей способности убедить представителей власти, что ребенок в опасности. Не беда, если даже придется слегка преувеличить: совсем юная девушка, обезумевшая от горя, одна, в горах. Реальная угроза самоубийства. Если ее не найдут, это может испортить им отчетность. Женщина никогда не пыталась разобраться в собственных чувствах, никогда не понимала, что терпеть не может и девочку, и старика — за их гордость, за то, что они явно не испытывали удовольствия от ее вторжений.

Что-то такое было в осанке девочки, от чего по спине женщины из социальной службы пробегала дрожь. В стране, где смерть поселенцев все еще жива была в памяти, она не слишком подходила для той роли, которую выполняла. В ее семье помнили то же самое, о чем не раз подробно рассказывал дядя Элири — как вырезали их родню. Женщина презирала тех, кто находился под ее попечительством. А то, что и они, в свою очередь, презирали ее, порождало лишь ярость. Она найдет девчонку и поместит ее в приличную, цивилизованную семью. Они выдрессируют эту дикарку.

Высоко над тем местом, где сейчас проезжала женщина, «дикарка» карабкалась по склонам холмов вдоль реки. Пень от старого дерева, не устоявшего перед бурей, остался уже позади и был отчетливо виден в сияющих лучах солнца. Впереди возвышались утесы — следы оползней, первый из которых случился несколько столетий назад. По какой-то причине примерно раз в сто лет в этих местах происходили мощные оползни, и образованные ими холмы громоздились друг на друга. У подножия одного из них Элири остановилась и вни-

мательно огляделась. На ней по-прежнему было то, что она надела, встав поутру. Все старое, даже рваное, ведь она собиралась чистить ржавый водосточный желоб. Имело смысл избавиться от этой одежды, да и передохнуть не мешало.

Она положила сумку подальше от воды, вернулась к оползню и начала карабкаться вверх. Добравшись до вершины, осмотрела мягкую почву под ногами и еле заметно улыбнулась. Фар Трейвелер всегда говорил, что, когда тебя преследуют, хитрость важнее скорости. Немного спустя перед Элири возник свежий холмик, из-под которого торчал край ее рубашки. Если, заметив его, преследователи начнут тут копать, то обнаружат в земле все остальное. Покончив с этим, она заскользила по склону вниз и, подхватив сумку, вошла в реку. Пусть-ка поищут след в воде; она знала, где лучше всего выйти на берег, чтобы невозможно было найти ее по запаху. Она торопилась; вода была ледяная.

Она шла все дальше и дальше, а спустя некоторое время остановилась, чтобы подкрепиться припасами, которые обнаружились в сумке. Покончив с едой, она с интересом исследовала остальное содержимое сумки. Одежда, полная коробочка нержавеющих стальных иголок всех размеров, нитки, рыболовные крючки — всего и не перечесть. Сумка была вместительная, удобная, при необходимости в нее можно было набить припасов весом не меньше чем в сотню фунтов — если, конечно, тот, кто собирался ее нести, в состоянии был тащить такой груз. Сейчас сумка выглядела пустой, и девушка взяла ее в руки, чтобы уложить все обратно. Странно, по весу сумка пустой не казалась. Элири порылась в ней, вывернула, поискала под подкладкой и, в конце концов, обнаружила кожаный пояс. На нем был искусно вырезан ряд бегущих коней, а костяную пряжку украшала гравировка в виде

крошечных скакунов, глаза которых представляли собой инкрустацию из черного янтаря. Теперь понятно, почему пустая сумка казалась такой тяжелой. Очарованная искусной работой, Элири перевернула пояс и внимательно изучила его внутреннюю сторону.

Изнутри пояс был зашнурован длинным сухожилием. Она частично вытащила его, отогнула перекрывающиеся края. И замерла, пораженная. Неужели Фар Трейвелер давно уже знал, что умрет раньше, чем она окажется в безопасности, и ей придется бежать? Внутри пояса было спрятано целое состояние. Золото, которое он годами намывал в этой самой реке, расплавленное и отлитое в виде тонких круглых пластинок. Работая на других, невозможно было накопить столько, даже если трудиться без выходных на очень хорошей работе и получать вполне приличную зарплату.

Недельный заработок рабочего не составлял и пятой части стоимости любой из этих пластинок. Сколько же сил, времени и терпения пришлось затратить ее прадедушке, чтобы собрать золото по крупице и переплавить его вот в это?

Она подняла сумку и, покачав ее на руке, почувствовала, что там есть что-то еще. Снова полезла под подкладку и скоро отыскала маленький кожаный мешочек. Открыла его и высыпала содержимое на ладонь. В лучах солнца заиграли драгоценные камни; одни вспыхнули пурпурным огнем, другие мягко отливали голубым и янтарным цветами. Ка-дих, но старик, должно быть, собирал все это очень и очень долго! Поблизости в горах находили аметист, но кусочки его обычно бывали с трещинами. Эти — нет. Небольшие, но превосходного, чистейшего цвета. Самоцветы, подобных которым Элири еще никогда не видела. И стоили они, конечно же, уйму денег.

Голубых камней было немного — она насчитала пять,— но какие они были красивые! Скорее всего, это сапфиры. Где же Фар Трейвелер отыскал их? В здешних горах таких камней не встречалось. Были тут и два кусочка янтаря, внутри которых виднелись зерна незнакомых Элири растений.

Она с любопытством поскребла один из них ногтем. Пальцу, казалось, передалось тепло янтаря, и, к ее удивлению, камень начал светиться. Возможно, прадед знал больше, чем говорил, о том пути, которым ей предстояло пройти. У Элири возникло ощущение, что аметисты предназначались для торговли — и золото тоже,— но янтарь явно для чего-то другого. Без какого-либо определенного умысла, движимая всего лишь смутным, неясным даже для нее самой чувством, Элири рассовала кусочки янтаря по разным карманам джинсов. Потом тщательно упаковала вещи и встала. К этому времени женщина из социальной службы, должно быть, уже добралась до города. Охота скоро начнется.

В этом Элири не ошиблась, но лишь отчасти. Законникам не слишком понравилась идея втягиваться в это дело. Когда они наконец согласились послать своих поисковиков, уже близились сумерки. Охоту отложили до утра, и Элири, таким образом, выгадала время. Она использовала его с толком, ровным шагом двигаясь в нужном направлении и время от времени сверяясь с картой. Шла, пока не стемнело, а потом остановилась на ночевку. Откатила наполовину ушедший в землю камень и разожгла костер в образовавшейся полости. Поела, попила и внимательно осмотрела свой крошечный лагерь. Собранных дров хватит, чтобы поддерживать огонь до рассвета. Когда она уляжется, скала позади будет отражать тепло костра, а сплетенная из травы циновка не даст теплу рассеяться.

Поднявшись с первыми лучами солнца, Элири поела и выпила горячего чая. Поставила камень на место, накрыв им золу от костра, а чтобы никакой даже самый чувствительный нос не учуял ее запаха, натерла камень пахучими листьями.

Спустилась к ручью, разделась и вымылась. Упаковала джинсы и все остальное, что было на ней вчера, переоделась в рубашку и штаны из оленьей кожи. Надела резной пояс с тайником, передвинула пряжку так, чтобы та оказалась впереди, и повесила на пояс нож в ножнах с бахромой. Лук и колчан свисали с того же плеча, что и сумка, при необходимости она могла дотянуться до них мгновенно.

Потом Элири долго и упорно изучала карту. Местность дальше была ей незнакома. Охотясь, девушка иногда забредала очень далеко, но именно в этом направлении ни разу. Теперь ей придется полагаться лишь на карту и собственное чутье. Еле заметная оленья тропа неподалеку вела в нужном направлении и могла облегчить ей путь — на время, по крайней мере. Когда взошло солнце, Элири уже ровным шагом двигалась по ней. Вскоре она сделала остановку, немного попила и, чуть передохнув, двинулась дальше. К середине дня она уже заметно углубилась в горы и шла по тропе, тянувшейся по краю крутого обрыва над каньонами, расположенными глубоко внизу.

Интересно, что делает сейчас женщина из социальной службы, подумала Элири. И тут же решительно отбросила эти мысли. Глупо позволять страху завладеть тобой, так всегда говорил Фар Трейвелер. Это ослабляет преследуемого и увеличивает шансы преследователей. Она — дитя этой земли; земля не согласится отдать ее так легко. Она — воин и не сдастся без борьбы.

Далеко внизу мужчины торопливо раскапывали маленький свежий холмик. Они провозились там целый день — нужно было убедиться, что тело девочки не лежит под грузом земли. Однако ярость и решимость преследовательницы лишь возросли, когда она поняла, что ее обманули. Женщина вела машину вниз по дороге; в глазах ее светилась холодная злость. Ничего, завтра утром ей обещали дать вертолет.

Еще одна ночь, еще один лагерь, и снова Элири крепко спала, а с рассветом уже шагала в направлении, указанном на карте. Теперь место, обозначенное как конечная точка путешествия, находилось совсем рядом — если, конечно, она правильно прочла карту,— и сердце Элири разрывалось. Покинуть свою страну, место, где она выросла. Никогда больше не стоять рядом с Фаром Трейвелером... Об этом уж и вовсе было глупо печалиться. Останется она или уйдет, ни прадеда, ни дома у нее больше нет.

День разгорался, и она торопливо шагала вперед. К этому времени, надо думать, те, кто охотился за ней, уже поняли, что холм — всего лишь хитрая уловка. Никому не понравится, если молоденькая девчонка оставляет тебя в дураках. Но гораздо важнее другое — удалось ли ей таким образом выиграть еще один день?

Где-то в полдень над головой послышалось гудение вертолета. Элири тут же нырнула в расщелину и вытянулась вдоль нее. Одежда из оленьей кожи по цвету хорошо сливалась с сухой коричневой землей. Вертолет снова и снова устремлялся вниз. Элири не двигалась, уткнув лицо в пыль,— когда-то Фар Трейвелер советовал ей в подобных случаях поступать именно так.

Много лет назад он участвовал в войне белых людей. С самолета тогда можно было заметить его тень на обращенном вверх лице человека. Преследователи будут ле-

теть низко, надеясь, что это испугает ее и заставит бежать сломя голову. Все время, пока вертолет кружил у нее над головой, Элири лежала лицом вниз. Потом стрекот удалился на восток. Только тогда она вскочила и легко побежала по тропе под укрытие кустарника впереди. Дальше она шла с предельной осторожностью, одним ухом все время прислушиваясь к тому, что происходит в небе. Еще дважды вертолет проносился над головой. Элири сердито выругалась. Как они догадались, что она пошла именно в этом направлении? Что навело их на мысль искать ее в этой части гор?

Откуда Элири было знать, что преследующая ее женщина обратилась за помощью к одному из владельцев ранчо, который держал собак? То место, где девушка вышла из реки, они обнаружили не сразу, но, в конце концов, справились с этой задачей. Теперь человек с собаками уверенно и быстро догонял ее, вертолет летел впереди. Дважды — там, где это было возможно — машина садилась, поднимала в воздух человека с собаками и пролетала над каменистой местностью, чтобы сэкономить время.

Они уже близко, думала Элири. Каким-то образом им удавалось двигаться быстрее нее. Она остановилась в укрытии и еще раз внимательно изучила карту. Вот! Совсем неподалеку должна быть скала, около которой дорога разветвлялась. От нее следовало двигаться вправо. Если эта скала еще стояла, если дорога еще существовала. К этому моменту девушка пришла к выводу, что карта старая, очень и очень старая. За прошедшие годы ландшафт сильно изменился. Но что она могла сделать? Только спешить и молиться о том, чтобы эти изменения не помешали ей узнать местность.

По крайней мере, скала никуда не делась. Это была та самая скала, по форме смутно напоминавшая ястре-

ба. Никаких признаков дороги не было, но, когда Элири свернула направо, земля под ногами показалась ей твердой и утоптанной. Впереди уходили в небо величественные горные пики, и Элири устремилась к ним, молясь о том, чтобы выбранное направление оказалось верным.

И тут до нее донесся собачий лай. Вертолет над головой появлялся все чаще, поэтому теперь она продвигалась вперед лишь короткими перебежками и сразу же ныряла в какое-нибудь укрытие, пережидая, пока вертолет улетит. Однако вскоре низина, по которой она шла, привела ее к следующему знаку, помеченному на карте, входу в пещеру. Девушка быстро миновала его и на мгновение остановилась в тени, прислушиваясь. Собаки, похоже, находились на расстоянии какого-нибудь часа пути от нее. И даже меньше, если считать по прямой, но в горах по прямой могли летать только вороны. Вскоре стало темнеть, и наблюдатель над головой улетел.

В отчаянии Элири внимательно разглядывала карту. До цели оставалось всего лишь несколько миль. Она опустилась на землю — плечи болели, ноги налились свинцовой тяжестью. Хотелось есть. Ей необходимы отдых, еда и... надежда на чудо. Она немного поела, попила и легла, завернувшись в мягкое шерстяное одеяло ручной вязки, которое достала из сумки.

После двух часов крепкого сна что-то заставило ее вздрогнуть и проснуться. Элири села и огляделась. Хотя последние дни были солнечные, с наступлением сумерек небо затягивали облака. Сейчас над головой сияли звезды.

На мгновение она склонила голову. Боги были добры к своей дочери. Не придется пробираться во мраке — луна освещала путь, которым ей предстоя-

ло идти. Торопиться не следует — мало ли кто или что может таиться в тени? — но, главное, лунный свет давал возможность идти. И она воспользуется этой возможностью.

Элири, все еще ощущая усталость, повесила сумку на плечо и медленно, с трудом, побрела по сравнительно ровной местности, лежащей перед ней. Она шла правильно — по крайней мере, так утверждала карта. Если удастся оторваться от преследователей, может быть, она и доберется до убежища прежде, чем ее схватят. Девушка понятия не имела, что именно ждет ее в конце пути. Знала лишь, что Фар Трейвелер был уверен — добравшись туда, она окажется в безопасности.

Она шла, пока луна не закатилась, оставив в небе лишь слабое мерцание. Постояв немного, Элири снова двинулась в путь, теперь уже с удвоенной осторожностью. Приходилось принуждать себя не останавливаться, потому что сил почти не было. Хотя это уже не имело значения. Она доберется до убежища и отдохнет — или ее поймают. В любом случае нарастающая усталось не в счет. Стиснув зубы, девушка беспощадно гнала себя вперед.

В бутылке у пояса воды было еще достаточно. Сдерживая себя, Элири пила маленькими глотками. Она в последний раз достала карту — да, здесь. Ее путь почти окончен. Чувствуя себя совершенно разбитой, она недоуменно смотрела на то, что открылось ее взору. На глазах выступили слезы. Это... Это и было то убежище, куда она так стремилась?

Тропа просто обрывалась на краю утеса. Над обрывом, подобно стражам, возвышались две огромные скалы. Когда-то рядом стояла и третья, но потом она, по-видимому, обрушилась, образовав нечто вроде

перемычки между двумя первыми. Все в целом очень походило на дверь, ведущую в пустоту.

Струйка воды сочилась по камням утеса, превращаясь в крошечный ручеек рядом с тем местом, где стояла Элири. Действуя совершенно неосознанно, точно во сне, она прополоскала бутылку, наполнила ее водой и повесила на пояс. На нее нахлынуло чувство обреченности. Это был конец — она выиграла гонку, добралась до желанного убежища, но... ради чего? Ради того, чтобы погибнуть тут? Далеко внизу ревела река. В довершение всего позади из-за гребня горы вынырнул и устремился вниз вертолет. Он пронесся почти над головой, так что можно было даже разглядеть торжествующее лицо преследовательницы, обращенное к Элири.

И тут в ней неудержимой волной поднялась ярость воина. Когда-то хозяином этой земли был ее народ. Немунух, люди неукротимого воинского духа. Неужели сейчас она, точно крыса, угодит в ловушку — она, дитя древнего рода, дочь тех, кто приручал диких коней и, как ветер, носился по этим равнинам? Не может быть, чтобы Фар Трейвелер послал ее сюда умирать. Тут, скорее всего, была замешана какая-то магия, путь силы. Она доверится силе. Почти не отдавая себе в этом отчета, Элири расправила плечи, подтянулась и, точно спринтер, с силой рванулась вперед. Сумка подпрыгивала, хлопая по боку. На лице женщины, которая сидела в парящей машине, выражение триумфа сменилось ужасом. Она дико завопила:

— Остановите, остановите ее!

Добежав до скал-стражей, Элири не остановилась. Продолжая мчаться вперед из последних сил, она пронеслась между ними и... Ощущение холода, яркая вспышка света... И она все еще бежала, но уже по зеленой, высокой, до щиколоток, траве. Остановилась,

изумленно оглядываясь. И тут ноги у нее подкосились, и девушка рухнула в мягкую траву. Позади не было ни скал, ни гор — разве что далеко, на расстоянии. В свежем воздухе звенели птичьи голоса, и ощущался запах множества растений.

Элири молча склонила голову. Она не ошиблась, доверившись силе. Теперь после небольшого отдыха можно отправляться в путь к далеким горам. Испытывая глубокое чувство удовлетворения, она напилась и поела, в душе благодаря Идущих Впереди за милость — и за путь.

Вертолет покружил над горами и повернул к городу. Сидящая в нем женщина из социальной службы пыталась как-то оправдаться в собственных глазах. Она оказалась права, девочкой и в самом деле владели суицидные настроения. А значит, попытка догнать ее была полностью оправдана. Без сомнения, тело найдут, когда река отнесет его вниз по течению. А если даже и нет... Ну, это не имело особого значения. Полно других дел, других людей, находящихся под ее попечительством.

Мужчина, который летел вместе с ней, за всю дорогу не произнес ни слова. Он знал, что именно видел, но знал также, что лучше об этом помалкивать. И все же до конца своих дней он сохранит воспоминание о поросшей зеленой травой земле, на мгновение мелькнувшей перед ним. Что это было? Вопрос, который он будет задавать себе снова и снова — столько, сколько продлится его жизнь. И всю оставшуюся жизнь он будет испытывать ощущение, что в этом месте что-то было — что-то такое, что звало, притягивало к себе.

Однако об этом он не расскажет никому. Если девочка и в самом деле сбежала, ему-то какое дело? Удачи ей.

2

Когда Элири проснулась, где-то совсем неподалеку пела птица. Глаза девушки обшаривали эту новую для нее землю. Существовала легенда, что дороги назад не было, что никто из Идущих Впереди, прошедший этим путем, никогда не возвращался обратно. Она пожала плечами. Прыгая в пустоту, она с таким же успехом могла погибнуть, как и оказаться здесь. По крайней мере, тут не было социальной службы, и теперь дядя и тетя не доберутся до нее. Конечно, нужно проявлять осторожность. Кто знает? То, что ее ожидает здесь, может оказаться гораздо хуже того, от чего она сбежала. Элири сложила одеяло и собрала сумку, оставив лишь немного еды. Ей не терпелось отправиться в путь, а поесть можно будет и по дороге.

Неясно вырисовывающиеся вдали горы манили к себе. До их подножья, по ее подсчетам, нужно было пройти не меньше двадцати миль. Она обогнет их и двинется дальше на восток; что-то такое было в этом направлении, что-то такое, что притягивало ее к себе. Она бодро шагала вперед, навострив глаза и уши. Никаких признаков жизни. Это выглядело странно: такая плодородная, такая изобильная земля — и ни людей, ни строений. Может быть, именно по таким равнинам когда-то скакали ее предки? Или же здесь обитают племена, которым может не понравиться ее появление?

Когда солнце поднялось высоко, Элири остановилась и перекусила, а потом двинулась дальше. Вскоре справа, в стороне от нее, сквозь жаркую дымку нагретого воздуха проступили контуры строений. Она сменила направление и пошла медленнее. Не слышно было ни звука. Люди, которые занимаются повседневными

делами, всегда производят шум, но здесь стояла полная тишина. Девушка осторожно, неторопливо обошла большую группу строений; находясь в незнакомом месте, разумнее постоянно быть начеку. Но чем ближе она подходила, тем яснее становилось, что дома покинуты. В некоторых местах кровля провалилась вовнутрь; в других были явные признаки бушевавшего когда-то пожара. Наконец она решилась подойти к одной из распахнутых настежь дверей.

Точно тень, она проскользнула внутрь, напряженно шаря взглядом по сторонам. По коже побежали мурашки. Что-то скверное произошло здесь и, кажется, не так уж давно. В помещении стоял запах гари. Прикоснувшись к темному пятну на стене, Элири внимательно рассмотрела сажу, потерла ее между пальцами и понюхала. Что бы тут ни случилось, с тех пор прошло меньше года.

Ее трепещущие ноздри уловили прогорклый запах, принесенный легким порывом ветра. Запах был ей знаком. Зловоние плоти, присохшей к мертвым костям. Вздрогнув, Элири быстро двинулась в этом направлении. Лучше выяснить до конца, что именно здесь произошло.

Нюх привел ее к покрытой сажей лестнице. Девушка поднималась, внимательно глядя под ноги. Сейчас не время ломать себе кости.

Добравшись до самой большой комнаты наверху, она обнаружила источник зловония и с трудом сдержала крик ужаса. Прежде это была семья, теперь — просто кости с лоскутьями плоти и клочьями когда-то явно хорошей одежды. Судя по виду и расположению останков, это были родители и трое маленьких детей. Подумать только! Тот, кто расправился с ними, не помиловал даже детей.

Теперь она могла точнее судить о том, как давно все это произошло. Возможно, полгода, но наверняка больше четырех—пяти месяцев назад. Что это, обычное в этой стране явление или последствия войны? Элири пошла по комнатам, в каждой обнаруживая убитых или признаки того, что захватчики что-то искали. Похоже, прежде тут жили зажиточные люди — обитатели дома были хорошо одеты, дом неплохо обустроен, в нем имелось больше дюжины слуг и работников.

Потом Элири обошла двор. Все погибли, и слуги, и хозяева; однако костей животных не было. Не обнаружила она и ничего ценного, по крайней мере на первый, поверхностный взгляд. Нападавшие обчистили это место дочиста, и по некоторым признакам можно было предположить, что это произошло еще до того, как тела окоченели.

У Элири возникло сильнейшее желание убраться отсюда как можно быстрее. Может быть, те, кто все это совершил, находятся неподалеку? Кто знает, что произойдет, попадись она им в руки? Сумка била ее по боку, когда девушка выскочила из дома с проломленной кровлей. Она продолжала идти даже в сумерках и сделала привал лишь с наступлением темноты. Огня не разжигала; лучше замерзнуть ночью, чем подвергнуться нападению.

С рассветом она уже снова была в пути. Местность постепенно начала меняться. Сначала попадались лишь отдельные группы кустарников, но со временем их становилось все больше. Теперь они полностью покрывали склоны выраставших впереди холмов. Среди них заметно выделялись группы высоких деревьев — точно острова в море кустарников и травы. Это было какое-никакое укрытие, и Элири почувствовала себя спокойнее.

В середине дня в тени деревьев она нашла небольшой ручей. Вымылась, развела огонь и уселась, чтобы поесть. Потом проверила свои запасы. Оставалось довольно много чая, молочного порошка и соли, но большая часть основных продуктов закончилась. Выход один — охота; значит, нужно подыскать место, где можно расположиться лагерем на более долгий срок. Прокоптить мясо, набрать зелени. И еще неплохо бы найти коня.

Мысль о коне заставила Элири вздохнуть; вся ее жизнь была связана с этими животными. Конечно, кроме того времени, когда она жила с дядей и тетей,— они не позволили ей иметь коня. Конь, конь, полцарства за коня! Она негромко рассмеялась. Не было у нее ни царства, ни полцарства, но если бы были, она в самом деле с легкостью отдала бы все это за доброго коня.

Спустя неделю Элири все еще шла вдоль подножия гор, которые по кривой уходили на восток, именно в том направлении, куда она наметила себе путь. Внимательно осматривала усадьбы, которые время от времени попадались на пути. Результат настораживал. Все лежало в руинах, но не было хотя бы двух мест, разрушенных одновременно. Этому могло быть два объяснения: либо войны на этой земле случались очень часто, либо откуда-то извне налетали беспощадные бандитские шайки, вырезавшие всех поголовно.

В одном из домов Элири обнаружила доказательства того, что нападавшие играли с женщинами в те же самые игры, что и в покинутом ею мире. Попади она к ним в руки, исход, скорее всего, оказался бы фатальным. В особенности, если учесть, что они, наверняка говорили на другом языке, и это лишало ее возможности хоть как-то объясниться с ними. Она непро-

извольно дотронулась до лука. Так просто ее не возьмут. А тот, кто попытается, дорого заплатит за это.

Она уже далеко продвинулась на восток. Сильный ветер приносил с собой запах моря. Элири взобралась на небольшой холм, чтобы как следует принюхаться к ветру. Соленый запах сулил возможность наловить рыбы, развести костер из плавника и набрать соли, запас которой подходил к концу. И уже на следующий день эта надежда сбылась. Элири стояла на берегу и спрашивала себя: кто ходил по этим бескрайним водным просторам, на каких кораблях? Ей всегда была присуща независимость, и все же одно дело — проявлять это качество, имея в тылу родителей или прадеда, и совсем другое, когда ты полностью одна. Это не пугало ее, но она соскучилась по общению. Конь, в сотый раз с тоской подумала Элири. Конь — как было бы замечательно...

Эта мысль заставила девушку рассмеяться. Наверно, именно такое чувство испытывали ее далекие предки, глядя на распростертые перед ними бескрайние равнины. От одного источника воды до другого было далеко, а они могли передвигаться только на собственных ногах. Здесь с водой проблем не было, но она шла так медленно — точно муравей, ползущий по поверхности земли. С конем ей было бы легче охотиться, она могла бы передвигаться быстрее и успешнее скрываться от опасности. А еще можно было бы разговаривать с конем, заботиться о нем, радоваться тому, что она не одна, что у нее есть друг.

Девушка задумчиво глядела вперед, туда, где горы, казалось, спускались к самому побережью. Что, если они помешают ей продолжить путь в северо-восточном направлении? По непонятной причине что-то, находящееся там, по-прежнему сильно притягивало ее к себе.

Элири пожала плечами. Что же, выше головы не прыгнешь. Все, что она может сделать, это продвинуться как можно дальше в выбранном направлении. Углубляться в горы ей не хотелось. Они выглядели как-то... странно. Точно совсем недавно вся земля там была вывернута наружу неведомой силой, хотя вряд ли такое было возможно на самом деле.

Продолжая идти берегом моря, Элири ничуть не удивилась, увидев впереди впадающую в него реку. Реки, по самой природе своей, текут к морю. Эта мысль заставила ее вздрогнуть. Ведь люди, по самой природе своей, селятся там, где есть пресная вода. Соблюдая сверхосторожность, она свернула и пошла вдоль реки в направлении ее верховьев. Может быть, там, в каком-нибудь укромном, защищенном от опасностей месте, ей удастся найти тех, кто еще жив? С каждым шагом она поднималась все выше в горы, и это, в общем-то, несмотря на их странный вид, было ей приятно. Может быть, по крови она и принадлежала к обитателям равнин, но родилась в горах и только среди них в полной мере чувствовала себя как дома.

На другой день, продолжая двигаться берегом, она вдруг замерла на ходу, увидев нечто необыкновенное. У самых ее ног отчетливо виднелись следы копытных животных. Три коня, и груз они несли явно тяжелый; никаких сомнений, тут проехали верховые. Итак, три человека. Скорее всего, крупные и сильные. Первые признаки живых людей за все эти долгие дни. Может быть, странники или торговцы, направляющиеся в какое-нибудь селение в верховьях реки. Однако интуиция необъяснимым образом подсказывала Элири, что их целью была не торговля. Она вскинула сумку на плечо и припустила по следам, чутким ухом ловя любые посторонние звуки. И вскоре услышала их — сначала

вопль, а вслед за тем грубые беспорядочные крики. Негромко заржала лошадь, и Элири рванулась вперед. Приблизившись, она спряталась за скалой и взглянула вниз, на разворачивающуюся под ней картину.

Там, в неглубокой ложбине, прилепилась к скале небольшая усадьба, а рядом с ней виднелось крошечное пятно зелени. Вдоль одной стены главного строения росли кусты, усыпанные яркими плодами. По другой ползла вверх цветущая виноградная лоза. Однако третья стена была частично разрушена, а кровля закопчена. Насилие явно проникло и сюда. Может быть, эти люди вернулись, чтобы привести свое жилище в порядок?

Прямо под тем местом, где пряталась Элири, на земле лежал мужчина, а рядом с ним щипала траву равнодушная ко всему остальному, покрытая пылью лошадь. Взгляд девушки переместился туда, где в рассеянном солнечном свете посверкивали мечи; там пеший мужчина в одиночку сражался с двумя всадниками. Внезапно он пошатнулся и упал.

Все это происходило на расстоянии меньше ста ярдов от того места, откуда смотрела Элири. Топча поверженного человека, всадники развернули коней. На лицах обоих отчетливо проступало выражение кровожадности и жестокости. Внезапно мужчина, лежавший в пыли, поднялся, пошатываясь, кровь струилась по его лицу и безвольно повисшей руке. Несмотря на раны, он снова бесстрашно взмахнул мечом.

Ка-дих, ведь это же настоящий воин! Элири не раздумывала ни секунды. Народ, к которому она принадлежала, всегда ценил мужество превыше других достоинств. Схватив сухой прут, она с громким треском сломала его. Оба всадника среагировали мгновенно. Они разъехались, повернувшись в разные стороны, чтобы лицом к лицу встретить опасность, откуда бы она ни

исходила. Опытные, решила про себя девушка. Но, похоже, другого оружия, кроме мечей, у них не было. Ни ружей, ни даже луков. В улыбке Элири таилась угроза, когда она зашуршала кустами вокруг себя, стараясь создать впечатление, что в страхе бросилась наутек.

Как все хищники, они не могли не среагировать на убегающую добычу и, развернув коней, ринулись в погоню. Рванулись вперед, явно не сомневаясь в том, что нет силы, способной помешать им догнать убегающего. Но Элири и не думала бежать. Вместо этого она просто отошла в сторону, и всадники в нескольких ярдах перед ней промчались по направлению к кустам. Лук дважды пропел нежную песнь смерти, оба с воплями упали. Первый больше не шевелился, второй попытался встать на ноги, но снова упал. Чувствовалось, что он сильно ранен, но все еще жив.

И тут в поле зрения показался человек, с которым прежде сражались всадники. Девушка, теперь уже не прячась, прыгнула вперед, с ножом в руке, готовая в любой момент отвлечь на себя внимание уцелевшего бандита. Однако делать этого не пришлось. Тот, кому она пришла на помощь, с криком прыгнул, взмахнул мечом, и последний из нападавших рухнул замертво. Человек с мечом оглянулся, и Элири с трудом сдержалась, чтобы не вскрикнуть от изумления, только сейчас в первый раз отчетливо разглядев его лицо. Он был очень похож на Фара Трейвелера. Старый, с лицом, покрытым морщинами, этими неизбежными следами возраста и долгой жизни. И глаза у него были такие же серые, как у нее, а седые волосы — когда-то черными. Или, по крайней мере, такое сложилось у Элири впечатление. Покачиваясь, он удивленно посмотрел на девушку, а потом меч выпал из его дрожащей руки.

Прежде чем она успела двинуться с места, он рухнул на землю. Ничего с ним не случится, если и полежит несколько минут. Прежде нужно привязать коней, пока они не убежали. Элири бросила сумку и поспешила к коням. Догнала одного, легко вспрыгнула в седло, рысью поскакала к остальным и, только привязав их, оглянулась по сторонам. Довольная улыбка заиграла на ее лице. Неплохо, совсем неплохо: три коня, упряжь, мешки, постели, седельные сумки, явно не пустые, оружие и, возможно, даже еда. Элири поскакала туда, где лежал человек с мечом.

Соскочив с коня, она внимательно его осмотрела. Сами по себе раны выглядели не слишком серьезными. Скорее всего, он просто ослабел от потери крови. Девушка перевязала ему голову и, чтобы заняться рукой, разорвала рубашку по шву. Под ней обнаружились когда-то явно могучие мышцы. Ну и ну! Этот человек и впрямь был воином. Воспоминание о сцене, которая заставила ее вмешаться в схватку, лишь усилило это впечатление. Он и сейчас еще оставался воином, хотя и был немолод. Несмотря на свой возраст, он оказался достойным противником, чего бандиты явно не ожидали. Сражаясь против троих, он убил одного, и только после этого они взяли над ним перевес. Будет только справедливо, если конь убитого и все, что было при нем, получит этот храбрый человек. Настоящий воин. Ей и так досталось вдвое больше, чем нужно.

Но как ей затащить его в дом? Может быть, сделать носилки? С ножом в руке Элири сноровисто занялась их изготовлением, и вскоре раненый уже лежал во дворе полуразрушенного дома. Потом она отвязала лошадь и, используя ее как тягловую силу, протащила носилки сквозь дверь. Передохнув несколько минут, она обыскала сумки бандитов. Достала из одной скатанную

постель и завернула в нее раненого. Постель была грязная и, скорее всего, кишела паразитами, но, по крайней мере, теперь он не замерзнет. Это важнее, чем блохи и вонь.

Когда кровотечение прекратилось, Элири развела небольшой костер, промыла раны кипяченой водой и посыпала антибиотиком. Насколько ей было известно, в примитивных обществах люди чаще всего умирали именно от инфекции. В сумках бандитов действительно нашлась и еда. Копченое мясо, отвратительное на вкус, заплесневелый сыр, несвежая вода. Ка-дих, если бы эти разбойники не погибли от ее руки, то наверняка вскоре их доконала бы собственная еда. Элири сварила суп из своих припасов, а в качестве десерта — и полуосознанной награды — съела сыр, с которого соскоблила плесень.

Потом она покормила раненого. Как только с этим было покончено, он тут же обмяк и спустя мгновенье уже спал снова. Элири поднялась. Следовало позаботиться о лошадях. И неплохо бы все тут обследовать, пока светло. Находясь рядом с животными, поглаживая их, разговаривая с ними, она позволила себе расслабиться. И тут же на глазах выступили слезы. Ей не раз приходил в голову вопрос: на что это похоже — убивать? Теперь она знала ответ. Такое чувство... Элири замерла, попытавшись проанализировать собственные ощущения. Она убила не ради того, чтобы выжить. Ничто не мешало ей уйти и оставить старика умирать. И все же она предпочла вмешаться в неравный бой.

Ее не мучило чувство вины; нападающие были убийцами, они втроем набросились на человека, который по возрасту мог бы приходиться им дедом. Тогда откуда слезы? Ведь ясно, что она поступила правильно. Наверно, это чувство облегчения, решила Элири, которое

обычно приходит после того, как спадает напряжение. Напряжение, вызванное не столько участием в схватке, сколько предшествующими долгими неделями полного одиночества. Просто рядом с этим старым человеком она вновь почувствовала себя ребенком. И слезы вовсе не говорят о слабости, решила она.

Вытерев слезы и надежно привязав лошадей, Элири вернулась в главный дом усадьбы. Здесь все было чуть-чуть не так, как в тех домах, которые ей уже приходилось видеть. Пусто, никаких вещей. Ни полусгнивших занавесок, ни одежды в сундуках. Но и костей она тоже не обнаружила. Возможно, все дело в удаленности от других мест, изолированности этого затерянного в горах жилища, благодаря чему при возникновении угрозы обитатели успели покинуть усадьбу и унести с собой все ценное. Признаки обитания были заметны только в одной из комнат второго этажа, в той, над которой уцелела крыша. Судя по всему, именно тут жил старик, причем на протяжении довольно долгого времени.

Элири вышла наружу и прежде всего обратила внимание на ягодные кусты. Сорвала ягоду, попробовала. Немного терпкая, но сочная и освежающая. Девушка нашла в доме горшок и наполнила его ягодами. Съела горсть, а остальное оставила на потом. Достала еще одеял и накрыла лежащего у огня старика. Прикоснулась пальцами к его лбу. Жара не было. Хорошо. Она тщательно сгребла угли и положила на них большое полено, которое будет медленно тлеть, а рядом — груду веток, чтобы поддерживать огонь, если он начнет угасать.

Спала Элири в конюшне, зарывшись в кучу рыхлого сена у самой двери. Кто знает, может, поблизости шныряли еще бандиты? Ей вовсе не улыбалось выпутываться из одеяла, если они вдруг появятся. Навален-

ное сверху сено обеспечивало тепло и укрытие, а на холодный каменный пол она постелила одеяло.

Девушка спала чутко, но ночь прошла спокойно. Поднявшись, как обычно, на рассвете, Элири сразу же заторопилась в дом. На протяжении ночи ее подопечный просыпался, по крайней мере, один раз — горшок с ягодами опустел. Она взяла горшок и вышла наружу. Светило солнце, и было очень приятно не спеша идти вдоль кустов, собирая ягоды.

Когда она вернулась в дом, старик уже пришел в себя. Не сводя с девушки взгляда, он произнес несколько слов, медленно и, судя по интонации, с оттенком вопроса.

Элири покачала головой:

— Я не говорю на этом языке. Но я овладею им, если ты будешь учить меня.

Сказав это, она замерла в ожидании.

С выражением удивления на лице старик заговорил снова, причем, как показалось Элири, уже на другом языке. К сожалению, и этот был ей незнаком. Она снова покачала головой. Третья попытка,— тоже неудачная. Теперь на лице старика было написано откровенное недоумение. Потом его руки задвигались. Он потянулся к горшку, слегка постучал по нему и одновременно произнес слово. Девушка усмехнулась и старательно повторила его. Он поправил ее и продолжил дальше в том же духе.

Спустя неделю Элири уже могла составлять простые фразы на языке старика. Ее новый друг чувствовал себя все лучше и даже стал немного помогать ей в работе по дому. Дважды Элири отправлялась на охоту, и теперь в дыму очага коптилось мясо.

Постепенно, по мере того как рос ее словарный запас, она знакомилась с историей этой страны. Когда-то

Карстен был хотя и редко населенным, но изобильным и мирным. Потом пришли захватчики и сумели убедить правящего герцога в том, что необходимо уничтожить часть жителей, принадлежащих, как поняла Элири, к некоему определенному типу. И Трубач, как прозвали герцога, пошел на это. Его трубный призыв прозвучал три раза, ввергнув страну в хаос и разрушение.

Кинан — так звали старика — был немолод уже тогда. Но, несмотря на это, когда прибежал сосед и предупредил, что надвигается беда, именно Кинан собрал своих родных и вместе с ними сбежал в соседний Эсткарп. Те, кому удалось выжить, рассеялись по этой стране. Оплакивая погибших, старый воин вернулся обратно, нашел тех, кому еще не удалось сбежать, и вместе с ними снова отправился в Эсткарп, к дальним родственникам, которые владели там землей. Но это была не его земля, и не его дом. Он почти уже решил вернуться на родину, когда... Элири не была уверена, что правильно поняла это место рассказа. Кинан сказал, будто колдуньи сделали что-то с горами, чтобы заманить туда и погубить армию Карстена. Услышав такое, девушка затрепетала. Все это было очень похоже на обычные суеверные слухи, а в школе ее учили, что суеверие — враг человека. Но горы выглядели так странно... Их вид вызывал страх — как и мысль о том, что вдруг рассказ старика больше, чем суеверие.

Недели сливались в месяцы, надвигалась зима, а Элири оставалась со стариком. Очень много времени они тратили на заготовку провизии. Большой ларь в сарае был полон зерна, верх конюшни заполнен сеном. В кладовой хранились ягоды, яблоки и другие фрукты, висело сушеное и копченое мясо.

Найдя у реки глину, Элири сделала миски и обожгла их на огне. И не только миски, но и разного размера

горшки для приготовления и хранения еды. Она тщательно выстирала все постельные принадлежности и как следует набила матрацы. Кони лоснились от сытой жизни. Упряжь девушка тоже привела в порядок — металлические детали сияли, кожа стала мягкой и гибкой, а не заскорузлой, как прежде. Все трое приходили на зов и прижимались к ней ноздрями.

Кинан заметил, что с самого начала животные относились к Элири с большим доверием. Может быть, она и впрямь ничего не знала о колдовстве, но какого-то рода сила тут проявлялась наверняка. Такой прекрасной наездницы, как эта совсем еще юная девушка, ему не приходилось видеть за всю свою долгую жизнь. Но даже если не принимать этого в расчет, поражало то, как именно кони повиновались ей. Она разговаривала с ними, и они выполняли ее просьбы, точно понимали человеческую речь.

Однажды вечером Кинан и Элири сидели у огня. В этот день впервые выпал снег и заметно похолодало.

— Элири, никогда не забывай, что в этой стране ты должна быть очень осторожна со всеми, с кем тебе придется столкнуться. Память о том, как поступили с нами, все еще тяжким грузом лежит на Карстене.

Девушка удивленно вскинула брови:

— А какое это имеет отношение ко мне?

— Все дело в твоем облике,— без обиняков ответил с арик.— Ты говоришь, что силой не обладаешь, что ты не колдунья. Может быть, это действительно так, но выглядишь ты в точности, как они. Серые глаза, черные волосы,— перечисляя, он подчеркивал сказанное движением руки,— высокие скулы, слегка заостренный подбородок. Ты стройная, и мы, в основном, тоже. Я-то знаю, ты не нашей крови, но любой живущий в этих краях, едва взглянув на тебя или хотя бы услышав

от других, как ты выглядишь, сразу же решит, что ты похожа на выходцев из Эсткарпа. Будь очень осторожна. Карстен считает, что именно колдуньи виноваты в том, что случилось с ним.

Элири фыркнула.

— О! — с оттенком иронии воскликнула она.— Это их герцог обезумел и учинил бойню. Насколько я понимаю, колдуньи просто защищали свою страну и своих людей.

Старик вздохнул:

— Все правильно. Но после того, как горы вывернуло наизнанку, в этой стране, по-моему, осталось мало тех, кто не обезумел. Тогда армия погибла, практически до последнего человека. Женщины, потерявшие мужей и сыновей, не руководствуются соображениями здравого смысла, ими движет просто ненависть. После того как большинство наших военачальников погибли, а герцог был убит, те, кто покинул страну, вернулись. Но теперь они считают, что настала их очередь убивать. Так возник порочный круг, из которого Карстену никогда не вырваться.

— Расскажи мне еще о Трубаче. Я что-то никак не пойму, с какой стати ему понадобилось убивать своих собственных людей? — спросила Элири.

Старик вздохнул.

— Это долгая история, но я постараюсь рассказать тебе самое главное,— ответил он.— Когда-то давно сюда пришел из Эсткарпа мой народ, к которому принадлежали и колдуньи. Другие поселились в этих краях гораздо позже. У наших людей век был долгий, но зато рождалось мало детей.

— Между тем и другим есть какая-то связь?

— Нет. Все дело в колдовском даре. Женщина, имеющая его, уходит из дома и семьи еще малень-

ким ребенком. Колдуньи обучают их использовать силу.

— Выходит, сила и дар — одно и то же?

— Нет, моя дорогая, но одно невозможно без другого. Дар — это то, что человек имеет. Способность, талант. Сила же приобретается и накапливается благодаря дару, а также долгим годам труда и ученичества. Кроме того, многие вещи содержат силу в себе, и тот, кто обладает даром, может извлекать ее из них. Это похоже на, скажем, твой дар умения обращаться с лошадьми. Если не использовать его, он все равно никуда не денется, будет просто спать до поры до времени. Но каждый раз, прибегая к нему, ты лучше понимаешь, на что способна. И, самое главное, он при этом растет.

Элири задумалась. Пожалуй, понятно, что он хотел сказать. Потом ее мысли вернулась к Трубачу. Хорошо, были колдуньи и были другие люди. Но что посеяло между ними вражду?

— Ну вот, наш народ поселился здесь, в Карстене. Построил Карс, столицу на побережье. С годами город вырос в превосходный порт, в который стали все чаще заходить салкары. Это раса моряков. Женщины и дети плавают с ними повсюду, кроме тех случаев, когда они отправляются исследовать неизвестные земли. Потом появились другие. Наш народ, как я тебе уже говорил, был немногочисленен. Многие земли пустовали, и вновь пришедшие селились на них. На протяжении многих поколений все мы мирно жили бок о бок.

— А что изменилось потом?

Кинан негромко вздохнул.

— Ничто не вечно. Иногда мне кажется, что и раньше были те, кто всегда завидовал колдовскому дару. Но все рухнуло, когда пришли колдеры. Они хотели единолично править Карстеном и другими странами. Они

тоже умели пользоваться силой, хотя и не такой, как мы. Поэтому обычные люди были им не помеха. Их сила ничего не могла поделать только с нами. Пользуясь своим даром, мы были способны сопротивляться ей. Тогда они пошли по другому пути — с помощью своей силы натравили на нас герцога, подтолкнули его к безумию. Он трижды поднимал других жителей Карстена на борьбу с нами. Поскольку мы были объявлены вне закона, руки у всех оказались полностью развязаны. С нами можно было делать что угодно.

Элири содрогнулась. Представить себе, что могли творить те, кто заранее получил такую индульгенцию, было несложно. Кинан успокаивающе дотронулся до ее плеча.

— Все это произошло уже давно. И породило многое другое. Были и те, чья доброта оказалась способна уравновесить зло.— Элири вопросительно подняла на него взгляд.— Многие в Карстене боялись и ненавидели нас, но также мы сохранили и немало друзей. В те дни, когда мы умирали только потому, что были тем, кем были, некоторые жители Карстена встали на нашу сторону. Рискуя жизнью, они укрывали нас и контрабандой переправляли через горы в Эсткарп. Мы никогда не забудем, что не все люди в Карстене зарились на наше добро.

— Но это еще не все,— старик нежно улыбнулся Элири.— Ты не первая, кто пришел в наши края через ворота. Задолго до тебя тот же путь проделал Саймон Трегарт. Он женился на женщине, владевшей даром и огромной силой.

— Но я так поняла, что колдуньи оставались девственницами.

— Да, все правильно; именно поэтому у нас рождалось мало детей. И по той же причине колдуньи изгнали жену Саймона из своей среды. Но вот что удиви-

тельно. Может быть, из-за того, что Саймон не принадлежал к нашему народу, его жена сохранила свой дар.

Элири вскинула голову и засмеялась:

— Готова поспорить, это разозлило их.

— Да уж. И все же Саймон полюбил колдунью Джелит и женился на ней. Потом произошло событие для нас почти неслыханное. За один раз она родила троих детей, двух мальчиков и девочку.

— Тройня!

— Именно. Но если рассказывать все в подробностях, получится еще одна долгая история. Важно то, что эта девочка имела дар. Колдуньи выкрали ее у родителей и увезли туда, где у них происходило обучение, но братья освободили ее. И убежали в горы. Здесь к востоку есть очень древняя горная страна, Эскор. Там они и живут по сей день, сражаясь со злом.

— Каким злом?

Старик вздохнул:

— Неужели мне придется рассказывать тебе историю всех здешних стран? Несколько поколений назад Эскор был нашей страной, отчасти, по крайней мере. Вместе с нами там жили другие народы и многие удивительные создания. Однако потом появились адепты. Они владели огромной силой, но вместе с ней пришло Зло. Некоторые помогали им и ради этого предались Тьме. Другие, напротив, сражались с ними, пытаясь спасти страну и ее обитателей. Были и такие, кто предпочел держаться в стороне. Они либо ушли в другие миры через ворота, которые умели создавать, либо превратились в затворников в своих собственных крепостях. Со временем мой народ, в основном, покинул Эскор, хотя некоторые предпочли остаться.

Рассказывая, Кинан мысленно возвращался в прошлое. В памяти его оживали истории, которые ему при-

ходилось слышать во времена своего отрочества и потом, гораздо позднее.

— В Эскоре жил народ, очень похожий на нас, но более сильно привязанный к своей земле. Они предпочли остаться. Во главе них стоит женщина, которую называют Госпожой Долины Зеленого Безмолвия. Судя по старым рассказам, имен у нее было множество — и Духаун, и Моргуант, и другие. Она обладает огромным даром и несметной силой. Теперь она, а может кто-то из ее рода, правит в Долине Зеленого Безмолвия, где Добро до сих пор борется со Злом, которое спустили с привязи адепты.

— Ты сказал — другие народы и многие удивительные создания? О каких созданиях идет речь? Как они выглядят? — Этот вопрос очень заинтересовал Элири.

— Ну, к примеру, есть Серые, так их называют. Они очень похожи на волков. Их оружие — не мечи, а зубы и когти. И тем не менее они и опасны, и умны.

— Кто еще?

— Кеплиан и Рентан. Рентан прекрасны и умны. Часто те, кто живет в Долине, используют их как лошадей. Они всегда сражаются на стороне Света,— он вздохнул.— О других, о Кеплиан, мне известно мало. Внешне они выглядят как крупные черные кони и часто применяют такую уловку: приходят к человеку, у которого пропала лошадь, притворяются кроткими и покорными. Но стоит сесть на Кеплиан, и он тут же унесет человека прочь, туда, где его пожрет Зло. Адепты, служившие Тьме, часто использовали их как лошадей. Они красивы, слов нет, и все же недаром существует поговорка: хороший Кеплиан — это мертвый Кеплиан.

— А что сейчас происходит с Карстеном? — спросила Элири.— По дороге сюда мне попалось множе-

ство разрушенных домов. И все это произошло не так уж давно. Как мне показалось, на протяжении последнего года.

— Когда дело стало оборачиваться для нас совсем плохо, колдуньи решили вывернуть горы,— задумчиво ответил Кинан.— Им хватило силы для того, чтобы скрутить их, придать другую форму. Герцог, который правил в это время, и вся его армия были как раз на горных тропах. Подозреваю, что спастись не удалось, практически, никому. Свято место пусто не бывает, и нашлись те, кто тут же стал претендовать на роль герцога. Но другие отвергали их одного за другим, так что свара продолжалась, практически, все время. На протяжении более чем тридцати последних лет жители Карстена только и занимались тем, что либо преследовали других, либо сами становились их добычей. Есть, конечно, и те, кто, призвав на помощь всю свою родню и опытных воинов, поддерживают мир хотя бы в принадлежащих им землях. Но таких мест немного. Даже в Карсе царит хаос, как я слышал.

Элири удивленно посмотрела на старика:

— Как можно жить, когда такое творится? Если так будет продолжаться, скоро в стране просто никого не останется.

— Есть множество мест, где это уже произошло. Сколько живых ты видела, пока шла по стране?

— Ни одного.

— Вот видишь. К северу и востоку страна обезлюдела. К западу и югу, на побережье, куда еще приходят торговые корабли, вот там можно найти людей.

— Торговые корабли?

— Салкары временами все же заходят в порт. При оружии, конечно, и всегда настороже, но тем не менее возвращаются снова и снова.

— Помнишь, ты как-то упоминал еще о фальконерах? Они еще тут живут или тоже ушли?

Кинан негромко вздохнул:

— Не знаю. Может быть, кто-то и остался, хотя вообще-то они ушли отсюда еще до того, как колдуньи вывернули горы. Фальконеры все больше нанимались на службу к людям. Думаю, пока тут есть люди, останутся и фальконеры; они гордые создания и сильные воины.— Он встретился с девушкой взглядом.— Но хватит о других. У тебя что-то на уме, да? Ты собираешься уйти отсюда, когда сойдет снег. Я даже сейчас чувствую твое беспокойство. Ну что же... Перевалив через горы, ты окажешься в Эсткарпе. Там живет немало людей, которые будут рады тебе, если ты сошлешься на меня.

Элири удивленно посмотрела на него.

— Есть тропы, по которым можно туда добраться? — спросила она и тут же фыркнула по поводу собственной тупости.— Конечно, должны быть; иначе ты не смог бы вернуться сюда. А где все-таки эта страна находится?

Кинан вытащил из огня обгоревший прут и начал рисовать на каменном полу что-то вроде карты.

— Понятно,— сказала наконец Элири.— Значит, туда можно добраться не только через горы. Если обогнуть их с запада и потом идти на север, тоже окажешься в Эсткарпе.— Она дотронулась тонким пальцем до одного из белых пятен на карте.— А здесь какая страна?

Кинан ответил не сразу. Когда он, в конце концов, заговорил, Элири почувствовала, что ее желание отправиться именно в то место, о котором сейчас шла речь, с каждым мгновеньем растет. Что-то такое было в этом названии — Эскор,— что-то, притягивающее ее точно

так же, как вначале ее тянуло сюда, в эту уединенную долину. Не произнося ни слова, она некоторое время внимательно разглядывала карту.

— Наша река... Если все время идти вдоль берега, я попаду в эту страну?

— По-моему, да, но точно я не знаю.

Элири встала — решив, что пора спать. Принесла еще дров, подбросила на ночь в огонь. И все время продолжала размышлять. Притяжение только усиливалось. Так же как и ощущение того, что она сделала правильный выбор. Наконец девушка улеглась и позволила телу расслабиться.

Лежа на своей постели, старик неотступно наблюдал за ней. И прежде чем сон сморил их, он заговорил снова.

— Ты решила, не так ли?

— Да. Когда придет весна, я отправлюсь в Эскор. Ты пойдешь со мной?

— Нет. Я родился здесь, в этой усадьбе. И вернулся, чтобы умереть здесь. Но если в пути ты встретишь кого-то, кто знает меня, скажи, что я еще жив.

— Хорошо.

Элири начала погружаться в сон. Цель ясна. Эскор... Да, она отправится в Эскор.

3

Эта зима для Элири стала временем одновременно и дружбы, и тяжелых испытаний. За свою долгую деятельную жизнь Кинан научился понемногу говорить на нескольких языках и все свои знания в этой области передал девушке. Заодно он предостерегал, советовал, рассказывал о местах, где обитали те, кого он называл Старыми, об их природе и происхождении. Мать Ки-

нана обладала небольшим даром, поэтому ему не стоило особого труда сделать вывод, что способности девушки явно растут. Сама Элири едва ли замечала это. Она всегда обладала даром умения обращаться с лошадьми; он был неотъемлемой ее частью.

Но в чистом воздухе этой новой страны все понемногу начало меняться. Прежде она могла справиться с самой дикой кобылой, успокоить самого взбешенного жеребца. Жеребята бежали к ней за утешением. К тому времени, когда ей исполнилось семь-восемь лет, Фар Трейвелер начал обучать ее объезжать лошадей. И всегда ее подопечные оказывались спокойнее, умнее и чувствительнее других. Элири любила это занятие, хотя ее и огорчало то, что всякий раз со своими четвероногими друзьями ей приходилось расставаться. Она слишком хорошо знала, что очень многие хозяева будут обращаться с ними просто как с дешевыми машинами.

Она действительно любила лошадей. Чистя их, наслаждалась ощущением перекатывающихся под руками крепких мышц. Ей нравились жесткие пряди гривы, запахи и звуки. Но больше всего девушка ценила удивительное чувство единения с этими животными, их доверие и привязанность. Однако на протяжении зимы ее связь с лошадьми, которыми она теперь владела, стала гораздо глубже. Элири не усматривала в этом ничего странного. Все эти долгие месяцы она день за днем проводила с ними, что же удивительного, если теперь они понимали ее с полуслова? Они не могли не реагировать на любовь и заботу. Но Кинану со стороны было виднее, и он не сомневался, что здесь нечто гораздо большее. Бывали случаи, когда сознания девушки и коня как будто сливались, так что животное и всадница становились единым целым.

Однажды во время вечернего разговора он специально заговорил об этом.

— Элири, сила часто приходит, когда сама захочет, не по твоему желанию.— Она подняла взгляд, но не проронила ни слова.— Ты говоришь, что у тебя на родине никто не обладает большой силой. Есть только те, у кого маленький дар, но и он от поколения к поколению уменьшается.— Девушка кивнула.— Тогда подумай вот о чем. Здесь дело обстоит иначе. Не исключено, что здесь твой дар растет. Я не считаю, что он так мал, как тебе кажется, а дар, с которым человек не обучен обращаться, может оказаться опасным. Если ты встретишь людей, которые умеют делать это, позволь им обучить тебя.

— Послушай, в отличие от тебя, я не думаю, что имею силу. Но...— Она нежно улыбнулась старому воину, которого успела полюбить.— Обещаю, что не стану отказываться, если найду того, кто согласится меня учить. Погоди,— она вскинула руку, заметив, что Кинан хочет заговорить,— прежде чем начать обучение, я должна убедиться, что этот человек принадлежит Свету, верно?

— Да.

Каждый из них снова занялся своим делом. Кинан штопал рубашку, Элири шила из оленьей кожи штаны. Осенняя охота была на редкость удачной и оставалось еще много кожи и меха. Зима же — самое подходящее время для изготовления нужных вещей. Она собиралась оставить Кинану полный набор одежды из оленьей кожи и меховой плащ. Его старые кости нередко ныли от холода. И еще в ее планы входило сшить ему пару мокасин — особых, высотой по колено. Кожаные подошвы будут трехслойными, а сами мокасины отделаны мехом. Когда следующей зимой ему придется выходить на мороз, ногам будет и тепло, и сухо.

Краешком глаза она поглядывала на старика. Покинуть его... Это будет нелегко. Но он наверняка, ужасно рассердился бы, вздумай она остаться. Его гордость была бы уязвлена до самых глубин — разве он настолько немощен, что нуждается в уходе? Элири была понятна эта гордость воина. Она не нанесет обиды старику, не обойдется с ним так, как будто он стал значить для нее меньше, чем есть. Эта усадьба принадлежала ему, и он вернулся сюда, чтобы умереть. Они оба понимали это. Здесь на маленьком кладбище в холмах похоронены его жена и последний ребенок, его родители, братья и сестры. Усадьба, которая служила приютом всем им так долго, с годами начала разрушаться и скоро превратится в пыль.

В сознании всплыли недавно сказанные им слова. Она не была уверена... Может быть, ее дар и в самом деле стал сильнее. Но откуда вообще у нее мог взяться какой-то дар? Правда, в роду Фара Трейвелера некоторые мужчины и женщины обладали способностями целителей. Элири не забыла, как в школе ученики презрительно отзывались о таких дарах и как она с трудом сдерживала рвущиеся с губ гневные слова. Они говорили, что все это просто глупости, обычные туземные суеверия. Эти мысли смутно напомнили ей о том, что дед как-то рассказывал о своей жене. Да... Она сосредоточилась, и воспоминания проступили более отчетливо.

Они сидели вокруг стола. Мать — Та-Которая-Разговаривает-с-Ветром, отец и его родители. Это был один из редких визитов деда и бабушки в дом Элири. Дед говорил о корнуоллских суевериях и их использовании.

— ...Во многих случаях это просто метод манипулирования людьми.

— И больше ничего, по-твоему? — Это сказала ее мать.

— Не хочу оспаривать твои убеждения, моя дорогая, нет, ни в малейшей степени. Просто мне кажется, что это весьма распространенный способ держать людей в руках. Заставлять их действовать определенным образом. Взять, к примеру, тапу, которые обитают в Новой Зеландии. Это — панцирные животные, и бывают времена, когда им приходится нелегко. Людям внушили, что они будут прокляты, если прикоснутся к тапу до того, как те придут в себя после тяжелого периода. Таким образом старейшины регулируют численность животных и, следовательно, запасы пищи.— Дед неожиданно рассмеялся.— Если бы я придавал значение всем этим старым слухам, то никогда не женился бы на твоей свекрови.

Его сын жалобно произнес:

— Только не надо снова о старых слухах, папа.

Но Та-Которая-Разговаривает-с-Ветром заинтересовалась:

— Это связано с какой-то историей?

Джон Полворт откинулся назад, держа в руке чашку кофе.

— История, да, можно сказать и так. И притом дающая представление о силе суеверий. Его мать,— он кивнул на сына,— в девичестве носила фамилию Ри. Старые люди говорили, что это был род, обладающий некими сверхъестественными способностями. Считалось, что много лет назад женщины из этого рода были жрицами какой-то другой веры и что женитьба на них приносила несчастье. Прабабку Джейн звали Джесси Ри. Она якобы могла вызывать бурю или, наоборот, полное безветрие. Уйма вздора, но мои родственники не хотели, чтобы я женился на Джейн.

Та-Которая-Разговаривает-с-Ветром взволнованно наклонилась вперед:

— Но ты женился на ней, несмотря на это.

— Действительно, моя дорогая. Я им так и сказал: наплевать мне на весь этот вздор. Джейн Ри — единственная, кого я хочу в жены, и это мое последнее слово.— Он отпил из чашки и с глухим стуком поставил ее на место.

Его жена улыбнулась:

— Это уж точно оказалось последнее слово Джона. Но его родители в полной мере так и не приняли меня, и тогда он заявил, что мы уезжаем. Ему предложили хорошую работу по другую сторону океана. Мы подумали, что там, может быть, людей будут волновать не столько глупые суеверия, сколько то, любит ли он меня и хорошей ли я ему стала женой. Вот так мы оказались здесь и никогда не жалели об этом.

Элири сидела, вспоминая атмосферу тепла и любви, окружавшую ее тогда. В последующие годы ей доводилось слышать и другую версию причин поспешного отъезда Полвортов из Корнуолла на их новую родину. Началась война, и Джон Полворт не захотел тратить на нее драгоценное время своей жизни. Это не входило в его планы — умереть, сражаясь за родину где-то вдали от нее и руководствуясь мотивами, в отношении которых он не был уверен, можно ли считать их убедительными. Поэтому он быстренько женился на Джейн и согласился на предложенную в Америке работу. К тому времени, когда война докатилась и до Соединенных Штатов, он уже вышел из призывного возраста. Возможно, в глубине души Джейн и презирала его как труса. Но она понимала, что дело тут было не только в этом. Из него получился бы плохой солдат, и он отдавал себе в этом отчет.

Интересно, подумала Элири, сожалел ли когда-нибудь ее дед о своем решении покинуть родину? Он

любил жену, вне всяких сомнений. Похоже, и работа приносила ему удовлетворение, да и страна нравилась тоже. Но скучал ли он по своей скалистой родине, со всех сторон окруженной морем? Хотел ли туда вернуться? Она пожала плечами. Может, он и пожалел о том, что не сделал этого,— в те последние секунды, когда понял, что ему и Джейн предстоит сейчас умереть.

Странно, что и родители, и дед с бабушкой погибли во время несчастных случаев. Со стариками это случилось через год после той ночи, когда они все вместе сидели вокруг стола. Каникулы, рухнувшие планы — и имена деда и бабушки среди погибших.

Родители погибли во время автомобильной катастрофы годом позже, когда ей было девять. После этого целые полгода она прожила — осыпаемая насмешками, презираемая, униженная — с Тейлорами, своими дядей и теткой. В конце концов, ей всеми правдами и неправдами удалось отправить письмо Фару Трейвелеру. Однако как раз незадолго до его приезда дядя застал ее за тем, что она пыталась отпустить на свободу коня, которого он заездил почти до смерти. Элири не удалось выгородить себя, хотя она все отрицала; написанное на лице сострадание к истерзанному животному и явное замешательство выдали ее. Дядя отличался крутым нравом и беспощадностью, а она была всего лишь презренной индианкой. Он избил ее тогда очень жестоко, но в конечном счете именно это девочку и спасло. Потому что как раз в тот день приехал Фар Трейвелер.

Ее опекуны допустили ошибку, не позволив ему даже увидеться с ней. Однако в последние годы индейцы все успешнее боролись за свои права, и непонимание этого было гораздо большей глупостью, чем они себе пред-

ставляли. Прадед ушел и отправился на поиски человека, который, как он знал, был способен ему помочь. Тот рассказал обо всем другим, и вскоре Фар Трейвелер вернулся, но уже не один. Элири вынесли, и тут, оказавшись в окружении множества взрослых, она потеряла сознание. Частично из-за боли от побоев, а частично из-за мысли о том, что, может быть, совсем скоро окажется на свободе. После этого все пошло очень быстро.

Ее допросили и перерегистрировали на прадеда. Фар Трейвелер согласился взять девочку к себе, его друзья поручились за то, что он о ней позаботится. Она, возможно, и поверила бы в свое спасение, в то, что навсегда вырвалась из-под власти злобного человека, ненавидящего людей ее расы. Если бы не этот его прощальный взгляд. Когда ее увозили, глаза дяди сверкали от ненависти. В один прекрасный день он получит шанс расплатиться с ней за свое унижение, вот о чем говорил его долгий оценивающий взгляд. Элири поняла, что если Фар Трейвелер умрет, она снова попадет в руки дяди. Тейлоры сделают все, чтобы заполучить ее обратно, и в этом им помогут работники социальной службы, совершенно искренне веря, что так будет лучше для нее.

Она подозревала, что прошедшие годы лишь укрепили Тейлора в его ненависти. За время, которое ей оставалось до шестнадцати, он вполне успел бы сплести такую клетку из лжи, из которой она, возможно, не выбралась бы никогда. Элири сделала свой выбор и обрела такую свободу, на которую не смела и надеяться. Не иначе как ее охранял Ка-дих, бог воинов-команчей.

Она снова склонилась над работой. Может быть, все дело в том, что у нее была смешанная кровь, и это усилило дар? Многие представители ее расы владели даром обращения с лошадьми, но — к чему обманы-

вать себя? — у нее он был сильнее, чем у других. Элири пожала плечами. Что есть, то есть; как и почему — теперь это не имеет значения.

Сидя по другую сторону огня, Кинан незаметно наблюдал за игрой света на высоких скулах девушки, на резковатых плоскостях ее лица, в котором проступало что-то орлиное. Сейчас, в тени, серые глаза казались черными, а темные волосы — волной мрака. На вид хрупкая, с тонким костяком, она была очень похожа на людей его собственной расы. Однако Кинан уже успел убедиться в том, что обманчивая внешность скрывала мужество и силу. Эта девушка была воином. Он потратил немало времени, обучая ее искусству сражения на мечах, но луком и ножом она и без него владела в совершенстве. Кажущаяся медлительность, спокойствие движений тоже были лишь кажущимися. На самом деле Элири могла двигаться молниеносно, обладала быстрыми рефлексами и прекрасно владела любой ситуацией.

Она не так уж много рассказывала о себе. И все же Кинан понял, что почти половину ее короткой жизни воспитанием девушки занимался прадед. И делал это таким образом, будто наперед знал, куда ей предстояло уйти, какой выбор сделать. Кинан улыбнулся этим мыслям. Ерунда, конечно, откуда ему было знать? Просто Фар Трейвелер обучал девочку точно так, как обучали когда-то его самого. Воспитывая и тренируя ее, он, не отдавая себе в этом отчета, возвращался в те далекие дни, когда жизнь его народа была несравненно проще. И если, действуя таким образом, старик прекрасно подготовил ее к жизни в мире, где она сейчас находилась, то это просто случайность. Хотя, кто знает? Может быть, в конечном счете тут не обошлось и без вмешательства богов.

Во взгляде старика, устремленном на Элири, сквозила нежность. Хорошая девушка, добрая и великодушная. Необходимо убедить ее отправиться в путь, как только очистятся тропы. Если она задержится дольше, то, может быть, поймет то, что он хотел бы сохранить в секрете. А именно, что только ее помощь помогла ему пережить эту зиму. Осознав это, Элири, очень вероятно, решит остаться. Пусть лучше уйдет с мыслью, что он проживет и без нее. И действительно проживет — весну, лето и осень. Но в глубине души Кинан знал совершенно определенно, что, когда наступит пора увядания, умрет и он. Еще до первого снега. Он улыбнулся: пора.

Но, проснувшись однажды поутру, Элири не обнаружит его мертвого тела. Без сомнения, смерть прадеда все еще сильно огорчала ее. Пусть себе скачет прочь, думая, что Кинан хорошо подготовлен к следующей зиме. Когда наступят последние дни осени, он уйдет туда, где в могилах спят его любимые. Девушке не придется горевать еще над одним мертвецом, а потом коротать следующую зиму одной в опустевшем доме.

Его мысли перескакивали с одного на другое. Кони: ему они не нужны; пусть забирает с собой всех троих. И еще ему хотелось сделать ей прощальный подарок.

Старик неслышно встал и тяжело поднялся по древним каменным ступеням в верхнюю часть дома. Перед возвращением сюда он отдал почти все ценное своим родным, оставшимся на чужой стороне. И все же одна вещь сохранилась. Кинан надавил на камень в стене и придержал его за край, когда тот начал поворачиваться. Внутри обнаружилась небольшая резная шкатулка из блестящего золотистого дерева. Щелкнул замок, крышка поднялась, в лицо пахнул душистый запах, взгляд уловил мягкое мерцание. Старик негромко рас-

смеялся. Если бы у него спросили, какую вещь он хотел бы сохранить, он ответил бы — эту. Совсем невесомая; носить ее будет необременительно. Но он был уверен, что Элири она понравится; эта вещь была точно создана для нее. Может быть, и к этому тоже приложили руку боги.

Он поставил шкатулку обратно, вернул камень на место и снова занялся штопкой. Когда время придет, он будет наготове. Между тем было бы неплохо, если бы девушка научилась писать хотя бы на одном из языков нового для нее мира. Старик поднялся снова, чтобы принести все необходимое.

— Что ты все время снуешь туда-обратно? — спросила Элири.— За этот вечер ты и минуты не посидел спокойно.

Кинан задумчиво посмотрел на нее:

— В будущем тебе пригодится кое-что, чем ты можешь овладеть прямо здесь, в этом доме, пока тянется зима. Я могу научить тебя читать и писать на языке Эсткарпа.

Элири резко выпрямилась, в глазах внезапно появилось настороженное выражение:

— Твой народ имеет письменность?

Кинан улыбнулся:

— Твой, как я понимаю, тоже. Наша стала развиваться, только когда началась война. О, охотники во все времена использовали те или иные знаки. И все же именно необходимость воевать, производить разведку — вот что способствовало развитию письменного языка. Ты учишься всему хорошо и быстро. А раз твой народ тоже имеет такой язык, думаю, тебе будет несложно овладеть нашим.

— Тогда я, конечно, согласна. А у тебя есть что читать? Прадед любил повторять, что учиться нужно,

как только предоставляется возможность, что знание никогда не бывает лишним.

— Он был мудрый человек,— ответил Кинан.— Иди сюда, садись рядом, я покажу тебе наши буквы. Потом... У меня есть только одна книга, но этого хватит, чтобы научиться читать.

Зима тянулась и тянулась, но, в конце концов, началась оттепель. Долгие месяцы обучения не пропали даром. Теперь Элири могла писать на простом языке охоты и войны не хуже любого, родившегося в этих краях. Она овладела и чтением, хотя слегка запиналась, если попадались незнакомые слова.

Сейчас Элири практически была готова к отъезду. Из меха и кожи она сшила прочную одежду. Седла и упряжь заштопала и смазала. Охотясь, старалась не утомлять лошадей, чтобы они впоследствии могли выдержать долгую дорогу.

Вода капала с крыши, стекала по стенам дома, и у порога образовалась глубокая лужа липкой грязи. Элири тяжело вздохнула. Все это ужасно ее раздражало. Но ничего, скоро потеплеет, и станет чисто.

Когда это и в самом деле случилось, Кинан, к удивлению Элири, стал уговаривать ее отправиться куда-то на лошадях.

— Грязи больше нет, мои кости не болят, и я должен кое-что показать тебе.

Ничего больше не объясняя, он поскакал в холмы, Элири на своей крепкой лошадке — за ним. В очередной раз повернув, они оказались на небольшой ровной площадке. Большая ее часть была занята странным сооружением.

— Это место Старых, о которых ты мне рассказывал?

— Именно так, дитя мое.— Он с трудом спешился.— Садись вот здесь, на траву, и слушай.— Старик

замолчал, дожидаясь, пока Элири удобно устроится.— Наш народ поклоняется Ганноре. Она — богиня плодов, хлебных злаков и плодородия. Богиня любви и смеха. Именно ее мы славим, когда девушка становится женщиной. Кусочки янтаря, которые ты мне показывала, представляют собой огромную ценность. Внутри них видны зерна, символ Ганноры, и это превращает их в амулеты. Думаю, они попали к тебе не случайно. Храни их как следует. Не показывай другим, но, если можешь, молись Ганноре, когда придется туго.

Элири задумалась. Чем, собственно говоря, эта их Ганнора отличается от Кукурузной Женщины, богини многих индейских племен? Молиться Ганноре — все равно что молиться Кукурузной Женщине, только под другим именем.

— Я смогу делать это и обещаю надежно хранить янтарь. Что еще?

— И по дороге, и в самом Эскоре тебе может угрожать опасность, исходящая не только от зверей и людей, но и от созданий Зла. Самое страшное, что в опасности может оказаться не только твое тело. Я буду просить тех, кто создал это место, охранять тебя.

Девушка удивленно посмотрела на него. Он хочет, чтобы ей предоставили призрачных собак для охраны или подарили заколдованные мечи?

Кинан заметил ее недоумение.

— Ты наверняка обратила внимание, что я положил около нашего порога небольшие голыши. Это — в некотором роде стража. Пока они у входа, никто, принадлежащий Тьме, не войдет. Просто злые люди — это другое дело,— добавил он, когда оба вспомнили о напавших на него бандитах.

— Значит, это гробница Ганноры?

Он пожал плечами.

— Живя здесь, мы всегда молились ей. Это место построили Старые, но во имя Ее оно закладывалось или нет, нам неизвестно.

Элири внимательно посмотрела на сооружение. Оно выглядело очень просто и скромно, но в то же время изящно. Просто небольшая площадка, в центре которой из мрамора разных цветов была выложена звезда. У каждого из ее острых концов стояли высокие белые столбы. Однако, несмотря на кажущуюся безыскусность, все здесь дышало удивительным ощущением мира и покоя. Тихая гавань, где можно почувствовать себя в полной безопасности. Чувство притяжения возникло с новой силой. Элири без колебаний поднялась и подошла к краю площадки.

— Что я должна делать?

— Сосредоточься на мысли о том, что тебе требуется защита от Зла. Потом шагни вперед и встань в центре звезды. Если сможешь.

Элири так и сделала. Сначала это было совсем не просто. Кинан рассказывал ей о множестве созданий, сражающихся против Света, но до сих пор она не видела ни одного из них. Как просить защиты от того, кого трудно даже представить себе? Однако девушка старалась изо всех сил, и постепенно ей удалось добиться желаемого.

Тогда она шагнула вперед.

Мгновенно со всех сторон между столбами возникли сотканные из тумана стены, отгородившие ее от Кинана. Старик расслабился. Тот, кто обитал здесь, принял ее как Дочь Света. Он, возможно, и не выполнит ее просьбу, но несомненно не причинит ей вреда.

Оказавшись между туманных стен, Элири шагнула в центр звезды и склонила голову в знак признательно-

сти. Со всех сторон на нее хлынуло тепло. Да, здесь что-то есть. Она попросит о помощи.

Когда Элири это сделала, в ответ прозвучал безмолвный вопрос. Какую цену она готова заплатить за помощь, которая ей требуется? Потом голова у нее едва не взорвалась от вспыхнувшего в сознании калейдоскопа Зла. Обезумевшие Серые мчались, рвали зубами и когтями всех, попадавшихся им на пути. Крошечные создания странного вида, покрытые длинными грубыми волосами, похожими на корни, рыли ямы-ловушки, а потом душили тех, кто попадал туда. Целые омуты Зла, похожие на вредоносные кляксы на поверхности земли, пожирали тела и души угодивших в них людей.

Она содрогнулась:

— Чего ты хочешь от меня? — Возникшие в сознании образы переполняли ее, и вместе с ними рос страх.

— Ты! Убей Кинана, и я дам тебе любую власть, какую пожелаешь!

— НЕТ! — Элири в гневе отступила. — А еще говорят, что ты — Свет!

— Он все равно умирает.

— Пусть сам распоряжается своей жизнью.

Возникло ощущение, будто ее обхватили сильные, любящие руки.

— Хорошо сказано, дитя. Ты получишь защиту, о которой просишь.

Внезапно перед ней выросла фигура; женщина чуть повыше Элири, с мерцающими волосами. Завиваясь локонами, они золотом стекали по прямой спине, по облегающему зеленому платью. Элири без приказания опустилась на колени. Изящные длинные пальцы ухватили ее за руки, заставили подняться и повернули руки Элири ладонями вверх. В них женщина вложила четыре маленьких гладких камня.

— Кинан объяснит тебе, как ими пользоваться. Удача не оставит тебя, Элири, пришедшая из другого мира.

Женская фигура уже начала таять, когда девушка сорвала висящий на шее кожаный мешочек.

— Подожди, о, пожалуйста, подожди!

Женская фигура снова уплотнилась, обретя плоть и кровь.

— Что это, дитя?

— Дар за дар.

В руках Элири вспыхнули алые и голубые огни. Она протянула женщине самоцветы, оставленные Фаром Трейвелером. Не понимая, почему она это делает, но чувствуя, что поступает правильно. Женщина наклонилась и взяла сияющие камни. Ее цвета — зеленое и золотое — стали насыщенней, глубже. Потом фигура женщины снова начала таять, превращаясь в туман, который закружился в водовороте, сияя все теми же оттенками золотого и зеленого.

— И в самом деле — дар за дар, дитя. Теперь тебя защищают мои стражи, но кроме них, у тебя есть камни с моими символами. Они помогут призвать меня на помощь, если придется совсем тяжело. Я не забуду тебя. Свет да благословит твой путь.

Она исчезла, и Элири почувствовала себя покинутой. Медленно, качая в ладонях четыре камня, она сошла с площадки.

Кинан не сказал ни слова, хотя заметил и камни, и странное выражение на лице девушки. Все так же молча он подвел ее к терпеливо дожидающимся их лошадям. Этим вечером он начал объяснять Элири, как надо обращаться с камнями-стражами. И поразился тому, как быстро она все понимала. Когда-то досужие языки не раз обсуждали вопрос: человек получает дар, проходя через ворота, или пройти через них может лишь тот,

кто имеет дар? Поговаривали, что в своем мире Саймон Трегарт почти не обладал силой, но здесь она стала заметно мощнее. Может быть, и впрямь сила, едва тлеющая по ту сторону ворот, здесь способна расцвести пышным цветом? Да, ему будет о чем подумать долгими ночами.

Все, что нужно было знать относительно этих четырех камней, Элири усвоила за неделю. Теперь ей уже и самой стало ясно, что она обладает какой-то силой. Сколько она себя помнила, у нее всегда был дар обращения с лошадьми. Но в Карстене он, казалось, не только вырос, но и распространился на другие сферы. Кинан поделился с ней своими соображениями по этому поводу. Может, и вправду, подумалось Элири, в ее собственном мире было немало людей, обладающих скрытыми способностями? Пока она не хотела прибегать к силе. Судя по рассказам Кинана, это делало человека слишком явно обозначенной целью. Четыре камня-стража были надежно упрятаны в мешочек, висящий на шее. Может быть, они еще сослужат ей свою службу, когда она снова отправится в путь.

Но до этого, пока она здесь, ей много чего хотелось успеть. Например, поохотиться на годовалых животных, отстреливая наиболее слабых и мелких самцов — на мясо для Кинана. Старик пытался скрыть свою возрастающую слабость. Он снова и снова заводил разговор о том, что ей пора отправляться в путь, раз последний снег в горах уже сошел и тропы высохли. Она прекрасно понимала, чем объяснялась его настойчивость, но он имел право на выбор. Кинан хотел, чтобы она запомнила его не умирающим, а тем, кем он для нее был: другом и учителем.

Охота оказалась успешной. Дело близилось к отъезду, и в один из дней Элири поскакала туда, где были

похоронены родные Кинана. Она коротко скосила траву на могилах, посадила цветы. Как-то во время охоты ей попались кусты с яркими цветами и нежным запахом. Теперь она осторожно выкопала один. Вернувшись к могилам, набрала камней и выложила их по краю того участка земли, где, по ее предположению, Кинан мог пожелать лежать — рядом с могилой его жены. Яркий куст посадила в изголовье. Он поймет. Никто посторонний не догадался бы, но он поймет.

Спустя месяц они поскакали к морю и набрали столько соли, сколько смогли соскоблить со скал. Одну за другой заполнили ею полости в скалах, расположенные выше уровня, до которого могли достать волны. На следующей неделе вода полностью испарится, и соль примет форму бесценных кристаллов.

С приходом тепла Кинан окреп. Теперь у него не было ощущения, что мышцы его одеревенели. И все же он по-прежнему твердо знал, что смерть стоит на пороге. Но сейчас он нередко забывал об этом — когда вместе с девушкой охотился или просто скакал вдоль побережья. Копыта глухо стучали по песку... Это было прекрасно.

На смену весне пришло раннее лето. В кладовой было полно сушеного и копченого мяса, плодов, орехов и зелени, которую они насобирали в холмах. В конце концов, не выдержав, старик ей сказал:

— Тропы высохли. Тебе пора отправляться.

Элири кивнула:

— На следующей неделе.

— Нет.— Он решительно покачал головой.— Ты говорила то же самое на прошлой неделе и за неделю до этого. Проведи завтрашний день со мной, еще один уйдет на сборы, а потом — в путь. Время пришло.— Кинан мягко дотронулся до ее руки.— Дитя, все когда-

нибудь кончается. Теперь настало тебе время уходить. Близится и мое время, как ты понимаешь, но об этом мы говорить не будем.— Он серьезно посмотрел на девушку и удовлетворенно кивнул, поняв, что она согласна. Хорошо. Старик поднялся, потянулся и зевнул.— Я ложусь спать и тебе советую сделать то же самое. Завтра будет нелегкий день — я собираюсь доказать, что в работе тебе за мной не угнаться.

Она насмешливо фыркнула.

— Неужели? Надо и в самом деле лечь спать, чтобы поскорее настало завтра и я смогла увидеть это.

Следующий день они, как и договаривались, провели вместе. Осматривали верхние комнаты дома, и старик рассказывал ей, как все тут было когда-то. Собирали ягоды, сладкие, теплые от ласкового солнечного света, и смеялись, точно дети. С берега били острогой мелкую рыбу. А потом, посолив и приправив травами, собранными в холмах, пожарили ее и с аппетитом съели на ужин.

На другой день Элири занялась лошадьми. Она собиралась оставить старику самую сильную и спокойную из них, но тот отказался, не слушая никаких возражений.

— Не нужен мне конь. Я прекрасно обходился без них, пока ты тут не объявилась. Справлюсь и дальше. Забирай всех троих. Двух можешь продать или обменять на припасы — в общем, поступай с ними, как сочтешь нужным. Мне они не нужны.

Истинная причина не была названа, но оба понимали, что это за причина.

Девушка больше не настаивала. Она упаковала сумку, тщательно отобрав все, что могло понадобиться. Подвязала повыше стремена на тех лошадях, которых собиралась взять про запас. Кобыла, которую она отобрала

для себя, была крепкая, серовато-коричневого цвета с темными пятнами на крупе, с черной гривой и хвостом. Самая подходящая лошадь для холмов, чуткая, крепкая на ноги, с окрасом, позволяющим сливаться с ландшафтом.

Две другие выглядели более эффектно, одна каштановая, другая серая. Тщательно зачиненная и смазанная упряжь была в отличном состоянии. Что же, за них и впрямь при необходимости можно будет выручить хорошую цену.

Когда с приготовлениями было покончено, Элири вернулась в дом. И удивленно замерла на пороге. Кинан достал откуда-то большой кусок нарядной ткани и расстелил его на старом столе, умудрившись подтащить эту громадину к очагу. Украсил его ветвями и ягодами, расставил блюда с едой и свечи, отбрасывающие мягкий свет на все это великолепие.

Подойдя к девушке, Кинан церемонно поклонился.

— Приветствую тебя в моем доме, Элири, дочь из Дома Фара Трейвелера. Откушай со мной на прощанье перед долгой дорогой.— Он взял ее под руку и подвел к креслу.

Она с аппетитом поела — с этим у Элири никогда не было проблем,— смеясь шуткам старика и стараясь запечатлеть в памяти каждую мелочь. Когда с едой было покончено, Кинан встал.

— Много лет назад мне в руки попала одна вещь. Я хотел подарить ее своей дочери. Ее дар состоял в том, что она дружила со всеми животными. Вот почему я считал, что эта вещь как раз подойдет для ее именин. Но потом начались все наши беды, и она отправилась воевать.— На мгновение в его глазах проступила старая боль.— Она так и не вернулась, и мне даже неизвестно, где находится ее могила. Тело моей

дочери лежит где-то в этих холмах, по-прежнему охраняя их от врагов. Теперь я дарю эту вещь тебе, если, конечно, ты согласишься ее принять.— Он достал из-под листьев маленькую блестящую шкатулку и вручил ее Элири.

Девушка изумленно открыла рот:

— Какая красивая!

Кинан засмеялся:

— Шкатулка — это еще не подарок, девочка. Он лежит внутри. Открой и посмотри.

Элири бережно подняла резную крышку, глаза у нее вспыхнули от удивления и восторга. Подцепила пальцами изящную, тонко сплетенную кожаную цепочку, и теперь кулон свободно свисал с ее руки. Крошечный конь, вырезанный из черного камня, с яркими рубиновыми глазами. Серебряная петля, сквозь которую продевалась цепочка, была прикреплена к гордо летящей гриве. Это был конь — и все же не совсем конь: в нем ощущалось нечто такое, что выдавало ум. И высокомерие. Глаза, казалось, жили своей собственной жизнью и дерзко смотрели прямо на нее.

— Кинан, это потрясающе. Откуда он?

— С холмов. Я уже сказал, что эта вещь случайно попала мне в руки, но кое-что сделал и я сам. Прикрепил петлю, вставил цепочку, вырезал шкатулку. Самого коня я нашел. До того как колдуньи вывернули горы, здесь неподалеку было еще одно место Старых, может быть, в часе езды верхом. После смерти жены я часто ходил туда, чтобы обрести мир и покой. И однажды нашел этого коня. У меня возникло ощущение, что это дар Старых. Я поблагодарил их и пообещал, что отдам его тому, кто обладает силой и с уважением отнесется к нему.— Старик улыбнулся.— Готов поклясться, что, когда я говорил это, держа коня в руке, он стал замет-

но теплее. Значит, я поступил правильно, взяв его, подумалось мне. Теперь он переходит к тебе.

Ее рука плотно обхватила кулон.

— Это самый лучший подарок, который мне когда-либо дарили. Я ни за что не расстанусь с ним, Кинан, и, глядя на него, всегда буду вспоминать тебя.— Она надела цепочку на шею.— Я тоже приготовила тебе подарок.— Элири выбежала и вернулась с большим узлом.— Здесь рубашка и штаны из оленьей кожи. И меховой плащ. Ты все время жаловался, что мерзнешь. Смотри, вот еще мокасины, чтобы ноги тоже были в тепле. Они на тройной подошве и обшиты мехом.— Она смущенно засмеялась.— Мне бы хотелось, чтобы ты попытался надеть все это. А вдруг я ошиблась размером?

Спустя несколько минут Кинан спустился по лестнице — ни дать, ни взять воин—немунух. На лице — счастливая улыбка. Он медленно повернулся.

— Тебе не о чем беспокоиться. Все сидит прекрасно, а уж какое теплое! Такой замечательной одежды у меня никогда не было.— Он выпрямился.— Завтра, в честь твоего отъезда, я опять надену все это. А сейчас давай-ка спать; лучше тебе отправиться в путь пораньше, чтобы не потерять дневного времени.

Наверно, это был дар богов — то, что этой последней ночью оба спали хорошо и крепко. И тот, и другая понимали, что впереди разлука, и боялись бессонницы. Однако сон пришел к ним на диво быстро, а сны снились добрые. С первым светом оба поднялись. Перекусили в молчании. Потом Элири вывела лошадей и села на свою. Кинан, одетый в то, что она сшила для него, стоял рядом. Элири наклонилась и взяла его за руку.

— Я никогда не забуду тебя.— От слез перед глазами у нее все расплывалось.— Я люблю тебя.— Она

приветственно вскинула руку.— За праздник, который ты подарил мне, искренне благодарю тебя. За гостеприимство твоего крова благодарю тебя. Желаю хозяину этого дома удачи и щедрого солнца на все времена.

Девушка наклонилась, Кинан потянулся вверх и крепко обнял ее.

— Скачи смело, воин. Пусть твое оружие не знает промаха и пусть Ка-дих приведет тебя в место, достойное его дочери.

Он сильно шлепнул лошадь по крупу, и та рванулась вперед. Пока дорога шла прямо, Элири все время оборачивалась, чтобы еще разок взглянуть на него. На повороте она в жесте прощания вскинула руку и услышала его последний призыв:

— Добрый путь, дитя! Моя любовь уходит вместе с тобой.

Она скакала, ослепнув от слез, понимая, что никогда больше не увидит Кинана. Будущее было затянуто туманной дымкой неизвестности. До сих пор ей везло, но что-то принесет с собой завтрашний день?

4

Она скакала ровным аллюром, пока не стемнело. Потом раскинула лагерь, защитив его с помощью нехитрых заклинаний, которым ее обучил Кинан. В сознании девушки Ганнора и богиня, которой молились немунух, слились воедино, и Элири не сомневалась, что янтарные амулеты и камни-стражи, подаренные Ганнорой, не допустят, чтобы с ней случилась беда. Она взяла в руки кусочек янтаря и обошла по границе свой маленький лагерь, прося Ганнору защитить ее. Может быть, место Старых и пострадало, когда горы вывернуло наизнанку, но она унесла оттуда четыре камня-стра-

жа — ценный дар. В полумраке они отсвечивали мягкой, успокаивающей голубизной, и Элири осторожно положила их рядом с собой.

Точно так же она действовала и во все последующие дни, пока поднималась вверх по течению реки. Трудно сказать, что именно помогало, янтарь или камни. Но ничего более опасного, чем случайные звери, рыщущие по своим охотничьим делам, ей не попадалось. Их она всегда заверяла в своей дружбе.

Единственным примечательным событием оказалась встреча с изумительной по красоте самкой сокола. Птица явно была голодна, и Элири попыталась мысленно представить гнездо, в котором жалобно пищали птенцы. Она улыбнулась, излучая сочувствие и доброжелательное понимание, а потом бросила птице жирного кролика, совсем недавно пронзенного ее стрелой. Резко вскрикнув, соколиха поймала его в воздухе.

Улетая с подарком, она обронила перо. Длинное, окрашенное в контрастные черные и белые тона. Ответный дар. Элири спрыгнула с лошади и подобрала его. Воткнула в повязку на голове и, снова взобравшись на лошадь, распрямилась, почувствовав себя... увереннее. В этой новой стране не было орлов, но перо ястреба — тоже неплохой талисман. Тем более что он получен в подарок. Помня о его происхождении, она будет носить перо с гордостью.

Дни складывались в недели, а девушка все скакала по горам. Нередко тропа оказывалась непроходимой или просто исчезала, и тогда приходилось возвращаться. Но Элири по-прежнему тянуло на северо-запад и с каждым днем все сильнее.

Ощущение было такое, как будто кто-то очень сильно хотел, чтобы она двигалась именно в этом направлении, и как будто призыв становился сильнее по мере

приближения к неизвестной цели. Улыбаясь при мысли о том, как, оказывается, может разыграться фантазия, Элири тем не менее продолжала скакать тем же курсом. Она и сама хотела попасть в Эскор, хотя Кинан сумел не так уж много рассказать ей об этой древней стране. По пути она охотилась и нередко делилась добычей с обитателями этих диких мест. Несколько раз ей попадались сорокопуты, и девушка неизменно предлагала им пищу. Птицы благосклонно принимали дары, и, хотя близко не подлетали, было очевидно, что они считают ее другом.

Наконец река сузилась и стала заметно мельче, несмотря на то что текла по более ровной местности. Теперь девушка не держалась все время около нее, нередко забирая в сторону, туда, куда уходила просторная равнина. Именно там она однажды увидела деревню. Отпустив лошадей попастись, Элири разглядывала ее, вжавшись в землю на вершине холма. Нет, вряд ли это можно было назвать деревней. Скорее — усадьбой, вроде той, в которой жил Кинан, разве что чуть побольше. Хорошо укрепленное центральное строение, под защиту которого все, наверняка, сбегаются в случае опасности, а вокруг него другие, поменьше. Нужно действовать осторожно. Судя по рассказам Кинана, жители этих мест должны быть настроены дружелюбно, но осторожность никогда не помешает.

Она подозвала лошадей и прыгнула в седло. Проскакала по склону холма и, подъезжая к воротам, пустила лошадь шагом. Позади одного из строений был огорожен небольшой участок, откуда явственно доносился шум. Сердитое бормотание голосов, а потом внезапно — звук, который мог бы издать взбешенный конь, нечто среднее между фырканьем и храпом. В нем ощущались ярость и вызов, но для Элири он прозвучал как

трубный глас. Немедленно откликнувшись на этот призыв, забыв о всякой осторожности, она пришпорила лошадь, объехала вокруг строения и остановилась, дрожа от возмущения и ярости.

За высокой оградой загона несколько человек удерживали с помощью прочных веревок рвущуюся на волю кобылу. Черную, как ночь, с глянцевито поблескивающей в солнечных лучах шкурой. Позади нее барахтался новорожденный жеребенок, тоже черный, еще липкий от родовой слизи. Он силился подняться, но тонкие ножки плохо повиновались ему. Взвизгнув, он упал в очередной раз, и от этого звука кобыла совсем обезумела.

Забыв обо всем, кроме боли, которую ей причиняло это зрелище, Элири решительно направила лошадь вперед, заставив зрителей отскочить в сторону.

Голос девушки зазвенел, точно колокол:

— Что тут происходит? Что вы делаете?

Ей ответила дюжина голосов:

— Это Кеплиан, леди. Гери поймал одну из их кобыл.

— Почему вы так обращаетесь с ней?

Веревки, не позволяющие кобыле приблизиться к жеребенку, немного ослабели, когда те, кто удерживал ее, отвлеклись, прислушиваясь к словам Элири.

— Почему? Но, леди, она — Кеплиан!

Мужчина, перед которым она остановилась, буквально брызгал слюной. Он, по-видимому, считал, что этого объяснения вполне достаточно. Однако Элири думала иначе.

— Мне нет дела до того, как она называется. Разве так обращаются с животными? Что плохого она вам сделала? — Элири чуть не испепелила взглядом мужчину, с новой силой натянувшего веревки.— Что, эта

кобыла напала на вас? Убила кого-то из ваших родственников, угрожала вашему ребенку? За что она расплачивается — и ее жеребенок тоже?

Заметив ее ярость, мужчина отступил.

— Она просто Кеплиан. Мы убиваем их, где бы ни встретили. Они — Зло.— Он горделиво выпрямился.— Да, они на стороне Тьмы.

Кобыла воспользовалась тем, что веревки снова ослабели, и успокаивающе дотронулась мордой до жеребенка.

— Никакого зла я тут не вижу. Это всего лишь кобыла, которая пытается защитить своего детеныша.

За ее спиной забубнили голоса, но слух улавливал лишь обрывки фраз:

— ...Нет здесь.

— ...Отправился в долину. Он не вернется еще несколько дней.

— Тогда что нам делать? Может, эта женщина обладает силой.

На лице девушки мелькнула победоносная улыбка. Похоже, их хозяин в отлучке, и его не будет несколько дней. У всех был такой вид, точно они побаиваются ее. Немного, по крайней мере. Она послала мысленную команду своей лошади и медленно распрямилась в седле. Казалось, лошадь и всадница внезапно выросли в размерах, в их облике проступил оттенок угрозы, и все это явно внушало благоговейный ужас тем, кто толпился вокруг. Медленным, зловещим движением Элири вытащила из кармана рубашки амулет.

Легко спрыгнув с лошади, она прошла туда, где люди все еще натягивали веревки, удерживая кобылу. Когда девушка прикоснулась кусочком янтаря к влажному носу жеребенка, прозрачно-золотистый камень мягко замерцал.

Она высоко подняла амулет.

— Ганнора говорит: в жеребенке нет Зла. Он никому не причинил вреда и должен быть освобожден.

Из задних рядов вперед пробился мужчина. Плотного сложения, со светлыми волосами, поблескивающими на солнце. На его лице застыло выражение хмурой злости.

— Жеребенок слишком мал и просто не успел ничего сделать. Но он вырастет и будет творить зло. Все Кеплиан — приверженцы Тьмы. А мы здесь убиваем тех, кто принадлежит Тьме. Откуда ты взялась, леди, что не знаешь таких простых вещей?

Элири ответила вопросом на вопрос:

— Откуда взялся ты, человек, если собираешься замучить животное и новорожденного жеребенка? Кто сказал тебе, что они — Зло, если сама Ганнора говорит, что, по крайней мере, жеребенок невинен?

Мужчина буквально взревел, заглушив ее голос:

— Невинен? Те, кто служит Тьме, расправились с моими близкими, когда я был еще ребенком. А год назад кто-то из их рода убил моего брата, которого послали с поручением в Долину Зеленого Безмолвия. Что, мы так и будем стоять здесь, дожидаясь, пока эта женщина вырвет из наших рук законную добычу? — Он шагнул вперед.

— Ты так жаждешь убивать, что даже не поинтересуешься платой? — вкрадчиво спросила Элири.

Он замер.

— Платой?

— Да. Ганнора говорит, что жеребенок невинен. Если она не скажет со всей определенностью, что кобыла несет в себе Зло, ты отдашь мне обоих за выкуп?

Он прищурился, погрузившись в раздумья и ничего не замечая вокруг.

— Что ты предлагаешь, леди?

Отлично, она снова стала «леди».

— Я не могу предложить тебе ничего, равноценного потере близких, но могу предложить двух за двух.— Она махнула рукой в сторону своих оседланных и взнузданных лошадей.

— Согласен, леди.— Казалось, его больше ничуть не заботило, какой приговор вынесет Ганнора кобыле. Он протянул руку к поводьям, и по приказу Элири обе лошади подошли к нему.— Теперь вот что, леди. Ты получаешь эту пару перед заходом солнца. Можешь увести их отсюда, но в твоем распоряжении один день. После этого они по справедливости снова становятся нашей добычей.

— Мне нужно купить припасы и пополнить запас воды.

— Нет. Здесь ты не получишь ничего. Мы не торгуем с Темными. Забирай своих «друзей» и проваливай отсюда, пока тебя не забили камнями.

Он шагнул вперед, выражение жестокости в его глазах проступило еще отчетливей. Элири видела, что он получал удовольствие от того, как провернул эту сделку, но в то же время был не прочь напасть на нее, если почувствует, что это может удасться. Взглядом он уже жадно ощупывал ее седельные сумки и толстую постельную скатку. Рука девушки метнулась к луку и выхватила стрелу, прежде чем он успел приблизиться к ней.

— Стой, где стоишь! Я заключила честную сделку и получу то, за что заплатила.— Она приказала мужчинам, все еще удерживающим кобылу: — Отпустите ее.— Они заколебались, и она нацелила стрелу прямо в грудь того, кто выступал в роли заводилы: — Прикажи отпустить ее, сейчас же!

Он неохотно бросил несколько слов, веревки упали. Кобыла тут же встрепенулась всем телом и бросилась к жеребенку. Сердце девушки упало, когда она увидела, что на лице заводилы вновь заиграла самодовольная улыбка. Что теперь?

— Отлично, сейчас ты сама убедишься, что может вытворять отродье Тьмы. Этот жеребенок не способен идти.— Он злобно рассмеялся.— Попробуй подойти к нему, и кобыла убьет тебя — теперь, когда она на свободе.

Элири кивнула, хотя сердце у нее екнуло. Однако этот человек явно недооценивал ее.

— Может быть. А может быть, я убью тебя, если ты сейчас же не оставишь нас в покое. Ты тупой, жестокий, невежественный человек. Если все в этой деревне такие, я буду рада уехать отсюда. А теперь прочь, пока у меня не лопнуло терпение.

Ее глаза вспыхнули от гнева, и мужчина отступил. Криво усмехнувшись на прощанье, он неуклюже заковылял и скрылся за углом. Остальные не двинулись с места. Потом один из них с настороженным видом подошел поближе.

— Леди, если Ганнора вынесла свое суждение, не наше дело перечить ей. Но это правда, что Кеплиан скачут дорогами Тьмы. Продать мы тебе ничего не можем, сама понимаешь. Гери узнает, и у нас будут неприятности. Но, может, какую-то мелочь мы в силах для тебя сделать?

Внезапно рот девушки наполнился слюной. Соль! Соль у нее была на исходе. Если будет соль, никаких припасов не потребуется, она сможет прокормить себя с помощью охоты.

— Соль... Продайте мне столько соли, сколько не жалко.

Он кивнул и торопливо ушел куда-то в сопровождении нескольких других. Вернувшись, они принесли небольшие кожаные сумки не только с солью, но с мукой и с тем, что заменяло здесь сахар. У Элири были мелкие серебряные и медные монеты, доставшиеся ей от убитых разбойников. Она протянула их со словами:

— Из Карстена, но тем не менее ценные. Тем, кому они принадлежали, эти монеты больше не понадобятся.

До них дошло, хотя и не сразу. Ушей Элири достиг свистящий шепот:

— Шпионка... Она шпионила в Карстене.

Девушка протянула кошелек, внимательно наблюдая за лицами. Казалось, люди были довольны, заключив такую сделку, хотя и несколько смущены тем, что она переплачивала.

— Есть еще деревни к северу? — Нужно было воспользоваться их добродушным настроением, чтобы разузнать как можно больше.

— Нет, леди. Вон там,— взметнувшаяся рука указала направление,— лес Болотных Женщин.— Палец ткнул на северо-восток.— А там снова горы. Между лесом и горами течет река. Гери погонится за вами; лучше бросьте Кеплиан и уходите. Тогда он убьет их, а вас не тронет.

— Еще неизвестно, кто кого убьет, если он вздумает преследовать меня,— жестко сказала Элири.— Спасибо за припасы.

Мужчина, который все это время разговаривал с ней, кивнул.

— Идите с миром, леди. Но остерегайтесь тех зверей, которые вовсе и не звери. Эта кобыла убьет вас при первом удобном случае, и то же самое сделает Гери. Если вы не бросите Кеплиан, то от гор до самого моря

не найдете места, где сможете укрыться.

Он резко повернулся и зашагал прочь, остальные — за ним. Элири посмотрела на Кеплиан. Жеребенок сумел-таки подняться на ноги, но, вглядевшись получше, девушка поняла, что именно вызвало усмешку на лице Гери. По-видимому, вскоре после его появления на свет крошечное животное жестоко ударили по поджилкам, его задние ноги были в синяках и распухли. Он совсем не мог двигаться и продержался на ногах всего несколько мгновений, а потом с несчастным ржанием рухнул на пыльную землю. Стоя в защитной позе над малышом, кобыла не сводила с девушки взгляда. В душе Элири вспыхнул гнев — как люди могли так жестоко поступить с крошечным жеребенком, совсем недавно появившимся на свет? Не раздумывая, она подошла ближе, негромко напевая.

Кобыла предостерегающе ударила копытом, и Элири протянула руку к кулону. Крошечный конь из черного янтаря, казалось, излучал тепло. Прикосновение к нему подтвердило это. Странно... Он был гораздо теплее ее руки. Девушка вытащила кулон из-под рубашки, и кобыла тут же впилась в него взглядом широко распахнутых глаз. Элири заговорила — мягко, объясняя. Кобыла, похоже, прислушивалась. Потом она попыталась помочь жеребенку встать на ноги. Малыш старался, как мог, но снова упал.

— Нам нужно как можно скорее убраться отсюда,— сказала девушка.— Этот человек вскоре вернется и убьет твоего жеребенка.

Она постаралась образно представить себе то, о чем говорила, и передать это «сообщение» кобыле. К великому удивлению Элири, в ее сознании возникла серия отчетливых картинок, явно посланных ее «собеседницей».

— Если я повезу его на своей лошади, мы сможем быстрее покинуть это место. Позволь мне помочь ему.

Ответом ей был взрыв недоверия со стороны кобылы. Девушка медленно потянулась к малышу и погладила его, стараясь, чтобы ее сознание излучало чувство восхищения. Какой прекрасный жеребенок, сильный и крепкий! И какой смелый! Было бы ужасно, если бы он погиб. Она готова рискнуть всем, лишь бы предотвратить это. В сознании возникли образы других коней, которых Элири знала, однако, как ни странно, в ответ кобыла обдала ее волной презрения и негодования. Кеплиан — не кони; ей безразлично, как люди относятся к тем, другим.

Элири улыбнулась, показывая, что готова принять эту странную точку зрения. Хорошо, пусть они не кони, сейчас важно другое. А именно, то, что этот человек вернется, чтобы убить их. Кобыла хочет, чтобы он застал ее здесь? Нет, последовал мысленный ответ. Тогда кобыле придется выбирать: позволить девушке помочь жеребенку или остаться с ним и увидеть его гибель. Я буду сражаться, таков был общий смысл картинок, хлынувших из сознания кобылы.

В ответ девушка послала образ умирающей кобылы, пронзенной стрелами и копьями. Потом — жеребенка, которого связывают и забивают до смерти.

Капитуляция. Кобыла милостиво позволила человеку помочь ей. Стараясь не делать резких движений, Элири расстелила на седле одеяло, подняла маленькое тельце и удобно уложила на подготовленном месте. Взяла поводья и зашагала к воротам. Кобыла двинулась следом.

Они прошли через всю деревню и покинули ее, провожаемые ненавидящими взглядами.

Гери решил, что не следует открыто нарушать слово, данное в присутствии столь большого числа людей. Как и обещал, он подождет этот день и следующий. Близилось полнолуние. Завтра, как только взойдет луна, он будет в пути. Пусть эта колдунья не рассчитывает, что ей удалось отделаться от него с помощью подкупа и хитрых слов.

Его память бередили воспоминания о стройной фигуре девушки — и о высокомерии, звучавшем в ее голосе. Будет приятно доказать ей, что он не заслуживает такого презрения. Весь день Гери строил планы и готовился к своей охоте. Какая любезность с ее стороны — снабдить его лошадьми, которые помогут ее же и захватить.

Элири хорошо усвоила уроки войны, преподанные Фаром Трейвелером, который знал немало мудрых пословиц и воинских афоризмов. Один звучал примерно так: «Исходи из того, что погоня будет непременно, и действуй соответственно». Она так и делала — к возмущению кобылы.

Примерно с час они быстро скакали вдоль одного из рукавов реки, а потом Элири вместе со своим маленьким отрядом вошла в воду и еще пару часов двигалась вверх по течению. На обширном мелководье девушка сознательно позволила лошади оставить несколько разбросанных здесь и там следов, постаравшись, чтобы их нельзя было не заметить.

Потом они поскакали обратно и снова по воде. Там, где река разветвлялась, свернули и тем же манером двинулись по другому рукаву. Элири подозревала, что Гери может нарушить свое обещание, если только сумеет сделать это незаметно для соседей. Хотя вряд ли это ему удастся, в особенности, при свете дня.

Передав эту мысль кобыле, девушка получила в ответ согласие — с оттенком юмора. Поразительно! Юмор —

явный признак ума, и, уж во всяком случае, такая реакция была несравненно сложнее, чем бесхитростные эмоции, обычно присущие животным.

— Может быть, с моей стороны было бы вежливее называть тебя и маленького по именам? — спросила Элири.

Недоверие!

— Мне не обязательно знать ваши настоящие имена, просто какие-то, которыми я могла бы пользоваться. Людям сложно обходиться без имен.

Снова вспышка юмора. Длительное раздумье.

Потом:

«Я — Тарна. Мой сын — Хилан».

Элири остановилась, не отдавая себе в этом отчета. Ни одно животное не было в состоянии передать такую мысль! То, что отчетливо прозвучало у нее в мозгу, безусловно было проявлением сознательного разума.

В ответ — озорной смешок:

«Люди! Они говорят — раз мы похожи на животных, значит, мы и есть животные. Такие же тупые, как те, другие. Правда, наши жеребцы часто не слишком смышлены, но мы более чем простые животные, несмотря на наше обличье».

Кобыла с удивлением обнаружила, что женщине это сообщение явно пришлось по душе.

«Чему ты радуешься?»

Элири попыталась объясниться с помощью слов — и отказалась от этой мысли. Просто швырнула в сознание кобылы сразу целый клубок ощущений. Возмущение тем, как люди обращались с ней и жеребенком. Возможность более глубокой дружбы, которую создавало наличие разума. И наконец, восхищение ими обоими — мужеством кобылы, прелестью жеребенка. Эта последняя мысль явно расположила кобылу в ее пользу.

«Мой сын — прекрасный жеребенок. Я поражена, что ты способна оценить это. Хотя... По-моему, даже самый тупой человек не может не заметить, как он красив».

Элири заверила ее, что она-то уж точно может. Бросив взгляд на тонкие ножки, свисающие с расстеленного на седле одеяла, девушка сказала:

— Этот человек, без сомнения, не оставит нас в покое. Ты хорошо знаешь эту местность? Можем мы где-нибудь укрыться?

«Если он погонится за нами один, может быть, и найдется такое местечко. Но это ничего не изменит — он все равно будет преследовать нас. Мои соплеменники вмешиваться не станут — с какой стати? Я вижу только один способ избавиться от него — убить».

Дальше они скакали в молчании,— Элири размышляла. Может быть, удастся просто сторговаться с Гери? Она не забыла, какими глазами он смотрел на припасы, которые у нее были с собой. За отказ от попытки убить их он имеет шанс получить отличную лошадь, сбрую и все, что находится в седельных сумках. Не исключено, что алчность может перевесить в нем желание расправиться с Кеплиан.

Однако было что-то еще в последнем взгляде Гери. Застань он Элири спящей, она тоже, может быть, умирала бы мучительно и долго. Ему не было стыдно за то, что он терзал крошечного жеребенка. И погибни она среди этих равнин, никто не узнал бы о ее смерти, а он не испытывал бы ни малейших угрызений совести.

Тяжелая мысль, страшная мысль. Чтобы прогнать ее, девушка снова начала расспрашивать Тарну.

— Что тебе известно о Тьме?

В ответ кобыла вздрогнула.

«Там, где обитает мой народ, есть старая Башня. Очень, очень долго она пустовала. Наполовину разрушилась. Потом пришел... человек и подчинил себе наших жеребцов. Они как раз такие, как ему нужно, а теперь стали еще более жестоки. Мы всегда враждовали со всеми, кто населяет эту страну. Мы убиваем их, они убивают нас. Теперь хозяин Башни требует, чтобы мы так не поступали».

— Как он добивается своего?

«Он может нас принудить. Сначала он часто делал это. Жеребцы нужны ему для того, чтобы приносить людей».

— Как это — приносить людей?

Тарна фыркнула, явно забавляясь:

«Люди любят коней. Разве Кеплиан не прекраснее любого коня? Мы притворяемся ручными. Делаем вид, что жаждем оказаться под седлом, и люди готовы рискнуть многим, лишь бы завоевать наше расположение. Но стоит человеку оказаться на спине Кеплиан, и он попался. Не сможет слезть, сколько бы ни старался. Вот так людей и доставляют в Башню.— Она с отвращением замахала хвостом.— Я не одобряю этого. То есть не одобряла. Теперь мне кажется, что людям самое место в Башне. Они принадлежат к тому же роду, что и ее хозяин. Пусть делает с ними, что хочет».

— А что он делает с ними?

«Не знаю. Они попадают внутрь и не выходят обратно».

Элири замолчала, раздумывая над тем, что узнала. Потом ее мысли вернулись к Гери и связанным с ним тревогам. Кобыла тоже была уверена, что этот человек не оставит их в покое. Может быть, он даже сумеет убедить других присоединиться к нему.

Девушка бросила взгляд на Хилана. Его ноги были в скверном состоянии, а лечить животных она не умела. Пройдет, по крайней мере, неделя, прежде чем раны заживут настолько, что жеребенок сможет двигаться самостоятельно. У Гери, напротив — благодаря сделке с ней,— есть две хорошие лошади. Он был способен загнать обеих, чтобы схватить ее,— если, конечно, сумеет найти. В случае удачи, он будет еще долго топтаться на речном берегу за много миль отсюда. Жалко, что пришлось отдать такому человеку лошадей, о которых она заботилась и которых любила. Охваченный желанием догнать ее, Гери вряд ли станет заботиться о животных. Но если она будет и дальше придерживаться тактики запутывания следов, ему придется скакать помедленнее, внимательно изучая землю. А чем медленнее он будет двигаться, тем легче придется ни в чем не повинным животным,— но в то же время он скорее сможет обнаружить след беглецов.

Тарна была согласна с девушкой. Кобылу не волновали ни лошади, ни люди, но безопасность Хилана была для нее превыше всего. Если существовал способ не подпустить этого человека к жеребенку, она готова была согласиться с любым предложением. Ей тоже было ясно — опасность прежде всего в том, что жеребенок не мог ходить. Именно ради того, чтобы спасти свое дитя, она, хоть и с неохотой, вынуждена была согласиться на зависимость от человека. И все же ее гордость была уязвлена. Хотя эта женщина, по крайней мере, разговаривала с ней честно и обращалась как с Кеплиан, а не как с одним из этих тупых животных, которые соглашаются возить на себе людей.

Еще два дня они скакали вдоль реки, останавливаясь только на ночлег или для того, чтобы покормить жеребенка. Ночью сторожили по очереди — по полно-

чи каждая. И обеих не покидало ощущение, что Гери неотвязно следует за ними по пятам.

Они не ошиблись. Хуже того — он сумел убедить двух других отправиться вместе с ним. Пока, правда, им явно не везло. Вначале они поскакали вдоль берега вверх по течению и, обнаружив умышленно оставленные отпечатки копыт, продолжили путь в том же направлении, внимательно изучая берега. Однако со временем преследователям стало ясно, что их обманули, и тогда очень медленно они вернулись туда, где видели следы.

— По моему разумению, Гери, они сюда не ходили, а свернули и отправились вдоль другого рукава реки.

— Зачем все это?

Его товарищ сердито фыркнул:

— Не потащат они этого жеребенка в горы. Ходить-то он пока не сможет, еще несколько дней уж точно. Нет, они будут жаться к равнинам. Может, надеются заманить нас в какую-нибудь кеплианскую ловушку. Давайте разделимся и обследуем сразу оба берега. Это сбережет нам время.

Так они и сделали. Однако к тому времени, когда им удалось вновь обнаружить след Элири, девушка вместе с Кеплиан уже огибали отроги гор, стараясь держаться у их подножья. Скакали неспешно, и жеребенок был не слишком тяжелой ношей для лошади. Кобыла поначалу страдала от синяков, оставленных плетью, но со временем заметно оправилась. Она никак не могла понять — почему девушка так заботится о ней? С какой стати предлагает травяной настой, который облегчает боль? Тарна не привыкла иметь дело с человеком, который относился бы к ней хорошо. И все же честность и неизменное дружелюбие Элири постепенно делали свое дело: кобыла начала испытывать к ней искреннее расположение.

В пути они беседовали мало, хотя теперь именно Тарну чаще тянуло поговорить. Ее мучил вопрос, почему эта женщина так сильно отличается от других людей, которых она знала?

Она неизменно держалась рядом со своим жеребенком. С каждым новым днем Хилан становился все здоровее. Пройдет немного времени, и хотя бы часть пути он сможет преодолевать на собственных ногах. Что еще бесконечно поражало кобылу, это взаимосвязь, установившаяся между девушкой и жеребенком. Хилан, без сомнения, доверял ей, и Тарна никак не могла решить для себя, хорошо это или плохо. Но Элири, чтобы облегчить страдания жеребенка, втирала сок из смеси трав в его израненные ножки. Шутила с ним, гладила и похлопывала с несомненной нежностью. На отдыхе носила малыша на руках. Глядя на жеребенка, с такой доверчивостью относившегося к девушке, кобыла медленно, но верно и сама начала доверять ей.

Наконец-то их преследователям повезло. Они встретили людей, которые в обмен на лошадей, уже выбившихся из сил, согласились предоставить им свежих. Теперь троица смогла заметно ускорить темп погони.

Дни мелькали один за другим. Любовь и забота делали свое дело, жеребенок заметно окреп и теперь все чаще скакал самостоятельно. Тарна испытывала странное чувство, видя, как эта женщина нежно обнимает малыша. Кобылу захлестывала любовь, когда Элири ласкала ее сына. Не отдавая себе в этом отчета, Тарна уводила их все дальше от земель, где обитали Кеплиан. И была рада, что до сих пор им не встретился никто из них.

Как они отреагируют на то, что она странствует вместе с человеком? Или — еще того хлестче — как они отнесутся к дружбе между Кеплиан и человеком?

Не составляло труда догадаться, каков будет ответ на этот последний вопрос. Она не хотела, чтобы ее сына как изменника затоптали насмерть. Во время этого странного путешествия Тарна впервые в жизни поставила под сомнение свою безоговорочную преданность Кеплиан. Ей страстно хотелось обсудить все эти проблемы с Элири, но останавливало привычное недоверие. Люди такие умные, такие коварные. Может быть, чувства, которые она сейчас испытывала, объяснялись всего лишь какой-то особенно хитроумной уловкой одной из представительниц этой расы? Не исключено, что девушка обманывает ее. Ладно, время покажет, правильно ли она поступила, так и не заговорив о том, что ее волновало.

Элири не знала, что их заметили. Разведчики одного из селений в долине издалека увидели девушку и трех лошадей, но не придали этому особого значения, лишь по привычке проследив за направлением, в котором те скакали. Однако чуть позже они повстречались с другими и рассказали им о том, что видели. Этими другими оказались Гери и его люди, которые незадолго перед тем потеряли след Элири и заметно отклонились на северо-запад. Поняв, в каком направлении движется девушка, они поскакали наперерез, надеясь перехватить ее по дороге.

«Как ты думаешь, мы оторвались от них?»

Теперь жеребенок скакал самостоятельно, и потому двигались они медленнее. Девушка вздохнула:

— Боюсь, что нет. По правде говоря, прошлой ночью мне приснился плохой сон, сон о боли и смерти, о Зле, которое набрасывалось и пило кровь.— Дождавшись Хилана, она поскакала быстрее.— И все же я считаю, что вскоре нам следует сделать привал на несколько дней. Хилан, конечно, стал заметно сильнее, но этот поход все еще

слишком труден для него. Чтобы окрепнуть по-настоящему, ему необходима спокойная обстановка. Но где найти такое место? — Они продолжали двигаться на восток, прокладывая свой путь по холмам. Сверху было видно, что далеко впереди течет река, ярко поблескивая в солнечном свете.— Может быть, вон в тех горах, за рекой, мы окажемся в безопасности?

Кобыла промолчала. Туда ли, сюда — какая разница? Лишь бы жеребенку ничто не угрожало. Ради этого она была готова на все: скакать бок о бок с человеком, пересечь всю страну и даже, если возникнет необходимость, договариваться с демонами и силами. Все, что угодно, лишь бы ее обожаемый сынок уцелел.

Хилан был первым жеребенком совсем еще молодой Тарны. Процесс спаривания, в результате которого он появился на свет, потряс ее до глубины души. Этот огромный старый жеребец внушал ей благоговейный ужас. Она сопротивлялась изо всех сил, но укус в плечо и несколько мощных ударов копытом заставили ее покориться. Так уж положено в природе, но желания повторить этот опыт Тарна не испытывала. Сейчас ей вообще меньше всего хотелось бы встретиться с кем-нибудь из своих соплеменников.

Когда они разбили лагерь этой ночью, Хилан чувствовал себя лучше, чем во время предыдущих привалов. Тогда он выглядел больным и усталым. Однако время явно работало на него. Ноги у жеребенка заживали, хотя и медленно, и в целом он с каждым днем все лучше приспосабливался к кочевой жизни.

В этот раз на привале он впервые весело скакал. Элири подошла к нему и осторожными движениями стала массировать каждую ногу по очереди, вытягивая ее и придерживая рукой. Хилан негромко ржал от удовольствия — как и всякому ребенку, ему нравилось,

что с ним занимаются. Когда девушка отпустила его, он принялся носиться широкими кругами, становясь на дыбы всякий раз, когда пробегал мимо. Элири засмеялась, повернувшись к Тарне,— девушке хотелось разделить с ней радость этого момента.

— Ему лучше. Скоро он будет обгонять нас.

«За это я готова отдать жизнь»,— прозвучал у нее в голове ответ кобылы.

— Да.— Элири вспомнила о разговоре, который они недавно вели.— Тарна, почему люди так сильно боятся вас?

После длительного молчания кобыла гордо вскинула голову:

«Может быть, потому, что мы никогда не были союзниками Света. Многие жеребцы сознательно выбирают Тьму, поэтому всех нас считают злыми. Шаманы и другие, кто хочет идти путями Тьмы,— все они приходят к нам. Люди знают, что мы можем унести их от родных и близких, которые никогда не увидят их снова. Известно им и о том, что те, кто принадлежит Тьме, используют нас как лошадей».

«Я была еще жеребенком, когда впервые увидела, как человека насильно увезли в Башню. Это произошло вскоре после того, как там появился новый хозяин. Тот человек храбро сражался. Кричал, взывал к силам и пытался спрыгнуть со спины жеребца. Ничего у него не вышло.— Тарна выразительно постукивала копытом по траве.— Я не одобряю этого. Пусть люди живут сами по себе, и мы — тоже».

Элири кивнула в знак согласия. Разговор угас, они снова стали наблюдать за жеребенком. У Хилана не было времени для серьезных дискуссий. Он был слишком поглощен радостью, которую дарил этот теплый вечер.

На следующий день они уже скакали по равнине. Если удастся найти брод или мост, можно будет пересечь реку. Чутье подсказывало Элири, что в горах на противоположном берегу реки они смогут укрыться.

Она полюбила этого кеплианского жеребенка и была готова сражаться за жизнь Хилана так же яростно, как его мать. Может быть, Тарна и права, не доверяя людям. Но, как бы то ни было, для Элири имело значение одно — она ненавидела жестокость, с которой люди обращались с Кеплиан. И будет сражаться за то, чтобы Тарна снова не попала в их руки.

Этой ночью она уже не в первый раз задумалась о том, как поведут себя другие Кеплиан, если обнаружат их маленькую компанию. Хотелось верить, что вряд они захотят убить их всех.

Элири поднялась рано, быстро поела и оседлала лошадь. Какое-то подсознательное чувство подсказывало ей, что нужно спешить, спешить.

Однако прошел еще день, и все было тихо, а на следующее утро они оказались уже совсем недалеко от реки. Хилан скакал самостоятельно, солнце грело им спины. Но Элири по-прежнему было не по себе. Ее не покидало ощущение, что за ними наблюдают и отнюдь не с дружескими намерениями. Вон те густые кусты справа. Может быть, опасность таится там? А если нет, то где?

И вдруг со стороны деревьев, небольшой группкой растущих слева, послышались яростные крики. Элири обернулась и увидела трех всадников, которые мчались к ним во весь опор. Гери. Значит, он все же нашел их и теперь собирался получить свою награду за долгое и утомительное путешествие.

Тарна рванулась вперед, но вынуждена была остановиться, осыпаемая градом копий. Их преследователи

засмеялись, увидев кровь, струящуюся из ее ран. Кобыла хорошо представляла, что будет дальше. Они окружат ее плотным кольцом, а потом отберут жеребенка. Что ей оставалось? Только умереть с горьким сознанием, что она не спасла свое дитя. Тарна пронзительно заржала, встав на дыбы. Чему быть, того не миновать. Лучше умереть, сражаясь за сына, чем остаться в живых и увидеть его смерть. Она бросилась вперед.

5

Элири развернула лошадь и мысленно приказала ей остановиться. Мгновение — и лук оказался у нее в руках, стрела полетела к цели. У нее всегда был меткий глаз, а годы упорного труда под руководством Фара Трейвелера развили природные способности. Послав одну стрелу, она тут же выхватила другую и выстрелила снова. Всадники, гарцевавшие вокруг обезумевшей кобылы, упали. Они еще не были мертвы, но жить им оставалось совсем недолго — ровно столько, сколько понадобилось Тарне, чтобы добраться до них. После этого они превратились в кровавое месиво.

Гери, единственный оставшийся в живых, тут же поскакал прочь — со всей скоростью, которую смог выжать из своего коня. Но стрелы мчатся быстрее коней. Когда он безжизненно соскользнул на землю, Тарна, погнавшаяся за ним, стала рвать его зубами и бить копытами. И не остановилась до тех пор, пока не разорвала уже мертвое тело почти в клочья. Хилан стоял рядом. Никто не успел даже прикоснуться к жеребенку, и он не понял, какая опасность ему угрожала. Вокруг него происходило что-то очень интересное, но больше всего ему снова хотелось есть. Он жизнерадостно — и просительно — заржал.

Мать рванулась к нему, заскользила носом по маленькому телу. Никаких ран. Она повернулась, подставляя ему соски, и замерла, удовлетворенная. Элири зашагала к ней, и Тарна издала угрожающий звук, что-то вроде негромкого рычания.

Девушка заглянула ей в глаза — они сверкали ужасающим красным огнем. Прежде она как-то не обращала на это внимания, хотя сейчас ей припомнилось, что глаза у кобылы всегда отсвечивали красным. Ну, в конце концов, Тарна была не лошадь; скорее всего, это нормальный для Кеплиан цвет глаз. Элири подошла поближе, негромко напевая жеребенку, а сознанием потянувшись к своей подруге.

Тарна после сражения находилась в таком состоянии, что начисто забыла о необходимости скрывать от Элири свои глубинные мысли. В первый раз за все время их общения сознание девушки проникло сквозь то, что находилось на поверхности, и... Кадих, вот, оказывается, кому она подарила свою дружбу! Ее смятенный разум едва не утонул в мутном водовороте эмоций. Чуждых. Ужасающих. Элири призвала на помощь все свое самообладание. Это все та же Тарна, напомнила она себе. Они вместе проделали долгий путь, заботились о Хилане, сражались, защищая друг друга. Это Кеплиан, не лошадь; нужно принимать ее такой, какая она есть, со всеми присущими ей особенностями, и любить в ней свою подругу.

Девушка стояла, борясь с собой, а Тарна замерла, выжидающе и настороженно — как на ее месте сделал бы в этой ситуации любой хищник. Наконец, Элири с невероятным трудом преодолела свои опасения и шагнула вперед.

— Боевая сестра, с Хиланом все в порядке?

Она замерла, почувствовав, как на нее нахлынула волна безграничного удивления. И эта эмоция не была ее собственной — она исходила от кобылы. Девушка медленно подняла руку и погладила жесткую гриву.

— Почему ты так удивилась? И что все-таки с Хиланом?

Кобыла наконец вновь обрела «голос».

«Мой сын не ранен, ты и твои стрелы спасли его. Но...— она на мгновенье заколебалась.— Ты и дальше хочешь продолжить путь вместе со мной?»

— Почему нет?

«Ты проникла в самую глубину моего сознания. Я почувствовала это, почувствовала и твое потрясение, твой страх. Бывало, что такое удавалось и другим людям, но всегда после этого они настраивались против нас, начинали желать нашей смерти. Теперь ты тоже возненавидишь и будешь стремиться убить меня? — Тарна в задумчивости опустила взгляд.— Прежде, когда я думала об этом, у меня не раз возникал вопрос: может быть, проникнув глубоко в наше сознание, люди от ужаса просто сходят с ума? Они и без этого ненавидят и боятся нас, а поняв нашу истинную природу, начинают испытывать еще больший страх».— Она содрогнулась.

Элири снова глубоко погрузилась в сознание Тарны. На этот раз, зная, что именно кипит под поверхностными мыслями, девушка смогла удержать под контролем свой чисто инстинктивный страх. Постепенно она начала понимать смысл этой бурлящей силы, сверкающих эмоций. И почувствовала, что они стихают по мере того, как продолжалось ее соприкосновение с внутренним миром Тарны. Как будто чем меньше боялась она сама, тем больше успокаивалась кобыла. Поняв это, Элири приложила все усилия, чтобы пригасить обуревавшую обеих взвинченность. Наконец они снова об-

рели спокойствие. Задумчиво глядя, как сосет жеребенок, девушка сказала:

— Тарна, похоже, мы воздействуем друг на друга.

Нависшая над ней прекрасная, мощная голова кивнула.

Элири прислонилась к теплому плечу, рассеянно поглаживая его:

— Первый глубокий контакт с твоим разумом был ужасен. Но когда я отбросила страх и вернулась, такого пугающего впечатления уже не возникло. Теперь, когда мое сознание соприкасается с твоим без страха, ты тоже стала спокойнее.— Она постепенно усилила мысленную связь и задала вопрос, который не раз приходил ей в голову прежде: — Ты принадлежишь Тьме, боевая сестра? Мне кажется, что это не так, но остальные люди считают иначе.

Кобыла покачала головой и забила копытом, заставив жеребенка возмущенно заржать. Он еще не закончил своего дела. Мать должна стоять спокойно.

«По рождению мы принадлежим не Тьме, а тени и полумраку. Некоторые предпочитают служить Тьме, отдаваясь ей целиком и полностью; другие — нет. Нас создали давным-давно, когда адепты воевали между собой. Зачем? Этого мы не знаем. Адепты создали еще и многих других. Жеребцы у нас более воинственны и, в основном, служат Тьме. Среди кобыл таких гораздо меньше. Мне кажется, жеребцы обижаются на людей за то, что те боятся и ненавидят нас. И завидуют им».

— Ты тоже хотела бы перейти на сторону Тьмы?

Кобыла опустила голову на плечо Элири:

«Теперь нет, боевая сестра. Чтобы спасти меня, ты убила тех, кто принадлежал к твоему собственному роду.— Мягкий нос прикоснулся к щеке Элири.— Я всегда отказывалась произносить твое имя,

но отныне я буду звать тебя Элири. Обращаясь ко мне, ты сказала — боевая сестра. Считаешь ли ты меня и своим другом?»

Руки девушки погладили теплую шкуру.

— Да. Не недругом и не наполовину другом, а именно другом и названой сестрой. И точно так же я отношусь к твоему маленькому, если ты не возражаешь, конечно.

Ответное излучение, исходившее от кобылы, было пронизано согласием и робким удовольствием. Обхватив руками мускулистую шею, Элири надолго замерла, наслаждаясь ощущением единения между ними. Она любила лошадей и с ними не чувствовала себя одинокой. Но это... Это было несравненно больше. Названая сестра, подруга, с которой можно разговаривать и знать, что получишь ответ. О которой можно заботиться, но которая в случае необходимости позаботится и о тебе тоже.

Разомкнув объятия, девушка сняла сумку, в которой хранила травы.

— Любящая сестра поможет тебе залечить раны. — Нежными движениями пальцев она принялась втирать в израненное тело целебный сок. Было приятно касаться могучих мышц, гладкой шкуры, горделиво изогнутой шеи, струящейся гривы и пышного хвоста.

Эти руки и нежное ментальное прикосновение несли такое успокоение, что кобыла расслабилась, наслаждаясь впервые испытываемым ощущением глубокого внутреннего единения с другим существом. Прежде лишь со стороны матери она чувствовала столь полное, безоговорочное приятие. Оно уносило прочь копившуюся годами горечь, а вместе с ней и ненависть к людям, которые осуждали то, чего не понимали. Эта женщина была совсем не похожа на других. Эта женщина

смело взглянула в лицо тому, с чем столкнулась,— и сумела принять это.

Возникло ощущение, будто Тарна плывет, доверчиво, безмятежно. Мгновенье за мгновеньем незаметно скользили прочь. Она любила эту женщину, боевую сестру, подругу, названую сестру. В глубине сознания что-то нашептывала Тьма — она отказывалась слушать. Кому нужна ночь, когда манит солнечный свет? Кроме того, ей было отлично известно, что Тьма всегда предает. Слишком много ее соплеменников, прельстившись уловками Тьмы, сожалели об этом всю оставшуюся жизнь. Она не хотела стать одной из них; она принадлежит тени и полумраку, но не Тьме. И теперь уже никогда не будет принадлежать Тьме — после того, как познала Свет.

В полном согласии вся троица проскакала последнюю милю до реки. Хилан не понимал, что произошло. Он лишь чувствовал, что и мать, и их общая подруга счастливы. Этого с него было достаточно.

«Мы пересечем реку или поскачем вдоль нее?» — спросила Тарна, с сомнением оглядывая равнину.

В ее сознании Элири увидела образы Серых, которые часто скитались в этих краях.

— Если они тут появляются, лучше нам убраться отсюда. Ты, похоже, считаешь, что хорошего от них не приходится ждать ни вам, ни людям.— Они торопливо поскакали вдоль берега, не пересекая реку — течение было сильно, вода глубока, и их могли увидеть.— Ты хорошо знаешь эту местность?

Тарна покачала головой:

«Думаю, эта река течет далеко. Она начинается в западных горах, и я слышала, что где-то там, на западе, есть большое озеро. Серые сторонятся тех мест; там, в развалинах старых замков, живут люди, которые враждебно настроены по отношению к ним».

— Хорошо. В ту сторону мы и направимся,— резонно заключила Элири.— Нам годится любое место, которое им не по душе.

Они поскакали вверх по течению реки. Теперь совместное путешествие доставляло всем только удовольствие. Тарна и Элири «рассказывали» друг другу о том, что им пришлось пережить. Кобыла была поражена, получив представление о том, насколько разнообразен и многолик мир.

Вокруг них расстилался все тот же пейзаж. У Элири было время, чтобы поразмышлять над возникающими в сознании Тарны образами Серых и воспоминаниями о том, что Кинан рассказывал о них. Может быть, думала девушка, враждебность Тарны по отношению к этим созданиям несколько преувеличена. Однако вступать с ними в какой бы то ни было союз у нее не было ни малейшего желания. Они неуклюже передвигались на задних ногах. Имели вытянутую голову, заросшую косматым, сбившимся от грязи мехом, зубастый рот и маленькие красные глазки. Судя по воспоминаниям Тарны, они были очень неглупы и даже могли говорить, хотя редко делали это, испытывая неприязнь к другим разумным существам. Серые не носили одежды и не применяли оружия.

Вообще-то они воевали, только если их загоняли в угол или если в силу каких-то обстоятельств ими овладевала безумная жажда убивать. В других случаях они ввязывались в бой, только когда преимущество было на их стороне. Подобно многим созданиям Тьмы, Серые боялись бегущей воды. Пока безумие не ударяло им в голову, затуманивая сознание, они держались подальше от нее. Поскольку сейчас путь Элири и ее спутников проходил неподалеку от территории Серых, девушка все время была начеку и держала лук наготове.

Кобыла скакала бок о бок с ней и тоже размышляла. Тот факт, что ей и человеку удалось прийти к согласию, необычайно заинтересовал ее. У Кеплиан не было никаких сколько-нибудь достоверных легенд об их происхождении, лишь смутные представления о том, что они были созданы адептами во времена древних войн. Некоторые считали, что основой для их создания послужили кони. Хотя, выскажи они открыто эту точку зрения, с ними наверняка жестоко расправились бы. Меньше всего эта идея нравилась жеребцам. Тарна ломала голову — в чем причина того, что она чувствовала себя рядом с этой женщиной так спокойно, так мирно?

Она косила взглядом на скачущую рядом лошадь. Интересно, что это за ощущение — нести на себе человека? Конечно, не с седлом и уздечкой, а на голой спине, чувствуя все перемещения и колебания человеческого тела? Нелепая идея, не стоит об этом и думать. Тарна выбросила эти мысли из головы и сосредоточилась на том, о чем сейчас думала Элири. Оказывается, девушке доставляло огромное удовольствие зрелище всего, что она видела вокруг. Рябь на кристально чистой поверхности воды, многообразные оттенки серого в цвете камней, коричнево-желтые пятна отмелей. Кустарник и большие группы деревьев на берегу, в прохладной тени которых укрывалось множество ярких птиц. Впервые в жизни Тарне открылась красота — и удовольствие, которое получаешь, восхищаясь ею не в одиночку.

Сейчас, когда им доставляло такую радость общество друг друга, их мысли нередко совпадали. Хилан тоже, казалось, набирался ума. Это удивляло кобылу — и тревожило. А вдруг постоянное общение с ними приведет к тому, что он станет отрицательно восприни-

мать представителей своего пола? Жеребцы спаривались с кобылами и сражались — таков их удел. Но так ли это на самом деле? Тарна скакала вслед за лошадью Элири, а ее сознание с трудом осваивало новые идеи. Ясно одно — никто из ее соплеменников никогда прежде не был другом и названой сестрой человека. А если и были, то никто этого не помнил. В легендах об этом не упоминалось. И ни один человек никогда не принимал Кеплиан как друга; если людям и случалось прежде проникнуть поглубже в их сознание, они тут же убегали или кидались в бой.

Но эта женщина оказалась способна на большее. И — странное дело! — как будто то, что Элири приняла Тарну, распахнуло прежде запертые двери в сознании самой кобылы. Иногда ей казалось даже, будто бы... Будто бы это было правильно, что они стали друзьями! Ведь наверняка не просто так, а ради какой-то цели Великие прошлого задумали и создали Кеплиан. Может быть, именно ради того, чтобы они стали друзьями? Эта женщина — нет, Элири — восхищалась ее красотой и силой. С гордостью говорила, что Тарна способна обогнать любого коня. Всякий раз, когда мысли девушки обращались к Тарне или Хилану, в них ощущались любовь и дружба. Может быть, именно так и было задумано когда-то?

Ответа кобыла не знала, но одно не вызывало у нее сомнений — эта мысль ей приятна. Ее соплеменники держались отчужденно даже по отношению друг к другу. Любая кобыла яростно сражается за своего жеребенка, но лишь пока вскармливает его. Потом она его просто не замечает. Неужели и сама Тарна перестанет любить Хилана, когда он вырастет?

Дрожь пробежала по телу, возникло острое желание отогнать эту мысль, точно надоедливую муху. Ни-

когда. Она будет любить сына, пока оба они живы. Тарна вскинула голову и, с удовольствием ощущая прикосновение солнечного света к спине, подпрыгнула, изогнувшись в воздухе. Было так приятно ощущать, что мощные мышцы прекрасно подчиняются ей. Она подпрыгивала снова и снова с ребяческим визгом восторга. Хилан тут же принялся подражать матери.

Элири оглянулась и засмеялась при виде того, как Кеплиан становятся на дыбы и прыгают в чистом воздухе. Поразительно, но, уверившись в ее дружбе, Тарна стала почти другим существом. Жеребенок тоже заметно развивался, не только в физическом отношении, но и в смысле умственных способностей.

«Бежим к реке наперегонки!»

Они поскакали к реке, величаво катившей свои воды неподалеку. Кобыла Кеплиан впереди, за ней — лошадь, несущая всадницу. Хилан отстал, детские ножки не позволяли ему держаться наравне даже с лошадью. Дробный стук копыт заглушил его негодующий крик. Они остановились у реки, напились, и Элири пошла по берегу, вглядываясь в воду.

— Река впадает в озеро?

«Насколько я помню, да»,— ответила Тарна.

— Ладно, будем двигаться по этому берегу, пока не доберемся до озера. За ним река наверняка станет мельче, и мы сможем найти брод.

Кеплиан не сводила пристального взгляда с воды. Все правильно, сейчас пересекать реку рискованно. Хилан еще недостаточно окреп, а течение слишком сильно. Но река становилась все мельче, и вскоре они наверняка смогут перебраться через нее. Ей хотелось как можно скорее оказаться за пределами территории Серых. Не один жеребенок Кеплиан погиб, разорванный их зубами. Более того, они нападали даже на ко-

был, ослабевших после родов или в результате несчастного случая. Тарна мысленно послала девушке свое согласие и неторопливо двинулась вдоль берега.

Подбежал Хилан, она любовно лизнула его. Он был так силен, так прекрасен! Во всех отношениях чудесный сын — второго такого умненького и способного на свете не существовало. Друг за другом — Тарна впереди, за ней Хилан и Элири — они медленно двигались по краю воды. Продираться сквозь густой кустарник не хотелось, и, обходя его, они заметно удалились от берега.

Кустарник оказался досадной помехой, но он был удивительно красив. Листья светло-зеленые, с серебристым отливом, в изобилии усыпанные ягодами, которые служили пищей многочисленным и самым разнообразным птицам. Спросив у Тарны, не ядовиты ли ягоды, Элири наклонилась и сорвала горсть. Спелые шарики взрывались сладостью во рту. Слегка терпкие, они прекрасно утоляли и жажду, и голод. Она ела их по дороге, а когда кусты начали редеть, слезла с лошади и, к удивлению кобылы, принялась выкапывать один из кустов из земли.

«Что ты делаешь?»

Девушка подняла голову и усмехнулась:

— Ягоды просто замечательные. Не знаю, куда нас занесет судьба, но думаю, что во всех случаях было бы неплохо, если бы эти кусты росли там.

Она бережно отделила несколько маленьких побегов от материнского растения и вместе с большим комом дерна, в который уходили их корни, упаковала в седельную сумку. Тарна заинтересованно наблюдала за ней, широко распахнув глаза. Люди: неудивительно, что мир вокруг них изменяется. Кеплиан никогда не пришло бы в голову сделать что-то в этом роде, даже если

бы они могли. Но в самом деле — почему бы и нет? Разве неплохо иметь пищу под рукой, когда пожелаешь?

Они неспешно скакали все дальше и дальше вдоль животворной воды. Останавливались, когда Хилан уставал, и для ночного отдыха. Время как будто замерло. Дождь загонял их в укрытие, но потом они снова продолжали свой путь. Во время этих вынужденных остановок Элири подбирала прутья, а потом, когда ехала верхом, тщательно отбраковывала неподходящие и шлифовала оставшиеся. Две стрелы, которыми она убила спутников Гери, оказались сломаны. Третью растоптала Тарна, добивая врага. Впереди, без сомнения, их ждут новые опасности; запас стрел лишним не будет.

Прошло немногим больше двух дней, и колчан был полон, но Элири продолжала работать. Дело нетрудное, а заодно можно и «разговаривать» с подругой. Когда появятся враги, заниматься изготовлением оружия будет некогда. Позднее Элири стало казаться, что она получила какое-то предостережение. Импульс, подталкивающий ее делать стрелы, был слишком силен. К тому времени, когда на них напали, их у нее было уже больше трех дюжин.

День только начинался, маленький отряд двигался, как обычно, и вдруг в сознании Элири зазвучал тревожный призыв Тарны:

«Опасность, названая сестра! Ветер донес до меня запах Серых. Они мчатся по нашим следам».

Элири пришпорила лошадь.

— Как по-твоему, далеко еще до озера?

«В последний раз, когда ветер дул с той стороны, было еще далеко. Но с тех пор прошел день. Сейчас ветер дует от нас, и я не чувствую запаха озера, но думаю, что оно уже близко. Что будем делать?»

Элири соображала быстро. Это было составной частью искусства воина — принимать решения, основываясь на немногочисленных данных, и все же не ошибаться. Она объяснила, Кеплиан повиновались. Хилан легким галопом поскакал впереди матери и ее подруги. К этому времени он уже овладел способностью передавать свои мысли на некоторое расстояние, вполне достаточное для того, чтобы они знали, где он находится. Если повезет, преследующая их стая решит, что взрослые продолжают двигаться ровным шагом, а жеребенок просто играет.

Хилан взлетел на вершину небольшого холма, пристально вглядываясь в окружающую местность. Перед ним в конце длинного пологого склона мерцало в солнечном свете озеро, в которое, ответвляясь от полноводной реки, впадал неширокий ручей. Хилан послал мысленную картинку увиденного и помчался дальше.

Ручей можно было пересечь неподалеку от места его впадения в озеро. Вода глубокая, но взрослые смогут перейти ее вброд; течение несильное. Хилан замер в ожидании. Его семья задерживалась, и сейчас он контактировать с ней не мог.

Прячась в тени деревьев, Серые мчались все быстрее. Те, за кем они сейчас охотились, похоже, ни о чем не подозревали, продолжая неспешное движение вперед. Скоро Серые нагонят их, а потом будет пир. Преследователей больше дюжины — что им стоит расправиться с какими-то жалкими Кеплиан и человеком? Жеребенок — самый лакомый кусок, а отчаяние кобылы лишь придаст вкус этому блюду. Они летели как на крыльях.

Элири сдерживала лошадь, заставляя ее скакать медленной рысью. Такой темп не утомлял и в то же время позволял держаться впереди преследователей. Быстро

оглянувшись, она увидела их. И все же ей удалось сохранить безмятежную позу. Вскоре Тарна, а вслед за ней и Элири добрались до вершины холма и, начав спуск по длинному склону, получили новую «картинку» от Хилана.

Выполняя то, что было задумано, они как одна рванулись вперед. Грохот копыт достиг ушей Серых, побуждая мчаться еще быстрее, но, добравшись до ручья и стоявшего на берегу Хилана, подруги опережали преследователей на несколько минут. Элири на всем скаку выхватила стремянные ремни, сложила их вдвое и, сделав петлю, обхватила ею живот жеребенка. И тут же, пришпорив лошадь, направила ее в воду, держа Хилана на весу, так, чтобы он не захлебнулся.

Тарна осталась на берегу, не торопясь входить в воду. Она задержит Серых, пока жеребенок не окажется в безопасности. Прежде в этом месте был брод, но либо со временем его размыло течением, либо вода поднялась выше обычного. Сейчас вода была настолько глубока, что Элири приходилось плыть вместе с лошадью. И все же то, что прежде тут был брод, обеспечивало им еще одно преимущество.

Вдоль берегов потока густо росли колючие кусты, которые расступались только по сторонам брода. Тарна встала как раз в этой прогалине — копыта наготове, зубы оскалены. Элири, оказавшись в безопасности, резко развернула лошадь. Да, с боков Тарну защищали колючки, но даже с учетом этого ей придется нелегко; эти Серые, так похожие на волков, выглядели устрашающе. Элири проскакала по дальнему берегу, отпустила жеребенка и в течение некоторого времени вглядывалась в происходящее, пытаясь оценить ситуацию.

Пока Тарна удерживала Серых. Это было нелегко, но ее зубы и копыта отпугивали их. Однако звуки ста-

новились все неистовее, и это означало, что очень скоро ярость и жажда убийства могут перевесить все разумные соображения, в том числе и страх смерти. Нужно постараться помочь Тарне до того, как это случится.

Ударами пяток Элири направила лошадь вниз по течению, выискивая место, откуда Серые были видны лучше и под углом к кобыле. Хорошо. Кусты невысоки, а на этом берегу и довольно редки; они не помешают ей стрелять. Она выхватила стрелу, натянула тетиву, вдохнула побольше воздуха и выстрелила.

Серые охотники ничего не успели понять, как в воздухе зазвенела еще одна стрела, а за ней следующая. Может быть, эти самодельные стрелы были немного шероховаты, но летели хорошо и на таком небольшом расстоянии точно попадали в цель. И, главное, они убивали, в чем тут же убедились Серые. Не прошло и минуты, как четверо из них погибли, а трое оказались ранены. Этого оказалось достаточно. С угрожающим рычаньем и визгом оставшиеся покинули поле боя. Тарна вошла в воду и поплыла, в то время как Элири продолжала наблюдать за убегающим противником.

— Ну, и что теперь будет? Они станут дальше преследовать нас?

Кобыла фыркнула, прочищая ноздри:

«Вряд ли. Им уже пришлось несладко, а они предпочитают сражаться, только когда перевес на их стороне. Зато они могут подать сигнал своим на этом берегу. Лучше нам уйти отсюда побыстрее и по возможности замести следы».

Элири внимательно осмотрела ее. Лоснящиеся черные бока были в пене, нижняя часть груди и одна нога обильно кровоточили.

— Ты в состоянии выдержать гонку, если нам придется убегать снова?

«Если придется, значит, придется. Справлюсь».

Девушка насмешливо фыркнула:

— Давай-ка лучше приведем тебя сначала в порядок. Стой спокойно, пока я буду заниматься этим. Кроме того, Хилан, наверно, голоден.

Жеребенок тут же доказал, что она не ошиблась — проскользнул под материнское брюхо и принялся сосать. Элири осторожно промыла раны на шкуре Тарны. Они были неглубоки, но...

— Тарна, эти люди-волки... Ты не можешь чем-нибудь заразиться от их укусов?

Этот вопрос пришел вместе с очень странной мысленной «картинкой» превращения Тарны в Серого. Кобыла была ошеломлена.

«Не пойму, чего ты боишься?»

Элири почувствовала себя немного глупо, но безопасность важнее неловкости.

— Ну, в том мире, откуда я пришла, болтают разное. Будто тот, кого укусит вервольф — так у нас называют подобные существа,— в полнолуние может сам стать таким же.

В груди кобылы возникло болезненное ощущение. У нее перехватило дыхание, и вслед за тем она резко, пронзительно заржала.

Элири в отчаянии рванулась вперед. О боги, это случилось! Должно же быть что-то, что еще можно сделать! Тарна ткнула ее мягким носом и замерла, свесив голову. И вдруг до девушки дошло, что кобыла просто... смеется. В первое мгновение Элири испытала вспышку возмущения, но тут же расслабилась. Никогда прежде ей не доводилось слышать таких звуков, но когда их сознания соприкоснулись, ее губы тоже искривила усмешка.

— Значит, здесь такого не бывает. Я поняла.

«Ох, названая сестра! Подумай сама. Что бы стало, если бы Серые таким способом могли увеличивать свою численность? Нет, их укусы могут только убивать, и то, если они достаточно глубоки. Теперь, когда ты прочистила их, они не загноятся. Хилан отдохнул и поел; пора отправляться».

Элири взобралась на лошадь и огляделась. Над озером колыхалась вуаль бледной дымки; что-то подсказывало девушке, что лучше держаться от него подальше. Она поскакала вверх по течению ручья. Река, потеряв часть воды, ушедшей в озеро, стала заметно мельче. Еще несколько миль, и им наверняка удастся пересечь ее. Местность снова начала медленно подниматься. Впереди возвышались горы, изрезанные глубокими каньонами и хребтами. Элири так и потянуло к ним.

— Есть какое-то направление, которое ты предпочитаешь?

«Нет. Решай сама, боевая сестра».

Элири устремила взгляд на горы. Они звали; она ответит на этот призыв. Возможно, именно там они найдут приют. По крайней мере, смогут держаться подальше от Серых. Направив лошадь вперед, девушка почувствовала, что на душе у нее стало спокойнее. Да, все правильно; они поедут в горы.

Она поскакала, кобыла и жеребенок — за ней. Эмоции, всколыхнувшиеся в ее душе, когда она думала о горах, передались Тарне и Хилану — теперь они тоже испытывали притяжение гор. Маленький отряд рысью скакал вперед, оставив ручей и озеро позади. Справа от них бурно катила свои воды река, вода ярко сверкала на черных скалистых порогах.

Вскоре им придется пересечь ее, прежде чем она повернет обратно к низинам. Уже наступили сумерки,

когда стали заметны признаки брода. Элири снова потянулась к стремянным ремням и подозвала Хилана.

«К чему торопиться и переходить сейчас?» — недоуменно спросила Тарна.

— Есть такая старая поговорка: прежде чем лечь спать, оставь за спиной реку.

Похоже, этот ответ ничего для кобылы не прояснил, она выглядела еще более сбитой с толку. Девушка мысленно послала ей быструю последовательность «картинок». Река, которая разливается за ночь, так что утром ее оказывается невозможно перейти вброд. Враги, нападающие на спящий лагерь, оттесняя воинов к реке и лишая их возможности отступить в безопасное место.

Кобыла молча кивнула; теперь она поняла и была полностью согласна. Надежно закрепив жеребенка, Элири в сопровождении Тарны переплыла один из мелких рукавов. Неподалеку был виден другой, в нем тоже вода стояла низко.

Однако вряд ли сейчас имело смысл перебираться через него. Стало уже почти совсем темно, да и вообще, надежнее всего было раскинуть лагерь именно между двумя бродами. Элири задумчиво огляделась. Вон те кусты, к примеру,— отличное укрытие. На берегу валялось много сушняка, выброшенного во время паводков. С костром можно не опасаться, что к ним подберутся незаметно. Тарна одобрила это предложение, и даже Хилан помогал собирать дрова. Старая, сухая древесина занялась почти мгновенно, и всем сразу стало спокойнее. Того, что они собрали, хватит на всю ночь.

Темные очертания гор неясно вырисовывались на фоне слабо светящегося неба и звезд. Девушка лежала, глядя на них и удивляясь тому, что произошло с ней за последний год. Потом взгляд ее упал на часы. Они все еще работали — батарейка была рассчитана на несколь-

ко лет. Элири поднесла их поближе к глазам и чуть не задохнулась от смеха. Сегодня был день ее рождения! Сегодня ей исполнилось семнадцать.

Все еще улыбаясь, она медленно уплывала в сон. Вот это день рождения — побег от вервольфов в компании двух говорящих коней. Да, последний год был лучше некуда. Интересно, что принесет следующий? Уж во всяком случае, скучным он не будет... Она негромко рассмеялась, и сон накрыл ее своим плащом.

6

Рассвет опять был прекрасен, и второй речной брод оказался мельче первого. Они осторожно пересекли его и рысью поскакали по берегу.

«В горы?»

Элири по-прежнему ощущала притяжение гор, неясно вырисовывающихся высоко над ними. Она чувствовала — где-то в глубине этого лабиринта вздыбленных утесов они найдут то, что ищут.

— Да, но, по-моему, мы можем не торопиться.

Они неспешно продвигались вперед, радуясь яркому солнцу, кустам, щедро усыпанным ягодами, и бесчисленным птицам, которые по виду отличались от равнинных, но пели ничуть не хуже. Хилан скакал, становился на дыбы и дурачился, бегая от одной к другой. Он рос быстро; пройдет совсем немного времени, и надобность кормить его материнским молоком отпадет, он станет полностью независим. Мысль об этом страшила Тарну. Во времена детства ей не раз приходилось видеть, как сильно после этого меняются молодые жеребцы. Они становились тупее, беспощаднее — и очень часто начинали явно тяготеть к Тьме, стремясь стать ее орудием.

Она обожала своего сына, своего первенца, но в то же время старалась оценивать его объективно — совсем не так, как относились к своим детям другие кобылы. Путешествие вместе с Элири явно сказывалось на нем; возникало странное ощущение, как будто какая-то часть ума девушки передалась Хилану. По сравнению с другими молодыми жеребцами его возраста, он был заметно умнее и любознательнее. Он больше задумывался, да, вот так правильнее будет сказать.

Они миновали последние высокие деревья, в ветвях которых гнездились красные и голубые птицы, оглашая воздух пронзительными криками. Тарна остановилась и принялась щипать сочную траву, продолжая, однако, упорно размышлять. Впереди Элири оттянула тетиву лука и выстрелила. Упитанный кролик упал. Люди едят мясо, Кеплиан — траву, подумала Тарна. Хотя те, кто принял Зло, могли удовлетворяться и менее вкусной пищей.

Да, Элири другая — и все же Тарна воспринимала ее как свою названую сестру; эта женщина была ей ближе, чем любой из соплеменников. Хилан тоже любил Элири. Кеплиан были похожи на Серых, Фланнан, Зас, Крогран — всех их тоже создали адепты. Внезапно ее сознание сделало резкий скачок. Могло ли такое быть — было ли это возможно,— что Кеплиан создали специально как товарищей для людей? Могла такая мысль зародиться у человека, который очень любил лошадей и хотел, чтобы рядом с ним по жизни шел умный друг, не слуга? Она рассеянно щипала траву, а сознание деятельно перемалывало эту идею. Может быть, доверяя женщине, которая спасла Хилана, и став ее другом, Тарна неосознанно следовала какому-то давнему своему предназначению? Эта мысль ей понравилась, и все

же она решила, что не станет делиться ею с Элири. Пока нет.

Они пили воду из бесчисленных ручьев, обследовали тропы, которые никуда не вели, и каньоны, откуда не было выхода, но при этом упорно забирались глубже и глубже в горы. Все время держались неподалеку от реки, хотя сейчас она сильно обмелела и больше напоминала ручей. Элири как будто подгоняло что-то, призывая действовать. Но что именно ей следовало делать? Этого она не знала.

Однажды утром девушка поднялась еще до рассвета, подгоняемая желанием пройтись. Ноги несли ее все выше по склону лощины, в которой они устроили привал.

Внезапно со стороны северо-запада возникло сильное притяжение, заставившее ее вздрогнуть. В горле появилось ощущение тепла, а вслед за ним удушья, и она непроизвольно наклонилась вперед, расстегнув ворот рубашки. Кулон из черного янтаря повис свободно, глаза миниатюрного коня вспыхнули, сначала красным, а потом... темно-голубым, как сапфир! Элири удивленно замигала, продолжая вглядываться, но больше никаких изменений не происходило. Глаза крошечного коня, вне всякого сомнения, приобрели новый цвет. По ее глубокому убеждению, подобные вещи просто так не происходят. Это был знак. Девушка положила кулон на ладонь и повернула его в сторону от того направления, которое так притягивало ее. Глаза опять замерцали красным. Вернула в прежнее положение — глаза снова засияли голубизной и теперь, казалось, сами источали свет.

Она удивленно разглядывала кулон — прощальный дар Кинана. Имел ли он хоть какое-нибудь представление о том, что именно дарил? Скорее всего, нет. Отпу-

стив кулон и позволив ему снова свисать свободно, Элири прошептала:

— Если мы пойдем в этом направлении, то найдем Свет?

Кулон запылал с такой яркостью, что ей пришлось крепко зажмуриться. Прошло некоторое время, прежде чем она решилась вновь открыть глаза. Это было чудо, просто чудо! Судя по тому, что рассказывала об этой стране Тарна, то, что принадлежало Тьме, никак не могло выдавать себя за Свет. Кулон был подлинный — и не обманывал.

Она легко прикоснулась к крошечному коню, погладила горделивую голову.

— Как ты говоришь, так и сделаем. Отправимся на северо-запад и найдем Свет. Охраняй нас в пути, помоги добраться до Света.

Девушка не знала, к кому обращалась, и все же чувствовала, что этот таинственный некто настроен по отношению к ней дружелюбно. Одно не вызывало сомнений — здесь, в этих краях, она должна была что-то сделать. Разве боги и раньше не прибегали к помощи людей? Вмешиваться в дела богов опасно, но отказывать им в помощи грозило еще большими неприятностями. Элири медленно пошла обратно. На северо-западе уходил в небо единственный пик — туда они и отправятся на рассвете. Она от всей души надеялась, что Тарна не будет возражать.

Однако кобылой овладела подозрительность.

«Откуда тебе известно, что это не обман?»

Элири молча протянула ей кулон. В солнечным свете глаза коня все еще сияли яркой голубизной, цветом жизни и Света. Кобыла не нашлась, что сказать. Ее сын весело прыгал вокруг. С его точки зрения, их ждало новое приключение. Страстно желая, чтобы оно нача-

лось как можно скорее, он рысью поскакал по еле заметной тропе в направлении, указанном Элири. Девушка и кобыла, забавляясь, взглянули друг на друга и последовали за ним. Очертания пика проступали все отчетливее, но торопиться не следовало. До сих пор им не встречались здесь ни Серые, ни другие создания Тьмы, но это не означало, что можно было отбросить всякую осторожность. Существовали и другие опасности, не обязательно имеющие отношение к Тьме.

Здесь, на высоте, с едой дело обстояло не так хорошо, как в низинах. Элири, правда, попадалось немало мелкой дичи, так что она не голодала. Но трава была не такой сочной, и нередко приходилось ее искать. Всякий раз, оставляя лошадь и Кеплиан пастись, девушка, чтобы не терять времени даром, обследовала местность. Карабкалась по скалам, залезала в пещеры, с удовольствием ощущая, как напрягаются мышцы, одеревеневшие от езды верхом.

Они медленно приближались к пику, и теперь уже все, кроме лошади, ощущали исходящий оттуда властный призыв.

«Почему мы тоже слышим этот зов? — Тарну явно не оставляли сомнения.— У нас нет кулона, и мы — создания тени. А это ведь вещь Света».

Элири обхватила руками гладкую шею и тут же шлепнула жеребенка, который толкнул ее, требуя внимания.

— Кулон изменился,— медленно произнесла она, остро чувствуя справедливость своих слов, хотя и не могла бы объяснить причину этого ощущения.— Может быть, туда, куда нас ведут, вам тоже будет предоставлена возможность измениться.

Кобыла отпрянула:

«А если мы не захотим?»

— Тогда вы останетесь такими, как есть,— уверенно ответила Элири.— Как я это ощущаю, вам предложат дар. Принять его или отказаться — решать будете вы. Я не допущу, чтобы вас силой заставляли делать что-то против воли. Клянусь тебе в этом, названая сестра.

Тарна немного успокоилась.

«В таком случае пока мы идем с тобой, но если я почувствую, что нас хотят изменить вопреки нашему желанию и не считаясь с тобой, наши пути разойдутся».

Она снова принялась щипать траву. Элири не стала обращать внимание кобылы на то, что, если ее опасения подтвердятся, может оказаться уже слишком поздно, чтобы попытаться исправить положение. То же самое, кстати, относилось и к самой Элири, поскольку в этом случае она непременно воспротивится воле, не пожелавшей посчитаться с желаниями ее подруги. Распрямив плечи, девушка постаралась выбросить эти мысли из головы. Призыв исходил от Света; она совершенно определенно знала это. Пусть Кеплиан еще немного подкрепятся, а потом — в путь. Сердце подсказывало ей, что источник притяжения совсем рядом.

После целого дня утомительных скитаний и поисков, Элири была вынуждена признать, что, по-видимому, ошиблась.

— Если это место где-то поблизости, получается, что я просто не в состоянии найти его.

«Я слышала, что такие места никогда не располагаются на виду. Кулон однажды уже показал тебе направление. Может, нужно успокоиться, поесть и передохнуть, а потом снова обратиться к нему за помощью?»

Тарна рассуждала практично. Элири уселась на траву и принялась рыться в седельной сумке. Достала оттуда

холодное мясо и мешок с чуть привядшими ягодами. Кобыла пришла к заключению, что ее совет принят, и продолжала пастись, изредка поглядывая на девушку. Очень хотелось помочь ей, и Тарна, конечно, охотно сделает все, что в ее силах.

Вовсе не собираясь спать, Элири тем не менее заснула. Долгий день оказался очень утомительным, она только что плотно поела, и сон сморил ее мгновенно. И проснулась, лишь когда в небе запылал рассвет. Кулон как-то сам собой скользнул в руку, и она задумчиво посмотрела на него. Может ли он и в самом деле помочь ей найти это таинственное место?

Истина состояла в том, что она вообще не знала точно, что именно искала, чувствуя лишь, что ее гнала — и с каждым мгновением все сильнее — какая-то неведомая сила. Сначала это был еле слышный призыв и одновременно страстное желание найти место, где можно будет чувствовать себя свободной и в безопасности. Позже, когда кобыла и жеребенок фактически превратились в членов ее семьи, необходимость найти прибежище стала совершенно очевидной. Место, где Хилан сможет расти в покое, а они — жить без страха. Но ее собственные желания — это было одно; в глубине, под ними, не смолкая, звучал все тот же призыв. Как будто что-то внутри тосковало по дому, которого она никогда не знала. Глупость, да и только. До сих пор у нее был один дом — тот, который она делила с Фаром Трейвелером,— и его она помнила очень хорошо. О каком еще доме могла идти речь? Нельзя искать дом, в котором ты никогда не жила. Или можно?

Она оглянулась по сторонам. Вокруг возвышались горы, но не те, жестоко вывернутые наизнанку, которые она видела прежде. Те горы колдуньи из Эсткарпа, используя всю свою мощь, выжали, точно ку-

хонное полотенце. Здесь же были самые обычные горы, по которым проходила граница с Эскором. Вдали, у самого горизонта, раскинулась Долина Зеленого Безмолвия, обитатели которой под руководством своей госпожи вели борьбу с теми, кто принадлежал Тьме. Элири собиралась держаться подальше от этой Долины. Очень может быть, они захотят, чтобы она присоединилась к ним. Оказалась у них под каблуком. И совершенно не факт, что они положительно воспримут Тарну и Хилана.

Элири покачала головой. Лучше уж она как-нибудь сама о себе позаботится. Девушка снова перевела взгляд на кулон, который держала в руке. Поняв, что у нее есть дар обращения с лошадьми, Кинан настоял на том, чтобы она выучила заклинания, способные воздействовать на амулеты из янтаря и камни из места Старых. Элири задумчиво смотрела на кулон. Однажды он уже помог ей. Поможет ли сейчас? За ее спиной раздалось мягкое жизнерадостное ржание.

«Нельзя получить ответ, не задав вопроса, названая сестра. Спроси!»

Элири полностью сосредоточилась на кулоне. Вокруг него возникло и стало увеличиваться мягкое голубовато-зеленое мерцание, которое с каждым мгновеньем становилось все ярче. Не раздумывая, она мысленно потянулась к Тарне, перекинув мостик между их сознаниями. Кулон вспыхнул так ослепительно, что Элири невольно зажмурилась. Горло у нее перехватило — сильнее, сильнее! — а потом так же внезапно отпустило. Она открыла глаза. Боги, что это?

Перед ними стоял огромный черный жеребец — точно ее кулон обрел плоть. На самом деле, это был не конь, поняла Элири. Это был дух всех на свете коней. В сапфировых глазах светился ум, в посадке головы ощу-

щалась гордость. Каждая клеточка его великолепного тела источала мощь — мощь одновременно и простой физической силы, и Света.

Он подпрыгнул и поскакал по тропе, они тут же помчались следом. Звонкое цоканье копыт далеко разносилось в чистом воздухе. Однако, поняв, в каком направлении они скачут, девушка почувствовала, как в душе закипает злость. Всего день назад они пришли этим самым путем — там не было ничего. Внизу — хорошо утрамбованная, старая оленья тропа. С обеих сторон — уходящие вверх скалы. Похоже, когда-то тут проходило русло ручья, что подтверждалось и вымытыми кое-где из стен небольшими камнями. Однако если это было и так, то, по-видимому, очень давно. Возможно, ручей изменил направление, например, из-за оползня, который отвел воду.

Жеребец свернул за поворот. Здесь тропа изгибалась круче, под большим углом, чем раньше. Он остановился у небольшого прохода в скалах, не замеченного прежде Элири, по обеим сторонам которого вспыхнули голубым руны. Девушка замерла, изумленно глядя на них. Некоторые были ей знакомы — когда Кинан учил ее обращению с камнями, он одновременно нарисовал и некоторые руны, в частности те, которые предназначались для охраны. Под ними сияли руны Света — руны защиты против Тьмы. Были тут и знаки, которых Элири не знала. Скорее всего, руны силы.

Она повернулась в седле и бросила взгляд на тропу. Очень умно. Проход был настолько узок, что подъехать сюда можно было только в один ряд. Тропа круто уходила вверх по склону, все время изгибаясь. Чем выше, тем круче она становилась. Любой, кто захочет добраться сюда, будет вынужден двигаться медленно и осторожно из-за самого характера тропы, а потом про-

тискиваться через расщелину, которая по ширине могла пропустить только одного коня. Может быть, именно здесь им и удастся найти приют? Раз вход защищают руны, значит, проникнуть внутрь смогло бы лишь чрезвычайно могучее создание Тьмы.

Жеребец стоял, наблюдая за ними.

— Это оно, я знаю.— Элири и впрямь больше не сомневалась, но Тарна явно нервничала, поглядывая на жеребца.— Ты что, боишься его?

«Жеребцы часто убивают жеребят, если они не их дети. Да, я боюсь его».

— Он не Кеплиан,— успокаивающе объяснила Элири.— И, мне кажется, он не просто конь. Он — нечто гораздо большее. Не думаю, чтобы он причинил вред Хилану или кому-нибудь из нас.

И, точно услышав ее слова, огромный зверь шагнул к ним. Царственная голова склонилась, мягкий нос обнюхал жеребенка. Слегка отодвинулся, снова успокаивающе прикоснулся к жеребенку, а потом жеребец отскочил, развернулся, скрылся в расщелине и остановился по ту сторону, дожидаясь их решения. И прежде чем кто-либо из взрослых успел сдвинуться с места, Хилан, подражая ему, дугой изогнул маленькую шею и поскакал следом. Руны засияли ярче, Тарна с беспокойством посмотрела на них.

«Что, если они не признают меня?»

— Тогда мы поищем приюта где-нибудь в другом месте.

Элири чувствовала страх кобылы, но впереди их ждал Хилан. Тарна не могла не ответить на этот безмолвный призыв и медленно, шаг за шагом, направилась к расщелине. Руны снова засияли ярче, однако цвет их слегка изменился на более серебристый. Девушка всем своим существом ощущала, какого усилия

стоило Тарне двигаться вперед — как будто та преодолевала сопротивление воды. Не раздумывая, Элири прикоснулась к ее сознанию, успокаивая, подбадривая. Как только между ними возникла связь, сопротивление, которое испытывала Тарна, исчезло. Кобыла тут же рванулась вперед, к сыну, и нежно прикоснулась к нему мордой.

Когда мимо рун проходила Элири, они снова ярко вспыхнули. По ту сторону расщелины оказался широкий каньон, и жеребец поскакал туда. В дальнем конце он остановился, встал на дыбы и громко, требовательно заржал. Мощный звук эхом отразился от утесов. Это было предупреждение без слов: им не следует идти дальше, пока их не позовут. И тут жеребец исчез. Элири в огорчении рванулась вперед. Ее кулон, подарок Кинана... Неужели она потеряла его?

Он лежал, полускрытый сочной травой, крошечные сапфировые глаза мерцали в солнечном свете. Девушка со вздохом облегчения подняла кулон и снова продела шнурок сквозь кольцо. Немного странно было вот так просто носить его на шее, как обычное украшение,— ведь теперь она знала, кем он мог стать. Но «оживить» его было способно только ее желание, это не вызывало сомнений.

Элири посмотрела в дальний конец каньона, запретный для них. Там мерцало туманное золотистое марево, которое, казалось, источало силу. Конечно, она будет держаться подальше от него; это явно не то место, куда следовало соваться без приглашения.

Девушка обежала взглядом остальную часть каньона. Похоже, здесь когда-то жили люди. Она увидела траву, более сочную и густую, чем та, что росла снаружи. Посаженные рядами вдоль скалистых утесов фруктовые деревья и ягодные кусты.

Ягодные кусты! Это напомнило ей кое о чем. Засмеявшись, Элири достала из седельной сумки маленькие ростки, который возила с собой. Не откладывая в долгий ящик, выкопала квадрат дерна среди других кустов. Любовно посадила кустики, стараясь, чтобы они не нарушали ряда. Вода? Оглянувшись, она заметила, что Хилан опустил голову; было даже слышно, как он пьет. Интересно, что он там нашел? Элири подбежала к нему и ужасно удивилась, увидев изумительной работы резную каменную чашу, куда стекала вода из родника, полускрытого высокой, по колено, травой. Поразительнее всего было то, что, казалось, вода из родника течет вверх по склону холма.

Девушка измерила расстояние пальцами и убедилась, что не ошиблась.

Ну и ладно. Важно, что вода течет, а как и почему — стоит ли ломать голову? Есть и другие дела. Она достала из сумки и съела немного сушеного мяса. Сейчас ей совсем не хотелось охотиться; сейчас ей хотелось одного — облазить все вокруг и рассмотреть как следует. В разгар лета не пересохла вода, и не пожухла трава, все цвело и благоухало. И в самом деле, подходящее место. Но зачем и кто позвал их сюда? Возможно, ответ скрывает золотистый туман. Она подождет; раньше или позже все выяснится. У нее мелькнула мысль — здесь можно никуда не спешить. Покой этого места медленно, но верно уже начинал пронизывать все ее существо. Элири обогнула очередной утес и... отпрянула, коротко вскрикнув. Боги, ведь это же человеческое жилье!

Потом она пригляделась внимательнее и усмехнулась. Дверные проемы зияли черными дырами, сами двери валялись рядом — петли сгнили и больше не держали их. Внутри на каменных полах громоздились

кучи листьев. Сколько времени должно пройти, чтобы обвалились двери, подумала девушка? Однако родник все еще бил. Уцелели и массивные каменные плиты стены, тщательно подогнанные друг к другу и, похоже, не скрепленные никаким раствором. Только деревянные двери упали, а их, без сомнения, можно будет повесить на место.

Элири подошла ближе и остановилась у входа. Будет ли радо ей это покинутое жилище? Она мягко провела рукой по каменному дверному косяку. На нем тут же вспыхнули отсвечивающие голубым руны. Девушка не знала, что они означают, но чувствовала исходящее от них успокаивающее тепло. Точно рука, протянутая желанному гостю. Остановившись в дверном проеме, она сказала, надеясь, что ее слова будут услышаны и встречены доброжелательно:

— Тот, кто правит этим местом, благодарю тебя за кров. Ни я, ни мои друзья не причиним вреда твоему владению. Я пришла с миром.

Руны засияли чуть ярче, Элири восприняла это как ответ. Она бестрепетно переступила порог и оказалась в огромном зале. Посреди стоял высокий старинный стол, вырезанный из дерева, которого ей раньше не приходилось видеть. Пыль лежала на нем толстым слоем, но, когда девушка стерла ее, дерево так и засияло — полированное, красновато-золотистое; казалось, сверкало каждое его волоконце. У самой дальней стены стояли резные кресла из того же дерева.

Позади стола у стены громоздились два высоких камина. Какая сложная и тонкая работа, подумала Элири! Или все это было создано с помощью силы? Рядом с одним из каминов вода тонкой струйкой бежала в каменную чашу. Девушка подошла ближе. На цепочке из серебряных звеньев все еще висела вырезанная из рога

кружка. Элири наклонилась, внимательно вглядываясь в это сооружение. Вода накапливалась в чаше, но выходного отверстия не было. Откуда она стекала, куда уходила? Мягкий плеск заставил ее ощутить жажду. Девушка взяла кружку, наполнила ее, выпила и подняла приветственным жестом, обращенным к полутемному залу. Была ли это просто игра воображения или и впрямь среди теней возникло какое-то ответное движение?

Элири решила, что не стоит спрашивать ни о чем. Она была уверена, что ей не собираются причинить вреда. А раз так, было бы невоспитанно задавать вопросы, с чем бы ей ни пришлось столкнуться. Она будет вежливой, как положено гостю, и подождет, пока ее пригласят туда, где туман.

Между тем девушка чувствовала сильный голод и усталость. Она вернулась к лошади, сняла с нее поклажу и внесла в зал. Распрягла лошадь и отпустила ее пастись, ласково похлопав по крутому боку. Сноровисто разожгла огонь в одном из каминов и зажарила кролика на вертеле, который обнаружила тут же. Взглянув вверх, заметила крюк, свисающий как раз над пламенем. Ей доводилось слышать о таком. Обрадовавшись, она повесила кофейник на загнутый конец и подождала, пока закипит вода. Попила, прислонившись к каменной стене, и удовлетворенно вздохнула.

В седельных сумках, доставшихся ей от спутников Гери, нашлась связка высушенных листьев. Если их заварить кипятком, получалось что-то вроде травяного чая с освежающим лимонным привкусом. До кофе ему было далеко, конечно, но Элири никогда не сходила с ума по кофе. Этот лимонный чай был ей больше по вкусу. Она берегла чайные листья, но среди кустов снаружи уже успела заметить четыре или пять с такими же, судя по виду, листьями. Утром она проверит.

Ее мысли обратились к Кинану. Что-то он поделывает? Хватает ли у него сил справляться с хозяйством? Она любила его, и все же, когда время пришло, покинула, оставив в одиночестве. Конечно, таково было его собственное желание, и все же жаль, что это случилось.

Но ведь он был воином и, значит, обладал правом выбирать, когда и где встретить свою смерть. Только бледнолицые отрицали право воина делать в этом смысле свой собственный выбор. Тащили человека в больницу, где он медленно умирал, переполняясь чувством горечи по мере того, как тело все больше и больше слабело. Фар Трейвелер тоже сделал свой выбор. Он не захотел умирать на больничной койке, вдали от неба, от Матери-Земли, от запахов и звуков гор.

Элири припомнила его последние мгновенья. Это было здорово, по-настоящему здорово. Он умер, как и жил — на свежем воздухе, на свободе. Она зажала кулон в левой руке.

— Взгляни на меня сверху, родной мой человек. Я всегда, всегда буду любить тебя, и ты не забывай меня. Пусть здесь, на чужой стороне, твоя мудрость ведет меня, как и прежде, как в том мире, который я оставила.

На мгновенье возникло ощущение ласкового прикосновения руки к волосам — точно так старик успокаивал ее в те времена, когда Элири была совсем крошкой. Она почувствовала, что он рядом, что он тоже любит и помнит ее, даже там, на небесных тропах, которыми теперь ходит. Девушка улеглась на раскатанную постель и заснула с улыбкой на губах. И если поутру она помнила не все, что снилось ей этой ночью, то так, наверно, и должно было быть.

Ночью пошел легкий дождь. Пока она спала, Кеплиан вошли в дом и теперь спокойно дремали под его прочной кровлей.

«Это хорошее место, названая сестра,— сказала кобыла, как только Элири открыла глаза.— Здесь столько травы, что нам ее не съесть никогда. Вода свежая, и Серые не смогут проникнуть через вход с рунами».

— А как насчет Кеплиан? — поддразнивающим тоном спросила девушка, но кобыла явно не была настроена шутить.

«Думаю, некоторые жеребцы смогут пройти. Может быть, и некоторые кобылы, вот как я, к примеру. Жеребята, по-моему, пройдут все. Они невинны, на них пока не лежит печать Зла».

Элири задумалась над ее словами.

— По-твоему, руны оценивают степень вины? Может быть, и так. Но ведь ты не совершила никакого зла, верно?

«Да, и все же руны не сразу позволили мне пройти. Думаю, потому, что мы из тени. Только когда наши с тобой сознания соприкоснулись, сила, которая мешала мне, исчезла.— Потом она добавила уже мягче: — Хотелось бы мне знать, названая сестра, была ли наша встреча случайной? Если бы мы не стояли друг за друга, то неизвестно, что было бы с каждой. Я... Я испытываю к тебе такие чувства, каких не испытывала по отношению ни к кому из своих соплеменников. Ты для меня поистине названая сестра».— Она вопросительно и в то же время с надежой смотрела на девушку.

— Я чувствую то же самое.— На мгновенье их взгляды встретились; серые глаза и, другие, сверкающие алым огнем, неотрывно смотрели друг на друга. Потом Элири негромко рассмеялась.— От всех этих разговоров у меня разыгрался аппетит. Пойду-ка я поищу хорошенькую жирненькую птичку, чтобы как-то справиться с ним.

Проходя мимо кобылы, она ласково погладила ее. Тарна испытывала чувство глубокого удовлетворения — ее названая сестра все понимала.

Дни мирно шли за днями. Друзья расслабились, спали, когда чувствовали усталость, ели, когда приходил голод. Время от времени Элири покидала каньон, чтобы поохотиться, хотя и не считала это обязательным. Здесь вполне хватало мелкой дичи, в случае осады или болезни с голоду она не умрет.

Однако по мере того, как шло время, ими все сильнее овладевало необъяснимое беспокойство. Хилан больше не нуждался в материнском молоке. Теперь он ел траву, которая в изобилии росла у него под копытами.

Прошло, наверно, несколько недель, когда Элири и Тарна внезапно ощутили притяжение со стороны внешнего мира. Они безмолвно посовещались и тут же начали действовать. Девушка подозвала свою послушную лошадку и торопливо взнуздала ее.

Хилан остался, а кобыла и человек покинули каньон и поскакали вниз по тропе, направляясь в предгорья. Когда они поднимались сюда, то брели медленно, не спеша, однако сейчас мчались прямо к своей цели — к реке. И через день быстрой езды оказались на месте. Элири поднялась на один из холмов и оглянулась.

«Что-нибудь видишь?»

— Ничего такого, что могло бы звать нас сюда.

«Отправимся дальше?»

Не произнеся ни слова, девушка в сопровождении Тарны поскакала по берегу реки, все дальше углубляясь на территорию Серых. Обе сознавали, что это опасно, но обе по-прежнему слышали призыв. Они будут осторожны, и сейчас им не придется задерживаться из-за маленького, слабого жеребенка. Учитывая все это, маловероятно, чтобы Серые сумели поймать их.

Внезапно Тарна резко вскинула голову, а Элири остановила лошадь, оглядываясь по сторонам в поисках источника возникшего у нее гнетущего ощущения.

— Что это?

«Смерть... Смерть пришла к моим соплеменникам».

Ей не понадобилось добавлять, чем именно сопровождалась эта смерть — ощущение боли и ужаса эхом отдавалось в сознании обеих. Внезапно один мысленный «вопль» страдания резко оборвался, и Элири пустила свою лошадь рысью. Кто-то погиб, но ощущение ужаса совсем не исчезло, просто стало слабее.

Пока они огибали большую рощу, «звуки» агонии становились все слабее и слабее. В конце концов, остались лишь еле «слышные» эмоции: ужас, боль от потери, паника. Причем складывалось впечатление молодости, незрелости тех, кто посылал сигналы.

Одним молниеносным движением Элири вскинула лук, приладила стрелу и натянула тетиву. Подтолкнув пятками лошадь, девушка осторожно выбралась из зарослей кустов, Тарна — бок о бок с ней. Перед ними, дрожа, стояли в окружении Серых три жеребенка. Чуть поодаль неподвижно лежали тела мертвых кобыл Кеплиан. Серые явно играли со своими жертвами, наслаждаясь их ужасом и прекрасно понимая, что в любой момент могут убить малышей. Однако в мгновение ока ситуация изменилась.

7

Рядом с Элири послышались яростное фырканье и быстрый цокот копыт. Тарна промчалась мимо нее к жеребятам, мысленно призывая их следовать за ней. Один из Серых бросился вперед, чтобы остановить ее, но отлетел, получив точно нацеленный удар. Второй

острыми когтями полоснул кобылу по ногам, но беспощадные зубы тут же перекусили ему хребет и с силой отшвырнули в сторону. Жеребята, вопя от ужаса, бросились к своей спасительнице. Слишком юные, они еще не умели оформлять свои мысли в слова, как это делала Тарна. Так же, как и передавать их на далекое расстояние. Однако женщина и кобыла сейчас, скорее всего, ничего и не услышали бы, настолько они были поглощены собственными эмоциями. Жеребята еще не добрались до Тарны, а Элири уже сосчитала врагов. Девять и двое поверженных.

Девушка вступила в бой. Стрелы летели одна за другой; Серые, завывая от боли и страха, падали, тяжело раненные или мертвые. Тарна взяла на себя заботу о жеребятах. Малыши в отчаянии сгрудились возле нее, она прикрывала их своим телом, в любую минуту готовая отразить нападение. Серые бросались на Элири, а она кружила вокруг них, продолжая стрелять. Что они могли противопоставить ей? Лишь зубы, да когти, да тактику стаи. Все время увертываясь от них, девушка стреляла снова и снова. Тарна медленно отходила в сторону реки, жеребята жались к ней, не отставая ни на шаг.

Наконец уцелевшие Серые отступили, теперь в их вое чувствовались злость и разочарование. Элири не преследовала их, решив посмотреть, как будут развиваться события. Да, эти создания, как ей и рассказывали, предпочитали иметь дело с уступающим им в силе противником. Тарна поскакала с жеребятами к реке, Элири, следуя за ними, охраняла их с тыла. Потом со вздохом снова сняла свои стремянные ремни. Ну, вот опять придется перебираться через эту реку — сколько можно? И тут же девушка одернула себя. Нечего жаловаться; на той стороне они окажутся в безопасности, ведь бегущая вода для Серых непреодолима.

Малыши явно боялись воды. Они замешкались на берегу, но Тарна не стала их уговаривать. Быстрый укус, и, вскрикнув скорее от испуга и удивления, чем от боли, один из жеребят плюхнулся в воду.

Элири слезла с лошади. Две совсем молоденькие кобылки все еще оставались на берегу, а между тем Серые уже понемногу приходили в себя. Они помчались вперед, но, встреченные градом стрел, повернули обратно с воплями и воем.

— Если я сдержу Серых, ты сможешь переправить этих двоих? — спросила Элири.

«Если они не запаникуют»,— ответила Тарна.

Элири оглянулась — лошадки с жалким видом стояли позади. Им было не больше нескольких недель. Похоже, жеребята Кеплиан рождались совсем крошечными и начинали идти в рост лишь в возрасте двух-трех месяцев; зато потом росли прямо как на дрожжах. Но эти двое были пока еще совсем малыши... Она потянулась к своим стремянным ремням.

— Посматривай за Серыми.

Стараясь действовать как можно быстрее, Элири обхватила каждым из стремянных ремней туловище жеребенка. Застегнула пряжки, в одном случае в последнее, а в другом — в предпоследнее отверстия. Хорошо, как раз впору. Если кого-то из жеребят начнет сносить течением, кобыле будет за что ухватиться.

Пока девушка делала все это, Серые снова начали приближаться, но тут же отступили, когда она вернулась к лошади.

Не спуская с них взгляда, она сказала Тарне:

— Веди их! По одному.

И уголком глаза проследила, как кобыла и жеребенок погрузились в воду.

В рядах врагов, казалось, возникли разногласия. До Элири доносилось их рычание и случайные обрывки слов. Конечно, Серые пришли в ярость при виде убегающей добычи. Но их уже столько погибло, что оставшиеся понимали: кобыла Кеплиан и человек — слишком серьезные противники.

Тот, кто был у них теперь за вожака, предпочел не лезть на рожон:

— Не спускайте с них глаз. Если сможем, разделаемся с ними. Если нет, трех убитых кобыл хватит, чтобы как следует подзаправиться.

Взгляды, которые он бросал на своих противников, не предвещали им ничего хорошего. Он кое-что припомнил. Кеплиан и человек. Это могли быть только те двое, о которых он слышал несколько недель назад. Одна стая погналась за ними, но в результате лишь потеряла многих своих, а добыча ускользнула. С ними надо держать ухо востро. Вот вернется он на свою территорию и призовет всех постараться выследить эту пару и покончить с ними, если, конечно, удастся застать их врасплох. Может, это какая-то очередная хитрость тех, из Долины? Нужно показать им, что Серых не так-то просто обвести вокруг пальца. Обнажив клыки, вожак взвыл от разочарования и злости.

Его товарищи уже утратили интерес к убегающей жертве. Позади них лежало достаточно мяса — за один день всего и не съешь, тем более что половина из них погибла. Раненых отшвырнули в сторону, а остальные набросились на еду, выбирая лучшие части. Увидев это, последняя юная кобылка, все еще не перебравшаяся на противоположный берег, жалобно взвизгнула. Элири сердито выругалась и погладила дрожащего жеребенка.

— Успокойся, маленькая. Мы отведем тебя в безопасное место, а твоя мама больше ничего не чувствует.

Малышка подняла взгляд на Элири, и девушку в который уже раз поразил красный огонь, пылающий в глазах Кеплиан. Она сжала кулон и почувствовала, что он стал гораздо теплее.

— Помоги мне вызволить ее,— еле слышно прошептала Элири.— И пусть эти твари отравятся едой, которой обжираются.

Когда-то еще в том, другом мире, откуда она пришла, охотники на волков отравляли трупы убитых коров разными ядами, но чаще всего стрихнином. Волки, сожрав отравленные туши, погибали. Клянусь богами, подумала Элири, я готова отдать все что угодно, лишь бы эти мерзкие твари подохли, убитые теми самыми кобылами, с которыми они расправились. В свое время, когда она была еще ребенком, ей не раз доводилось видеть упаковки со смертоносным порошком. Сжимая кулон, она припоминала то, чему ее учил Фар Трейвелер,— как использовать этот порошок и как он действует.

Переправив третьего жеребенка безо всяких приключений через реку, кобыла начала проявлять признаки нетерпения.

«Боевая сестра... Элири! Сейчас не время раздумывать. Перебирайся сюда, пока ты не разозлила их».

Этот оклик, точно удар, заставил девушку очнуться. Без единого слова она села на лошадь, переплыла реку и повела свой «отряд» по тропе. Рука все еще сжимала кулон, не замечая, какой он теплый и каким опасным огнем зажглись крошечные красные глаза. Когда-то давно девушке довелось увидеть молекулярную структуру стрихнина, и теперь воспоминания об этом водоворотом кружились в ее сознании.

Серые от души попировали, а потом расползлись по тенистым уголкам. Пока они лениво огрызались друг

на друга и порыкивали, раненые товарищи поглядывали на них, не решаясь приблизиться к добыче и выжидая момент, когда можно будет это сделать.

Кобыла, девушка и спасенные жеребята были уже далеко, когда в стане Серых начало твориться что-то непонятное. Сначала у одного из них задрожали руки и ноги. Потом другой, третий и все остальные забились в судорогах. С течением времени спазмы становились все сильнее. Только раненые, которые так и не приступили к трапезе, ничего подобного не испытывали. Один за другим они, как могли, пустились наутек; судя по тому, что творилось с их товарищами, сейчас было неподходящее время пировать. Однако радость по поводу того, что для них все обошлось, разлетелась в прах в тот самый миг, когда первый из них тоже забился в судорогах. Спазмы не отпускали их ни на мгновенье, дыхание перехватывало и, в конце концов, все они попросту задохнулись и свалились замертво.

В горах, высоко над ними, Элири скакала по тропе, по-прежнему сжимая в руке кулон. Смерть от стрихнина — жестокая смерть, так она слышала. Хуже всего было то, что трупы умерших от него становились источником гибели для других. Волки, которые резали скот, умирали, но любой, отведавший их мяса, будь то птица или зверь, умирал тоже. Охотников на волков это, как правило, не слишком волновало. Нехорошо. Сейчас, по зрелом размышлении, Элири не желала такой смерти даже Серым и уж, тем более, невинным созданиям, которые могли ни за что ни про что погибнуть заодно с ними.

Рядом с тем местом, где с глотками, сведенными судорогой смерти, лежали Серые, опустилась птица. Она подскакала к трупу и принялась клевать. Вскоре к ней присоединились другие. Насытившись, они улетали, а

на их место садились новые. И никто из них не пострадал.

Хорошо, что наши желания иногда исполняются; и еще лучше, что часто они исполняются даже полнее, чем человек может себе представить.

Спустя час жеребята начали спотыкаться. Посоветовавшись с Тарной, Элири решила устроить привал.

— Чем нам кормить кобылок, названая сестра? Молодой жеребец все же постарше, он сможет прожить на воде и траве, но они слишком малы.

Кобыла безмятежно ответила:

«Хилан больше не нуждается в молоке. Я продолжала его кормить просто так, чтобы доставить удовольствие нам обоим, но никакой необходимости в этом не было. Теперь вместо него я буду кормить их».

Девушка внимательно посмотрела на нее:

— Это может вызвать у тебя истощение. После того как ты несколько месяцев кормила Хилана, теперь кормить еще двух жеребят... Не знаю, не знаю.

«Да, конечно. Но даже если меня хватит всего лишь на месяц или два, они к тому времени достаточно окрепнут, чтобы перейти на траву».

Элири все еще сомневалась в душе, но спорить не стала. Больно смотреть, как жеребята голодают, но меньше всего девушке хотелось, чтобы подруга истаяла у нее на глазах, «скормив» всю свою силу малышам. Она бросила взгляд туда, где, совершенно обессилев и повалившись на траву, спала вся троица. Как только бедняжки отдохнут, тут же, скорее всего, снова примутся горевать. Нужно постараться, чтобы это путешествие оказалось как можно более трудным для них. Тому, кто сильно устает, не до сетований.

Сказано — сделано, хотя жеребята, скорее всего, вряд ли были способны оценить мотивы, которыми

она руководствовалась, заставляя их выкладываться изо всех сил. Хилан обрадовался, когда они вернулись целые и невредимые, да еще и привели ему товарищей по играм. Как самый старший, сильный и находчивый, он сразу же стал у жеребят заводилой. Даже молоденький жеребец относился к нему уважительно, хотя и с некоторой настороженностью. Хилан слишком заметно отличался от остальных, и это бесконечно удивляло Элири.

«Жеребцы могут и подраться между собой, да и убивают с легкостью»,—просвещала ее кобыла.

— Хилан — пока еще не жеребец, и не думаю, чтобы он по природе своей был убийцей. В стаде коней иметь больше одного жеребца — обычное дело. Если, конечно, стадо достаточно велико.

Тарна фыркнула:

«Так то кони. У нас жеребцы запросто убивают любого, кого воспринимают как соперника. И это относится не только к другим жеребцам, но даже и к жеребятам.— Глаза ее названой сестры широко распахнулись.— Да, я хочу, чтобы ты знала это. Мне не раз доводилось видеть, как такое происходит. Именно по этой причине я старалась держаться подальше от мест, где обитают Кеплиан».

Почувствовав заинтересованность Элири, Тарна продолжала:

«Отца Хилана — он взял меня силой, я не хотела этого — убил другой, и после этого я должна была перейти к нему, но я уже была жеребая. Если бы мой жеребенок умер, он мог бы иметь меня, когда пожелает. Я не сомневалась, что он убьет моего жеребенка, как только тот родится; ему не нужны были соперники. И еще я знала, что он жесток, беспощаден и плохо обращается с кобылами, поэтому и сбежала оттуда, где

живут наши. Ушла куда глаза глядят. Хотя нет, не совсем. У меня все время было очень странное чувство, как будто я закончу свой бег там, где встречусь с каким-то другим, совершенно непохожим на нас созданием. Это ощущение и толкало меня все дальше и дальше на юг».

Она фыркнула.

«Потом я попала к этому Гери. Я уже должна была вот-вот родить, поэтому ему и удалось накинуть на меня веревки. Он потащил меня в деревню, где собирался замучить нас с жеребенком до смерти.— Она яростно встряхнула головой, в глазах запылал алый огонь.— Хилан родился, и они нарочно не сразу убили нас, чтобы я успела его полюбить. Убийцы, дважды жестокие. Они хотели прикончить его у меня на глазах, чтобы я разъярилась и бросилась на них.— Помолчав, она продолжила уже мягче.— Но тут появилась ты, боевая сестра. Я знаю, что люди жестоки, но теперь мне известно и другое — они могут быть такими, как ты. Сначала я ненавидела и тебя тоже. Принимала твою помощь, а сама собиралась убить тебя, как только мы окажемся в безопасности.— Она заметила, что ее подруга выразительно скривила губы, и удивленно заморгала.— Ты знала!»

— Ну, в общем-то...м-м-м... догадаться было нетрудно.

Искра веселья проскочила между ними — так люди могли бы обменяться улыбками.

Потом Тарна горделиво выгнула шею:

«Со временем я научилась понимать тебя. И доверять. Я изменилась и не стыжусь этого. Изменилось мое сознание. Даже когда ты спасла нас обоих, я боялась, что за этим стоит какая-то хитрость, что ты спасла нас только ради того, чтобы использовать самой.

Потом ты снова сражалась за нас и убила тех, кто принадлежал к твоему собственному роду, убила, чтобы спасти моего жеребенка. Ты не раз рисковала ради нас собой. Так не поступают те, кто собирается лишь использовать. Я следила за тем, как ты обращалась с Хиланом, видела, что он любит тебя, а ты его. И тогда я поверила в твою доброту и сама...»

Элири теплыми руками обхватила Тарну за шею и крепко прижалась к ней. Потом, сложив ладони чашечкой, поднесла к мягкой морде и засмеялась, когда мощные зубы стали нежно покусывать их.

— Я знаю. Я тоже люблю тебя, названая сестра, тебя и Хилана. Вы — моя семья, и трое новых малышей тоже, если, конечно, им это придется по нраву.— В конце в ее голосе послышались вопросительные нотки.

«Кобылки любят нас всех. Они моложе, податливее и готовы любить всякого, кто добр и нежен с ними. Но вот насчет молодого жеребца я не уверена. Он не слишком сообразителен и имеет склонность к насилию, только так, исподтишка, когда думает, что мы не видим.— Элири ощутила исходящую от нее волну печали.— Боюсь, для него уже слишком поздно — научиться любить».

— Как ты думаешь, он запомнил дорогу сюда?

«Вряд ли. Часть пути мы прошли в сумерках. К тому же он был сильно изнурен и, скорее всего, не глядел по сторонам.— Она засопела, задумавшись.— По-моему, он даже не знает точно, откуда мы пришли, с севера или с юга».

— Тогда надо постараться, чтобы и не узнал. Может быть, когда-нибудь мы поймем, что его присутствие здесь нежелательно и даже опасно.— Элири негромко вздохнула. Как все непросто! Но ничего не поделаешь, такова жизнь.

Прошли недели, потом месяцы. Снаружи была зима, но внутри каньона воздух оставался более теплым. Кобылки подросли, перестали пить молоко и доверчиво сообщили, как их зовут. Молодой жеребец тоже назвал свое имя,— Терлор,— и все же выражение необузданной дикости в его глазах с каждым днем проступало отчетливее. Элири отметила свое восемнадцатилетие и научила жеребят праздновать дни рождения. Хилан при этом самодовольно напыжился; он уже знал, что такое день рождения. Именно это его самодовольство, а также растущее желание молодого жеребца верховодить подтолкнули Терлора к действию.

Он набросился на Хилана — зубы оскалены, копыта вот-вот нанесут удар. Хилан, конечно, удивился, но тем не менее уклоняться от боя не стал. Он был больше и сильнее, но при этом ему не хотелось причинять вреда своему товарищу. У молодого жеребца таких привычек не было. Его ярость оказалась столь велика, что противник не устоял на ногах. Тарна почти сразу же оказалась рядом, с другой стороны уже бежала Элири.

— Перестань, Терлор! Прекрати!

Молодой жеребец даже не подумал обращать на ее окрик внимание. Кобыла вмешалась в драку, безжалостно схватив Терлора зубами за шею и с силой отбросив в сторону. Угрожающе сверкая глазами, она встала между ним и сыном.

Элири подошла к Терлору, который с трудом переводил дыхание:

— Как, по-твоему, называется то, что ты сделал?

Он отогнул назад уши и вскинул морду, пытаясь схватить Элири зубами. Она ловко увернулась и шлепнула его по носу. Прежде ей всегда удавалось справляться с лошадьми, имевшими привычку кусаться. Но

Терлор не был конем. Пусть и туповатый, он был Кеплиан. Сделав ложный выпад, он резко выбросил копыто и сильно ударил ее по бедру. Она упала и быстро откатилась в сторону, опасаясь последующих ударов.

Послышался дробный цокот копыт — это кобыла неслась прямо на Терлора, бешено сверкая глазами. Массивные копыта опустились, юный жеребец взвизгнул от боли и страха, но этот звук резко оборвался, когда копыта с хрустом опустились снова. Шумно вдыхая ноздрями воздух, Тарна отступила от тела. Элири почувствовала, как сознание кобылы затопила печаль.

«Другого выхода не было, названная сестра. Он хотел убить тебя. Он был слишком опасен, чтобы оставлять его на свободе. И не сомневался, что рано или поздно подкараулит кого-нибудь из нас в тот момент, когда некому будет прийти на помощь».

Элири опустилась на колени рядом с трупом. Слезы струились по ее лицу, руки поглаживали черную шкуру.

— Я знаю.— Она встала.— Но что нам делать с его телом? Не гнить же ему здесь.

Не раздумывая, она сжала кулон, из которого тут же поднялся серебристый туман, окаймленный золотистым мерцанием. Он завис над Терлором, окутал его со всех сторон. Когда туман рассеялся, не стало и тела. Кобыла и женщина стояли, удивленно глядя друг на друга.

— Автоматизированное удаление мусора,— сказала ошеломленная Элири.

«Что-что?»

— Ничего. Слушай, Тарна, мне ужасно больно, что Терлору пришлось умереть, но ты права: он убил бы меня. Пусть не сейчас, но все равно, доверять ему мы уже не смогли бы. Его намерения не оставляли сомнений. Думаю, он хотел убить нас всех — тебя, меня и

Хилана. Тогда и каньон, и кобылки оказались бы в полном его распоряжении.

Не добавив больше ни слова, она взяла лук, стрелы и отправилась на охоту. Это занятие всегда действовало на нее успокаивающе, а жирненькая птичка или две прекрасно утолят голод. Раздумья не оставляли ее и по дороге. Поразительно, насколько сильно отличались спасенный ими молодой жеребец и Хилан. Сын Тарны был не только больше и сильнее других жеребят его возраста, но и гораздо умнее. Кобыла была уверена, что причина кроется в дружеских отношениях между всеми тремя — Хиланом, ею самой и Элири. Как правило, матери Кеплиан отталкивали от себя жеребят, как только те оказывались в состоянии выжить самостоятельно. Отчасти они поступали так ради собственного блага самих жеребят. Любой жеребец Кеплиан, не задумываясь, мог убить жеребенка, если тот не был его собственным. Фактически, судя по словам Тарны, он, не задумываясь, мог убить малыша даже своей крови.

Оставшиеся без всякой помощи и поддержки молодые жеребцы учились выживать с помощью жестокости. Они, в свою очередь, убивали других жеребят и, как хотели, использовали кобыл, ничуть не считаясь с их желаниями. Жестокость порождала жестокость, и этот подход мало чем отличался от порядков, которые господствовали в стае Серых.

А как обстояло дело с жеребцом, выросшим в любви и заботе, воспитанным матерью, которую любил, и человеком, которому доверял? Вернется ли он, в конце концов, к обычному для жеребцов поведению или окажется родоначальником новой расы мягких, умных Кеплиан? Которые станут партнерами людей, для чего, как полагала Тарна, они и были созданы много лет на-

зад? Кулон, висевший на шее Элири, внезапно ярко вспыхнул, испустив тепловой луч. Она взяла его в руку.

— Это правда? Мы призваны сюда, чтобы изменить положение вещей? Тарна права?

Сапфировые глаза лишь таинственно замерцали в ответ, но девушка внезапно обрела уверенность, что ее предположение верно. Она усмехнулась, продолжая брести по еле заметной оленьей тропе. Теория, во всяком случае, получалась интересная. Но если родоначальниками новой расы должны были стать всего лишь Тарна, Хилан и две кобылки, на это потребуется немало времени. В том мире, откуда она пришла, немунух похищали детей у других, чтобы влить в племя свежую кровь. Они принимали любого ребенка, если он выражал такое желание и обладал определенными качествами. Принимали и взрослых.

Да, надо побыстрее раздобыть мясо и, вернувшись в каньон, сразу же обсудить все это с Тарной. Элири быстро шла по тропе, а в голове крутилось: ну, хорошо, новая раса и все такое прочее, но какова во всем этом ее роль? Ей самой суждено прожить одинокую жизнь, или же эти планы включают в себя наличие ее будущего супруга?

Она засмеялась и свернула на другую тропу. Нашла о чем беспокоиться — о супруге! Если идея новой расы Кеплиан окажется верна, ей будет не до того, чтобы думать о чем-то еще. В конце концов она подстрелила упитанную дикую курочку и совсем молодого кролика. Мясо кролика нужно подсушить, повесив на крюк в очаге. А пока она разделывается с курочкой, можно обсудить с боевой сестрой новые планы.

Кобыла заинтересовалась. Приближалась весна, и скоро тропы, ведущие в предгорья и дальше, на равнины, откроются снова. Вреда не будет, если для на-

чала просто произвести разведку в местах обитания Кеплиан.

Спустя месяц они так и сделали. Хилан остался, чтобы позаботиться о кобылках. Он стал сильным молодым жеребцом, и вопросы будущих поколений пока мало его волновали. Кобылки восхищались им. Пока они воспринимали его как большого старшего брата, способного защитить их. Однако спустя пару лет ситуация наверняка изменится. Хилан был очень даже доволен, что остается в каньоне один со своими подопечными. Это усиливало у него ощущение собственной важности и снимало некоторые ограничения, накладываемые обществом матери и ее названой сестры.

Оказавшись на равнине, Тарна легким галопом поскакала по берегу реки.

«Тут мне известна каждая расселина, в которой можно укрыться. Если только тебе удастся убедить свою лошадь действовать заодно с нами».

Элири усмехнулась, заметив презрительный взгляд, брошенный кобылой на маленькую выносливую лошадку, которая казалась Тарне упрощенной копией Кеплиан. И все же Тарна уважала чувства своей подруги и никогда не позволяла себе высказываться на эту тему в открытую.

Спустя два дня они все еще скакали по границам местности, где обитали Кеплиан, избегая углубляться в нее. Тарна дважды подходила к другим кобылам и обменивалась новостями. Ее соплеменники были достаточно эгоцентричны, и поэтому никто не помнил, что она сбежала год назад при весьма странных обстоятельствах. Пока ей не встретился никто из жеребцов, они находились в безопасности. Так продолжалось несколько дней, и, в конце концов, Элири все это начало надоедать.

— Ну, и что тебе удалось выяснить?

«Что все осталось, как было».

— Звучит многообещающе. И какой нам от этого толк?

Кобылу позабавил разочарованный тон подруги. Она видела, что та скучает все сильнее, и ничуть не удивилась бы, если бы Элири заявила, что пора наконец перейти к действиям. Вся соль была в том, что у Тарны уже созрел план, как это можно сделать, что она и объяснила Элири. Девушка удивилась.

— Ты хочешь сказать, что она вот так запросто возьмет и отправится с нами?

Тарна изогнула шею:

«Ну, не совсем запросто, как ты выразилась, названая сестра. Но пойдет. У нее нет выбора, если она не хочет видеть своего жеребенка убитым сразу же после того, как он появится на свет. Стадо, к которому она принадлежит, обитает неподалеку от Темной Башни. Вожака недавно убил его соперник, который сейчас верховодит в стаде».

— Значит, как это принято у жеребцов, теперь он будет убивать всех «чужих» жеребят, как только они родятся. А заодно и тех, которые постарше, но все еще сосут молоко.

Девушка ощутила волну печали, которую излучала Тарна.

«С этими он уже расправился. Уцелели только молодые кобылки. Этой кобыле, о которой идет речь, еще месяц носить своего жеребенка».

— Поэтому она пойдет с нами, чтобы дать малышу шанс?

«И не только. Она опасается, что, если жеребец набросится на новорожденного, она не сможет удержаться и попытается защитить его. Тогда жеребец, скорее всего, убьет и ее тоже».

Выбрав момент, когда жеребец находился на другом конце своей территории, Тарна еще раз поговорила с молодой кобылой, и они втроем рысью поскакали к реке.

Оставив кобылу в безопасности в каньоне, подруги снова вернулись в местность, где обитали Кеплиан. Действуя таким образом, на протяжении весны они увеличили свою семью за счет еще одной молодой кобылы и двух осиротевших жеребят. Неплохо, думала Элири. Три взрослые кобылы, три малолетки и три жеребенка. Пока баланс возрастов был совсем не плох, но вот беда — единственным представителем мужского пола оставался Хилан.

Теперь девушкой завладели две идеи. Во-первых, было ясно, что только жеребенок мужского пола, с которым с самого рождения обращались с любовью, подойдет для того, что предполагалось осуществить в каньоне. Во-вторых, учитывая, что жеребцы убивали даже крошечных жеребят мужского пола, Терлор был чем-то вроде счастливого исключения.

Осиротевших жеребят просто бросали, предоставляя им блуждать где придется и голодать. Одни гибли от зубов Серых, другие — от копыт разъяренных жеребцов. Жизнь у кобыл была трудна сама по себе; немногие из них решались принять чужого жеребенка, рискуя тем, что их собственному достанется меньше молока. И все же Элири была убеждена, что правильное воспитание, а также атмосфера мира и достатка на протяжении одного-единственного поколения окажутся способны изменить такое положение вещей.

Пришло лето. На равнинах оно было жарче обычного, но в каньоне вода не пересыхала, а трава росла густая и сочная. Теперь Тарна и Элири большую часть времени тайно следили за стадами Кеплиан, наблюда-

ли и слушали. Дважды им удавалось спасти осиротевших жеребят и отвести их в каньон. Вдобавок девушка совершила короткое путешествие на юг, где купила нескольких козочек и козла. Молоко у них, конечно, отличалось от того, к которому привыкли жеребята, но изголодавшиеся малыши не откажутся и от такого.

Ко времени прихода зимы число обитателей каньона увеличилось вдвое по сравнению с тем, что они имели весной. Еще трое взрослых и трое тех, кому было больше года, а малышей насчитывалось уже с дюжину. Элири пришла к выводу, что пора сделать перерыв.

— Прежде чем принимать других, нужно подумать, скольких может вместить и прокормить каньон. Скоро Хилан станет достаточно взрослым, чтобы кобылы начали воспринимать его как жеребца. И тогда, даже если мы никого больше не приведем, наша численность будет неуклонно и быстро возрастать.

«Когда еще это случится... Может, до тех пор мы найдем и другие решения... Меня вот что волнует, названая сестра. Недавно я заметила одну странную вещь.— Элири молчала, выжидая.— Помнишь, вначале я с трудом прошла мимо рун? Теперь же мне ничто не мешает. Другим кобылам тоже было позволено войти сюда только после того, как сознание каждой из них на время слилось с твоим. После этого они смогли проходить мимо рун так же свободно, как и я.— Тарна помолчала, и Элири отчетливо ощутила охватившую ее неуверенность.— Не означает ли это, что здешняя сила теперь считает нас тоже принадлежащими Свету?»

Взгляд ее больших глаз был с надеждой прикован к девушке. Элири не знала, что сказать. Она тоже заметила это — и тоже удивилась. Но возбуждать надежду, не зная, сбудется ли она, ей не хотелось.

— Не знаю. Я пыталась спросить у кулона, но не получила ответа.

Они вернулись к прежнему разговору, но в глазах кобылы застыла печаль. Этой ночью Тарна тихонько проскользнула туда, где, свиваясь кольцами, искрился серебряный туман. Что находится в его глубине? Что он скрывает? Кобыла знала, что ей не получить ответа на эти вопросы, но туман непреодолимо притягивал ее к себе. Как страстно ей хотелось, чтобы те силы, частью которых он был, приняли ее как свою, признали, что она тоже принадлежит Свету! Трудно сказать, когда это желание возникло — сейчас ей казалось, что с тех пор, как она себя помнила,— но кобылу не покидала надежда, что для ее соплеменников дорога к другой жизни не закрыта.

Она негромко фыркнула. Собственно, у нее были основания верить в это. Перемены уже начались, Тарна видела их своими глазами. Может быть, если ей повезет и она проживет достаточно долго, увидит и другие. Туман нежно окутал ее, и сознание Тарны устремилось к нему. Если бы здесь присутствовал кто-нибудь еще, у него могло возникнуть впечатление, что это игра лунного света — на крошечную долю секунды ее глаза вспыхнули небесной голубизной. Потом туман отступил, и осталась лишь спокойно стоящая кобыла Кеплиан с огненными глазами, шкура которой отливала серебром в лунном свете.

8

Зима уже давно должна была наступить, но снег все не выпадал, воздух оставался теплым, а ягод, орехов и плодов созрело столько, как никогда прежде. Элири все это настораживало. Мудрость немунух говорила, что та-

ким образом Мать-Земля предостерегает своих неразумных детей, подсказывая, что впереди их ждут трудные времена. Запасай пищу, получше ешь и заготавливай все, что можно. Девушка так и делала, используя большие плетеные корзины, которые ее научил делать еще Фар Трейвелер. Сушеное мясо она хранила в одной из комнат над большим залом.

Но если трудные времена окажутся также и холодными, нужно было сшить побольше утепленных подстилок. Выделанных кож у Элири было больше чем достаточно, почему бы не обменять лишние на ткань там, где она купила коз?

Тарне не слишком понравилась эта идея.

«Дорога туда долгая и опасная».

Элири рассмеялась:

— Кто спорит? Но мудрый воин не пропускает мимо ушей предостережение Матери-Земли. Проводи меня часть пути; пусть и Хилан пойдет, если захочет.

Ощутив со стороны молодого жеребца взрыв страстного желания принять участие в этом путешествии, подруги весело посмотрели друг на друга. Девушка стояла, медленно потягиваясь, испытывая удовольствие от напряжения то тех, то других мышц. Это была странная жизнь — та, которую она вела,— но эта жизнь ей нравилась. У нее были друзья, которых она воспринимала как членов своей семьи, названая сестра и названый сын. Прочная крыша над головой, еда в изобилии. Чистая вода, чистый воздух и добрая охота.

Потом по лицу ее скользнула тень. Кого она пытается убедить? Да, она любила Кеплиан, ей нравилась эта жизнь, но кое-что в ней отсутствовало, а именно — общение с другими людьми. Нет, не надо обманывать себя. Шли годы. Ей было почти двадцать, и сердце тосковало по другу — по супругу, если быть искренней до

конца. Она видела кобыл Кеплиан с их жеребятами, испытывала гордость за Хилана и его мягкость — он и впрямь был для нее как сын. И все же тело ее изнывало от голода, но не того, который можно утолить едой. Элири никому не говорила об этом. Чему быть, того не миновать. А пока, если другие радости недоступны, нужно довольствоваться тем, что есть. Но кое-что не давало ей покоя, будоража воображение: теперь, когда она знает, где живут другие люди, почему бы просто не нанести им визит?

Однажды Элири уже сделала это. Чтобы добраться туда, она два дня скакала верхом вниз по течению ручья и вдоль озера, на берегу которого стоял полуразрушенный замок. Когда-то давно, много поколений назад, это было прекрасное, любовно выстроенное сооружение, но со времен войн адептов оно стояло заброшенным. Позже туда пришли те, кто жил в нем сейчас, и попытались вдохнуть в него новую жизнь.

Нужно взять с собой подарки. В первый раз, без сомнения, к ней всего лишь присматривались — ни хозяин, ни хозяйка так и не появились. Ночевать ей было предложено в конюшне вместе с лошадьми. Нет, никто не сказал ей ни одного грубого слова, но во всех взглядах сквозила настороженность.

Вторая поездка должна пройти удачнее. Собственно, сама усадьба была невелика: хорошо укрепленный замок состоял из центральной башни, внутреннего двора и расположенных в нем вдоль стены строений. Наверняка, всего там обитало не больше сорока человек. Хозяин, его родственники, три семьи, которые прислуживали им непосредственно, и вооруженные охранники жили в главной башне. Строения внутреннего двора предназначались для тех, кто работал в саду и ухаживал за животными. Все люди выглядели довольными своей

жизнью и друг другом, так, по крайней мере, показалось Элири.

Небо уже пылало закатом, когда ее лошадка, нагруженная тюками с кожей и мехами, остановилась у ворот замка. На этот раз конюх принес Элири записку, как только с лошади сняли поклажу.

«Господин Джеррани приглашает тебя отобедать с ним и госпожой Маурин. После обеда, если не возражаешь, они с удовольствием взглянут на то, что ты привезла.»

Держи «ушки на макушке», сказала себе Элири. Интересно. В прошлый раз с ней обращались с настороженной снисходительностью. О, ее ни о чем не расспрашивали, но всех, несомненно, удивило появление женщины, разъезжающей в одиночку. Она тоже вела себя очень осторожно и подчеркнуто вежливо. Показала лишь самые неброские меха из тех, которые были с ней. Не стоило пробуждать в незнакомых людях алчность. Но это приглашение меняло дело. Очень кстати, что она взяла с собой пару подарков, которые не стыдно преподнести хозяину и хозяйке.

Дождавшись, пока посланный ушел, Элири открыла сумку. Переложила подарки так, чтобы они оказались сверху, и снова затянула шнуровку. На некоторое время задержалась в конюшне — почистила щеткой лошадь, ласково похлопывая ее. И размышляла. Кинан рассказал ей достаточно, чтобы понять — в каком-то смысле Эскор долгое время находился под властью призраков. Это было излюбленное место тех, кто погиб во времена войн адептов, и верных служителей Тьмы, которых она сгубила. Но потом, когда люди перевалили через горы, здесь снова начала возрождаться жизнь. И тогда вот такие небольшие поселения, которые давным-давно были мертвы, стали понемногу оживать.

Элири обежала взглядом конюшню, которая явно была не отстроена заново, а старательно отремонтирована. Крыша новая, а каменные стены старые. Кладка примерно такая же, как в том доме, где жила сама девушка. Ну, сейчас можно позволить себе хотя бы мельком взглянуть на то, что находилось за пределами конюшни. В прошлый раз она не стала делать этого, боясь, что ее могут понять неправильно.

Элири подошла к двери и выглянула наружу, где уже почти совсем стемнело. Замок был очень продуманно расположен, кто бы ни воззвел эти древние каменные стены. С одной стороны его омывали воды озера, а с другой — в скалистой почве был вырыт глубокий котлован. В результате каменные стены оказались со всех сторон окружены проточной водой — очень хорошее средство против темных сил, насколько Элири было известно.

Через котлован был перекинут мост — только по нему и можно было попасть в замок. «Ловко»,— подумала девушка, приглядевшись повнимательней! Мост был снабжен механизмом, позволяющим его поднимать. Вдобавок запирающая мост полоса металла была изготовлена из кованого железа. Без сомнения, хозяева замка знали, как себя защитить.

Что же тут удивительного? Живя в таких краях, нужно быть глупцом, чтобы не знать этого.

Элири бросила взгляд вдоль моста и внезапно поняла, почему на этот раз сразу же получила приглашение. На дальнем, обращенном наружу конце моста, по которому она совершенно спокойно прошла совсем недавно, было кое-что, прежде ускользнувшее от ее взгляда. Заметить это можно было только оттуда, где она сейчас стояла.

Там, на дальнем конце, между досками были вставлены тонкие кованые железные полосы. Явно установленные совсем недавно, после ее первого посещения; без сомнения, она заметила бы их, будь они здесь прежде. И оттуда, где она стояла, прислонившись к древним каменным столбам, охранявшим подход к мосту, было отлично видно бледно-голубое свечение, пробивавшееся между этими металлическими полосами. Похоже, за ними, в небольших углублениях, были начертаны защитные руны. Тот, кто приближался к мосту или даже шел по нему, видеть их не мог, что не мешало им выполнить свою задачу — затруднить проход по мосту для того, кто принадлежал Тьме. А если бы он оказался настолько силен, что все же смог это сделать, руны ярко вспыхнули бы, предупреждая хозяев о приближении нежеланного гостя.

Вот почему сейчас к ней отнеслись с доверием. Элири спокойно прошла мимо рун. Отсюда защитники замка сделали вывод, что если она и не ходила в Свете, то, по крайней мере, не принадлежала Тьме.

Солнце село. Девушка вернулась в конюшню, повесила на плечо сумку и направилась к главной башне. В большом зале навстречу ей поднялся представительный, богато одетый мужчина — очевидно, это и был господин Джеррани — и предложил выпить с дороги.

— Гостья, пришедшая издалека, приветствую тебя под этим кровом. Пусть удача всегда сопутствует тебе.

Элири опустила на пол сумку и вскинула руку в ответном приветствии.

— Благодарю за гостеприимство и угощение. Пусть хозяину и хозяйке этого крова во всем сопутствует удача, и пусть солнце освещает их путь.

Произнося эти слова, Элири кончиком пальца медленно начертала в воздухе знаки защиты и удачи, кото-

рые замерцали в воздухе, как только она позволила сознанию открыться для них. Джеррани вскочил и рванулся к ней, но госпожа удержала его.

— Нет, нет, взгляни на них! В этих знаках нет пожелания зла.

Знаки испускали теплое, голубовато-зеленое свечение, присущее всему, что исходит от Света.

Элири удовлетворенно улыбнулась:

— Теперь, когда мы знаем, кто есть кто, может быть, мне и в самом деле предложат поесть? Или вы сначала хотите посмотреть меха?

Какое-то время оба во все глаза со страхом смотрели на нее. Потом на лице Маурин возникла улыбка — испуганная копия той, которая только что осветила лицо Элири.

— Садись, мы рады тебе. Посмотреть то, что ты привезла, можно и позже.— Она подошла к девушке, подвела ее к предназначенному ей месту и повернулась к слугам.— Не стойте, как истуканы, разинув рты. Быстро несите нашей гостье поесть. Или вы собираетесь уморить голодом женщину, владеющую силой?

Слуги засуетились с виноватым видом. Маурин снова повернулась к Элири и с интересом посмотрела на ее кулон.

— Я не вижу на тебе никаких драгоценностей, кроме этого. Откуда он? — Эти слова вырвались у нее сами собой, и тут же она вздернула руку, чтобы прикрыть рот. Ее муж выглядел шокированным.— О, прости, прости! Я знаю, это невежливо, я не имею права задавать такие вопросы. Я... Просто он такой красивый... Вот я и спросила.

Элири мягко усмехнулась.

— Почему бы и нет? — Не было никакой необходимости рассказывать им об истинной силе кулона.—

Это подарок друга.— И тут же в голову пришла новая мысль.— Никто из вас случайно не приходится родственником Кинану из Дома «Медвежья Шкура»?

Ей ответил Джеррани:

— Кинан? Не слышал такого имени, но моя мать была из этого Дома. Во времена Трубача всем им пришлось бежать. Ее родственники без особых помех покинули страну, но когда надумали возвращаться, было уже слишком поздно.— Элири вопросительно посмотрела на него.— Тут как раз случился весь этот кошмар с горами, и моя мать со своим мужем предпочли отправиться в Эскор.

— Знала ли она Кинана?

— Это мне не известно. Возможно. Ты знаешь, что было две ветви Дома с таким названием по обе стороны границы? — Элири покачала головой.— До того как Карстен впал в безумие, их обитатели ходили друг к другу в гости... Да, один Дом возник в Карстене, где было много свободной земли, в которой нуждались люди из хороших семей, не имеющие своих земельных наделов. Спустя много поколений один из сыновей Дома вернулся в Эсткарп и построил замок по эту сторону границы. Но не так уж далеко, на расстоянии полета ястреба.

Он замолчал, расправляясь с жареным мясом, которое ему подали. Маурин и Элири улыбнулись друг другу, и тут Джеррани снова заговорил:

— На протяжении долгих лет обе ветви Дома процветали, люди ходили туда и обратно и торговали. Моя мать была из эсткарпской ветви Дома. В последующие годы торговля пошла на убыль. Однако мать рассказывала, что, когда пришла беда, они, как и положено, поддержали своих родственников из Карстена, дали им приют. Правда, позже те отправились дальше. Больше

мне почти ничего не известно. Мать вышла замуж незадолго до Трубача и переехала к мужу,— закончил он и потянулся к доске с нарезанным хлебом.

— Очень интересно. Ты переписываешься с матерью?

— Да, мы пересылаем друг другу письма через торговцев, они довольно быстро доходят.

— Тогда, если можно, напиши ей о том, что хотел сообщить Кинан из Дома в Карстене своим родственникам.— Она распрямила плечи и заговорила, постаравшись придать голосу бесстрастное звучание.— «Я, Кинан из Дома "Медвежья Шкура", вернулся в свою усадьбу, чтобы умереть в ее стенах. В стране все еще хаос, но я уцелел. Однако срок мой истекает, и когда он придет, я буду лежать в земле, которая издавна была нашей. Не забывайте, что у каждого из нас есть Дом, куда рано или поздно можно будет вернуться. Это сообщение я вкладываю в уста той, кто стала мне родной по духу и сестрой по мечу. Она помогала мне, когда я остался в одиночестве, поэтому, если потребуется, наш Дом должен оказывать ей всяческую помощь. Я, Кинан из Дома "Медвежья Шкура", клянусь, что все сказанное — истинная правда.»

Закончив, Элири достала из сумки два пухлых свертка. С торжественным видом положила их на стол, развязала сплетенные из травы шнурки и приоткрыла, позволив своим собеседникам увидеть содержимое.

— Я, гость вашего крова, предлагаю эти дары его хозяину и хозяйке. Надеюсь, это скрепит нашу дружбу.

Джеррани поднялся и отвесил ей поклон.

— Мы принимает твои дары,— не менее торжественно произнес он.— В этой стране очень важно иметь друзей, но не стоит торопиться — так ведь можно и

споткнуться. И все же мы тоже выражаем надежду, что приобрели нового друга.

Элири кивнула, отложила сумку и вернулась к еде, размышляя над тем, насколько, похоже, возросла ее сила. Вначале, сразу после появления в этом мире, она была просто ребенком, владеющим даром обращения с лошадьми. Но время, проведенное в Карстене, явно изменило ее. Встреча с Ганнорой в месте Старых. Воздействие подаренных Ганнорой камней-стражей. Заклинания, которым Элири научил Кинан. Все, казалось, способствовало росту ее дара. Потом она оказалась в Эскоре, встретилась с Кеплиан, подружилась с ними, обрела свой дом. И все это время изменения продолжались. Дом давал ей ощущение тепла и защищенности. Удивительное дело! Он был ей, конечно, незнаком и в то же время как-то странно знаком. Такое ощущение, точно после долгих странствий она вернулась домой.

Время от времени девушка поглядывала на Маурин. У нее возникло чувство, что та тоже обладает даром. Маурин в ответ посмотрела на нее, улыбнулась и протянула руку к подарку. Вынула его, с трудом сдержав вздох восхищения. Это был жилет из меха расти. Маурин с сияющими глазами погладила мягкий мех.

Джеррани тоже достал подарок. Он с первого взгляда оценил его качество и умышленно тянул время, чтобы не проявлять свой интерес слишком открыто. С явным удовольствием внимательно рассмотрел жилет, но... ничего не сказал. Зато усиленно предлагал Элири съесть еще что-нибудь и выпить вина. Она согласилась, но сделала всего глоток; ей уже очень давно не приходилось пить вина.

Заговорили об охоте, и Элири с веселым удивлением осознала, что, используя эту тему, хозяин пытается

незаметно выведать, где она живет. Он умел задавать вопросы — все они вертелись вокруг одного и того же. Сначала он спрашивал, растут ли в ее краях те или иные кусты, а потом — водятся ли там дикие курочки. Девушка отвечала правду. Вряд ли он сумеет найти ее. Каньон был расположен высоко в горах, где тропинки попадались редко и были трудно проходимы. И вход в него не так-то просто найти — даже для того, кто принадлежал Свету.

Когда с едой было покончено, Элири достала из сумки и принялась развертывать меха. Ослепительно белые (горные прыгуны), сочно-коричневые с серебристыми кончиками (речные расти, такой мех у них бывает зимой). В особенности большого труда ей стоило добыть эти последние. Расти охотились стаями и, если были голодны, не боялись набрасываться ни на кого. Быстрые, хитрые, беспощадные, прожорливые, они отпугивали даже самых умелых охотников. Их можно было убить, но остальные сразу же пожирали погибших. То, что Элири удалось добыть неповрежденный мех расти, говорило о том, что она охотница каких мало.

Джеррани затаил дыхание. Эта девушка принадлежала Свету, без сомнения; но она была и несравненной охотницей. Он и впрямь напишет о ней матери и, кроме того, пошлет сообщение в Зеленую Долину. Маурин поймала его взгляд, в ее глазах вспыхнула надежда. Она что-то сказала ему без слов, лишь с помощью еле заметных движений. Он кивнул, но сделал жест, предостерегающий от излишней торопливости. Им предложили изумительные меха — лучшие из тех, какие ему когда-либо доводилось видеть. Девушка пришла с гор, это не вызывало сомнений. Только у тех прыгунов, которые живут в местности, где снег лежит больше полугода, бывает мех такой белизны.

Джеррани задумчиво провел рукой по меху расти. Вот загадка: эти животные предпочитали реки, текущие по равнинам.

Элири удалилась в предоставленную ей комнату, а он все еще сидел, размышляя. Конечно, она принадлежала Свету — сначала беспрепятственно прошла мимо кованого железа и рун предостережения и защиты, потом сама призвала руны Света. Но кулон, который так понравился его жене, имел отношение к Кеплиан. К этим проклятым приверженцам Тьмы, сгубившим стольких людей. Как все это объяснить? И разумно ли спрашивать ее об этом?

Он пожал плечами и тоже отправился спать, но обнаружил, что у его жены сна нет ни в одном глазу.

— Где, по-твоему, она живет? — спросила Маурин, когда он рассказал ей о своих сомнениях.

— Не знаю. Меха, которые она принесла, и с гор, и с равнин. Элдред говорит, что она скакала вдоль берега озера, с востока. Расти обитают в реках; может быть, ее дом где-то в верховьях реки, впадающей в наше озеро? Не знаю, не уверен. Никто из нас не забирался далеко на восток. Это территория Серых и Кеплиан.

— В ней нет Зла,— быстро сказала Маурин.

— Согласен, но тогда тем более трудно понять, как она может там жить.

Маурин пожала плечами. Какая, в конце концов, разница, где именно живет девушка? Важно, что с Тьмой у нее нет ничего общего. Вспомнить хотя бы то, что она продемонстрировала им, едва войдя в замок. Было и еще кое-что, несомненно свидетельствующее в глазах Маурин в пользу Элири. Девушка определенно обладала чувством юмора. Когда она вдохнула силу в руны, которые начертала в воздухе, Маурин заметила вспыхнувший в ее глазах озорной огонек. Как будто Элири

хотела сказать: «Вот, видите? Вы недооценили меня». Их взгляды встретились, и у Маурин возникло странное ощущение, будто что-то проскользнуло между ними. Может быть, они и в самом деле станут друзьями? Во всяком случае, Элири сумела пробудить в ней интерес.

Маурин лежала, свернувшись клубочком в теплой постели, медленно уплывая в сон и... вспоминая то, от чего даже сейчас, в спокойную минуту, у нее разрывалось сердце.

Она любила Джеррани. Восхищалась им еще с тех далеких времен, когда была совсем молоденькой девушкой. Он, в свою очередь, всегда был очень добр и внимателен к ней. Рассказывал о своих планах, о том, что мечтает отделиться и зажить собственным домом. Его отец погиб во время войн в Эсткарпе, а мать переехала в Эскор к новому мужу, человеку, который не нравился Джеррани. Юноша хотел добиться всего собственным трудом, чтобы не быть никому обязанным. Но мало того. Отчим любил молодого человека ничуть не больше, чем тот его, вспоминала Маурин. Мать Джеррани родила своему новому мужу детей, и именно они должны были унаследовать его имение, расположенное неподалеку от тех мест, где жила Маурин.

Она сама была обещана другому, человеку, который не внушал ей ничего, кроме страха. Но ее отец был непреклонен.

— Ну и что с того, что ты его не любишь, глупая девчонка? Что тебе о нем известно? Ты и видела-то его только издалека. Все, хватит. Ты выйдешь за него замуж, наши Дома сольются, станут сильнее и богаче.

Но Эскор тоже воевал, и этот человек погиб — к ее огромному и тайному облегчению. Вскоре Джеррани объявил, что отправляется на поиски места, где сможет построить новый дом. Сердце ее было раз-

бито: она никогда не увидит его снова! Джеррани был для нее всем — братом, другом, защитником. И вот теперь он покидал ее.

Джеррани пришел, нежно попрощался с ней и ушел. Отец начал подыскивать для нее другого мужа. И тут Джеррани вернулся, глаза его сияли торжеством.

— Я нашел для нас дом. Он, правда, полуразрушен, но большая часть стен уцелела. Думаю, нам удастся отстроить его заново, Маурин.

— А я-то здесь при чем? — с горечью спросила она.

И прочла изумление в его глазах.

— Как? Это же наш дом,— просто ответил он.— Разве ты не хочешь жить в нем со мной?

Ее сердце бешено заколотилось. Забыв о своем достоинстве, она бросилась в его объятия, смеясь и плача одновременно.

— Конечно, хочу. Ты знаешь, что хочу. Я думала, ты этого не хочешь.

Он взял ее за плечи, отодвинул от себя и заглянул в глаза:

— Мне всегда казалось, что ты знаешь. Я люблю тебя, Маурин. Зачем бы я стал искать землю и дом для нас, если бы это было не так? Теперь мне есть, куда привести тебя, и мы можем пожениться.

Однако все оказалось не так просто. Узнав, как обстоит дело, отец запретил ей даже видеться с этим мальчишкой, как он называл Джеррани. Когда выяснилось, что она нарушает его запрет, он поговорил с самим Джеррани. Но добился одного — понял, что встретил в его лице достойного противника.

— Я люблю Маурин; Маурин любит меня. Вы можете, конечно, найти вашей дочери другого жениха и силой подвести ее с ним к алтарю. Но заставить ее

произнести слова клятвы вам не удастся. Кроме того, вы не хуже меня знаете, что в наших краях такое не принято и вы столкнетесь со всеобщим осуждением.

Ее отец просто обезумел от ярости — до такой степени, что попытался уговорить брата Маурин напасть на Джеррани. Но Ромар не стал этого делать. Джеррани был его другом еще со времени совместного похода в Долину Зеленого Безмолвия. Они были почти одногодки, вместе воспитывались, вместе сражались — в общем, относились друг к другу почти как кровные братья. Отца чуть удар не хватил, когда Ромар отказался выполнить его требование.

— Мало того, что одна дрянь меня не слушается! — заорал он.— И другой туда же! Всемогущие боги! В таком случае можете убираться, куда угодно, и делать, что вздумается. Но не ждите от меня ничего. Ни приданого, ни помощи — ни клочка моего имущества не получите, вы, оба! Живите, как хотите, а я больше знать вас не желаю!

Они так и сделали. Маурин приютила сама Духаун, пока ее брат и возлюбленный готовились к долгому пути. К ним решили присоединиться и другие — соблазн завладеть пока еще никому не принадлежащими землями оказался слишком велик. К примеру, три семьи, которые пришли в Эскор еще из Эсткарпа; или одинокие мужчины, стекавшиеся из разных мест, куда докатился слух о готовящемся переселении. Люди брали с собою все, что имели из вещей и припасов. Были и такие, кто присоединился к ним уже в пути.

Ромар... Маурин припомнилась его веселость. Его смех. По натуре своей он был странником — больше всего ему нравилось путешествовать по этой неизведанной, древней земле. Как будто она взывала к его сердцу, заставляя время от времени надолго исчезать в

ее просторах. Как будто он искал что-то, чему не умел дать названия. Как будто испытывал жажду, которую не мог утолить. На него заглядывались многие девушки, но он даже не смотрел в их сторону. Все это ужасно раздражало отца, но поделать тот ничего не мог. Те, кто имел вес в этих краях, ценили молодого человека за его боевые и охотничьи навыки, за то, что он много путешествовал и много знал об этой земле, где Зло удалось остановить, не дав ему расцвести пышным цветом. Маурин по-настоящему любила брата. Он не так уж часто проводил время с ними, но каждый раз, когда это случалось, его общество доставляло ей искреннее удовольствие. Однако теперь, когда Ромар снова ушел неизвестно куда, ее терзали страхи, мучило опасение, что он никогда не вернется.

И вдруг из той же самой неизвестности возникла эта женщина. На свете нет ничего невозможного. Кто знает? Может быть, Элири что-нибудь видела или слышала. Может быть, она смогла бы найти след Ромара или даже его самого. Конечно, муж прав — торопиться не следует. Но и упускать этот шанс ни в коем случае нельзя. Если их гостье что-то известно, это узнает и она, Маурин. Да, узнает, и никто ее не остановит!

С этой мыслью она и заснула, но даже во сне ее рот оставался решительно, крепко сжат. Ромар — ее любимый и единственный брат; бескрайним просторам этой неизведанной земли не удастся отнять его у нее. Она подружится с гостьей, выведает у нее все, что той известно. Даже использует Элири, если понадобится! Одним словом, сделает все, чтобы брат вернулся домой.

Наступивший рассвет был ярок и чист. Поскольку вчерашняя сделка подвела итог всем ее делам здесь, Элири собралась домой, но Маурин стала горячо упрашивать ее задержаться еще ненадолго. В глазах моло-

дой женщины Элири заметила печаль и... осталась. Они много болтали и смеялись — как это случается между женщинами, истосковавшимися без общества себе подобных и нежданно-негаданно обретшими подругу.

Незаметно промелькнул день, за ним другой. Джеррани, видя, что его любимая счастлива, тоже уговаривал гостью не спешить с отъездом. Кончилось тем, что Элири провела в замке семь дней, но в конце концов желание вернуться домой перевесило. В этот последний день Маурин отвела ее в сторону.

Прежде чем заговорить, она смущенно опустила голову, но Элири, заметив это, улыбнулась.

— Успокойся, Маурин. Я догадываюсь, что ты хочешь меня о чем-то попросить. Что бы это ни было, обещаю приложить все усилия, чтобы выполнить твою просьбу. Если, конечно, это не запятнает мою честь.

— Нет, нет, ничего подобного, клянусь!

Маурин выбежала, довольно быстро возвратилась с маленьким свертком и бережно развернула тонкую ткань.

— Я рассказывала тебе о Ромаре, моем брате. Прошло уже много месяцев, как он ушел от нас, направляясь куда-то на восток. И не вернулся. Я боюсь за него.— Она бросила грустный взгляд на живописный портрет размером с ладонь, который показывала Элири.— Незадолго до того, как мы покинули Долину Зеленого Безмолвия, каждому из нас подарили по портрету, но этот мне дороже всех. Может быть, это все, что осталось от Ромара.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ты много путешествуешь и живешь далеко. Прошу тебя, где бы ты ни была, прислушивайся к разговорам, присматривайся к людям — не встретится ли тебе человек, похожий на Ромара? Не слышал ли кто-ни-

будь о нем? Я готова отдать все, лишь бы он вернулся домой цел и невредим.— Во взгляде Маурин проступило отчаяние.

Элири задумчиво кивнула:

— Я действительно, как и твой брат, много путешествую, в том числе и в тех местах, которые лежат на востоке. Обещаю, что буду расспрашивать о нем, освобожу, если он угодил в ловушку, похороню, если найду его тело, и сообщу тебе новости, если они появятся. Но только так, чтобы это не мешало мне выполнять свои обязанности. У меня ведь тоже есть... те, кто полагается на меня. Рисковать ими ради неизвестного мне человека, который, может быть, уже мертв, я не стану. Но мне понятна твоя тревога. Сделаю, что смогу.

Маурин обняла свою новую подругу:

— Это все, о чем я прошу. Возвращайся, с новостями или без них. Мы всегда будем рады тебе.

Элири повернулась, чтобы уйти, но Маурин удержала ее. Элири вопросительно подняла брови.

— Вот.— Маурин вложила ей в руку портрет.— Ты ведь даже не посмотрела. Вглядись как следует, запомни его лицо. Он, конечно, с тех пор наверняка изменился. В особенности, если попал в руки кого-нибудь из служителей Тьмы и с ним жестоко обращались. Пожалуйста, найди его для меня.

Элири опустила взгляд. Сначала она не заметила в молодом человеке ничего особенного. Ромару, скорее всего, было лет шестнадцать, когда был сделан этот портрет. Внезапно взгляд ее стал более сосредоточенным. И неудивительно — как будто сам юноша ожил и теперь стоял рядом, умоляюще глядя на нее.

— Ты знаешь, что он жив, верно? — спросила Элири.— Вы же близнецы.

— Да,— ответила Маурин.— Я чувствую, что он в опасности, но смерть пока не коснулась его. Ты права и в том, что мы близнецы. Это редкость, очень большая редкость для потомков Старой Расы. В нашем роду немногие наделены тем или иным талантом, но Ромар имеет дар обращения с животными. В особенности, с лошадьми.— Она взволнованно то сгибала, то разгибала пальцы, хотя голос оставался спокойным и твердым.— И еще мы обладаем даром, присущим близнецам. Я действительно знала бы, если бы он умер; значит, он жив. Найди его для меня, Элири.

Элири, не отрываясь, смотрела на портрет. Маурин — копия того, кто был на нем изображен — конечно, изменилась с тех пор, но не сильно. Чувствовалось, что юноша пока еще не сталкивался с серьезными жизненными испытаниями. Но в его лице ощущались сила, гордость без норова, характер без желания демонстрировать его просто так, не ради правого дела. Взгляд, как бы устремленный в глубь себя, выдавал человека, тяготеющего к одиночеству. Ничего особенного в его внешности не было; во всяком случае, он не мог настолько поразить воображение, чтобы стоило рисковать чем-то ради него. Лицо худощавое, с тонкими чертами и решительным подбородком. Глаза, скорее, зеленые, чем серые,— если художник не солгал. Но нет, глаза Маурин были того же оттенка. Рот, резко очерченный, по форме почти мягкий и все же не создающий впечатление слабости. Рот человека, который всегда действовал так, как считал нужным.

Портрет вызывал у Элири странное притяжение, никогда прежде не испытанное. Она, конечно, сумела бы попросту отмахнуться от этого чувства, но сам тот факт, что ей пришлось бы это делать, только подтвердил бы его наличие. А ведь она была уже не дитя, и

первое попавшееся интересное лицо не привлекло бы ее внимания.

Маурин была добра; ее муж заключил с Элири честную сделку. Они просили ее о такой малости — только чтобы она не прошла мимо, если нападет на след этого человека. От нее не требовалось штурмовать какую-нибудь твердыню Тьмы. Она снова опустила взгляд. Что это? Наверно, просто игра света... В какой-то момент ей показалось, что взгляд нарисованных глаз с умоляющим выражением сосредоточился на ней. Элири подняла голову и пристально посмотрела на Маурин. Колдовство? Нет, вряд ли. Просто игра света.

Этот портрет, должно быть, был сделан десять лет назад. Сейчас Ромару лет двадцать семь, Джеррани примерно на три года старше. Отец Маурин, наверно, полный идиот, подумала Элири, с трудом удержавшись, чтобы не фыркнуть с оттенком презрения. За прошедшую неделю Маурин в общих чертах рассказала ей историю своей семьи. Молодой человек, осмелившийся пойти против того, кто был гораздо старше, опытнее и, к тому же, приходился ему отцом,— это о многом говорило. Сейчас ему двадцать семь... Примерно на шесть лет старше, чем сама Элири. Какое, впрочем, это имеет значение? Будь он ребенком или стариком, она обещала обратить внимание, если нападет на его след. И сделает это, но не более того.

Она отправилась в путь, когда утро было в самом разгаре. Женщины с чувством искренней дружбы обнялись на прощанье, потом Маурин и Джеррани, стоя на мосту, пожелали ей доброго пути.

Маурин с удовольствием надела по случаю проводов подарок гостьи — жилет из меха расти, красиво поблескивающего в солнечных лучах. Кроме всего прочего, ей очень нравились вшитые в нем внутренние кар-

маны. Очень удобно. Непременно нужно будет сделать то же самое на всех платьях, на куртках Джеррани и Ромара... Боги, неужели она никогда больше не увидит Ромара? Ей о стольком хотелось бы ему рассказать! Не отрываясь, Маурин провожала взглядом всадницу, пока она не скрылась за поворотом.

— Найди его, пожалуйста! Найди и приведи обратно, ко мне,— шептала она, глядя в пространство.

Лошадь бодро скакала рысью, огибая озеро. Целую неделю Элири не ездила верхом и теперь с удовольствием делала это, однако мысли снова и снова возвращались к тому, что не давало ей покоя. Ладно, она будет поглядывать по сторонам в поисках этого юноши... нет, уже мужчины сейчас. Серо-зеленые глаза, полные надежды и ожидания, неотступно мерцали перед ее внутренним взором. Потребовалось определенное усилие, чтобы отогнать навязчивый образ. Надвигалась зима. У нее есть чем заняться, кроме поисков какого-то глупца, который, скорее всего, сам виноват в том, что с ним произошло.

Этой ночью она спала беспокойно, но и во сне снова видела Ромара. Больше это не повторялось. Все правильно, подумала Элири. Ее разум — это ее разум; она не потерпит никакого посягательства на себя. Пусть его глаза сколько угодно с мольбой смотрят на нее, она не станет обращать на них внимания. Так девушка твердила себе, и у кого повернулся бы язык сказать, что она лжет?

9

Но она держала данное обещание. Сейчас поездки в глубь территории Кеплиан стали реже, однако всякий раз, когда это происходило, Элири не забывала о

молодом человеке, похожем на Маурин. Серые следили за ней, но после нескольких весьма губительных для себя стычек пришли к выводу, что лучше держаться подальше — пока их не наберется достаточно большая стая, которая сможет ее одолеть. Что и произошло однажды ярким весенним утром, когда даже в горах вокруг каньона не осталось никаких признаков зимы. Они погнались за Элири и Тарной, но лошадь была в отличной форме, не обременена тяжелой поклажей, и Элири легко ушла от погони. Могучей кобыле Кеплиан это и вовсе далось безо всякого труда.

Оторвавшись от Серых на значительное расстояние, Элири со смехом остановила лошадь.

— По-моему, мы предоставили им отличную возможность пробежаться. Надеюсь, они выглядели не слишком разочарованными?

Кобыла весело заржала в ответ, однако тут же рассудительность взяла в ней верх:

«Названая сестра, ты, похоже, не заметила, что этой весной кое-что изменилось. Они снова стали преследовать нас, а ведь еще осенью отворачивались, когда мы скакали мимо. Похоже, охота возобновилась».

— Так ведь сколько их сейчас было,— возразила девушка.

«Они понимают, что им ни за что не догнать нас, и все же не оставляют своих попыток. Что-то происходит; Серые не охотятся, если знают, что им ничего не перепадет».

Элири усмехнулась:

— По-твоему, мы — это «ничего»?

«Нет, конечно, но только если можно поймать нас. Однако они столько раз терпели неудачу, что оставили свои попытки. И вот теперь снова взялись за старое. Почему?»

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

Элири с задумчивым видом сидела на лошади. Это и в самом деле странно. На протяжении большей части прошедшего года эти жуткие вервольфы, казалось, просто не замечали их. Может быть, Тарна и права. Что-то происходит. Но что? И почему? Внезапно на нее словно нахлынуло озарение. Ромар! Маурин сказала, что он уехал прошлой весной, а вернуться должен был тем же летом. Может быть, Серые сумели поймать и каким-то образом использовать его? Но разве они понимают под «пользой» что-нибудь другое, кроме одного — сожрать свою добычу? Может быть, у них есть и такой вид «развлечения», как пытки, мрачно подумала Элири? Лошадь перестала щипать траву и настороженно вскинула голову. Элири подобрала поводья.

— Мне кажется, нам лучше и в самом деле уехать.

Кобыла кивнула — и замерла. Ветер, изменив направление, принес новый запах. Они обменялись удивленными взглядами. Стая все еще преследовала их! Элири поскакала к реке. Злобные твари хотят с ними расправиться? Вот пусть и уткнутся носами в бегущую воду. Может, это охладит их пыл.

Однако вода в реке так сильно поднялась — скорее всего, из-за прошедшего недавно дождя,— что пересекать ее казалось небезопасным. Девушка решительно поскакала по берегу к верховьям, к тому месту, где из реки ответвлялся ручей, впадающий в озеро. Здесь вода тоже поднялась, но подруги все же рискнули перебраться на другой берег. Остановившись там, чтобы передохнуть, они услышали вой и рычание разочарованной стаи.

— Давай убираться отсюда поскорее, названая сестра. У меня скверное ощущение, что, если мы задержимся тут и эти твари будут видеть нас, они могут решиться на какую-нибудь глупость.

Однако кобыла, похоже, ее опасений не разделяла: «А что они в состоянии сделать? Стоит им попытаться пересечь ручей, и они погибнут».

— А если до них дойдет, что где-то этот ручей все-таки кончается?

Тарна явно сильно удивилась, а может быть, и испугалась. Правда, ручей кончается, впадая в озеро, а это довольно далеко отсюда, но что, в самом деле, может помешать стае обежать озеро и продолжить охоту?

«Им пришлось бы бежать не один день...»

— Да, но ты же знаешь — когда ими владеет охотничий азарт, они забывают обо всем. По дороге перехватят что-нибудь, а на той стороне озера живут люди — чем плохая добыча?

Кобыла кивнула. Плохо, что обитателям тех мест неизвестно о том, какая опасность им угрожает.

Во время этого разговора подруги не стояли на месте, быстро удаляясь от ручья. Теперь они смолкли, слышен был лишь тупой стук копыт по каменистой тропе. Обе вспоминали события прошедшего дня. Уже почти не оставалось сомнений, что в этих краях что-то снова зашевелилось. Тарна была полна тревожных предчувствий; очень может быть, ее названая сестра сочтет нужным сунуть свой нос в эти дела, с чем бы они ни были связаны. Ведь Элири прекрасно владела не только луком, но и даром, и силой. Может быть, имеет смысл надоумить ее попробывать сначала другие способы.

Элири внимательно выслушала Тарну. В последнее время золотистое сияние в конце каньона почти перестало ее интересовать. Это место было запретно для входа. Прежде она изредка подходила поближе, в надежде, что ее заметят и пригласят, но этого так ни разу и не произошло. О том, чтобы нарушить запрет, не

могло быть и речи; об этом предостерегал ее не только оживший кулон, который привел их в каньон, но и простой здравый смысл. У Элири и без того хватало забот, постепенно оттеснивших мысль о золотистом тумане в глубину сознания.

— Нас все еще не допускают туда,— запротестовала она.

«Как давно ты пыталась в последний раз?»

Это был вопрос. Элири мысленно вернулась назад. С тех пор прошли месяцы, много месяцев. Это было... Она сосчитала на пальцах... Да, это было в начале прошлого лета. Ну, можно, конечно, попытаться снова. Вреда от этого не будет, если вести себя вежливо. По крайней мере, она на это надеялась.

Сказано — сделано, но отчетливое ощущение запертой двери не исчезло. Что бы ни находилось внутри тумана, пока, во всяком случае, оно не выражало желания встретиться с ней. Элири медленно побрела прочь. Интересно, настанет ли день, когда ей будет позволено войти? Может быть, нужно как-то заслужить эту привилегию? Ее разобрал смех. Да ладно, не хотят — не надо. Она не так уж туда и рвалась; просто было любопытно.

Тарна ждала ее в глубине каньона. И, конечно, тут же заметила умышленно безразличный вид, который попыталась напустить на себя Элири. Похоже, вход в глубину тумана для них все еще закрыт, а ее названая сестра, вместо того, чтобы настойчиво повторять свои попытки снова и снова, просто развернулась и ушла. Не сказав ни слова, кобыла снова принялась щипать траву.

Элири заметила, что у Тарны изменилось настроение, и, подумав, поняла, почему. Ей стало ужасно неприятно, почти больно. Круто развернувшись, девушка

вернулась к туману. Остановилась, пытаясь мысленно сформулировать то, о чем собиралась сообщить. Необычное поведение Серых, породившее подозрение, что внизу, на равнинах, происходит что-то скверное. Ощущение надвигающейся грозы, не в смысле ветра и неба, а в смысле силы и опасности. Сосредоточившись на этих образах и мыслях, она сделала то, что, как ей казалось, было равносильно стуку в дверь, преграждавшую доступ в туман.

И тут же ощутила ответный импульс. Там, внутри, зашевелилось таинственное нечто, явно заинтересовавшись ее сообщением. Возникло чувство, как будто «оно» спрашивает: что именно произошло?

На этот раз она постаралась воссоздать в уме полную картину случившегося, включая детали местности. Как они с Тарной были поражены той настойчивостью, с которой Серые преследовали их. Как потом поскакали к ручью, надеясь, что бегущая вода остановит стаю. Как у них с Тарной возникло чувство, что даже после этого нужно как можно быстрее убираться оттуда — обе почти физически ощущали, что стая готова на все, лишь бы не упустить их. Как ей пришло в голову, что Серые могут решиться обежать озеро, не побоявшись проникнуть на неизвестную территорию. Какой страх охватил ее при этой мысли — в том числе и за друзей, которые жили на другой стороне озера и теперь подвергались опасности.

Возникло ощущение, будто в сознании Элири распахнулось окно, через которое «нечто» получило доступ в глубь него. Вспышка интереса, сосредоточенного на кобыле Кеплиан. Они подружились? Да, и что в этом плохого, резко отреагировала Элири?

Взрыв радости. Напротив. Туман — или то, что находилось внутри него — был явно доволен. Элири ужас-

но удивилась и мысленно спросила: почему? В ответ возникло чувство двойного прикосновения, как будто она контактировала не с одним существом, а с двумя. Мужчиной и женщиной. Создалось впечатление, что в одном смысле они были людьми, а в другом — более чем людьми. Тогда кто же вы — адепты, спросила она? В ответ прикосновение исчезло. Вернулся образ запертой двери. Элири отступила, глядя на туман, который колыхался, свиваясь кольцами.

Девушка заторопилась к Тарне, чтобы рассказать о том, что произошло. Когда она закончила, они изумленно уставились друг на друга. Потом, не сказав ни единого слова, кобыла принялась снова щипать траву. Следовало все хорошенько обдумать, а лучше всего это ей удавалось, когда она как бы пережевывала мысли вместе с травой. У Элири осталось двойственное ощущение от того, что пришлось пережить. В каком-то смысле ей было даже неприятно, что эти существа так бесцеремонно вторглись в ее разум. Конечно, никакого вреда от этого не было, обиженно думала она, но они могли, по крайней мере, спросить разрешения. Ведь, в конце концов, она даже не принадлежала этому миру.

Эта мысль заставила Элири оторопеть. Она не принадлежала этому миру? Миру, который дал ей возможность быть самой собой; подарил дом и друзей? Где она чувствовала себя воином, что было бы невозможно в том мире, откуда она сбежала?

Да, сбежала — сюда. Добровольно отправилась путем, проложенным Идущими Впереди. Внезапно на нее нахлынула ужасная тоска по Фару Трейвелеру и их общему дому, но это длилось всего мгновенье. Прадед ушел, а их маленький дом больше не был ее домом. Даже если бы она смогла вернуться, все уже стало бы совершенно другим. Тарна и Хилан не смогли бы от-

правиться вместе с ней; в ее мире им пришлось бы несладко. Она машинально погладила нож. Да, вот что главное — там она не смогла бы вести жизнь воина. Одного этого было достаточно, чтобы посмотреть правде в глаза.

В этом мире, где Элири оказалась по собственной воле, вряд ли можно было назвать жизнь легкой. Чтобы выжить, чтобы не умереть с голоду и иметь все необходимое, ей приходилось сражаться и охотиться. Все, чем она владела, было добыто ценой собственных усилий.

Девушка глубоко вдохнула весенний воздух. И зашагала к дому. Ведь это был ее дом, ее единственный дом — и он принадлежал ей, потому что она его нашла, она им пользовалась. Решение созрело внезапно, но окончательно и бесповоротно. Все это время она во многих отношениях жила так, как будто ее пребывание здесь было явлением временным. Теперь она осознала — и это вызвало взрыв бурной радости,— что здесь ее дом, ее прибежище, ее мир. И она ничего никому не отдаст без боя. В том числе, мысленно добавила она с внезапно вспыхнувшей яростью, Серым или их хозяевам.

Элири ворвалась внутрь и начала перетряхивать и вывешивать для просушки заплесневелые за зиму меха. Отнесла все постельное белье к ручью и выстирала его в каменном резервуаре, установленном там специально для этих целей. И впервые обратила внимание на то, насколько искусно был сделан этот резервуар: кто бы ни обитал здесь, он явно предпочитал жить с удобствами. Бегом вернувшись в дом, Элири добавила к груде белья и свою одежду.

Выстирав вещи, она разложила их на траве для просушки и вернулась в дом. Все это время девушка пользовалась, практически, лишь большим залом. Когда быва-

ло очень холодно или сыро, вместе с ней в нем укрывались многие из Кеплиан. Ей никогда даже в голову не приходило осмотреть верхние комнаты.

Внезапно ей вспомнился один из разговоров с Фаром Трейвелером — о том, что нехорошо поселяться в доме, где умерли его прежние владельцы. Она усмехнулась. Кто знает, где умерли владельцы этого дома? Не исключено, что вовсе и не здесь, а где-то далеко отсюда. И кто знает, умерли ли они вообще? Может быть, именно они сейчас скрываются в глубине тумана. Элири поднялась по каменным ступенькам узкой винтовой лестницы. Похоже, те, кто строил дом, допускали возможность нападения. Лестница не имела перил, но по ней можно было идти, ни за что не держась, и, значит, защитник имел возможность держать в руках меч или другое оружие.

Лестница вывела Элири в узкий коридор. Он, должно быть, тянулся через все здание, проходя над центром расположенного внизу зала.

Если когда-то здесь и была деревянная мебель, от нее ничего не осталось, но в некоторых комнатах сохранились каменные столы. Во всех спальнях были установлены камины. Две большие ниши, выложенные камнем, прежде, возможно, служили бельевыми шкафами. Элири бродила по комнатам, время от времени постукивая по стенам. У Кинана было маленькое потайное местечко для драгоценностей — может, и здесь есть что-то в этом роде? Дойдя до конца коридора, она, к своему удивлению, обнаружила еще одну лестницу, тоже ведущую вниз. Попыталась сориентироваться. Странно. С нижнего этажа никакой второй лестницы не было видно.

Она начала спускаться — внимательно оглядываясь, навострив уши, держа руку на рукоятке ножа. Вниз,

вниз — лестница казалась бесконечной. Теперь Элири уже явно находилась ниже уровня земли. Она взглянула вверх и внезапно все поняла. Скорее всего, когда-то каменный пол был несколько длиннее за счет деревянного настила, уложенного вровень с ним, в котором был сделан потайной люк, ведущий на лестницу. Стало почти совсем темно, Элири начала спотыкаться и решила вернуться, чтобы поискать что-нибудь для освещения. Быстро взбежав по ступеням, девушка нашла ветки, заготовленные еще прошлым летом для подобных целей. Совсем сухие, они, конечно, будут прекрасно гореть. Она взяла столько, сколько могла унести в одной руке. Интересно, этого хватит?

Элири снова начала торопливо спускаться и зажгла ветку, когда стало совсем темно. Света от нее было немного, но, главное, ступени девушка различала. В самом низу она наткнулась на дверь. Каменная, но очень хорошо подогнанная; один сильный толчок, и она распахнулась. Элири изумленно огляделась. Ее взору предстало обширное пространство каменного пола.

Казалось, здесь не было ничего, кроме пола, дальний конец которого утопал во тьме. Позже надо будет осмотреть тут все с хорошим факелом, подумала Элири и двинулась вперед, высоко подняв горящую ветку. Каменный пол, стены из массивных каменных блоков. И все, даже никакого другого выхода. Бессмыслица какая-то. Зачем еще могло понадобиться строить это помещение внизу, если не для того, чтобы тут прятаться? Или, может быть, это была всего лишь кладовая?

Ветка уже почти догорела, пришлось зажечь новую. Девушка обошла комнату по периметру и пришла к выводу, что она примерно такого же размера, что и зал наверху. Потом ее взгляд упал на ржавый металлический предмет на полу. Кинжал. Вокруг него валялись

металлические заклепки — наверно, все, что осталось от кожаных ножен. Интересно, кинжал случайно обронили во время бегства или... Она подошла к глухой каменной стене. Кинан научил ее нескольким заклинаниям, которые употреблялись как команды. Очень может быть, обитатели этого дома использовали не только обычные замки.

Повернувшись лицом к стене, Элири отчетливо и громко произнесла команду:

— Эшлин!

Послышался мягкий скрип, и стена открылась.

Защищенное от всепожирающего времени, за стеной висело оружие. Много оружия, хотя то там, то здесь виднелись пустые места. Как будто кто-то, торопясь, хватал то, что подворачивалось под руку. Чего тут только не было! Луки, колчаны со стрелами, мечи, кинжалы, даже точильные камни — все, что душа пожелает. Девушка улыбнулась. Неплохо получилось. Интересно, сработает ли заклинание и в других местах? Она вернулась в большой зал и сделала два больших шага в сторону от открытого проема.

— Эшлин!

Никакой реакции. Снова несколько шагов в сторону — и снова то же самое. Однако при третьей попытке стена опять ожила.

На этот раз за ней обнаружилась броня. Броня из прекрасного металла, поблескивающая от масла, которым она была смазана. Элири приподняла край и восхитилась работой. Легкое звяканье, которое броня издавала, напомнило ей... Нет, это не броня. Маурин употребляла другое слово — кольчуга. Эта кольчуга, несомненно, была изготовлена мастером своего дела. Чувствовалось, что она тяжелая, но в то же время мягкая, точно бархат. Внутри одной кольчужной рубашки

находилась вторая, меньшего размера. И, главное, точно ее размер, как будто давно живший кузнец выковал эту кольчугу специально для Элири. Надев ее, девушка удивилась: сейчас кольчуга показалась ей не такой уж и тяжелой. Она зажгла последнюю ветку — хватит, чтобы выбраться отсюда. Проходя мимо проемов в стене, Элири произносила запирающее заклинание. Каменные плиты с щелчком встали на место. Надо будет непременно вернуться сюда, наверняка здесь можно еще что-нибудь обнаружить. Она торопливо поднималась по ступеням — ветка уже почти совсем догорела. Девушку разбирало любопытство — может, команды сработают и в спальнях тоже? Есть ли тут еще тайники? Было бы очень интересно их осмотреть.

Вскоре выяснилось, что есть. Команды, которым научила ее Маурин, открыли в нескольких комнатах то, что, наверно, служило прежним хозяевам платяными шкафами. Элири пораженно рассматривала одежду из шелка и бархата, представшую ее взору. Судя по размерам и некоторым другим признакам, в этом доме когда-то жили мужчина и женщина, у которых были маленькие дети.

Весь остаток дня она бегала от стены к стене в верхней части дома и пробовала свои команды. Обнаружилась даже кухня, а в ней буфет с горшками, мисками, глиняной посудой и множеством других полезных предметов. Когда Элири, в конце концов, отправилась спать, голова у нее шла кругом от восхищения. Прежде она была нищей, живущей в чужом доме, а теперь впервые почувствовала себя здесь полноправной хозяйкой. Было такое чувство, точно дом сам впустил ее внутрь.

На следующий день рано утром девушка снова спустилась по лестнице, но уже с факелами. Обошла вдоль стен, пробуя все известные ей команды. Одна

открыла маленькую дверь в конюшню, о существовании которой Элири даже не подозревала. К полудню она почувствовала, что выдохлась, и спустилась в большой зал, прихватив обгоревший прут и большой кусок белой коры. Пытаясь нарисовать план дома, она удивлялась сама себе. Почему ей понадобилось столько времени перед тем, как начать тут все обследовать? Наверно, потому, что она чувствовала себя... захватчицей, что ли? Казалось, что, оставаясь в одном лишь зале, она не вызовет гнев тех, кто прежде владел этим домом.

В каком-то смысле было ясно, что именно ею руководило. Затерянный в горах каньон, руны, странный туман. Элири все время не покидало ощущение, что надо быть предельно осторожной и ни в коем случае не злоупотреблять гостеприимством, чтобы их всех попросту не выгнали вон. Но постепенно, по мере того как шло время, начало возникать ощущение, будто здесь ей рады. Как будто теперь ее узнали, признали и приняли. Теперь этот дом принадлежал ей: она примет его дары, его приют и то спокойствие, которое обеспечивали прочные стены и руны у входа.

На протяжении последующих недель девушка деятельно осваивала свое вновь обретенное жилище. Ночевала она теперь в одной из спален наверху, которая, должно быть, прежде принадлежала хозяину или хозяйке. Кухня сияла начищенными горшками и мисками, висящими на стенах. Найдя в одном из шкафов тяжелые гобелены, Элири с большим трудом и проклятиями вытащила и развесила их. Обнаружилось удивительное обстоятельство — похоже, шкафы каким-то образом защищали то, что в них хранилось. Мясо, к примеру, если его положить внутрь шкафа, неделями не утрачивало своей свежести. Методом проб и оши-

бок Элири выяснила, что чем чаще она открывала этот шкаф, тем быстрее портилось мясо. Колдовство? Скорее всего. То, что находилось внутри, было неподвластно воздействию времени. Прекрасно. Выделив среди шкафов один, она положила в него продукты, в которых не нуждалась каждодневно, уверенная, что они не испортятся даже во время летней жары.

Кеплиан, конечно, в ее занятиях участия не принимали. Делать им, в общем-то, было нечего, и Хилан повадился совершать прогулки в те края, где когда-то жила его мать. Оттуда он возвращался с ворохом новостей, которые собирал по крупицам, беседуя с сородичами. В последний раз Тарна составила ему компанию и, вернувшись, тут же отправилась на поиски Элири.

«Названая сестра, есть новости, и мне они не нравятся».

Элири стояла, поглаживая мягкий нос кобылы. Она не торопила Тарну; та продолжит, когда сочтет нужным.

«В самом центре наших мест поднимается старая тень. Зло снова устроило себе берлогу в Темной Башне. Мой народ боится его, но повинуется, потому что не в силах противиться его приказу. Возможно, в этом и состоит причина, почему Серые охотились на нас так упорно, как никогда прежде. Кеплиан тоже сейчас страдают от них гораздо сильнее, чем раньше».

Кеплиан всегда было не так уж много; расплата за то, что жеребцы запросто убивали жеребят-сирот, а кобылы отказывались помогать беспомощным. Теперь Тарна и Хилан рассказывали, как Серые, действуя сообща, утаскивают жеребят и ослабленных родами кобыл почти прямо из-под носа жеребцов. Более того — они ухитрялись справляться даже с молодыми одинокими жеребцами.

«Серые обезумели — убивают и убивают без конца. Если так будет продолжаться, наши края опустеют.— Хилан со свистом втянул воздух.— Они даже нападают на расти, хотя сами при этом теряют вдвое. Расти не те, с кем можно шутки шутить. Многие гибнут — с обеих сторон».

Элири улыбнулась:

— Недаром говорится — когда Зло погибает, Добру от этого только польза. Будем надеяться, что в конце концов они перережут друг друга.

«Вряд ли,— тут же ответил жеребец.— В наших краях говорят — тот, кто обитает в Башне, очень сердится и на тех, и на других. Он приказал им прекратить, а иначе обещал наказать обе стороны».

— Ничего из этого не получится. Расти никакие угрозы не волнуют. Если Серые будут нападать, они просто так не отступят.

Тарна кивнула:

«Это верно, но Серых-то эти угрозы волнуют. Они боятся того, кто в Темной Башне, и без разрешения снова нападать на расти не станут. Боюсь, как бы твои друзья не стали следующей жертвой. Ходят слухи, что собирается большая стая и что они хотят отправиться на охоту куда-то далеко, к самой границе своей территории».

Элири пристально вглядывалась вдаль. Решение созрело внезапно и, казалось, само собой: нужно немедленно отправиться к озеру и рассказать об опасности тем, кто живет в замке.

«Правильно, названая сестра. Но будь осторожна».

Однако уговаривать Элири делать это необходимости не было — она и сама все понимала. Оседлав свою крепкую лошадку, она ускакала, унося в сердце прощальную нежность Кеплиан. Руны вспыхнули при ее

приближении. Движимая внезапным порывом, девушка наклонилась и провела пальцами по знакам охраны. И тут же в уме вспыхнуло слово — точно подаренное ей. Она пока не знала, как произнести его вслух, но оно прочно запало ей в память. По дороге Элири думала о рунах. Судя по тому, что она знала об этой стране, дар силы был здесь явлением распространенным. Даже тех, кто владел небольшим даром, учили правильно использовать его. Все дома, замки, крепости были защищены, в особенности сильно — Долина Зеленого Безмолвия. Это была врожденная способность, присущая всем здешним людям.

Потом ее мысли вернулись к Серым. Мерзкие твари. Они и Кеплиан враждовали с незапамятных времен. Похоже, всякие попытки контролировать или лишить их силы лишь подталкивали Серых к безумию. Башня, возможно, и в самом деле требует, чтобы они прекратили сражаться; ее обитатель, скорее всего, не хочет, чтобы его и без того скудные живые ресурсы расходовались впустую в бессмысленных сражениях между его же сторонниками. Однако вряд ли он тут многого добьется, думала Элири. Ну и прекрасно. Друзья всегда выигрывают, когда гибнут враги, как любил повторять Фар Трейвелер. Если Серые и дальше будут досаждать расти, это окажется только полезно.

Она вздрогнула, вспомнив расти. Так им и надо! Ей они казались похожими на ласок — ласок трех футов в длину, с прекрасным мехом. И, подобно ласкам в разгар трудной зимы, расти охотились стаями. Ума как такового у них не было, но они обладали своего рода звериной хитростью. Если их территория подвергалась нападению, расти, казалось, меньше всего волновало, сколько их погибнет, защищая ее; важно было одно — прогнать нападающих. Мертвых сжирали, и своих, и

чужих. Бр-р-р... Снова вздрогнув, девушка постаралась выкинуть эти мысли из головы.

Она скакала все дальше и дальше — вниз по течению ручья и вдоль озера. Во время ночевки ей приснился сон, чего не случалось уже многие месяцы. Темноволосый мужчина, который смотрел на нее с тоской и надеждой. Он был заметно старше юноши, изображенного на портрете, но Элири узнала его. Ромар, брат-близнец Маурин. Его лицо было искажено от усилий дотянуться до нее, сказать что-то, возможно, предостеречь.

Потом прямо на глазах напряжение покинуло его, лицо молодого человека расслабилось. Во сне она наклонилась вперед, внимательно вглядываясь. Ромар выглядел худым и бледным — как человек, слишком долго не выходивший на воздух. Но в линиях твердо сжатых губ все еще ощущалась решимость. Он протянул руку к ее шее, к шнурку, на котором висел кулон Кеплиан. Что ему надо? Элири напряглась и сжала кулон в руке, ощущая исходящее от него тепло.

За спиной Ромара можно было разглядеть окно, за ним — бескрайнее голубое небо, а вокруг молодого человека — каменные стены. Он сидел в большом резном кресле, привязанный к нему кожаными ремнями. И все же не только эти путы удерживали его. Кресло было окружено нарисованным на полу меловым кругом и рунами, начертанными вдоль него. Их ближняя к Ромару сторона пылала красным, а за пределами круга дымилась черным. Элири затрепетала. Никакой ошибки: Ромара захватило Зло, которое использовало его. В серо-зеленых глазах явственно проступило отчаяние. Руны засияли ярче, окутав его дымом, запах которого она ощутила даже во сне — запах опасной и грозной силы.

Девушка отшатнулась. Видение начало блекнуть, но при этом точка обзора медленно переместилась. Теперь Элири как будто с высоты птичьего полета смотрела на расположенную внизу башню. Все подтверждалось. Вот она — Темная Башня, находящаяся в самом сердце территории Кеплиан.

Поднявшись на рассвете, Элири поскакала дальше, снова и снова прокручивая в уме свой сон. Ее мучил вопрос — стоит ли рассказывать об увиденном Маурин? Эта женщина наверняка будет настаивать на том, чтобы немедленно атаковать Башню. Однако Элири чувствовала, что ничего хорошего из этого не выйдет, что здесь нельзя действовать в лоб. Нужно проявить хитрость. Напасть, да, но не открыто, как воины, а потихоньку, словно воры в ночи. Хотя почему — не как воины? Воины того народа, из которого она была родом, высоко ценили подобные военные хитрости.

Лицо девушки на мгновение исказила опасная улыбка. Она сделает то, ради чего сейчас скачет в замок,— расскажет его обитателям о том, что ее друзья разузнали в землях Кеплиан. А остальное пока останется при ней. Важно, чтобы замок охраняли как можно лучше. Что же касается Джеррани... Да, решила Элири, ему она тоже не расскажет о своем сне. Он нежно любил Маурин — нежно и настолько сильно, что вряд ли смог бы скрыть что-то от нее. Можно не сомневаться, Маурин сумеет преодолеть все линии его обороны и добраться до секрета, даже если он попытается о нем умолчать. Выковыряет его, точно тюлень морскую улитку из раковины.

На дорогу до замка у Элири ушло два дня. Друзья встретили ее на мосту, Маурин со счастливым смехом бросилась навстречу.

— Ох, как же хорошо, что ты снова здесь! Как твои дела? Охота была удачной? Ты устала?

Джеррани взял поводья утомленной лошади.

— Я распоряжусь, чтобы о ней позаботились. Иди с Маурин, пока она не испепелила тебя своими вопросами.— Он легко прикоснулся к плечу жены.— Хотя я, конечно, полностью с ней согласен. Мы и в самом деле рады, что ты снова здесь. Оставь сумку, я отнесу ее в дом.

Маурин потянула Элири за рукав и сразу же поняла, какова природа твердого материала под ее пальцами.

— Зачем это? — Она отогнула наружную ткань.— Кольчуга, ты надела кольчугу? Как хорошо сделана! Откуда она? Ты торгуешь не только с нами? С кем...

Элири вскинула руку, чтобы остановить поток восклицаний, и мягко рассмеялась:

— Хватит, хватит! Можно, я сначала отвечу на уже заданные вопросы? Что касается кольчуги, я ее нашла, не купила, но ее историю я расскажу как-нибудь в другой раз. Охота и в самом деле была удачной. И да, я устала и голодна. У меня нет никаких новостей о Ромаре, но зато есть новости, которые могут касаться вас и этого замка. Покорми меня, и я расскажу их вам с Джеррани. Отчасти именно они заставили меня приехать сюда.

Джеррани отнесся к ее словам со всей серьезностью.

— Я обо всем позабочусь. Вообще-то мы всегда наготове, но есть много мелочей, которые позволят лучше подготовиться к осаде или атаке.— Его лицо приняло задумчивое, серьезное выражение.— Ты привезла что-нибудь на продажу?

— Да, но на этот раз ничего роскошного,— ответила Элири.— Просто хорошая оленья кожа, сухожилия,

ну и, конечно, подарки для тебя и Маурин.— Она потянулась к сумке.— Только не спрашивайте меня, откуда они. Считайте, что это дар Света.

Она развернула первый сверток. В нем была еще одна кольчужная рубашка, как раз по размеру Маурин. Глаза молодой женщины восхищенно распахнулись, когда она прикоснулась к ней пальцами. Во втором свертке оказалось полдюжины мечей для Джеррани. Безо всяких украшений, но прекрасной работы. Он взял один, крепко стиснул рукоятку, сделал выпад, другой. И сказал тоном человека, дающего обет:

— Мы не будем ни о чем тебя расспрашивать. Дар Света, этого достаточно.— Он сурово посмотрел на жену — дескать, что же ты молчишь? Но Маурин не разжимала губ.— Мы используем их против Зла, чтобы защитить Добро.

Всю оставшуюся часть визита Элири Джеррани вел себя более сдержанно, чем обычно. Когда она ускакала, он проводил взглядом всадницу, которая огибала край озера, постепенно исчезая из виду. Потом вернулся в замок, позвал доверенного воина и вручил ему письмо.

— Отдашь это госпоже Долины Зеленого Безмолвия и никому другому.

Стоя у ворот замка, Джеррани слушал, как затихает вдали глухой стук копыт по мягкой траве. Потом спустился в арсенал, а оттуда — проверить запасы провианта.

В его семье мало кто владел даром, однако сейчас он ощущал озноб, точно перед надвигающейся бурей. Предостережение Элири, несомненно, имело под собой основания. Он не сказал об этом ни жене, ни их гостье, но человек, который охотился для обитателей замка, забрел дальше, чем обычно, и видел Серых. Джеррани почувствовал также, что Элири рассказала

им не обо всем. Может быть, не была уверена, что какие-то ее сведения верны? Конечно, она промолчала не по злому умыслу.

Проходя мимо смотровых окон башни, он бросал взгляд на местность вокруг замка. Эта земля была прекрасна: он мечтал провести здесь всю свою жизнь, увидеть, как подрастают дети. Кто знает? Может быть, вместо этого ему придется раньше времени лечь в эту землю. А что будет с Маурин? Пытаться отослать ее в безопасное место бесполезно, она все равно не уедет.

Он остановился, устремив взгляд вдаль, туда, где у самого горизонта уходили в небо слегка подернутые голубой дымкой горы. Зачем они с Маурин пришли сюда? Чтобы построить дом, создать семью, основать род. Значит, здесь они и останутся — на жизнь или на смерть. Хорошо, если Долина сможет послать помощь; если же нет, они будут сражаться в одиночку. В солнечном свете на дальнем берегу озера что-то мелькнуло. Нет, не в одиночку. Это сражение и Элири тоже.

Джеррани вздохнул. Как ему сейчас недоставало Ромара! Надежный друг, правая рука Джеррани — он, несомненно, встал бы с ними плечом к плечу.

Тяжело ступая, хозяин замка отошел от окна. Никто из тех, кто принадлежал его прошлой жизни, не станет беспокоиться о нем. Матери не было до него никакого дела с тех самых пор, как она снова вышла замуж. Все его друзья и любимые здесь. Кроме... Да, кроме одного. Каждой клеточкой своего существа Джеррани тосковал по Ромару, верному другу, брату по мечу.

Потом оказалось, что он стоит у себя в спальне и снова смотрит в окно. Как далеко отсюда до Долины Зеленого Безмолвия! Джеррани снова вздохнул. Уединенное и опасное место он выбрал для жизни, но до сих пор Серые тут не появлялись. Их активность —

явный признак того, что силы Тьмы растут, а вместе с ними и опасность для всех, кто принадлежит Свету.

Много лет назад другой слуга Тьмы, обитавший в этом замке, попытался подчинить себе разум и сердце прекрасной колдуньи — дочери Саймона Трегарта. В конце концов, ее освободили, и Зло обернулось против него самого. Но, хотя с тех пор прошло немало лет, оно не умерло; замок оставался местом, которое, казалось, притягивало к себе мелких тварей, принадлежащих Тьме, вызывая у них ощущение, что, придя сюда, они станут сильнее. Жаль, что нельзя было уничтожить его полностью, так, чтобы никаким силам Тьмы сюда доступа не было. Когда-то Джеррани попытался выяснить, нельзя ли сделать это; но сама Духаун объяснила ему, что нет, невозможно. В какой-то степени здесь играли роль вещи силы. Он не понял и половины ее объяснений, но одно не вызывало сомнений: она была права. Это нельзя было сделать, не подвергая опасности саму здешнюю землю.

Далеко внизу рядом с озером на мгновение что-то вспыхнуло — это солнечный свет отразился от металлической оправы уздечки, когда Элири огибала изгиб ручья. Она тоже вспоминала — лицо с резкими чертами, исказившееся от усилий сказать что-то, и серо-зеленые глаза, умоляющие о помощи. За последние несколько дней ей пришлось многое передумать. Скоро, очень скоро воину предстояло отправиться в поход. Однако перед ее внутренним взором возникало лицо не только Ромара. Она видела и всех остальных — Маурин и Джеррани, Тарну, Хилана и других своих друзей-Кеплиан. Слишком много невинных, которым, возможно, уготована роль жертв. Если ей придется нанести на лицо боевую раскраску и дать клятву, что она будет бороться до конца, до

тех пор, пока все ее противники — или она сама — не падут мертвыми, тогда да будет так. В какой-то момент Элири поняла, что негромко напевает с закрытым ртом. Что это? Ах, да! Песнь смерти Фара Трейвелера. Девушка улыбнулась. Ну, что же! Она готова.

10

Неделя проходила за неделей, и все как будто успокоилось снова, но ни в замке, ни в каньоне это никого в заблуждение не вводило. Серые появлялись все чаще, каждый раз все дальше от своей собственной территории, и это приводило к тому, что ощущение надвигающейся опасности нарастало. Время от времени Элири охотилась на них. Притаившись в засаде, с луком наготове, девушка терпеливо ждала, отпуская лошадь попастись неподалеку. Ее стрелы, которые убивали снова и снова, заставляли Серых держаться подальше от предгорий.

Хилан внес свою лепту в то, чтобы другие жеребцы-Кеплиан насторожились. Дважды он сражался с ними — и победил. Теперь он знал, как скверно они обращались с жеребятами и кобылами, и понимал, почему его любящая мать сбежала от своих соплеменников. Честь и слава ее названой сестре — это она защитила их. Хилан в высшей степени почтительно относился к этой женщине, когда был совсем маленьким; став старше, он всегда прислушивался к ее мнению. Теперь этот молодой жеребец разговаривал с ней на равных, но признавал тот факт, что она лучше него умела рассчитать все заранее, составить план и предусмотреть последствия. Кроме всего прочего, Хилан, как и его мать, просто любил ее.

Любой жеребец, душой и телом предавшийся Тьме, выглядел могучим и величественным — как может быть могучим и величественным воплощенное Зло. Но стоило увидеть рядом с ним Хилана, как сразу же чувствовалась разница. Хилан был крупнее, контуры его тела казались искуснее вырезанными, и его, точно аура, окружала сила. В каньоне все спасенные Кеплиан подчинялись его воле. Даже другие жеребцы, встречаясь с Хиланом во время его путешествий по землям Кеплиан, предпочитали отступать перед ним. В отличие от них, жеребенком ему не приходилось сражаться за еду. Его выкормила не мать, иссохшая от постоянного вынашивания детенышей, которая ради спасения его жизни как можно быстрее прогнала бы его от себя. Он вырос не только прекрасным, но и умным. В нем полностью реализовался потенциал, заложенный в представителях его рода.

Заметив проходившую мимо Элири, Хилан оторвался от сочной травы и взглянул на девушку.

«Куда на этот раз?»

— К реке. Расти снова что-то не поделили с Серыми.— На ее губах заиграла зловещая усмешка.— Тем лучше. Мне не обязательно даже убивать их — если я хотя бы раню кого-то, противники прикончат его за меня.

Хилан оценил ее мрачный юмор, но выглядел явно обеспокоенным:

«Конечно, для нас хорошо, когда враги дерутся. Но будь осторожна. Расти вне себя от злости из-за этих постоянных набегов на их территорию. Не желал бы я встретиться с ними, если бы не был уверен, что в любой момент смогу удрать».

Тут он прав, не могла не согласиться Элири,— стая расти убивала все живое в радиусе многих футов вок-

руг места своего расположения. Смертельно опасны были даже раненые; Элири не раз приходилось видеть, как противник, надеясь воспользоваться ситуацией, нападал на них — и погибал.

Она кивнула:

— Да, я буду осторожна. А ты приглядывай за порядком здесь, хорошо? Я рассчитываю вернуться в середине дня.

Она легким галопом проскакала мимо рун, которые ожили, как всегда. Хилан проводил ее взглядом, прислушиваясь к затихающему стуку копыт. И медленно направился к выходу. При его приближении руны тоже замерцали мягким голубовато-зеленым свечением, которое становилось все сильнее и источало тепло. Он задумчиво поглядел на них. Он принадлежал Свету, как и все остальные здесь в каньоне, иначе эти знаки охраны и защиты не признали бы их. И все же Хилану хотелось большего. Для любого, кто не знал его, он принадлежал Тьме — Кеплиан, приверженец Зла. Если бы только в его облике было что-то, позволявшее сразу отличить его от тех, Темных Кеплиан! Вздохнув, Хилан вернулся к своей траве.

Спустя несколько часов к нему подошла мать.

«Куда отправилась Элири?»

«К реке, хочет подразнить расти.— Мать не уходила. Более того, он ощущал в ее мыслях вопрос.— Она сказала, что вернется в середине дня. Это время уже прошло. Ты беспокоишься».— Последнее «прозвучало» как утверждение, не как вопрос.

Тарна кивнула. Оба хорошо знали ее названую сестру. Она всегда выполняла свои обещания, и помешать ей могла только очень серьезная причина. Обоих внезапно пронзило острое чувство страха — а вдруг сейчас как раз такая причина? Поглядев друг на друга, мать и

сын бросились вон из каньона и рысью поскакали вниз по каменистой тропе, ведущей к реке. Там никаких признаков Элири они не обнаружили, но запах ее лошади трава еще сохранила. Они поскакали по этому запаху, сменяя друг друга,— один обнюхивал землю, а другой охранял его. Потом Тарна внезапно остановилась.

«Здесь что-то произошло».

Без сомнения, лошадь неожиданно испугалась — она отпрыгнула в сторону, отчетливо проборождив копытами землю. Но что именно заставило ее сделать это? Мягкие носы опустились вниз, обнюхивая землю вокруг. Серые! Целая стая, не меньше двух дюжин, все самцы. И они не случайно забрели сюда. Они направлялись куда-то с какой-то вполне определенной целью,— и след вел к озеру.

Вот именно — вел. Поначалу. Теперь он уходил в сторону предгорий,— когда Серые бросились в погоню за лошадью.

Кеплиан рысью поскакали за ними. Они успеют. Запах был совсем свежий, а Серые наверняка замедлят свой бег, попытавшись загнать Элири в угол.

Этим утром Элири не ставила себе целью убить как можно больше врагов. Сражалась осторожно, стараясь использовать особенности местности и натравливать противников друг на друга. На протяжении последних двух месяцев ей исключительно везло. Отправляясь на охоту, она забиралась все глубже в местность, ведущую к Темной Башне,— гораздо глубже, чем могли предположить ее друзья-Кеплиан. Нигде никаких признаков присутствия Ромара она не обнаружила, но чувствовала, что его удерживали в самой Башне или поблизости от нее. Удалось выяснить, что Башня охраняется; уже одно это свидетельствовало в пользу того, что там было

что прятать. Снова и снова бродила Элири в окрестностях Башни, пытаясь разобраться в том, как построена ее оборона.

Но этим утром солнце было таким теплым, а небо таким голубым, что она забыла и о Башне, и о пленнике. Ей предстояло небольшое, но полезное развлечение — прищемить хвост расти, убить одного-двух Серых. Если повезет, конечно.

Приблизившись к расти, Элири некоторое время понаблюдала за ними, но сегодня они явно были настороже. Неожиданно вдали, на другой стороне ручья, она заметила какое-то движение. Интересно, что это? Охваченная любопытством, девушка пересекла ручей и поскакала дальше. И тут из высокой травы поднялись Серые. Обезумев от страха, лошадь отпрыгнула и понеслась со всей скоростью, которую позволяли развить сильные ноги.

Серые бросились наперерез, стараясь оттеснить ее от бегущей воды. Охваченная паникой, лошадь уносила Элири все дальше и дальше от ручья.

Что только девушка не предпринимала, стремясь подчинить ее своей воле! Даже попыталась воздействовать на сознание бедного животного, чего никогда прежде не делала. Но положение было отчаянное; бегущая вода — вот единственное, что могло их спасти. Бросив быстрый взгляд за спину, Элири поняла, в какую смертельно опасную переделку попала. Целая стая тварей вприпрыжку мчалась за ними. В конце концов девушке удалось заставить взмокшее от пота животное описать широкую дугу и добраться до реки. Но не тут-то было: на другой стороне поджидали расти; позади приближались Серые. Лошадь бегала быстрее по сравнению с ними, но обладала гораздо меньшей выносливостью. Им и нужно-то было совсем немного: всего лишь

держаться между ней и водой. А если у них хватит ума разделиться? По счастью, опьяненные погоней, они не додумались до этого — пока. Мысли бешено вертелись в голове у Элири; она прикидывала, что можно сделать. Рука взметнулась вверх и сжала кулон. Охотники на мгновение застопорили свое движение, и Элири успела-таки вырваться из приближающегося к ней кольца, заставила упирающуюся лошадь войти в воду. После весеннего разлива вода все еще стояла высоко, Элири прекрасно понимала лошадь — так же, как и то, что другого выхода у нее нет. Если не считать выходом перспективу быть сожранной Серыми. Девушка буквально швырнула в сознание лошади образы того, как это может произойти, и та поплыла, подгоняемая надвигающимся сзади кошмаром. Однако впереди их ждал еще худший кошмар — расти. Стая Серых взвыла от разочарования. Между тем лошадь заметно устала. Она скакала долго и быстро, в панике почти полностью истощив свои силы.

Едва держась на ногах, лошадь тем не менее продолжала скакать, пытаясь убежать от расти. Наверно, подгоняемая страхом, она так и будет мчаться, пока не свалится замертво. Элири стреляла, поворачиваясь из стороны в сторону и стараясь не свалиться. Все до одной стрелы попадали в цель. Тех, кто был лишь ранен, тут же пожирали свои же товарищи. Это немного замедляло бег стаи, что позволяло вымотанной лошади держаться впереди. Но надолго ли?

Элири прикинула, сколько у нее осталось стрел, и затрепетала. Если она слезет с лошади, той, возможно, удастся убежать. Если нет, обе погибнут. Будь она уверена, что преследователи хотя бы на время оставят ее в покое, если лошадь погибнет — накинутся на свою добычу, дав Элири возможность убежать,— она бы ее

убила. Любовь к этой маленькой лошадке, с такой готовностью носившей ее на себе, не помешала бы девушке пожертвовать ею ради того, чтобы выжить. Мгновенный удар ножом — и та даже не будет страдать.

Но Элири не питала никаких иллюзий. Даже если она убьет лошадь, расти сожрут тело за считанные минуты. К тому же, кто-то из них, как обычно, не станет принимать участия в пиршестве и продолжит погоню. Похоже, трапезничали они по очереди. Хватало ума понимать, что иначе другая добыча улизнет. Тогда какой смысл в этом убийстве? Лошадь в очередной раз споткнулась, ее копыта оказались всего лишь в нескольких ярдах от острых зубов, обнажившихся в предвкушении кровавого пира.

Ладно, выхода нет, решила Элири. Когда расти догонят лошадь, она убьет ее одним ударом и бросится прочь в поисках места, где можно будет хоть немного передохнуть. Что ни говори, большая часть тварей не устоит перед искушением принять участие в пиршестве, что позволит Элири выиграть несколько очков в этой схватке. Хай! Она предстанет перед богами как воин.

Ее губы искривились, приняв выражение, характерное для воина, готового к бою. Пусть подходят — первый, кто доберется до нее, первым и погибнет. Элири сумела справиться со страхом; вместо него ярость затопила все ее существо. Уровень адреналина резко подскочил, когда она вскинула лук, собираясь пустить в ход последние стрелы.

Внезапно со стороны ближайшего холма послышались новые звуки. Чувствительные носы Тарны и Хилана вывели Кеплиан точно туда, куда следовало. Их ноздри ощущали зловоние гибнущих расти, крови, пота и ужаса. Запах же сообщил им о том, насколько выби-

лась из сил лошадь Элири. И вот преследуемая и те, кто гнался за ней, показались внизу у подножья холма, теперь уже в поле зрения Кеплиан. Им тут же стало ясно, что скакать нужно не по той тропе, которая вывела их сюда, а наперерез — только тогда остается шанс успеть.

Расти нагоняли Элири. Тарна и Хилан по прямой мчались вниз, с каждым прыжком опускаясь все ниже. Преследователи были настолько увлечены погоней, что никому из них даже в голову не приходило поднять взгляд и заметить тех, кого тоже нельзя было сбрасывать со счетов. Теперь Хилан с матерью скакали по тропе, удачно проходившей в нижней части холма. Скорость возросла еще больше, огромные тела, казалось, летели, неумолимо приближаясь к цели.

Внезапно расти, наконец, заметили Кеплиан — и бросились к ним. Увидев это, Элири мысленно метнула во врагов сгусток своей боевой ярости, который обрушился на них, точно разящий меч. Кеплиан молниеносно обменялись мыслями и приняли решение. Оно противоречило всему, что они знали, но в данный момент их это мало заботило. Друг, названая сестра погибнет, если не помочь ей. Без сомнения, она сделала бы для них это — и даже больше.

Копыта яростно цокали, когда Кеплиан покрывали расстояние, оставшееся до девушки. Они издавали мысленные «вопли» предостережения, от волнения скорость передачи заметно возросла по сравнению с обычной. Один последний прыжок, и Тарна оказалась рядом со спотыкающейся лошадью, Хилан — с другой стороны; мощные тела Кеплиан поддерживали ее на бегу. Сознание Хилана выплеснуло мысленный приказ, обращенный к Элири. От удивления девушка чуть сама не упала. Он уверен? Да! Тарна слегка приотстала и с ос-

тервенением выбросила копыта. Когда вожак расти упал, его товарищи защелкали зубами, закружились в водовороте, стремясь успеть и урвать кусок, и броситься в погоню снова. Но Кеплиан мчались быстрее любого расти. Лошадь все еще держалась, не только потому, что чувствовала опору с обеих сторон, но и от ужаса, заставившего ее перешагнуть за пределы своей обычной выносливости.

Сидя верхом на жеребце Кеплиан, Элири, трепеща, уносилась прочь, оставляя позади свою смерть. Она низко пригнулась к холке Хилана, чувствуя, как огромные мышцы перекатываются под ней. Совершенно бессознательно ее сознание потянулось к нему в поисках того единения, которое девушка всегда находила с лошадью.

И оно пришло, сопровождаемое мощным потоком образов и силы. Ощущение было примерно такое, какое мог бы испытать человек, который потянулся к воде и обнаружил, что пьет вино. Их единение потрясло и Хилана. Для него это было Свет, вспышка которого осветила все закоулки его сознания и открыла то, для чего у него не было слов. Он чувствовал, как Свет пронизывает все его существо, очищая и исцеляя. Он вспомнил кошмар, который ему пришлось пережить сразу после рождения, и свое непонимание того, зачем те люди причиняли ему боль, не подпускали к матери, и ненависть, которую они вызывали у него. Теперь он понял, что ими руководил страх, возникший от неведения. Ведь для них он принадлежал Тьме, а Тьму следовало уничтожать, как только встретишься с ней.

Рядом с ним бежала выбившаяся из сил лошадь. Хилан ощущал по отношению к ней только жалость, а ведь прежде он презирал ее как бледную копию того величия, которое воплощали собой Кеплиан. Сейчас он

сожалел об этом; бедняга, она никогда не испытает того, что сейчас переживал он, не ощутит бегущего через тело потока силы и Света, спаявшего два существа в одно. А он еще не хотел сажать Элири себе на спину, боялся, что это заставит его почувствовать себя униженным! Хилан вскинул голову и заржал — дикий, первобытный звук прозвучал, точно трубный глас победы. Всадница не связала его — она его освободила; не опустошила, а наполнила. И, пронизанный Светом, теперь он твердо знал, что был его созданием.

Они свернули и понеслись по еле заметной тропе в сторону каньона. Соприкоснувшись с сознанием сына, Тарна испытала бледное эхо того экстаза Света, которым одарила его всадница. Мелькнула грустная мысль — а те, кто нес на себе Темных, тоже испытывали такое наслаждение? Если да, то становилось понятнее, почему они приняли Тьму. Отторгнутые Светом, они предпочли стать больше того, чем могли быть сами по себе. Тарна скакала вслед за сыном, копыта глухо стучали по каменистой тропе. В следующий раз она сама понесет свою названую сестру и тоже испытает, что это такое — единение со Светом. Но нужно быть великодушной. Эта мысль позабавила ее. Да, нужно быть великодушной и позволять Хилану тоже носить на себе всадницу — иногда.

Когда они добрались до входа в каньон, расти уже остались далеко позади. Руны вспыхнули ярче, чем когда бы то ни было прежде. Они все разгорались и разгорались, пока не стали напоминать факелы, свет которых можно разглядеть даже днем. Голубовато-зеленый оттенок медленно сменился золотистым, пронизанным серебряными жилками — как в нижних слоях тумана. В этом сиянии ощущалась радость и нежность, оно притягивало, но... Сейчас не время, сказала себе Элири.

Бедная лошадка так измучилась, пока несла ее, выкладываясь изо всех сил. Разве хорошая наездница не бросится первым делом помочь ей прийти в себя, разве оставит лошадь взмыленной, под седлом и сбруей? Девушка спрыгнула с Хилана и прильнула к нему головой. Протянув руку к кобыле, притянула ее к себе, и на мгновение все трое слились воедино.

— Я понимаю, на что ты пошел ради меня.

Тарна взволнованно шевельнулась:

«Он не сделал ничего такого, чего и я не сделала бы. В следующий раз я понесу тебя. Я — твоя боевая сестра; так будет справедливо».

Элири почувствовала в этом заявлении еле заметную вопросительную нотку.

— В следующий раз непременно, названая сестра. Вы оба будете носить меня, когда пожелаете. Кто предпочтет скакать на лошади, если есть возможность испытать нечто гораздо большее?

Она чувствовала, что сумела выразить словами то, что испытывали все они. Может быть, Тарна права. Может быть, именно для этого Великие и создали Кеплиан.

Потом Элири разомкнула их единение.

— Лошадь... Я должна посмотреть, как она,— объяснила девушка в ответ на мягкий упрек со стороны Кеплиан.

Последовало неохотное согласие. В сопровождении Тарны и Хилана она подошла к маленькой лошадке, еле стоящей на ногах от усталости. Пока девушка ухаживала за ней, мать с сыном стояли рядом, сопровождая все происходящее насмешливыми комментариями. В конце концов у Элири возникло чувство, что это немного чересчур — так подшучивать над совершенно выдохшимся животным. Она повернулась к Кеплиан с серьезным выражением в глазах.

— Выслушайте меня. Я знаю, что она не Кеплиан. Я знаю, что у нее нет вашего разума — ни способности говорить, ни большого ума,— нет вашей скорости и красоты. Но она всегда выкладывается полностью. Сегодня, спасая меня, она убегала бы, пока не свалилась бы замертво. Она добрая, старательная, честная, и я ценю все это. Что вовсе не означает, будто других моих друзей я ценю меньше.— Девушка замолчала, не сводя с них пристального взгляда и выжидая.

Последовала долгая пауза. Лошадь отошла и принялась щипать траву. Хилан вскинул голову:

«Ты права. Ты ценишь ее за то, какая она есть,— как ты всегда ценила нас. Мы больше, но...»

Его мать подхватила:

«Но никто не отказывается есть мох только потому, что трава сочнее. Оба съедобны и поэтому ценны для того, кто голоден».

Девушка кивнула:

— Вот именно. Теперь, как вы считаете, стоит ли рассказать всем остальным о том, что сегодня произошло?

Кеплиан посовещались, соприкасаясь носами. Погом Тарна подняла на подругу большие глаза:

«Пусть узнают. Разве нам есть чего стыдиться? Если я понесу на себе свою названую сестру, то лишь потому, что таково наше общее желание, ее и мое.— Она вскинула голову, горделиво выгнув шею дугой.— Я ни у кого не собираюсь спрашивать позволения; и уж конечно, этого не станет делать мой сын, который самый главный среди них. Пусть узнают. Нас это не волнует!»

Элири знала, что надо делать дальше. Она легко вспрыгнула на лоснящуюся спину кобылы и вцепилась в ее гриву. Головы всех Кеплиан разом изумленно поднялись, когда Тарна летящим галопом проскакала че-

рез весь каньон. Когда они добрались до тумана, он заволновался; золотистое мерцание, казалось, манило к себе. Сделав круг, кобыла поскакала обратно, туда, где росла трава. Обхватив ее за шею, Элири негромко запела древнюю песнь, связывающую всадницу и лошадь воедино. Не понимая языка немунух, Тарна тем не менее прекрасно чувствовала любовь, заботу и нежность, которую несли в себе слова этой песни.

Два сознания потянулись друг к другу, соприкоснулись, слились — так тесно, как никогда прежде. Это... Это было им предназначено. Только вместе они восторжествуют. Элири почти физически ощущала, как качает кровь огромное сердце Тарны, какую радость кобыла испытывает от быстрого бега своих мощных ног; да что там — она стала кобылой, а кобыла ею.

Тарна тоже прислушивалась к возникшим у нее новым, удивительным ощущениям — казалось, разум ее внезапно и необыкновенно мощно расширился. Прежде ей была недоступна концепция времени как такового — она всегда жила только в «здесь и теперь». Сейчас это произошло. Она увидела возможные варианты будущего, все эти туманные миры — они только могут быть, но реальным станет лишь один. Если... Пристально вглядываясь в них, она старалась понять, вникнуть, разобраться. До нее впервые дошло, насколько сравнительно хрупка ее подруга. Элири нужно запасать пищу на зиму, укрываться от холода. Девушка была не в состоянии передвигаться так быстро, как Кеплиан,— вот почему она так ценила свою лошадь. Ах! Все это Тарна поняла только теперь.

Она видела их различие и их сходство. Чувствовала ток дружеского тепла, циркулирующий между ними. Остановившись, она замерла, пытаясь «переварить» но-

вые впечатления. Как все-таки странно! Оказывается, люди были несравненно более хрупкими созданиями по сравнению с Кеплиан, Серыми, даже просто животными. Именно это порождало у них необходимость думать о завтра. Делать оружие, изменять землю, чтобы сделать ее пригодной для своего обитания. Находить или строить укрытия, без которых они не могли жить, шить одежду, запасать пищу на тот случай, когда, может быть, они не смогут ее добывать, а рядом не окажется никого из близких.

Тарна чувствовала себя странно, очень странно. Ее разум расширился, наполнившись новыми мыслями и идеями, все привычные цепочки логических представлений распались, чтобы переформироваться совершенно по-иному. Она стояла, свесив голову, и, по мере того, как в сознании устанавливались новые связи, по всему ее телу волнами пробегала медленная дрожь.

Хилан мягко коснулся матери носом:

«С тобой все в порядке?»

Она очнулась и слегка попятилась:

«Все хорошо, сын мой. Просто так много нового, такого, что еще надо обдумать».

Смех Элири проник в сознание обоих Кеплиан, вызвав у них приятное ощущение, схожее со щекоткой.

— Я тоже узнала кое-что, о чем прежде не задумывалась. Твой разум — настоящее сокровище, названая сестра.

Эмоции, переполнявшие всех троих, достигли наивысшего накала, стали почти непереносимы. Элири разорвала контакт, соскользнув с широкой спины. И рысью припустила по траве к своему древнему дому. После всех событий этого дня ей ужасно хотелось есть и пить. И еще — хорошенько выспаться. Кеплиан, глядя ей вслед, поняли, чем она будет сейчас заниматься. Не раз-

говаривая даже друг с другом, они ушли; им тоже хотелось и напиться, и пощипать траву.

Этой ночью Элири спала как убитая. Сказать, что день был утомительный, значило еще ничего не сказать. Полное слияние с Тарной настолько истощило ее, что она чуть не уснула еще до того, как смочила пересохшее горло и поела. Девушка спала так глубоко, что лежала в постели как каменная, не шелохнувшись.

И во сне ей явился человек. Высокий и худой, с глазами серо-зеленого оттенка, с черными волосами. Резкие черты его лица находились в некотором противоречии с мягкой формой рта, но вполне соответствовали решительному подбородку. Он был плохо одет, а бледность кожи свидетельствовала о том, что его держали в плену, но в посадке головы и все еще не утраченной гибкости движений ощущался гордый характер.

Висящий на шее Элири кулон Кеплиан ожил. Во сне она обхватила его пальцами. Человек открыл рот, как бы желая что-то сказать, и девушка вся превратилась в слух. Ничего. Он говорил, но до нее не долетало ни звука. Как будто их, точно стена, разделяло толстое стекло. Словно обладая самостоятельной волей, ее пальцы поднялись и начертили в воздухе знак. Спустя мгновение на этом месте вспыхнул голубовато-зеленый огонь, и мужчина протянул руку, чтобы коснуться руны. Огонь стал ярче.

После этого до нее стали доноситься звуки. Очень слабые, пришлось изо всех сил напрягать слух, чтобы расслышать их. К тому же казалось, что каждое слово опустошает говорящего. Вспомнив язык жестов, которому ее учил Кинан, Элири быстро просигналила, что лучше попытаться использовать руки. Он кивнул и торопливо задвигал пальцами, из чего девушка сделала

вывод, что он опасается быть замеченным и поэтому у них мало времени. Она знала его имя, но заколебалась, когда он попросил сказать, как зовут ее. В мире снов имена имели силу, может быть, даже большую, чем наяву. Он понял ее мысль и кивнул. Элири усмехнулась. Вовсе не обязательно сообщать ему свое настоящее имя. Вот хотя бы...

Она дотронулась до своей груди:

— Тсукуп.

На языке немунух так называли опытных воинов. Тех, кто был достаточно мудр, чтобы уметь вычислить, как полетит и куда упадет стрела. Конечно, даже это имя давало возможность притянуть ее к себе, но не слишком сильно, поскольку оно все-таки не принадлежало ей лично, а относилось ко всем немунух. Потом Элири пристально посмотрела на своего ночного гостя, дожидаясь, когда их взгляды встретятся. Беззвучно, одними губами произнесла его имя. Он тут же задал вопрос, и Элири, кажется, поняла его.

Ее руки принялись летать в быстром грациозном танце. Ага, он кивнул. Значит, понял, что ей стало известно о нем от его сестры. Вот так постепенно и не без трудностей, но они все-таки сумели кое-что сообщить друг другу. Однако все это время знак, висящий между ними, медленно таял. Внезапно он исчез — а вместе с ним и Ромар. Его последний взгляд был полон отчаяния, как будто говорил — что толку, если даже они чего-то и добились? Как спасти вспыхнувшую надежду, если Тьма в любой момент может погубить ее?

Элири проснулась, села на постели, скрестив ноги, и задумалась. Теперь она знала о Ромаре больше. На портрете был изображен юноша, но человек, который явился ей этой ночью, юношей не был. Мужчина, воин — вот каким он предстал перед ней. В чертах лица того юноши

явственно проступали чувствительность и богатое воображение. Более зрелый Ромар, может быть, и сохранил эти качества, но теперь они были похоронены в глубине его души.

Мысли Элири вернулись к тому, что он успел сообщить ей. Ромар действительно находился в плену в Темной Башне, но кто — или что — его пленил, сказать не мог. Его использовали как... единственное определение, которое ей пришло на ум... как силовую установку. Тот, кто захватил его, с помощью энергии Ромара подпитывал свою волю, чтобы подчинять себе Серых и тех жеребцов-Кеплиан, которые служили ему. В последнее время выкачивание сил из пленника заметно усилилось, и тот слабел буквально с каждым днем. Если в самое ближайшее время он не обретет свободу, от него останется только лишенная разума оболочка. Отчаяние, которое владело им, было проникнуто безнадежностью, Элири явственно ощутила это.

Она тщательно все обдумала и пришла к выводу, что все ее первоначальные соображения по-прежнему не утратили своей силы. Более того — сейчас, когда она знала больше, их весомость даже возросла. Из намеков Ромара ей стало ясно, что Маурин в принципе тоже могла быть использована с той же целью. А если бы Тьме удалось захватить их обоих, то связь между ними как близнецами позволила бы извлечь из них даже больше энергии, чем из каждого по отдельности. Но от Элири в этом смысле никакого толку не было бы. Она была с Ромаром не одной крови и даже происходила не из этого мира. Да, в какой-то степени она обладала тем, что здесь называли силой. Но интуиция подсказывала ей, что эта сила была другой и поэтому не могла быть обращена Башней против нее. Элири маршировала под бой других военных барабанов, и песни, кото-

рые она пела, были песнями людей, связанных с другой землей, другими силами.

Будет лучше, если она не станет торопиться. Враг силен, и допусти она хоть малейшую промашку, он тут же воспользуется этим. Сначала надо выяснить, что можно сделать. Тут все дело, конечно, в здешних силах. Может быть, Тарна сможет рассказать что-нибудь о них? Поездки в замок будут продолжаться. Маурин, которая сама обладала небольшим даром, тоже может просветить Элири в этом смысле. Потом, когда картина станет яснее, имеет смысл попытаться вызвать Ромара. Одна голова хорошо, а две лучше. Может быть, вместе они и смогут найти способ освободить его, но только после того, как она побольше узнает и будет готова.

11

Однако к тому времени, когда Ромар снова явился ей во сне, Элири все еще была не готова. Он похудел, в глазах застыла усталость. Следя за его пальцами, быстро мелькающими туда и обратно, и стараясь вникнуть в смысл его слов, девушка спрашивала себя, зачем он тратит силы на то, чтобы устанавливать связь с ней? И поняла, что воин, который во время их прошлой встречи предостерегал ее от неосторожных действий, в глубине души был полон страха. К тому же он находился в изоляции, оторванный от семьи и друзей. Он приходил к ней, подталкиваемый одиночеством, приходил как к единственному человеку, до которого был способен дотянуться, приходил потому, что ему страстно хотелось с кем-нибудь поделиться своими переживаниями.

— Серые боятся тебя,— просигналил Ромар.

— Да, уж мы постарались. А что твой хозяин? Ему известно о вражде между нами и Серыми?

Ромар задумчиво кивнул. Тому, кто использовал его, об этом, конечно, было известно, но не сильно беспокоило. Он не сомневался в своей власти и силе. Гибель Серых — пустяк. Погибнут одни, останутся другие.

Элири усмехнулась:

— Может быть, и нет. Может быть, в конце концов, мы убьем столько Серых, что в один прекрасный день он забеспокоится.

— Это, конечно, было бы неплохо, но может привести к тому, что он обратит на вас внимание и попытается захватить. Лучше не высовываться.

Элири кивнула. Рассуждения воина. Сохранить равновесие — в этом был смысл. Убить как можно больше врагов, но не столько, чтобы это заставило их владыку насторожиться. Разговор перешел на другие темы. Ромар горел желанием услышать, как обстоят дела в замке.

— Ты не говорила им?

— Нет, это не казалось мне разумным.— Он прикусил губу, но не произнес ни слова.— Не сомневайся, если им будет грозить опасность, я немедленно сообщу об этом. Мы подружились. Дело просто в том, что...— Она оборвала себя, пожав плечами.

— Дело в том, что ты боишься реакции Маурин. Думаешь, если ей станет известно обо мне, она тут же станет требовать, чтобы вы штурмовали Башню вот так сразу, без серьезной подготовки?

— Да,— призналась Элири.

Ромар задумчиво наклонил голову.

— Вероятно, ты права. Ладно, держи это в секрете, только не оставляй меня, умоляю тебя.

Последние слова он выдавил сквозь стиснутые губы, и Элири была тронута, хотя не позволила себе показать этого.

— Нет, нет, конечно. Пока я не предпринимаю никаких действий, потому что хочу собрать как можно больше сведений и проверить, насколько хорошо владею силой. Мы с тобой уже способны разговаривать дольше и с большей легкостью. Все, что я сейчас делаю, может пригодиться, когда мы придем, чтобы освободить тебя. Соберись с силами и жди. Может быть, это время уже не за горами.

Знак между ними растаял, а вместе с ним и Ромар. Элири села на постели, на сердце у нее было тяжело.

Она надеялась, что он выдержит. Прежде чем нападать на Башню, нужно узнать о ней как можно больше. Но по правде говоря, если уж быть совсем честной, Элири вовсе не была уверена, что даже потом захотела бы рисковать всем, что имела. Неизвестно почему, но ее тянуло к Ромару, однако это вовсе не причина для того, чтобы проливать ради него кровь. Ведь он даже не приходился ей родственником. Элири покачала головой. Плен плохо сказывался на нем, это ясно. Она будет разговаривать с ним, когда бы он ни появился. Это — самое большое, что она может сделать для него и сделает.

Девушка легла и расслабилась. Сон снова овладел ею, спокойный, безо всяких сновидений. Проснулась она освеженной и тут же отправилась на охоту.

Следующая ночь прошла спокойно, но потом снова появился Ромар. Он рассказывал ей о боли и унижéнии, которые ему приходилось испытывать.

— Именно так я всегда представлял себе изнасилование. Когда не только посягают на тело, но и ранят дух. Когда «оно» использует мою силу, я отступаю как можно глубже внутрь самого себя. Однако с каждым разом пространство этой моей внутренней свободы уменьшается, и когда-нибудь «оно» вырвет из меня все,

что я собой представляю. Тогда не останется ничего, кроме оболочки, которая ходит и говорит, но напоминает меня только внешне.

Элири с горечью и страхом восприняла эти слова, понимая, что за ними стоит. И тут же, не раздумывая, принялась рассказывать о себе. Пусть знает, что не только ему выпало на долю пройти через такие испытания; она тоже подвергалась оскорблениям и съеживалась, замирая от ужаса. Девушка подробно рассказала ему о своих дяде и тете. Об их ненависти к людям ее крови.

Рассказ захватил Ромара.

— Значит, в том мире, который ты покинула, ты чем-то отличалась от остальных?

— Так они считали. Но я человек, как и все те, кто принадлежит моему народу. Ничего плохого мы не хотели — просто сражались за свою землю, за то, чтобы жить той жизнью, которая нам по душе. Всего лишь.— Движения ее рук замедлились.— На свете слишком много ненависти; ненависть существует всегда и везде. Почему люди не могут жить в мире? Почему они всегда домогаются того, что принадлежит другим?

Ромар устало улыбнулся:

— Именно потому, что они люди. Я иногда думаю, что желание завладеть, отнять, захватить является неотъемлемой частью всех нас. Чтобы жить и развиваться, животным приходится вести непрестанную борьбу за территорию.— Он бросил быстрый взгляд на знак.— Давай обсудим это завтра ночью. Все лучше, чем без конца думать о своих собственных страданиях и опасениях.

Потом он исчез, и Элири снова уснула. Однако спустя две ночи она снова увиделась с ним и тут же задала вопрос, который обдумывала все это время:

— Как тебя захватили?

— Не знаю. Я почти ничего не помню. Может быть, потому, что получил удар по голове? Я охотился. Помню место, где у меня был привал, я лежу и сплю; потом провал, и я оказался там, где нахожусь сейчас. По-видимому, меня захватили во сне. Я понятия не имел, что кто-то снова поселился в Башне, и поэтому заночевал неподалеку от нее.— Он пожал плечами.— Глупо, конечно. Но охота оказалась долгой, и мой конь очень устал. Я устроил привал, чтобы дать ему возможность отдохнуть. Вот из-за этого оба мы и оказались в беде. Пальцы Элири снова пришли в движение.

— Нет смысла ругать себя. Расскажи лучше, что тебе известно о Башне. Или о том, кто использует тебя.

— Здесь сосредоточена очень большая сила Тьмы. Это место как будто притягивает тех, кто служит ей, обещая им, что они станут могущественнее. В результате они, по большей части, гибнут, но при этом всегда становятся другими... Но меня зовут, доброй тебе ночи.— Он исчез, и Элири заснула, как обычно.

Ночи приходили и уходили одна за другой. Иногда вместе с ними появлялся Ромар, и они с Элири вели долгие разговоры. Размышляли над философскими проблемами, рассказывали друг другу о своей жизни и даже начали шутить по мере того, как возрастала их дружба. Девушка понимала, что ее общество дает ему силы держаться. Может быть, даже какая-то часть ее жизненной энергии просачивалась сквозь барьер, восполняя его запасы. Как бы то ни было, после всех этих ночей, заполненных дружеским общением, Ромар выглядел менее измотанным. Теперь они чувствовали себя друг с другом как старые друзья — и обоим это было приятно.

И все же Элири по-прежнему колебалась. Она понимала, что эта вновь возникшая дружба предъявляла

к ней определенные требования. Но то же самое относилось и к дружбе с Тарной и Хиланом, дружбе, имеющей к тому же больший срок давности. Имела ли она право рисковать ими, а заодно, возможно, и всеми остальными, кого они приютили под своим кровом? Темная Башня вызывала ужас даже у своих верных слуг. Насколько же опаснее прямое столкновение с ней для тех, кто принадлежал Свету?

И все же в глубине души Элири отдавала себе отчет в том, что именно сдерживает ее. Страх, самый обыкновенный страх — даже не страх смерти, а страх потерять все то, что она обрела здесь. Чем яростнее она отгоняла эту мысль, тем настойчивее та возвращалась и, в конце концов, прочно обосновалась в глубине сознания, не давая девушке покоя. Сомнения раздирали ее, но в итоге решение было принято. Она подождет. Много лет назад ей приходилось слышать, как шутили по поводу решений такого сорта. Дескать, так поступают в надежде, что проблема либо разрастется до таких масштабов, когда не предпринимать ничего станет просто невозможно, либо разрешится сама собой. Как бы то ни было, приняв это решение, Элири стала чувствовать себя с Ромаром более свободно. Она этого не знала, но он видел происходящую в ней душевную борьбу и понимал ее.

Он не станет требовать от нее большего, чем то, на что она способна. Понадобилось немало времени, прежде чем до него дошло, что она из тех, кто только сам может выбрать свою тропу. Пытаться заставить Элири действовать против воли означало лишь укреплять ее в решении не выполнять просьбу. К тому же, никаких прав на это Ромар не имел. Она была ему не родня и, более того, вообще пришла сюда из другого мира.

Они разговаривали, а он в это время приглядывался к ней. Элири казалась ему такой красивой... Ох, пусть и не в соответствии с какими-то дурацкими стандартами, но ему никогда не нравились пухленькие и глуповатые красотки. Он восхищался быстротой и гибкостью ее движений, стройным телом, гордостью, сквозившей в каждой его линии. Если бы какой-то мужчина владел оружием так же хорошо, как она, у Ромара наверняка возникло бы чувство соперничества, но в отношении нее он ничего подобного не испытывал. Элири относилась к тому типу женщин, которые способны обеспечить мужчине надежный тыл, встать с ним на равных плечом к плечу, что имело немаловажное значение в этой стране, где жизнь была нелегка. С ней не нужно было притворяться и следить за своим языком из боязни нарушить душевный покой нежной хрупкой женщины.

Поначалу Ромара тянуло к ней просто из-за острой потребности в дружеском общении. Теперь это было нечто большее. Может быть, у него нет завтра, нет будущего, но если бы оно было, он хотел бы разделить его с ней. Пока он не позволял себе никаких проявлений чувств — ни желания, ни понимания. Не стоило осложнять ее и без того нелегкую жизнь. Он видел, как Элири боролась сама с собой и своими страхами, как она колебалась между желанием помочь ему и опасением потерять все, что было с таким трудом завоевано.

Потом Башня снова начала интенсивно выкачивать из него силы, и на протяжении многих ночей Ромар вынужден был оставаться один. Элири догадывалась, что именно по этой причине он перестал являться ей во сне.

За пределами каньона Серые нападали на расти все чаще. Те, в свою очередь, как будто просто остервенели

от ярости, так что на некоторое время Элири оставила их в покое. Воин не сражается с тем, кто настолько поглупел, что перестал быть достойным противником. Но сердце ее трепетало от желания отбросить все соображения о необходимости проявлять осторожность и ждать. Чтобы успокоиться, девушка напоминала себе рассказы Фара Трейвелера, в которых постоянно возникал мотив того, какими бедами чревата порывистость, свойственная молодости. Но Элири никак не удавалось погасить страстное желание вновь увидеть этого человека, который незаметно стал ей другом. Узнать, о чем он думает, поделиться с ним своими мыслями... Нет. Слабость — тот же глупый противник, сражаться с которым недостойно воина. А сердце пусть подождет до тех пор, пока ей встретится тот, у кого больше шансов уцелеть.

В смятении разума Элири забредала дальше, чем обычно, и однажды встретила лазутчика. По крайней мере, так она восприняла этого человека, хотя сам он не дал никаких объяснений по поводу того, что делает в землях Кеплиан. Прежде чем продолжить путь, они обменялись несколькими вежливыми фразами. В его глазах что-то мелькнуло, и девушка насторожилась, удерживая лошадь подальше, чтобы он не смог наброситься на нее с ножом. Спустя некоторое время к ней присоединилась Тарна.

«Он преследует нас».

Элири сердито выругалась.

— Мне это не нравится. Что ему надо?

«Он охотник».

В сознании обоих вспыхнул образ хищника, крадущегося по тропе. Они перешли на рысь, и Элири перебирала в уме все возможности, обшаривая глазами пространство вокруг. Внезапно она все поняла и тут же

сообщила о своей догадке Тарне. Та даже сбилась с ровного шага, когда до нее дошло, в чем суть дела.

«Он видел нас вместе и решил, что мы обе принадлежим Тьме».

— Да. Вопрос в том, попробовать ли отвязаться от него, или он не даст нам этого сделать и нападет?

Ответом ей было то, что применительно к человеку можно было воспринять как пожимание плечами. Элири кивнула. Кобыла права. Они могли лишь ждать и смотреть. Одно не вызывало сомнений: нельзя допустить, чтобы он проследил их путь до каньона. Никто из чужаков не должен знать, где они обитают. Этим рисковать нельзя.

Девушка почувствовала огорчение Тарны по поводу того, что этот человек счел ее принадлежащей Тьме. Элири погладила жесткую гриву, мягко поскребла у основания маленьких прямых ушей.

— Это не твоя вина, названая сестра. Мы находимся в землях Кеплиан и не так уж далеко от Башни. Он подумал бы, что я принадлежу Тьме, даже если бы не увидел нас вместе. Он меня не знает; я одета не так, как люди, среди которых он живет. Даже упряжь моей лошади не такая, как у них. Я бы уже давно могла сменить ее, но мне нравится эта, а он находился так близко, что имел возможность заметить разницу. Пусть себе охотится; мы быстро отвяжемся от него.

Однако тут она ошиблась. Кем бы еще ни был этот человек, следопытом он был отменным. Когда сгустились сумерки, он немного отстал, но следа не потерял.

— Может, нам лучше пока не возвращаться?

Молчаливое согласие.

Элири повернула и поскакала вдоль ручья в сторону, противоположную той, которая вела к дому. Лучше не приближаться даже к броду. Следопыт уже видел

достаточно, чтобы догадаться пересечь ручей и направиться в предгорья. Может быть, просто спрятаться где-нибудь и убить его, когда он будет проезжать мимо? Этот человек нес в себе угрозу всему, что было дорого Элири. Если бы он сумел обнаружить каньон, то, без сомнения, потом привел бы других, чтобы попытаться убить всех его обитателей. И все же Элири не хотелось, чтобы он погиб от ее руки. В этой битве они сражались на одной стороне. Магия здешних мест могла восстать против человека, убивающего своих.

«Он все еще преследует нас»,— отметила Тарна.

Элири поделилась с ней своими сомнениями. Может быть, имеет смысл продолжить путь в том же направлении, сделать широкий круг, обойдя земли Кеплиан, и отвязаться от него в одном из скалистых холмов далеко на юге? Такое путешествие займет не один день, и не исключено, что в какой-то момент им удастся выполнить задуманное. Тогда и убивать его не придется. Тарна не возражала. Они перешли на ровный шаг, оставляя отчетливые следы. Пусть тащится позади... теперь они сами этого хотели.

Что их преследователь и делал на протяжении двух дней. Однако на третью ночь он, похоже, потерял след. Женщина и кобыла сделали привал у небольшого холма и обследовали тропу, по которой только что скакали.

— Как сквозь землю провалился. Последнее, что я видела, это костер прошлой ночью.

«Думаешь, нам удалось отвязаться от него, названая сестра?»

Однако Элири не была уверена в этом:

— С чего бы вдруг? Он не терял наш след там, где делать это было гораздо сложнее. С какой стати именно сейчас это должно было случиться?

«Может быть, ему просто надоело?»

— Все может быть, но у меня отвратительное чувство, что здесь что-то другое. Я считаю, что нужно вернуться по нашей тропе.

«Думаешь, с ним что-то случилось? Уверена, что в этом случае мы бы хоть что-нибудь услышали или увидели».

Элири постаралась во всех подробностях припомнить прошлую ночь. Вскоре после наступления темноты ветер сменил направление и задул от них в сторону преследователя. Ветер все время усиливался, и когда взошла луна, дул с такой силой, что вряд ли у них была возможность что-нибудь услышать. К рассвету он почти утих, но если на этого человека напали посреди ночи...

«Зачем нам его разыскивать? Он охотился за нами по своей воле, никто его не заставлял».

— Я знаю, но мне просто интересно.

Кобыла издала громкий вздох, повернулась и поскакала обратно по их следам. Усмехнувшись, Элири последовала за ней. Тарна и сама была очень любопытна, не меньше, чем ее названая сестра,— хотя никогда не признавалась в этом. Они скакали, настороженно поглядывая по сторонам,— а вдруг кто-нибудь спрятался и поджидает их?

Впереди показалась группа высоких деревьев, под которыми их преследователь делал привал прошлой ночью. Обе резко остановились, когда внезапный порыв ветра донес до них зловоние смерти, крови и Серых.

— Ну вот, все ясно. Твой нос лучше чует запахи. Есть там еще кто-нибудь?

«Ничего живого».

Они медленно двинулись вперед, внимательно поглядывая по сторонам.

В роще запах стал настолько силен, что Элири прикрыла нос.

— Чем это пахнет? Тело человека, умершего всего лишь прошлой ночью, не может так вонять.

Кобыла нервно забила копытом.

«Теперь я ощущаю зловоние силы. Будь осторожна».

Они проскользнули между деревьями, беспрестанно оглядываясь. К их удивлению, посреди рощи была пустота. Просто тройной ряд густо растущих деревьев, в середине небольшая опушка, а на ней мертвые тела.

«Не знаю, что здесь такое, названая сестра. Я в этих краях прежде не бывала».

Элири пожала плечами:

— Это ощущается как сила? Она опасна?

Тарна не была уверена. В этих древних землях многое ощущалось как безопасное... и потом оказывалось не менее смертоносным, чем то, что таило в себе очевидную угрозу. Элири подскакала поближе к телам и сосчитала их. Кем бы ни был этот охотник, он был еще и отличным воином: вокруг его трупа лежало четверо Серых. Возникло необъяснимое ощущение, что приближаться к ним не стоит. Чувства опасности пока не было, но что-то в положении тел заставляло звенеть внутренний сигнал тревоги.

Девушка пристально разглядывала тела, рядом с ней Тарна беспокойно переминалась с ноги на ногу. Трава на опушке была короткой, как будто подстриженной. А деревья? Элири внимательно вгляделась в них. Интересно, что они росли тремя четко обозначенными кругами. Может быть, когда-то это место было чем-то вроде святилища?

«Я чувствую запах силы, но опасности пока как будто нет. Надо поразмыслить».

Взгляд Элири вернулся к пяти телам, и тут до нее дошло, что именно в их положении вызывало ощущение несообразности.

Хотя трава была едва в дюйм высотой, лежащие на ней тела, казалось, наполовину утонули в ней. Элири подъехала с другой стороны — вид был тот же самый. Девушка осторожно наклонилась, чтобы взять меч охотника. Мягкое сотрясение земли заставило ее резко отдернуть руку. На дальнем краю опушки медленно раскрывалось что-то, что они поначалу приняли за валун.

— Мое! — объявил хриплый голос.— Не тронь мое!

Элири поклонилась. Вежливость ничего не стоит, а сейчас от нее могла зависеть их жизнь. Когда она снова выпрямилась, в поле ее зрения попало ближайшее тело. Что это, оно и в самом деле утонуло еще глубже в траве? И тут пришло понимание. Что-то вроде святилища, да. Место, где умершего ждали достойные похороны в системе, которая таким образом поддерживала себя.

Элири снова поклонилась, более низко.

— Страж Смерти, мы хотим лишь забрать личные вещи у этого человека. Больше нам ничего не нужно. Ты позволишь нам сделать это и уйти с миром?

«К чему тебе вся эта ерунда? Давай просто уйдем»,— предложила Тарна.

В ответ Элири еле заметно покачала головой. Эта штука, которая тут обитает, может решить, что она сказала неправду относительно причины их появления здесь.

Тот же скрипучий голос медленно произнес:

— Только если я получу дар.

Надеясь, что она поняла правильно, Элири потянулась к седельной луке. Это стало ее второй натурой — в любом путешествии, даже если их кто-то преследо-

вал, непременно охотиться. Там на шнурке, сплетенном из травы, висели три прыгуна из тех, что обитают на равнинах. Она осторожно положила их на траву перед Стражем.

— Вот тебе дар за возможность взять то, что принадлежит этому человеку, и свободно уйти,— сказала она.

Прыгуны уже утонули в траве; они были такие маленькие, что их ничего не стоило утилизировать, практически сразу. Тусклые черные глаза закрылись, Страж начал снова свиваться в нечто, напоминающее валун.

— Я так понимаю, мы заключили сделку.

Кобыла мягко фыркнула и повернулась, чтобы уйти; лошадь покорно двинулась следом. Элири наклонилась, подобрала меч и седельные сумки охотника. Интересно, подумала она, что случилось с его конем? Скорее всего, беднягу сожрали Серые. Странно, однако, что никто из них не ограбил погибшего. У Стража, наверняка, существовали разные механизмы защиты. Ясно было одно — забрать у него что-то просто так, без честного обмена, было невозможно. Она подавила смешок. Очень может быть, Серые попытались сделать это и в результате заключили худшую из своих сделок. Достигнув прогалины в кругу деревьев, Элири обернулась и бросила на поляну последний взгляд. К этому моменту тела уже исчезли. Внезапно она поскакала быстрее, только что не подталкивая Тарну, и сбавила скорость, лишь когда роща осталась далеко позади.

Кобыла запротестовала:

«Что за спешка? Мы уже убрались оттуда и теперь вольны отправиться, куда захотим».

— Согласна, но мне кое-что пришло на ум.

«Например...»

— Например, что тела на этой опушке исчезали прямо у нас на глазах. Но только тела Серых. Я уверена, что тело охотника исчезало медленнее. Странно, правда? Как будто его нарочно оставили на виду.

Тарна выглядела обескураженной:

«Не понимаю. Нам-то какое до этого дело?»

— Такое, что отсюда следует несколько интересных выводов. Первое: если тела Серых исчезают так быстро, возможно, охотника убили не они. Это подтверждается и другими фактами. Никаких ран на них я не заметила, а между тем этого не удалось бы избежать, если бы он убил их в схватке. Второе: эта штука потребовала дар и, только получив его, согласилась отпустить нас. У меня нашлось, чем заплатить эту дань, а если бы не было? Мог ли Страж наказать нас?

Кеплиан кивнула.

«Ты думаешь, что Серые попытались ограбить тело и удрать,— предположила она.— По-твоему, Страж Мертвых убил их?»

— Доказательств у нас нет, но мне так кажется. И еще я думаю, что эта опушка — славное местечко, от которого в будущем лучше держаться подальше. Если, конечно, у нас под рукой не окажется несколько тел, от которых нужно будет срочно избавиться. Давай убираться отсюда. Я устала, вся в грязи и хочу есть. Если поторопимся — и, конечно, если нам повезет,— то до ночи будем дома.

Они быстро поскакали в сторону гор, прорезая насквозь большой круг, который пришлось сделать, спасаясь от преследователя. И к ночи в самом деле оказались в каньоне, усталые, но в безопасности. Элири зажгла свечу и открыла седельные сумки, привезенные с опушки. Тарна и Хилан подошли поближе, чтобы взглянуть, что она там обнаружила.

Девушка откусила кусок пшеничной лепешки и вывалила содержимое сумок на пол. Там было мало интересного, в основном, всякие мелочи, которые обычно возит с собой любой путешественник. Никакой возможности обнаружить имя владельца или узнать что-либо о нем. Не то что в том мире, откуда она сбежала, где в карманах у людей всегда лежат документы, а на каждой сумке обозначены фамилия и адрес владельца. Элири повертела в руках меч. Простое, добротное оружие, надежное, но, наверняка, недорогое. Она подняла взгляд на стоящих рядом Кеплиан.

— Что мне делать с этим?

Хилан проявил практичность:

«Невозможно понять, кем был этот человек. Он даже мог принадлежать Тьме. Отнеси все это ко входу в каньон, и если руны не предупредят об опасности, сохрани эти вещи. Если придется сражаться, кому-то они, может быть, и пригодятся. Но лучше помалкивать обо всем происшедшем, а то как бы другие не начали интересоваться тобой. Этот человек умер, и Страж его похоронил. Пусть он там и останется».

Для жеребца это была длинная речь, но еще прежде, чем он закончил, обе слушательницы закивали головами в знак согласия. Судя по реакции рун, вещи охотника не несли на себе отпечатка злых сил. Элири убрала их подальше — до поры, до времени. Рано или поздно они и в самом деле могли пригодиться.

Элири улеглась, продолжая размышлять над недавними событиями. Было еще кое-что, о чем она не рассказала Тарне, но что беспокоило ее. Охотник, без сомнения, принадлежал к той же расе, что Маурин и Джеррани. У него тоже было худощавое лицо с резко очерченными скулами, худое тело, облаченное в грубую одежду, серо-голубые глаза и черные волосы. В самый

первый момент, когда она увидела его, сердце у нее на мгновение остановилось, но тут же бешено забилось снова. Он был так похож на Ромара! Потом ей стало ясно, что это просто сходство типа. Но этот спазм страха вызвал озноб, пробежавший по всему ее телу. Даже сейчас, вспоминая о нем, Элири затрепетала.

Она задумалась, осознав это. Ромар не был ей родным по крови и, следовательно, никаких родственных обязанностей у нее по отношению к нему не было. Но он стал ей другом — или больше, чем другом?

Глядя на мертвое лицо охотника, она внезапно поняла, что любит Ромара. По мере того как во время долгих ночных разговоров они делились друг с другом своими надеждами, взглядами и мечтами, ее чувство к нему росло. Но стоило ли рисковать собой и всем, что она имела, ради того, чтобы освободить его? С трудом, не сразу, но она пришла к выводу, что да, стоило. Она перевернулась на спину, глядя в каменный потолок. Этот новый мир уже дал ей так много; может быть, теперь он подарит ей и любовь. Мысли Элири унеслись к Фару Тревелеру, который указал ей путь сюда. Да, скорее всего, она никогда не вернется обратно. И все же до сих пор она не решалась полностью вручить себя этому миру.

Постепенно решение оформилось. Чтобы освободить Ромара, понадобятся сила и помощь. Со вторым дело обстояло просто. Маурин и Джеррани тут же предложат свою помощь, как только узнают о том, что Ромар в плену и ему угрожает опасность. Время пришло, больше откладывать нельзя. Пора рассказать им обо всем, что ей было известно. Но сила...

До сих пор здешние силы мало помогали ей. Скинув одеяло, девушка вскочила, побежала к выходу из каньона и прижалась ладонями к рунам.

— Я не из вашего мира,— медленно произнесла она, обдумывая каждое слово,— но мне предстоит бой со Злом, от которого вы нас охраняете. Во мне течет другая кровь, но я заодно с теми, кто против Тьмы. Я пришла издалека, но решила остаться здесь навсегда, а к добру или к худу — это уж как мне выпадет.

Руны засияли ярче. Элири ждала. Их свет все усиливался и на фоне темных скалистых стен все больше напоминал мягкое сияние тумана. Она провела пальцами по знакам охраны и защиты.

— Подскажите мне, что нужно делать.

Ответом ей была такая яркая вспышка света, что Элири пришлось крепко зажмуриться. Сила, казалось, окружила ее со всех сторон. Точно шаль, окутала плечи, точно драгоценные капли, стекала с рук. Потом ослепительная огненная стрела прорезала каньон, и как только она коснулась золотистого тумана, открылся путь. Элири низко склонила голову. Она задала вопрос — и получила ответ: сила указала ей дорогу. Ну что же, она не отступит. Девушка решительно зашагала в сторону тумана.

12

По бокам от нее каким-то образом оказались Тарна и Хилан. Элири чувствовала, что в их сознании нет страха, лишь растущее чувство волнения и ожидания, лишь вера и надежда на то, что, может быть, теперь они наконец получат величайший и страстно желаемый дар. Оказавшись у края тумана, все трое медленно двинулись дальше, погружаясь в него все глубже и глубже. Позади — никаких признаков каньона, только все тот же туман. Какое странное ощущение, подумала Элири. Как будто она оказалась в месте, не совсем принадлежащем этому миру.

Вокруг возникали неясные тени, но тут же таяли, когда друзья приближались к ним. Потом одна из них приобрела более определенные очертания. Элири изо всех сил напрягала зрение, но продолжала неторопливо идти ровным шагом. Здесь нечего было бояться и не следовало выказывать никаких признаков страха — чтобы не обидеть силу. Рядом с Элири, едва касаясь копытами земли, скользили Кеплиан. Радостное чувство надежды все разрасталось в их душах. Туман перед ними темнел, образуя контуры помещения, колонны, остроконечную кровлю, украшенную резьбой в виде виноградных лоз с налитыми гроздьями. И вдруг туман окончательно истаял.

Они остановились, с благоговением оглядываясь.

Со всех сторон на них нахлынуло ощущение тепла и радости — так приветствуют долгожданных друзей. Элири продолжала идти, а Кеплиан остановились, выжидая; не могло же это приветствие относиться и к ним, детям полумрака и тени? Тонкий стебель золотистого тумана обвился вокруг них, точно любящие руки. Им тоже были рады, очень рады и приглашали войти туда, где когда-то другие Кеплиан состояли в дружбе с теми, кто обитал здесь. Волна их радости захлестнула Элири, эхом отозвавшись в ее сознании. Она приостановилась, дожидаясь, пока друзья присоединятся к ней.

Теперь все сооружение было видно совершенно отчетливо, и они остановились, внимательно разглядывая его. Кеплиан приходилось видеть не так уж много зданий, и они могли сравнить его лишь с Темной Башней и древним строением в их каньоне. Опыт Элири в этом отношении был несравненно богаче. Здание напоминало ей фотографии с изображениями развалин храмов Древней Греции. Оно не выглядело в точности как одно из них, но впечатление производило то же самое — в

нем чувствовалась очень древняя, хотя и утраченная мощь. Здание было сложено из массивных каменных блоков теплого медового оттенка. Изнутри камень пронизывали серебристые прожилки — цвета, присущие туману. Который, в конце концов, расступился и впустил их внутрь, напомнила себе Элири.

Находилось ли это здание на самом деле здесь? Или туман затвердел, обретя отчетливые очертания, чтобы показать им что-то, на самом деле реально существующее совсем в другом месте? Взгляд Элири обратился ко входу. Она подошла поближе и прикоснулась к стене. Под ее пальцами камень ощущался как твердый. Девушка гордо вскинула голову. С тех самых пор, как она пришла в каньон, ей было интересно, что скрывает туман. И вот теперь она узнает это — не боясь, что поступает вопреки воле тех, кто находится здесь. Она смело вошла внутрь, мимо огромной, литой, богато изукрашенной бронзовой двери, преодолевая желание задержаться здесь, чтобы получше разглядеть запечатленные на ней небольшие, но превосходно выполненные сцены.

Тарна и Хилан вошли следом, хотя и держались позади. Элири оказалась в огромном зале. Для ее потрясенного взора он, казалось, простирался в бесконечность. Здесь туман еще полностью не рассеялся, мешая разглядеть стены и дальний конец зала. Однако с каждым шагом перед ними все ярче разгорался сияющий свет, который, казалось, обтекал большой предмет продолговатой формы, установленный на невысоком помосте.

Друзья медленно подошли поближе, неуверенные в том, что поступают правильно. Ощущение приветствия усилилось: их успокаивали, заверяя в своей дружбе. Все правильно — пусть идут вперед, пусть увидят и узнают.

Кулон на шее Элири потяжелел. Она сняла его, и как только он перестал касаться ее тела, к нему со всех сторон стянулся туман; девушка перестала ощущать тяжесть кулона, и перед ней снова возник огромный жеребец Кеплиан. Прекрасный, без единого изъяна, с мерцающими в свете тумана сапфировыми глазами. Он прикоснулся носом по очереди к каждому из ее товарищей-Кеплиан, и Элири остро ощутила, насколько они удивлены. Чтобы успокоить их, она раскинула руки и обхватила ими своих друзей. Свет вокруг них засиял ярче, а со стороны помоста послышался громкий голос, эхом отозвавшийся в сознании каждого из них:

«Приветствуем вас. Подойдите ближе, мы рады видеть тех, в ком течет наша кровь и кровь наших друзей».

Ноги сами понесли Элири вперед, вверх по семи невысоким, но широким ступеням, ведущим к помосту. Там стояло нечто вроде колыбели из золотистого камня. Жеребец из кулона поднялся по ступеньками с другой стороны и встал на дыбы рядом с Элири. Отнюдь не угрожая, заметила она, а как будто воздавая почести тем, кто лежал здесь. Девушка положила руку на каменное ложе и почувствовала, какая сила исходила от него. Те, кто лежали внутри, без сомнения, были Великими.

«О, спасибо тебе за то, что ты такого мнения о нас, кровь от крови нашей. Однако никто — независимо от того, принадлежит он Свету или Тьме — не может быть настолько велик, чтобы оказаться непобедимым».

Она непроизвольно сделала шаг назад. Эти Великие не были мертвы. Хотя... Хотя, может быть, в этой стране и мертвые могут говорить? Ответ она ощутила сразу же — Великих позабавила эта мысль! Почувствовав себя смелее, девушка снова шагнула вперед, взглянула вниз

и увидела... двоих. Они лежали внутри колыбели и как будто спали.

Пораженная, она смотрела на них, не в силах оторвать взгляда. Если убрать одежды, прекрасные драгоценности и ауру силы, все еще исходящую от этих двоих, то женщина выглядела, как... Элири достаточно часто приходилось видеть в зеркале собственное лицо. Они могли бы быть матерью и дочерью. Мужчина тоже был ей смутно знаком. Те же черты лица, та же усталость, таящаяся в уголках губ... Ка-дих, это же Ромар! Ромар, каким он мог бы выглядеть, если бы был старше на двадцать лет, которые, конечно, оставили бы свою печать на всем его облике.

— Кто вы? Чего хотите от нас? — воскликнула Элири.

В ответ перед ее внутренним взором начали мелькать изображения. Звуков не было, но увиденное захватило ее с такой силой, что она замерла без движения.

Те двое, которые сейчас лежали перед ней, жили, любили и радовались в мире, существовавшем когда-то. Жили они здесь, в этом здании из золотистого камня, а любили друг друга, соединившись душой, разумом и телом. Радовались... Ах, да, радовались они, глядя на своих детей, мальчика и девочку, близнецов, совсем маленьких, которые только-только начали учиться ходить. У них был враг, один из древних адептов. Завидуя их ослепительному счастью, он плел нити заговора, планируя уничтожить этих детей Света, которых боялся и ненавидел. Элири видела, как страну наводнило Зло, которое он наслал, чтобы расправиться с ее обитателями. Она видела, как поначалу эти двое пытались воззвать к разуму своего врага. Они не хотели враждовать, не хотели сражаться, не хотели, чтобы кровь окропила зеленую траву. Но он-то жаждал одного — войны, и

его Темная сила была настолько велика, что война пришла в эти мирные края.

В конце концов эти двое поняли, что их враг был начисто лишен милосердия. И смех сменился слезами — потому что гибли друзья, потому что убивали тех, кто вверил себя их руководству. Они создавали новых. Смело перекраивали саму ткань жизни, пытаясь «вылепить» создания, которые смогли бы стать им друзьями, бороться вместе с ними плечом к плечу. Взывали к силам и давно ушедшим предкам, умоляя помочь.

И помощь пришла в лице Кеплиан, которые должны были стать их друзьями в трудную минуту, бороться вместе с ними против Тьмы на стороне Света.

— А как же потом?.. — вырвалось у Элири.

И она получила ответ. Враг сумел обратить себе на пользу оказанную им неоценимую помощь. Сила, пославшая в мир Кеплиан, была нейтральной, но ее творения можно было исказить, изменить. Что враг и сделал. И все же созданное для Света можно заставить служить Тьме единственным способом — только по доброй воле. Враг сумел добиться того, что эти создания отошли в тень, перестав служить Свету, но Темными они становились только в том случае, если сами хотели этого. У тех из них, кто избирал другой путь, оставалась возможность вернуться к своим создателям.

Внезапно новая волна эмоций буквально захлестнула Элири. Ее друзья-Кеплиан видели все то же самое, что и она, и сейчас рядом с ней огромная черная кобыла преклонила колени на ступенях. Из ее сознания рвался беззвучный крик, страстная мольба — позволить им вернуться к Свету!

«Терпение, дитя наших друзей, терпение».

Картины продолжали проноситься перед внутренним взором Элири. Она увидела, как гибли силы Света.

Добро не всегда побеждает, иначе ради чего стоило бы стараться Злу? Силы тех двоих, что лежали сейчас перед ней, таяли, Зло расползалось по стране, и в конце концов один лишь каньон остался безопасным местом. Эта последняя крепость не могла пасть ни при каких обстоятельствах: враг знал, что всех его сил не хватит, чтобы эти ворота распахнулись перед ним. Но он мог уморить их здесь голодом, сделать так, чтобы они оказались заперты на этом пятачке земли навсегда. Так он планировал, но план — это всего лишь план, и он не всегда реализуется так, как задумано; о том, что замышляется, можно узнать или хотя бы догадаться. Именно это и произошло.

Двое Великих сидели в своем зале, дети играли у их ног. Враг ни о чем не догадывался. Одного за другим, пару за парой они отсылали тех, кто был им верен, чтобы те уцелели. Ушли Кеплиан, люди, Фланнан — все, кто делили с ними кров. Даже кони, собаки и два кота, чья дружба доставляла хозяйке дома такое удовольствие. Теперь в зале их осталось всего лишь четверо. Элири как будто присутствовала при последнем разговоре Великих, хотя не слышала слов. И поняла, какое решение они приняли. Пришло время отослать детей, а потом покинуть так любимый ими дом самим. Чтобы присоединиться к друзьям, принадлежащим Свету.

Элири увидела многоцветную игру силы, увидела, как открылся проход и маленький мальчик заковылял прочь. Когда к проходу подошла крошечная девочка, он замерцал, скрутился и отбросил ребенка в далекое, неведомое измерение. Мать вскрикнула от ужаса. Сила взревела — родители попытались сделать все, чтобы спасти свое дитя. Элири мельком увидела морской берег и волны, ведущие нескончаемую бит-

ву со скалами. Она почти слышала звуки, сопровождающие эту сцену, и узнала ее. Ей не раз приходилось видеть фотографии этих мест. Девушка ощутила волну нежности и тепла, исходящую от тех, кто сейчас показывал ей все это. Да, да!

Корнуэлл! Это было корнуэллское побережье. Понимание медленно проникло в сознание Элири — понимание того, что показывали ей сейчас и почему путь Идущих Впереди открылся для нее. Но — зачем она была призвана в этот мир? С какой-то определенной целью? Что она должна была сделать?

«Терпение. Смотри».

Она увидела, как проход постепенно исчез, увидела, как женщина тяжело рухнула на колени, плача и закрывая лицо руками, а муж успокаивал ее. Девочка жива. Она будет жить, хотя и в чужом мире. Их сын с друзьями в безопасности. Но сила ушла. Ее не хватит, чтобы создать еще один проход. А значит, не удастся сбежать ни им самим, ни огромному жеребцу, который был для хозяина названым братом и остался здесь, чтобы, когда придет время, доставить их в безопасное место. Они посовещались. Если уж так суждено, что они не могут покинуть это место, то, по крайней мере, нельзя допустить, чтобы здесь поселился враг, который, крадучись, бродил снаружи. Нет — до тех пор пока они живы.

Они приняли решение, все трое. Этот дом, который они так любили, не будет осквернен. Элири видела, как, бережно расходуя остатки своей огромной силы, хозяева свернули жеребца Кеплиан в его же изображение, столь маленькое, чтобы его легко можно было не заметить. Оно отзовется только в том случае, если прикоснется к телу человека, в чьих жилах течет их кровь. Девушка видела, как жеребец уменьшается, как жен-

щина, наклонившись, прикрепляет к гриве серебряное кольцо. Серебро, металл Света. Любой, кто найдет этот кулон, поймет, что он создан не Тьмой. Последние крохи силы ушли на то, чтобы забросить кулон — куда придется. Потом они встали, рука в руке.

Элири чувствовала их печаль, их боль — ведь они были вынуждены расстаться со всем, что любили. Никогда больше они не увидят, как растут их дети, никогда не будут, смеясь, бегать под палящим солнцем и нырять в прохладную воду. Никогда не проскачут по равнинам на спинах своих четвероногих друзей, которые по доброй воле носили их на себе. Двое медленно повернулись. Сила пламенела вокруг них; камень был послушен, когда они мастерили помост, а на нем — продолговатую колыбель, последнюю постель для тех, кто обитал здесь. Потом они легли в нее. Сила излилась вверх, свернулась, образовав мерцающее укрытие — и погасла. Она осталась, но была невидима.

Когда ее сияние померкло, в дом нагло вошел враг. До этого сила мешала ему проникнуть внутрь, но теперь, сумев пройти мимо рун, он надеялся прибрать к рукам все, что осталось. Теперь этот дом станет его крепостью. Он увидел помост, поднялся по ступенькам и ухмыльнулся при виде тех, кто лежал в колыбели. Победа! Он расхохотался. Его смех прокатился по залу, отдался эхом от задрапированных стен. Победа! Теперь вся страна принадлежит ему, и он будет делать с ней, что захочет. Свет потерпел поражение, Тьма торжествует. Он воздел руки, и стены задрожали от его ликующего крика. Потом он снова склонился над колыбелью. Еще одно, последнее. Уничтожить этих двоих, которые лежат здесь, беспомощные и жалкие. Враг набрал побольше силы, улыбнулся и отшвырнул ее от себя.

Вспыхнув, она обрушилась на них, но испепелить не смогла. Ее хозяин отвернулся, жадно осматривая все, что досталось ему как завоевателю. Гобелены, мебель. А сколько еще в других помещениях! И все это теперь принадлежит ему. Не замеченная им, за его спиной пришла в движение сила, за долгие годы накопившаяся внутри стен. Враг попытался захватить ее и уничтожить, но она оказалась ему неподвластна. Куда бы он ни поворачивался, всякий раз позади возникал всплеск силы и обрушивал на него один ужасный удар за другим. Спотыкаясь, шатаясь, вопя, враг метался в поисках безопасного места, чувствуя, как в груди нарастает гнев.

Его тело крошилось, рассыпаясь в прах. Те двое, что лежали в колыбели, услышали крик ярости, крик поражения. А потом он внезапно оборвался. На полу остался лишь тонкий слой пыли — вуаль на золотистых камнях. Возник небольшой ветер, поднял ее, унес из каньона и рассеял среди холмов. Один из Великих проиграл свою игру; Свет стал сильнее. Но Зло не умерло. Оно вернулось, обретя другую форму, чтобы сеять смерть и разрушение.

В каньоне стояла тишина. Все, что можно, было сделано. Теперь они будут спать долго-долго — пока не придет освобождение. Тьма сюда не сможет проникнуть. В один прекрасный день Свет вернется — Свет и люди, в чьих жилах течет их кровь. До тех пор они будут вместе; это не так уж мало.

Однако история еще не совсем закончилась. Элири увидела, как время медленно уничтожило сначала гобелены и все остальное, сделанное из ткани. Потом настала очередь дерева — оно превратилось в порошок, рассыпалось в пыль. Мечи на стенах покрылись ржавчиной и упали на пол. Уцелел лишь камень — внутри и снаружи.

Потом перед Элири замелькали лица. Те двое, что находились в колыбели, не могли показать девушке ее собственную родословную, поскольку их дочь и все ее потомки жили в другом мире, недоступном для них. Но они могли подсказать ей кое-что, имеющее отношение к Ромару,— правда, немного. Их сын благополучно вырос и женился. У него в свою очередь родились сыновья, которые женились на дочерях дома, предоставившего ему убежище. Разные люди, разные лица — но в чем-то похожие на тех, кто лежал сейчас перед Элири.

Она была последней прямой наследницей той девочки, которую злая судьба забросила в чужой мир. Внезапно Элири пронзило ощущение ужаса. Что это значит? Они станут заставлять ее жить не так, как ей хочется?

«Ты всегда все делала по собственной воле, дочь, затерянная во времени. Твоя жизнь — это твоя жизнь, и мы не собираемся в нее вмешиваться. Мы всего лишь позволили тебе войти — в ответ на призыв твоего духа».

— Но как вы смогли? Я думала, ваша сила иссякла.

Слезы хлынули из глаз Элири, когда в ее сознании возник ответ: на это ушли остатки силы, которые были необходимы им для поддержания собственной жизни. Столетиями тела сохранялись нетленными, а дух — внутри них, в долгом и томительном ожидании. Почувствовав, что их дочь, пришедшая издалека, нуждается в помощи, они отдали ей все, что осталось. Даже во время этого разговора их тела медленно рассыпались в прах — неумолимо, безжалостно,— а души уже почти выскользнули из тел, собираясь покинуть их. Они держались изо всех сил, дожидаясь ее. И дождались. Теперь их задача выполнена; она узнала все.

«Найди нашего сына, затерянного во времени, и освободи его. Владейте этой землей — она по праву

принадлежит вам, в ком течет наша кровь, кто противостоит Тьме. И помоги вернуться к Свету нашим четвероногим друзьям».

— Как я могу сделать это? — вырвалось у Элири.

В ответ прозвучал мягкий, теплый смех.

«Тебе помогут. Кобыла, жеребец, выйдите вперед.— Тарна и Хилан повиновались, трепеща.— Дочь, пришедшая из глубин времени, взгляни на свою названую сестру, на своих названых братьев».

Когда жеребец из кулона встал на дыбы, Элири увидела, что его копыта подкованы серебром. Кеплиан подняли головы, зачарованные этим зрелищем, и... Ка-дих, их глаза сияли, точно сапфиры! Элири застыла, пораженная этим зрелищем.

И снова в ее сознании проник смех.

«Тьма безвластна там, где живы любовь и Свет.— Сейчас голоса победоносно гремели, точно колокола.— Вот и все. Наши дорогие четвероногие друзья вернулись к Свету. Девушка, в жилах которой течет кровь нашей дочери, нашла сюда дорогу. Великие, теперь мы смиренно просим: отпустите нас покоиться в мире».

Слезы потекли по лицу Элири:

— Нет, не уходите, подождите хоть немного! Я даже не успела поближе познакомится с вами.

«Всему на свете приходит конец. Мы так долго ждали, когда свершится предопределенное и мы будем свободны. Хватит ли у тебя духа задерживать нас сейчас?»

Элири низко склонила голову.

— Нет,— еле слышно ответила она.— Нет, идите с миром. Я найду Ромара и освобожу его. Половина всего, что тут есть, принадлежит ему. Но...— Она опустила взгляд на золотистый камень.— Если смогу. Ведь у меня нет той силы, какой владели вы.

Нежность окутала ее — точно добрые, любящие руки заключили девушку в свои объятия.

«Ты — дочь, вернувшаяся к нам из глубин времени; ты найдешь способ. У тебя есть двое верных друзей, готовых сражаться с тобой бок о бок. Еще один будет помогать тебе, но недолго. В каньоне и за его пределами дожидаются и другие. Прими их, веди их.— Тонкая рука поднялась и прикоснулась к ней.— Это совсем немало, дочь, пришедшая издалека. Хватит пищи для ума, и духа, и сердца. Наша любовь всегда с тобой».

Рука упала. На лицах, обращенных к Элири, возникла улыбка, и тут же огонь объял их со всех сторон. Они ушли... осталась лишь пустая колыбель. Элири молча плакала, склонив голову. Теперь она снова была одна.

Два теплых носа возмущенно ткнулись в девушку с такой силой, что она пошатнулась. Внезапно на нее нахлынуло ощущение счастья. Нет, нет, не одна, теперь и навсегда не одна. Она протянула руки и обняла обоих Кеплиан.

— Я знаю... Я знала их так недолго, но думаю, мне всегда будет не хватать их.— Она шмыгнула носом и вытерла слезы.— Ладно, жизнь продолжается. Мы должны найти Ромара, освободить его, рассказать о том, что он владеет половиной всего этого, и осчастливить Маурин и Джеррани.— Она засмеялась. — Всего ничего. Думаю, завтра же я со всем этим и управлюсь.

Копыто ударило о камень; во все стороны брызнули искры. Позади помоста стоял жеребец из кулона, глядя на нее мерцающими глазами. Как они сказали? Ах, да. Еще один будет помогать тебе, но недолго. Элири медленно приблизилась к нему и подняла руку. Мягкий нос ткнулся в ее пальцы, но когда она попыталась проникнуть в его сознание, то не обнаружила ничего, кроме мрака. Девушка испуганно отступила. Не может

быть, чтобы он принадлежал Тьме! Нет, только не здесь, в этом доме. Только не тот, кто был другом его хозяев.

Конечно, нет, последовал ответ.

Она кивнула. Значит, дело в том, что он просто хочет быть сам по себе.

Согласие.

Вместе с ним пришло и ощущение. Он поступает так не по своей воле; ему хотелось бы распахнуть для нее свое сознание, как для друга, но, к сожалению, это невозможно.

Элири погладила спутанную гриву. Она доверяет ему и не будет вторгаться в его мысли, если он сам этого не пожелает. Кобыла тут же втиснулась между ними, Хилан — следом за ней. Жеребец из кулона отступил. Элири спросила, есть ли у него имя.

«Больше нет... Зови меня, как сама пожелаешь».

Девушка усмехнулась:

— Тогда я буду звать тебя Пехнан — «Оса» на моем языке. Идем с нами, будем вместе жалить наших врагов.

«Именно так, моя названая сестра, пришедшая из глубин времени».

Копыта гулко цокали за спиной Элири, когда она шла обратно сквозь туман. И снова он медленно расступался перед ней и смыкался позади. Когда совсем недавно девушка погрузилась в него, она знала так мало и даже не догадывалась, какое ее ждет сокровище. Сокровище, которое обогатит и ум, и сердце. Интересно, она когда-нибудь вернется сюда или это место превратится в руины и рассыплется прахом у нее за спиной? Элири пожала плечами. Какое это имело значение? Каньон, дом в нем — все это принадлежало ей. Пусть то, что таится в глубине тумана, по-прежнему принадлежит ее далеким предкам, она не станет нарушать их покой.

Приняв такое решение, девушка тут же ощутила, что друзья одобряют его. Даже Пехнан легко дотронулся до нее в знак согласия. Хорошо. Значит, так тому и быть.

Туман расступился, Элири зашагала по траве. Кобылы и жеребята Кеплиан расступились перед ней, и девушка мгновенно ощутила изумление, которое взорвалось в их сознании. Но смотрели они не на нее, а на Тарну, Хилана и удивительного жеребца Кеплиан. Постаравшись скрыть улыбку, она предоставила друзьям самим давать объяснения. День был утомительным; Элири с удовольствием окунулась в воды ручья, попила и поела. Утром — снова в путь. Нужно произвести разведку на границах территории Серых, посмотреть, как далеко продвинулось Зло.

Однако ночью ей явился Ромар. В его глазах полыхало отчаяние, лицо выглядело более усталым, чем когда бы то ни было, а тело настолько исхудало, что казалось совершенно изможденным. Руки Элири начертали знак, и его голос еле слышно донесся до нее:

— Если в самое ближайшее время ты мне не поможешь, потом уже будет слишком поздно.

— Я знаю, где ты,— сказала она,— но не знаю, как освободить тебя и уберечь тех, кого я люблю. Я не перенесу, если они погибнут во время этой попытки.

— Тут есть потайная дверь, и я расскажу тебе, где она. Мой господин...— его лицо исказилось от боли и гнева,— вскоре собирается снова выступить против Света. Тогда ты сможешь действовать.

— Но, наверно, войти в эту дверь будет не так уж просто? — со свойственной ей практичностью спросила Элири.

Пробраться через черный ход — хорошая мысль, без сомнения, но вряд ли он не охраняется тем или иным способом.

— Я отвлеку его внимание, пока ты будешь входить. Он сильнее меня, но сила у него не так уж велика. Именно поэтому он использует меня. Весь расчет на то, что, оказавшись внутри, ты нападешь на него, и тогда я постараюсь освободиться сам. Может быть, у нас и получится.

Ромар не сказал больше ни слова, но девушка понимала, о чем он думал. Даже смерть во время этой борьбы будет для него освобождением; не совсем таким, как ему хотелось бы, но все же — освобождением. Что касается самой Элири, то у нее не было ни малейшего желания погибнуть во время схватки с силами Тьмы. И все же... И все же это был брат Маурин, друг Джеррани, а для нее — пусть и очень далекий, но все же родственник. И она обещала, что попытается освободить его.

Элири собрала всю свою решимость.

— Расскажи мне все, что знаешь.

Ромар молчал довольно долго, но взгляд его был достаточно выразителен. Потом он заговорил, спокойно и мягко. Дверь не охраняется. Ее местоположение — тайна для всех, кроме Ромара, и то лишь благодаря его ментальной связи с Темным. Нельзя использовать человека без того, чтобы хотя бы кое-что тайное не стало для него явным. Дверь открывалась с помощью слова, и Ромар назвал его Элири.

Одновременно он предупредил: как только она и ее спутники окажутся внутри, их подвергнут испытанию. Не следует забывать, что многое будет иллюзией, но, возможно, не все. Снаружи постов охраны нет, хотя Серые постоянно бродят поблизости. Внутри Башни обитают те, кто служит Тьме. У них на вооружении множество хитрых приемов, способных любого ввести в заблуждение.

Все время, пока Ромар говорил, висящий в воздухе между ними знак становился все бледнее. И все же молодой человек успел рассказать Элири обо всем, что знал.

— Чтобы открыть дверь, потребуется сила,— предостерег он ее напоследок.— Попроси о помощи Маурин и Джеррани.— Он вздохнул.— Не хочется втягивать в это дело их, раз ты согласилась мне помочь, но сила Тьмы с каждым днем растет. Боюсь, что им угрожает опасность даже в том случае, если они не присоединятся к тебе.

Элири вскинула руку.

— Клянусь. Я расскажу им о тебе и попрошу, чтобы они отправились со мной. Хотя думаю, что и просить не придется. Они всегда очень беспокоились о тебе.

Ромар даже не догадывался, чего ей стоило произнести эти слова. Она не упомянула о той внутренней борьбе, которую ей пришлось выдержать с самой собой. Маурин была хрупкого телосложения, но под внешней хрупкостью скрывалась железная воля. Джеррани не просто приходился Ромару зятем — он был его братом по мечу; вне всякого сомнения, он бросится на штурм Темной Башни даже в одиночку, если не будет другого способа освободить Ромара. Стоит ей рассказать им, что он являлся ей во сне, и ни отступление, ни оттяжка станут невозможны. Уже дважды она была на грани того, чтобы поделиться с ними тем, что знала. Но каждый раз, вернувшись в каньон и увидев жеребят, отступала. Как могла она подвергать риску все, что было создано здесь с таким трудом? Как могла она поставить под удар тех, кто только-только начинал новую жизнь?

После пережитого страха и жестокости, поселившиеся в каньоне кобылы Кеплиан с трудом, очень мед-

ленно, но все же начали радоваться обретенной свободе. Теперь им доставляло удовольствие приводить в каньон новых своих соплеменниц и учить их тоже познавать доброту. Взрослых жеребцов уже ничему не научишь, не то что кобыл и жеребят. Как могла Элири бросить их на произвол судьбы и ввязаться в смертельно опасную схватку? На одной чаше весов лежало все, чего они добились, а на другой — жизнь одного-единственного человека. Стоил ли он этого? Элири не была уверена. Мгновения, прошедшие перед тем, как она ответила Ромару, были исполнены для Элири внутреннего трепета, но именно тогда она приняла окончательное решение. Покупать собственное спокойствие ценой его жизни было бы неправильно. Он приходился ей родственником, пусть и очень, очень дальним. Она обязана ему помочь. Не говоря уж о том, что с каждой их новой встречей этот человек становился все более дорог ей.

Если она устранится и просто предоставит Ромару умирать, то и ей потом жизни не будет. В конечном счете все было очень просто. Если удастся его освободить, она объяснит Маурин и Джеррани, почему так долго молчала; они поймут и простят ее. Если она погибнет, они так никогда и не узнают, что стояло за ее молчанием. Но даже в этом случае Джеррани, по крайней мере, поймет ее. Если, конечно, останется в живых.

Знак между ними увял, истончившись в ничто, и Ромар исчез. Элири пристально смотрела в пустоту, вспоминая отчаяние, звучавшее в его голосе. Тот, кто использовал его, кто безжалостно тянул из него силу, рискует в самое ближайшее время вычерпать ее до дна. И физическая, и духовная смерть Ромара надвигается. Нужно торопиться, иначе можно и в самом деле не

успеть. Он должен быть свободен — или мертв, что в конечном счете тоже вариант свободы.

Уже засыпая, девушка непроизвольно стиснула кулаки. Если не удастся его освободить, она сделает это сама. Пусть лучше умрет от ее руки, чтобы Зло не смогло больше использовать его. Тогда, по крайней мере, душа Ромара вырвется на свободу.

Она собиралась завтра утром выяснить, где находятся Серые, но это придется отложить. Сейчас есть дела поважнее, с рассветом нужно отправляться в путь. Но сначала... В голове у нее замелькали планы насчет того, что и как предстояло сделать.

Потом Элири овладел более глубокий сон, но даже и тогда лицо Ромара преследовало ее. С мольбой о свободе, с надеждой и верой. Как могла она даже думать о том, чтобы остаться в стороне? Он — воин; ей не следовало уклоняться от участия в его битве. И он человек, способный принять ее такой, какая она есть. На губах Элири заиграла улыбка, от чего лицо девушки приняло почти детское выражение. Далекий друг, держись, я иду!

13

Проснувшись, она почувствовала, что ее решимость только окрепла. Элири позавтракала и отправилась на поиски Кеплиан.

— Боевая сестра, мне необходимо переговорить с теми, кто живет у озера. Ты отправишься со мной? — Кобыла задумчиво стояла, вопросительно глядя на нее.— Я снова видела сон этой ночью. И еще — я поклялась моим родственникам из тумана, что помогу Ромару. Пришло время выполнить эту клятву.

«Видела сон?»

Элири улыбнулась. Тарна всегда любила, чтобы ей рассказывали все по порядку. Девушка начала объяснять. Хилан молча стоял рядом и тоже слушал.

Дождавшись подходящего момента, он вмешался в разговор. Что же, к его мнению стоило прислушаться. За последние два года Хилан много путешествовал в тех краях, где обитали Кеплиан, и был осведомлен о происходящем там даже лучше и своей матери, и самой Элири. Он был менее опытен в сражениях и, возможно, менее мудр, но знал немало такого, что могло пригодиться. Они внимательно выслушали его соображения — и согласились, что он прав. Его присутствие может существенно помочь при попытке освободить Ромара.

— Но сначала мне нужно добраться до озера и рассказать обо всем Маурин и Джеррани.

«А что дальше, боевая сестра? Просто так начать штурмовать Темную Башню — какой в этом смысл? Тут необходима хитрость. Хитрость и сила».

Элири снова начала говорить, спокойно и обдуманно. Друзья одобрительно кивали. Это было рискованно, опасно — шанс, не более. Но и не менее тоже. Воздействие Башни распространяется все шире, сила ее нового обитателя растет. Если Ромар уйдет, Зло начнет искать других, кого можно использовать. Найдутся и те, кто согласится на это добровольно.

— Хватит разговоров. Я скачу сегодня же, прямо сейчас. Вы будете сопровождать меня?

Увлеченные разговором, друзья не обращали внимания, что под деревьями вокруг них собрались кобылы и жеребята. Они тоже слушали. Внезапно Элири заметила их и от неожиданности даже слегка подскочила. Удивленно вскинув брови, она переводила взгляд с одного на другого. Вперед вышла тощая,

покрытая шрамами кобыла. Зела редко говорила. Многочисленные шрамы она заработала, пытаясь — безо всякого успеха — защитить от смерти своего жеребенка. Она неприкаянно бродила, ошеломленная потерей малыша, истекающая кровью, когда Хилан нашел ее и заботливо доставил в каньон. По характеру Зела была склонна к одиночеству и по большей части молчала. Однако от Хилана у нее родился жеребенок, который сейчас уже заметно подрос и стал одним из самых чудесных созданий, обитающих во владениях Элири.

Зела вскинула голову:

«Мы тоже пойдем».

Как всегда, она была немногословна, но одновременно в сознание Элири хлынул поток быстро сменяющих друг друга образов, и девушка все поняла. Пока она, Тарна и Хилан совещались, остальные кобылы тоже оказались в курсе дела. Тяжкие испытания, через которые им пришлось пройти, укрепили их решимость. Что они оставили позади? Спаривание не по желанию, а по принуждению, убитые жеребята, жестокое обращение, которому подвергались они сами и их подруги. Здесь, в каньоне, выяснилось, что жизнь может быть совсем иной. Хилан обожал своих жеребят, играл с ними, проявляя снисходительность и понимание, а с их матерями обращался как с равными. Может быть, кобылы и не слишком хорошо разобрались в сути дела, но одно уж точно поняли: речь шла о борьбе между тем, какой их жизнь стала в каньоне, и тем, как она протекала на равнинах. Чтобы сохранить эту свою новую жизнь, они тоже готовы были сражаться.

Элири протянула руку и пощекотала мягкий нос.

— А как же ваши жеребята?

«Некоторые уже выросли; остальные останутся».

Девушка прислонилась к теплому боку Тарны, скользя взглядом по Кеплиан, столпившимся вокруг. В общем, Зела права. Больше половины малышей были уже в том возрасте, когда на равнинах кобылы прогнали бы их от себя ради их же собственной безопасности. Здесь, на богатом пастбище каньона, даже совсем юные жеребята выглядели больше и сильнее, чем их однолетки на равнинах. Молока у кобыл было достаточно, а если даже у кого-то его не хватало, их жеребят кормили другие.

Вперед протолкался юный жеребец, которого они в прошлом году буквально вырвали из рук смерти. Его мать убили расти. Когда его обнаружили, жеребенок, на своих маленьких, слабых ножках, метался между врагами, пытаясь сражаться — как мог. Расти решили позабавиться с ним, прежде чем убить. Появление Элири положило конец этому издевательству. Теперь Шенн стоял перед ней, в его огненно-красных глазах светился ум.

Он привстал на дыбы и выразительно стукнул копытами о землю:

«Я иду с вами. У меня нет жеребенка, нет матери, нет подруги.— Он фыркнул.— Я понесу на себе человека, если понадобится».

Никто даже вдохнуть не успел, как Зела кивнула. Смысл сказанного ею был предельно ясен, намерения просты и понятны.

«Я тоже. Обещаю, что буду осторожна и тот, кого я понесу на себе, не упадет. Мы вместе будем сражаться. Если моего человека ранят, я отнесу его домой.— Она встала на дыбы и со стуком опустила копыта на землю.— Убейте тех, кто погубил моего жеребенка. Убейте тех, кто терзает моих подруг.

Убейте тех, кто хочет отнять у нас это благословенное место».

С каждым призывом ее копыта обрушивались на землю. К ней тут же присоединился Шенн, а вслед за ним и остальные повзрослевшие жеребята подняли крик, с тупым стуком колотя копытами по скалистой почве. Глаза горели красным огнем, пот стекал по черным шкурам. Жеребята вставали на дыбы, ржали радостно и возбужденно, сопровождая все это ментальными воплями.

С трудом, но Элири все же удалось перекрыть поднявшийся шум.

— Вы говорите, что понесете на себе людей. Хорошо. Но ведь это еще далеко не все. А сможете вы затеять бой с расти, если понадобится отвлечь внимание Темного? Готовы ли вы сражаться со своими соплеменниками, даже убивать их, если придется? Зная, что они проклянут, возненавидят и, может быть, даже начнут преследовать вас?

Зела высоко встала на дыбы. На ее животе, поблескивающем в солнечном свете, стали видны уродливые шрамы, которые портили гладкую шкуру.

«Я готова. Возненавидят... Ну и пусть, меня это не волнует. А что касается того, что они станут преследовать нас...— она вскинула голову, свирепо прижав уши.— Меня уже преследовали прежде. Пусть еще погоняются, если желают. Может, им даже повезет, и они сумеют найти меня».— Она оскалила зубы, яростно сверкая глазами.

Да уж, подумала Элири, глядя на Зелу. Если врагам и «повезет» найти ее, они, возможно, не успеют даже пожалеть об этом. Если дойдет до схватки, она будет сражаться не хуже пукутси. А если погибнет, то прихватит с собой многих.

Девушка сделала глубокий вдох.

— Ладно, у вас будет время обдумать все это. Я сейчас уеду, мне нужно переговорить с людьми. Необходимо составить план, чтобы не расходовать впустую силы.

Молодой жеребец одобрительно кивнул в ответ. Покрытая шрамами кобыла тоже кивнула и рысью поскакала на пастбище. Причем, как заметила Элири, теперь она была не одна. Рядом с Зелой щипал траву Шенн, время от времени прикасаясь к ней боком. Она встретилась взглядом с Тарной, обе внутренне улыбнулись, но тут же вновь вернулись к делам.

— А вы сейчас поскачете со мной?

Тарна придвинулась к ней поближе:

«Я понесу тебя».

Элири была тронута, услышав в ее тоне ревнивые нотки. Хилан тут же вмешался.

«Можно, я понесу тебя обратно? — с надеждой спросил он.

Элири рассмеялась.

— Конечно, названый брат. Но вместе с людьми у озера нас будет трое, поэтому я должна взять с собой лошадь.

Ответом ей было сердитое фырканье. Но никаких возражений. Она быстро оседлала свою старательную лошадку и нагрузила ее сумками со шкурами и оружием. Потом вспрыгнула на спину Тарны, и все вместе они рысью поскакали к выходу из каньона. Казалось, прямо из воздуха материализовался Пехнан, полыхая сапфировым огнем своих глаз.

«Куда вы собрались?»

В нескольких быстро сказанных фразах Элири объяснила ему суть дела. По какой-то ведомой ему одному причине, Пехнан явно хотел услышать это от нее, хотя, несомненно, и сам все знал.

«Этот план может сработать,— одобрительно сказал он.— А что же те, которые говорили недавно, что тоже будут сражаться?»

— В чем дело? — воскликнула Элири.— Они имеют право сражаться за то, во что верят.

«Конечно. Я ничего не имею против этого,— мягко ответил Пехнан.— Они сражаются за Свет?» — В тоне вопроса ощущалась странная напряженность.

Сзади послышалось сопение — это Зела незаметно присоединилась к ним.

«Я все слышала».

Пехнан повернул к ней голову:

«И каков твой ответ?»

Задумавшись, кобыла опустила голову, но тут же снова вскинула ее:

«Убивать жеребят — плохо. Принуждать кобыл спариваться, когда они не желают этого,— плохо... неправильно. Там, на равнинах, мы жили, как..» — Она запнулась, подыскивая нужное слово.

Однако нашла его Тарна:

«... как во Тьме».

«Да. Если все это — Тьма, а наша жизнь здесь — Свет, тогда я готова сражаться и умереть за Свет.— Слова иссякли, но образы продолжали вспыхивать один за другим — горькая литания боли и скорби.— Я заодно со Светом,— с оттенком жестокого удовлетворения повторила кобыла под пристальным взглядом Пехнана.— Я знаю, о чем говорю. И все остальные здесь тоже.— Ее морда повернулась в сторону Кеплиан, которые мирно щипали траву.— Ненависть не владеет ими так сильно, как мной, но они будут сражаться».

«Я верю. Следуй за мной».

Пехнан в сопровождении кобылы медленно подошел к выходу. Руны при его приближении ожили. Он

провел носом по одной, потом по другой и, в конце концов, по третьей.

«Сделай то же самое».

Мгновение Зела пристально смотрела на сияющие руны, потом ее нос тоже повторил очертания древних знаков. Они засияли ярче, голубой туман, свиваясь, поднялся над ними и собрался над головой Зелы в подобие вуали. Когда он растаял, Элири едва сдержала крик изумления. Кобыла стояла горделиво, ее глаза по-прежнему пылали, но не красным, как прежде, а чистой голубизной. Молодой жеребец, застывший позади своей подруги, медленно двинулся вперед. Подняв голову, он внимательно осмотрел сначала ее, а потом руны.

«Я с Зелой заодно».

И прежде чем ему успели помешать, он обвел носом первый знак. Элири затаила дыхание. Голубой туман закружился водоворотом, заключая Шенна в объятия. Сила умела распознавать своих, ей были открыты все сердца. За то недолгое время, пока он прикасался к знакам, она свершила суд и вынесла свой приговор. Перед ними, все еще трепеща от собственной дерзости, стоял молодой жеребец с сапфировыми глазами.

«Может, все же отправимся в дорогу или у нас здесь есть еще какие-то дела? — суховато спросил Хилан.— Разве нам непременно нужно присутствовать при том, как все будут тереться носами о стену?»

Шенн ударил копытом о землю:

«Я иду с вами».

Элири спрыгнула со спины Тарны, подошла к жеребцу и ласковым движением убрала пряди гривы с его глаз. Без единого слова мысленно передала ему ряд картинок. Маурин... Вот она смеется, играя со своими детьми. Вот с болью во взгляде смотрит на портрет Ромара.

Элири, как могла, постаралась передать в этих образах то, что составляло сущность ее подруги.

Шенн поднял уши:

«Я понесу ее. Она похожа на тебя».

Подошла Зела и остановилась, выжидая. Элири мысленно передала ей образ Джеррани — его силу, трогательно заботливое отношение к жене и детям, нетерпимость к жестокости. И, конечно, доброту.

Мягкий нос уткнулся ей в руку:

«Я понесу этого человека, если он пожелает. Если доверится мне»,— сказала Зела.

— Тогда в путь. В замок, где ты встретишься с ним и сможешь принять окончательное решение. Пехнан? — Элири повернулась, но жеребец снова исчез.— Мне не нравится, что он то появляется, то исчезает. Можно подумать, у нас тут завелся призрак,— сказала она и снова вскочила на Тарну.

«Он делает, что хочет. Без него справимся»,— с мягкой усмешкой заметила кобыла.

Она неторопливо зашагала по тропе, вслед за ней — послушная лошадь и трое Кеплиан.

Пока они были в дороге, Элири чуть голову себе не сломала. Как быть? Просто так взять и появиться с четырьмя Кеплиан? Это вызовет... ну, по меньшей мере, удивление. Или даже хуже того — кто-то, не раздумывая, может наброситься на них. Нет, лучше появиться, как всегда, на лошади, объяснить все друзьям, а уж потом позвать Кеплиан. Джеррани мог казаться и беспечным, и легкомысленным, как любой молодой человек, но в глубине души был настоящим воином. Не может он не оценить тех преимуществ, которые им даст помощь Кеплиан.

Стоит рассказать им о Ромаре и ее снах, ведь это, без сомнения, перевесит в их сознании все остальное.

Если они узнают, что есть шанс освободить Ромара и при этом нанести поражение Темной Башне — то есть обезопасить свои земли на много лет вперед,— то согласятся принять помощь любых союзников.

Она взглянула туда, где гарцевал Шенн, по молодости и задору не способный удержаться от того, чтобы слегка не подурачиться. И снова испытала ощущение удара, пораженная голубизной его глаз. Знак Света. Конечно, стоит Джеррани увидеть их — в особенности после того, как она поговорит с ним,— и он окажется способен удержать любого от безрассудных действий. В замке были свои руны охраны и защиты, и теперь Кеплиан тоже смогут пройти мимо них. Еще одно подтверждение того, что отныне они принадлежат Свету. Все будет хорошо, успокаивала себя Элири. Если она будет действовать осторожно, все непременно должно быть хорошо.

Они скакали все дальше и дальше, зорко поглядывая по сторонам. Сюда, в горы, Серые забредали редко, но тут хватало и других тварей. Некоторых, скорее, можно было отнести к полумраку, другие же в полной мере предались Тьме и потому были очень опасны. Колония расти находилась далеко отсюда, но одинокие самцы часто охотились и в этой местности. Конечно, один расти не представлял серьезной угрозы для пяти воинов. Однако даже простой укус в область щетки, там, где над копытом у лошади растут волосы, мог вылиться в серьезную проблему, если зубы хищника проникнут достаточно глубоко. Однако путешественникам повезло — за все время дороги они не встретили никого и ничего.

На третий день, поднявшись на невысокий холм, они увидели замок. По дороге был тщательно разработан план дальнейших действий, поэтому все знали, что нужно делать. Элири спрыгнула со спины Тарны и по-

дозвала лошадь. К этому времени она уже гораздо лучше владела своим даром. По мере того как ее сила с опытом возрастала, стало ясно, что она могла делать гораздо больше, чем когда-либо представляла себе. Недаром Кинан потратил столько месяцев, терпеливо обучая ее и рассказывая всякие истории,— теперь все это вошло ей в плоть и кровь. Элири наклонилась, ласково похлопала сначала Тарну, потом Хилана и, подобрав поводья, поскакала вниз по склону холма. Дозорный громко возвестил о ее появлении, Маурин и Джеррани выбежали навстречу.

—Элири, мы так рады тебе! Но...— Маурин остановилась.— Ты выглядишь такой мрачной. Что-то случилось?

— Не случилось, нет. Но я хочу, чтобы мы как можно быстрее остались одни.

Девушка понимала, что стояло за выражением, возникшим на их лицах. Страстное желание и отчасти страх узнать, в чем дело. Она увлекла их в солярий, где Маурин тут же захлопнула дверь.

— Здесь нас никто не услышит... Говори быстрее. Ох, Элири, ты нашла его? Ты нашла Ромара?

— Да! — решительно ответила девушка.

Маурин бросилась к ней, схватила за руки, закружила по комнате. Когда они унялись, часто и тяжело дыша, Джеррани с улыбкой посмотрел на них.

— Расскажи нам все, что можешь,— мягко попросил он.— Нужно составить план.

Элири рассказала им обо всем, в том числе и о своих далеких родственниках, которые так долго ожидали ее появления в каньоне. Потом заговорил Джеррани.

— Мы не можем рассчитывать на помощь из Долины. Я послал сообщение Духаун обо всем, что нам стало известно от тебя, Элири. Написал ей, что Зло рас-

пространяется все шире, постепенно захватывая те области, где прежде его не было.— Он улыбнулся.— По правде говоря, письма между нашим замком и госпожой Долины сыпались, точно град. Нам было ясно, что время приближается, поэтому мы постарались заранее спланировать свои действия. Теперь остается только реализовать их, на что много времени не понадобится.

— Что вы планировали? — сразу перешла к делу Элири.

— Чтобы сразу же внести ясность, объясню, почему Долина не сможет нам помочь. Дело в том, что они уже сражаются в другом месте. Зло очень окрепло в последнее время неподалеку от Леса Болотных Женщин, и большую часть сил Долина тратит на защиту отдаленных крепостей и поселений в том направлении. Однако детей мы договорились отправить к Духаун. В помощь нам она прислала пятерых воинов, а с ними — вот этот дар.

Элири осторожно взяла то, что Джеранни протянул ей. Это была маленькая, но прекрасная вещь. Кусочек кристалла, в котором живые цвета, казалось, крутились водоворотом, смешиваясь друг с другом.

— Что это такое? — спросила Элири.

Джеррани весело ухмыльнулся, лицо его приобрело почти мальчишеское выражение.

— Не знаю. Но если мы будем одолевать, нужно эту штуку разбить. Я сообщил госпоже, что мы, возможно, попытаемся проникнуть в Темную Башню. В ответ она прислала это.

— Другими словами, чтобы использовать эту вещь, нам надо победить?

— Вот именно.

Маурин, не произнеся ни слова, взяла кристалл из рук Элири, надела его на цепочку, а цепочку — себе на

шею. Девушка с трудом подавила усмешку. Все ясно — Маурин собирается отправиться вместе с ними.

Элири легко могла представить себе жаркие споры, которые разгорались тут по этому поводу еще до ее появления. Джеррани не сомневался, что Ромар томится где-то в заточении. Его удерживало от решительных действий лишь то, что он не знал, где именно. Маурин, со своей стороны, не собиралась оставаться в стороне. С какой стати? Она владела луком, мечом и была наездницей не хуже всякого другого. Правда, Маурин была на десять лет старше Элири, но технуп — опытные и далеко не молодые женщины-воины — в дни славы немунух с успехом принимали участие в военных действиях. Судя по тому, что Элири знала об Эсткарпе, женщины там обычно не воевали. Однако, перевалив через горы и оказавшись в Эскоре, многие из них предпочли носить брюки и орудовать мечом.

Она обняла Маурин и притянула к себе:

— Я рада приветствовать воина, готового присоединиться к нам.

Лицо Маурин вспыхнуло наполовину от гордости, наполовину от смущения.

— Джеррани не одобряет.

Однако он тут же опроверг это заявление.

— Одобряю, дорогая. Если бы это от меня зависело, я хотел бы сражаться, имея тебя по левую руку, а Ромара по правую. Беда в том, что я боюсь за детей. Кто позаботится о них, если мы оба погибнем?

В ответ его жена фыркнула — сейчас ей было не до изящных манер:

— А кто позаботится о них, если ты погибнешь, и Зло будет выть под стенами замка, осаждая его? Нет, здесь им оставаться опасно, и они отправятся в Долину, к Духаун. А я буду с тобой.

— Все правильно,— похлопала ее по плечу Элири.

Маурин ушла, чтобы помочь в сборах няне и тем людям, которые будут сопровождать детей. Элири повернулась к Джеррани.

— Какие доводы она приводила, убеждая тебя, что должна отправиться с нами?

Он криво улыбнулся:

— Убеждая меня? Она прекрасно понимала, что убеждать меня бесполезно, да и не нужно. Нет способа, которым я мог бы удержать ее дома. Поэтому она просто спокойно заявила, что отправится со мной; если я буду возражать, она все равно поедет следом.

Он не сказал ничего о том, что еще ему пришлось выслушать. Когда он посоветовал Маурин остаться в стороне, она просто взорвалась и много чего наговорила своему на самом деле горячо любимому мужу. Напомнила ему — в выражениях, при воспоминании о которых у него до сих пор пылали уши,— как она не побоялась пойти наперекор своему отцу, когда речь зашла о том, чтобы выйти замуж за Джеррани. Как у нее хватило мужества поселиться вместе с ним здесь, в этой опасной части страны, вдали от других селений, без надежды на то, что в случае необходимости можно будет обратиться за помощью к соседям. Как она плечом к плечу с ним приводила в порядок замок, очищая его от мелких Темных тварей и хищных зверей. И как она никогда не жаловалась.

Здесь, в этом глухом, заброшенном месте, она создала уютный, теплый дом, родила ему детей, заботилась о людях, которые им служили. И все это время Ромар был с ними. Они были не просто брат и сестра по крови — они были близнецами. Исчезнув, он унес с собой половину ее сердца. Все эти годы, наполненные борьбой и тяжелой, нудной работой, Ромар помогал

им. Замок не принадлежал ему. Он не имел никакой доли в этом владении, но тем не менее добывал на охоте пищу и в случае необходимости сражался бок о бок с ними. С горящими глазами Маурин требовательно спросила, не собирается ли муж сейчас предложить ей забыть все это?

Джеррани запротестовал. К чему такая горячность раньше времени, спросил он? Они всего лишь составляли планы на случай возможных, но вовсе не обязательных обстоятельств. Не исключено, что Ромара и в живых-то уже нет. Или он находится в таком месте, откуда, несмотря на все усилия, вызволить его не удастся. Может, Элири приедет и скажет, что она не смогла ничего разузнать о нем? А если бы это даже и случилось, где гарантии, что задача освободить его окажется выполнимой? Он, Джеррани, всего лишь беспокоится о том, что в случае гибели Маурин дети вырастут без родительской любви.

Большую часть высказанных им соображений Маурин просто пропустила мимо ушей. Вот как! Значит, он хочет, чтобы она вела себя как курица, сидящая на яйцах? Покорная жена и хозяйка замка? Да, отец вышвырнул ее из дома, когда она отказалась выйти замуж за угодного ему человека. Но внуков своих он не оставит без поддержки. Маурин вскинула голову, встретившись с Джеррани взглядом, в котором сверкал вызов. Она не потерпит, чтобы ее ценили так низко! Она не только его жена, но и хранительница очага. Даже Ромар не возражал, чтобы его сестра сражалась рядом с ними, когда в этом была нужда. Теперь она снова будет сражаться — за свой дом, за своего брата и за будущее своих детей. Пусть Джеррани попробует остановить ее, если посмеет.

Он не посмел. Вместо этого он обнял жену, испытывая одновременно и гордость, и страх за нее.

— Кроме тебя, мне не нужен никто — даже если предстоит сражаться,— вот что он сказал ей.

Однако по спине у него пробежал холодок страха. Во время предстоящей схватки могло произойти все, что угодно. Он должен найти способ сделать так, чтобы Маурин уцелела, как бы ни разворачивались события.

Когда она вернулась, Джеррани улыбнулся ей, взял за руки и, притянув, усадил рядом с собой.

Элири нарисовала точную и детальную карту местности. Как только она закончила, Джеррани позвал воина.

— Отнеси это Тернану, скажи, чтобы он снял копии. Две. И как можно точнее. От этого может зависеть наша жизнь.— Он повернулся к Элири.— Этот человек слишком стар, чтобы сражаться. Его отец был переписчиком и копиистом, в юности Тернан многому научился у него. Теперь он служит нам в том же качестве и одновременно как домашний учитель для детей,— Джеррани встал и беспокойно заходил по комнате.— Одну копию можно отправить с детьми. Другую я оставлю у себя в кабинете вместе с тем, что продиктую Тернану относительно наших планов.— Он заметил быстрый взгляд, которым обменялись женщины.— Нет, я не глупец. Действительно, если мы погибнем, сюда может прийти Тьма. Но подумайте и вот о чем. Не исключено ведь, что, даже погибая, мы сумеем прихватить врага с собой и тем самым очистим эту землю для наших детей и тех, кто придет после нас. Я хочу, чтобы они знали, чьими руками это было совершено.

Элири кивнула. С ее точки зрения все, о чем говорил Джеррани, звучало совершенно естественно. Погибая, немунух всегда старались прихватить с собой как можно больше врагов. Потратить последние силы на то, чтобы погубить и своего убийцу тоже. Все правильно. Элири

также сделала в уме заметку, что нужно внимательно осмотреть еще раз подвал своего дома. Поискать оружие — что-нибудь такое маленькое, что было бы легко спрятать и что, может быть, внешне даже не походило бы на оружие. Но что было бы и легко достать. Она постаралась сдержать дрожь. Оказавшись в безвыходном положении, лучше погибнуть от собственной руки, чем попасть в руки того, кто захватил Темную Башню.

Конечно, мысленно добавила она, плотно стиснув губы, это может сработать только в том случае, если враг окажется настолько туп, что сочтет ее совсем уж беспомощной и неопасной. Только тогда у нее появится возможность умереть от собственной руки.

Элири снова стала прислушиваться к тому, что, склонившись над картой, говорил Джеррани. Дважды он вызывал своих людей и отдавал приказы. Потом Маурин снова вышла и принесла еще бумаги. В конце концов, с делами было покончено. Их план начал обретать отчетливые очертания; оставалось лишь облечь кости плотью.

С первыми лучами солнца все поднялись снова. Оседлав лошадь, Элири заторопилась к ожидавшим ее друзьям.

— Я скоро вернусь.— Она перевела взгляд на воинов и слуг, сновавших во дворе.— И когда это произойдет, удержите своих людей, не позволяйте им действовать сгоряча. Клянусь — те, кого я приведу, принадлежат Свету и будут сражаться вместе с нами.

Джеррани внимательно посмотрел на нее.

— Ты сама принадлежишь Свету и свободно проходишь мимо рун охраны и защиты. Не думаю, что тебя было легко обмануть. Мы будем в замке, когда ты вернешься. Пусть твои друзья пройдут по мосту мимо рун, и тогда все мы будем только рады им.

Элири кивнула и пришпорила лошадь. За ее спиной Маурин крепко сжала пальцы Джеррани. Если у них окажутся еще и союзники, Ромара, может быть, в самом деле удастся вызволить. Напрягая зрение, она провожала взглядом крошечную фигурку всадницы, пока та совсем не растаяла вдали.

Они замерли в ожидании. И вот там, куда они неотрывно смотрели, возникло что-то, постепенно обретшее контуры скачущего верхом человека и четырех крупных животных рядом с ним. По двору прокатился приглушенный шум голосов; сначала в нем звучала неуверенность, потом — откровенная враждебность.

Крепко сжав руку Маурин, Джеррани потянул ее с моста под арку, которая вела во внутренний двор. Группа между тем приблизилась к мосту, и сквозь клубы пыли уже можно было отчетливо разглядеть тех, кто входил в нее. Маурин и Джеррани открыли рты от ужаса и изумления — девушка скакала верхом на кобыле Кеплиан! У моста кобыла встала на дыбы, горделиво выгнув дугой мощную шею.

Слева от Элири скакал жеребец Кеплиан, такой крупный и красивый, какого они себе и представить не могли. Лошадь бодро трусила справа от нее, а следом за ними еще Кеплиан — покрытая шрамами кобыла и совсем молодой жеребец, только-только подросший до такого размера, чтобы выдержать всадника. Перед рунами они остановились. Элири легко спрыгнула, протянула руку к ближайшему камню и провела пальцем по одному из знаков. Руны вспыхнули голубовато-зеленым. Девушка шагнула в сторону, пропуская кобылу. Мягкий нос поднялся и обвел знак, свет запылал ярче. Потом жеребец вытянул голову, и при этом прикосновении засиял туман, подняв-

шийся от копыт Кеплиан. К знаку приблизились двое оставшихся. Туман поднялся, точно приливная волна, и поглотил их.

Когда он рассеялся, перед изумленными взглядами обитателей замка предстали все те же Кеплиан, целые и невредимые. Элири прыгнула на спину Тарны и выхватила из ножен меч. В солнечных лучах он отсвечивал золотом и серебром; голубой огонь стекал с острого конца, его капли веером разлетались над плечами Кеплиан.

— Я пришла с друзьями и союзниками, принадлежащими Свету. Можем ли мы войти и будут ли здесь рады нам?

Рука об руку хозяева замка выступили вперед.

— Мы приветствуем вас! — послышался глубокий голос Джеррани, и, точно контрапункт, ему вторил нежный голос Маурин.

Копыта простучали по мосту. Оказавшись во дворе, Кеплиан остановились, оглядываясь по сторонам, на людей, окруживших их со всех сторон.

Джеррани приветственно поднял руки; Маурин шагала рядом с ним.

И вот впервые за тысячу лет произошло то, чего никто из них и представить себе не мог: представительница той расы, которая всегда была враждебна людям, ответила на обращенное к ним приветствие.

Тарна вскинула голову:

«Благодарим за добрые слова. Добрый день, господин и госпожа этого дома. Желаем вам счастливого будущего и яркого солнца во все дни вашей жизни».

Последовало долгое молчание — и потом со всех сторон послышались приветственные возгласы.

14

Элири отошла в сторону, чтобы лучше видеть все происходящее. Кеплиан поняли, что означали раздавшиеся вокруг возгласы, и девушка улыбнулась, чувствуя их удивление и радость. Потом она незаметно отвела Маурин в сторону.

— У тебя есть небольшой дар. Как ты думаешь, он достаточен, что проникнуть в глубину сознания?

Маурин покачала головой.

— Нет, разве только если речь идет о близких родственниках,— она засмеялась.— Хотя мы с Джеррани иногда разговариваем мысленно. Чаще всего, в самый неподходящий момент.

— Что ты имеешь в виду?

Маурин захихикала.

— Это случилось во время обеда, который мы давали в честь лорда Терне из Долины Зеленого Безмолвия. Он вообще-то приятный старик, только немного напыщенный и нудный. Конечно, было очень любезно с его стороны проделать столь долгий путь сюда только ради того, чтобы заняться нашими фортификационными сооружениями. Но он просто замучил нас разговорами о том, как важно иметь подземные переходы, которые, в случае чего, позволили бы незаметно сбежать. По его мнению, у нас их должно быть, по крайней мере, два, об одном из которых никому, кроме нас, не было бы известно. Мы с Джеррани сидели, пытаясь выглядеть заинтересованными, а он все продолжал и продолжал в том же духе. Потом вдруг у меня в сознании возникла картинка...— Маурин внезапно замолчала и снова захихикала. Элири терпеливо ждала.— Ее передал мне Джеррани. Как будто лорд Терне в виде зверька, роющего норы, копал, как безумный, под замком туннели,

пока сверху все не рухнуло на него. Тогда этот зверек с лицом лорда уселся на задние лапы, весь в пыли и удивленно оглядываясь по сторонам. Это было выше моих сил.— Она засмеялась, снова представив себе это зрелище. Элири тоже стало смешно.

— И что ты сделала?

— Пробормотала, что у меня неотложные дела, и сбежала. Выскочила в коридор и просто зашлась от смеха. Подошла няня и удивленно уставилась на меня. Только это и помогло мне взять себя в руки. Прошло, наверно, не менее получаса, прежде чем я смогла вернуться. Надеюсь, я сумею воспитать детей лучше, заявила тогда няня. Но когда я ей рассказала, в чем дело, она тоже смеялась.

Теперь уже смеялась и Элири. Ей приходилось видеть зверьков, роющих норы. Маленькие толстые животные, морды которых выражали одновременно удивление и напыщенную важность. Она посмеялась вместе с Маурин, и тут к ним подошел Джеррани.

— Что вы замышляете?

Его жена усмехнулась.

— Ничего... Пока. Я просто рассказывала Элири о лорде Терне.

Джеррани тоже широко улыбнулся.

— А, как же, помню. Я думал, ты просто лопнешь, если сию минуту не выскочишь из зала.— Потом он заговорил более серьезным тоном.— Раз те, кого Элири привела, наши союзники, пусть тоже участвуют в разработке планов. Зло растет, распространяясь все шире и вытягивая силу отовсюду, где находит ее. Если мы не хотим опоздать, нужно поторопиться.

Джеррани ни словом не обмолвился о Ромаре, но все поняли, что он имел в виду. Его сердце болело за Ромара, друга, который нес с собой смех и Свет. Ромар

мог не вынести заточения, тем более, такого ужасного, который и в ночном кошмаре не привидится. Джеррани содрогнулся.

— Давайте побыстрее составим план и перейдем к делу.

Маурин кивнула.

— Мы ведь уже спланировали все, разве нет? — сказала Элири.— Просто вы не знали, каких друзей я имела в виду прошлой ночью. Так вот, именно Кеплиан нападут, чтобы отвлечь внимание врага. И еще. Обычную лошадь не заставишь приблизиться к Башне, поэтому мои названые родственники согласились доставить туда нас троих. Но одних Кеплиан мало для отвлекающего маневра. Пусть ваши люди, те, которые сейчас свободны, сядут на обычных коней и примут участие в нападении вместе с Кеплиан.

— Звучит разумно, но неужели те двое Кеплиан и в самом деле готовы нести нас на себе? Хотелось бы услышать это от них.

Кобыла, покрытая шрамами, подошла к Джеррани и прикоснулась носом к его руке.

«Я понесу тебя на битву со Злом. Чтобы нанести удар Тьме, я по доброй воле согласная нести тебя».

Шенн обнюхал волосы Маурин.

«И я тоже. Я понесу тебя.— Он отступил на половину корпуса.— Но только никакой упряжи. Просто сядете на нас и поскачете».

— По-моему, это справедливо,— Элири, конечно, даже не заикнулась о том, какая мысль сейчас промелькнула в ее сознании: Шенн настолько молод, что ему и всадницу — даже не слишком тяжелую — будет трудновато нести на себе. А если к этому добавить вес седла и упряжи? Девушка повернулась к друзьям.— Я должна предостеречь вас еще кое от чего. Не допускай-

те, чтобы ваше сознание полностью сливалось с сознанием Кеплиан. У них оно совсем другое по сравнению с нами. Думаю, именно из-за этой разницы люди, способные войти в контакт с ними, прежде убивали их.— Джеррани хотел заговорить, но Элири жестом остановила его.— Да, лично я могу позволить себе это полное слияние разумов и сердец. Но мне с самого начала Кеплиан никогда не казались злыми. В первый раз, когда наши разумы соприкоснулись, я была ошеломлена, шокирована. Но потом пошире открыла глаза и увидела, что передо мной все те же, кого я люблю. С тех пор я не боюсь глубокого соприкосновения наших разумов. Но люди в этом мире всегда реагировали на них с такой ненавистью, что я уверена — для вас же лучше не делать подобных попыток. Вы согласны?

— Ты говоришь с такой уверенностью...— медленно произнес Джеррани.— Значит, ты права и для нас в самом деле безопаснее не пытаться. Но, по крайней мере, можно разговаривать с ними обычным образом?

— Да. Говорите вслух, а Зела и Шенн будут отвечать вам мысленно. Вы ведь оба уже испытали на себе, как это происходит.

Джеррани кивнул:

— Тогда давайте проверим, как идут приготовления.

Он подозвал одного из воинов и после краткого совещания с ним повернулся к женщинам. Большинство его приказаний были уже выполнены. Если до наступления сумерек трудиться не покладая рук, то с рассветом можно отправляться. Элири улыбнулась. Такая спешка ни к чему. Ей еще нужно вернуться в каньон и рассказать тем, кто там остался, что люди готовы иметь с ними дело. Ну, а уж потом можно было бы встретиться у брода через ручей.

На протяжении нескольких последующих часов Кеплиан стояли, с глубоким интересом разглядывая суетящихся вокруг людей. Чтобы не мешать им, они отошли к краю двора, и сумерки, которые уже начали сгущаться, почти поглотили их тела. Спустя некоторое время из двери вышла девочка лет семи-восьми, а за ней — мальчик с охапкой сена. Девочка тащила ведро с водой, и было видно, что оно тяжеловато для ее маленьких рук. Она подошла к Кеплиан и вежливо поклонилась.

— Пища и вода для путешественников, во имя Света.

Тарна шагнула вперед и с благодарностью напилась.

«Спасибо тебе».

Шенн потянулся к сену и, набив полный рот, с удовольствием принялся пережевывать его. Мальчик захихикал и погладил мягкий нос.

— Какой красивый... Спроси, как его зовут.

«Я Шенн — человек».

— Я — Кайрен, а она — Шеваун.

Юный жеребец на мгновение задумался, продолжая жевать.

«Вы — жеребята этой госпожи?» — в сознании детей возник образ Маурин.

Они захихикали.

— Да,— ответила девочка.— Но люди говорят не жеребята, а дети.— Она тоже нежно погладила Шенна.— Ты такой мягкий. У всех Кеплиан такая мягкая шкура?

Шенн приосанился. Зела усмехнулась — мысленно, конечно, так что это ощутил только он. Шенн предостерегающе дотронулся до нее копытом. Ему даже и не снилось, что эти люди окажутся такими интересными. Четверо Кеплиан вслушивались в детский лепет. Подумать только, эти человечки относились к ним как к

друзьям, как к равным! Они так сильно отличались от самих Кеплиан, но не испускали запаха ни страха, ни недоверия. Кобыла поглядела вниз на внимательные детские лица.

«Как вы узнали, что мы хорошие?»

Девочка выглядела удивленной.

— Плохой не может пройти мимо охранных рун у входа.

«А если у него огромная сила, сможет? Огромная сила Тьмы?»

Девочка уверенно покачала головой.

— Может, если он очень, очень сильный, но руны все равно предостерегли бы нас. Я слышала, как мама рассказывала о вас няне. Она сказала, что руны ответили на ваше прикосновение. Значит, вы принадлежите Свету.

Зела обдумала сказанное. Эта человеческая девочка вроде бы доверяет им, но интересно — насколько? Стоит посмотреть, как далеко она готова зайти на этом пути.

«Хотите прокатиться?»

Ответом ей был радостный визг. Дети вскарабкались на «сажальный» камень, установленный в центре двора. Кобыла подошла поближе, и маленькие легкие тела, извиваясь, начали устраиваться поудобнее на ее гладкой спине. Зела осторожно повезла их по булыжнику, Шенн с веселым изумлением наблюдал за этим зрелищем. Но тут дверь распахнулась, и во двор выбежала разъяренная няня.

Над детскими головками разразилась буря. Им давно пора быть в постелях; сколько можно гоняться за ними? У нее и так уже разболелась поврежденная нога, а впереди еще полным-полно дел, которые нужно переделать, прежде чем можно будет наконец отдохнуть.

Досталось и удивленным Кеплиан. Могли бы и сообразить, что в такое позднее время негоже задерживать детей, независимо от того, как воспитывают детей у них самих.

Все еще сердито бормоча, няня погнала своих подопечных в дом, но только после того, как Шеваун обняла Зелу за шею.

— Спасибо, что покатала нас.

Тарна, наблюдавшая за этой сценой, замерла, глядя, как девочка торопливо топает вслед за своим братом. Значит, вот они какие, человеческие жеребята. Это было так странно и интересно — что дети не боялись Кеплиан. Конечно, им можно было объяснить, что бояться не надо; но одно дело — слова, а другое — реакция при столкновении с реальностью. Однако они и в самом деле излучали полное доверие! Кобыла помнила, как ее названая сестра в ужасе отпрянула, когда их разумы соприкоснулись впервые. Но потом девушка все обдумала, приняла Тарну такой, какая она есть, и во второй раз ее восприятие существенно изменилось. Но это относилось к Элири. Совсем недавно Тарна слышала, как девушка предостерегала хозяев замка, чтобы они не стремились к полному слиянию с сознанием Кеплиан. Очень может быть, эти двое обречены всю жизнь читать лишь поверхностные мысли — все, что им доступно без вреда для себя.

Но... она пристально посмотрела на дверь, за которой исчезли дети... может быть, молодое поколение, которому не успели внушить, что надо держаться подальше от Кеплиан... Тарна потянулась к остаткам сена. Спешить некуда; у нее будет время все это обдумать.

Стояла уже глубокая ночь, когда приготовления Джеррани были закончены. В конце концов он вернулся в солярий, где ожидали Маурин и Элири. Они тоже

не сидели без дела — в углу громоздилась целая груда тщательно отобранного оружия и других нужных вещей. Все вкратце рассказали друг другу, что делал каждый. Джеррани поглядел на специальную размеченную свечу, какими здесь пользовались для определения времени. Было уже поздно. Если встать пораньше и тут же отправиться в путь... Его рассуждения были прерваны Элири. Он что, забыл? Отправится в путь она, одна. Ей необходимо добраться до каньона и договориться с остальными о том, что они примут участие в отвлекающем маневре. Только потом она поскачет к ручью, где встретится с Джеррани и Маурин.

— Погрузите все, что, по вашему мнению, может понадобиться, на пару вьючных лошадей,— закончила Элири.— Позже ваши люди смогут использовать их как запасных. Как только сражение начнется, мы поскачем прямо к Башне. Свет да будет с нами.

Они молча кивнули в ответ, и девушка зашагала к выходу. Поспала, а утром хорошенько позавтракала. Воин никогда не знает, как скоро придется есть в следующий раз. Когда Элири вместе с Кеплиан ускакала, в замке царила возбужденная суета. Как и договаривались, обратно ее нес Хилан. Он легким галопом понесся по каменистой земле, радуясь тому, как слияние их разумов раздвигает границы его восприятия.

Зела и молодой жеребец, которые скакали рядом, ощутили слабое эхо испытываемого им удовольствия. Зела почувствовала укол огорчения. Кто знает? А вдруг у нее никогда не будет всадника, который станет ей по-настоящему родным? Потом она вскинула голову. Вот именно — кто знает? Все может случиться — после того, как Башня будет разгромлена.

Они добрались до каньона и проскакали мимо рун, которые, как обычно, ярко вспыхнули. Кобылы и же-

ребята столпились вокруг. Элири спрыгнула на землю и объяснила, какой люди составили план. Кеплиан выслушали, поняли, обдумали и согласились. Кто именно будет сражаться, а кто останется здесь, чтобы заботиться о самых маленьких жеребятах, было решено заранее. Теперь те кобылы, которым предстояло участвовать в битве, протолкались вперед. Элири подсчитала. Почти двадцать. Хорошо. Кеплиан обладали способностью приближаться к созданиям Тьмы на более близкое расстояние, чем люди, которые слабели от ее зловония.

Девушка быстро зашагала к дому и достала связку заготовленных заранее факелов. Каждый из них представлял собой ветку с намотанной на него сухой травой. Дерево горело медленно, но давало яркий огонь. Прихватив факелы, Элири спустилась в подземный подвал. По ее команде двери открывались одна за другой. Она отобрала оружие и кольчугу для Джеррани. Теперь предстояло самое трудное.

Она остановилась, опустошив свое сознание, так что оно стало похоже на гладкую поверхность озера; ни малейшей ряби не пробегало по его поверхности. Потом в глубине что-то зашевелилось, точно рыба, которая скользит под водой, не выныривая на поверхность. «Рыба» проплыла и утонула. Элири ждала. Наконец, «рыба» вернулась и на этот раз взвилась вверх в серебристом прыжке. Прежде, чем Элири снова потеряла ее, девушка выкрикнула всплывшее в сознании слово.

— Сиэрен!

Мгновение казалось, что все древние камни вокруг вспыхнули, объятые пламенем. Потом позади нее они заскользили медленно и мягко; открылась еще одна, последняя дверь. Девушка нетерпеливо зашарила взглядом. Внезапно ее охватило отчаяние. Что там? Неужели ничего, кроме... Она вгляделась повнимательнее.

Похоже на ком старой влажной глины. Влажной? С тех пор, как дом покинули прежние владельцы, прошло много, очень много лет. Как глина могла оставаться влажной так долго, даже если она находилась в закрытом помещении? Элири вспомнила волшебные шкафы наверху; может, и здесь то же самое? Но оставался вопрос — зачем понадобилось прятать глину в таком потаенном месте? Девушка дрожащими пальцами коснулась матово поблескивающей поверхности.

Стараясь изгнать из головы все мысли, она предоставила рукам действовать самостоятельно, даже не вглядываясь в то, что они лепили. Покончив с этим, завернула свое изделие в кусок ткани. Ею, без сомнения, руководили высшие силы, и от них же последовало указание взять с собой то, что у нее получилось. Элири не противилась, хотя и не понимала причины. Зато она отчетливо ощутила, что могущественные силы так или иначе связаны с прежней хозяйкой этого дома. Ну что же, она доверится той, в чьих жилах текла та же кровь, что и у нее. Элири отнесла ткань и то, что было в ней завернуто, наверх, потом поела и поспала.

К полудню она уже далеко продвинулась по тропе, ведущей с гор вниз. Впереди скакали кобылы Кеплиан, вслед за ними — нагруженная лошадь. Элири сидела на Тарне, гарцевавшей с очень самодовольным видом. Хилан намного опередил остальных, разведывая путь.

Безо всяких приключений они добрались до предгорий, и Элири сделала привал, чтобы отдохнуть. Эту ночь они проведут здесь, а на рассвете закончат спуск и встретятся у брода с ее друзьями. По пути девушка без труда подстрелила нескольких прыгунов, которых вспугнул стук копыт. Теперь она отошла с ними в сторону. Кровь уже почти вытекла, и сейчас оставалось лишь освежевать и выпотрошить тушки. Внутренности она

сожгла, а связку шкур укрепила в развилке дерева, прикрыв сильно пахнущими листьями. Если все закончится хорошо, можно будет забрать их. Чтобы выжить в этой стране, нельзя допускать, чтобы добро пропадало, сколько бы его ни было.

Она сноровисто проткнула две тушки заостренным прутом и укрепила над костром, который уже потрескивал внутри круга камней. Остальные разрезала на куски и положила в горшок с водой, добавив туда зелень и травы, которые всегда возила с собой. Поутру ей будет некогда заниматься приготовлением еды; мясо, которое за ночь хорошенько протушится на медленном огне, обеспечит ей завтрак. Как только прыгуны как следует прожарились, Элири съела их, сильными зубами отрывая сочное мясо от костей.

Кеплиан уже дремали, стоя вокруг костра, когда она расстелила рядом с ними походную постель и легла спать. Ей снились сумбурные, но зловещие сны. Сначала появился Фар Трейвелер, взгляд его глаз с печалью был устремлен на нее, а пальцы сложены в знак предостережения. Потом его сменил Кинан, и дремлющее сознание Элири потянулось к нему. Их дружба продолжалась не слишком долго — и все же это был настоящий друг. Как сложилась его жизнь после ее ухода? Жив ли он? Скорее всего, нет. Интересно, сейчас он явился, чтобы тоже предостеречь ее? Фигура старика неторопливо двигалась среди холмов, и Элири поняла, что это Карстен. Кинан направлялся к маленькому кладбищу, где покоились его родные, и девушка последовала за ним.

Когда он добрался до места, она увидела, как в солнечном свете пламенеет цветами посаженный ею куст. Кинан одними губами произнес ее имя. Небольшой ветерок подул в сторону куста, и яркие лепестки посы-

пались на зеленую траву. Здесь все было пронизано ощущением мира и покоя, ощущением того, что долгое путешествие наконец завершено. Элири сдержала слезы, почувствовав, что было бы неправильно оплакивать его. Он сам выбрал и время, и тропу.

Потом она провалилась в глубокий сон без сновидений и утром почувствовала себя отдохнувшей. Вскочила на теплую спину Хилана, и маленький отряд рысью поскакал по тропе туда, где пенился и журчал ручей. Вскоре послышались звуки речи, Элири замахала друзьям рукой.

— Давайте не тратить времени даром,— сказал Джеррани.— Я посвятил своих людей в наши планы. Они согласны сражаться вместе с Кеплиан.

Элири кивнула, послав мысленное сообщение тем, кто ожидал в тени деревьев. Кеплиан поскакали к броду, дробно стуча копытами. Навстречу им вышли люди, ведя в поводу трех лошадей. Элири сняла со своей лошади тяжелый узел и развязала его.

— Джеррани, я нашла эту кольчугу у себя в доме. Она в точности такая же, как та, что я подарила Маурин. Надень ее. Тот, кому она когда-то принадлежала, в свое время тоже сражался с Башней. Ему было бы приятно узнать, что он так или иначе причастен к нашей битве.

Рубашка кольчуги свободно стекала с ее рук, поблескивая в солнечном свете. Металлические звенья отсвечивали, меняя свой цвет, точно масло на воде.

Без единого слова Джеррани надел кольчугу. До этого на нем была лишь кожаная рубашка с пришитыми к ней металлическими кольцами. Но это... Это был исключительный подарок. Интересно, сколько таких кольчуг в запасе у Элири? Сейчас ему было известно о трех. Может, есть и еще? Но он не стал спрашивать. Важно,

что теперь на каждом из них была надета такая кольчуга, и Маурин в ней будет в большей безопасности. По-настоящему его больше ничего не волновало. Он посмотрел на Элири и убедился, что кольчуга — это еще не все.

Из того же самого узла она достала кинжалы. У Джеррани перехватило дыхание, когда он увидел серебряные лезвия, мягко мерцающие в солнечном свете.

— Серебро?

Элири улыбнулась:

— Серебро, но особым образом закаленное. Они не менее острые, чем стальные. Возьмите их. Это оружие вдвойне опасно для Тьмы.

Джеррани отцепил свой кинжал и присоединил к нему протянутый Элири. Маурин сделала то же самое. Свою кожаную рубашку с металлическими кольцами Джеррани повесил на ветку, а кинжалы прицепил к поясу. Подошла Зела, он отвесил ей поклон и вспрыгнул на мощную спину. Когда его ноги обхватили ее, она сделала небольшой курбет, проверяя, насколько прочно он сидит. Джеррани засмеялся и погладил горделиво выгнутую черную шею.

— Я знаю, что могу оставаться здесь только до тех пор, пока ты сама желаешь этого. Я не забуду.

Джеррани проследил взглядом за тем, как усаживалась верхом его жена. Юный жеребец согнул задние ноги и слегка присел, чтобы ей, обремененной тяжелой кольчугой, было удобнее садиться.

Хилан, послушный указаниям Элири, медленно вошел в стремительный поток. В нагрудной части ее кольчуги, тяжело и неудобно оттягивая ее, была спрятана вещь, которую девушка сделала из глины. Элири незаметно передвинула ее, стараясь найти такое положение, при котором неудобство было бы минимальным.

Оставив позади ручей, друзья поскакали в сторону Башни. Уже совсем скоро отряд, который должен был отвлечь на себя внимание Башни, доберется до расти и начнет атаку. Во время этой схватки необходимо проникнуть как можно дальше в глубь Башни, оставаясь при этом незамеченными. Жара нарастала, в висках у них стучало, но они упорно продолжали свой путь.

В это время далеко к северо-западу скакали десять воинов вместе с восемнадцатью кобылами Кеплиан. Самый молодой паренек вел в поводу трех запасных лошадей. Все остальные были опытными воинами, однако чувствовалось, что они не только насторожены, но и нервничают. Кто знает, чего можно ожидать от этих Кеплиан? Даже голубые глаза их предводителя не могли в полной мере убедить людей в том, что их новые товарищи принадлежат Свету.

Пехнан хранил молчание. Людей невозможно ни в чем убедить против их желания, да это и не нужно. Важно, чтобы они сражались, и пока это будет происходить, его не волновало, что они думают. Он возглавил отвлекающий отряд непосредственно перед тем, как произошла встреча с людьми. В его задачу входило привести этот отряд к расти, а потом можно будет покинуть его и вернуться к той, в ком течет кровь его дорогих хозяев. Скоро, совсем скоро он воссоединится с ними.

На территории расти повсюду видны были норы, в которые прятались самки, когда приходило время рожать. Лошадь, на которой сидел юноша, обходила их бочком, высоко поднимая ноги и раздувая ноздри. Внезапно ее задняя нога соскользнула в отверстие норы, и лошадь пошатнулась, испуганно заржав. Не ожидая этого, юноша соскользнул с ее спины и упал на землю. Две самки расти тут же бросились в атаку, но

две кобылы тоже не дремали. Зубы расти едва не вонзились в горло юноше, пока он барахтался на каменистой земле, пытаясь встать на ноги. Однако кобылы Кеплиан успели подскочить раньше. Две черные головы с прижатыми ушами змеиным движением молниеносно наклонились — и расти отступили. Но было уже поздно. Копыта превратили их в кровавое месиво, ко всеобщему удовлетворению.

Воин, возглавляющий отряд, почувствовал себя спокойнее. Конечно, Кеплиан не совсем обычные союзники, но, без всякого сомнения, на них можно положиться. Юноша, шатаясь, встал на ноги и, прежде чем взгромоздиться на свою взмыленную лошадь, неуклюже поклонился кобылам. Отдал им честь, как положено,— ведь теперь он был перед ними в долгу. Отряд двинулся дальше, и на сердце у людей полегчало. Вроде бы ничего особенного не произошло, и все же начало боевому доверию было положено. Вскоре они добрались до главных нор, рядом с которыми лежали груды выкопанной земли.

Хозяин Башни пришел в ярость. Разве этим глупцам не было приказано не тратить понапрасну силы? Ну что же, наказание последует незамедлительно — и такое, что они не скоро его забудут. Он потянул энергию из своего пленника, собираясь излить ярость на ослушников. Его внимание оказалось сосредоточено исключительно в северном направлении, там, где Свет вел свою битву — и не без успеха.

И люди, и Кеплиан воспользовались мудрым советом самого старшего, опытного воина — почаще нырять в бегущую воду, куда расти ходу не было. Выскакивая оттуда, они наносили удар за ударом — и снова отступали к ручью. Раненых расти было уже немало, но никто еще не погиб. Хозяин Башни, трепеща от

ярости и забыв обо всем на свете, все свои усилия направлял на то, чтобы обнаружить врага.

В самый разгар битвы к основанию Башни прибыли семеро. Там их уже поджидал огромный черный жеребец, с глазами, полыхающими такой голубизной, что, казалось, из них сыпались искры. Он встал на дыбы и издал мощный мысленный возглас, прозвучавший подобно победному звуку труб:

«Время пришло!»

Его фигура начала искажаться, усыхая прямо на глазах, и вот уже Элири спрыгнула на землю и подхватила свой кулон. Зажав его в руке, она подошла к основанию Башни в том месте, которое ей указал Ромар. Подняла кулон и, что-то негромко говоря себе под нос, крошечным копытом легко пробежала по границе каменного блока. В том месте, где кулон касался поверхности Башни, возникала слабая вспышка. Камень заскрипел, застонал и медленно заскользил в сторону. Перед ними открылся широкий ровный путь, ведущий в темноту. Элири повернулась к Кеплиан:

— Охраняйте этот вход до нашего возвращения или пока не станет ясно, что мы погибли.

Она нежно обняла каждого из них, расправила плечи и решительно прошла под аркой. Вслед за ней шагали Маурин и Джеррани. Кеплиан остались сторожить вход, слушая, как затихают их шаги. Им предстояло долгое ожидание.

15

На берегу бушевал бой. Теперь между Кеплиан и людьми установилось полное доверие — Кеплиан уже столько раз спасали людям жизнь, что у тех не осталось и тени сомнения. То одна, то другая кобыла Кеплиан

оттаскивала расти от горла упавшего на землю человека и тут же наносила разящие удары обезумевшему зверю, повисшему на ее гладкой шкуре. Расти вцеплялись намертво, их зубы могла разжать только смерть. Стрелки из лука, заняв позицию на высоте, тоже вносили свой посильный вклад, а когда стрелы кончились, бросились в бой, яростно орудуя копьями. Противников расти было меньше тридцати против двухсот с лишним, но они умело использовали особенности местности и тот факт, что стремительные броски в бегущую воду спасали их даже от самой массированной атаки.

Расти были неумны. Их подгоняло чувство голода, ярость и жажда крови, но разработать хоть какую-то тактику они были не в состоянии. Весь расчет у них делался на то, чтобы ошеломить противника свирепостью и количеством. Вдобавок слепое негодование и высокомерие Башни, которая требовала прекратить борьбу, сейчас только мешали им.

Хозяин Башни все еще не понял, что расти дерутся с его же врагами. Он думал, что это, как обычно, разгорелась старая вражда между расти и Серыми. Его давление на расти приводило к тому, что их атаки оказывались менее действенными. Обезумев от крови и боевой ярости, они не обращали внимания на приказы, которыми осыпал их повелитель, только сила его воздействия замедляла их движения. И, что было гораздо важнее, все внимание хозяина Башни оказалось отвлечено от того, что происходило внутри нее самой.

А там, по туннелю из массивных древних стен, торопливо шагали три человека с горящими факелами в руках. Перед внутренним взором Элири маячило бескровное лицо, искаженное, почти нечеловеческое. Глаза умоляли ее поторопиться, и она спешила изо всех сил, почти мчалась вдоль покрытых слизью стен. Сле-

дом за ней, с кинжалами наготове, бежали Маурин и Джеррани. В конце концов они остановились, глядя на то, что предстало их взорам.

— Может быть, мы бежали по кругу? — спросил сбитый с толку Джеррани.

Снаружи Башня выглядела большой, и все же не настолько, какой она казалась внутри. Они бежали по туннелю уже почти полчаса, все время практически по прямой. Теперь перед ними открылась огромная пещера. Сводчатый потолок терялся в высоте. Извилистая тропа уходила в темную глубину, и по краям плит, которыми она была вымощена, слабо светились руны.

— Этот путь показал мне Ромар,— негромко сказала Элири.— Он думал, что так будет безопаснее всего добраться до цели, потому что хозяина Башни это место пугает. Может быть, тут у нас есть союзники?

Ощутив натяжение в области шеи, девушка сняла кулон со шнурка. Поставила Пехнана на землю и отступила, сделав друзьям знак молчать. Стены, по которым струилась вода, закурились туманом, который окружил кулон. Когда туман рассеялся, перед ними вновь стоял огромный жеребец.

«Следуйте за мной»,— с этими словами он ударил по каменному полу копытом.

Настороженно оглядываясь, они гуськом побежали по тропе. Руны, мимо которых они пробегали, с каждым шагом светились все ярче. Казалось, этот свет рассыпался крошечными мерцающими пылинками, которые кружились в водовороте, прилипая к более высокой части стен и там, как показалось Элири, складываясь в новые руны. Одновременно у нее возникло очень странное ощущение — как будто по мере продвижения вперед она становилась все меньше. Как будто пещера выросла в размерах, а они превратились в насекомых,

ползущих по бесконечному пути в неизвестное будущее, недоступное их пониманию. Успокаивал лишь тот факт, что Пехнан продолжал уверенно скакать вперед.

Совершенно неожиданно пылинки света сформировали перед ними нечто вроде серой каменной колонны. Элири с беспокойством остановилась. Что это? Она взглянула на жеребца, который неподвижно замер перед колонной. Никакого сигнала он не подавал, и девушка терпеливо ждала, глядя на световые пятнышки, ползущие по поверхности колонны. И вдруг удивленно отступила. Из этой игры света и тени на поверхности колонны стали проступать знаки — или ей померещилось? У нее за спиной глубоко вздохнула Маурин.

Элири повернулась:

— Что это?

— Как-то раз, много лет назад, когда я была еще ребенком, мы поехали в гости к Духаун. Она рассказала мне историю об одном из Великих, который жил далеко от тех мест, где находится Долина. Он был не плохим человеком — просто легкомысленным. В конце концов, натворив немало глупостей и причинив вред тем, кого любил, он удалился от людей.

Внезапно Элири осенило.

— Интересно, был ли он знаком с моими предками из каньона? И если да, то, может быть, это обстоятельство послужит своего рода пропуском для нас?

— Не знаю. Но Духаун показывала мне его старый портрет. Там по нижнему краю тоже шли руны, и они выглядели в точности, как эти.— Она кивнула на колонну.

— Как его звали?

Не говоря ни слова, Маурин наклонилась и принялась писать в пыли, тонким слоем покрывающей камни. Элири поняла, почему она так действовала,— ей

уже давно было известно, какой силой обладало в этой стране изреченное слово. Элири прочитала его и несколько раз мысленно повторила, пока не убедилась, что запомнила. И решительно подошла к колонне. Да, это действительно были руны, и последняя из них представляла собой имя. Девушка мягко обвела ее пальцем, глубоко вздохнула и... произнесла имя.

Вспыхнул свет — точно ударила молния. Сила взревела, и возникло ощущение, как будто некто открыл спросонья глаза и внимательно изучает ее. Элири стояла непоколебимо, не мешая тому, кто разглядывал ее, понять, кто она такая и что здесь делает. Потом ощущение чужого присутствия исчезло, но зато вздрогнули по очереди Маурин и Джеррани — когда «это» исследовало и их. И вдруг все кончилось так же быстро, как и началось.

У их ног одна за другой запылали руны, указывая путь. Возникло ощущение, что хотя нельзя было сказать, что им не рады, но все же будет лучше, если они поскорее покинут это место. Однако, по мнению Элири, уходить было еще рано.

Она шагнула вперед и заговорила доверительным тоном, как если бы обращалась к другу:

— Ты не спросил, и все же мне хочется, чтобы ты знал: в моих жилах течет кровь тех, кого ты, возможно, знал.

Девушка постаралась как можно точнее нарисовать в своем воображении лица тех, кто когда-то владел каньоном, и ощутила внезапный прилив интереса. Тогда она очень тщательно припомнила все, что произошло, когда туман позволил ей войти. Рассказала, как была огорчена тем, что не успела узнать о своих предках побольше, что они так быстро покинули ее.

Теперь таинственная сила ожила, явно заинтересовавшись ее историей. И очень быстро разобралась во всем. Поняла, как Элири прибыла в этот мир, как встретилась с Тарной и Хиланом, а потом и с предками, признавшими в ней свою наследницу. Когда сила узнала о том, что произошло с Ромаром, она испытала чувство смутного гнева — оказывается, в месте ее упокоения обитало Зло.

Как говорил Ромар, всякий обмен мыслями — это улица с двусторонним движением. В свою очередь, Элири поняла, что здесь мало что осталось от человека, который покинул Башню давным-давно, унеся с собой большую часть силы. Он ушел отсюда в поисках другого дома, но какая-то часть его по-прежнему оставалась в этом месте, которое он так любил. И сила этого человека была столь велика, что даже слабая тень его все еще была способна сделать другому дар.

Девушка медленно покачала головой:

— Нам не нужно ничего. Просто не относись к нам плохо и дай возможность пройти.

Ответом на ее гордость было ощущение веселого изумления. Потом нахлынули воспоминания. Женщина из каньона приходилась ему родственницей. Пусть та, в чьих жилах течет ее — а значит, и его — кровь, возьмет то, что принадлежит ей по праву. Светлые пылинки взлетели и мягко опустились на Элири, покрыли ее с ног до головы и исчезли. В сознании зазвучали слова. Девушка выслушала — и согласилась. Похоже, она и впрямь обладала правом, которое дает кровное родство. Элири подняла свой кинжал и проследила взглядом, как пятнышки света утонули в нем. Потом она повернула голову.

— Джеррани, Маурин, выньте из ножен свое оружие.

Мерцающие точки снова вспорхнули и накрыли сначала их, а потом поднятые кинжалы.

Элири снова повернулась лицом к колонне и поклонилась, как и подобало воину:

— Спи спокойно, далекий родственник. Я сделаю все, что в моих силах.— Она опустила кинжал и коснулась им камня.— Мать-Земля, ты слышала мое обещание.— Кинжал поднялся, указывая вверх.— Отец-Солнце, ты слышал мои слова. Пусть смерть покарает меня, если я солгала.— Она вскинула руку в коротком воинском салюте, повернулась и зашагала вперед.

Позади нее колонна с мягким скользящим звуком рассыпалась в прах. Руны все еще светились, но заметно слабее; следовало поторопиться.

Они поспешно устремились вперед. Где можно, бежали, а когда путь преграждали камни, переходили на быструю ходьбу. Друзья не задали Элири ни одного вопроса о том, что означали ее недавние слова. Это их не касалось, и к силе следовало относиться уважительно, чтобы не рассердить ее. Жеребец тоже молча скакал впереди. Элири усмехнулась. По правде говоря, у них был весьма разношерстный отряд, но кто знает? Может быть, именно эта его особенность и поможет им сбить с толку врага.

Внезапно путь приобрел резкий наклон вверх. Они прошли под аркой и обернулись, услышав шорох. Позади, прямо у самых их пяток, выросла шероховатая каменная стена.

— Ну, что же...— Джеррани провел кончиками пальцев по грубой поверхности.— Я так понимаю, обратно тем же путем мы не пройдем. Даже в воздухе совсем другое ощущение.

Маурин кивнула.

— Это больше не место того Великого, с которым разговаривала Элири. Это место, где обитает наш враг, и поле боя, который нам предстоит. Путь к отступлению отрезан, даже если бы мы захотели вернуться, поэтому давайте двигаться дальше.— Ее лицо приобрело жесткое выражение.— Лично я возвращаться не желаю. Впереди нас ждет Ромар. Мы его освободим, или я погибну, спасая его. Третьего не дано.— Она поймала взгляд мужа.

Тот угрюмо кивнул.

— Он — твой брат, а мне — друг и брат по мечу. Ни ты, ни я не отступим. А ты? — Он посмотрел на Элири.

Как им объяснить, чтобы они поняли?

— Я здесь, потому что мне приказали высшие силы и потому что я связана своей собственной клятвой. Лучше смерть, чем предательство.

Не давая им возможность расспросить ее, девушка зашагала вперед. Высокие, мягкие мокасины из телячьей кожи беззвучно ступали по гладкому полу. Друзья последовали за ней, и никого почему-то не удивило, что жеребец, по-прежнему возглавлявший шествие, тоже двигался по твердому мрамору совершенно бесшумно. Он как будто не скакал, а скользил, обнюхивая стены. И внезапно подал сигнал.

— Дверь? — Джеррани подошел поближе.— Да.

Он мягко толкнул ее, но безрезультатно. Разглядев повнимательнее, обхватил пальцами резную розу и потянул на себя. Дверь открылась. За нею клубился мутный туман, который тут же пополз в их сторону. Вздрогнув, Джеррани отпустил дверь, и она снова захлопнулась.

— Его здесь нет, мне кажется. Пойдем дальше, поищем другие.

Никто не возражал. Какое-то давящее чувство, возникшее в этом длинном коридоре, заставило всех хранить молчание. Еще дважды они открывали двери, и оба раза это оказывалось не то. В одном случае перед ними раскинулась бескрайняя пустыня — кустарник, песок, плотно пригнанный булыжник, сухой и жаркий воздух. В другом за дверью водоворотом кружились большие хлопья снега, отчетливо различимые на фоне стылого черного неба.

Пробегая кончиками пальцев по стене, Элири внезапно ощутила под ними неровность. Точно, здесь была еще одна дверь, на поверхности которой был вырезан вставший на дыбы Кеплиан. Девушка подозвала Пехнана. Он взглянул сначала на изображение, а потом на Элири, и ей почудилось, что в его больших глазах возникло выражение печали. Мягкий нос жеребца прикоснулся к вырезанному на двери, и дверь открылась.

Они заглянули внутрь. Маурин вскрикнула и рванулась вперед, но Джеррани удержал ее.

— Успокойся, любимая. В ловушке всегда устанавливают ту приманку, которая скорее всего привлечет жертву. Давайте сначала хорошенько рассмотрим, что там такое, а уж потом полезем в паучье логовище.

Он оттащил жену и движением подбородка показал Элири, чтобы она заглянула внутрь. На первый взгляд человек, развалившийся в кресле, очень походил на Ромара, но... Да, пожалуй, этот человек выглядел слишком откормленным, слишком холеным. Изнеженные руки, хорошая одежда. Конечно, вот уже несколько месяцев Ромару не приходится пускать в ход руки, но до этого он много лет вел жизнь охотника и воина. У любого наездника сухожилия делаются крепкими, а мышцы сильными, в то время как руки того, кто сидел сейчас перед Элири, явно никогда не знали работы, так

расслабленно и вяло лежали они на коленях. Девушка указала на это отличие Маурин, которая по-прежнему пыталась вырваться из хватки мужа.

— Это не Ромар.

— Тогда кто же?

— Приманка, созданная специально для того, чтобы заманить нас внутрь,— предположил Джеррани.

Его жена покачала головой:

— А может, и нет. Я слышала о том, что можно создавать образы, лишенные четких характерных черт. Посмотри на его одежду. Так мог бы быть одет человек любого пола.

Элири, пристально глядя на сидящего в кресле человека, отрывисто бросила:

— Отведите взгляды, быстро. И не смотрите, пока я не скажу.

Она постаралась как можно лучше припомнить Кинана. Ему это не причинит вреда — его дух теперь далеко, там, куда так стремился. А им, может быть, и будет польза. Девушка медленно перебирала одно воспоминание за другим. Вот Кинан сидит, скрестив ноги, и учит ее языкам нового для Элири мира. Вот Кинан чистит лошадь, большие руки нежно гладят грубую шкуру. А вот Кинан, каким она видела его последний раз в жизни. Облаченный в наряд, который она сшила ему, рука вскинута в знак прощания. Это последнее воспоминание было пронизано печалью. Постаравшись удержать его в сознании, она шагнула к распахнутой двери. Кинан, который сидел теперь в кресле, поднял голову и поманил ее внутрь.

Она отшатнулась. Пародия на ее старого друга, вот что это такое. Возникло острое желание уничтожить приманку, но сейчас нужно было думать не об этом. Объяснять ей ничего не пришлось, они и сами догадались.

— Теперь у него лицо того, кого ты вызвала?

— Да.

— Будем пытаться уничтожить подделку или пойдем своим путем? — мягко спросил Джеррани.

— Пойдем своим путем. Думаю, никакой собственной силой это создание не обладает. Просто сидит и ждет, пока кто-нибудь не попадется в расставленную ловушку,— ответила Маурин.— Вопрос в другом. А именно — может ли эта штука каким-то образом сообщить своему создателю, что ловушка не сработала? Если да, то нам лучше поспешить.

Никто не возражал, и все торопливо последовали за Пехнаном, который по-прежнему возглавлял маленький отряд.

Теперь коридор напоминал винтовую лестницу, и, хотя в нем не было окон, Джеррани чувствовал, что с каждым кругом они поднимаются все выше. Стены начали светиться; сначала совсем незаметно, потом все ярче. И вдруг идущий впереди Пехнан исчез. Элири негромко вскрикнула, рванулась вперед и подхватила кулон.

— Почему? Почему он покинул нас именно сейчас?

Джеррани оглянулся по сторонам, пытаясь понять причину.

— Стены,— сказал он.— Посмотри на стены.— Огонь упорно расползался по древним камням. Тускло-красное свечение испускало дым, оставляя после себя грязно-черные следы. Джеррани осторожно протянул к нему руку.— Это сила, не настоящий огонь; жар не ощущается.— Он взглянул на кулон в руке Элири.— Может быть, Пехнану оказалось не по силам пройти сквозь это в том виде, в каком он был. Ничего страшного, ты пронесешь его как кулон.

— Может быть,— обеспокоенно сказала Элири.— Не нравятся мне эти стены.

— Мне тоже,— согласилась Маурин,— но у нас лишь два выхода. Повернуть назад или пойти вперед. Я не уйду отсюда без Ромара.

Элири пожала плечами:

— Тогда пошли, и да не оставит нас Свет.

Теперь впереди медленно шла она, за ней Джеррани, Маурин замыкала шествие. Огонь вокруг все разгорался, чернота быстро расползалась по сторонам. Пол в направлении их движения тоже почернел, прорезанный лишь огненными струйками, складывающимися в руны, на которые они старались не смотреть. Потом снизу начал подниматься туман, тоже черный, окаймленный тусклым красным свечением, которое одно сейчас и давало свет. Элири вытащила кинжал, а кулон бросила в пустые ножны. У нее возникло ощущение сильного притяжения, и, как только она осознала это, стало ясно, что оно владеет ею уже несколько минут. От кого оно исходило? От Ромара или от кого-то еще? Как бы то ни было, тот, кто ее звал, находился впереди.

Она потянулась сознанием к источнику этого призыва, примерно так, как поступала, «разговаривая» с Кеплиан. Призыв, казалось, усилился, но уверенности в этом не было. Элири постаралась вызвать в памяти лицо Ромара. Потом, продолжая медленно идти вперед, представила себе, как прикасается кинжалом к этому лицу. И ощутила, как сила мощным потоком хлынула туда, где, как ей казалось, находился Ромар.

Одновременно оттуда пришло предостережение — впереди опасность! — и кое-какие сведения, до сих пор ей неизвестные. Энергия Ромара иссякала; хозяин вытягивал из него все возможное, пытаясь остановить сражение на севере. Однако здесь, в Башне,

время текло не так, как снаружи. Если они будут продвигаться вперед без задержек, шанс успеть вовремя еще есть. Защита Башни, в основном, носила автоматический характер, что позволяло, не обнаруживая своего присутствия, добраться практически до самого ее центра.

Связь с Ромаром слабела с каждым мгновением. Однако прежде, чем она окончательно сошла на нет, Элири ощутила его безмерную усталость и отвращение к навязанной ему роли. Девушка сжала кулаки. Лучше умереть, чем оказаться во власти Тьмы. Если у них ничего не получится, она будет молиться Ка-диху, чтобы он позволил ей дать Ромару единственный доступный ей дар — незапятнанную смерть.

Элири повернулась, чтобы рассказать друзьям о том, что сейчас испытала. Позади не было ничего — только густой, свивающийся кольцами туман. Никакого признака Джеррани и Маурин. Элири выругалась.

Она позволила заморочить себе голову! Может быть, где-то свернула, а они нет? Или что-то, крадучись, подползло по стенам и утащило их? В таком месте можно всего ожидать. Первый импульс был — повернуть обратно, но возникло ощущение, что это было бы ошибкой. Может быть, идея в том и состояла — заставить ее ринуться назад, позабыв о том, зачем она здесь оказалась? Элири стиснула зубы. Она поклялась — и продолжит путь. Одна, если не получится иначе, молясь о том, чтобы снова встретиться с друзьями. Сжимая в руке кинжал, она решительно зашагала дальше, в том направлении, откуда по-прежнему слышался слабый призыв.

Туман углубился, потемнел, из него одна за другой начали возникать призрачные фигуры. В первый момент Элири замедлила шаг, но выручила характерная

для нее психическая устойчивость. Эти люди были мертвы или находились в другом мире. Они никак не могли оказаться здесь. Это — всего лишь пугала, созданные специально для того, чтобы заставить ее повернуть обратно. Но ничего у них не получится.

Перед ней стоял согбенный Кинан с горькой улыбкой на лице.

— Я любил тебя как дочь. Я доверял тебе, а ты оставила меня умирать в одиночестве.

Обвинение против воли ужалило ее. Она долго и трудно раздумывала, прежде чем решилась покинуть Карстен. Может, и в самом деле ей просто захотелось избавиться от старика? Элири вскинула голову. Нет! Никаких подспудных побудительных мотивов у нее тогда не было и нечего их выдумывать. Кинан сам согласился, сам, по доброй воле; он хотел, чтобы она шла своим путем.

Она посмотрела в лицо призрачной фигуре.

— Мне больно, что пришлось покинуть тебя. Больно, что ты умер в одиночестве. Но не надо взваливать на меня одну эту ношу; ты сам сделал свой выбор.

— Потому что видел, что не смогу удержать тебя.

Элири покачала головой.

— Потому что ты любил меня. Любовь не затворяет дверей, не стремится удержать любимых в заточении. Я не призывала тебя сюда. Моя любовь и добрые пожелания всегда с тобой, но теперь уходи.

Слезы ручьем бежали по ее щекам, но девушка решительно зашагала вперед. Фигура растаяла в тумане и исчезла. Впереди сформировалась другая. Элири вздрогнула, когда поняла, кто это: ее дядя. А рядом с ним... Ну, конечно, тетя. Кинана она любила и поэтому говорила мягко даже с его призраком. Эти двое вызывали в ее душе только ненависть.

Она продолжала идти вперед, не сворачивая. Пусть попробуют остановить ее, если смогут. Когда она встретилась с ними грудь с грудью, ее пробрал холодный озноб. Они вцепились в ее запястья и зашипели свои оскорбления, которые запомнились ей навсегда. Как же они презирали ее!

Но теперь Элири уже не была ребенком. И понимала, что это просто новая хитрость — Зло упорно старалось сбить ее с правильного пути. Но никакие отголоски изжившей себя боли не остановят ее. Хватка призрачных рук должна ослабеть, такова ее воля!

— Я ничем вам не обязана,— спокойно сказала она, выставив перед собой кинжал как преграду.— Вы ничего не сделали для меня, и я вам ничего не должна. Я не призывала вас сюда и хочу, чтобы вы ушли. Освободитесь от меня, как я всегда была свободна от вас.

Говоря это, Элири не кривила душой. Они всегда боялись ее силы, ненавидели за дух, который невозможно сломить. Она была сильнее их с самого начала. Против воли в душе девушки вспыхнула жалость. Этого они вынести не смогли — призрачные фигуры истончились и исчезли. Против страха или ненависти они устояли бы, но против жалости были беззащитны.

Потом возникла фигура, появления которой она ожидала с замиранием сердца. Фар Трейвелер с перьями орла в косе. Его вид привел Элири в ужас. Гниющая плоть еле держалась на коричневых костях, зловонное дыхание вырывалось между оскаленных зубов. Позади него возникла еще одна фигура: женщина из социальной службы, с перекошенным от злости лицом. Именно она заговорила первой:

— Теперь я нашла тебя, и ты пойдешь со мной, девочка. Закон запрещает детям жить в одиночестве.

Элири отпрянула, не сумев сдержать злости, и тут же почувствовала, как кинжал дернулся в ее руке. Сила предостерегала: эмоции могут служить оружием, но одновременно таят в себе опасность. Девушка изо всех сил постаралась успокоиться.

— Я больше не ребенок и прожила здесь уже пять лет. Ваш закон не распространяется на меня и не властен в этом мире.— Когда женщина схватила ее за руку, Элири обуял давно забытый страх.— Закон против вас,— повторила она.— Упорствуя, вы сами нарушаете закон.— Фигура нервно передернула плечами, с недоверием глядя на Элири. Девушка собрала все свое мужество и швырнула ей в лицо.— Вы всегда придерживались буквы закона, неужели сейчас пойдете против него? — С видом недоумения и гнева женщина покачала головой. Она была социальным работником; ее деятельность всегда опиралась на закон.— Тогда уходите, или закон обернется против вас, и вам не сдобровать.

Фигура сморщилась, задрожала и превратилась всего лишь в еще один сгусток тумана.

Остался один, последний вызов. Слезы хлынули из глаз Элири, когда она обняла прадеда. Какое ей дело до зловония, до того, как он выглядел? Это был ее защитник, ее учитель, ее кровь.

— Элири, Элири, так я назвал тебя. И в самом деле, странными путями ты ходишь. Но больше не нужно бороться. Пойдем со мной, и ты отдохнешь. Стань снова дочерью моей дочери.

— Я дала слово.

— Кому? Какое право он имел связывать тебя обещанием? Пойдем со мной.— Голос был полон нежности.

— Я дала слово. Разве может воин нарушить свою клятву? Разве этому ты меня учил?

Кинан обхватил ее рукой за плечи, а Элири не сводила взгляда с любимого лица, еще раз ожившего для нее. Потом он заговорил снова, на этот раз более настойчиво:

— Я скучаю по тебе, дитя моего сердца. Неужели ты покинешь меня? Неужели в духовном мире я буду жить один, без тебя? Оставь тех, кто тебе не родня, и пойдем со мной.

Чары едва не сработали, так сильно она любила его. Но вот эта последняя фраза... Элири осторожно выскользнула из любимых рук.

— Они — родня мне, и мой долг им помочь. Я дала клятву воина тому, кто доверился мне. Здесь мои друзья. Разве могу я покинуть их, предоставив сражаться в одиночку? Разве могу обречь на смерть того, кто одной со мной крови?

— Ты осталась одна, твои друзья сбежали.— Его лицо исказилось от гнева.— Дурочка, упрямая дурочка, ты всегда была такой.— Теперь он сделал вид, что боится за нее.— Не ходи этим путем. Пойдем со мной, и ты окажешься в безопасности.

Плечи ее поникли, точно на них внезапно навалился тяжелый груз. Элири заплакала, но тем не менее упрямо двинулась вперед.

— Не могу. Ты сам учил меня, что нельзя нарушать клятву, что кровь должна стоять за кровь, что держать слово надо, даже если друзья предали тебя.

— Если ты не послушаешься меня, я никогда больше не приду к тебе.

Она смахнула слезы:

— Ты — просто мое воспоминание. Ты не тот человек, которого я любила.

Она повернулась лицом к старику и постаралась изгнать из своего сознания его образ, позволила ему уйти,

отпустила его. Туман заволновался и растаял. Перед ней возник широкий и длинный коридор с мраморными стенами, на которых не было никаких признаков странного, сверхъестественного огня. Позади раздались шаги, и, повернувшись, Элири увидела своих друзей. Оба были бледны, но в глазах сквозила решимость. Подойдя, каждый из них взял ее за руку. Все трое замерли, радуясь тому, что они снова вместе. И выдержали испытание.

— Я видел тех, кого любил и боялся,— негромко произнес, в конце концов, Джеррани.— Мне пришлось сделать выбор.

— То же самое происходило и со мной,— сообщила Элири.— И все же мы по-прежнему здесь.

Маурин вздохнула:

— Мне предлагали удивительные вещи, но только если я соглашусь навсегда потерять Ромара и многое другое, что люблю.

Элири высвободила руки и улыбнулась им обоим:

— Мы все сделали свой выбор. А теперь в путь — нужно выяснить, что это нам даст.

Они бок о бок зашагали по широкому коридору. Элири знала, каким образом она выиграла свою битву, но ей было интересно, с чем именно пришлось столкнуться остальным. Что за «удивительные вещи» предлагали Маурин? Девушка украдкой поглядывала то на нее, то на Джеррани, шагавшего с другой стороны. Интересно, что ему Тьма обещала за то, чтобы он предал их всех? Любопытство овладело ею, но, усмехнувшись, она отогнала его. Это не ее дело. Кроме того, у них хватало забот и помимо отвергнутых искушений.

В сознании Маурин продолжали ворочаться обрывки воспоминаний о том, что происходило в тумане. Только что Джеррани шел рядом с ней, и в следующее мгновение его не стало. Она бежала, звала мужа по

имени, хотя и боялась привлечь к себе внимание. Выхватила кинжал и принялась горячо молиться всем, кто был на стороне Света. Потом начались видения.

Джеррани тоже вспоминал — и содрогался от ярости. Они угрожали, но он остался непоколебим. Но, ох, боги! Его поражение было всего в двух шагах! Еще миг, и он мог бы не выдержать. Джеррани крепче сжал руку Маурин.

16

Схватка на берегу продолжалась, вспыхивая то там, то здесь с новой силой. Речной песок окрасила кровь павших и раненых. Из десяти воинов уцелело только шесть. Кобылы, как более подвижные, ухитрялись наносить удары почти без вреда для себя, а если все же получали серьезные ранения, тут же выходили из игры. Поначалу их было восемнадцать, а теперь лишь половина кружилась в водовороте схватки, сражалась бок о бок с людьми. Одна Кеплиан лежала мертвая рядом с расти, разорванной буквально на клочки; другие, то и дело спотыкаясь, скакали в направлении каньона. Если бы у сражающихся было время обращать на это внимание, они заметили бы, что сейчас глаза всех кобыл изменили свой цвет на сапфирово-голубой; они стали полноправными созданиями Света.

Командир отчетливо и громко выкрикнул приказ. Повинуясь ему, кобылы встали в кружок головами наружу. Вокруг этой группы расположились воины, нанося разящие удары по расти, которые, как безумные, бросались на противников, ощетинившихся копьями.

Башня рвала и метала, продолжая оказывать давление на сознание расти, но все без толку. Запах погибших, зловоние крови — все это привело к тому, что

теперь ими овладело только охотничье неистовство. Жажда убивать и пожирать добычу затмила все. Однако Башня не отступала, полностью захваченная своими попытками воздействовать на сознание взбесившихся животных. Ее хозяином владело одно желание — заставить их повиноваться ему. Он снова и снова вторгался в сознание расти, требуя, приказывая прекратить сражение.

Он тянул и тянул энергию из своего раба, хотя даже ярость не мешала ему чувствовать, что тот уже почти без сил. А, плевать! На что еще годятся такие глупцы? Сильный пожирает слабого, таков закон жизни. В случае чего, найдутся и другие — когда он выберет время заняться ими. О двоих, к примеру, он прочел в сердце этого человека. Они даже сами не догадываются, насколько сильны. Он сможет многое из них выжать, когда подчинит себе.

Хозяин Башни продолжал атаковать расти, добиваясь их повиновения. У его раба, однако, было больше сил, чем казалось. Очень осторожно и умело, он с успехом удерживал своего господина от нападения на Серых, с которыми, по мнению того, сражались расти.

Кроме того, у Ромара хватило сил открыть древнюю дверь, а в глубине сознания сохранить укромное местечко для своей личности, непобедимого духа и остатков силы, которая могла понадобиться ему самому. Умудрился он скрыть от своего господина и тот факт, что помощь приближалась. Чем ближе подходили его спасители, тем явственнее Ромар ощущал прикосновение Света. И, конечно, его сестра-близнец была среди них. Он с трудом подавил охвативший его ужас. Свет, пусть только Маурин не попадет в руки «этого»! А что если она угодит в одну из ловушек, расставленных вдоль пути? На то, чтобы обезвредить их, сил у Ромара уже

не хватало. Чтобы добраться до него, его освободителям придется полагаться только на самих себя.

И все же крошечное пламя надежды потихоньку разгоралось все ярче. Он чувствовал, что они упорно движутся в его направлении, хотя им приходилось сражаться снова и снова; Ромар то и дело ощущал отголоски какой-то борьбы. Когда его спасители подошли поближе, он понял, кто были двое других. Его брат-по-мечу, ах, боги, ну конечно! Кто еще, кроме Джеррани?

Узнал он и спутницу Маурин и ее мужа; разве не ей он являлся во сне на протяжении долгих месяцев своего заточения? Ромар постарался припомнить ее как можно лучше. Внешне девушка выглядела почти как любой другой представитель его расы, но дух, который горел в ней, был иным; чувствовалось, что она родилась не здесь, а где-то совсем в другом месте. Не плохом — просто другом. Она принадлежала Свету, это он чувствовал сердцем. Ромар с чувством нежности представил ее себе: четко очерченные черты лица, серые глаза, похожие на грозовое небо, шелк черных волос, вздымающихся за спиной.

Гордость и решительность — вот о чем говорили черты ее лица. Рот был нежный, созданный для поцелуев, для любви, но под ним выступал решительный подбородок. Ромар слабо улыбнулся. Такой подбородок свидетельствовал об упорстве, с которым девушка будет идти вперед, кто бы ни пытался остановить ее. Может быть, это было характерной чертой тех, кто сумел найти ворота в этот мир? Время от времени приходили и другие; и всегда они обладали неистовым духом. Может быть, ворота пропускали именно тех, кто обладал таким духом? Ромар не знал. Но было и еще кое-что, из-за чего он так тосковал по ней. В нем, как и в других представителях старой расы, желание пробуж-

далось поздно, но при первом же взгляде на эту девушку оно пробудилось.

Не только телесное желание, но и сердечное тоже. Он хотел быть с ней. Знать, о чем она думает, чего боится и чем восхищается. Жениться на ней честь по чести и любить ее во все дни своей жизни — которая на самом деле может оказаться слишком коротка, с горечью напомнил он себе. Слабость, постепенно овладевавшая им, с каждым мгновением ощущалась все сильнее. И по-прежнему в самом сердце всего, что делало Ромара человеком, он лелеял видение. Друг, сестра и эта девушка из другого мира идут за ним. Он не знал, кем она могла стать для него. Однако она тоже, сражаясь, прокладывала свой путь сюда, на острие меча несла ему свободу. Только это видение и помогало Ромару сохранить слабеющие силы.

Элири в сопровождении друзей шагала по коридору, которому, казалось, не было конца.

— Может, мы все время ходим кругами в этом проклятом месте? — спросила Маурин, остановившись на мгновение, чтобы расслабить пояс.— Башня на входе вовсе не выглядела такой уж большой.

Джеррани покачал головой:

— То, что снаружи кажется маленьким, внутри может быть гораздо больше. Сила всегда говорила это, а Башня просто доказывает, что дело обстоит именно так.— Он бросил взгляд вдоль коридора.— Но вот что мне хотелось бы знать: не может ли быть, что нас сознательно водят по кругу с помощью какого-то трюка? — Он дотронулся до щеки Элири.— На твоем лице боевая раскраска. У тебя с собой нет ничего из того, чем ты пользовалась?

Из сумки, висящей на поясе, девушка достала кусочек красного мела — небольшие прожилки его

проступали на склоне утеса неподалеку от каньона. Она молча протянула мел Джеррани. Они с Маурин остались на месте, а Джеррани зашагал вперед, старательно проводя по полу прямую линию. Разогнулся, прошел немного, нарисовал вторую линию, снова сделал разрыв, и потом третью. Но к этому моменту его спутницы, оставшиеся позади, уже все поняли.

Маурин негромко присвистнула и помахала мужу рукой, чтобы он возвращался. Джеррани тут же прибежал.

— Ну, что?

— Коридор изгибается. Он кажется прямым только для нашего взгляда, но когда ты ушел далеко вперед, мы перестали тебя видеть из-за изгиба стен.

— Вот это да! — В негромком возгласе Джеррани прозвучала радость ястреба, пикирующего на цель.— Если мы находимся во власти иллюзии, интересно, что еще мы проглядели? И самое главное — мы уже миновали то место, которое ищем, или оно все еще впереди?

Элири нащупала кулон в ножнах кинжала и вытащила его.

— Может быть, Пехнан укажет нам путь?

Однако, несмотря на все попытки, крошечная фигурка не давала ответа.

— Ничего, доберемся до самого сердца Башни, и он, возможно, сумеет нам помочь,— высказал предположение Джеррани.— Мы все так или иначе связаны с Ромаром. Давайте используем эту связь, оживим ее. Пусть каждый постарается создать в своем сознании его образ — таким, каким запомнил его.

Однако Элири не была уверена в том, что это разумно.

— А вдруг мы тем самым насторожим врага? Ведь мы, можно сказать, пробрались в самое сердце места, которое он считает своим.

— Может быть, но что проку оставаться незамеченными, если нельзя найти то, что ищешь?

Маурин положила руки им обоим на плечи:

— Послушайте, враг использует Тьму и силу. А что, если...

Они выслушали ее — и согласились. Теперь все внимание было приковано к Маурин. Она отстегнула от волос небольшое украшение, вырезанное из светлого дерева, испускающего слабый сладковатый аромат. По форме оно походило на ящерицу, только с более крупной головой. Глаза представляли собой крошечные кусочки золотистого камня, а хвост, закручиваясь вниз, образовывал застежку, удерживающую украшение в волосах.

— Его вырезали к моему восемнадцатилетию,— сказала Маурин. Она нарочно не назвала имени резчика — в этом месте имена обладали слишком большой силой,— но Элири поняла ее и кивнула. Маурин притянула к украшению руки Джеррани, Элири тоже обхватила его пальцами.— Думайте о нем. Создайте в своем воображении его образ. Сосредоточьтесь на этом подарке, на том, чтобы он помог нам найти его.

Они послушались, склонившись над украшением. Конечно, ни о какой подлинной силе тут речи не было — просто немножко магии, основанной на том, что вещь испытывает притяжение к своему создателю или к тому, в руках кого она долго находилась. Это не было для Элири чем-то новым — так поступал ее собственный народ во время охоты. Она и сама умела это делать. Девушка припомнила Ромара, нарисовала в своем воображении его лицо, используя краски жизни, зажг-

ла искры духа в глубоко посаженных глазах. Изо всех сил потянулась к нему, внушая, чтобы он встретился с ней взглядом.

При этом она смутно осознавала, что рядом такие же усилия прикладывают ее друзья. На лбу у нее выступили бусинки пота. Возникло чувство, будто какая-то сила оттаскивает ее от лица, которое она создала в своем воображении. Элири яростно сопротивлялась. Утратив всякое ощущение времени и пространства, она как будто плыла в воздухе. Потом нахлынуло чувство опустошенности. Точно в тумане, она увидела, что крошечные пылинки света, которые до этого окутывали ее, точно плащом, сейчас стекали по рукам вниз на ящерицу. Та подняла голову, обратив на девушку взгляд золотистых глаз. Элири пошатнулась, почувствовав внезапную слабость, когда Маурин отпустила крошечное создание.

Ящерица быстро побежала обратно, они торопливо последовали за ней.

— Не спускайте с нее глаз, но лицо по-прежнему удерживайте в своем воображении,— прошептала Маурин.

С кинжалами наготове они петляли по коридорам вслед за ящерицей. Внезапно Джеррани резко остановился.

— Это не тот коридор, по которому мы шли,— уверенно заявил он.— Посмотрите сюда.— Его рука протянулась в сторону яркой фрески. Они послушались — и с отвращением отвели взгляды от изображенной на ней сцены.— Да, мерзкое зрелище, но дело не в этом. Кто из нас видел ее прежде?

Обе женщины покачали головами и, обернувшись, бросили взгляд вдоль коридора, по которому пришли сюда, но не увидели ни арок, ни дверей, ни поворотов.

— Снова иллюзия? — спросила Элири.

— Нет, я считаю, что как раз сейчас мы имеем дело с реальностью,— ответил Джеррани.— То, что было прежде,— вот это иллюзия.— Их внимание привлекло негромкое попискивание ящерицы.— Природу иллюзий мы сможем обсудить и позднее, а пока давайте-ка пойдем за нашим проводником.

Ящерица торопливо побежала дальше, он — за нею, женщины позади. Все уже изрядно устали, и обратный путь казался бесконечным, но никаких сомнений — этих коридоров они прежде не видели. Спустя некоторое время ящерица замедлила движение, они перешли на быструю ходьбу, а потом и вовсе поплелись еле-еле.

— С ней что-то не так? — прошептала Элири.

— Она может идти, лишь пока не кончится сила. Мы не Великие, и даже более или менее сильным даром никто из нас не обладает,— пробормотала Маурин.

— А повторить свои действия и как бы «подзарядить» ее мы не можем?

Маурин пожала плечами:

— Не знаю. Но если сила иссякнет прежде, чем мы найдем то, что ищем, придется повторить попытку.

Они смолкли, не сводя взглядов со своего крошечного проводника. Ящерица доблестно, хотя и с явным трудом, тащила себя вперед. Если бы мраморный пол не был таким гладким, она наверняка уже остановилась бы. Однако в конце концов ее движение все же застопорилось. Маурин едва сдержала крик отчаяния, перед глазами у нее все расплылось от слез. Внезапно Элири крепко схватила ее за руку.

— Нет, Маурин! Смотри!

Маурин смахнула слезы. В последнем усилии ящерица поднялась на задние лапки, прислонившись пе-

редними к стене. Теперь это снова было всего лишь резное украшение, однако что-то в ее позе наводило на мысль, что она надавливает на камень.

Джеррани пробежал пальцами по холодным каменным блокам.

— Ничего похожего на дверь.

Шесть ладоней захлопали по каменной стене, ощупывая каждую трещинку на ней. Действительно, никаких признаков двери. И все же ящерица остановилась не посредине коридора, хотя двигалась уже из последних сил. Здесь должен быть вход. И они будут искать его, пока не найдут.

В конце концов Элири отступила. Прежде они находились во власти иллюзий. Может быть, теперь кулон захочет им помочь? Она прижала его к стене, в которой, как они надеялись, был проход. Снова возникло ощущение опустошенности, и снова золотистые точки заплясали вокруг нее, а потом осели на стене, очертив продолговатый контур. Движимая неосознанным порывом, Элири приложила к этому месту руку. Камень под ее ладонью еле заметно задрожал и пришел в движение. Открыв от изумления и радости рот, Джеррани ухватился за край каменной плиты и надавил на него, открывая дальше.

Они пролезли в образовавшееся отверстие. Дверь за ними беззвучно закрылась, и их охватило волнение, когда стало ясно, что открыть дверь снова не удается.

Маурин первой удалось справиться со страхом:

— Разве мы не этого хотели — проникнуть сюда?

Элири подняла кулон:

— Пехнан, пожалуйста, помоги нам, если можешь!

Из глаз крошечной черной фигуры брызнул свет. Когда он упал на стены, на них вспыхнули руны. Рисунок знаков, из которых они состояли, всем троим был

незнаком, но, по крайней мере, их расположение указывало путь.

— Давайте поспешим. Кто знает, сколько времени это будет продолжаться? — сказала Элири и быстро зашагала по узкому коридору.

Они шли гуськом друг за другом, внимательно поглядывая по сторонам. С каждым шагом в душе Элири крепла уверенность, что цель близка, хотя временами ей казалось, будто им суждено остаться внутри этой проклятой Башни навсегда. Только бы выбраться отсюда! Тогда она к Башне уж точно даже близко не подойдет.

Внезапно руны погасли, но на этот раз дверь была видна. На ней имелось изображение пятерни, и Элири приложила к нему руку — наверняка дверь именно так и открывалась. Жгучая боль пронзила ладонь. Девушка взвизгнула и отдернула руку. Кровь закапала на стену, но дверь беззвучно открылась. Может быть, она, чтоб ей пусто было, открывалась только ценой крови? Неважно. Подумаешь, царапина. Главное, что дверь открылась. Элири прошла сквозь нее и, посасывая маленькую ранку, подождала, пока друзья пройдут тоже.

Здесь было светло. Не слишком, правда, но достаточно, чтобы разглядеть, что их ноги утопали в древней пыли. Они свернули за угол, и Джеррани от удивления открыл рот, увидев окно. Они, толкаясь, бросились к нему, и Маурин воскликнула с изумлением в голосе:

— Посмотрите на солнце! Оно почти не сдвинулось с места.

— Все дело во времени,— высказал предположение Джеррани.— Время в Башне течет по-другому. Меня все время волновало, как нашим воинам удается так долго удерживать внимание хозяина Башни. Но, судя по солнцу, с тех пор, как мы оказались здесь, про-

шло меньше часа. Скорее всего, полчаса. Наши люди обещали продержаться, по крайней мере, час, а если смогут, то и два. У нас еще есть время на поиски, если, конечно, мы будем действовать быстро. Пойдемте.— Он взглянул в сторону перекрестка коридоров неподалеку от них.— Вот этот коридор, похоже, тянется вдоль наружной стены, а тот, что отходит от него под прямым углом, наверняка ведет к центру. Рискнем?

Женщины не возражали, и все трое нырнули в указанный Джеррани узкий коридор. Сюда свет доходил слабо, но их подгоняла надежда. С чувством возросшей уверенности Элири остановилась у следующей развилки.

— Сюда.

Ноги до колен утопали в мягкой пыли, которая пластами лежала на древних камнях. Наверняка, никто не проходил здесь на протяжении столетий, подумала девушка. Ромар заверил ее, что путь, по которому они пройдут, неизвестен хозяину Башни. Сколько усилий пришлось ему приложить, чтобы это произошло именно так? Или ему помогал тот древний, с которым она разговаривала в пещере внизу? Элири улыбнулась. Какое это сейчас имеет значение? Главное — найти брата Маурин. Есть время задавать вопросы, и есть время принимать все, не расспрашивая, и делать, не вдаваясь в рассуждения. Девушка замедлила шаги, когда Джеррани, идущий впереди, прошептал:

— Еще одна дверь и за ней что-то есть. Я слышу звуки.

Элири почувствовала напряжение в области талии, вытащила кулон из ножен, осторожно положила его на пол и отступила назад.

— Что ты делаешь?

— Мне кажется, настало время, когда он хочет помочь нам,— ответила она тихо.

С пола поднялся туман. Когда он растаял, на его месте стоял Пехнан. Элири с трудом сдержала нервный смешок. Жеребец выглядел так нелепо в этом узком коридоре! Блестящие бока царапали стены, голова была опущена, чтобы не задеть потолок, копыта осторожно ступали по густой пыли. Встретившись с Элири взглядом, Пехнан дал понять, что разделяет ее веселье.

Подняв морду, он указал на дверь. Прислушиваясь, Джеррани осторожно прикоснулся к ней. Женщины тоже приложили уши к тонкому камню. Через некоторое время взмахом руки Джеррани показал им, что нужно обсудить ситуацию. Все трое собрались у развилки коридора и сблизили головы.

— Это не голоса. Не человеческие, по крайней мере.— Он взглянул на жеребца, который неясно вырисовывался рядом с ними.— Можешь ты объяснить что-нибудь?

Голос в их головах зарокотал, точно гром:

«Там находится последний из тех, кто служит хозяину Башни. Он — мой древний враг. Ваша задача — встретиться с тем, кто поселился здесь, и освободить всех его рабов. Моя — нанести поражение этому прислужнику Зла. Я долго ждал, но теперь наконец смогу выполнить свое предназначение, а потом присоединиться к тем, кого люблю, и упокоиться с ними в мире».

Они прижались к стенам коридора, чтобы не мешать Пехнану. Джеррани потянул на себя дверь, та беззвучно открылась, и жеребец стремительно промчался мимо. Послышался писк, и крошечные фигурки в ужасе бросились из-под его копыт.

— Это зас.— На лице Джеррани возникло выражение отвращения.

Когда Кеплиан ворвался внутрь, свет в комнате разгорелся ярче. По-видимому, он раздражал ее малень-

ких обитателей. Элири с удивлением смотрела на неистово мечущиеся фигурки. Маурин как-то рассказывала о них — о том, в частности, что они роют в земле норы,— но реальность оказалась гораздо более странной, чем можно было себе представить. Наконец, последние из них, проковыряв дырку в стене, нашли убежище от света в подвале.

В комнате остались только двое. Кеплиан против Кеплиан, жеребец против жеребца. Но в мерцающих голубизной глазах одного горела мощь Света, а в выпуклых глазах другого полыхал темно-красный огонь. Джеррани и Маурин настроились было остаться на месте, чтобы подбодрить того, кто сражался на стороне Света, но Элири схватила их за руки.

— Этот бой может привлечь к себе внимание. Если Башня заметит, что внутри нее находится хотя бы один враг, она наверняка попытается отыскать остальных. Давайте продолжим поиски, пока время еще не упущено.

И тут же в ее сознании зазвучал мощный голос:

«Ищи, дочь моих друзей, пришедшая из глубин времени. Может быть, тебе и повезет. Те, к кому я ухожу, не забудут тебя».

Элири рванулась с места, точно стараясь убежать от ощущения, что бросает друга.

На речном берегу командир собрал своих людей. К этому времени все без исключения получили ранения, но были полны решимости продолжать борьбу. Он посмотрел на небо и нахмурился. Его господин думал, что им так или иначе станет известно, когда Башня падет, но пока никакого знака не было. И люди, и кобылы продержатся еще немного, но потом... Потом их просто ждет гибель. Ладно, можно потянуть еще немного. Наверно, сейчас самое время прибегнуть к кое-каким уловкам.

По его приказу Кеплиан отступили, увлекая за собой расти, а люди, обходя их с двух сторон, расправлялись с отбившимися от стаи. Дважды обезумевших зверей заманивали в расщелины в земле и приканчивали там.

В Башне между тем тоже бушевала битва. Здесь оружием служили не только физическая мощь и выносливость, но и волшебная сила. Встав на дыбы, один жеребец Кеплиан с криком ярости бросался на другого. В пространстве между ними сверкала и кипела сила — тут они были примерно под стать друг другу. Ну, к этому древнему способу борьбы они прибегнут попозже, если понадобится. А пока... Жеребцы прыгнули вперед, по-змеиному выгнув шеи. Раздирали и рвали. Били копытами друг друга. Зубы Пехнана окрасила кровь, когда он разорвал противнику ухо. Тот взвизгнул от боли и нанес Пехнану режущий удар передними ногами. Горячая темно-красная кровь тонкой струйкой потекла из безжалостно разодранного уха, голубой огонь хлынул из раненной копытами груди.

Обменявшись ударами, противники разбегались в разные стороны и снова бросались друг на друга. Теперь враг схватил Пехнана за горло, но, прежде чем он успел сомкнуть зубы, на спину ему обрушился удар копыта. Словно борцы на ринге, они снова и снова сходились в самом центре зала. Падали, тут же вскакивали, на время обретали опору, чтобы тут же потерять ее, роняли кровавый огонь со своих зубов и копыт. Дважды враг наносил удары по крупу Пехнана, туда, где расположены почки и где сильный удар мог причинить серьезный урон. И каждый раз Пехнан уворачивался, совсем чуть-чуть, но этого хватало, чтобы мощные удары пропадали втуне. Пульсируя, горячая кровь стекала по передним ногам врага. Он слабел и сознавал это.

Жеребцы кружились и становились на дыбы, стремясь схватить противника за горло. Промахиваясь и снова опускаясь на все копыта, яростно бросались друг на друга. Голубой огонь хлестал из груди Пехнана; он тоже слабел, но в его сапфировых глазах не было страха. Он остался именно ради того, что происходило сейчас: чтобы встретиться лицом к лицу с тем, кто предпочел служить Тьме и ее приспешникам. Чтобы отвлечь внимание противника, Пехнан отступил в притворной слабости. Жеребец Тьмы победоносно заржал и встал на дыбы, собираясь нанести смертельный удар. Пехнан сделал рывок в сторону, и когда его враг на мгновение потерял равновесие, окропленная голубой кровью голова рванулась вперед. Зубы из последних сил вцепились в яремную вену, послышался хруст.

Судорожно дернувшись, враг попытался вырваться, но ничего не вышло — ноги отказывались служить ему. Он рухнул на каменный пол, свет начал меркнуть в темно-красных глазах, полыхающих ненавистью. Свой выбор он сделал много лет назад и в эти последние мгновения ни о чем не сожалел.

Пехнан встал на дыбы, почти выпрямив дрожащие задние ноги. В сознании зазвучал мощный призыв. Свет вспыхнул по контуру его фигуры — серебро, в глубине отливающее золотом,— пространство вокруг распалось на куски, и за ними открылось залитое солнцем небо. Те, кого он любил больше всего на свете, ожидали его. Собрав слабеющие силы и пошатываясь, Пехнан двинулся вперед, туда, где видел руки, приветственно машущие ему. Проход позади него захлопнулся, свет в зале померк. Тело врага превратилось в клубы черного дыма и исчезло. Далеко-далеко отсюда друзья с радостью бросились навстречу друг другу. Миссия была завершена.

Башня содрогнулась, когда погиб ее слуга. По крыше побежал голубой огонь, такой яркий, что его заметили и те, кто сражался у реки. Командир натянул поводья своего коня, не подпуская его к расти, обуянного жаждой крови.

Его голос загремел, перекрывая шум битвы.

— Все! Уходим! — Они начали отступать, стараясь все время сохранять дистанцию между собой и расти. Командир махнул рукой в сторону Башни.— Вон он, знак! Наша работа закончена. Нужно увести расти подальше, чтобы они не добрались до наших раненых.

Раненые из числа тех, кто мог идти, но не в силах был принимать участие в сражении, начали подниматься по склону. Из множества глоток расти вырвался низкий возмущенный рык. Не может быть, чтобы добыча ускользнула от них!

Однако хозяин Башни, сидя в ней, точно паук в паутине, осознал наконец, что ему угрожает опасность. И перестал оказывать давление на глупых животных, которые сражались вопреки его приказу. Расти почувствовали растерянность — владевшее ими безумие отчасти объяснялось именно грубым вторжением Башни в их сознание. Как только ее давление исчезло, они немного пришли в себя. Шаг за шагом, не спеша, командир уводил своих воинов с поля боя, стараясь, чтобы никто не делал слишком быстрых или неловких движений, которые могли бы чисто автоматически подхлестнуть расти к новой атаке. Понемногу успокоившись, они начали отступать, потоки их потекли к норам.

Тогда Хэпволд повел свой отряд быстрее. Вскоре кобылы Кеплиан оставили людей и поскакали к своему дому. Две из них — и четыре человека — уже никогда

не вернутся, но их смерть оплачена кровью. Рекой крови. Что еще может желать воин?

Перейдя реку в предгорьях, люди раскинули лагерь. Пока закипала вода и на медленном огне тушилось мясо, они перевязали друг другу раны.

Измученным кобылам обратная дорога далась нелегко, но в каньоне их ждали жеребята и подруги, любовь и забота. Правда, двое малышей, оставшиеся сиротами, захныкали от огорчения, но кобылы постарались утешить их, как могли. Руны у входа ярко вспыхнули, когда все обитатели каньона собрались в кружок. Кобылы и жеребята Кеплиан пораженно смотрели друг на друга — глаза у них сияли яркой голубизной.

Хозяин Башни между тем собирался с силами. Враги пробрались внутрь и убили его слугу, но его самого им не одолеть.

Элири взбежала по ступенькам и на мгновение остановилась перед огромными бронзовыми дверями. Их поверхность украшали панели, и фигурки, помещенные на каждой, медленно двигалась. Однако у Элири не было времени разглядывать эти диковины. Она толкнула дверь — последнюю преграду на пути к цели — и вместе с друзьями шагнула внутрь. В дальнем конце большой комнаты в кружок стояли шесть кресел, в которых сидели люди. Один за другим они подняли головы и посмотрели на стоящих в дверном проеме. Шесть Ромаров наклонились вперед, надежда засияла на их лицах.

17

Элири остановилась, с трудом сдерживая нахлынувшую ярость. Даже сейчас, даже напоследок враг устраивает им испытания, расставляет на пути ловушки! Она

стояла, широко распахнутыми глазами вглядываясь в обращенные к ней лица. За спиной девушки пошевелился Джеррани.

— Как установить, кто из них настоящий?

— Я сделаю это,— резко ответила его жена.— Ромар — мой брат. Я не ошибусь.

Элири кивнула.

— Но что, если они все настоящие? — задумчиво спросила она.— Может быть, это просто еще один блестящий трюк и его дух просто поделен между ними?

Эта мысль заставила их окаменеть. Если Элири права, тогда смерть любого из этих Ромаров означала бы утрату части того, что делало его человеком. Что могло помочь им сейчас? Элири быстро перебрала в уме все возможности. Может быть, ком глины, который причинял ей такие неудобства,— не зря же она его столько времени таскала с собой? Но нет. Девушка чувствовала — пока нет. Еще дома она поняла, что глина таит в себе очень большие возможности. Недаром же Кинан в уединении затерянного в горах жилища посвящал в тайные цели магии свою старательную ученицу. Глину нужно оставить на потом, как и кристалл госпожи Долины Зеленого Безмолвия. Однако воспоминание о глине навело Элири на мысль о даре Света.

Она пристально посмотрела на Маурин и Джеррани. Может быть, они сумеют использовать то, чем их одарил Свет? По мере того как она излагала им свои соображения, лица обоих светлели. Потом Маурин вышла вперед, протянула руки и обняла первую из сидящих в креслах фигур. Вокруг ее рук вспыхнуло мерцание...

Фигура запричитала в агонии и распалась, превратившись в груду густой пыли. Когда Маурин подошла ко второй фигуре, та в ужасе отпрянула. Однако избе-

жать прикосновения ей не удалось. Маурин схватила се за руки, та пронзительно вскрикнула и рассыпалась в прах. То же самое произошло и с третьей, но после нее Элири подозвала Маурин. В этом последнем случае вспышка света стала слишком слаба. Кто знает, может быть, четвертая фигура сумеет причинить вред Маурин? Теперь настала очередь Джеррани. Он широкими шагами подошел к четвертой фигуре, обхватил ее руками, и свет вспыхнул снова.

Фигура рассыпалась, за ней — пятая и шестая. Стоя над грудами серой пыли, друзья изумленно смотрели друг на друга.

— Его не было среди них! — горестно воскликнула Маурин.— К чему тогда эта иллюзия?

— Чтобы отвлечь и задержать нас,— мрачно ответил Джеррани.— Зря лорд Тьмы не станет расходовать силу, которую вытягивает из Ромара, а то ему самому ничего не останется. Может быть, он надеется, что поймает нас в ловушку иллюзии и сбежит, прежде чем мы доберемся до Ромара.— Его лицо приняло твердое выражение, он решительно сжал губы.— Пошли!

Они быстро зашагали по коридору, а серая пыль позади них зашевелилась и исчезла. Догадка Элири оказалась верна — даже одно прикосновение Света способно воздействовать на Зло. Если внутри этих фигур и в самом деле был дух Ромара, он просто освободился и вернулся в свое истинное тело. Однако теперь сила, которой одарил их ее далекий предок, дремлющий в Башне, оказалась почти полностью исчерпана.

Джеррани упрямо шел вперед, стиснув зубы. Ох, до чего же надоели ему все эти детские игры! Где-то внутри мрачной Башни держали в заточении его брата-помечу. Мучили и использовали, выкачивая из него силы. Он найдет Ромара, освободит его, вернется с ним до-

мой. А тот, который обитает здесь... Зубы Джеррани приоткрылись в зловещей усмешке; независимо от исхода, тот, кто обитает во Тьме, горько пожалеет обо всем этом.

— Постой, постой! — тяжело дыша, воскликнула Маурин у него за спиной.

Он пошел медленнее, давая ей возможность нагнать его.

— Джеррани, Элири кажется, что нам опять морочат голову, заставляя идти не в ту сторону.

Гнев нахлынул на него. Вечно эта женщина во все вмешивается! Не подай она пример Маурин, та, возможно, и не настаивала бы на том, чтобы отправиться вместе с ними. Именно Элири подвергла такому чудовищному риску его жену и обманным путем заманила их сюда, где Зло совсем рядом и с легкостью может расправиться с ними. Элири... С искаженным от гнева лицом Джеррани бросился на девушку. Однако она заметила, что в глазах у него с каждым мгновением все ярче разгорался безумный блеск, и отпрыгнула назад, выхватив из ножен кинжал. Джеррани споткнулся, и прежде, чем ему удалось восстановить равновесие, лезвие коснулось его лба.

Боль пронзила мозг, и Джеррани застонал, но взгляд его прояснился.

— Что я натворил? Ох, боги! Прости меня, Элири.

Она продолжала прижимать к его лбу серебряный кинжал. Мягкое свечение лезвия успокаивало и утешало.

— Возьми его и помолись Свету.

Джеррани взял в левую руку ее кинжал, свой — в правую и приложил оба лезвия к вискам. Их острия сошлись вместе, образуя две стороны треугольника. Джеррани закрыл глаза, и из места соединения брыз-

нул свет. Маурин хранила молчание, пока он снова не открыл глаза. Тогда она взмахом руки указала на протянувшийся между ними и Элири тонкий луч света.

— Мне кажется, ты прощен.

— Думаешь, это знак? — Он смущенно посмотрел на Элири.— Умоляю, прости меня. Я разозлился на то, что здесь творят с моим братом-по-мечу. И, видимо, этот гнев послужил точкой опоры для Зла. Оно исказило мое сознание, и возникло ощущение, что ты — виновница всех бед.

Его выходка, конечно, рассердила Элири, но она понимала, что за ней стояло. Еще одна попытка врага расколоть их единство. Если бы она не простила Джеррани, это означало бы лишь, что теперь настала ее очередь поддаться воздействию Зла.

Девушка протянула руку и дружески сжала его пальцы:

— Я все понимаю; это не твоя вина. Мы все здесь для того, чтобы освободить того, чья судьба нас волнует.

Джеррани с неожиданно вспыхнувшим интересом встретился с ней взглядом. Он не произнес ни слова, но Элири заметила его удивление. Она гордо вскинула голову. Да, она тоже волнуется за судьбу Ромара, но это ее и только ее дело.

Она едва сдержала улыбку. Волнуется — это еще очень мягко сказано. По правде говоря, она готова или освободить Ромара, или умереть во время этой попытки. Однако сейчас было не время рассуждать, в том числе и о том, какие чувства он испытывает по отношению к ней. Пусть сначала Ромар обретет свободу, тогда можно будет поговорить и о будущем.

Некоторое время луч света указывал им путь, но быстро ослабел и погас.

Маурин достала свой кинжал:

— Его мы пока не использовали. Может быть, он нам поможет.

Она поднесла кинжал к своему лбу, сосредоточенно удерживая в сознании лицо брата. Луч возник снова, отчетливо различимый, но слабый. И тем не менее у них опять был проводник.

Все тут же рванулись с места — кто знает, как быстро угаснет и этот луч? Когда он тоже исчез, они как раз оказались на пересечении коридоров.

— Великий, и куда теперь? — пробормотала Элири себе под нос.— Давайте попробуем еще кое-что. Возьмемся за руки, вот так. И будем думать о Ромаре. Попытаемся прорвать заградительный барьер и установить связь с ним.

Они стояли, взявшись за руки, с бледными, испачканными лицами. И Ромар действительно возник перед ними. Подлинный Ромар, как показалось Элири. Не путешественник с вечной улыбкой на устах, каким он запомнился своей сестре, и не воин, облик которого мог бы вызвать из хранилища памяти Джеррани. На бледном лице этого человека отчетливо проступали следы боли и усталости. Одежда выглядела настолько изношенной и грязной, что вызывала отвращение, и все они, как ощутила Элири, не смогли скрыть от Ромара этого чувства.

Глубоко сидящие глаза блеснули в тени глазных впадин и нашли ее. Руки девушки задвигались в танце жестов.

— Собери все свое мужество и силу. Жди, помощь идет.

Он кивнул и исчез, но ощущение связи осталось. Они открыли глаза, увидели холодный камень коридоров и, не обменявшись ни единым словом, свернули налево.

— Света все меньше. А если станет совсем темно?

— Давайте подождем, пока это случится; тогда и будем думать,— напряженным тоном ответила Маурин.

Элири подошла к ближайшей двери, чуть-чуть приоткрыла ее и негромко подозвала остальных.

— Здесь старая мебель. Давайте возьмем столько, сколько сможем унести, и тогда у нас будет свет.

Настороженно оглядываясь, они вошли в комнату и начали отламывать от мебели мелкие детали. Ножки кресел подойдут очень хорошо. Маурин стащила на пол древний гобелен, разорвала его на полоски и намотала каждую из них на верхнюю часть деревяшек. Ткань разгорается легче, а вслед за ней займется и дерево.

Друзья покинули комнату со связками самодельных факелов в руках. Впереди в коридоре было совсем темно. Они остановились, зажгли первый факел и зашагали во тьму, крепко держась за руки. Впереди шел Джеррани. Когда пришло время зажечь второй факел, повела Маурин, освещая им путь. Замыкая маленький отряд, шла Элири с кинжалом в свободной руке, от всей души надеясь, что тьма кончится раньше, чем сгорят факелы. Если этого не произойдет, им придется либо вернуться, либо пойти на риск оказаться в полной темноте.

Элири глубоко вздохнула. Она не повернет обратно, даже если останется в одиночестве. Факелы сгорали один за другим, и вот уже их осталась всего половина, хотя даже каждый огарок они подцепляли на острие кинжала, чтобы он еще хоть немного посветил.

Маурин зажгла очередной факел и возглавила процессию. Обсуждений не было; по дороге все молча приняли решение. Возвращения не будет. Оставалось всего четыре факела, когда Элири предостерегающе пробормотала:

— Впереди что-то движется. Маурин, прижмись спиной к стене и подними факел повыше, чтобы нам было лучше видно. Джеррани, давай встанем по бокам с оружием наготове.

На краю света и тени ворочалось что-то большое и неуклюжее. Они стояли, прислушиваясь к звуку мощного дыхания. Факел медленно сгорал, становилось все темнее, очертания твари неясно вырисовывались в тени. Минута проходила за минутой, ожидание затягивалось. Стоя на страже, Элири постепенно проникалась уверенностью, что все это тоже было частью плана, плана Тьмы.

Они заговорили одновременно с Джеррани.

— Нас снова...

— Это трюк!

— Да,— Маурин тоже поняла, что происходит.— Эта тварь здесь для того, чтобы заставить нас потратить впустую и время, и факелы.— Она помахала факелом, чтобы пламя разгорелось ярче.— Прочь с пути, создание Тьмы!

Маурин зажгла второй факел и пошла вперед, махая обоими. Тварь, крадучись, отступала перед натиском опаляющего огня. Маурин пошла быстрее, потом побежала, и ток воздуха, создаваемый быстрым движением, относил пламя назад. С последним разочарованным рычанием создание прыгнуло в сторону туннеля и исчезло.

Они свернули за угол и увидели впереди слабое мерцание. Джеррани взял у Маурин один из факелов и погасил его о пол.

— Смотрите, свет впереди.

С каждым мгновением становилось все светлее. Еще один поворот и... Они оказались в огромном зале. Повсюду стояли горящие свечи — на окнах висела темная

ткань, ниспадавшая тяжелыми мягкими складками. Маурин резко отдернула одну из занавесок. Через окно потоком устремился солнечный свет, обдавая всех золотистым теплом. Свечи задымились и исчезли, по залу пронесся вопль яростной боли. Элири недобро улыбнулась.

— У меня такое чувство, будто кому-то здесь не по душе солнце. Давайте добавим света и посмотрим, как ему это понравится.

Точно дети, они принялись бегать от окна к окну, отодвигая тяжелые занавески и смеясь, когда слышали крики ярости. И остановились лишь тогда, когда все окна оказались открыты.

Джеррани, тяжело дыша, стоял в центре зала. Внезапно ему в голову пришла одна мысль, и он быстро выбежал в ту дверь, через которую они только что вошли. В коридоре было светло; тьма исчезла. Интересно. Может быть, этот огромный зал в каком-то смысле управляет всеми другими помещениями внутри Башни? Услышав голоса, он вернулся обратно. Его жена и Элири подбегали по очереди к каждому окну и выглядывали из них.

— Посмотри-ка, Джеррани.

Он так и сделал. Вид из каждого окна казался чрезвычайно странным, но так или иначе что-то напоминал. За одним, к примеру, расстилалась местность, очень похожая на ту, которую они видели раньше, приоткрыв очередную дверь. Джеррани отметил это, и Элири кивнула; ей тоже припомнился странный безлюдный пейзаж, который они мельком видели. Окна, должно быть, были воротами в другие миры.

Девушка с удовольствием потянулась. Мышцы испытывали напряжение, ноги гудели от всей этой беготни, но пока об отдыхе не могло быть и речи. Каждый

миг промедления увеличивал грозящую им опасность. Они отправились дальше, но прежде на всякий случай разбили несколько кресел и сделали запас факелов. Занавеси на окнах оставили широко распахнутыми и даже связали их. Если догадка Джеррани правильна, факелы им больше не понадобятся.

Похоже, он не ошибся. В коридорах, которым, казалось, нет конца, теперь было светло. И все это время созданная ими связь с Ромаром ощущалась все сильнее.

В конце концов Маурин остановилась:

— Я чувствую, что Ромар где-то совсем рядом.

— Дальше пойдем гуськом,— распорядился Джеррани.— Если там есть опасность, пусть лучше с ней столкнется один из нас.— Он вытащил меч и добавил, обращаясь к жене: — Я войду первым, потом Элири, потом ты.

Никто не успел даже слова сказать, как он неслышными шагами направился к двери, которая виднелась за плавным поворотом коридора. Она была огромная, с двойными деревянными створками, украшенными резьбой и инкрустацией, на которых танцевали, охотились, любили и шутили друг с другом маленькие фигурки.

Одна из них привлекла внимание Элири. На крошечном личике, пока она наблюдала за ним, явственно проступило выражение любопытства. Безумный порыв охватил девушку. Она усмехнулась и прижала палец к губам. Крошечная головка кивнула, крошечный палец в свою очередь прижался к крошечным губкам.

Джеррани надавил на дверь, но она не подалась. Может быть, ее мешает открыть засов, задвинутый изнутри? Он поднял меч, и все крошечные фигурки отступили с испуганным видом. Элири схватила Джеррани за руку и потянула назад.

— Постой. Дай-ка я кое-что испробую.

Он кивнул и отступил. Элири вскинула руки и начертила в воздухе руны: древние знаки предостережения и защиты, точно такие же, как те, которые охраняли от непрошенного вторжения в каньон. Миниатюрные люди сначала сгрудились, а потом разбежались в разные стороны, напряженно и выжидательно поглядывая на ее друзей.

— Нарисуйте в воздухе руны вашего замка,— подсказала Элири.

Маурин так и поступила, вслед за ней то же самое сделал Джеррани. Крошечные фигуры посовещались. Девушка, которая улыбалась Элири, выступила вперед, подняла руки и сознательно медленно, чтобы они смогли разглядеть, сплела свои знаки охраны и защиты. Но это было еще не все. Крошечные ручки поднялись снова. Некоторые из маленьких людей попытались остановить ее, но другие удержали их от этого.

Три раза она нарисовала в воздухе древние руны открытия. По ее сигналу трое людей, стоящих перед дверью, повторили их. Потом еще раз и еще. Когда руки Элири задвигались в девятый раз, она почувствовала, что сила, точно волна, накатила и ударила в дверь. Ее створки истончились, превратившись в мерцающий голубой дым, но прежде чем они полностью исчезли, она увидела крошечную фигурку, поднявшую руку в жесте прощания.

Подумать только! Крошечные люди сознательно принесли себя в жертву, позволив им пройти,— и погибли, сделав это. Элири, задрожав от ярости, ринулась вперед. Фигура, сидящая за захламленным столом, повернулась, широко распахнув глаза от ужаса и изумления, вызванного появлением девушки. Разглядывать очередного монстра было некогда. Меч сверкнул и опустился. Тварь отвратительно заквакала,

попыталась одной рукой защититься и упала замертво.

Но тут из другой двери хлынула толпа точно таких же тварей. Элири содрогнулась. Они представляли собой жуткую помесь человека и жабы. Что, однако, не мешало им быть скверными воинами — это девушка поняла, когда началась схватка. Справиться с ними не представляло особого труда. Засверкали мечи, рассекая уродливые тела, и очень скоро последний монстр пал. Не задерживаясь, Элири бросилась к той двери, откуда они появились, рывком открыла ее и ворвалась внутрь следующего помещения.

Теперь перед ними оказался человек. Человек? Не совсем человек. Красивое лицо, но глаза мерцали красным огнем, а пропорции тела были не вполне человеческими. И все же он выглядит совсем неплохо, должна была признать Элири. Приземистая фигура — самое большее, пять с половиной футов,— но прекрасная мускулатура и гибкие движения. Красоту его лица портили мясистые губы и холодность взгляда. Вокруг рта уже начали появляться небольшие складки, придающие ему выражение раздражительности. Это было лицо человека, который очень высоко ценил себя и был склонен потакать своим капризам и желаниям.

Он был одет в одежду из гладкого шелковистого материала, задуманную и скроенную таким образом, чтобы выставлять напоказ гибкость и силу, и впереди открытую почти до талии. Элири не смогла бы точно сказать, что именно было неправильно в его фигуре; возможно, слишком длинные руки, а ноги, напротив, слишком короткие. Он стоял, внимательно разглядывая вошедших, которые удивленно воззрились на него, и одно казалось Элири совершенно бесспорным: этот человек вызывал у нее ощущение, как будто она в тем-

ноте наступила на что-то осклизлое. Больше всего в этот момент ей хотелось выразить ему свое отвращение, повернуться и уйти.

Ярко-красные губы раскрылись:

— О, стоило ли прикладывать столько усилий, забираться так далеко — и все без толку? Не думаете же вы, что я вот так запросто, только потому, что вам этого очень хочется, возьму и отпущу того, кого вы ищете? — На его лице появилось выражение самодовольства и злобы.— И все же, хочу сообщить на случай, если кто-то из вас готов прийти ко мне по доброй воле. Я могу быть великодушным... очень великодушным.— Он выжидательно смолк, но не получил ответа.— Нет? Тогда я буду относиться к вам как к незваным гостям. Если вы уберетесь отсюда немедленно, я, возможно, и не призову на ваши головы Тьму.

— Мы здесь и, значит, уже встретились с Тьмой,— отрезала Маурин.

— Я могу предложить вам и другой выбор...

— Нам уже предлагали и не один. Мы отвергаем любой из них,— ответила Маурин.

— Я могу убить того, за кем вы пришли. Какая вам от этого будет польза?

— Смерть освободит его. Какая тебе тогда будет польза от него?

Его лицо исказилось от гнева.

— Раз так, сражайтесь и умрите, пешки Света!

Его ладони сошлись в единственном, отдавшемся эхом хлопке, звук которого подобно грому раскатился по комнате. Внезапно они оказались в каком-то другом месте и, выбросив руки, уцепились друг за друга. Заняли боевую позицию — спина к спине, мечи наготове. Даже впоследствии Элири не могла бы сказать, то ли их глаза быстро адаптировались к сумрачному освеще-

нию, то ли там был все-таки какой-то источник света. Факт тот, что, хотя все вокруг утопало в тенях и полумраке, друзья с каждым мгновением видели все лучше и все дальше.

— Где мы? — голос Маурин слегка дрожал.

Джеррани пожал плечами:

— Не знаю. Может быть, в месте, придуманном этим лордом Тьмы, а может быть, и в реальном мире. Но мне припоминается рассказ Лормта о теневом мире, который пребывает наполовину в нашем, а наполовину в нигде. Только те, целостность чьих личностей не нарушена, могут вернуться оттуда. По-моему, очень подходящее место для того, чтобы без хлопот удерживать дух Ромара в заточении. Если его тело лежит где-то в другом месте, а дух здесь, то из этой ловушки ему не выбраться. Он не может покинуть этот мир, не может пересечь его границу и вернуться обратно.

Маурин сердито сказала:

— Неудивительно, что он забросил нас сюда. И что делать?

На лице Элири возникла улыбка — из тех, от которых любому ее врагу сделалось бы не по себе.

— Это он так шутит. Мы ведь собирались найти Ромара, освободить его и вместе с ним вернуться домой, верно? Но Ромар не может выбраться отсюда. Не сомневаюсь, что, по мнению этого так называемого лорда, получается очень забавно.

— Тогда почему ты улыбаешься? — удивился Джеррани.

Пальцы Элири прикоснулись к кому глины под кольчугой. Кинан научил ее многим заклинаниям, и все время, пока она жила в Эскоре, ее дар становился все действенней. Сейчас, в результате тех испытаний, которые выпали на ее долю, все это — и знания, и мед-

ленно, но верно возрастающая сила — сплавилось в единое целое.

— Давайте найдем Ромара,— ответила она.— А там посмотрим. Может быть, я и сумею сделать так, чтобы он смог покинуть этот мир теней.— Девушка отмахнулась от посыпавшихся на нее вопросов.— Давайте сначала найдем его, если сможем, и попытаемся выбраться отсюда. Разговоры отложим на потом.

Джеррани кивнул:

— Тогда прежде всего нужно решить вопрос о том, в каком направлении двигаться. Наша мысленная связь с Ромаром еще существует?

Последовало короткое молчание, во время которого они проверяли, так ли это. Ощущение связи пока не исчезло. Джеррани быстро шагал впереди, направляясь в сторону ряда низких холмов. Женщины почти бежали вслед за ним, обшаривая взглядами местность. Друзья продирались сквозь заросли колючей ежевики, когда внезапно их внимание привлек негромкий крик. Маурин двинулась в сторону звука и через некоторое время опустилась на колени.

— Смотрите, он не может выбраться.

Она протянула руки, собираясь помочь, но Элири рывком оттащила ее назад.

— Подожди. Может быть, это очередная ловушка.

Девушка вытащила кинжал, серебро засияло в сумеречном свете. С его помощью она осторожно раздвинула кусты ежевики, чтобы запутавшееся в них существо смогло выбраться самостоятельно. Когда это произошло, Элири протянула ему лезвие.

— Прикоснись к нему, если ты не служишь Злу.

Существо подчинилось и тут же стало как будто крупнее, превратившись в человека — или кого-то, очень

похожего на него,— лишь чуть-чуть ниже ростом, чем его спасители.

— Я признаю долг по отношению к Свету. Вам нужна помощь? Я могу что-нибудь сделать для вас?

Они внимательно посмотрели на него. Прикоснувшись к серебряному лезвию, он вырос. Это был мужчина, но не совсем человек. Глаза круглые, уши длинные, с чем-то вроде меховых кисточек на концах, а руки трехпалые, похожие на обрубки.

— Ты родился в этой стране? — спросил Джеррани.

— Да. Но я не принадлежу Тьме и это место тоже. Оно доступно и для Тьмы, и для Света.— Он нахмурился.— Хотя нам не нравится, когда сюда вторгаются и те, и эти. И в особенности, если кто-то из них оказывается сильнее. Мы предпочитаем мир.

Маурин кивнула.

— Как ты оказался в ежевике?

— Потому что сила опять вмешивается в нашу жизнь,— негромко, но гневно ответил он.— Меня поймали в ловушку — для того, чтобы я, в свою очередь, заманил в ловушку вас. Но я не захотел делать этого. Вы видели, что мне ничего не стоит прикоснуться к серебру. Я не принадлежу Тьме и не допущу, чтобы она использовала меня. Доверьтесь мне, и я отведу вас к тому, кого вы ищете. Ногами идти пришлось бы долго, но я могу сделать так, что наше путешествие продлится не дольше вздоха.— Он замолчал, выжидая.

Маурин глубоко вздохнула и, прежде чем кто-либо успел помешать ей, шагнула вперед, протянув ему руку.

— Это мой брат находится в заточении. Я доверяю тебе. Отведи нас к нему и помоги освободить его. Или, по крайней мере, не мешай нам в этом.

Человек улыбнулся ей. Все трое ухватили его за руки и крепко сжали их. На мгновение мир вокруг исчез,

послышался громкий хлопок, и они оказались на берегу черного озера. Черная как смоль вода струилась у самых ног.

— Куда теперь? — Джеррани окинул взглядом берег озера.

Трехпалая рука поднялась, указывая направление. С трудом вытаскивая ноги из рыхлого черного песка, они медленно побрели в сторону небольшого мраморного здания, прилепившегося к низкому склону.

Дверь была изнутри заперта на задвижку, но Джеррани просунул под нее кинжал и нажал изо всех сил. Запор не устоял, и дверь медленно отворилась.

В большом резном кресле неподвижно сидел человек, крепко обвязанный цепями. Это был Ромар, без сомнения. Но не тот изящный, красиво одетый брат-по-мечу, которого помнил Джеррани. И не тот счастливый, веселый брат, которого никогда не забывала Маурин. Именно Элири оказалась той, кому его теперешний облик был знаком лучше всех. Она посмотрела в измученные, тоскующие глаза, решительно шагнула вперед и взяла его холодные руки в свои.

— Вот мы и встретились, Ромар. Мы пришли, чтобы забрать тебя домой.

Когда их руки сблизились, свет, вспыхнувший в его глазах, внезапно проник ей в самую душу. Вначале она жалела Ромара за то, что он оказался в рабстве. Потом стала переживать за него как за друга. И в конце поняла, что без этого человека ее жизнь окажется неполной. Боги, как он страдает! Она освободит его или умрет. Элири отошла в сторону, чтобы не мешать Маурин и Джеррани, которые кинулись к Ромару. Маурин изо всех сил старалась сохранить спокойствие, но слезы медленно струились по ее щекам. Первый шаг был сделан. Они нашли того, кого так долго искали.

18

Маурин провела руками по цепям.

— Не вижу замка. Как они запираются?

Джеррани начал ощупывать одно звено за другим. Он кружил, кружил вокруг кресла, на котором сидел его друг, и в конце концов, удивленно посмотрел на них.

— Тут нет замка. Эта цепь не имеет концов.

— Проклятье! — взорвалась Элири.— Ее же как-то надели; значит, должен существовать способ и снять.

Пленник горько улыбнулся:

— Да, если исходить из того, что у моего господина могло возникнуть желание сделать это. Но ему нет нужды снимать цепь. Он же собирался использовать меня, пока я не умру.

Но в жилах Элири текла кровь людей, для которых не существовало неразрешимых проблем — только ненайденные решения. Она прикоснулась кинжалом к цепи, и та стянулась еще плотнее, так что Ромар начал задыхаться. Стоило убрать кинжал, и цепь ослабела снова.

— Ромар, эта цепь создана лордом Тьмы и, значит, целиком принадлежит Тьме. Вот почему она так реагирует на серебро. У нас есть и другие вещи, созданные Светом, но эта цепь сильнее любой из них.— Девушка замолчала, раздумывая. Может быть, их проводник сможет помочь? — Что сильнее Тьмы?

— Любовь,— ответило это удивительное создание.

— Ценой чего можно купить свободу?

— Ценой жертвы.

Элири наклонилась вперед, не давая ускользнуть его взгляду, что он все время норовил сделать.

— Как можно разрушить цепи, чтобы пленник оказался на свободе и уцелел?

— С помощью того, что есть у каждого из вас.

И тут внезапно пришло понимание — точно отдернули занавеску и показалось солнце. Взмахнув кинжалом, девушка полоснула себя по руке. Кровь закапала на цепь. На мгновение та сжалась — и с такой силой, что было почти слышно, как трещат ребра Ромара. Потом оковы Тьмы ослабели и стали таять, превращаясь в дым, в ничто. Протянув руки, Элири помогла Ромару встать и сделать один неверный шаг вперед. И тут же он оказался в ее объятиях, а его сестра и брат-по-мечу окружили их, поддерживая обоих.

Его лицо оказалось совсем рядом.

— Тсукуп?

— Она самая.

Элири смеялась и плакала одновременно. Ромар пальцем подцепил одну слезинку.

— Слезы из-за меня? Нет, сейчас не время плакать.— Он крепко обнял ее.— Вы трое сделали невозможное. Давайте попробуем довести дело до конца и посмотрим, не удастся ли нам выбраться отсюда.

— Я могу доставить вас в любое место нашего мира, но вы должны точно указать, куда именно,— предложил их проводник.

Джеррани первым понял, что он имел в виду.

— Доставь нас четверых к воротам, откуда мы сможем вернуться в свой собственный мир.

Едва они прикоснулись к протянутым трехпалым рукам, как все исчезло. Потом в головах у них прояснилось. Пошатываясь, они стояли на равнине, поросшей невысокой тонкой травой. Впереди клубился туман, и время от времени сквозь его толщу

проступало плохо различимое сооружение серого цвета. Что-то вроде арки, сложенной из выветрившихся каменных блоков, по которым расползались пятна лишайника.

Маурин повернулась к проводнику и встретилась с ним взглядом.

— Я благодарю тебя, добрый лорд этого мира. За мужество и помощь. Есть что-то, что мы, в свою очередь, можем для тебя сделать? Твоя помощь оказалась бесценна для нас и не идет ни в какое сравнение с такой малостью, как освобождение из зарослей ежевики.

После недолгого колебания он кивнул и перевел взгляд на кинжал, мягко мерцающий у ее пояса. Маурин сняла кинжал и сначала протянула ему ножны.

— Это оружие Света я по доброй воле дарю тебе. Пользуйся им с честью. Надеюсь, он послужит тебе так же хорошо, как до сих пор служил мне.

Маурин вручила ему кинжал. Как только оружие снова оказалось в ножнах, человек низко поклонился каждому из них, вприпрыжку побежал по затянутой серыми тенями равнине и растаял вдали. Возникло впечатление, что по дороге его фигура стала изменяться снова. Они удивленно переглянулись.

Для Элири он предстал в виде быстро убегающего койота, который оглянулся и посмотрел на нее со смешинкой в глазах. Она не знала, что видели другие, но в сердце своем улыбнулась. У обманщика много обличий, как любил повторять Фар Трейвелер. Ну так что? Они поступили с ним честно, он тоже обошелся с ними хорошо. Все произошло так, как должно быть и как рассказывается в легендах.

Потом внимание всех переключилось на ворота. Они неясно вырисовывались сквозь туман, серые,

массивные и... недоступные для них. По ту сторону древней арки тоже не было видно ничего, кроме тумана.

— Ну, будем мы возвращаться? — Голос Ромара звучал так, как будто он был почти счастлив.

— Мы можем сделать это; ты — нет.— Маурин не смотрела на него.— Нам объяснили, что здесь находится лишь твой дух, а чтобы пройти через эти ворота, нужно иметь и дух, и тело.

Он беспомощно посмотрел на них:

— Значит, я должен остаться здесь?

И тут до Элири дошло. Так вот для чего предназначалась эта глина из каньона! Она быстро побежала от куста к кусту, нарвала листьев, вытащила кинжал и отрезала кусок от своей туники. Первым ее понял Ромар. Он кивнул, взял у нее кинжал, отрезал прядь своих волос и прилепил к комку глины.

Элири свила из травы тонкий жгут и с его помощью скрепила между собой отдельные части «наряда». Закончив, натянула его на глиняное «тело» и подняла его вверх, показывая всем. Фигурка была одета в кожаную тунику и штаны, с пояса свисал крошечный кинжал, грубовато вырезанный из серебряного дерева.

— И нужно добавить что-то от каждого из нас,— сказала Элири, выдавила на глиняную фигурку несколько капель крови из разреза, который она нанесла себе раньше, и провела кинжалом по всей его длине.

Маурин отрезала длинную прядь своих волос, Джеррани плюнул на глину, то же самое сделал его брат-по-мечу. Элири кивнула и поманила Ромара:

— Не выпускай эту штуку из рук, что бы ни случилось. Веди нас, Джеррани.

Держа меч наготове, он зашагал сквозь ворота. За ним шел Ромар, по бокам от него — женщины, бросая по сторонам настороженные взгляды. Свет полыхал вокруг них, точно ослепляющая аура, жар иссушал, холод обжигал. Их било и бросало из стороны в сторону. Женщины крепко держали Ромара за руки, хотя от этих усилий у них заболели пальцы: казалось, будто какая-то сила все время норовила вырвать Ромара из их рук.

Потом все закончилось. На каменном полу в большом зале стояли, покачиваясь, три человека. Над ними развевались знамена. Маурин закричала:

— Ромар! Ромар! Он не прошел с нами.

Элири наклонилась и подобрала глиняную фигуру.

— Прошел, разве ты не понимаешь? Теперь нам остались сущие пустяки — покончить с лордом Тьмы, вернуть дух Ромара, заключенный в этой фигуре, в его тело и отправиться домой.— Она устало вздохнула.— Можно сказать, всего ничего.

В ответ послышался смешок, в котором чувствовались истерические нотки — все лучше, чем громкий протест. Глиняная фигурка в руках Элири задвигалась. Она поставила ее на пол, и та тут же двинулась вперед.

— Куда он идет?

— Ищет свое тело, надо полагать. Он связан с ним сильнее, чем любой из нас.

Они медленно пошли вслед за фигурой. В коридорах было светло, на стенах при их приближении вспыхивали руны. Маленькая фигурка неутомимо двигалась вперед, но Маурин уже заметно устала, и друзья пошли медленнее. Взгляд из окна, мимо которого они проходили, подсказал, что в стране теней они не потеряли ни мгновения. Сейчас время двинулось снова, хотя и мед-

леннее, чем снаружи. Если судить по положению солнца, они проникли внутрь Башни не больше двух часов назад, хотя им казалось, что с тех пор прошли дни. Всех терзали голод и жажда, сухие языки беспрестанно облизывали пересохшие губы.

Но вот крошечная фигурка побежала и остановилась перед запертой дверью. Элири застонала.

— Еще одна дверь! Что нам придется сделать на этот раз, чтобы ее открыть?

Джеррани собрался было ответить, но внезапно тяжелые деревянные створки задрожали. Дверь со скрипом отворилась, из комнаты хлынул красноватый свет.

Глиняная фигурка стремительно пронеслась мимо Элири. За длинным широким столом, откинувшись на спинку великолепного резного кресла, сидел хозяин Башни, а рядом с ним — Ромар, с понурым лицом и обмякшим телом. Элири успела заметить, что глиняная фигурка спряталась под столом лорда Тьмы. Взгляд лорда притягивал Элири, она медленно двинулась в сторону стола. В это время фигурка перебежала и спряталась за креслом. Горящие, красные, как угли, глаза лорда поймали взгляд девушки, не позволяя ей отвести его.

— Женщина, ты слишком злоупотребляешь моей добротой. Придется применить более сильные средства, чтобы избавиться от непрошеных гостей.

Он произнес сковывающее слово. Маурин и Джеррани, которые задержались в дверном проеме, замерли неподвижно. У Элири же возникло ощущение, точно все ее тело стянуто цепями.

Она должна выиграть время. Время, необходимое для того, чтобы дух Ромара успел воссоединиться с телом. Девушка зевнула:

— Зачем впустую тратить силы, сражаясь с тем, кто может стать союзником, лорд? Я пришла сюда из далеких мест, но земля тут бесплодная и жизнь на ней нелегка. У меня мало что есть, а у кого-то наверняка побольше. Что могущественный лорд предложит тому, кто может оказаться ему полезен?

На его лице внезапно возникло выражение заинтересованности.

— Ты не из этого мира. Ты прошла через ворота?

— Да.

Он кивнул, задумчиво откинувшись назад.

— Тогда понятно, почему с тобой так трудно справиться, женщина. Мысли в твоей голове движутся не теми путями, что в наших. У тебя другие боги, странные представления. Но я могуч. Не вздумай бросить мне вызов.

— Не буду. Пока... — Последнее слово она пробормотала себе под нос.— Я просто хотела бы знать, чем такой человек, как я, может быть полезен тебе.

Он задумался. Уголком глаза Элири видела, как глиняный манекен карабкается на кресло Ромара. Внезапно ее внимание отвлекло странное ощущение — чего-то знакомого, близкого... Вот оно что! Элири прикладывала титанические усилия, чтобы на ее лице не отразилось ничего. Друзья пробрались внутрь Башни и теперь шли им на помощь. Мимолетное ощущение их присутствия сменилось уверенностью.

Лорд Тьмы по-прежнему был погружен в глубокие раздумья. Эта женщина может оказаться самой полезной из них. Такая силища! Его планы быстро и существенно продвинутся вперед, если он найдет способ использовать ее. Доверять ей, конечно, нельзя, но, похоже, эти двое представляют для нее какую-то цен-

ность. Пока он заставил их только замереть, а может и убить, если пожелает. Нужно пообещать ей, что они будут в безопасности, только если она подчинится его воле. Если откажется, можно найти и другие рычаги воздействия.

Элири еле заметно повернула голову. Мощь лорда Тьмы все еще удерживала Джеррани, но, встретившись с ней взглядом, он затем перевел его на дверь. Значит, тоже чувствовал, что помощь приближается. Девушка снова посмотрела на кресло, в котором сидел Ромар. Глиняный манекен на мгновение мелькнул перед глазами, но тут же, забравшись на спинку кресла, спрятался за воротником плаща, в который был одет Ромар. Хорошо. Теперь, если только удастся отлечь внимание хозяина Башни хотя бы на несколько мгновений, у них, возможно, появится шанс.

Снаружи копыта глухо забухали по каменному полу, приближаясь к дверям. Элири не спускала взгляда с лорда Тьмы. Он допустил в отношении нее одну небольшую ошибку. Хотя он сам сказал, что она другая, и убедился, что его силы недостаточно, чтобы полностью сковать и ее, он все еще не понимал, каким образом может справиться с ней.

Она сфокусировала свое сознание, сжала его в узкий луч, направленный прямо в сторону тех, кто шел им на помощь:

«Задержитесь! До тех пор, пока я не подам знак».

Стук копыт за дверью смолк. Углубившись в свои мысли, хозяин Башни не замечал ничего. С какой стати? Он был адепт, пусть даже испорченный гордостью и тщеславием, и на его памяти не случалось такого, чтобы кто-то оказался способен сопротивляться его приказаниям. В конце концов, однако, он поднял голову и пристально посмотрел на Элири.

Девушка сделала движение рукой, которое привлекло его внимание. Кровь! Она ранена. Нужно воспользоваться этим и скрутить ее прямо сейчас, не сходя с места и не давая никаких глупых обещаний. Раздувшись от гордости, он сидел, собирая всю свою силу, чтобы нанести удар.

И вспоминал день, когда стоял в каньоне. Неимоверные усилия, которые пришлось прикладывать, чтобы выбраться оттуда, отняли последние силы, высосали жизненные соки, уничтожили его. Правда, умерло только тело. И все же сменилось немало поколений, прежде чем неподалеку от его местопребывания оказался незадачливый охотник, а лорд сумел накопить достаточно силы, чтобы завладеть его телом как пристанищем для своего бездомного духа. Но все время, пока он ждал, его горечь и ненависть росли. Когда-то он был просто адептом, потом стал адептом Тьмы. Потом всего лишь бестелесным духом, воющим на ветер. С обретением нового тела его сила стала расти — а вместе с ней и злоба. И все же он не желал делать выводов из уроков, полученных в прошлом. Более того, он не желал замечать, что его сила была лишь тенью того, чем он обладал прежде.

Он смотрел в лицо Элири, а его разум нашептывал предостережения. Но он самоуверенно отмел их. Как! Разве не он боролся в свое время с другими адептами, которые считали, что следует опасаться пришельцев из других миров, где жили совсем иные люди? Он завладеет духом этой женщины, подчинит его своей воле. Использует ее силу — и этих двоих тоже,— чтобы увеличить свою собственную. Даже втроем, даже все вместе, они — ничто по сравнению с ним. Сколько трудов — и какой итог? Верну-

лись к нему с пустыми руками, а его раб по-прежнему в цепях.

Он задумчиво смотрел на Элири. Что-то было в ней такое... Смутно знакомое. Какая разница? Она — ничто; все они — ничто. Теперь у него снова есть тело, он снова вернул себе свою Башню. Пришло время расплаты. Гордость переполняла его, он откинул голову и издевательски засмеялся. Он тут хозяин. Лучше бы эти ничтожества добровольно склонили голову перед ним — пока он не заставил их сделать это силой. Его глаза снова встретились со взглядом Элири и снова его пронзило странное ощущение узнавания. Чувствуя непонятное раздражение, он посмотрел на двух других.

И Джеррани, и Маурин прикладывали неимоверные усилия, пытаясь вернуть себе способность двигаться. У обоих ничего не получалось, конечно. Боковым зрением Элири видела все это и понимала, что на них пока рассчитывать нечего. Это ее задача. Далекие предки недаром открыли ей дорогу в туман; возможно, именно ради этого. Лорд Тьмы не способен полностью сковать ее. Сейчас разворачивается последний акт драмы. Это действо должно было окончательно и нерасторжимо связать ее сердце и дух с землей, которую она уже успела полюбить. Элири сосредоточилась и очень медленно, но все же двинулась вперед, скользя ногами по полу.

Поскольку лорд Тьмы сидел за столом, он заметил это, лишь когда она продвинулась уже на несколько футов. Он тут же наложил на нее еще одно заклятие, но она все равно продолжала действовать — как могла.

«Пора!»

Копыта с грохотом обрушились на дверь, на мгновение стали видны головы четырех Кеплиан. Дверь

немного приоткрылась, но тут же захлопнулась снова, повинуясь заклинанию. Лорд Тьмы от удивления слегка подпрыгнул, но постарался скрыть это движение, наклонившись вперед.

— Надеешься на помощь своих друзей? Зря. Впрочем, мне эти глупые Кеплиан пригодятся — снабдят добавочной силой, когда я захвачу их.

Копыта упорно колотили по твердому дереву, пытаясь разрушить его. Он нахмурился и вскинул руки, чтобы сотворить заклинание. Нужно сделать дверь неуязвимой, и тогда можно будет разобраться с теми, кто находится внутри. А когда это произойдет, он даст волю своей ярости и покажет Кеплиан — изменникам, глупцам! — что значит штурмовать Башню лорда Тьмы.

Элири почувствовала, что наложенное на нее заклятие слабеет. Не намного, но достаточно, чтобы позволить ей обрести дар речи. Она начала негромко напевать себе под нос — слова как будто сами собой выплывали из глубин памяти. Мольба, обращенная к богам,— даровать силу воину, противостоящему Тьме.

— Мать-Земля, помоги своей дочери. Отец Небесный, помоги воину.

— Ка-дих, сделай так, чтобы мои стрелы летели быстро и лук был послушен мне.

Она героически боролась с силой, которая подчинила ее себе. Кровь стучала в висках — и становилась барабанной дробью звездного света. Он запылал прямо перед ней, выхватив из тьмы пристально глядевших на нее людей. Воинов, которые, мерцая черными глазами, сидели на гордых конях. Воинов, которые приветственно закивали ей и подняли вверх щиты и копья в знак признания той, в чьих жилах текла их кровь. Глаза Элири расширились при виде их са-

люта. Ее охватило чувство гордости — и барабанная дробь звездного света зазвучала еще громче. Те, кто ушел, вернулись, потому что она — Воин, дитя их крови, чистокровная тшоах.

Все громче и громче гремели барабаны. В голове у нее зазвенело, тело начало покачиваться в такт яростным ударам крови и барабанов. И тогда где-то в глубинах памяти, в области, недоступной сознательному контролю разума, распахнулась дверь. Как только исчез этот барьер, хлынули слова. Это был не просто обычный ритуальный напев — это выплескивалась наружу ее суть, все то, чем она на самом деле была. И с каждым словом сила ее росла:

— С громом и грохотом я скачу,
Дочь Ка-диха, дитя тшоах.
Та-Которая-Ходит-Странными-Путями,
Названая сестра четвероногим, великим сердцем.
Я не склоняю голову ни перед кем.
Ка-дих, будь милостив к своей дочери.
Никто не сможет меня остановить.

Элири покачивалась, ее ноги слегка приподнимались, притопывая во все более ускоренном ритме. И с каждым притопыванием она чуть-чуть продвигалась вперед, а с каждым крошечным продвижением вперед сила ее росла.

Хозяин Башни был целиком поглощен заклинанием, которое он накладывал на дверь с целью не позволить мощным копытам разнести древнее дерево на куски. Магические слова связывали щепки воедино, делали неподвижными петли, заклинивали замки.

Элири, напевая все громче, взывала к богам, которым поклонялись люди ее крови. И они отвечали,

делясь с ней своей силой. Пока пролетали эти мгновения, она познала яростную гордость тех, кто свободно скакал по равнинам, кто был известен всем как тшоах, враг белых людей.

Чем громче становился ее напев, тем выше девушка вскидывала голову. Внезапно лорд Тьмы, все еще творивший заклинания, оставил свои усилия. Он наконец заметил, что происходит, и выкрикнул магическое слово. Голос Элири стал плохо слушаться ее, но она заставила себя продолжать. Скорость движений нарастала. Несмотря на все новые заклинания, она крепко держала в руках меч и даже размахивала им. Лорд Тьмы выложился целиком, стараясь сковать ее. И потерпел неудачу. Продвижение Элири вперед замедлилось, но не прекратилось, в серых глазах, похожих на штормовое небо, сверкала его смерть. Тут он наконец запаниковал и нанес хлещущий удар по ране на ее руке. Он капля за каплей выцедит ее кровь; тогда настанет конец этому фарсу. Она поймет, что значит противиться воле того, кто сильнее.

Но Элири еще раньше, в стране теней, провела по ране серебряным кинжалом. Лорд Тьмы не знал этого, и дух серебра вторгся в его сознание. Раздался душераздирающий вопль, сосредоточенность хозяина Башни дрогнула, и, как только это произошло, глиняный манекен выпрыгнул из кресла.

Крошечное тело рассыпалось, ударившись о каменный пол. Из него поднялся дух Ромара и вошел в его тело, безвольно лежащее в резном кресле. В первый момент ничего не произошло. Ему требовалось время, чтобы привыкнуть к своей целостности снова. Чтобы сила наполнила собой эту прежде пустую оболочку. Взгляд Ромара опустился, а губы искривились в подобии мрачной улыбки.

На нем, однако, остались и пояс, и прикрепленный к нему меч в ножнах. Видно, таким образом его злобный господин забавлялся — позволив пустой оболочке оставить при себе принадлежности воинского достоинства. Прекрасно, эта беззаботность может обойтись лорду Тьмы недешево, если Ромар придумает, как действовать,— и получит в свое распоряжение достаточно времени, чтобы восстановить силы. Он расслабился. Если ничего не можешь сделать, не делай ничего. Ненужное волнение лишь отнимает силы. По крайней мере, так всегда говорил наставник Ромара, обучавший его воинскому искусству. Ну что же... Он подождет.

Копыта все еще колотили в дверь, с гулким звуком она содрогалась снова и снова. Шум приводил в ярость хозяина Башни. И еще эта женщина, которая осмелилась выступить против него. Сколько он ни выкрикивал слова силы, это не останавливало ее медленного приближения.

Не отдавая себе в этом отчета, он отступал, занервничав при виде непреклонности Элири. Нет, это немыслимо — чтобы она смогла добраться до него. Такого просто не может быть. Но все вместе — и ее молчаливое, хотя и медленное продвижение вперед, и этот трижды проклятый шум от двери — выбивало лорда Тьмы из колеи, подталкивало к лихорадочным и непродуманным действиям. Чтобы остановить Элири, он вытягивал силу из заклинаний, которыми связал ее друзей. Хорошо хоть, что они, похоже, оледенели от ужаса. Ничего, он удержит их. Этого послабления, однако, оказалось достаточно, чтобы вернуть им способность говорить, и Джеррани даже ухитрился слегка повернуть голову к Маурин.

— Будь наготове. Если им удастся убить его, не забудь про дар.

Она опустила взгляд вниз, туда, где еле заметная выпуклость на тунике указывала на то, что там лежит кристалл Духаун.

— Да.

Но откуда бы и сколько ни выкачивал силу лорд Тьмы, это ничего не меняло. Все еще негромко напевая, Элири продолжала медленно наступать. Комната была просторная, но девушка уже одолела больше половины расстояния. Кресло хозяина Башни скрежетало о камень, когда он в очередной раз отодвигал его. Дверь гудела снова и снова. Он злобно выругался. Только бы заглушить эти звуки, пусть даже это будет последнее, что он сделает в своей жизни! Его выводил из себя не столько сам звук, сколько факт того, что он не способен добиться тишины. Охваченный яростью, он вытянул силу из заклинания, удерживающего Элири, и с дикой яростью швырнул ее в дверь. Это научит тех, кто осмеливается не подчиняться его приказу. У двери все стихло, но зато громче стало слышно пение Элири.

— Никто не сможет меня остановить.
Я — тшоах, правнучка Фара Трейвелера.
Пусть боги сделают свой выбор,
Как я сделала свой.
Я не стану есть грязь из чужих рук.

Она, пошатываясь, сделала еще шаг вперед, и лорд Темной Башни изумленно посмотрел на нее. Меч замерцал в ее тонких руках.

— Странными путями пришла я сюда,
Потому что такова была моя воля.
Я не хожу по чужим следам.
Я не сражаюсь по приказу.
Я сама себе хозяйка.

Меч с размаху опустился.

— Эйх!

То был клич удачи ее соплеменников, всегда прочно сидевших в седле. Острие меча лишь задело Темного, распороло одежду и кожу, пробороздило безволосую грудь. Тонкой струйкой потекла кровь. Охваченный яростью и внезапно нахлынувшим смертельным ужасом, Темный в шоке глядел на свою кровь. Она ранила его, она... осмелилась! Он резко отшатнулся, когда меч опустился снова.

Он отступал все дальше, а его мысли неистово метались, пытаясь отыскать что-то, что могло бы остановить медленное продвижение Элири вперед. Нужно как можно быстрее разделаться с ней, с остальными непокорными проблем не будет. Страх ему внушала только она.

Меч рубанул еще раз, и снова лорд Тьмы отступил, сдавая позиции. И тут на ум ему пришло одно давно забытое слово силы. Это было рискованно. Могло получиться так, что оно захватит с собой и его. Но разве у него был выбор? По крайней мере, все они тоже погибнут вместе с ним; никто не уцелеет, и победителей не будет. Он открыл рот, чтобы победоносно выкрикнуть магическое слово — и едва не задохнулся. Спину пронзила боль — мучительная, непереносимая. Тяжело дыша, Темный завертел головой, пытаясь разглядеть того, кто стоял позади.

Это был Ромар, который ухитрился подняться в полный рост. Двумя руками он засунул меч в ножны и рухнул в кресло, которое занимал так долго. Темный с ненавистью посмотрел на него и сделал последний вдох. Он погибнет не один; его месть будут помнить все грядущие поколения. Он открыл рот, чтобы выкрикнуть свое волшебное слово, но...

Не успел. Как только Ромар нанес удар, меч Элири снова взметнулся вверх. Тонкое лезвие запело в полете, кончик чиркнул по горлу Темного и уничтожил несказанное слово, которое могло стать роковым для всех них. Гром барабанов ревел в голове Элири. Далеко-далеко за пределами всего, что окружало ее сейчас, копья с каменными наконечниками взметнулись вверх в приветственном салюте. Голосом, который звучал низко и звучно, она победоносно пропела завершающие слова:

— Я сама себе хозяйка.
Я — тшоах, а мы никогда не щадили наших врагов.
Я благодарю богов, Землю и Небеса,
Гром и грохот военных барабанов.
Ка-дих! Твоя дочь благодарит тебя.

Тело Темного, рухнувшее перед ней, истекало кровью. Оно распростерлось на холодном полу и, казалось, было лишено костей. По мере того как жизнь медленно уходила из него, свет ненависти в глазах угасал. Взгляды Элири и Ромара встретились. Слабая улыбка тронула его губы.

Маурин первой освободилась от заклятия. Ее рука метнулась к шнуровке туники, вытащила из-под нее кристалл, подняла его над головой и швырнула на

пол. Во все стороны брызнули яркие осколки. Башня содрогнулась. После гибели хозяина все, созданное им, начало разрушаться. Только Ромар знал, сколько всего этого было. И поэтому именно он схватил Элири и Маурин за руки.

— Нужно бежать, не задерживаясь и как можно быстрее. Когда хозяин умирает, сила начинает работать вхолостую. Лучше нам выбраться отсюда прежде, чем она достигнет слишком большого размаха.

Он, конечно, был все еще очень слаб, но с помощью женщин как-нибудь дойдет.

Элири схватила его за руку:

— Нет, постой! Смотри!

Оттуда, где лежало тело Темного, поднимался туман, принимая форму лица человека, которым он прежде был. Глаза пламенели яростью, ненавистью, вызовом, в основе которого лежало непомерно раздутое тщеславие, и сознанием собственного бесславного поражения. Однако над тем местом, где лежали яркие радужные осколки, уже курился другой туман. Окутывая зловещее лицо, он сдавливал его; оно становилось все меньше и меньше, пока, наконец, не истончилось настолько, что превратилось в ничто.

Ромар глубоко вздохнул и сказал ломким голосом:

— Тот, кто обитал здесь, ушел навсегда. Но, хотя Башня очищена от его присутствия, в ней осталось множество ловушек, которых нам следует остерегаться. И все же важнее всего то, что моего хозяина больше нет. — Его пальцы стиснули руку Элири. — Я поздравляю ту, в чьих жилах течет кровь воина. Я приветствую друга.

Элири усмехнулась:

— Побереги речи до того времени, когда мы выберемся отсюда.

Дверь загудела и раскололась от удара. Внутрь просунулись головы четырех Кеплиан.

«Сестра, ты что, вечно собираешься стоять тут и разговаривать? Или, может быть, мы все же покинем это проклятое место?» — спросила Тарна.

Элири снова усмехнулась и подошла к Кеплиан. Ромар изумленно смотрел на них. Во время ночных встреч с Элири беседа не раз касалась Кеплиан. Она считала, что их создали как верных друзей и помощников человека. Но он даже представить себе не мог, насколько величественны эти крупные животные с их новыми сапфировыми глазами. Элири крепко обняла всех четверых и проверила, нет ли у них ран. Может быть, последнее заклятье причинило им вред?

«Все в порядке, боевая сестра. Это заклятье просто лишило дверь возможности издавать звуки, когда мы в нее колотили».

— И он расходовал силу на такие пустяки? Это и погубило его.

Ромар довольно засмеялся:

— Зло часто терпит поражение по собственной вине — из-за глупого потворства своим желаниям. Шум сводил Темного с ума, вот он и использовал силу, чтобы добиться тишины. Благодаря этому ты смогла частично освободиться, а твой меч заставил его повернуться спиной ко мне.— Ромар взял Элири за руку.— Ты знаешь, как меня зовут, но твое имя мне все еще неизвестно. Тсукуп — так ты себя называла. Но как тебя зовут на самом деле?

Душа Элири возрадовалась от того, с какой теплотой Ромар смотрел на нее. Это был настоящий воин — только у воина могло хватить мудрости довериться своей интуиции и положиться на другого, почти неизвестного ему человека. Она не успела рас-

сказать ему всю свою историю. Он даже не знал, что у них были общие далекие предки. Но сейчас он просил ее не об этом.

— Элири,— негромко ответила девушка, в свою очередь сжав его руку.— А теперь давайте выбираться отсюда.

Он со смехом прислонился к ее плечу, и она повела его к двери.

— Ты мне расскажешь обо всем позже, верно? Я подожду. И еще надо будет непременно сообщить в Долину Зеленого Безмолвия обо всем, что тут произошло. Но...— Он сжал ее руку.— Я знаю, ты рисковала, чтобы спасти меня. Любая благодарность выглядит жалкой по сравнению с тем, какой опасности ты подвергала свою жизнь. И все же я благодарю тебя.

— Это не обязательно.

— Но тем не менее это так,— с мягкой настойчивостью произнес он.— Однако чувство благодарности — не единственное, что я испытываю по отношению к тебе.

Элири подняла взгляд и увидела на лице Ромара такое выражение, от которого у нее вся кровь прихлынула к голове. Она с улыбкой посмотрела на него. Ну, ее не раз интересовало, при виде всех этих кобыл с их жеребятами, не суждено ли ей единственной остаться в каньоне бесплодной? Теперь стало ясно, что, скорее всего, нет. Чувствуя удивительную легкость на сердце, Элири подставила Ромару плечо и повела его дальше по коридору. Многое было сделано, но в грядущие времена предстояло сделать еще больше. Однако сейчас нужно было думать прежде всего о том, как выбраться из этой ловушки.

Позади них Тарна шумно втянула носом воздух:

«Я чую воду. Боевая сестра, может, напьемся? Мужчина, которому ты помогаешь, ослабел от жажды».

Элири молча кивнула, жестом показав кобыле, чтобы та поискала источник. Копыта звонко зацокали по мраморному полу — Тарна отправилась на поиски. И почти сразу же ткнулась носом в круглое пятно на стене.

«Здесь».

Элири приложила к пятну кинжал. Стена в этом месте начала судорожно изгибаться и раскрылась, медленно повернувшись. Стала видна чаша с желобом над ней. Девушка прочистила его ножом и оттуда полилась вода.

— Вроде бы обычная вода.— Она вопросительно обвела взглядом остальных.— Вреда не будет?

Ромар кивнул, наклонился, опустил свой кинжал внутрь чаши и напился.

— Похоже, все нормально. Пейте побыстрее и пойдем дальше.

Они пили один за другим — чаша продолжала наполняться. Внезапно все отскочили — над головами раздался слабый медленный скрип. Как будто потолок застонал под весом той части Башни, что находилась над ним.

Джеррани с беспокойством посмотрел вверх:

— Пошли быстрее. Иногда, если хозяин гибнет, строение, которое ему подчинялось, разрушается полностью.

Элири вздрогнула.

— Нужно постараться не делать остановок. Не хватало только, чтобы все эти камни обрушились на нас.

Как только последний Кеплиан утолил жажду, Тарна просигналила, что можно отправляться в путь. Один коридор сменялся другим. Элири по-прежнему поддерживала Ромара; двигаться самостоятельно он не мог.

Она и сама чувствовала все возрастающую усталость, но ему приходилось еще хуже, и девушка делилась с ним своей силой. Наряду с усталостью ее все сильнее мучил голод — и телесный, и сердечный. Ощущение тепла, струящегося сквозь их тела в том месте, где они соприкасались, было ей приятно. Она мало что могла предложить ему. Он — сын состоятельного человека, пусть даже этот последний в своей глупости и презирал его. Она же прибыла из иного мира, принадлежит к другой расе. Может быть, это будет иметь для него значение? Элири припомнился момент, когда их взгляды встретились над поверженным врагом. Тогда имело значение лишь одно — то, что враг был мертв, а пленник свободен.

Элири молча молилась богам: «Пусть так будет и дальше. Пусть мы станем друг для друга больше, чем просто люди, у которых общие далекие предки».

Коридор закончился широким залом. Через огромные, высоко расположенные окна вливался солнечный свет, оставляя теплые лужицы на холодном каменном полу.

19

Ромар потянул Элири к одному из окон, жадно вглядываясь в раскинувшийся перед ними ландшафт. Долго, очень и очень долго он не видел травы, не ощущал дуновения ветерка и прикосновения солнечного света, не вдыхал запахов родной земли. Повернув голову,

Ромар взглянул на женщину, стоящую рядом. Может быть, кто-то и не счел бы ее красавицей. Но он был воином и охотником; с его точки зрения, сила и гибкая грация Элири — вот где была истинная красота. И в чистых линиях ее лица, и гордой посадке головы тоже. Она была прекрасна, как может быть прекрасен отличный меч, и грациозна, как дикая кошка. Он хотел ее, но даже более того; пока ночь за ночью их разговоры спасали его от безумия, он полюбил ее.

Ромар не сводил с Элири задумчивого взгляда. Он мало что мог предложить ей. Да, его зять был хозяином замка, но это ничего не дало ему, кроме дружбы. Если он женится, Маурин, конечно, сделает им подарки, но от мрачного старика, приходившегося ему отцом, он не получит ничего. Несколько лет назад они с Маурин узнали, что отец снова женился, на какой-то девушке, жених которой погиб в сражении. Она родила ему ребенка; по слухам, и другой был на подходе. Отец пообещал своей юной жене, что, если это произойдет, его замок отойдет ей.

Правда это или нет, но претендовать на то, что принадлежало ему по праву рождения, Ромар мог только в том случае, если бы вернулся к отцу и поселился вместе с ним. Отказался от здешних диких просторов, которые полюбил так сильно. Нет... Пусть жена отца и ее дети получат то, что им было обещано. Здесь полно свободной земли, а дом можно построить и собственными руками.

Если только... Если только женщина, которая стояла сейчас рядом, прижимаясь к нему теплым боком, согласится принять бедного охотника. Он напряженно всматривался в ее лицо; вряд ли она откажет ему, движимая жадностью. Не тот человек. Однако любой женщине хочется иметь дом, а в этом смысле

ему нечего предложить ей. Мелькнула мимолетная мысль — а где, интересно, она живет? Почему-то они никогда об этом не говорили во время своих ночных встреч. Может, она боялась каким-то образом дать ему ключ от этого места — ведь он, как-никак, находился во власти Темного?

Ромара охватило любопытство. Где же она, в самом деле, живет здесь, в этих диких землях? Как только они выберутся из Башни, он задаст ей этот вопрос. Если там хватит места для двоих, может быть, она согласится разделить с ним кров. Он был неплохим воином и охотником. Ну, и имел кое-какое снаряжение и вещи... Джеррани подал сигнал, что пора двигаться дальше, и Ромар до поры выкинул эти мысли из головы. Боги, дайте только одно — чтобы всем им удалось выбраться на свободу.

Они пошли дальше, медленно и осторожно. Но коридоры по-прежнему были залиты светом, и никакие ловушки их не подстерегали — если они вообще еще уцелели. Если бы не слабость Ромара, которому приходилось часто отдыхать, их путь продлился бы не так уж долго. Зато во время каждой остановки друзья могли обменяться своими впечатлениями.

Тарна, как обычно, говорила от имени всех Кеплиан:

«Мы ждали, ждали, а ты все не возвращалась. Потом пришел сигнал, и мы поняли, что наши прекратили сражение на реке. Ты не появлялась, мы забеспокоились и вошли, ведь дверь в Башню была все еще открыта. Если коридоры оказывались слишком узки для нас, мы скакали по другим, но все время ощущали нашу связь с тобой, и в конце концов она привела нас туда, где ты боролась с этим Темным».

— Вы не проходили через большую пещеру далеко внизу?

Кобыла выглядела удивленной:

«Нет, мы все время двигались вверх. И довольно быстро нашли тебя».

Люди с интересом переглянулись. Эта Башня — просто какой-то лабиринт, подумала Элири. Казалось, с любого места в ней можно добраться до другого — и вообще куда угодно. А, какая разница? Она будет просто счастлива, если никогда в жизни больше не окажется здесь, вот бы только выбраться из этих бесконечных коридоров. В какой-то момент Ромар оступился и они оба едва не свалились. Когда они после этого остановились, чтобы отдохнуть, Тарна шутливо ткнулась в Элири мордой:

«Может, мне понести твоего супруга, если он позволит?»

Вопрос, как обычно, «услышала» не только Элири, и все удивленно воззрились сначала на кобылу, потом на покрасневшую Элири.

Джеррани усмехнулся:

— Ха, похоже, весна пришла, а мы и не заметили.

Его жена бросилась к Ромару и Элири, чуть не свалив их на землю. Хорошо хоть Джеррани успел подставить руку.

— Осторожно, Маурин. Он, как-никак, должен быть в форме на собственной свадьбе.

Теперь шеки Элири просто пылали:

— Эй, меня еще никто ни о чем не спрашивал; не гоните лошадей.

— Как не спрашивал? Ну, конечно, Ромару следует быть осмотрительным, ведь он уже не мальчик.

Ромар выпрямился:

— Спасибо, брат. Я сам могу за себя сказать.— Он нашел взглядом лицо Элири и, к своему удивлению, прочел на нем ответ. Он бережно взял ее за руку и поставил перед собой.— Как ты отнесешься к предложению мужчины, у которого нет ничего, ни земель, ни богатства, ни власти? К тому же, никто никогда не называл меня красивым. И я действительно уже не мальчик. Мне бы, конечно, кое-что перепало, если бы я вернулся к отцу и поклонился ему. Но этого я не стану делать, даже ради любви.

— Я и не хочу, чтобы ты сделал это! — горячо прервала его Элири.— Маурин рассказала мне обо всем. Какая глупость со стороны твоего отца — не ценить такого сына!

Глаза Ромара засияли.

— У меня нет ничего,— настойчиво повторил он.

— У тебя есть сила и мужество, ум и душа. Что еще нужно? — Элири отвернулась, внезапно застеснявшись.— Я понимаю, ты хотел бы, женившись, остаться в этих краях. У меня здесь есть небольшое владение, но оно и так уже наполовину твое.— Ромар в замешательстве не сводил с нее взгляда.— Давайка и в самом деле воспользуемся предложением Тарны. Я объясню тебе все по дороге.

Он сел на кобылу, и они медленно продолжили путь. Элири рассказала ему, как туман расступился перед ней и что она там узнала. Выслушав ее, Ромар глубоко вздохнул:

— Значит, этот каньон и дом принадлежат нам по праву рождения?

— Так сказали наши с тобой далекие предки.

Он взял ее за руку:

— Я не хочу жить там один и не хочу, чтобы ты уходила оттуда.— Голос у него дрогнул.— Я ничего

особенного собой не представляю, как всегда уверял мой отец. И все же, если ты согласна разделить со мной жизнь и все остальное, я буду любить тебя. Я... Я уже люблю тебя, моя храбрая леди.

Сейчас Ромар просто выдавливал из себя слова. Прежде ему было легко разговаривать с женщинами, но никогда еще он не вел такого серьезного разговора. Никогда никому не открывал свое сердце, никогда не признавался в любви; эта стройная сероглазая дочь чужого народа была первой.

— Может быть, ты всего лишь думаешь, что так будет проще? Дом наполовину твой и..

Ромар обнял ее за плечи и даже слегка встряхнул. И откуда только силы взялись? От огорчения, скорее всего.

— Нет, я не думаю, что так будет проще. Я люблю тебя! Если ты меня не любишь, если ты меня не хочешь, тогда каньон твой. Я останусь с Маурин и Джеррани. Я знаю, что я не бог весть какой выгодный жених; я знаю...— Он смолк, увидев радость, вспыхнувшую в глазах Элири.

— Я верю тебе, я верю тебе. Только не затряси меня до смерти, а то до обручения и дело не дойдет.

— Ты согласна... Я имею в виду, ты действительно... Ты уверена, что ты...

Элири нежным движением прикрыла рукой его рот.

— Я имею в виду, что люблю тебя, что выйду за тебя замуж и что, может, хватит, наконец, разговаривать и ты поцелуешь меня?

Последовало долгое молчание, прерванное возгласами одобрения со стороны догнавших их друзей.

Когда Ромар и Элири оторвались друг от друга, Тарна, охваченная любопытством, ткнула носом свою названую сестру.

«Значит, у тебя теперь будет жеребенок?» — спросила она.

Элири беспомощно захихикала, не зная, что отвечать. Остальные рассмеялись.

— Дай мне шанс, Кеплиан,— отдышавшись, сказал, наконец, Ромар.

«Меня зовут Тарна».

— Спасибо. Тогда дай мне шанс, Тарна, и спасибо за то, что везешь меня. Что касается жеребят...— он с улыбкой посмотрел в глаза Элири.— Думаю, в ближайшие годы на свет может появиться жеребенок или даже два. Только не подгоняй нас.

Кобыла кивнула и продолжила путь. Элири шла рядом, Ромар крепко сжимал ее руку.

Все путешествия рано или поздно кончаются. Закончилось и это — в лучах ослепительно яркого солнца. Ромар заслонил глаза от света и соскользнул с широкой спины Кеплиан на траву. С наслаждением вдохнул ее свежий аромат, зарылся пальцами в землю и с таким чувством, точно видел их в первый раз, посмотрел на коричневые крошки, прилипшие к руке. Он так боялся, что никогда не увидит все это снова! Но когда надежда уже угасла, на другом берегу отчаяния появилась та, которая вернула ему жизнь. Не она одна, конечно; и его сестра, и брат-по-мечу и, во что до сих пор с трудом верилось, четыре Кеплиан. Он улыбнулся, откинувшись на мягкую траву.

— По-моему, все это мне снится.

Элири опустилась рядом с ним.

— Тогда пусть тебе снится и это.— Она поцеловала его, нежно и страстно.

Ромар усмехнулся, обнял ее и вернул поцелуй. И тут Джеррани закричал, глядя вверх. Проследив за его взглядом, они увидели, что Башня медленно осы-

пается. Вся верхняя часть уже разрушилась, дверь, через которую они вошли и вышли, захлопнулась. Было слышно, как за ней с долгим, медленным грохотом рушатся камни. Звук этот эхом отдавался вдали, словно Башня или, вернее, то, что от нее осталось, проваливалась в другое, безмерно далекое, неведомое измерение.

— Думаю, нам лучше убраться отсюда подальше,— пробормотал Джеррани.

Все взгромоздились на спины Кеплиан и ровным галопом поскакали по равнинам к предгорьям. Насчет того, куда именно отправиться, ни споров, ни колебаний не возникало; сейчас Ромару требовалось одно — какое-то время отлежаться в постели. Было решено, что Маурин и Джеррани поскачут в Долину Зеленого Безмолвия, чтобы рассказать о случившемся и забрать детей, а Элири и Ромар будут ждать их в замке у озера.

Все именно так и произошло. Вскоре Маурин и Джеррани вернулись, а с ними тяжело нагруженные лошади и целый «хвост» всадников. Элири выбежала, чтобы встретить их, следом за ней показался Ромар.

— Я рада, что ты снова здесь, сестра. Но что это вы привезли? Ограбили чей-то замок?

Та, которой и в самом деле предстояло стать сестрой Элири, засмеялась:

— Нет, просто заехали в гости к моему отцу.— Улыбка Маурин стала еще шире, когда при этих словах Ромар резко вскинул голову.— Намекнули ему, что у Ромара богатая невеста, у которой есть земля и прекрасный дом. Он сказал, что не посрамит тебя. Вот он... Ах!... Вот он и посылает кое-что в подарок невесте.

Элири изумленно смотрела на тяжело навьюченных лошадей.

— И что из этого добра предназначается нам?

Джеррани в свою очередь широко улыбнулся:

— Все. Здесь не так много, как кажется. Вещи не столько ценные, сколько объемистые. И все же, думаю, они вам пригодятся. Лошадей нужно вернуть, обоих, и ты можешь, в свою очередь, отослать с ними немного своих мехов как подарки от будущей родственницы.

Элири кивнула. В каньоне осталось еще много хорошо выделанных мехов, самых разных размеров и видов. Здесь, в безлюдных местах, где тебя почти никто не видит, их ценность была не слишком велика. Другое дело в долине, в окружении цивилизованных поместий и замков, где к тому же такие меха добыть почти невозможно; там они имели огромную цену. Можно отобрать приличный тюк самых хороших, в том числе и несколько шкур расти. То-то глаза все раскроют от удивления...

Маурин сжала руку брата:

— Как ты? Совсем поправился? Все еще бледный какой-то... Хорошо питаешься?

Ромар крепко обнял ее:

— Со мной все в порядке. Ем, как медведь после зимней спячки. А что касается бледности... Подожди, дай мне немножно подзагореть.

Он повернулся как раз во время, чтобы не свалиться под натиском двух ребятишек, которые буквально набросились на него. Ромар ушел из дома уже почти год назад, но ни один из них не забыл своего обожаемого дядю. Когда возбуждение немного улеглось, все перешли во внутренний двор и стали помогать разгружать лошадей. Элири взглянула на Маурин:

— А кто эти люди? Твои новые слуги?

— Нет, ваши. Пусть побудут здесь несколько недель, мы научим их понимать эту землю. Потом вы заберете с собой тех, кто захочет. К тому же тут они смогут понемногу привыкнуть к Кеплиан и понять, что их нечего опасаться.

На мгновение Элири заколебалась. До сих пор ей представлялось, что они просто будут жить в большом доме в каньоне, и все. А Маурин, похоже, не сомневалась, что им придется поднимать эти земли, обихаживать их — так, как это делают все владельцы больших имений. Элири негромко вздохнула. Похоже, грядут новые перемены в жизни.

Потом она расправила плечи. Все, что в последнее время изменилось в ее жизни, было к лучшему. Теперь у нее есть земля, чтобы жить на ней, муж, чтобы любить его, семья и друзья. Главное, теперь ей есть за что, а не против чего сражаться. Она больше не станет бояться перемен. Элири взглянула на Ромара, который как раз в этот момент снимал с лошади очередной тюк. Если все перемены принесут ей такую же радость, тогда она ничего не имеет против них.

Он, должно быть, почувствовал ее взгляд, потому что повернулся, посмотрел на нее, передал тюк Джеррани и зашагал по двору. Взял руки Элири в свои, прижал их к своему сердцу и, наклонив голову, поцеловал ее. Она не станет бояться перемен. Она — воин и встретит их так же, как встретила все, что с ней произошло на протяжении этих последних лет.

Но теперь одиночество позади. Рядом с ней всегда будет Ромар — человек, которого она любит, с которым делит и кров, и превратности жизни. Элири улыбнулась — в его объятиях ей было так хоро-

шо, так спокойно. И в глубине души вознесла молитву благодарности Идущим Впереди. В конце концов, именно тот путь, который они проложили, привел их дочь домой.

Вот в таком виде эта история спустя много месяцев после ее завершения попала в записи, которые вел Лормт. После того как горы в Карстене оказались вывернуты наизнанку, странные события берут свое начало в его землях, превратившихся в бесплодную пустыню. Эта история — рассказ еще об одном из них. И, похоже, не последний. Когда мощные силы приходят в движение, старые тайны оживают снова.

Магический камень

1

Мерет из Ферндола — записи в личном дневнике по пути в Эсткарп
(по календарю Долин — Месяц Огненного Шипа, год Рогатого Охотника)

Доблестный мой Неуверен, если бы ты увидел, как я веду дневник, то, наверняка бы, улыбнулся. Нет, не просто улыбнулся; вне всякого сомнения, ты бы рассмеялся при виде старухи из Долин, согнувшейся в три погибели, в трюме корабля посреди бушующего зимнего шторма, пытаясь навести хоть какой-то порядок в бумажном хламе, который жители Сулкара гордо именуют грузовыми документами.

Мне бы ничего не оставалось, кроме как мучиться в темноте со счетными палочками, не вспомни я о придуманном тобой хитроумном держателе, с помощью которого лампа всегда остается в одном и том же положении, как бы сильно не раскачивало корабль. Изучив мои чертежи, капитан Халбек приказал плотнику сделать несколько таких держателей для наших кают. Предвидя зимние сквозняки, он благоразумно запасся достаточным количеством ламп, защищенных роговыми экранами.

Если со светом я не испытываю никаких затруднений, то мое положение на скамье, на которой я сейчас сижу, весьма неустойчиво. Мне приходится очень осто-

рожно обращаться с пером, чтобы избегать помарок и клякс. Клянусь, это труднее, чем писать, сидя верхом — по крайней мере, в этом случае я всегда могла бы придержать лошадь. Если бы этот отчаянно раскачивающийся корабль подчинялся уздечке! Наставниц, обучавших меня в детстве, наверняка разочаровал бы вид этих страниц. К счастью, торговая тайнопись, что придумали мы с тобой много лет назад, не требует особых росчерков и завитушек. Впрочем, будь качка еще сильнее, даже я не смогла бы впоследствии разобрать собственные записи.

О, Неуверен, мне так тебя недостает! Несчетное множество раз слова эти возникали в моих мыслях, и несчетное число раз я писала их за прошедшие двадцать лет. С каждым новым рассветом я все больше тоскую о звуке твоего голоса, о прикосновении твоего рукава за рабочим столом, об отблеске солнечного света в твоих волосах.

Путь, по которому мы шагали по жизни рука об руку, был безжалостно разрушен. Того, что происходит сейчас, я не могла в ту пору даже вообразить. Столь многое изменилось... но осталась боль утраты, разлучившей нас навеки. Она гложет меня так, словно прошли лишь часы, а не годы с той минуты, когда ты поцеловал на прощание мою руку. Точно так же, как долг перед моим кланом требовал, насколько это было в моих силах, хранить наше семейное торговое дело, так и твой долг требовал от тебя защищать родной Дол от рыщущих в поисках добычи Псов Ализона. Однако, в отличие от всех наших прошлых расставаний, за этим прощанием к нам не пришла радость встречи.

Тот год обрушился на нас, подобно стихийному бедствию, что вполне соответствовало его имени — год Огненного Тролля. Наши Долины ожесточились и ду-

шой, и телом, когда на берег хлынули орды Псов. Я слышала рассказы о повозках в металлической броне, которыми снабжали врагов их союзники-колдеры, о ползучих чудовищах, плевавшихся жидким огнем и проламывавших ворота и стены наших прибрежных городов. Я благодарна Янтарной Богине, что смерть твоя была чистой, от лезвия меча. Даже теперь, когда во сне ко мне приходят картины прошлых сражений, я горько сожалею, что меня не было тогда рядом, чтобы жить или умереть вместе с тобой.

Однако я была далеко в глубине материка, а враги напали на Веннеспорт, разграбив наши склады с товаром. То было время кошмаров наяву. Когда мы уходили, спасаясь, в горы на западе, один из беженцев сообщил мне о твоей гибели. Думаю, будь я одна, я бы вернулась, чтобы найти смерть в бою,— но я не могла отказаться от обязательств перед своим кланом Робнор. Среди погибших во время осады Веннеспорта был и мой дядя Паранд. Все оставшиеся в живых братья моей матери и большинство наших друзей-торговцев с побережья пропали без вести. Уцелевшие обратились ко мне, умоляя встать во главе клана. Вне себя от горя и отчаяния, я понимала, что выбор их безнадежен, но не могла отказать их мольбам.

В течение многих мучительных недель, складывавшихся в месяцы, я почти ничего не ела и не могла спать, не в силах смириться с утратой. Я сверяла каждый свой шаг, представляя себе, как бы поступил ты в очередной критической ситуации. Лишь память о тебе удерживала меня, не давая погрузиться в бездну отчаяния.

Я постоянно напоминала себе, что обстоятельства разлучали нас значительно чаще, чем нам доводилось бывать вместе. Как-то раз ты сказал, что письма, свя-

зывавшие нас в дни разлуки, могли бы составить пространную хронику — если бы хоть кто-то мог прочесть нашу тайнопись. Несмотря на войну и долгие странствия после войны, я сохранила несколько твоих писем, а также твое лицо — маленький набросок, который сделал Халбек во время давней торговой экспедиции на его корабле. Эти документы — самое ценное, что у меня есть, твое наследство, постоянно напоминающее о тебе.

Другое, совершенно иного рода, наследство заставило меня предпринять нынешнее путешествие, совершенно неуместное в это время года. Подозреваю, ты бы укоризненно покачал головой, узнав, что я делала последние несколько дней. Ты бы спросил: как, после шестидесяти лет в торговле, я могла бросить все и отважиться на столь безнадежное предприятие? Я почти слышу твои слова: лучше уж гоняться за лунной дорожкой или ловить снежные хлопья — и то больше смысла! Однако если бы только я могла изложить тебе свои доводы... Из всех, кого я когда-либо знала, именно ты скорее всего бы понял, почему я должна была так поступить. Уверена, ты сам бы настоял, чтобы я ухватилась за представившийся шанс, сколь безнадежным или глупым это ни казалось.

Дорогой мой Неуверен... ты всегда был крайне осторожен и предусмотрителен. Дядя Паранд как-то сказал, что ты самый расчетливый из всех, кого он знает,— ты всегда взвешивал соотношение возможных приобретений и потенциальных потерь, прежде чем идти на риск. И какие бы препятствия ни возникали впоследствии, ты не отступал, пока не доводил дело до конца.

Подобным же упорством отличалась и моя мать. Именно благодаря ее силе воли, выведенная отцом по-

рода овец стала основой наших успехов в торговле. Мне говорили, что я столь же упряма, как и мать, так что черта эта присуща нам всем троим — помню, мы то и дело обвиняли друг друга в излишнем упорстве.

Профессиональные привычки, особенно когда они должным образом вознаграждаются, часто проникают и в другие сферы жизни. Я вспоминаю часы, которые мы с тобой провели вместе, составляя родословные. Как ты обрадовался, обнаружив, что один из твоих дальних предков претендует на кровные узы с нашим кланом Робнор! Ты проехал десятки, сотни лиг в поисках подтверждающих сей факт документов и привез с собой, наверное, добрую половину пыли, скопившейся в архивах аббатства. Мы досконально изучили родословные множества семей. Никогда не забуду пергаментных свитков, хранившихся в покрытом воском морском сундуке из Варка. Ты сказал тогда, что тот клан, несомненно, был предан делу своей жизни, ибо от каждого свитка с записями многих поколений несло рыбой!

И вот теперь я, много лет спустя, вновь задаюсь вопросами о родстве. Однако эти вопросы не касаются недостающих имен из чужих родословных; они касаются моего собственного рода, и чем больше я о них думаю, тем сильнее мое беспокойство. Я не в силах успокоиться, пока не найду ответа. Много лет я не знала даже, где его искать. В моем распоряжении были лишь догадки, подозрения, фрагменты, сами по себе имевшие не много смысла — словно я планировала торговую экспедицию, не зная, куда ехать и какие товары с собой брать.

Затем, почти два месяца назад, в месяц Ободранного Дерева, в Веннеспорте меня настигло письмо наставницы Гверсы. Уверена, у нее и в мыслях не было ничего подобного, но именно ее слова стали тем фити-

лем, что запалил костер моих накопившихся сомнений. Со времен своих визитов в аббатство Ришдола ты должен помнить об особой любви наставницы к древним записям. С тех пор как закончилась война, она старалась восстановить архивы аббатства — как и несколько других, серьезно пострадавших из-за боев. Сейчас настоятельница Гверса очень стара, она ослепла, но иногда диктует письма для меня, хотя я была ее ученицей почти семьдесят лет назад.

Человек, побывавший в аббатстве Ришдола прошлым летом, привез мне письмо, в котором Гверса сообщала об удивительной находке за морем, в Эсткарпе. Два года назад, в год Кобольда, Волшебницы Эсткарпа устроили невероятной силы землетрясение, чтобы остановить вторжение через их южную границу, из Карстена. В результате стены и башни в Лормте, древней цитадели, знаменитой своими архивами, оказались частично разрушены. Под развалинами обнаружились неизвестные прежде хранилища и подвалы, где таились бесценные документы — настоящее сокровище для ученых.

Едва прочитав письмо наставницы Гверсы, я поняла, что должна отправиться в Лормт. До этого я чувствовала себя, словно ювелир, который пытается составить ожерелье из жемчуга Итдола, но ему недостает жемчужин, чтобы сделать драгоценность совершенной. Мне не хватало двух жемчужин: фактов о родстве и сведений о еще одном сокровище, совершенно иного свойства. Куда же еще я могла направить свои поиски, кроме как в Лормт?

Два главных вопроса занимали — и продолжают занимать — мои мысли: кто был моим настоящим отцом и откуда взялось главное наследство моей матери, тот странный драгоценный камень, который она называла моим свадебным подарком?

С самого детства я всегда полагала, что знаю, кто я. В тот день, когда мы впервые встретились, я представилась, написав на своей грифельной доске: «Мерет из Ферндола, немая со дня своего рождения в год Синерогого Барана». Ты сказал, что это подходящий год рождения для того, кто занимается торговлей шерстью, а столь четкий почерк, как у меня, не менее полезен торговцу, чем голос, и притом намного меньше опасений быть неправильно понятым. Мне тогда было семнадцать, и я была благодарна тебе за твою любезность. Немногие из вечно занятых торговцев остановились бы, чтобы прочитать надпись на моей грифельной доске, или нашли бы время и терпение, чтобы ответить на мои вопросы.

С той первой нашей встречи ты отличался от всех остальных торговцев, и не только своей необычайной учтивостью. Я была несколько смущена, когда ты поведал мне, что у тебя два имени: Лундор, данное тебе родителями, и Неуверен, которым наградила тебя торговая братия. Помню, я подумала — что за странное имя Неуверен? — и написала на своей доске: «Почему Неуверен?»

Ты улыбнулся и ответил, что это из-за твоей прискорбной привычки предвидеть все возможные причины, из-за которых планируемое предприятие может потерпеть неудачу.

В тот вечер я спросила о тебе мою мать. Она рассмеялась и ответила, что ты перемежаешь свою речь постоянными сомнениями. Сделав строгое выражение лица, она изобразила твой низкий голос: «О, я не уверен, что мы сможем приобрести сколько-нибудь пригодную шерсть в Доле — обильные дожди размыли тамошние пастбища. Кроме того, я не уверен, что они починили единственный мост, по которому могут про-

ехать наши фургоны. Не уверен, что из этого предприятия хоть что-нибудь получится». Несмотря на твой мрачный вид, добавила она, ты очень деловой торговец, и иметь такого на службе — большое счастье для нашего клана.

Когда два года спустя торговый фургон матери рухнул в пропасть из-за оползня в горах, наше с тобой знакомство переросло из случайных встреч в сотрудничество. Узнав, что тебе интересны мои исследования родовых корней, я с удовольствием стала передавать тебе заказы на родословные от купцов и землевладельцев, которых мы встречали во время наших торговых поездок. Вскоре мы уже помогали друг другу проследить историю наших собственных семей. Твой род в течение многих поколений селился в прибрежных Долинах, неподалеку от замка Сикип, в то время как клан моей матери, Робнор, предпочитал города, рынки и ярмарки.

Мать впервые встретила отца в Твифорде, на большой ежегодной шерстяной ярмарке. Судя по некоторым ее словам, я поняла, что на нее сразу же произвело впечатление, как он разбирался в породах овец. Он поведал ей, что хочет найти знаменитых синерогих овец с западных отрогов. Он был убежден, что сможет с их помощью улучшить качество шерсти в Долинах. Зная свою мать, я полагаю, что она хорошо взвесила все его шансы на успех, прежде чем согласилась выйти за него замуж и сопровождать во всех путешествиях, от Аппдола до Палтендола.

Мать как-то раз сказала мне, сокрушенно вздохнув:

— Твой отец был хорошим человеком, но его чересчур занимали мечты вывести самую совершенную породу. Скажу честно — никогда не встречала кого-либо, кто мог бы сравниться с ним в знании овечьих

пород и разновидностей. И все же он должен был больше внимания уделять нашему торговому делу. Мой же Дуин при любой возможности сбегал в горы, чтобы поймать очередного дикого барана и пополнить стадо. Если бы ему передался по наследству торговый талант его далекого предка Родуина из Эккора! Однако — каждому свое, ничего не попишешь...

Мой отец (вернее, тот, кого я тогда считала своим отцом) был третьим сыном в семье и приходился дальним родственником клану Эккора. Я помню его лишь смутно, ибо мне было всего четыре года, когда он отправился во время бури на поиски пропавшего ягненка и больше не вернулся.

После его смерти мать отправила меня к наставницам в аббатство Ришдола, надеясь, что они смогут избавить меня от немоты. Не удалось. Однако наставница Гверса прилежно обучала меня в течение шести лет. Мать приехала за мной, когда мне было двенадцать. Хотя наставницы предложили оставить меня в аббатстве, переписчицей церковных книг, мать сказала, что мое искусство письма принесет больше пользы в торговом деле. Наставницы возразили, что моя немота вне стен монастыря станет для меня серьезной помехой, но мать ответила, что, напротив, это пойдет на пользу, поскольку я не смогу ни выболтать каких-либо секретов, ни оскорбить клиента неумной фразой.

Вскоре я обнаружила, что обладаю несомненным талантом вести счета, определять цены и находить нужные товары. Куда более редким талантом — почти неизвестным среди уроженцев Долин — оказалась моя способность отыскивать пропавшие предметы, особенно если я могла прикоснуться к вещи, принадлежавшей их владельцу.

Примерно в то же время я начала видеть необычайно живые сны. Все, что я помнила по пробуждении,— яркие цветные вспышки и обрывки странной музыки. Когда мне было лет пятнадцать, я однажды, оставшись наедине с матерью, нетвердой рукой написала о своих снах. Мать была постоянно чем-то занята; ее руки не находились в бездействии дольше, чем требовалось, чтобы подхватить новый моток шерсти или связку счетных палочек. В тот день, прочитав слова на моей грифельной доске, она уронила вязание на колени и неподвижно застыла. Могу поклясться, что на ее румяном от загара лице проступила смертельная бледность.

Медленно и тихо, что было совершенно на нее не похоже, она произнесла:

— Когда-то и у меня были странные сны... еще до твоего рождения. Когда ты родилась, они прекратились, и я не вспоминала о них много лет.— Она покачала головой и вернулась к прерванному вязанию.— Все это лишь ночные химеры, и свет дня гонит их прочь. Постарайся забыть о них.

Вскоре после этого случая мать впервые упомянула о моем свадебном подарке. Я нашла ее пропавший браслет, один из пары, которую она очень ценила. Она всегда любила красивые вещи. Обрадованная находкой, она рассказала мне, что у нее есть нечто особенное — подарок, отложенный к моей помолвке.

Взволнованная, я написала: «Что за подарок? Можно посмотреть?» Но мать лишь задержалась в дверях, выходя из комнаты.

— Нет,— твердо ответила она,— тебе нельзя его видеть, пока ты не станешь невестой. Это очень старый и ценный дар из... тайного места, которое я не могу назвать.

Разочарованию моему не было предела, но за работой я постепенно забыла о подарке и не вспоминала, пока несчастье в горах не лишило меня матери.

В то время ты помогал дяде Хервику на нашей торговой базе в Ульмспорте, я же была в Веннеспорте, в неделе пути к югу, где мать намеревалась основать нашу вторую торговую базу. Мне было почти двадцать, когда она погибла. Шторм задержал твой с дядей Хервиком приезд, и я пыталась занять себя, разбираясь в вещах матери и откладывая в сторону то, что она наверняка с радостью раздала бы многочисленным родственникам и друзьям.

Случайно мне попался на глаза сверток, плотно упакованный в темно-синюю кожу. Едва коснувшись его, я поняла, что внутри — мой обручальный подарок. Он никогда не включался в число фамильных драгоценностей, и никто другой в семье никогда не упоминал о нем. Видимо, мать приобрела его в какой-то торговой сделке, а не получила по наследству.

Сгорая от любопытства, я развязала шнурок и обнаружила в свертке кулон с драгоценным камнем, оправленным в серебро. Камень был необычного голубовато-серого цвета, размером с небольшое куриное яйцо, искусно отполированный так, что падавший свет заставлял его искриться и сверкать. Когда я протянула руку, чтобы достать его из мягкого кожаного гнезда, мне показалось, что пальцы мои погрузились в расплавленный металл. Обладай я голосом, я наверняка бы вскрикнула. Я отдернула руку и, мгновение спустя, вновь обернула кулон в кожу и завязала шнурок.

Обычно я с радостью пользовалась случаем подержать в руках изящную брошь или пряжку, поскольку каким-то образом видела — иногда позже, во сне — образы, связанные с прежними владельцами вещей.

Однако сейчас я не испытывала никакого желания прикасаться к кулону матери. Помню, я подумала, что если возьму драгоценность в руку, она причинит мне невыносимую боль, напомнив об утрате. Мне не хотелось, чтобы образ матери преследовал меня в ночных видениях, меня и без того после ее смерти мучили кошмары. Я поспешно положила кожаный сверток к другим драгоценностям, предназначавшимся для нашей фамильной сокровищницы, и выбежала за дверь, словно за мной по пятам гнались демоны.

Мне ни разу не представилась возможность показать этот камень тебе. Ты все мотался между Ульмспортом и Веннеспортом, а я часто оказывалась вдалеке от наших веннеспортских владений. Мне ни разу не случалось извлечь на свет эту тщательно спрятанную драгоценность. Ведь прошло почти двадцать лет, прежде чем ты завел разговор о женитьбе. Ты был столь учтив со мной, столь застенчив, что я удивляюсь, как ты вообще отважился произнести слово «свадьба». Будь все спокойно, я наверняка с радостью бы показала тебе кулон. Любая невеста гордилась бы таким подарком будущему мужу. Однако судьбе было угодно распорядиться так, что те дни трудно было назвать спокойными.

С некоторых пор тебя беспокоили слухи об исходящей из-за моря угрозе, и ты пытался убедить братьев матери, что наши торговые связи могут пострадать. Тебя встревожило появление в некоторых портах Долин чужаков из далекого Ализона. Они приезжали под видом торговцев, всюду совали свой нос и задавали чересчур много вопросов. Я слушала тебя и разделяла твое беспокойство. Несколько раз я писала дяде Паранду, предупреждая его об опасности, но в те дни, похоже, никакие слова не могли бы заставить Долины стряхнуть сонное оцепенение.

Мы очень страдали от отсутствия признанного лидера — главы кланов вообще отказывались верить в наличие какой-либо угрозы и не собирались сотрудничать или строить совместные планы, пока не стало слишком поздно. Когда на нас обрушились вторгшиеся с моря орды Ализона, как ты и предупреждал, все, что мы построили в Веннеспорте, было уничтожено. Я вновь увидела наши бывшие владения годы спустя, и моему взору предстали лишь обгоревшие остовы зданий. Таким образом, Ализон лишил меня и моего нареченного и дара, который должен был украсить мой свадебный наряд. Ты погиб, а что касается драгоценности — никто не в силах был сказать, какая судьба ее постигла.

Чем больше я думала о камне, тем больше убеждалась, что он носит в себе Силу. Как иначе можно объяснить то отвращение, которое вызывало у меня прикосновение к нему? В свое время я думала, что мне причиняет боль его связь с матерью, но даже тогда я спокойно дотрагивалась до вещей, которыми она постоянно пользовалась — ее счетных палочек, щетки для волос, любимых перьев для письма. И никакие болезненные видения, связанные с этими предметами, не вторгались в мои сны.

Тогда я мало что знала о Силе, если не считать того, что жители Долин всегда с большой неохотой говорили о ней и еще с большим отвращением относились к попыткам ее использовать. Наши Мудрые владеют Силой, но пользуются ею, лишь исцеляя больных или предсказывая будущее с помощью рунных досок. Мы ценим знание лекарственных трав, которым обладают наши Мудрые, и их искусство целительниц, но любой уроженец Долин содрогнется при мысли о чистой Силе, которой владеют заморские Волшебницы Эсткарпа или легендарные маги древнего Арвона.

Когда погибла мать, я все еще считала себя чистокровной уроженкой Долин — хотя достаточно было взглянуть на мое отражение в полированном металле или воде, чтобы заметить, как разительно отличаюсь я от соплеменников, включая моих собственных родителей. Мои волосы не были рыжими, выгоревшими на солнце, как у них, не были зелеными или голубовато-зелеными мои глаза. С самого детства волосы мои были темно-каштановыми, подобно редкостному ламантиновому дереву, как ты любил говорить, а глаза — ярко-голубыми. Кожа моя была бледной, и не желала темнеть в жаркие летние месяцы. Моя внешность, как и моя немота, еще ребенком поставили меня особняком от прочих.

Некоторые наставницы Ришдола подозрительно перешептывались, пока наставница Гверса не дала ясно понять, что я нахожусь под ее особой опекой. Лишь однажды я услышала, как какая-то кухарка прошипела при виде меня: «Отродье Арвона!», но я понятия не имела, что она хотела сказать. Когда я спросила об этом наставницу Гверсу, та поджала губы и ответила, что некоторые предпочитают создавать проблемы на пустом месте, тогда как забот и без того хватает. Впоследствии я проштудировала архивы аббатства в поисках сведений об Арвоне, но нашла крайне мало упоминаний об этой загадочной стране, лежащей за горами вдоль границ самых северных Долин. Наставница Гверса сказала лишь, что ни один из жителей Долин не путешествовал туда, так как народ Арвона живет обособленно и не любит чужих. Она также добавила, что в Арвоне есть Силы, которых благоразумному человеку лучше всего избегать. Много лет спустя я попыталась проанализировать смутные слухи о редких свадьбах между уроженцами Арвона и Долин. Детей, которых подозревали

в том, что они родились в подобном браке, сторонились, словно они чем-то отличались от нормальных людей. Похоже, именно тогда я начала интересоваться, не может ли быть причиной моей собственной странности кровная связь с Арвоном. В конце концов, я родилась в отдаленной Долине, граничащей и с Арвоном, и с избегаемой всеми Пустыней.

Я составила перечень своих необычных черт: моя немота с рождения, моя несвойственная уроженке Долин внешность, мои странные сны (возможно, подобные тем, что были у моей матери), моя способность находить потерянные вещи. Мне пришло в голову, что обручальный дар моей матери может происходить из Арвона. Я больше не в силах была игнорировать очевидный вывод, что моим отцом мог и не быть Дуин из клана Эккора.

В перечень фактов следовало включить еще одно свидетельство. Когда мне было шестнадцать, дядя Паранд увез меня от матери и взял с собой в торговую поездку вдоль побережья. Он сказал, что я смогу многому научиться, помогая ему вести бухгалтерию. После первых коротких поездок он объявил, что моя помощь была поистине бесценной и что мне можно доверять (и что, к счастью, я не страдаю морской болезнью от качки), после чего пригласил меня отправиться с ним в значительно более долгое путешествие, через море к восточным землям, о крупных портах которых я до сих пор лишь слышала — Верлейн, Сулкаркип и расположенный в глубине суши речной порт Эсткарпа, Эс.

Прогуливаясь в одиночку возле замка Эс, я встретила одну из Волшебниц Эсткарпа. Мне тогда было восемнадцать; дядя Паранд предупредил меня, чтобы я держалась подальше от любой женщины Древней Расы, одетой в характерные серые одежды Волшебниц. Я от-

ступила на обочину тропы и замерла, чтобы не привлекать внимания. Казалось, сперва Волшебница вообще меня не заметила, но, едва пройдя мимо, она внезапно остановилась, повернулась и сделала знак в воздухе правой рукой. К моему удивлению, линии, которые чертили ее движущиеся пальцы, светились голубым сиянием (как мне потом объяснили, это означало, что я не запятнана Тьмой). Колдунья покачала головой и удалилась прочь, не сказав ни слова. Она уже не видела, что знак ее продолжал светиться — сначала красным, затем оранжевым, затем желтым — прежде чем окончательно угаснуть. Я не стала рассказывать об этом случае дяде, не стала я и делать о нем записей для кого бы то ни было до сегодняшнего дня, когда я выстраиваю в ряд аргументы, чтобы убедить... полагаю, я пытаюсь убедить саму себя. Мой верный Неуверен — будь ты рядом, ты наверняка бы со мной согласился.

По прибытии в Лормт, я намерена попросить разрешения изучить тамошние архивы, в поисках любых сведений, касающихся камней Силы. Капитан Халбек описал мне внешний вид магических камней Эсткарпа; они мутные, с гладкой поверхностью, и вовсе не похожи на мой обручальный дар. Однако Сила наверняка может обитать и в иных разновидностях камней. Я должна также найти сведения об Арвоне и о том, есть ли в родословных записи о ком-либо еще подобном мне.

Если бы нам в паруса дул сильный ровный ветер, мы завершили бы наше путешествие намного быстрее, чем за месяц. Однако мне остается лишь терпеть и надеяться, что корабль устоит среди штормовых волн. Как хорошо будет снова увидеть солнце — и ощутить под ногами твердую почву, а также как следует обсушиться!

2

Казариан из Рода Кревонель — Сбор Баронов в Ализоне
(по календарю Ализона: 5 день Луны Ножа, 1052 год со дня Измены)

Впервые я увидел колдовской камень висящим на серебряной цепочке на шее убийцы моего родителя. Был пятый день Луны Ножа, одна тысяча пятьдесят второго года со дня Измены. Все бароны Ализона обязаны были принять участие в Новогоднем Сборе, главным событием которого являлось Представление Лорду-Барону молодняка, достигшего зрелости в этом году.

Я стоял не далее, чем в двух длинах копья от трона, когда Лорд-Барон Норандор поднял меч, внеся изменение в устоявшийся порядок. Лицо его было скрыто белой меховой маской Лорда-Пса, я видел только глаза. Он был не столь грузен, как предыдущий Лорд-Барон Малландор, его покойный сородич.

Из-под маски прозвучал глухой голос, предлагавший барону Гурбориану приблизиться к трону.

Я крайне настороженно относился ко всему, что так или иначе было связано с убийством моего родителя. В течение многих лет слухи о замыслах Гурбориана распространились по всему Ализону. Лишь самые тупоголовые из баронов не осознавали, что он сам хочет завладеть маской Лорда-Пса. Четыре луны назад я получил личное письмо от Волориана, старшего сородича моего родителя, в котором тот жаловался, что наемники Гурбориана рыщут поблизости от наших северо-восточных владений. Могла ли исходить от Гурбориана большая угроза нашему Роду?

Когда Гурбориан опустился на колени перед троном, Норандор поднялся, убирая меч в ножны.

— Досточтимый Гурбориан из Рода Рептура,— объявил Лорд-Барон,— мой несчастный сородич с глубоким уважением относился к твоим советам, так же, как и я сам. За твои военные подвиги в Долинах за морем, а также за иные ценные услуги он дал тебе позволение носить сей единственный в своем роде символ заслуг перед Ализоном.

Казалось, свет освещавших Большой Зал факелов воспламенил голубым огнем вытянутую руку Лорда-Барона. Я слегка наклонился вперед, чтобы лучше видеть. Сияние исходило от драгоценного камня, размером с яйцо болотной куропатки, который вспыхнул еще ярче меж пальцев Норандора, когда тот нагнулся, чтобы прикрепить камень к нашейной цепи Гурбориана.

— Я, Норандор, Лорд-Барон Ализона,— продолжал он,— подтверждаю столь высокую оценку, даруя тебе эту почетную награду, которую ты будешь носить в течение всей своей жизни.

Из горла стоявшего рядом со мной пожилого барона вырвалось приглушенное ворчание.

— Как только Гурбориан сдохнет,— пробормотал он,— лучше будет, если стая Рептура сама побыстрее вернет эту безделушку, прежде чем к ним ворвется стража Лорда-Барона...

Я единственный стоял достаточно близко, чтобы расслышать его слова, но не подал виду. Я был уверен, что старый барон Морагиан не принадлежит к числу нынешних сторонников Гурбориана, однако вряд ли стоило высказывать подобные замечания в присутствии нежелательных свидетелей. Впрочем, должен признать — отчасти причиной моего безразличия было то, что все мое внимание было сосредоточено

на камне; никогда прежде мне не приходилось видеть ничего подобного. Он продолжал притягивать мой взгляд, даже когда Гурбориан вернулся к своим сотоварищам.

У нас не было молодняка для представления в этом году. Когда Шерек, новый Главный Псарь, вызвал представителя нашей стаи, я шагнул вперед и опустился на колени перед троном.

— Взамен барона Волориана,— заявил я,— я, Казариан, представляю здесь Род, основанный Кревонелем.

Норандор утвердительно махнул рукой, и я отошел в сторону.

Воздух Большого Зала внезапно показался мне спертым, свет факелов — чересчур ярким. Голову вновь охватила мучительная боль, уже несколько ночей не дававшая мне спать. Желая хотя бы на время скрыться от шумной толпы, я выскользнул в коридор, ведший в самую старую часть замка Ализон.

Я знал одну комнату, где меня вряд ли мог кто-то побеспокоить. Древние мозаики на ее стенах и полу были похожи на те, что украшали одну из комнат в моем собственном замке, здесь, в Столице. Я захватил с собой один из факелов из зала, но оказалось, что слуги уже позаботились об освещении мозаичной комнаты.

За дырчатой каменной перегородкой вдоль одной из стен стояла длинная скамья, вероятно предназначавшаяся для прислуживавших рабов в те времена, когда эту комнату посещали значительно чаще. Из-за зимних сквозняков эта своеобразная ширма была со стороны комнаты завешена большим ковром, однако местами он был протерт до дыр. Тщательно выбрав наблюдательный пункт, можно было хорошо видеть, что происходит в помещении. Я не собирался ни за кем следить,

но едва я сел на скамью, как послышалось шарканье чьих-то сапог.

Вошедших было двое — голос одного был мне незнаком, но второй принадлежал Гурбориану. Я очень тихо передвинулся по скамье, чтобы иметь возможность разглядеть их сквозь ткань ковра. Вторым оказался Гратч из Горма, главный приспешник Гурбориана. В письме Волориана он был назван в числе тех, кто проявлял излишнее любопытство в горах возле наших владений. Из первых же услышанных слов я сделал два немедленных вывода: эти двое ошибочно полагают, что в мозаичной комнате никого нет, и затевают некий заговор против Лорда-Барона Норандора.

— Здесь нам никто не помешает, милорд,— вполголоса, как и пристало заговорщику, сказал Гратч.— Никто за нами не шел. Я сказал всем, что мы идем на Псарню осмотреть племенных сук.

Гурбориан нахмурился.

— Этот идиот, Лорд-Барон, назначил Главным Псарем Шерека. Я надеялся повлиять на него, чтобы он выбрал кого-то из наших, но, видимо, мои взятки на него не подействовали. Назначение состоялось, но это далеко не столь важно, как твои новости. Какова позиция Болдука и его сторонников — с нами или против нас?

Гратч нерешительно потрогал висевший у него на поясе кинжал.

— Я пробовал оба варианта, которые мы обсуждали, милорд,— намекнул на то, что отказ им дорого обойдется, и обещал хорошее вознаграждение за содействие. Несмотря на все мои усилия, старый барон Болдук продолжает упрямиться. Он вбил себе в голову — хоть это и лишено всякого смысла,— что лишь колдеры способны победить Эсткарп. Я сказал ему, что последний кол-

дер в пределах наших границ уже семь лун как мертв. Неудачный набег на Эсткарп покойного Псаря наверняка убедит и самое распоследнее бревно в том, что Ализону больше не приходится рассчитывать на какую-либо помощь от колдеров.

— В том-то и дело, что Болдук — настоящее бревно,— пробормотал Гурбориан.— Возможно, небольшой костер у него под задницей растопил бы его упрямство. Его кровавая вражда с Ферликианом возобновится, стоит лишь шепнуть слово или два в нужные уши. Тем не менее я предпочел бы, чтобы Род Болдука был на нашей стороне или хотя бы сохранял нейтралитет. Разве на барона не произвели впечатление твои слова о нашем предполагаемом союзе с Эскором?

Гратч покачал головой.

— Разговоры с Болдуком на любые темы, связанные с магией,— мрачно произнес он,— дело весьма тонкое, милорд. Хотя нам наверняка удастся подчинить себе силу заклинаний наших предполагаемых союзников, обратив ее против Ведьм Эсткарпа, Болдук упрямо отвергает любые попытки прибегнуть к оружию наших заклятых врагов.

Гурбориан, явно раздраженный, начал расхаживать по комнате.

— Разве он не понимает, что нужно использовать любое оружие, которое способно нам помочь? Ведьмы чересчур долго донимали нас своими грязными заклятиями, сплетая их в Запретных Горах за Ализонским Ущельем. Если на них обрушатся магические силы, более могущественные, нежели их собственные... Что ж, для них это будет редкостное развлечение. Если бы только в нашем распоряжении был хоть один из эскорских магов... даже способный ученик сумел бы убедить баронов, которые еще не решились присоединиться к нам.

Гратч наклонился к Гурбориану, искренне желая успокоить своего господина.

— Я уверен, милорд, что мои последние переговоры будут успешными. Сегодня я получил письмо от надежного источника возле границ Эскора. Если его сведения верны, он вскоре сможет организовать мне встречу с одним студентом, который бывал в Эскоре, и...

Гурбориан схватил Гратча за нашейную цепь и дернул так, что у того стукнули зубы.

— Если... сможет... студент...— насмешливо фыркнул он.— Я уже слышал эти слова не раз, но до сих пор не видел каких-либо результатов. Норандору наше поведение уже кажется подозрительным. Пока что мне удается его успокоить.— Он отшвырнул Гратча в сторону и взмахнул драгоценным камнем на своей собственной цепи.— Он наградил меня, чтобы обеспечить мою лояльность. Дурак! Этот камень уже был моим тринадцать лет назад — я получил его в награду от Малландора за помощь в свержении Фаселлиана. Как только наш план будет приведен в исполнение, мы скормим Норандора псам, так же, как в прошлый раз — его сородича. Однако мне нужна поддержка! Я не могу действовать слишком быстро и без подготовки.

— Есть одна определенно хорошая новость, милорд,— сказал Гратч, благоразумно отодвигаясь подальше от Гурбориана.— Мне удалось нанять того отравителя, о котором мы говорили. Сегодня вечером доставят удушающий корень, тот самый.

— Что ж, я им воспользуюсь,— усмехнулся Гурбориан.— Младший щенок Болдука — он ведь в замке, вместе со своим родителем? Если он внезапно заболеет или еще того хуже — во всем обвинят Ферликиана, и к моему предложению о союзничестве, надеюсь, отнесутся с пониманием.

— Я об этом позабочусь, милорд,— быстро сказал Гратч.— Не будет ли разумным теперь посетить Псарню — на случай, если нас станут там искать?

Гурбориан направился к двери, затем остановился.

— В самом деле... хотя я был бы не против встретиться с приемышем Волориана. Я слышал, он столь же хорошо управляется с псами, как и сам беспокойный лорд пограничья.

— Когда я был в горах во время луны Вторых Щенков, я видел издалека барона Волориана,— заметил Гратч, идя следом за своим господином к выходу.— Он бродил среди своры, отбирая новых производителей. Говорят, он слишком стар и слишком занят разведением псов, чтобы покинуть свои владения. Как ты видел, он не появился в этом году на Сборе.

— Волориан, может быть, и стар,— рассмеялся Волориан,— но хитер. Он хорошо помнит, как я разделался с его младшим сородичем, так что держится от меня подальше.

Голоса их сменились сначала неясным бормотанием, а затем стихли.

Я сидел ошеломленный, и мысли вихрем проносились у меня в голове. Заговор против младшего щенка барона Болдука! Род Болдука в настоящее время не проявлял открытой враждебности к Роду Кревонеля, да и в любом случае мы обязаны были их предупредить. Я решил, что в данном случае больше пользы будет, если предостеречь о возможной опасности Ферликиана. Однако этот трюк, обычное дело для баронов, обращался в ничто по сравнению с намерением Гурбориана вступить в предательский союз с демонами Эскора, владеющими магией. Если бы у Гурбориана возникла хоть капля подозрений, что я подслушал его разговор, он тут же отправил бы меня следом за моим родителем.

Мне было пять лет, когда мой родитель, Оралиан, был убит по приказу Гурбориана. Он возглавлял группировку старых баронов, твердо выступавших против любых союзов с чуждыми нам колдерами. Когда правивший в то время Лорд-Барон Фаселлиан добился-таки подобного союза, несмотря на сопротивление, Гурбориан, дабы завоевать его расположение, убрал наиболее видных баронов — противников Фаселлиана. Фаселлиан с легкостью согласился на требование колдеров атаковать лежащие за морем Долины. Поскольку колдеры были не слишком многочисленны, Ализону пришлось выделить своих воинов, однако колдеры снабдили нас необычным оружием, обеспечившим поначалу успех нашего вторжения.

Я помню разговоры старших сородичей о тех первых, захватывающих, годах войны. Войска, вторгшиеся на побережье, поначалу не знали поражений. Никто не мог противостоять движущимся металлическим коробкам колдеров, в которых прятались наши воины. Однако, как наш родитель и предупреждал Совет Баронов незадолго до своей гибели, мы полностью зависели от колдеров, поставлявших нам все необходимое для поддержания этих железных коробок в должном порядке. Нужно было постоянно заботиться и о стоявших на них башнях, изрыгавших огонь. Когда союзники Долин из Сулкара отрезали нас от колдерских поставок, мы утратили самое главное наше преимущество. Двое моих сородичей погибли в сражениях. Третьего тяжело ранили, и его люди сами перерезали ему горло, чтобы Ведьмы Долин не развязали своей магией язык раненого.

Мне было двенадцать, когда стало ясно, что война проиграна. Ловко вклинившись в число сторонников Малландора, Гурбориан принял непосредственное уча-

стие в свержении Фаселлиана. Однако даже после этого тщеславные помыслы Гурбориана были слишком очевидны для того, чтобы он мог, ничем не рискуя, занять положение в непосредственной близости от трона. Чтобы дать развеяться вполне оправданным подозрениям Малландора, Гурбориан на шесть лет удалился в свои прибрежные владения.

Все эти годы меня спокойно воспитывал Волориан, вдалеке от столичных заговоров и интриг. После ничем не примечательной церемонии Представления в двенадцать лет Волориан согласился с тем, что, по прошествии разумного времени, я могу поселиться в замке нашей стаи в Столице. Я прибыл в замок, когда мне было пятнадцать — как я потом узнал, в тот же год рядом с Гурборианом впервые появился Гратч, ставший его тенью во всех его заговорах. Оба они вернулись в Столицу, когда мне было двадцать, но тщательно избегали вставать на пути у Малландора, пока два года спустя Ведьмы Эсткарпа с помощью своей жуткой магии не сделали непроходимыми горы вдоль своих южных границ, сорвав планы готовившегося ко вторжению Карстена.

Малландор готов был нанести ответный удар, в то время как Ведьмы начали отступать, истощив свои силы, но граница оставалась непроницаемой — дьявольские заклятия продолжали действовать. Поддерживавшие колдеров бароны склонялись к тому, чтобы совместными усилиями открыть для них новые магические Врата, через которые можно было бы получить новые железные коробки, а также новых колдеров для пополнения сильно сократившегося войска. Подобные планы были мне не по душе, хотя одно лишь слово об этом могло оказаться для меня гибельным. Однако, движимый чисто научным интересом, я готов был принять участие в

поисках древних документов, даже времен самой Измены, в надежде обнаружить полезные сведения о внушающей ужас магии Врат.

Весной прошлого года Малландор совершил еще более глупый поступок — при открытой поддержке Гурбориана и его сторонников. Он послал своего Псаря Эсгуира с облавой в Эсткарп — захватить нескольких юных Ведьм для колдеров, чтобы те могли воспользоваться их магией и открыть Врата. План этот полностью провалился; все пленницы сбежали обратно в Эсткарп, а те немногие колдеры, которые еще оставались в Ализонском замке, были убиты. Тогда Гурбориан раскрыл свои истинные намерения, объединив усилия врагов Малландора и свергнув Лорда-Барона. Однако, поскольку его собственная группировка была недостаточно сильна, чтобы посадить на трон его самого, Гурбориан выступил в поддержку тщеславного сородича Малландора, Норандора. Малландора и Эсгуира скормили псам, а Норандор стал обладателем маски Лорда-Пса.

Судя по разговору Гурбориана и Гратча, похоже, готовился очередной переворот, и на этот раз не было никаких сомнений в том, что Гурбориан решил завладеть маской сам. Но какой же пост надеялся занять Гратч? Не будучи уроженцем Ализона, он не мог получить титул Псаря. Вероятно, он ожидал, что и далее сохранит за собой роль теневого советника Гурбориана, будучи опасным противником и знатоком самых редких ядов.

Возвращаясь под покровом темноты в свой замок, я почувствовал легкое недомогание — не было ли оно результатом одного из снадобий Гратча? Однако я тут же отбросил эту мысль. Как и все бароны, жившие в Столице, я регулярно принимал в малых дозах различные яды, чтобы выработать сопротивляемость к ним.

Кроме того, я достаточно хорошо знаком с противоядиями, и угрозы Гратча мне не страшны. Надежность моих слуг гарантировалась преданностью нашей стае, кровными связями или просто страхом. Чтобы уменьшить соблазн взяток, я хорошо платил.

Шагая по пустынным переулкам, я несколько раз останавливался, чтобы преодолеть накатывавшие приступы дурноты. Сейчас, когда я вспоминаю события той ночи, мне понятно, что причиной моей слабости была близость к проклятому камню Гурбориана.

Прибыв в замок Кревонель, я, шатаясь, вошел в спальню и лег, с тревогой размышляя о том, какие сны будут мучить меня, если я засну. Я не мог ни о чем думать, кроме как о том камне — едва я закрывал глаза, он буквально вспыхивал перед мысленным взором. Казалось, сверкающий кристалл протягивает ко мне невидимые нити, увлекая меня в свое холодное голубое сияние...

3

Мерет — личный дневник, события в Лормте (4 и 5 дни Месяца Ледяного Дракона, начало года Ламии)

Дорогой мой, что бы ты сказал об этом таинственном месте, сказочном Лормте — Обители Ученых, укрытой среди гор и ставшей еще более недоступной после Великого Сдвига, как они сами именуют перемещение огромных масс земли, вызванное заклинаниями Волшебниц?

Я не стала посылать гонца с известием о моем прибытии; правила этикета могли бы требовать подобного от благородной персоны с многочисленной свитой, но

отнюдь не от одинокой женщины из Долин. Я вспомнила слова наставницы Гверсы: любой, кто всерьез интересуется сведениями о своих предках и отважится на путешествие в Лормт, наверняка встретит радушный прием, хотя и рискует заблудиться в закоулках бесчисленных архивов.

Путешествие наше было долгим, и мы успели замерзнуть, но проводник, которого я наняла в Эсе, не желал задерживаться в Лормте, несмотря на любезный прием, который нам оказали. Доставив меня вместе с моим скромным багажом к окованным железом воротам, он уже собрался было уезжать, когда страж у ворот настоял, чтобы он позволил напоить лошадей и дать им отдохнуть хотя бы несколько часов.

Думаю, ты бы воскликнул от изумления при виде этой цитадели древних знаний. Прежде я полагала, что крупнее громадных серо-зеленых каменных блоков, из которых сложены стены города Эс и его замка, ничего и быть не может. Однако, оказавшись в большом внутреннем дворе Лормта, я решила, что его строители, похоже, умели придавать любую форму самим горам.

От наставницы Гверсы я слышала о значительных разрушениях, причиненных землетрясением, но меня потрясли истинные их масштабы. Из четырех круглых башен по углам прямоугольного двора две выглядели нетронутыми, третья обвалилась наполовину, а четвертая была полностью разрушена, вместе с большей частью примыкавшей к ней короткой стены. Земля под этим местом опустилась более чем на длину торгового фургона и целиком увлекла за собой одну из внешних стен.

С тех пор жители кое-что сумели восстановить. Ремонтные работы продолжались и поныне. Когда мы въехали внутрь, я заметила новые железные накладки и

крепления на отремонтированных воротах. То, что на первый взгляд казалось огромными бесформенными грудами булыжника, при более близком рассмотрении обнаруживало явные следы организованных раскопок и деревянные подпорки. Вдоль обрушившихся стен располагалось несколько штабелей грубо отесанных бревен, а между ними тянулись прочные изгороди из кустарника и плетеной лозы, защищавшие внутреннее пространство от снежных лавин с гор. Судя по остроконечным верхушкам башен и крутым навесам крыш вдоль уцелевших стен, зимние снегопады в этих краях были намного обильнее тех, что запомнились мне в детстве, в окрестностях гор на западе Долин.

Крыши всех строений были покрыты темной черепицей. Не были исключением и два старинных здания — одно высокое, с узкими окнами, вытянувшееся вдоль уцелевшей длинной стены, и второе, поменьше, приткнувшееся слева от ворот у неповрежденной угловой башни. В правом углу располагались каменные поилки для животных, рядом с прикрытым навесом колодцем. Если не считать вызванных оползнем провалов, вся сохранившаяся каменная кладка потрясала величиной блоков, тщательно пригнанных друг к другу без какого-либо раствора. Я точно знаю, как бы ты поступил, будь ты со мной — ты бы уставился на стену и сказал: «Не уверен, что удастся просунуть между ними хотя бы лезвие ножа!»

Однако мне так и не дали толком осмотреться — едва я сошла с лошади, как меня встретили четверо, закутанные в плотные одежды от вечерней прохлады. К моему удивлению, когда порыв ледяного ветра распахнул накидку шедшей впереди женщины, я заметила на ее поясе деревянную рунную доску, такую же, как и у наших Мудрых из Долин. Женщина

подняла руки в ритуальном приветствии и поднесла мне приветственный кубок. Замерзшая после долгого пути, я с наслаждением глотнула дымящегося отвара из трав — кубок и в самом деле оправдывал свое название!

Достав грифельную доску, я написала подобающий ответ:

«Благодарю за теплый прием. Счастья хозяевам этого дома. Я Мерет из Ферндола и приехала в поисках сведений о моей родне».

Мудрая взяла грифельную доску и прочитала мои слова вслух, совершенно спокойно, словно немые гости были здесь обычным делом. Черты и цвет ее лица говорили о принадлежности к Древней Расе Эсткарпа, но я была рада, что она, по крайней мере, знакома с некоторыми нашими обычаями.

— Я Джонджа,— ответила она, коротко кивнув.— Добро пожаловать в Лормт.

— Добро пожаловать.— Стоявший рядом с ней высокий худощавый мужчина шагнул вперед. Серые глаза также выдавали в нем представителя Древней Расы, хотя годы превратили его волосы из черных в серебристо-белые.— Я Оуэн. По воле ученых Лормта, я должен представлять их перед гостями. Это Дюратан, наш местный летописец и неоценимый помощник.

Дюратан, столь же высокий, когда-то, видимо, был воином. На поясе у него не было меча, но во всей его фигуре чувствовалась привычка к тяжелому оружию. Когда он шагнул ко мне, я заметила, что он волочит ногу, подобно многим воинам из Долин после боевых ранений. Он показал рукой на четвертого встречающего.

— Моя супруга Нолар,— сказал он,— целительница и ученая.

Оба они тоже принадлежали к Древней Расе, но лицо Нолар было обезображено темным пятном, словно от выплеснувшегося вина.

— Идемте внутрь, в тепло,— предложила Джонджа.— Уже поздно, и тебе нужно отдохнуть после долгого пути. Мы сможем обсудить твои вопросы завтра утром.

Остальные трое ушли, а Джонджа повела меня в комнату для гостей, располагавшуюся в глубине уцелевшей длинной стены. Вверх и вниз вели каменные ступени, связывавшие между собой бесчисленные хранилища и скромные кельи. Огонь редких факелов дополнял угасающий дневной свет, проникавший сквозь щели в стене со стороны двора. Кроме того, свет исходил от таинственных круглых светильников, я видела такие в замке Эс много лет назад.

В предназначавшейся мне комнате стояла низкая деревянная кровать с матрасом, от которого пахло высушенным на солнце тростником. На покрытом резьбой сундуке лежало несколько простых, но аккуратно сшитых одеял. На каменном уступе возле двери стояли глиняный кувшин и таз.

— Я попросила поваров прислать сюда твой ужин,— сказала Джонджа, прежде чем уйти.— Тебе принесут перья, пергамент и чернила. Надеюсь, завтра ты найдешь здесь то, за чем приехала. Желаю тебе спокойной ночи.

Ужин, который мне принесли, оказался простым, но хорошо приготовленным и сытным. Белые вареные овощи были мне незнакомы, но неплохи на вкус, так же как и тушеная крольчатина. Ячменный хлеб можно было намазать сладким маслом и плодовым вареньем. Ужин дополняла кружка крепкого эля.

Вскоре после того, как я отставила в сторону поднос, раздался стук в дверь. В комнату торопливо вошел

мужчина примерно моего возраста, с перьями и свитками в руках. Положив их на кровать, он выскочил за дверь и вернулся с письменным столиком и настольной лампой. Прежде чем я успела написать слова благодарности, он поспешно ретировался.

Какое-то время я сидела за столиком, пытаясь составить перечень вопросов. Во многом мне помогло предыдущее мое письмо к тебе, написанное на борту корабля. Меня глубоко потряс груз столетий, лежащий на этой цитадели знаний. Родословные, которые мы с тобой составляли в Долинах, уходили в прошлое на множество поколений, но камни Лормта ведут свою историю со времен невероятно далеких, куда более древних, чем самые старые легенды Долин. Сама мысль о том, сколько знаний накоплено здесь за многие столетия, приводит в смятение. Я изложила историю своей жизни, включая мои странные способности и единственную мою встречу с Волшебницей в замке Эс. Подозреваю, что, кроме знаменитых родословных, здесь хранятся и древние документы, касающиеся магии во всех ее проявлениях. Возможно, эти люди помогут мне отыскать какие-либо сведения о моем обручальном камне... если, конечно, они вообще допустят меня к своим архивам. Я жду рассвета со смешанными чувствами нетерпения и тревоги.

Мои вчерашние опасения оправдались. Эти лормтские ученые, похоже, столь же подозрительно относятся ко мне, как и я к ним! После короткого завтрака Джонджа привела меня в другое, более обширное здание, которое оказалось главным хранилищем. Никогда прежде я не видела такого количества свитков, собранных в одном месте. Мы шли по лабиринту закоулков и кабинок, разделенных рядами полок, мимо бесчислен-

ных столов, заваленных кипами исписанных листов. Здесь работали десятки пожилых людей, главным образом мужчин, они сидели на стульях и скамьях или неторопливо переходили с места на место с документами в руках.

Джонджа не заговаривала ни с кем из ученых. Поднявшись по узкой лестнице на верхний этаж, она открыла тяжелую дверь в кабинет, хорошо освещенный дневным светом из высоких окон, которые я заметила, еще когда была во дворе. За столом, заваленным документами, сидели те же трое, что встретили меня вчера у ворот.

Оуэн поднялся, подвинув мне кресло с высокой спинкой.

— Если желаешь, можешь к нам присоединиться,— сказал он.— Мы обсуждаем, что означает для нас твое прибытие.

Я протянула ему исписанные мной страницы, затем заняла свое место, положив грифельную доску на стол перед собой и прислонив посох к колену. Ты часто завидовал моей привычке стучать посохом по полу, чтобы привлечь внимание к моей грифельной доске, и утверждал, что стук посоха мгновенно прекращает любую бессмысленную перепалку, неся в себе больше угрозы, чем если бы ты сам попробовал громко крикнуть... но ты никогда этого не пробовал, по крайней мере в моем присутствии.

Оуэн вслух прочитал мой отчет, не останавливаясь и не делая каких-либо замечаний. Закончив, он изучающе посмотрел на меня.

— Твоя откровенность достойна похвалы,— заметил он.— Мы отплатим тебе тем же. Тебе следует знать, что госпожа Джонджа предупредила нас о твоем приближении за несколько часов до твоего прибытия.

Я изумленно повернулась к Мудрой. Положив рядом с собой рунную доску, она коснулась ее правой рукой.

— Я обладаю в определенной мере даром предвидения,— пояснила она.— Вчера я почувствовала, что некто, связанный с Силой, приближается к Лормту, и попросила моих друзей сопровождать меня у ворот. Ты должна понимать, что любое проявление Силы требует тщательного изучения. Как только ты оказалась под крышей Лормта, я обратилась к моим снадобьям и рунной доске, чтобы определить, на чьей ты стороне — Света или Тьмы.

Воин-эсткарпец, Дюратан, кивнул и вытянул руку над столом. Из маленького кожаного мешочка высыпалось несколько разноцветных камней — некоторые прозрачные, некоторые тусклые.

— Я тоже посоветовался со своими кристаллами,— сказал он.— Вижу, тебя удивляет, что мужчина может обладать способностями, якобы присущими лишь Волшебницам и Мудрым. Эти кристаллы дал мне Кемок Трегарт, унаследовавший способности от своего могущественного отца. Порядок, в котором они выпадают, в случае нужды может предупредить меня об опасности. Когда я бросил их вчера вечером, я получил подобное предупреждение. Ты находишься в средоточии насилия и вражды...

Прежде чем он успел договорить, я ударила о пол посохом, схватила грифельную доску и написала:

«Нет! Насилие и вражда лишили меня самого дорогого двадцать лет назад, когда Ализон напал на наши Долины. Я не имею никакого отношения к магии и не представляю для вас никакой опасности!»

Дюратан улыбнулся, но выражение его лица трудно было назвать дружелюбным.

— Я не имел в виду — сейчас,— сказал он.— Я хотел лишь сказать, что мои кристаллы предупреждают об опасностях, которые лишь предстоят.

Я стерла с доски свои последние слова и написала в ответ:

«Прошу прощения, что прерываю. Я старая женщина — как я могу угрожать кому бы то ни было? Да, я сражалась, защищая наши Долины, главным образом — снабжая всем необходимым наших мужчин, отражавших натиск неприятеля. Однако те страшные годы давно прошли. Все, чего я хочу сейчас,— чтобы вы помогли мне узнать, откуда взялся мой обручальный камень и кто был моим настоящим отцом».

Оуэн снова прочитал вслух мои слова. Нолар, казалось, глубоко задумалась, затем заметила:

— Этот кулон, который ты описываешь, не может быть магическим камнем, поскольку я видела и держала в руках один из них — он принадлежал Колдунье, которой я помогала в поисках год с лишним назад, сразу после Сдвига. Должна сказать, что какое-то время в моем распоряжении был осколок, найденный здесь, в Лормте, он, как было установлено, был отбит от камня большой Силы далеко на юге. Однако то был не чистый кристалл, как твой обручальный камень, но кремовый и непрозрачный, с зелеными прожилками, проявлявший при правильном применении чудесные целительные свойства. Я с радостью помогу тебе искать в наших архивах любые сведения о твоей пропавшей драгоценности.

— Еще можно узнать, не найдет ли старый Морфью время, чтобы покопаться в своих бесконечных родословных,— предложил Дюратан. На этот раз его улыбка была теплой и искренней.— Он по праву славится как кладезь знаний.

«Благодарю вас всех,— написала я на грифельной доске.— Цель, которую я себе поставила, не оставляет мне времени на отдых. Я отправилась в дальний путь в надежде на то, что Лормт позволит получить ответ на мои вопросы. Рада, что вы готовы мне помочь».

Итак, пока за стенами бушевала метель, обычная для месяца Ледяного Дракона, я приступила к изучению документов Лормта.

4

Казариан — события в замке Кревонель, Ализон (6 и начало 7 дня, Луна Ножа)

В ту ночь я все-таки заснул и действительно видел сны. Проснувшись еще до рассвета, в беспорядочно смятой постели, я, как ни пытался, не мог вспомнить, что именно мне снилось — в памяти остались лишь яркие цвета, странные звуки и таинственные вихри, возможно, какие-то предметы, расположенные в причудливом порядке. Все мои попытки восстановить хоть какие-то детали оставались тщетными.

Чувствуя себя совершенно разбитым, я поднялся по лестнице внутри башни в мозаичный зал нашего замка. Когда меня что-то тревожило, я всегда находил успокоение именно там, словно древние орнаменты на стенах и полу каким-то чудесным образом оказывали благотворное влияние как на глаза, так и на душу. Некоторые изображенные на них звери и растения были мне хорошо знакомы — вилозубый кабан, визгун, хохлатая ворона, горячечная лоза; другие же выглядели весьма причудливо, многоногие, многоголовые или странно окрашенные. Медленно шагая по комнате и проводя пальцами по линиям орнаментов, я внезапно осознал, что

некоторые из них являлись мне во сне, только краски были намного ярче, и звери двигались, словно живые. И тут же меня осенила новая мысль. Прежде чем мой последний сородич отправился в Долины, мы разговаривали с ним здесь, в этой самой комнате — обсуждали, что я должен предпринять, если он погибнет в бою. В числе прочего его жена должна была передать мне то, что мы называли Ключом Старшего. Едва я вспомнил о том разговоре — и ключ предстал перед моим мысленным взором.

Когда я в последний раз видел этот покрытый искусной гравировкой ключ? Считалось, что он столь же стар, как и наш Род, переходя по наследству к супруге старшего из мужчин в день рождения ее первого сына. Супруга Волориана умерла в молодости, ключ перешел к моей родительнице, а после убийства моего родителя — к супруге моего старшего сородича. Теперь, когда всех троих моих сородичей не было в живых, предполагалось, что в конечном счете ключ получит моя супруга... правда, у меня не только нет потомства, но я даже не помолвлен. Точно так же, как прошлой ночью мне мерещился камень Гурбориана, сегодня я не мог думать ни о чем, кроме Ключа Старшего. Я видел его лишь дважды: один раз — когда случайно застал свою родительницу за перебором сокровищ нашей стаи, а во второй — когда ключ был передан моему последнему сородичу, чтобы он отдал его своей супруге. Когда у нее родилась дочь, ключ вернулся в специально отведенную шкатулку.

Шкатулка — вот куда следовало заглянуть. Я поспешил в сокровищницу замка и передвигал сундуки и ящики, пока не нашел ту самую серебряную шкатулку. Замок заело от времени, но я все же открыл его ключом моего родителя и откинул крышку. Пе-

ретряхнув многочисленные цепочки и безделушки, я достал блестящий ключ из посеребренной бронзы и вдруг понял, что и его тоже видел во сне. Я мог с закрытыми глазами представить каждую деталь гравировки стержня и толстую зазубренную бородку. Ключ удобно лег в мою руку, сбалансированный, словно любимый кинжал.

Но какой замок он открывал? Вопрос этот настолько меня поразил, что я опустился на скамью. Упоминал ли кто-либо при мне о предназначении Ключа Старшего? Я знал, что женщины нашего Рода относились к нему, как к величайшей ценности, но моя родительница определенно никогда не говорила мне, какой сундук или дверь он должен был отпирать. Если ключ больше не использовался по назначению, почему он передавался из поколения в поколение? Где-то должен был быть соответствующий замок... но где?

Я тряхнул головой, пытаясь унять боль в висках. Почему Ключ Старшего вдруг стал для меня столь значимым? Где находился предназначенный для него замок? Поскольку ключ так же стар, как и наш замок, надо полагать, ему соответствует столь же старый замок. Я быстро окинул взглядом все наши сундуки с сокровищами, но ни на одном из них не было замков подходящего размера или из соответствующего металла. Двери... в самой старой части замка — десятки дверей. Однако ход моих рассуждений был прерван: настало время приступить к исполнению моих обязанностей на Сборе Баронов. Я сунул ключ в кошелек на поясе, надеясь, что позже мне представится возможность продолжить исследования.

Однако до вечера мне так и не удалось найти свободной минуты, и, ложась спать, я почти забыл о Ключе Старшего, но, как оказалось, ненадолго.

Я проснулся неожиданно, словно от прикосновения лезвия меча к щеке, в полной уверенности, что ключ подходит к замку, сделанному из того же металла. И я видел дверь, в которую был врезан этот замок. Образ этой двери, стоявший у меня перед глазами, был столь отчетлив, что я протянул руку, чтобы потрогать ее шершавую деревянную поверхность, но ощутил лишь пустоту. Это был всего лишь очередной сон. Я сел на постели, пытаясь привести мысли в порядок. Столь детальное изображение двери не могло возникнуть лишь в моем воображении — я должен был где-то и когда-то ее видеть. Здесь, в замке — эхом отдалось в моем мозгу.

Я натянул сапоги и зажег маленький ручной фонарик. Лучшего времени для поисков, чем сейчас, когда все спят, было не найти. Я достал из кошелька ключ и, могу поклясться, ощутил, что какая-то сила ненавязчиво увлекает меня вниз.

С ключом в одной руке и с фонарем в другой я спустился по дальней лестнице вниз. Налево уходил пыльный коридор, затем я обнаружил другую лестницу, уходившую еще ниже. Подземелья замка когда-то служили тюрьмой, но сейчас использовались под склады или были просто заброшены. Никогда прежде я не отваживался спускаться столь глубоко. Сила, увлекавшая меня, казалось, нарастала. Я пробежал еще по одному коридору и спустился по лестнице, по которой явно никто не ступал уже много лет. Свет моего фонаря отразился от покрытой серебром бронзы на противоположной стене. Я нашел дверь из своего сна.

Я вставил Ключ Старшего в массивный замок. Когда я повернул ключ, дверь бесшумно открылась, словно и замок, и петли были только что смазаны. За дверью было темно, но воздух был свежим. Мне приходилось

слышать о запертых комнатах-ловушках, заполненных ядовитыми испарениями, так что я вытянул руку с фонарем, осветив каменный пол и внимательно наблюдая за пламенем. Пламя, однако, горело ярко и спокойно, и я, вынув ключ из замка, переступил порог.

Комната с каменными стенами была пуста — ни мебели, ни занавесей, ни ковров. Я в нерешительности остановился, затем мое внимание привлекло какое-то движение среди теней, и я резко повернулся. Дверь позади меня закрывалась. Прежде чем я успел ее удержать, дверь захлопнулась, и я услышал щелчок замка.

Можно было не сомневаться — без магии тут не обошлось. Сама Измена, в результате которой тысячу лет назад был основан Ализон, являлась плодом заговора магов. С тех пор ни один ализонский барон, обладавший хоть каплей разума, не доверял никому, кто обладал магическими способностями. Ализон постоянно страдал от происков магов и Ведьм.

Тем не менее я принадлежал к Роду Кревонеля. Я находился в Ализоне, а не в Эсткарпе, и был должным образом вооружен. Каким образом могла просочиться магия в подземелья замка Кревонель? Кроме того, в руке моей был Ключ Старшего; один раз он уже открыл эту дверь. Почему бы ему не сработать еще раз?

Я повернулся к двери, но внимание мое привлекло изменившееся освещение. Желтый свет, который отбрасывал мой фонарь, стоявший на полу, сменился ярким белым сиянием, резко очертившим контуры моей тени на голой стене.

Я резко развернулся, присев и одновременно выхватив левой рукой висевший на поясе кинжал. К моему удивлению, белый свет исходил от пятна, размером с ладонь, сиявшего прямо в воздухе посреди комнаты. Пока я, застыв на месте, разглядывал его, пятно увели-

чилось, превратившись в овал, достаточно большой для того, чтобы вместить в себя человеческое тело. Внутренность овала была непрозрачной и трепетала, словно подсвеченное лунными лучами облако. Со смешанными чувствами отвращения и любопытства я осторожно приблизился к нему, обошел кругом. Светящийся овал продолжал висеть неподвижно, на высоте не более шага от пола, если считать от нижнего края.

Я осторожно ткнул кинжалом в середину пятна. Острие беспрепятственно проникло внутрь, исчезнув из виду, словно погруженное в молочного цвета жидкость. Я выдернул кинжал. На клинке не осталось никаких следов — он не стал ни более горячим, ни более холодным, ни более влажным, чем прежде.

Внезапно я осознал, что продолжаю сжимать в правой руке Ключ Старшего. Странное ощущение увлекающей куда-то силы снова вернулось, став почти непреодолимым. Что бы ни находилось внутри светящегося овала или за ним, оно притягивало ключ к себе. Движимый стремлением узнать больше об этой бреши в защите замка, которую я до сих пор считал безупречной, бреши, которая могла угрожать не только замку Кревонель, но и всему Ализону, я крепко стиснул кинжал, поднял ногу и ступил внутрь овала.

Я тут же ослеп, оглох и лишился способности двигаться, словно охваченный ледяным холодом. Я не ощущал никаких прикосновений, но некая сила изгибала и крутила мое тело. Прежде чем я успел закричать, моя нога коснулась ровной каменной поверхности, и я снова обрел зрение и слух.

Однако находился я уже не в подземельях замка Кревонель — меня окружало огромное пространство. Стены едва угадывались вдали, теряясь в густой тени. К моему ужасу, в зале были люди. Двое из них держали

фонари, и в желтом свете, смешанном с белым сиянием за моей спиной, я узнал заклятых врагов Ализона: серые одежды, серые глаза, черные волосы — эсткарпцы, мужчина и женщина! В уши мои внезапно ворвался громовой рев, в глазах потемнело. Я попытался что-то сказать, защититься кинжалом, но меня окутала удушливая тьма, и я почувствовал, что проваливаюсь куда-то в пустоту.

5

Мерет — начало изложения событий в Лормте, для архива
(утро 7 дня Месяца Ледяного Дракона)

Морфью лично попросил меня изложить все, что мне было известно, начиная с невероятного происшествия в полуразрушенном землетрясением подвале Лормта. Таким образом, мне пришлось отложить свой личный дневник и приняться за подробный отчет для архива. Лавина обрушившихся на нас событий, которая погребла под собой цель моего приезда, требовала незамедлительных действий, и от их результатов могли зависеть судьбы не одной страны.

Однако мысли мои обгоняют перо, а плохо гнущиеся из-за возраста пальцы приходится часто согревать возле очага. Как и всякий уважающий себя торговец, старающийся держать свои записи в порядке, начну свое удивительное повествование с самого начала.

Приближалась вторая неделя месяца Ледяного Дракона, и я провела в Лормте лишь два дня, когда некая сила, подобно воинственному кличу, вырвала меня из сна. Я нащупала ночник, завернулась в самую теплую накидку и надела мягкие войлочные туфли, которые

дал мне Оуэн. Коридор за дверью моей комнаты казался пустым. Не было слышно ни шороха, ни каких-либо подозрительных звуков... однако что-то неумолимо влекло меня вниз по лестнице. Не имея четкого представления о цели моей ночной прогулки, я, помимо своей воли, углублялась все дальше в пустые коридоры. В соседнем коридоре мелькнул огонь и послышался приглушенный шорох кожи и ткани о камень.

Передо мной появилась Джонджа, за ней следовали Дюратан, Нолар и Оуэн. Их явно удивило мое появление, так же как и меня — встреча с ними.

Дюратан поднял лампу.

— Что ты здесь делаешь в такую пору? — спросил он.

К счастью, я никогда не расстаюсь с грифельной доской и мелом.

«Я проснулась,— написала я, подбирая слова, чтобы объяснить свое присутствие,— и, хотя никого в моей комнате не было, решила спуститься вниз и выяснить причину моего беспокойства».

Джонджа мрачно кивнула.

— Где-то далеко внизу, под жилыми уровнями Лормта, пробудилась Сила. Все мы тоже внезапно проснулись. Нужно как можно быстрее выяснить источник этой странной тревоги. Сдвиг открыл подземелья у нас под ногами, и я ощущаю биение Силы именно там. Идем!

Древнее землетрясение и в самом деле искривило и перекосило каменные плиты пола, некоторые стены треснули. Осторожно пробираясь среди беспорядочно сдвинутых камней, мы продолжали спускаться вниз. Внезапно вокруг нас оказалось громадное пустое пространство. Наши маленькие фонари казались лишь искорками в зале, где капитан Халбек с легкостью разместил бы весь свой торговый корабль, с мачтами и парусами.

Нолар повела головой из стороны в сторону, словно гончая в поисках неуловимого запаха.

— Чувствуете? — спросила она. — Воздух будто звенит. Смотрите! Там, слева!

Прежде чем мы успели пошевелиться, в десяти шагах от нас в воздухе, примерно на уровне глаз, появилось светящееся пятно. Я уставилась на него, не зная, идти вперед или отступить. Тем временем пятно увеличилось, превратившись в овал, величиной с человека. Свободная рука Дюратана опустилась к поясу. Я несколько приободрилась, увидев, что он вытащил охотничий нож с длинным лезвием. Поставив фонарь на пол, я обеими руками взялась за свой посох. В случае необходимости я могла использовать его в качестве оружия.

По молочной поверхности овала пошли волны, и появилась обутая в сапог нога, а затем обозначилась высокая мужская фигура. Нолар громко ахнула. Обладай я голосом, я бы к ней присоединилась. Пришелец был ализонским воином!

Я надеялась, что никогда больше не увижу наших заклятых врагов. Их черты навсегда отпечатались в моей памяти — яростные серые глаза, короткие серебристо-белые волосы, крючковатые носы, зубы, столь же острые, как у их дьявольских псов. Судя по высоким сапогам, сине-зеленому камзолу и обтягивающим брюкам, это был ализонский солдат... и, если приглядеться получше, не просто солдат. Овал за его спиной сократился в размерах, световой блик отразился от золотой цепочки на груди ализонца, скользнул по украшенному гравировкой кинжалу, который он сжимал в левой руке. Воин увидел нас, и глаза его расширились от ужаса. Пошатнувшись, он вдруг сдавленно вскрикнул и рухнул на пол — как раз в то мгновение, когда светящееся пятно превратилось в точку и исчезло.

Дюратан опомнился первым и быстро опустился на колени, чтобы разоружить ализонца. Он выдернул из его руки кинжал, отбросил в сторону, затем снял с широкого кожаного пояса остальное оружие — самострел, несколько метательных ножей и еще что-то, мне незнакомое.

Я сама не заметила, как оказалась рядом с Дюратаном и схватила пришельца за вытянутую правую руку. Пальцы ализонца крепко сжимали холодный металлический предмет — как я потом поняла, тяжелый ключ. Едва коснувшись моей ладони, ключ словно прилип к ней. На меня обрушилась лавина мысленных образов. За все годы, в течение которых я ощущала связь вещей с их владельцами, мне никогда еще не приходилось сталкиваться со столь интенсивным потоком информации. Я села прямо на пол, крепко зажмурившись и пытаясь восстановить над собой контроль. Вновь обретя способность дышать, я открыла глаза и сунула ключ в карман, чтобы он более не вторгался в мой разум. Схватив грифельную доску, я принялась лихорадочно писать.

Нолар заметила мое состояние. Вероятно, опасаясь, что я могу упасть в обморок, она наклонилась, обняла меня рукой за плечи. Однако, увидев, что я поспешно пишу, взяла мой фонарь и начала повторять вслух мои удивительные открытия.

— Я чувствую по ключу в его руке, что он — Казариан из Рода Кревонеля,— читала Нолар с моей грифельной доски.— Посредством неких магических сил, ему непонятных, он был перенесен сюда из подземелий его родового замка в Столице Ализона!

Все заговорили наперебой, но я не могла сосредоточиться на их словах. Меня трясло, словно в лихорадке. В моем мозгу с бешеной скоростью проносились противоречивые мысли — дикая ненависть к дьявольским

Псам, опустошившим наши Долины, убившим моего любимого... и вместе с тем неодолимое любопытство: какая же магия могла перенести живого человека на множество лиг, и каким образом я смогла узнать имя одного из своих заклятых врагов, если я знала лишь несколько слов на языке ализонцев?

Внезапно мое внимание привлек голос Оуэна:

— Нужно немедленно послать за Морфью. Когда этот ализонец придет в себя, нам, скорее всего, потребуется помощь того, кто говорит по-ализонски.

Нолар мягко коснулась моего плеча.

— Если я ничем не могу тебе помочь, я пойду будить Морфью.

«Прошу тебя, не беспокойся обо мне,— нацарапала я на грифельной доске.— Со мной все в порядке, я просто не могу прийти в себя от потрясения».

— Тогда я поспешу к Морфью,— сказала Нолар, беря фонарь.

Джонджа тщательно изучала вещи ализонца. Повернувшись ко мне, она спросила:

— Позволит ли твой дар выяснить еще что-нибудь об этом человеке — Казариан, да? — прежде чем он придет в себя? Чем больше мы будем знать о том, какую угрозу он для нас представляет, тем лучше.

Дюратан кивнул в знак согласия:

— Возможно, знак его Рода или цепь барона что-то скажут тебе, госпожа, ибо, если я не ошибаюсь, этот человек — барон. Воин или землевладелец. Его оружие говорит, скорее, в пользу первого, качество одежды — второго.

В моем возрасте, чтобы подняться с каменного пола, требуется немало времени и усилий, так что я просто подобрала юбку и на корточках подползла к бесчувственному телу. Лишенное морщин лицо ализонца,

спокойное и расслабленное, казалось беззащитным. Меня поразила его молодость — вряд ли ему было больше тридцати. По крайней мере, нехотя подумала я, этот ализонец был слишком молод для того, чтобы участвовать во вторжении в Долины.

Не в силах полностью скрыть отвращение, я протянула руку и коснулась камзола ализонца. Избегая ненавистного знака Пса на правой стороне груди, я заставила себя дотронуться до знака его Рода, искусно вышитого слева — три синие стрелы на белом фоне, расположенные треугольником. Нахлынувший в то же мгновение поток мысленных образов заставил меня отдернуть руку, чтобы разорвать контакт. Я глубоко вздохнула, оперлась одной рукой о каменную плиту пола и взялась другою за баронскую цепь.

Я закрыла глаза, и мне показалось, что я лично присутствую на большом сборище ализонцев, при свете факелов. Я знала, что это — недавнее Новогоднее Представление Молодняка, а внушающая ужас фигура с головой пса — на самом деле Лорд-Барон Норандор в церемониальной маске. Другой богато одетый барон поднялся с колен перед троном Лорда-Барона... мне было известно его имя, Гурбориан. Когда он отступил на шаг и повернулся, я вздрогнула, увидев у него на шее мой обручальный камень! Вероятно, в это мгновение я лишилась чувств, поскольку следующее, что я помню,— поднесенная к моим губам фляга с вином и голос Джонджи, зовущей меня по имени.

Я жестом попросила дать мне грифельную доску. Джонджа читала мои слова вслух, сразу же, едва я успевала их написать:

— Я только что видела мой обручальный камень на ализонском бароне, во время их Новогоднего Сбора.

Это барон Гурбориан из Рода Рептура, убийца отца этого человека и его заклятый враг.

Восклицание Дюратана потонуло во всеобщем шуме. Я продолжала сидеть на каменном полу, дрожа как от холода, так и от только что пережитого. Прежде мои видения потерянных вещей или мест, где их следовало искать, являлись ко мне в виде отрывочных снов. Никогда прежде не были они столь живыми и последовательными, и никогда прежде я не видела их наяву.

Оуэн начал что-то говорить, но Джонджа прервала его.

— Смотрите! — резко бросила она.— Наш незваный гость зашевелился.

— И шарит в поисках оружия,— заметил Дюратан.— Он будет весьма расстроен, не обнаружив его на месте.

Я протянула руку к своему посоху и с помощью Джонджи поднялась на ноги. Мне не хотелось лишаться преимущества перед любым ализонцем, независимо от того, вооружен тот или нет.

6

Казариан — повествование о событиях, последовавших за его внезапным перемещением в Лормт
(7 день, Луна Ножа/Месяц Ледяного Дракона)

В окутывавшую меня тьму ворвались приглушенные голоса... голоса были человеческими, но я не мог понять ни слова. Постепенно приходя в себя, я попытался пошевелить руками и ногами. Подо мной был твердый холодный камень... почему я лежу на каменном полу? Левая моя рука была пуста — где мой кин-

жал? Я потянулся к своим метательным ножам, но оружия на поясе не оказалось. Что еще хуже, в моей правой руке больше не было Ключа Старшего. Неужели меня не только разоружили, но и ограбили? Я отчаянно пытался вспомнить, что, собственно, произошло. Я ступил в магический светящийся овал в глубоких подземельях замка Кревонель, и, видимо, эта гнусная магия куда-то меня зашвырнула. Враги из Эсткарпа... прежде чем меня окутала тьма, я успел заметить эсткарпцев.

Открыв глаза, я осторожно сел, оценивая ситуацию, в которой оказался. Враги действительно превосходили меня числом, но пока что они лишь разоружили меня, не тронув ни моей баронской цепи, ни кошелька на поясе. Едва я пошевелился, они тут же смолкли. Мы без слов пристально смотрели друг на друга, все пятеро. Возможно, где-то, за пределами освещенного фонарем пространства, таились еще враги. Проход, из-за которого я здесь очутился, исчез, лишив нас дополнительного источника света.

Зал был огромен — стены и потолок скрывались где-то в непроницаемом мраке. Куда сильнее, однако, меня беспокоила не окружающая обстановка, а присутствие рядом врагов. Их было четверо: двое мужчин, принадлежащих к колдовской Древней Расе Эсткарпа, женщина Древней Расы, одетая подобно зловещим Ведьмам Долин, и еще одна женщина, довольно странная. В первое мгновение я едва не принял ее за ализонку — из-за снежно-белых волос, светлых глаз и бледной кожи, но ее явно дружеские отношения с колдовским народом и неподобающая поза тут же заставили меня переменить мнение. Она держала в руках внушительных размеров посох, явно зная, как с ним обращаться, что для ализонской женщины попросту невозможно. Ког-

да я поднялся на ноги, стремясь оказаться в более выгодном положении, ближе всего ко мне очутилась именно она. Руки ее выдавали преклонный возраст. Каким образом старуха, явно не эсткарпка, оказалась в одной компании с воинами Древней Расы и Ведьмой?

Хотя у старика и не было меча, он, похоже, был среди них главным. Он показал на стоявшие неподалеку несколько деревянных скамеек и медленно, тщательно подбирая слова, произнес по-эсткарпски:

— Давайте сядем и спокойно поговорим.

С тех пор как я последний раз слышал речь врага, прошло немало времени. Некоторые из моих приятелей-баронов со склонностями к наукам изучали эсткарпский язык, чтобы допрашивать редких живых пленников, захваченных на границе, но я не принимал участия в допросах уже несколько лет. Я решил, что в моем положении лучше всего будет не подавать вида, что я понимаю язык врагов, пока ситуация не прояснится. Притворившись, что его слова мне непонятны, я ответил по-ализонски:

— Могу я узнать, где я и кто вы?

Мужчина помоложе держал в правой руке внушительный нож, но старался не выставлять его напоказ. Его свободное обращение с оружием и прямая осанка выдавали в нем воина. Более того, когда он двигался, он припадал на левую ногу, словно после ранения. Едва я заговорил, он повернулся к старику и раздраженно сказал:

— Надеюсь, Морфью уже разбудили! Как ты и предполагал, нам потребуется его знание ализонского языка.

Морфью! Услышав это имя, я едва не выдал себя, но сдержался, отступив на шаг в сторону. Некогда в Ализоне был один знатный Род, еще до Представления

моего родителя. Я видел его родословные списки в баронских архивах, и мужские имена там имели именно такую форму. Я пытался вспомнить, как звали основателя Рода, но тут вдали мелькнула искорка света.

Когда свет приблизился, я увидел две, медленно двигавшиеся фигуры. Впереди шла женщина Древней Расы, неся фонарь, освещавший яркое родимое пятно на ее лице. Я внутренне содрогнулся. Мы в Ализоне не оставляем в живых уродливых щенков. Для любого Рода намного лучше, если в нем остаются лишь здоровые и выносливые. Свободной рукой женщина поддерживала худого старика с длинными белыми волосами. Вряд ли он мог быть ализонцем, подумал я... но, присев рядом со мной на скамью, он посмотрел на меня бледно-голубыми глазами и, запинаясь, обратился ко мне по-ализонски.

— Тебе нечего здесь бояться, юноша,— сказал он.— Мы не причиним тебе вреда. Меня зовут Морфью...

— Не из Рода Тернака? — перебил я его, неожиданно вспомнив имя.

Моргая, он уставился на меня, словно разбуженный от дремоты филин.

— Да, мой родитель принадлежал к этому Роду,— ответил он,— но уже шестьдесят лет я не слышал ни слова о нашей стае. Прости, что я говорю с ошибками — я здесь единственный ализонец и утратил навыки из-за отсутствия практики.

— Увы, еще до моего рождения твой Род постигла печальная судьба,— сказал я.— Род Тернака считается погибшим много лет назад, когда последние его мужчины пали в кровной вражде.

Морфью, побелев, схватился за край скамьи.

— Кровная вражда...— прошептал он, затем потряс головой, словно пытаясь прочистить мозги.— По-

дожди. О моей стае мы можем поговорить и позже. Я должен передать твои слова моим друзьям. Этот человек знает мою семью,— сказал он остальным по-эсткарпски.— Он принес плохие известия — все погибли.

— Я крайне сожалею, что тебе пришлось узнать столь страшную весть из прошлого,— ответил старик Древней Расы,— однако сейчас нам нужно знать, кто этот человек и с какой целью он сюда явился.

Морфью кивнул и перевел взгляд на меня.

— На тебе баронская цепь,— заметил он.— Кто основатель твоего Рода? Зачем ты пришел к нам?

Я лихорадочно размышлял. Все обширные земли Тернака были захвачены тогдашним Лордом-Бароном. Половина из них была отдана в награду выжившим в кровной вражде, но, вполне возможно, этот старый барон мог заявить обоснованные права на свои земли. Имело смысл быть с ним откровенным. Коснувшись сперва своего Знака Пса, затем Знака Рода, я обратился к нему:

— Приветствую тебя, Морфью, вновь обретенного барона из Рода Тернака. Я Казариан, из Рода Кревонеля. Не знаю, как я оказался здесь, в этом странном месте. Я прошел сквозь удивительные Врата в Ализоне, и, полагаю, был перенесен сюда магической силой. Далеко ли это место от нашей общей границы?

Морфью поднял руку, останавливая меня.

— Тебя и в самом деле далеко занесло, юноша. Это подземелья цитадели Лормт, далеко к югу от Ализона.

Я не в силах был ему поверить. Естественно, я слышал о Лормте. В Ализоне мало кого интересовал этот уединенный эсткарпский замок, не стоивший того, чтобы его осаждать, отдаленная обитель никому не нужных, трясущихся от старости ученых, царапавших свои пыльные письмена. Даже Ведьмы Эсткарпа презирали

обитавших в Лормте стариков. И, уж конечно, я никогда не предполагал, что когда-либо окажусь там.

Эсткарпец с военной выправкой убрал нож в ножны и нагнулся, поднимая фонарь.

— Не можем ли мы найти более удобное место для беседы? — обратился он к старику.

Морфью медленно поднялся со скамьи.

— Конечно,— с энтузиазмом согласился он.— Эти подвалы не очень-то полезны для моих костей.— Повернувшись ко мне, он добавил по-ализонски: — Идем, юноша. Поищем место потеплее и помягче, чтобы спокойно посидеть и поговорить.

Я заметил, что они расположились так, чтобы я шел посредине — Ведьма предложила мне следовать за ней, а воин-эсткарпец шагал сразу позади меня.

Пока мы шли среди разбитых и беспорядочно разбросанных камней, я думал о катастрофе, которая произошла здесь. Судя по массивным кирпичам и прочным опорам, над нами возвышалось огромное строение, возможно, столь же старое, как и мой собственный замок. Мы шли по извивающимся коридорам, вверх по многочисленным лестницам, затем в наружную дверь внезапно ворвался порыв холодного ветра, и мы оказались на заснеженных камнях окутанного ночной тьмой двора.

Никогда прежде я не видел столь огромного пространства, окруженного стеной с башнями. В лунном свете, отраженном снегами, видно было, что стена серьезно повреждена. Стуча зубами от холода, я крепко сжал руки на груди, посмотрел вверх — и остановился столь неожиданно, что шагавший позади воин налетел на меня.

— Звезды! — потрясенно воскликнул я.— А за стенами — горы!

Морфью успокаивающе коснулся моей руки.

— Это Лормт,— сказал он.— Небо здесь несколько иное, нежели над Ализоном, и мы действительно находимся среди высоких вершин. По крайней мере, у нас есть одежда, которая защищает нас от ветра. Поторопись — еще немного, и мы будем в тепле и в укрытии.

Перед нами возникло высокое каменное здание, и Ведьма нырнула в потайную дверь у его основания. Мы поднялись еще по нескольким лестницам, затем Ведьма открыла тяжелую дверь, и мы вошли в уютный кабинет, вдоль стен которого тянулись заставленные свитками полки. Присев у очага, Ведьма разожгла огонь из запасенных на ночь углей.

Морфью устроился в мягком кресле во главе длинного стола и предложил мне кресло слева от себя. Воин ненадолго вышел, затем вернулся с подносом, где стояли оловянные кубки и бутыль эля, который он перелил в кастрюльку и подогрел на огне. Прежде чем отхлебнуть из своего кубка, я подождал, пока остальные попробуют свой напиток. Я заметил, что мой кубок был пуст до того, как в него налили эль; да и вряд ли при подобных обстоятельствах они бы попытались меня отравить. Морфью, видимо, заметил мою нерешительность, поскольку улыбнулся и сказал:

— У нас здесь нет ядов. Только старые документы.

Воин снял с пояса кожаный мешочек и высыпал из него на стол горсть кристаллов. Одновременно Ведьма положила перед собой резную деревянную доску, украшенную красными, черными и золотыми метками.

Я почувствовал, как волосы поднимаются у меня на загривке. Неужели меня пытаются подвергнуть воздействию эсткарпской магии?

— Морфью,— требовательно спросил я.— Что все это значит?

— Не волнуйся,— спокойно ответил он.— Мои друзья просто проверяют, не угрожают ли нам в данный момент какие-либо Силы Тьмы.— Затем он повторил свои слова по-эсткарпски.

Воин, нахмурившись, собрал свои кристаллы и снова бросил их на стол.

— Я не вижу вокруг него следов Тьмы,— сказал он, с сомнением поглядывая на меня.— Однако есть явные признаки будущей опасности.

— Моя рунная доска согласна с твоими кристаллами,— ответила Ведьма, снова пристегивая деревянный прямоугольник к поясу.

Уязвленный их замечаниями, я придержал язык за зубами, пока Морфью не повторил их слова по-ализонски, и лишь затем заявил:

— Мой Род всегда отвергал любые попытки обратиться за помощью к магии. Какие именно проявления Тьмы у вас есть повод связывать со мной?

Я замолчал, ошеломленный неожиданной заманчивой идеей. Возможно, эти люди могли бы противостоять заговору Гурбориана? Если они ненавидели магию Тьмы, почему бы им не относиться так же и к любому союзу с Эскором, предложенному Ализоном? Я решил рискнуть.

— Что вы думаете по поводу Темных Магов Эскора? — спросил я.— В старинных документах я читал о том, что Эсткарп когда-то вел жестокие войны с врагами с востока, но с тех пор в течение многих лет никто в Ализоне ничего о них не слышал. Существует ли до сих пор вражда между правителями Эсткарпа и магами Эскора?

Морфью, похоже, был заинтригован.

— Любопытный вопрос,— заметил он. Передав мои слова остальным, он продолжил по-ализонски: — Если я

еще не забыл ализонские нравы, то мне следовало бы в ответ задать вопрос тебе: «А почему ты спрашиваешь? На чьей стороне твои интересы?» Но, прошу тебя, воздержись на мгновение от ответа, ибо я хочу воспользоваться случаем и пояснить тебе, что здесь, в Лормте, мы рассуждаем несколько иначе. Пятьдесят с лишним лет назад мне не позволили заниматься наукой в Ализоне, и я отправился сюда, где предоставляют убежище всем ученым. Ты должен понять, юноша, что в Лормте нет правителей вроде ализонского Лорда-Барона и его Совета Баронов. Мы — сообщество ученых, и наша единственная цель — искать и собирать утраченные знания о прошлом. Совет Волшебниц Эсткарпа презирает нас за то, что большинство у нас составляют мужчины, но главным образом старается просто не обращать на нас внимания. Поэтому мы почти не мешаем друг другу — тем не менее два года назад мы серьезно пострадали от их Великого Сдвига, вызвавшего разрушения, которые ты видел. Что касается нас, мы предпочитаем, когда нас не трогают, и каждый занимается тем, что сам выбрал.

— Что же касается Эскора,— продолжал Морфью,— мы почти ничего о нем не слышали до недавнего времени, когда кто-то из Древней Расы отважился туда отправиться. В тех краях по-прежнему правят могущественные силы, некоторые из них почитают Свет, другие же служат Тьме. От своего имени и от имени Оуэна, нашего главного ученого,— он показал на старика,— могу с уверенностью сказать, что Лормт твердо стоит на стороне Света.

Остальные за столом внимательно выслушали его перевод, с суровыми выражениями на лицах.

— Но стали бы вы сражаться с Темными Магами Эскора? — настаивал я.— Стали бы вы защищать от них вашу обитель?

Морфью с явной тревогой повторил мои вопросы. Воин-эсткарпец, нахмурившись, отрывисто бросил:

— Ты нас предупреждаешь или угрожаешь нам?

Внезапный грохот заставил нас подскочить в креслах. Старуха с белыми волосами ударила своим посохом о пол. Похоже, она не умела говорить — еще один враг-калека! — поскольку что-то написала на грифельной доске и подала ее старику, чтобы тот прочел вслух.

— Хватит вопросов,— прочитал он.— Пришла пора давать ответы.

7

Мерет — события в Лормте
(утро 7 дня, Месяц Ледяного Дракона/Луна Ножа)

Пока мы с трудом поднимались обратно на верхние этажи Лормта, я сгибалась под двойным бременем: физического истощения от хождения по бесконечным коридорам и лестницам и постоянных усилий, необходимых, чтобы сдержать страх и отвращение, готовые выплеснуться наружу. Рядом со мной, буквально на расстоянии вытянутой руки, шел ализонец...

Нет, Морфью тоже принадлежал к этой отвратительной расе, но, едва увидев его, я поняла, что в душе он совершенно иной, нежели его хищные соплеменники. Как и наставница Гверса, Морфью был истинным ученым. Последние несколько лет он полностью посвятил себя изучению родословных. В Лормт было доставлено множество документов из собрания Остбора, старого эсткарпца, славившегося своим знанием родословных; он умер за несколько месяцев до Сдвига. Как сказал Морфью, леди Нолар была ученицей Остбора; поселившись в Лормте, она оказывала нео-

ценимую помощь в разборе свитков своего бывшего учителя. После того как в результате Сдвига обнажились тайные подвалы Лормта, обнаружилось немало новых, ранее неизвестных записей. Я как раз начала работать вместе с Морфью и Нолар над частью архивов Лормта, относившейся к Долинам, когда наше спокойствие нарушило странное появление ализонца.

Я убеждала себя, что молодой ализонский барон в дни вторжения мог быть лишь ребенком. Неразумно было возлагать на Казариана личную ответственность за все страдания, которым подверглась я и остальные жители Долин... и тем не менее он был ализонским бароном, то есть нашим заклятым врагом. Во мне боролись чувства отвращения и горячего любопытства. Он должен был что-то знать о моем обручальном камне, ибо в моих видениях камень этот висел на шее врага его семьи. Я поняла, что надо побороть естественную ненависть и попытаться узнать все, что можно, у Казариана из Рода Кревонеля... если он, в свою очередь, снизойдет до разговора со мной.

Наконец, мы расположились в кабинете Оуэна, и Дюратан подал нам подогретый эль, который мы с благодарностью приняли. Казариан явно не торопился касаться своего кубка, пока мы не отпили из своих.

Магические орудия для предсказаний, которые достали Дюратан и Джонджа, вызвали у Казариана открытое неприятие. Видимо, он не выносил ничего, что относил к «колдовству». После нарочитой паузы он потребовал от нас ответа, станет ли Лормт защищаться от Темных Магов, которым, по слухам, принадлежала часть Эскора, таинственной страны за горами вдоль восточных границ Эсткарпа.

Когда Дюратан в резкой форме спросил, предупреждает ли нас барон или угрожает нам, я решила, что

пора вмешаться, пока гнев, пусть и оправданный, не вылился в настоящую драку. Я стукнула посохом о пол, и, к моей радости, все взгляды тут же обратились ко мне. Оуэн прочитал вслух мои слова: «Хватит вопросов. Пришла пора давать ответы».

Губы Морфью искривились в ехидной улыбке.

— Уважаемая госпожа,— начал он,— как любезно с твоей стороны, что ты повернула наш разговор в нужное русло. Каждая сторона, участвующая в разговоре, обладает сведениями, которые желает получить другая. Молодой человек...— Морфью пристально посмотрел на ализонца и спросил по-эсткарпски: — Я не ошибусь, если скажу, что ты понимаешь большую часть моих слов? Время нашей беседы можно сократить вдвое, если мне не придется повторять каждую фразу на обоих языках.

Ализонец улыбнулся — неприятная гримаса обнажила его острые звериные зубы.

— Ты сказал, что плохо говоришь по-ализонски из-за отсутствия практики,— ответил он по-эсткарпски, запинаясь, но вполне понятно.— Я тоже считаю, что мой эсткарпский плоховат. Если ты будешь говорить медленно и при необходимости мне помогать...

— Я так и думал,— сказал Морфью.— Итак, давайте попробуем выражаться как можно более просто и ясно, ради нашего же собственного удобства. Поскольку ты назвал нам свое имя, ты должен знать и имена моих товарищей. Это Оуэн, как я уже упоминал,— наш главный ученый. Рядом с ним — Дюратан, бывший страж границы, а теперь талантливый летописец; его супруга Нолар, целительница и ученая; Джонджа, наша местная Мудрая; и Мерет, недавно прибывшая сюда из Долин в надежде раскрыть тайны своей родословной.

Ализонец обвел всех пристальным взглядом, затем плавным движением коснулся знака своего Рода.

— Для меня большая честь пребывать в подобном обществе,— сказал он.

— К вопросу об Эскоре,— пробормотал Оуэн.— Морфью, ты ведь недавно изучал наши архивы в поисках сведений, относящихся к Эскору?

— Да, мастер Оуэн.— Старый ученый потер руки — что, как я заметила, вошло у него в привычку: этот жест повторялся каждый раз, когда Морфью предоставлялась возможность поделиться плодами своих исследований.— Пять лет назад сюда прибыл Кемок Трегарт, он хотел побольше узнать о том, что происходит на востоке. Помогая ему, я обнаружил, что тысячу лет назад в Эскоре зловещие силы Тьмы одержали верх над силами Света. Спасаясь бегством, остатки Светлых с помощью магических заклинаний возвели горную стену, отгородившую Эскор от остального мира. Одновременно они заблокировали разум Древней Расы, запретив им обращать свой мысленный взор на восток. Именно эти переселенцы стали предками Волшебниц Эсткарпа. Лишь после недавнего Сдвига — можно сказать, Второго Сдвига,— Древняя Раса вновь обрела способность мыслить о востоке и даже путешествовать туда.

Морфью задумчиво помолчал, затем продолжил:

— Я помню лишь один случай, касающийся столкновений с эскорскими магами в Эсткарпе. Сразу после Сдвига, во время путешествия далеко на юго-запад, Нолар пытался подчинить себе Темный маг, которого землетрясение освободило от связывавшего заклятия, наложенного на него со времен Первого Сдвига. К счастью, это единственное опасное эхо событий в древнем Эскоре было подавлено с помощью одной из Волшебниц. Твои вопросы, однако, предполагают наличие некой

угрозы именно теперь. Ты хочешь предупредить нас, что даже сейчас в Эскоре затевается нечто зловещее?

Казариан внимательно слушал, сидя неподвижно, только пальцы его ритмично вращали золотой перстень с печаткой на правой руке. Когда Морфью задал свой вопрос, Казариан положил обе руки на стол. Пальцы его были длинными и гибкими. Я наблюдала за ним, пока мы шли по коридорам, он двигался быстро и уверенно. Полагаю, он наверняка был смертельно опасным противником в схватке на мечах или ножах.

— Я не могу назвать тебе ни одного имени эскорских магов,— честно признался он,— но у меня есть основания считать, что определенная группировка в Ализоне собирается вступить в союз с силами Тьмы. Подозрения мои уходят корнями в те времена, когда двадцать с лишним лет назад Лорд-Барон Фаселлиан вступил в союз с колдерами, что привело к катастрофе для Ализона. Колдеры стремились захватить власть над Долинами — ценой крови наших воинов. Подговорив нас напасть на Долины, они бросили нас на произвол судьбы, перестав оказывать жизненно важную помощь, которую обещали нам. Задолго до того, как последний из наших воинов-Псов был окружен на побережье и уничтожен, стало ясно, что война проиграна. Лорды-Бароны Ализона не проигрывают войн, оставшись при этом в живых. Трон перешел к Малландору...

Казариан замолчал, чтобы налить себе еще эля. Возмущению моему не было границ — обладай я голосом, я бы закричала. Я крепко, до боли, стиснула посох. Столь хладнокровно сложить с себя всю ответственность за те страдания, что Ализон причинил нашим Долинам! И тем не менее... Я никогда прежде не думала о том, как должен был реагировать Ализон, когда их союзники-колдеры столь подло их предали. Имея в своем распо-

ряжении военный и торговый флот, Сулкар, которому мы вовек будем благодарны, опустошал побережье Ализона и перехватывал их корабли; противник же был лишен помощи со стороны колдеров. Внезапно мне стало понятно, что ализонская версия событий тех безумных лет как оправдывает ализонцев, так и призывает к мести за украденную у них победу. Когда Казариан продолжил свой рассказ, я заставила свои пальцы, сжимавшие посох, ослабить хватку.

— В Ализоне, однако, еще оставались проклятые колдеры,— продолжал Казариан.— Они выжидали, налаживая связи с частью баронов и пытаясь получить доступ к самому Лорду-Барону Малландору. Три года назад группировка, поддерживавшая колдеров, убедила Малландора, что нужно доставить в Ализон новые силы колдеров посредством Врат, открытых с помощью магии. Они предложили захватить в Эсткарпе несколько щенков Волшебниц и добиться от них заклинаний, необходимых для открытия Врат.

Джонджа столь яростно схватилась за свой кубок, что я испугалась за его сохранность.

— Мы слышали о том чудовищном набеге,— сказала она дрожащим голосом.— Для всех в Эсткарпе это был откровенный вызов.

Казариан спокойно кивнул.

— Я возражал против подобной тактики после первого же их предложения,— сказал он.— Плохо организованная операция с треском провалилась, погубив всех колдеров. Юные Волшебницы сбежали обратно в Эсткарп. Другая группировка, во главе с бароном Гурборианом, убеждала, что Ализон должен забыть о колдерах и прибегнуть к совершенно новой стратегии. Главный приспешник Гурборианa, Гратч из зловещего Горма, предложил расправиться с врагами с помощью иных,

более близких союзников. Наведя справки, он отыскал нескольких магов в горах между Ализоном и Эскором. Гурбориан поддержал план Гратча — связаться с силами Тьмы, все еще существующими в Эскоре,— утверждая, что если поставить Темных магов Эскора на службу Ализону, мы сможем захватить все земли к западу от гор — Эсткарп, Карстен, и дальше на юг.

— И что же получат Темные маги Эскора от подобного союза с Ализоном? — спросил Морфью, стиснув кулаки.

— Естественно, им будет предоставлен полный суверенитет над всеми землями к востоку от гор,— ответил Казариан.

Оуэн сдавленно фыркнул.

— Судя по всему, они уже считают себя полноправными хозяевами территорий, которые контролируют,— заявил он.— В тех краях живут и другие народы. Не могу поверить, что Темные маги дрожат от страха перед вторжением в их владения через горы с запада. По описанному тобой плану Гурбориана Темные маги ничего не приобретут, кроме облеченного в позолоту слов уже существующего порядка вещей.

— Однако прошу учесть,— задумчиво заметил Морфью,— что для Эскора подобный союз, если итогом его станет уничтожение Эсткарпа, может рассматриваться как долгожданная, пусть и запоздалая месть Древней Расе за оскорбление, нанесенное много столетий назад. За Первый Сдвиг.

Я смотрела на Дюратана, строгое выражение лица которого за время беседы стало еще более суровым.

— Давайте на минуту задумаемся над другим вопросом,— обезоруживающе мягко произнес он.— Зачем ализонскому барону открыто сообщать о грозящей Эсткарпу опасности, о которой никто не подозревал?

Ализон наверняка был бы только рад падению Эсткарпа и вряд ли стал бы предупреждать заранее о любой угрозе.

Все, сидевшие за столом, внимательно наблюдали за Казарианом, ожидая его объяснений.

8

Казариан — события в Лормте
(7 день, луна Ножа/месяц Ледяного Дракона)

Словесный поединок с противником, которого вполне можно было бы превратить во временного союзника, казался столь же захватывающим, как охота — погоня на всем скаку за вилозубым кабаном... тем не менее я отдавал себе отчет в том, что ступаю по лезвию меча. Необходима постоянная бдительность, даже если враг твоего врага и в самом деле вынужден преследовать некоторые общие с тобой цели. Любой возможный союз обязан был служить интересам моего Рода и самого Ализона.

Эти ученые из Лормта вполне могли располагать сведениями об Эскоре, которыми я мог бы воспользоваться, чтобы противостоять козням Гурбориана. Однако им не следовало знать, что Гурбориан намеревается свергнуть Лорда-Барона Норандора. Это было исключительно ализонским делом, и врагам Ализона ни к чему было знать о том, что они могли бы обратить себе на пользу.

Поэтому я тщательно подбирал слова, подчеркивая потенциальную опасность, которая может угрожать Эсткарпу, если группировка Гурбориана договорится с Темными магами Эскора. Думаю, обитатели Лормта быстро осознали возможные последствия, но Дюратан, их

воин, спросил, почему я, предполагаемый враг, предупреждаю их заранее? Это был умный вопрос, несомненно направленный на то, чтобы раскрыть мои намерения. К счастью, у меня уже был готов ответ, вдвойне убедительный оттого, что он был и правдоподобным, и истинным.

— Если Ализону придется сражаться за территорию,— сказал я,— мы можем рассчитывать лишь на собственные силы. Бароны Ализона, придерживаясь методов, доказавших свою действенность в прошлом, всегда сторонились магии, независимо от того, кто ею владел — эскорцы или колдеры. Уверяю вас, Род Кревонеля последовательно противостоял любым проявлениям магии. Утверждение Гурбориана, что магия Волшебниц Эсткарпа может быть побеждена Темной магией Эскора,— лишь еще одна ошибочная идея, еще худшая, чем наша предыдущая попытка прибегнуть к магии колдеров. Какая вообще польза Ализону от колдеров? Трое моих старших сородичей погибли в войне с Долинами. Ализон ничего не приобрел от этой спровоцированной колдерами резни, кроме нескольких безделушек, отвоеванных у Долин непомерной ценой, и соперничества среди оставшихся в живых за унаследованные владения.

Меня прервал грохот — старуха снова стала стучать посохом об пол. Затем что-то быстро написала на своей доске и толкнула ее через стол Морфью.

— Ты говоришь, что в Долинах были захвачены какие-то безделушки,— прочитал вслух Морфью.— Не приходилось ли тебе видеть или слышать об одной драгоценности — серо-голубом камне размером с яйцо, в виде кулона в серебряной оправе?

Я вздрогнул. Они могли иметь в виду лишь один камень.

— Барон Гурбориан получил в награду камень, который подходит под это описание,— осторожно ответил я.— Он был прислан из Долин в самом начале вторжения и считался одним из немногих ценных трофеев той войны.

Хотя обитатели Лормта старались ничем не выдавать своих чувств, я видел, что они чрезвычайно заинтересовались. Какое им дело до старой добычи из Долин... разве что немая старуха могла заявить некие права на собственность?

Взяв грифельную доску, она снова что-то написала.

— Этот кулон принадлежал моей семье,— прочитал вслух Морфью.— У меня есть основания полагать, что этот камень — один из атрибутов Силы. Барону Гурбориану известно, что из себя представляет его награда?

Слова эти ошеломили меня. Единственными камнями Силы, которые мы знали, были те, что носили ненавистные Ведьмы Эсткарпа. Если камень Гурбориана имел отношение к магии, это объясняло странную слабость, охватившую меня во время Сбора Баронов и после него, так как я находился с камнем в одном помещении... возможно, он был и причиной снов, мучивших меня той же ночью. Однако на Гурбориана он, похоже, никак не действовал — тот даже не подозревал, что носит нечто, внушающее ужас.

— Нет,— честно ответил я,— не думаю, что Гурбориан вообще догадывается, что обладает не просто драгоценным камнем. Мы в Ализоне не... разбираемся в магических предметах и вряд ли можем их опознать, пока они сами себя не проявят.

Морфью беспокойно пошевелился в кресле.

— Если барон Гурбориан встретится с кем-либо из магов Эскора, имея при себе камень,— сказал он,— те сразу же поймут истинную сущность драгоценности.

Я хлопнул ладонью по столу, подчеркивая важность моих слов.

— Таким образом,— заявил я,— это еще одна причина не дать Гурбориану и его группировке устроить подобную встречу. Не знаю, на что именно способен этот камень Силы, но наверняка в руках Темных магов он может причинить намного большее зло. Теперь, когда я узнал о камне Гурбориана, я готов поделиться с вами своими весьма серьезными опасениями: если Темные маги Эскора поддадутся соблазну пересечь горы, согласятся ли они добровольно вернуться назад? Что будет делать Ализон, если магия Эскора сокрушит Эсткарп, а затем обратится против нас?

Мои собеседники молчали, но на их застывших лицах отразилась тревога.

— Я слышал, что это место называют «Логовом Сумасшедших Ученых»,— продолжал я,— но сейчас, глядя на вас, я не вижу среди вас сумасшедших. Возможно, хранящиеся здесь сведения помогут мне разрушить планы Гурбориана. Ваша и моя страны враждовали в течение столетий, однако, говорю я вам, и Эсткарп, и Ализон должны опасаться того, что может обрушиться на нас с востока. Разве не должны мы вместе противостоять этой угрозе? Вы поможете мне найти в ваших архивах знания, которые я мог бы использовать против Гурбориана?

Слова мои явно привели их в смятение, но народ Лормта отличался исключительной выдержкой. Я ожидал, что женщины съежатся от страха или заплачут, но обе сохраняли внешнее спокойствие.

Старик Оуэн поднялся на ноги, и я тоже встал, вместе с остальными.

— Ты дал нам немало пищи для мрачных размышлений,— сказал он.— Вопросы твои слишком важны,

чтобы отвечать на них в спешке. Давайте все обдумаем и поспим. Соберемся завтра.

Мудрая бесцеремонно направилась к двери.

— Я провожу тебя в комнату для гостей, это недалеко,— сказала она.

Я последовал за ней, но заметил, что остальные остались стоять. Несомненно, они намеревались продолжить разговор после моего ухода. Я на них не обижался, ибо поступил бы точно так же, будь мы в Ализоне.

— Ваша учтивость делает мне честь,— сказал я.— Пусть эта ночь добавит нам мудрости.

К моему удивлению, Морфью улыбнулся.

— Не слышал подобного со щенячьего возраста! — воскликнул он, затем покачал головой, и лицо его вновь обрело прежнее мрачное выражение.— Надеюсь, Казариан, завтра у нас будет время поговорить о прошлых событиях, касающихся моей стаи. Столько же времени прошло с тех пор,— добавил он,— когда я последний раз слышал слова «кровная вражда».

Я поклонился и коснулся знака моего Рода. Мудрая закрыла за нами дверь.

9

Мерет — события в Лормте
(7 день, Месяц Ледяного Дракона/Луна Ножа)

Когда Оуэн предложил нам отдохнуть до завтра, я с трудом поднялась на ноги, не в силах прийти в себя. При мысли о том, что мой обручальный камень может оказаться в руках Темных магов Эскора, меня пробирала дрожь, словно от ледяного холода. Мне казалось, будто Казариан, убеждая нас предотвратить встречу Гурбориана с магами Эскора, ударил ладонью не по столу,

а по моему лицу. Я знала, что мы должны приложить все усилия к тому, чтобы помешать Гурбориану и его приспешнику; мой камень не должен был затеряться во Тьме! Я продолжала стоять, не обращая внимания на тихие голоса остальных. Нолар взяла меня за руку и заставила сесть.

Вскоре вернулась Джонджа, сообщив, что Казариан остался в комнате для гостей.

Дюратан печально покачал головой.

— Мне никогда не казалось, что в Лормте недостает удобств для любого гостя,— сказал он,— но сегодня я предпочел бы, чтобы дверь комнаты нашего барона была снабжена крепким замком, а ключ от него находился у меня в кармане.

— Если Казариан попытается тайком что-то разведать в темноте,— с улыбкой заметила Нолар,— скорее всего, он просто свалится с лестницы или безнадежно заблудится.

— Я предупредила его насчет лестниц,— коротко ответила Джонджа.— И позаботилась о том, чтобы свеча в его комнате была не слишком длинной. Не думаю, чтобы он далеко ушел сегодня ночью.

— Мы тоже,— мрачно сказал Оуэн.— Давайте посовещаемся, прежде чем разойтись. Что будем делать с предупреждением Казариана?

Дюратан уставился в свой кубок.

— Как можно верить словам ализонского барона? — спросил он.— Их вероломство всем известно, они часто убивают членов собственных семей ради очередного, более высокого, титула.

Ударив посохом о пол, я протянула свою грифельную доску.

— Ваши подозрения вполне разумны,— прочитал вслух Морфью.— Мы, жители Долин, уже имеем пе-

чальный опыт общения с ализонцами. Это жестокий, хитрый и вероломный народ... однако мы вынуждены отнестись к словам Казариана со всем вниманием, ибо хотя бы часть из них может оказаться истиной. Угроза, о которой он говорит, слишком серьезна, чтобы ею пренебрегать.

Морфью побарабанил пальцами по столу.

— Я вспоминаю дни моей юности в Ализоне,— сказал он.— Некоторые из знатных Родов сохранили то, что вы, эсткарпцы, назвали бы благородством, в большей степени, нежели остальные. Насколько я помню, к ним относится и Род Кревонеля, хотя численность его за многие годы основательно сократилась из-за убийств и смертей в бою. Я могу говорить лишь о предыдущих поколениях — Казариана я не знаю, не знаю я и имени его родителя, но спрошу об этом завтра.

Оуэн одобрительно кивнул.

— Нам и в самом деле повезло, старина, что ты среди нас. Казариан мог бы рассказать тебе наедине намного больше, чем считает нужным сообщить в нашем присутствии.

— Возможно, он уже сказал нам слишком многое,— предположил Дюратан.— Его опасения, что Темные маги Эскора, победив Эсткарп, могут затем наброситься на Ализон — лишь один из возможных исходов великого столкновения магий. Нам следует также рассмотреть и другой вариант: если Темные маги Эскора и наши Волшебницы в смертельной схватке уничтожат друг друга, не решит ли тогда Ализон завладеть всеми тремя странами?

— Насколько я знаю Ализон,— сказал Морфью,— можно предположить еще кое-что. Весьма вероятно, что Казариан тоже принадлежит к некой группировке

баронов. В то время как, по его словам, группировка Гурбориана настаивает на союзе с Темными магами Эскора, группировка Казариана выжидает удобного момента, чтобы воспользоваться их ошибками или неудачами. Целью их может быть захват любых земель, оставшихся беззащитными.

Я передала грифельную доску Морфью.

— Не верю,— прочитал он,— что Эсткарп может пренебречь предупреждением Казариана, невзирая на все наши подозрения. Я убеждена, что те, кто служит Тьме, не должны завладеть камнем Силы!

Джонджа и Нолар наклонились вперед. Мудрая заговорила первой, сдавленным голосом:

— Мне известно, сколь могущественны магические камни. Неизвестный кристалл такого размера, как ты описываешь, насыщенный Силой, способен причинить такие разрушения, что последствия Сдвига по сравнению с ними покажутся мелочью.

— Да,— заявила Нолар,— некоторые камни Силы могут быть использованы в дурных целях. Например, предназначением Камня Коннарда была помощь при исцелении больных, однако эскорский Темный маг Тулл извратил его силу так, что это привело к ужасным последствиям.— Она замолчала, не в силах продолжать. Дюратан без слов взял ее за руку. Она благодарно улыбнулась.— Я до сих пор не могу забыть тех страшных времен. Тогда мы узнали, что Темные маги могут подчинить себе обладающий благотворными свойствами предмет, поставив его на службу злу. Если бы не одна из наших Волшебниц и не ее камень, великое зло могло бы воцариться навсегда. Так или иначе, Тулл был уничтожен, и Камень Коннарда полностью освободился от его чар.— Нолар посмотрела на меня.— Если твоим камнем владели силы Света,— сказала она,—

то, скорее всего, он станет сопротивляться попыткам подчинить его себе. Во всяком случае, твоя связь с ним никак тебя не запятнала — иначе кристаллы или рунная доска сразу бы это обнаружили.

— Однако Темный маг, обладающий достаточной Силой, также может подчинить себе подобный камень,— предупредил Оуэн.— Полагаю, нам следует принять предложение Казариана. Мы должны помешать союзу Гурбориана с Темными магами Эскора.

— Как можем мы, находясь в Лормте, повлиять на поступки одного из главных баронов Ализона? — спросил Дюратан.

Я снова передала доску Морфью, и тот прочитал:

— Если в ваших архивах содержатся сведения о Темных магах Эскора, возможно, они окажутся полезны, чтобы разработать соответствующий план.

Возвращая мне доску, Морфью заметил:

— Казариан для нас — источник сведений о нынешнем положении дел в Ализоне. Моя задача — найти в архивах все, что известно об Эскоре, и я намерен заняться этим на рассвете... или, может быть, несколько часов спустя.

Когда Оуэн снова встал, предлагая всем разойтись, голос его звучал решительно.

— Нам следует быть начеку и попытаться выяснить истинные мотивы Казариана. Морфью, мы надеемся, что ты вытянешь из него все, что в твоих силах. Встретимся здесь же завтра и разработаем совместный план. Ради Лормта... ради Эсткарпа, мы должны решить, как встретить брошенный нам вызов. Да поведет нас Свет!

10

Казариан — события в Лормте
(7 и 8 дни, Луна Ножа)

Едва Мудрая покинула отведенную мне комнату, я тихо подошел к двери и прислушался. Невероятно, но на двери отсутствовал запор — была лишь простая щеколда, удерживающая дверь закрытой, но ни замка, ни ключа, ни вообще чего-либо, позволявшего надежно запереть дверь снаружи или изнутри. Сначала такое явное пренебрежение безопасностью вызвало у меня лишь усмешку... однако меня тут же поразила новая, куда менее приятная мысль. Здесь, среди Колдовского Народа, в замках попросту не было необходимости. Колдовские способности эсткарпцев наверняка позволяли им накладывать заклятия на любых врагов, подобных мне, замыкая их в четырех стенах. Отдернув руку от двери, я вернулся к узкой кровати и сел. Вероятно, они могли точно так же и наблюдать за мной, так что следовало быть осмотрительным. Задув единственную свечу, оставленную на полке возле кровати, я расстегнул пояс, на котором теперь не было оружия, снял сапоги и лег.

Я сомневался, что кто-то сможет прочитать мои мысли без моего ведома. Решив, что молчаливые размышления в темноте вряд ли доступны для посторонних, я освежил в памяти мои впечатления о потенциальных союзниках, оценил свои шансы на то, что мне удастся повлиять на их поступки, а также — насколько велика опасность, которую они для меня представляют.

Их воин, Дюратан, даже не пытался скрывать своей враждебности ко мне. Я с уважением относился к его боевому прошлому, но не мог понять значение ри-

туала с бросанием кристаллов. По словам Морфью, целью его являлось обнаружение любых проявлений Тьмы. Какую реальную информацию он мог получить? Ведьмы Эсткарпа всегда были женщинами; считалось, что мужчины не обладают магическими способностями. Единственным исключением, известным в Ализоне, был ужасный Саймон Трегарт, который, как говорили, появился откуда-то из-за Врат. Трое его щенков, рожденных Ведьмой Эсткарпа, также в определенной степени обладали способностями к магии, хотя из отрывочных сведений, дошедших до Ализона, нам было известно, что дочь Трегарта сбежала от обучавших ее Ведьм с помощью своих сородичей. Ализон предпочитал не связываться со стаей Трегарта, серьезно нарушившей наши планы в войне с Долинами. Я решил узнать у Морфью о природе магических талантов Дюратана, а также насколько они велики.

Затем мысли мои переключились на подругу Дюратана, безобразную Нолар. Была ли она истинной Ведьмой? Она утверждала, что сопровождала одну из Ведьм в путешествии на юго-запад, закончившемся гибелью Темного мага. Новость была пугающая... и тем не менее я улыбнулся, лежа в темноте. Что сказал бы Гурборian, знай он, что одна Ведьма уже победила Темного мага из древнего Эскора? Впрочем, мой ироничный настрой длился недолго. Если Нолар действительно обладала подобным могуществом, с ней следовало быть вдвойне осторожным.

Столь же подозрительной мне казалась и Мудрая. Хотя эти женщины не обладали реальным могуществом Ведьм, тем не менее некая вредоносная магия была им все же доступна. Несколько раз во время войны в Долинах Мудрые заставляли наших пленных Псов говорить, что приносило Ализону немалый вред. Поэтому

мы приказали нашим Псам перерезать горло любому раненому, который мог попасть в лапы Мудрых,— так погиб мой последний сородич.

Третья женщина, немая Мерет, пришла в Лормт из Долин. Я ощущал, что она пылает от ненависти, словно раскаленная головня — тем не менее она ничем ее не выказывала в своих письменных обращениях к собравшимся. Мне непонятна была ее внешность. Ни у кого из уроженцев Долин не было таких глаз, кожи или волос. В жилах ее наверняка текла ализонская кровь, что для женщины из Долин было просто неслыханно. Она не могла родиться немой в Ализоне, иначе ее тут же убили бы. Возможно, она потеряла дар речи позже. Не обладала ли и она магическими способностями? Я должен был узнать о ней больше — слишком много поводов для беспокойства она давала.

Главным в Лормте был, судя по всему, Оуэн, хотя Морфью сказал, что правящего совета здесь нет. Остальные относились к Оуэну, как к вожаку. Хотя он вряд ли мог противостоять мне в открытой схватке, он принадлежал к Древней Расе и потому был опасен. В этом странном месте и он мог обладать колдовской силой.

И еще был Морфью. В прошлом Род Тернака занимал влиятельное положение в Ализоне. Почему Морфью отправился в добровольное изгнание в стан врагов? Будучи знатным ализонцем, он не мог иметь никаких иных мотивов, кроме тяги к знаниям. Я должен был попытаться завоевать его доверие настолько, чтобы он поведал мне об истинных причинах, по которым он поселился в Лормте.

После долгих лет, проведенных в Лормте, Морфью мог бы также просветить меня о здешних обычаях. Для меня было жизненно важным убедить их, чтобы они

позволили мне — собственно, даже помогли — обратиться к архивам Лормта в поисках любых намеков на слабые места эскорцев.

У меня было слишком мало времени! Уже сейчас Гурбориан и Гратч стремились встретиться с Темными магами. Если я действительно хотел добиться успеха и помешать им, следовало приступать к делу немедленно.

Новая мысль заставила меня похолодеть. Даже если я найду в Лормте нужные мне сведения, каким образом я вернусь в Ализон, чтобы ими воспользоваться? И позволят ли мне эсткарпцы уйти? Не задержат ли они меня в качестве пленника или заложника, не потребуют ли выкупа от моего Рода? А главное — единственный путь, с помощью которого я мог бы мгновенно вернуться в Ализон, находился глубоко в подземельях Лормта... если магическое заклинание, создавшее его, еще действовало. Пропустит ли меня портал под замком Кревонель, или же заклинание могло доставлять людей лишь из Ализона в Лормт, но не обратно? Узнать это можно было лишь рискнув,— если обитатели Лормта вообще пустят меня в свое подземелье.

Я ворочался на койке, размышляя обо всех сторонах положения, в котором оказался. И во всех вопросах, настоятельно требовавших ответа, таился терзавший меня страх. Само существование прохода между Эсткарпом и замком Кревонель представляло собой опасность не меньшую, чем Темные маги Эскора. Что если целое эсткарпское войско — или, еще хуже, отряд Ведьм — решит вторгнуться в Ализон через этот проход? Предположим, что такое действительно возможно. Во всем Ализоне лишь я один знал об этой смертельно опасной бреши в нашей обороне. Предупредить Лорда-Барона было невозможно, если только самому не попытаться снова войти в портал... да и что

сможет предпринять Ализон, чтобы защитить себя? Если мы закроем навсегда ту комнату в подвалах замка Кревонель, не появятся ли подобные проходы в других местах?

Полный тревоги и смутного беспокойства, я все-таки заснул — и, как ни странно, мне ничего не снилось.

На следующее утро Морфью прислал за мной ученого чуть помоложе (хотя, на мой взгляд, он все равно был старой развалиной), чтобы тот проводил меня к нему. Меня провели через двор ко второму, более низкому каменному зданию возле ворот.

Должным образом приветствовав меня, Морфью предложил разделить с ним простой завтрак, состоявший из жидкой каши, ячменного хлеба, масла, меда и сыра, а также эля и холодной воды.

— Должен признаться,— сказал Морфью, намазывая масло на хлеб,— даже после многих лет в Лормте мне порой недостает сочного ализонского мяса.— Он прикрыл глаза и с улыбкой перечислил: — Жареный кабан, болотная куропатка, оленья нога, кролик в тесте... что ж, старому ученому вряд ли нужны богатые яства. Хотя кровяная колбаса была весьма недурна на вкус.

В моей голове теснилось множество вопросов, и я воспользовался подходящим моментом.

— Ваш мед великолепен,— начал я.— Наш в последнее время стал горчить. Расскажи мне, если ты не против, почему ты пришел в Лормт и почему здесь остался? Будучи из Рода Тернака, ты в молодости, наверняка, мог рассчитывать на хорошую карьеру?

Морфью махнул ножом.

— Хоть я и был старшим щенком,— ответил он с кривой улыбкой,— я не был создан для баронского зва-

ния. Родословные и древние знания всегда интересовали меня намного больше, чем охота или соперничество с другими щенками. К великому счастью, я случайно услышал о Лормте от купца, торговавшего свитками. Я покинул Ализон, когда мне было двадцать, и никогда не помышлял о том, чтобы вернуться. Я искал путь в Лормт почти десять лет, но, едва я вошел в его ворота, я понял, что нашел свой настоящий дом.— Улыбка исчезла с его лица, и он вздохнул.— Вчера ты сказал, что мой Род был уничтожен в кровной вражде. Как это произошло?

— Большинство погибло почти тридцать лет назад, еще до моего рождения,— ответил я.— Наш родитель рассказывал эту историю моим старшим сородичам, которые, в свою очередь, рассказали ее мне. Незадолго до того, как наш родитель прошел Представление...

— Прости, что перебиваю,— сказал Морфью.— Я помню лишь некоторых знаменитых баронов из Рода Кревонеля. Кто был твоим родителем?

— Я имею честь быть рожденным от Оралиана,— сказал я, касаясь знака моего Рода.— Я был еще щенком, жил вдали от Столицы, когда Гурборианприказал убить моего родителя. Кровная вражда между твоим Родом и Родом Пагуриана достигла высшей точки пятьдесят с лишним лет назад и была особенно жестокой — во многих стаях похищали и убивали щенков, травили взрослых. В конце концов, подручные Пагуриана окружили охотничий дом Тернака и подожгли его. Внутри находился глава Рода, по имени Талфью...

— Мой родитель,— пробормотал Морфью, стиснув руки на краю стола.

— Приношу свои соболезнования,— произнес я формальную фразу.— Вынужден также выразить собо-

лезнования по поводу смерти двоих щенков, погибших в огне вместе с бароном Талфью.

Голос Морфью стих до шепота.

— Мои единственные сородичи... Все эти годы я гадал, какова их судьба...

— Надеюсь, ты будешь доволен, узнав, что оставшиеся в живых члены твоей стаи напали на лагерь Пагуриана. К несчастью для твоего Рода, все они были убиты в сражении. Правивший в то время Лорд-Барон постановил, что в обоих Родах погибло слишком много народа — действительно, считалось, что в Роду Тернака не осталось в живых ни одного мужчины,— и объявил о прекращении кровной вражды. Он присвоил половину земель Тернака, а другую даровал выжившим из Рода Пагуриана. Впрочем,— поспешно добавил я,— их мотивы были весьма убедительны. Большая часть их охотничьих псов, действительно, была отравлена, вместе с женой барона, и вина семейного отравителя из Рода Тернака была очевидна.

— Я помню свою стаю лишь по временам моей юности,— пробормотал Морфью.— Шестьдесят лет — немалый срок. Моя жизнь теперь полностью принадлежит Лормту. Здешний народ стал мне намного ближе, чем когда-либо были члены моей собственной стаи.

Его слова ошеломили меня.

— Значит, ты не станешь заявлять права на земли Тернака? — спросил я.

Морфью покачал головой.

— Нет, юноша. Полагаю, на этих землях и без того уже пролилось немало крови. Меня не интересуют ни сами земли, ни кому они сейчас принадлежат. Пусть все остается так, как было решено много лет назад. Но мы теряем время, обсуждая личные дела наших стай. Будь так добр, дай мне руку, и поспешим в кабинет

Оуэна, продолжить вчерашнюю беседу. Должен сказать, я уже подобрал несколько свитков, из тех, что когда-то изучал в связи с Первым Сдвигом. Ты умеешь читать древние письмена Эсткарпа?

— Если они отличаются от того, чем я владею,— ответил я,— я приложу все усилия к тому, чтобы их изучить. Гурбориан не станет нас ждать. Он продолжает строить свои планы, и мы должны его остановить.

11

Мерет — события в Лормте
(7, 8 и 10 дни, Месяц Ледяного Дракона)

Сомневаюсь, что кто-то из нас сомкнул глаза в оставшиеся часы той ночи. Я легла, но беспокойные мысли не давали мне заснуть. Хотя от войны в Долинах меня отделяло немалое пространство и время, мне все еще причиняла боль одна лишь мысль о том, что я вынуждена находиться в одном доме с ализонским бароном и даже помогать ему. Однако, если предупреждение Казариана действительно было правдой, Эсткарпу угрожала смертельная опасность. Если Эсткарп падет, разделяющее нас и Ализон море вряд ли окажется надежной защитой, как мы уже успели убедиться по прежнему печальному опыту.

Разговоры Казариана и обитателей Лормта о Темных магах не на шутку встревожили меня. Я не могла припомнить ничего полезного, единственное, что я отчетливо помнила, был страх при одном упоминании этих существ, который я сознательно не пыталась скрывать. Я надеялась, что смогу помочь в поисках нужных документов, при условии, что сумею их прочитать. Прежнее мое знакомство с древними эсткарпскими

письменами ограничивалось небольшим собранием родословных, сбереженным наставницей Гверсой, да несколькими свитками, встретившимися мне во время моих собственных поисков.

Мысли мои постоянно возвращались к моему обручальному камню. Стоило мне подумать о том, что сейчас он украшает грудь знатного ализонского барона, как пальцы мои крепко стискивали край одеяла, пытаясь подавить дрожь, вызванную вовсе не зимним холодом. Я решила, как только представится такая возможность, расспросить пришельца о бароне Гурбориане и узнать, за что он получил в награду мой камень.

Едва рассвело, я направилась в трапезную, надеясь встретить там Морфью, но он отсутствовал. Я съела то, что поставили передо мной,— это мог быть хоть кусок вареной древесины,— и поспешила в кабинет Оуэна.

Оуэн открыл дверь на стук моего посоха. Нолар, Дюратан и Джонджа уже сидели за столом. Оуэн сказал, что Морфью решил позавтракать вместе с Казарианом, прежде чем препроводить его сюда. Возможно, Казариан согласился бы довериться ему, как соплеменнику-ализонцу, хотя, честно говоря, старый ученый не слишком надеялся на это после столь короткого знакомства.

Когда Морфью и Казариан вошли в кабинет, мы все встали, и Оуэн прочитал молитву к Свету о помощи во всех наших начинаниях. Казариан выглядел смущенным, однако держал язык за зубами, пока ему не дали слова. Он тут же потребовал ответа — разрешит ли ему Лормт исследовать архивы в поисках, как он выразился, «знаний, которые могли бы стать оружием против занесенного над всеми нами колдовского клинка Эскора»?

Оуэн медленно обвел всех взглядом.

— Прошу всех высказаться,— объявил он,— считаете ли вы, что Лормт должен открыть данному просителю доступ в хранилища документов. Дюратан?

— Да, считаю,— твердо ответил Дюратан,— с одним ограничением — рядом с ним постоянно должен находиться один из нас, наблюдая за тем, что именно он читает.

Нолар кивнула:

— Я согласна, как с предложением, так и с ограничением.

— Я тоже.— Джонджа пристально посмотрела на ализонца.— Что касается ограничения, я готова в любое время предложить себя в качестве одного из наблюдателей.

Я протянула Джондже свою грифельную доску.

— Если мне позволят,— прочитала она,— я, Мерет, также готова помочь.

К моему удивлению, Морфью неожиданно усмехнулся.

— Не пойму, к чему такой мрачный вид? — сказал он.— Верно, повод для наших поисков крайне серьезен, и дело не терпит отлагательства, но только представьте себе, какие возможности перед нами открываются! Сколько неизвестных прежде документов обнаружилось в результате Сдвига — я давно мечтал как следует в них разобраться. Теперь же у меня будут добровольные и способные помощники, и я смогу ускорить работу. Прошу вас всех собраться в библиотеке рядом с моими комнатами. Я поручу наиболее проворным из наших подручных доставить туда материалы, которые нам предстоит исследовать.

Так начались наши грандиозные поиски в архивах Лормта. Чтобы работа не прерывалась, по распоряжению Оуэна, вместе с казавшимся бесконеч-

ным потоком документов нам доставляли также еду и питье.

Во время одного из коротких перерывов, я спросила о бароне Гурбориане и о камне, однако ализонец сделал вид, что почти ничего не знает о том, за что Гурбориан получил в награду кулон. Он сказал только, что это было во время войны в Долинах, когда сам он был, как он выразился, «еще щенком». Я не поверила ему, но в данных обстоятельствах не сочла возможным настаивать.

Как я и подозревала, моих познаний в переводе эсткарпских письмен, в особенности древних, оказалось явно недостаточно. Морфью любезно показал мне, как различать письменность разных периодов по виду определенных ключевых слов, таких как «маги» или «Эскор», так что я могла, по крайней мере, оказывать помощь на этапе первоначальной сортировки документов. Нолар, Дюратан и Джонджа, будучи талантливыми учеными, вместе с Морфью и Оуэном разбирали груды свитков, переплетенных листов пергамента и фрагментов текстов. Казариану путем неимоверных усилий, похоже, удалось расшифровать древние письмена, которые он прежде не встречал, и вскоре он уже продвигался вперед почти столь же быстро, как и эсткарпцы. Я заметила, что Морфью или Оуэн тщательно просматривают каждый документ, который Казариан откладывает в сторону. Сначала Казариан делал вид, что не замечает этого; затем, скаля в улыбке клыки, стал сразу отдавать каждый лист одному из обитателей Лормта. Так продолжалось до тех пор, пока Морфью не вскинул вверх руки, воскликнув:

— Мы зря теряем драгоценное время, проверяя Казариана. Или мы признаем, что он разбирается в древних письменах не хуже нас, или нет. Что скажете?

Дюратан нахмурился, затем уныло кивнул:

— Что ж, нашей традиционной подозрительности придется уступить — в силу необходимости. Пусть продолжает без дальнейшего надзора. Слишком серьезная стоит перед нами задача, чтобы зря тратить силы на повторное чтение.

Казариан молча отдал ему честь и удвоил свои усилия.

Наш утомительный труд продолжался уже два дня, когда появился один из подручных Морфью, шатающийся под тяжестью тяжелого деревянного сундука, почерневшего от времени и покрытого пыльной паутиной. Как сказал подручный, сундук только что нашли в дальнем подвале, разрушенном Сдвигом. Казариан пристально взглянул на проржавевший запор, затем ловко открыл его столовым ножом, который кто-то забыл после последнего приема пищи. Я оказалась как раз рядом, когда он открыл крышку, и заглянула в сундук.

Лежавшие сверху слои пергамента были повреждены дождями или наводнением. Приподняв их, Казариан обнаружил под ними уцелевшие свитки и несколько книг. Когда я протянула руку, чтобы помочь ему, мои пальцы коснулись небольшой, странного вида, переплетенной в кожу, книги. Я тут же отдернула руку, словно случайно дотронулась до гнезда андских ос. Тут же вспомнилось, что такое же ощущение я испытала, впервые прикоснувшись к своему обручальному камню.

Казариан насмешливо взглянул на меня, а Нолар поспешила мне на выручку.

— Занозила палец или паук укусил? — спросила она, собираясь осмотреть мою руку.

Покачав головой, я написала на грифельной доске:

«Я испытала странное ощущение, коснувшись книги в сундуке».

Нолар тут же прочла мои слова вслух.

— Я тоже встречалась с подобным чудом здесь, в Лормте,— сказала она с горящими от волнения глазами.— Ты можешь отличить, какая именно книга так на тебя подействовала?

Я взялась рукой за том, который только что бросила обратно в сундук, и на меня нахлынула волна мысленных образов. Я рухнула на ближайшую скамью, судорожно пытаясь прийти в себя. Джонджа поспешно налила мне стакан вина, в то время как Нолар положила передо мной пачку чистых листов пергамента. Едва переводя дух, словно после забега на длинную дистанцию, я начала писать так быстро, как только могла. Все остальные столпились вокруг, слушая, как Нолар читает мои слова:

— Мы обнаружили,— читала она,— дневник, принадлежащий могущественному эскорскому магу, жившему в то самое время, о котором говорил Морфью, тысячу лет назад. Мои чувства подсказывают мне имя автора дневника - Эльзенар. Он владел тем камнем, который столь важен для меня... для всех нас. Камень обладает великой Силой. Я не в состоянии скрыть своего страха перед тем, что ныне действующие силы Тьмы могут завладеть камнем и использовать его для каких-то чудовищных целей.

Джонджа немедленно обратилась к рунной доске, затем с облегчением сообщила:

— Эта книга не запятнана Тьмой. Возможно, ее автор много лет назад и был магом, но Светлым, не Темным.

— Можно взглянуть на книгу? — спросил Оуэн. Он пролистнул одну страницу, другую, затем нахмурился.— Морфью, что скажешь насчет этой своеобразной письменности?

Морфью заглянул через плечо Оуэна.

— К сожалению... Не мог бы ты перевернуть страницу? Да, мне ясно лишь одно — я не могу прочесть ни слова. Почерк, возможно, и вполне разборчив, но письменность мне неизвестна.

Книгу внимательно изучили Нолар и Дюратан, затем Джонджа и, наконец, Казариан, но никто из них не мог ничего прочитать. Поскольку до посоха мне было не дотянуться, я ударила по столу рукой. Оуэн протянул мне книгу. Поперек страниц шли аккуратно написанные строчки, абсолютно нечитаемые...

Я на мгновение закрыла глаза, затем взглянула еще раз и дрожащей рукой потянулась к пергаменту для записей.

— Я тоже не могу прочесть эти письмена,— написала я, а Нолар прочла вслух,— но, возможно, благодаря моему дару, я смогу мысленно ощутить их смысл. Мне кажется, я сумею перевести все, что здесь написано. Прошу вас, принесите мне побольше чернил и лампу поярче, и я тотчас начну.

Первые страницы дневника Эльзенара были безнадежно испорчены водой, но, когда я взглянула на первый неповрежденный лист, содержание дневника древнего мага тут же возникло у меня перед глазами. Едва я исписывала очередной лист пергамента, Морфью тихо читал его вслух остальным, в то время как я продолжала писать.

Время от времени делая паузу, чтобы размять пальцы, я замечала, что все собравшиеся вокруг разделяют мои чувства — волнение, смешанное с тревогой. Более чем тысячу лет спустя мы, несомненно, оказались первыми в Эсткарпе, кому предстояло узнать, когда и как был основан Ализон. Казариан неподвижно сидел в кресле с высокой спинкой, крепко стиснув зубы, и вре-

мя от времени крутил на пальце свой перстень с печаткой. Мне показалось, что когда Нолар прочитала вслух имя «Эльзенар», реакция Казариана последовала незамедлительно. Освещение в библиотеке Морфью вряд ли можно было назвать ярким, но я могу поклясться, что ализонец явно побледнел, хоть кожа его и была светлой от природы,— не думаю, что глаза меня обманули. Он знал имя древнего мага, и что бы ни было ему известно об Эльзенаре, знание это наверняка внушало страх. Интересно, подумала я, поразили ли Казариана письменные откровения Эльзенара, или же ему уже было известно о бурном далеком прошлом Ализона?

Я писала, пока у меня не онемели пальцы. Нолар любезно подогрела таз с водой, чтобы облегчить боль в моей руке. Когда Морфью охрип, читать продолжила Джонджа. Повествование Эльзенара захватило нас, словно мертвая хватка врага на нашем собственном горле.

12

Эльзенар — дневник тысячелетней давности, прочтенный Мерет в Лормте (10 день, Месяц Ледяного Дракона)

...как мы часто поступали, будучи Адептами в Эскоре. Я начал подозревать, что Шоррош тайком занимается недозволенной магией, опасно приближаясь к владениям Тьмы, но когда я задал ему прямой вопрос, он поклялся, что никогда не прибегал к запрещенным заклинаниям. В то время его слова показались мне вполне искренними, но я решил лично проследить за всеми его действиями. Нам предстояло серьезное испытание — мы намеревались сотворить Врата и отправиться в пустынные северные земли. Благодаря нашему искусству, мы обнаружили

края, лежавшие вдалеке от нашего мира. Над ними нависла страшная угроза. В магическом стекле Шорроша мы видели смертоносные ледяные стены, готовые покрыть всю тамошнюю сушу. Все живое — растения, животные, люди — было обречено на гибель. Жители тех краев называли себя ализами — крепкие агрессивные люди, с удивительно светлыми волосами и глазами — по сравнению с черноволосыми и сероглазыми жителями Эскора.

Сначала Шорошу и мне удалось сотворить лишь небольшой проход, соединявший два мира. Шоррош настаивал, что пойдет первым, отметив, что, если он потеряется где-то посреди пути, я смогу без риска закрыть проход. Подобных мер, однако, не потребовалось, поскольку проход доставил Шорроша прямо в главную крепость ализов. Когда он объявился перед их правителями, ализы неправильно поняли его имя и приветствовали его как воплощение Гласа Чордоша, их главного бога войны. Шоррош не стал их разубеждать, вполне довольный оказанным ему приемом.

С помощью маленького магического стекла, которое было у него с собой, Шоррош связался со мной. Ализы, как выяснилось, вообще не обладали магической Силой. Отсутствие опыта лишь усилило впечатление, которое произвел на них Шоррош,— ведь самое простое заклинание или фокус, на которые способен даже ребенок, приводили ализов в крайнее изумление. Шоррош подозревал, что они все же могут владеть скрытыми магическими способностями, которые можно было бы развить путем надлежащего обучения. Я предупредил его, чтобы он ничего не предпринимал и не трогал ализов, пока мы не узнаем о них больше.

Оказавшись в стране ализов, Шоррош определил, что надвигающиеся ледяные утесы еще не достигли на-

селенных мест. Таким образом, мы располагали ограниченным временем для того, чтобы организовать спасательную экспедицию, что, как мы надеялись, будет вполне реально, как только мы создадим более широкий проход — настоящие Врата. Мы приложили немало сил, чтобы сотворить эти Врата, и, как только они открылись, Шоррош возглавил передовой отряд, отправившийся через них из Ализа в суровые болотистые края на севере и востоке Эскора.

Первая группа ализонской знати была жестоко разочарована, увидев перед собой безжизненную пустошь, однако Шоррош обещал, что вскоре здесь чудесным образом все изменится, благодаря его магическому искусству. Я опасался, что он чересчур многое обещает, но помог ему заклинаниями, чтобы возвести замки и жилые здания поменьше на пригодной для жилья территории. Поселение расположилось на берегу судоходной реки, и Шоррош вскоре стал возвышенно именовать его «город Ализон».

Затем из Врат начали появляться все новые и новые ализы, а вместе с ними — стаи злобных белых охотничьих зверей. Поскольку эти твари были в основном размером с собаку и выведены для охоты, я назвал их «псами», и новые поселенцы переняли это название. Более того, и самих себя они стали именовать Псами Ализона, выбрав данное Шорошем имя для своей новой родины. Кроме псов, они привели с собой из Ализа и другую живность. Некоторые из перенесенных животных и растений не смогли прижиться, но другие процветали, в том числе некоторые любимые ализами съедобные растения и маленькие, живущие в норах, зверьки, которых они называли «визгунами» и в больших количествах убивали во время своих религиозных церемоний.

Когда я ближе познакомился с переселенцами-ализами, меня начали всерьез беспокоить некоторые их достойные сожаления черты. Тщеславные и вздорные представители местной знати склонны были к постоянным интригам и измене. Тем не менее некоторые отдельные личности и семьи вели себя более благоразумно и ответственно. Надеясь повлиять на новых ализонцев, я решил вступить в союз с одним из их основных кланов, или, как они называли свои обширные семьи, «Родов». Я предложил брачный союз госпоже Килайне, чья выдающаяся красота была сравнима с проницательностью ее ума. Я сотворил для нее отдельный замок в Ализоне, в котором мы и поселились.

В течение всех этих напряженных месяцев Шоррош и я, как это ни прискорбно, позабыли о том, что связывало нас с Эскором. Прислуживавшие силам Тьмы Адепты оказались куда опаснее, чем полагали те из нас, кто был предан делу Света. То, что они творили со всем живым в Эскоре, не поддавалось описанию — подобных ужасов мы не могли представить себе даже мысленно, а тем более в реальности. Весть о зловещей волне, грозящей захлестнуть весь Эскор, дошла до нас слишком поздно. Посовещавшись с помощью магического стекла, мы решили встретиться далеко на юге, где возводилась цитадель под названием Лормт, предназначавшаяся в качестве места сбора всех, кто принадлежал Свету.

В этот раз я не смог посоветоваться с Шорроше, который находился в Ализе, наблюдая за дальнейшим отбором животных и людей для переселения в Ализон. Спустившись в самое глубокое подземелье моего замка, я открыл магическую дверь, ведшую в Лормт; я мог теперь помочь моим товарищам, адептам Света, как в

строительстве цитадели, так и в подготовке планов защиты Эскора.

Пока я отсутствовал, Шоррош без зазрения совести продемонстрировал, кому он предан на самом деле. Ализонцы постоянно жаловались ему, что город окружен пустынными землями, и напоминали о его прежних цветистых обещаниях. В ответ он сообщил им, что с помощью знакомых ему Адептов Тьмы он в состоянии изменить климат и ландшафт, сотворив здесь некое подобие райского сада. Кроме того, на него произвели весьма благоприятное впечатление некоторые чудовищные звери, водившиеся в Ализе. Он собирался доставить их через Врата в Ализон в качестве объекта охоты, а также для «изучения», на манер Адептов Тьмы. Шоррош также намекнул, что мог бы обучить отдельных представителей ализонской знати началам магии.

Поскольку в отношении Шорроша у меня всегда имелись определенные подозрения, я оставил в Ализоне кое-какие тайные следящие заклятия, благодаря чему и узнал обо всем, когда ненадолго вернулся из Лормта. Явившись в замок Шорроша, я потребовал, чтобы он пересмотрел свои недавние поступки и отрекся от всего, что связывало его с Тьмой. Вероятно, наш конфликт мог бы перерасти в магическую дуэль, если бы нам не помешали неожиданные могучие толчки, сотрясшие землю на востоке. Вскоре мы узнали, что между Эскором и Ализоном образовался мощный горный хребет, тянувшийся далеко на юг. Сторонники Света в Эскоре фатальным образом недооценили силу Адептов Тьмы, и когда Свет, в конце концов, попытался подавить Тьму, лучшие поборники Света большей частью погибли. Оставшиеся в живых бежали на запад, надеясь, что новый горный барьер отрежет путь их преследователям-Темным, среди которых были и гнусные приятели Шорроша.

Во время постигшей Эскор катастрофы Шоррош планировал доставку из Ализа большой партии тамошних чудовищ. Когда он, прервав наш спор, поспешил к Вратам, я воспользовался представившейся возможностью. Тайным путем я недавно приобрел камень огромной силы и настроил его таким образом, что он полностью подчинялся моим мыслям. Призвав на помощь камень, я уничтожил Врата, ведущие в Ализ, лишив Шорроша единственного способа вернуться в Ализон.

Сразу же после того, как исчезли Врата, я созвал в замок Ализон всю местную знать и сообщил им, что связи с Ализом больше нет. Сначала они не поверили, затем возмутились. Они требовали выполнения чудесных обещаний, которые дал им Шоррош; иначе они будут считать, что с ними подло поступили и предали. Они настаивали на том, чтобы я обучил их магии, чтобы они, в свою очередь, могли сами сотворить все, что пожелают.

Я сказал им, что обещания Шорроша — ложь, и я не обязан их выполнять. Поскольку Врата уничтожены, Шоррош никогда не сможет вернуться в Ализон, так что новых щедрых подарков от него можно не ждать. Что касается того, чтобы обучить их магии, я заявил, что они к этому попросту не способны. Я также предупредил их, что у меня важные дела, и я скоро их покину, так что им предстоит теперь заботиться о себе самим.

Я уже поговорил наедине с моей любимой женой Килайной. Вскоре у нас должен был родиться ребенок, и я убеждал ее покинуть Ализон вместе со мной. Она отказалась, желая остаться со своим народом,— чувство, которое я хорошо понимал, но о котором в данных обстоятельствах глубоко сожалел.

Чтобы Килайне и нашему будущему ребенку ничто не угрожало после моего вынужденного ухода, я разыграл перед ализонской знатью целое магическое представление. Я заверил их, что, хотя физически меня здесь и не будет, заклятия, которые я наложу на Ализон, будут извещать меня о любой опасности для Килайны и моих кровных потомков. Магия будет защищать членов моего Рода от любого нападения. Демонстрация истинной Силы произвела на знатных ализонцев неизгладимое впечатление. Наложив защитные заклятия, я мог спокойно отправляться в Лормт.

Вернувшись в свой замок, я вручил Килайне ключ от заколдованной комнаты в глубоком подземелье, где я поместил портал, ведущий в Лормт. Я сказал ей, что ключ дает доступ к магическому проходу, которым может воспользоваться лишь наш прямой потомок и лишь в случае крайней необходимости. Она поклялась, что будет хранить ключ как зеницу ока, и в тайну его будут посвящены лишь члены нашего Рода.

Я не стал сообщать ей, куда ведет магический путь, по двум причинам. Во-первых, я все же надеялся, что ей не придется пользоваться ключом. Я считал, что ее ализонские родственники окажут ей достаточную поддержку, и в то время мои защитные заклятия отвратят от нее любую опасность, пока я буду отсутствовать. Вполне возможно, вскоре силы Света, обосновавшиеся в Лормте, смогут одержать верх над мятежными силами Тьмы в Эскоре. Как только моя задача в Лормте будет выполнена, я вернусь в Ализон и окончательно укреплю позиции Килайны и нашего будущего Рода. Во-вторых, я не желал, чтобы мой портал был когда-либо использован как путь для вторжения в Лормт, если какой-нибудь вероломный ализонец каким-то образом узнает о проходе и у него возникнет мысль напасть на

нас, призвав на помощь магию. Чтобы предотвратить потенциальную опасность для Лормта, я построил свое заклинание так, что пройти в портал мог лишь мой кровный родственник; для всех прочих проход просто не существовал.

Я попрощался с Килайной, заверив ее, что мое отсутствие будет недолгим — насколько это возможно,— и поспешил к порталу, чтобы вернуться в Лормт.

(В этом месте Мерет сделала паузу, затем написала трясущимся пером: «Когда я впервые коснулась ключа, который был в руке у Казариана, я ощутила, что он мне странным образом знаком. Теперь я понимаю, что узнала ауру владельца, единую для всех трех предметов: ключ, камень из моего прошлого и этот дневник — все это принадлежало Эльзенару. Отсюда следует естественный вывод, что Казариан — прямой потомок Эльзенара; иначе он не смог бы пройти через магический портал из Ализона в Лормт».)

13

Эльзенар — продолжение дневника, прочтенного Мерет в Лормте
(10 день, Месяц Ледяного Дракона)

Прибыв в Лормт, я обнаружил, что собравшиеся там Адепты Света обсуждают некий грозный план. Место для цитадели было выбрано с учетом стратегических соображений. Близость Лормта к Эскору позволяла постоянно держать тамошних магов под наблюдением. Со времени моего первого визита Адепты возвели с помощью заклинаний стены цитадели и жилые помещения, а в основаниях угловых башен разместили четыре громадных шара из квон-железа. Содержавша-

яся в этом чудесном веществе Сила обеспечивала надежную защиту от любых проявлений Тьмы. К несчастью — с моей точки зрения, которую разделяли и некоторые из Адептов,— размер и пространственное расположение шаров вызывали у большинства Адептов неодолимое искушение привести в исполнение опасный план. Они предлагали использовать средоточие столь могучей Силы для того, чтобы создать Главные Врата, которые могли бы открывать путь во многие места. Все известные нам прежде Врата связывали наш мир лишь с одной точкой назначения. Те, кто поддерживал этот проект, утверждали, что серьезная угроза со стороны Адептов Тьмы вынуждает нас искать дополнительные источники Силы в иных мирах, чтобы усилить нашу защиту и, в конечном счете, восстановить контроль сил Света над Эскором.

Я вовсе не был уверен, что этот беспрецедентный шаг приведет к желаемому результату. Слишком велик был риск, что сложение крайне сложных заклинаний вызовет непредсказуемые последствия. Я высказал свои возражения перед Советом Адептов и предложил поискать помощи поближе; можно было, например, обратиться к дружественным нам Адептам Света из Арвона, лежавшего на другом берегу моря, на западе. Я предложил также открыть проход из Лормта в Арвон, однако меня не стали слушать. Недавний успех заклинаний, воздвигнувших горы, внушил многим молодым Адептам излишнюю уверенность в своих силах. Они заявили, что Адептов Арвона мало интересует происходящее в Эскоре и, чтобы убедить их в безысходности нашего положения, потребуется столько времени и усилий, что лучше потратить их на создание Главных Врат.

Поняв, что мне не удастся склонить их на свою сторону, я перебрался из Лормта в лесную хижину в

горах неподалеку. Одновременная работа множества Адептов вызывала постоянные вихри и водовороты Силы. Я решил действовать в одиночку и воспользоваться своим камнем для того, чтобы открыть проход в Арвон. Я уже намеревался отправиться в путь, когда произошла ужасная катастрофа.

Группа Адептов, спустившись в глубокие подвалы цитадели Лормт, создала Великое Заклятие, более могущественное, чем все, к которым прежде прибегали Адепты и Света, и Тьмы. Сначала все шло, как они и ожидали: в средоточии Силы, таившейся в шарах из квон-железа, образовались разветвленные Главные Врата. Однако Адепты, пытаясь уравновесить замысловатые слои заклятий, утратили над ними контроль. Из Лормта наружу хлынула невероятно мощная волна Силы, она разрушила мое довольно слабое заклятие, удерживавшее проход. Меня буквально вышвырнуло обратно в лесную хижину, где я пролежал несколько часов, оглушенный как физически, так и морально. Придя в себя, я тут же помчался в Лормт, где моему взору предстала чудовищная картина постигшего нас бедствия.

Не осталось никого, кто мог бы поведать о том, что именно случилось, но, по всей видимости, когда в центре зала появились Главные Врата, неодолимая сила втянула в их пасть всех злополучных заклинателей. Ученики и слуги, находившиеся тогда в коридоре, рассказали, что их ослепила вспышка света и оглушил громовой удар. В то же мгновение из зала хлынул поток Силы, швырнувший их на пол.

Единственными Адептами, оставшимися среди нас, были несколько старых магов, которых сочли слишком слабыми для того, чтобы участвовать в Великом Заклятии, а также те, кто разделял мои сомнения и отказал-

ся от рискованного предприятия. Но, хотя они и оставались в своих комнатах, находившихся вдали от подвального помещения, их лишил чувств поток Силы, освободившейся в то мгновение, когда Главные Врата перестали существовать.

От нашего боевого отряда защитников Света остались жалкие крохи. Оказав уцелевшим посильную помощь, я попытался установить контакт с кем-либо из пропавших Адептов. Казалось, сам воздух в подземельях Лормта был полностью лишен какой-либо энергии. Мне стало предельно ясно, что Главные Врата для нас недостижимы, и все, кто прошел через них, потеряны навсегда.

Когда мы немного пришли в себя и собрались в главном зале, я обратился к оставшимся Адептам и ученикам — жалкой горстке, по сравнению с нашими прежними силами. Они согласились со мной в том, что наша единственная надежда теперь — призвать на помощь Адептов Света из Арвона, но похоже было, что выделить для этой миссии мы никого не могли. С помощью имевшихся в нашем распоряжении железных шаров, мы с трудом поддерживали внешние проявления потока Силы на прежнем уровне. Это было жизненно необходимо, ведь Адепты Тьмы Эскора наверняка заметили волну Силы, вырвавшуюся наружу после того, как схлопнулись Главные Врата. Наверняка они вскоре начнут искать причину этого явления и проверять, насколько велики наши оставшиеся силы. Будучи передовым бастионом Света, Лормт должен был казаться неизменным и неуязвимым.

Поскольку однажды мне уже удалось создать проход в Арвон, я предложил восстановить его и обратиться за помощью к нашим собратьям на западе. После отчаянной дискуссии остальные со мной согласились. В

обычных условиях я отвел бы себе день-другой на отдых и размышления, прежде чем отважиться на подобное предприятие. Однако, учитывая положение, в котором мы оказались, я лишь подождал, пока мне приведут свежую лошадь, и отправился в лесную хижину.

(Рука Мерет неожиданно дрогнула. Она схватила кусок пергамента, что-то на нем написала и протянула Морфью, который поспешно обошел стол, чтобы взглянуть на дневник Эльзенара.

— Что случилось? — встревоженно спросил Оуэн.

— Мерет больше не ощущает слов Эльзенара,— сказал Морфью, пододвигая ближе настольную лампу, чтобы осветить открытую страницу.— Мастер Оуэн,— воскликнул он,— почерк изменился! Я могу прочитать, что там написано! Похоже, это дополнение какого-то ученика — возможно, потерявшего рассудок, хотя...

— Морфью,— решительно произнес Оуэн,— пожалуйста, поделись с нами своим открытием, пока мы сами не потеряли рассудка.

Морфью смутился.

— Прошу прощения, друзья мои. Не могли бы вы принести еще лампу? Эти каракули столь неразборчивы, что мне не понять некоторых слов. Спасибо. «Мастер Эльзенар не вернулся,— запинаясь, прочитал Морфью.— Прошло... три дня! Старый мастер Вердери отправился в хижину со своим магическим стеклом. Он обнаружил следы заклинаний, столь изуродованных могучим потоком Силы, что проход в Арвон, оставленный Эльзенаром, уже не восстановить. Мы боимся самого худшего — что Эльзенара перехватил кто-то из Темных Адептов в Арвоне. Мы не перенесем потери одного из немногих настоящих Адептов. Да защитит нас Свет!»)

14

Мерет — события в Лормте
(10 день, Месяц Ледяного Дракона/день Почитания, Луна Ножа)

Когда Морфью закончил читать и закрыл дневник Эльзенара, все мы какое-то время ошеломленно молчали.

Первым заговорил Оуэн.

— Похоже, опасность, угрожающая нам ныне,— эхо тех давно прошедших событий. Как и во времена Эльзенара, Лормту вновь грозят Темные силы из Эскора.

Морфью, которого куда больше волновало совсем иное, радостно потер руки.

— Никогда не думал, что мне доведется узнать о происхождении Лормта,— воскликнул он.— Наконец-то, мастер Оуэн, в нашем распоряжении оказались свидетельства того, когда и почему была воздвигнута наша цитадель.

— И почему она почти не пострадала во время Сдвига,— заметил Оуэн.— Мы знали, что это как-то связано с нашими шарами из квон-железа, но дневник Эльзенара дает исчерпывающее объяснение. Шары наполнило Силой Великое Заклинание, шары позволяли наблюдать за Эскором. Есть достаточные основания полагать, что, когда Лормт подвергается угрозе со стороны магических сил, шары создают защитное заклятие, окружающее всю цитадель.

— Что мы со всей определенностью и наблюдали,— согласился Морфью.— Если бы после Сдвига, совершенного Волшебницами, земля не осела, стены Лормта наверняка бы устояли,— но как только магическая опасность исчезла, исчезла и защищавшая нас магическая

сфера, и все повреждения, которые получил Лормт, были вызваны исключительно землетрясением.

К этому времени посох уже был в моей руке, и я ударила им о пол, привлекая к себе внимание.

— Теперь также понятно,— прочитала Нолар мои слова,— каким образом мой обручальный камень впервые оказался в западных землях; Эльзенар принес его с собой в Арвон тысячу лет назад, когда пересек море с помощью магического хода из Лормта.

— И тем не менее нам угрожает смертельная опасность — здесь и сейчас, а не тысячу лет назад,— нетерпеливо заявил Казариан.— Надеюсь, вы не хуже меня понимаете — если Гратчу удастся организовать встречу с эскорцами, Темные маги узнают, что у Гурбориана находится древний камень Силы.

Джонджа неохотно кивнула.

— Да, даже если он и не станет носить камень в их присутствии, Темные маги почувствуют исходящую от него ауру.

— Однако, судя по словам Эльзенара, камень был особым образом настроен на его собственный разум,— заметила Нолар.— Возможно, это помешает любому другому магу воспользоваться его Силой?

— Следует помнить, что с тех пор прошла тысяча лет,— сказал Оуэн.— Вполне вероятно, что любые ограничения, которые Эльзенар наложил на свой камень, за столь долгое время успели ослабнуть. Хоть я и уверен, что Светлые маги не станут пытаться подчинить своей воле атрибут Силы, настроенный на другого, но подозреваю, что магам Тьмы на подобные мелочи попросту наплевать.

Дюратан молча ходил взад и вперед по комнате. Наконец, он пододвинул кресло и сел рядом с Морфью, положив негнущуюся ногу на сундук с документами.

— Напрашиваются два вывода,— проговорил он,— и ни один из них мне не нравится. Если Темным магам удастся овладеть Силой, хранящейся в камне Эльзенара, опасность, грозящая Эсткарпу, многократно возрастет. С другой стороны, если Темные маги попытаются подчинить камень своей воле и он воспротивится их усилиям, не последует ли за этим новый чудовищный выброс Силы, подобный тому, что разрушил Главные Врата?

— У меня нет никаких сомнений в том,— возразила Джонджа,— что камень Эльзенара нельзя отдавать в руки служителей Тьмы. Его должны подчинить себе, или, по крайней мере, держать под своей защитой те, кто предан Свету.

— Но как нам этого добиться? — спросил Морфью.— Мы здесь, в Лормте, а камень Эльзенара — в Ализоне.

— На твой вопрос легко ответить,— печально произнес Дюратан.— Ответ легко дать, но исполнить его куда сложнее: нам придется отобрать камень у Гурбориана.

— Что, в Лормте есть целая армия, о которой мы ничего не знаем? — холодно спросил Казариан.— Барон Гурбориан вряд ли отдаст камень, если его об этом просто попросить, сколь бы убедительно ни была сформулирована ваша просьба.

— Возможно, ты предложишь более надежный способ? — бросил вызов Дюратан.

Казариан кивнул, не обращая внимания на сарказм Дюратана.

— Мы не можем терять время на то, чтобы собрать войско или отправиться в Ализон по суше,— заявил он.— Если заклинание, доставившее меня в Лормт, действует и в обратном направлении, я мог бы вер-

нуться через портал Эльзенара в вашем подземелье и попытаться отобрать камень у Гурбориана.

Все заговорили наперебой, так что Оуэну пришлось поднять руку, призывая к порядку.

— И ты отважишься на подобную миссию? — спросил он ализонца.

— Да,— твердо ответил Казариан.

— Что ж, весьма существенное сокращение наших сил, не так ли? — заметил Дюратан.— Сначала речь шла о целой армии, а теперь остался лишь один? Разве что барон Гурбориан имеет привычку прогуливаться в одиночестве, а ты в состоянии подготовить у себя дома хорошо вооруженный отряд, чтобы его подстеречь. Так или иначе, я настаиваю, чтобы вместе с тобой отправился кто-то из нас... чтобы увеличить наши шансы на успех.

Казариан напрягся, собираясь ответить, но я опередила его, ударив посохом о пол. В течение всей нашей дискуссии я заставляла себя писать. С того самого мгновения, когда Дюратан предложил завладеть камнем Эльзенара силой, я знала, что против моих предложений вряд ли можно что-либо возразить. Хотя все мое существо протестовало против выводов, к которым пришел мой разум, я знала, что должна участвовать в этом рискованном предприятии.

Я подала лист пергамента Нолар, которая прочитала:

— Вспомните ограничение, наложенное на портал заклятием Эльзенара: лишь его кровные родственники могут через него пройти. Полагаю, что и я в какой-то степени родня Эльзенару; иначе почему моя мать назвала этот камень обручальным даром нашей семьи с древних времен? Возможно, моя способность мысленно проникать в суть вещей происходит от некой при-

меси магической крови, доселе неизвестной? Судя по моей внешности, я вполне могла бы отправиться в Ализон — вы, вероятно, заметили, что у меня такие же глаза и волосы, как и у ализонцев. Более того, я обладаю еще одной особенностью, полезной для потенциального шпиона — я не смогу проболтаться о чем бы то ни было в присутствии врага. И еще — если Гурборian где-то спрятал камень Эльзенара, я уверена, что смогу, если потребуется, отыскать его, даже в темноте.

Пока Нолар читала, Казариан наклонился вперед, лицо его выражало крайнее удивление.

— Не хочешь ли ты сказать...— выпалил он, затем замолчал и обвел всех вызывающим взглядом.— Не пошлете же вы для столь важной миссии старую, немую женщину!

Морфью улыбнулся.

— Мерет вовсе не похожа на ваших ализонских женщин,— мягко сказал он.— Спешу сообщить, что женщины Долин столь же активны, как и мужчины, как в торговле, так и в бою.

Я чуть не сломала перо, записывая свой ответ, который Нолар прочитала Казариану.

— Молодой человек, за свои семьдесят пять лет мне пришлось путешествовать и сражаться уж никак не меньше, чем тебе. Мой посох пригоден отнюдь не только для того, чтобы на него опираться, и за то время, что я занималась поставками военного снаряжения в Долины, я отлично научилась обращаться с самострелом.

Казариан не ответил, но презрительное выражение на его лице сменилось настороженным и оценивающим.

Оуэн снова поднял руку, требуя внимания.

— Итак, перед нами два предложения,— сказал он.— Казариан предлагает вернуться в Ализон с помо-

цью портала и действовать там от нашего имени, а Мерет предлагает составить ему компанию. Мы должны взвесить положительные и отрицательные стороны каждого предложения. Я, со своей стороны, предлагаю Казариану ненадолго удалиться в свою комнату, чтобы обдумать предложение Мерет, а мы пока останемся здесь, чтобы обсудить его предложение.

Казариан тут же встал и поклонился Оуэну.

— Теперь я понимаю, почему тебя считают выдающимся ученым Лормта,— заметил он.— Слова твои мудры. Я рад возможности спокойно подумать над столь... необычным предложением.

Он повернулся, поклонился мне — мне! — и, коснувшись знака своего Рода, вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Джонджа немного подождала, затем приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

— Он пошел к себе в комнату,— подтвердила она.— Оставить дверь открытой?

— Думаю, не стоит,— улыбнулся Морфью.— Казариан, видимо, в самом деле отправился поразмышлять над идеей — уверяю вас, весьма странной для ализонца — о том, что женщина может не только производить на свет потомство и вести домашнее хозяйство.

Я сидела неподвижно. Никогда прежде мне не приходилось думать об ализонских женщинах и о том, как они живут. Никто не видел ни одной из них во время войны в Долинах; мы полагали, что они либо решили не сопровождать своих мужчин, либо им этого не позволяли. Но ведь их вполне могли содержать на положении пленниц в поместьях и замках, и тогда мне будет затруднительно передвигаться по столице Ализона... если предположить, конечно, что Казариан примет меня в свою компанию.

Дюратан снова начал расхаживать по комнате.

— Как можем мы поверить в то, что один ализонский барон выступит против другого? — спросил он.— Теперь, когда Казариану известна чудовищная сила камня Гурбориана, что ему стоит попытаться завладеть им для своего собственного Рода — или, что еще хуже, сообщить об этом Лорду-Барону?

Морфью покачал головой. На его лице уже не было ни следа улыбки.

— Нет, я считаю, что мы можем полагаться на то, что знаем наверняка: Казариан не посмеет завладеть подобным камнем для себя. Род Кревонеля всегда свято соблюдал древние обычаи, опасаясь и презирая все, что хоть как-то связано с магией. Думаю, мы также можем считать неподдельной и ненависть Казариана к Роду, убившему его родителя,— подобное в Ализоне не забывают.— Голос его дрогнул.— Вот почему мы несем в течение многих лет проклятие кровной вражды. Глубокие раны оставляют столь же глубокие шрамы, не заживающие в течение многих поколений.

— Если Ализон бросит свое войско на Эсткарп одновременно с вероломным нападением Темных магов Эскора,— беспокойно заметил Дюратан,— наше положение станет поистине отчаянным. Наши Волшебницы еще не до конца восстановили свои силы, потраченные на могущественные заклинания, вызвавшие Сдвиг.

— Боюсь, они никогда уже не восстановят своей прежней силы,— грустно сказала Нолар.— Слишком многие из них погибли или непоправимо пострадали от чрезмерных усилий. Даже сейчас Совет Эса продолжает поиски места, где можно было бы быстро обучить юных девушек, даже девочек, чтобы восстановить численность Волшебниц.

Джонджа настороженно выглянула за дверь, затем вернулась к столу.

— Если мы подвергнемся столь чудовищному нападению с двух сторон,— сказала она,— я не удивлюсь, если Совет Волшебниц применит ту же тактику, что и в Сулкаре, когда колдеры послали толпы безумцев из Горма на замок Сулкаркип.

Оуэн уставился в стол, но взгляд его был направлен в какую-то другую точку, не на деревянную поверхность.

— То, что Сулкаркип пришлось полностью разрушить — печальная необходимость,— сказал он.— Да спасет нас Свет от столь же жестокого конца здесь, в Эсткарпе.

— Лормт, скорее всего, устоит,— решительно заверил его Морфью, затем добавил: — Если, конечно, наши шары из квон-железа будут и дальше нас защищать.

— Кто захочет жить в одинокой крепости, окруженной, словно остров, со всех сторон океаном Тьмы?— горько спросил Дюратан.

— Что касается возможного исхода миссии в Ализоне,— заметил Морфью,— если Казариану и Мерет удастся пройти через портал Эльзенара, как они смогут завладеть камнем Гурбориана и при этом не попасть в плен или не погибнуть?

— Казариану придется продумать план действий,— ответил Оуэн.— Затем мы оценим, какова вероятность успеха, а также насколько обеспечена безопасность для Мерет. Меня крайне беспокоит,— обратился он ко мне,— что из-за наложенного на портал ограничения лишь ты одна можешь представлять там нас, рискуя своей жизнью ради Эсткарпа.

Твердой рукой я написала:

«Я старая женщина, и думаю, что мне не так уж и долго осталось жить. Если эта миссия окажется после-

дним моим путешествием, я не стану об этом жалеть. Мы, в Долинах, никогда не забудем, чем рисковал Эскарп, помогая нам в нашей беде. Всю свою жизнь я занималась торговлей. Достойная услуга в ответ на достойную услугу — кто из честных торговцев предложил бы меньше?»

Улыбка смягчила обычно суровый облик Оуэна.

— Жители Долин всегда отличались стойкостью и отвагой,— сказал он.— Джонджа, позови, пожалуйста, нашего гостя. Мы должны выслушать, что он предлагает.

15

Казариан — события в Лормте
(День Почитания, Луна Ножа/10 день,
Месяц Ледяного Дракона)

Меня раздражала мысль о том, что я не сразу осознал, какое смятение внесла в мою душу эта немая старуха. Вскоре после того, как мы начали наши совместные поиски в архивах Лормта, Мерет подсунула мне свою грифельную доску с вопросом: за что Гурбориан получил в награду «ее» камень. Я предпочел оттовориться тем, что был в то время слишком юн, чтобы помнить подробности. Ей незачем было знать, что первая церемония награждения состоялась вскоре после того, как я в двенадцатилетнем возрасте прошел Представление Фаселлиану, тогдашнему Лорду-Барону. Меня уже не было в Столице, когда Фаселлиана свергли, так что я больше не видел камня до тех пор, пока его не получил в награду Гурбориан из рук Лорда-Барона Норандора на недавнем Новогоднем Сборе. Мерет не стала настаивать, но я подозревал, что она не поверила моим оттоворкам...

Когда с помощью своих сверхъестественных способностей Мерет определила, что автор древнего дневника — Эльзенар, я крепко стиснул подлокотники кресла, чтобы не вскрикнуть. Меня потряс сам факт, что она произнесла не чье-нибудь, но именно это зловещее имя! Именно из-за ненавистного Эльзенара мы в Ализоне вели летоисчисление «со дня Измены». На наш Род Кревонеля несмываемым пятном легло происхождение от леди Килайны и мага-изменника Эльзенара. Именно по этой причине мы стали именовать нашим истинным Прародителем Кревонеля. Насколько известно, он был старшим щенком в потомстве Эльзенара, но ни один ализонец не пожелал бы назвать Прародителем самого Эльзенара.

По нашим расчетам, тысячу пятьдесят два года назад Эльзенар и столь же отвратительный маг Шоррош предали наших Прародителей, отважившихся отправиться через магические Врата в пустынные тогда земли Ализона. То, что оба древних вероломных мага, как оказалось, пришли из Эскора (судя по дьявольскому дневнику Эльзенара), лишь добавляло ненависти к нынешним планам Гурбориана, который вновь обратился к этим зловещим связям, готовя новое гибельное нашествие Эскора на Ализон.

Нас всегда учили, что после того, как маги разрушили Врата, отрезав нас от нашей родины, они исчезли, оставив наших Прародителей без средств к существованию, за исключением нескольких видов животных и растений, доставленных в Ализон через Врата. Жизнь в те первые годы была просто невыносима, но со временем нашим Прародителям удалось построить новое ализонское общество. Они отказались от прежних богов — кроме Чордоша, имя которого сохранилось как название одной из лун — поскольку корни их боже-

ственного могущества произрастали из нашей родной земли, навеки от нас отрезанной. Взамен утраченных богов они создали за долгие годы культ почитания Прародителей. Степень влияния культа на общество колебалась в зависимости от воли очередного Лорда-Барона. Чтобы сохранить уважительные отношения между стаями, древние Лорды-Бароны ввели должности официальных Почитателей, которые выполняли все необходимые ритуальные действия, включая разведение и жертвоприношение визгунов.

Размышляя о древних корнях наших обычаев, я внезапно осознал, что именно сегодня — день Почитания, единственный день в Ализоне, существующий вне обычного календаря, между девятым и десятым днями Луны Ножа. В День Почитания необходимо провести ряд ритуалов, завершавшихся массовым жертвоприношением визгунов, в знак нашей признательности Прародителям. Я был потрясен — никогда прежде я не пропускал подобных церемоний.

Здесь, в Лормте, внезапно представившаяся мне возможность повлиять на будущее Ализона казалась одновременно и тяжким бременем, и вызовом. То, что содержалось в дневнике Эльзенара, невозможно было отрицать. К несчастью, автор дневника упоминал не только свой грозный камень, но и ключ к порталу под замком Кревонель — тот самый Ключ Старшего, который хранили женщины нашего Рода. При мысли о том, что наша Прародительница Килайна получила его из рук Эльзенара, я ощутил покалывание в пальцах, напомнившее о прикосновении к ключу... однако без этого ключа я не смог бы оказаться в Лормте. Не мог я также сомневаться и в том, что, не обладай я примесью магической крови, я вообще не смог бы пройти через портал. Мысль о том, что в моих жилах течет кровь

магов, была еще более жуткой. Мне едва удалось взять себя в руки, чтобы обитатели Лормта ничего не заметили.

Я заставил себя сосредоточиться. Изучая сведения о нашем Роде, я ни разу не встречал упоминания о награде, подобной камню Эльзенара. Однако, по законам Ализона, он явно должен был передаваться из поколения в поколение в Роду Кревонеля. Он мог считаться военным трофеем, Лорд-Барон мог полагать, что получил его в дар, но, так или иначе, камень не мог навсегда остаться у Гурбориана — он принадлежал Роду Кревонеля.

При мысли о камне кровь моя застыла в жилах. Мне доводилось и прежде слышать о проклятом камне из Долин. Никто не мог сказать, скольким он стоил жизни, прежде чем им завладел Лорд-Барон Фаселлиан. Будучи ализонцем, я знал, что должен испытывать жгучее желание вернуть великое сокровище нашему Роду... однако сама мысль об обладании столь могущественным магическим предметом терзала мои внутренности, словно когти волколака. Тем не менее я не мог отрицать, что само будущее Ализона зависит от того, удастся ли потенциальным эскорским союзникам Гурбориана завладеть камнем.

Обитатели Лормта продолжали обсуждать последствия, которые повлекло за собой волшебное освобождение могущественных сил в цитадели и ее окрестностях. Разговор их внушал тревогу. Если им удастся заполучить камень, не отдадут ли они его Ведьмам Эсткарпа? Я не в силах был сделать выбор между двумя возможностями, нависавшими надо мной, словно два острых меча. Этот чудовищный камень не должен был достаться ни Эскору, ни Эсткарпу. В конце концов, я предложил им, что попытаюсь отобрать камень сам,

если смогу вернуться через портал Эльзенара обратно в Ализон.

Дюратан тут же потребовал, чтобы он и другие сопровождали меня, но нас снова прервала женщина из Долин. Она напомнила — а подруга Дюратана прочла ее слова вслух — о том, что лишь тот, в чьих жилах течет кровь Эльзенара, может пройти через портал. К моему изумлению, она заявила, что сама должна меня сопровождать! Она представила несколько убедительных соображений — ее колдовские способности предполагают наличие магической крови, а тот факт, что именно в ее стае камень передавался по наследству, безусловно связывает ее с Эльзенаром.

К сожалению, мне не удалось скрыть усмешки, когда я услышал столь нелепое предложение. Сама идея, что старая женщина смеет вмешиваться в чисто мужские дела, заслуживала лишь презрительного смеха... но тут же стало ясно, что мои собеседники придерживаются противоположного мнения. Они не стали смеяться. Более того, Морфью сообщил мне, что женщины Долин совершенно не похожи на наших и ведут себя наравне с мужчинами, что мне весьма не понравилось, но я ничего не сказал.

Сама Мерет написала несколько язвительных замечаний о своем военном опыте, что, как я понял, следовало принять во внимание, даже несмотря на ее преклонный возраст. Откуда мне знать, насколько ловки и выносливы эти сверхъестественные женщины?

Затем Оуэн предложил мне удалиться в свою комнату и подумать над предложением Мерет, в то время как они обсудят мое предложение. Я с радостью воспользовался возможностью поразмышлять над приводящей в замешательство информацией, свалившейся на меня за столь короткое время. Я поклонился ему и Мерет

и поспешил по коридору к себе, пытаясь на ходу привести мысли в порядок.

Ясно было, что мне придется пересмотреть отношение к этой женщине из Долин, Мерет. Вероятно, ее внешность как раз и объясняется тем, что в Роду у нее были ализонские союзники Эльзенара. Я уже думал, не Ведьма ли она отчасти; действительность могла оказаться еще худшей — она могла быть отчасти магом! Однако она ничего об этом не знала, пока не прочитала дневник Эльзенара, и потому не была опытной колдуньей, владеющей многими ужасными заклятиями. Тем не менее она могла ощущать информацию о предметах, прикасаясь к ним,— пугающая способность... но она могла и помочь отыскать камень, если он где-то спрятан. По мере того как я обдумывал все, что успел узнать в Лормте, у меня начал складываться план. Когда пришла Мудрая, чтобы проводить меня обратно, я готов был внести поправки в свое первоначальное предложение.

Едва я занял место за столом, Оуэн тут же объявил, что Лормт принимает предложение Мерет, и теперь все зависит от моих предложений — как именно я собираюсь отнять камень Эльзенара у Гурбориана.

Я решил обратиться непосредственно к Мерет, по двум причинам. Во-первых, из вежливости к возможному товарищу по оружию в смертельно опасной миссии; и во-вторых, из любопытства — как она прореагирует.

— Прошу у тебя прощения, госпожа,— начал я,— за мою недавнюю вспышку. Я был воспитан по обычаям Ализона, и ваши обычаи еще не до конца мне понятны. Я вовсе не желал тебя обидеть. Я тщательно обдумал все, что ты написала, и если ты и в самом деле решительна и отважна, думаю, есть один способ сде-

лать так, чтобы тебя в Ализоне ни в чем не заподозрили.— Я сделал паузу, но она лишь кивнула, жестом предлагая мне продолжать.— В юности,— снова заговорил я,— меня воспитывал старший сородич моего родителя...

Морфью прервал меня.

— Этим людям более понятно слово «дядя»,— пояснил он,— так же, как и «братья» или «сестры» вместо «сородичей» и «семья» вместо «стая».

Я поклонился.

— Спасибо за столь полезные слова, которые помогают мне лучше понять вашу речь. Мой... дядя, барон Волориан, все еще живет в своем поместье, далеко на северо-востоке от Столицы. Именно из его писем я впервые узнал о вылазках Гратча в горы у границ Эскора. Волориан — самый старый из ныне живущих мужчин в нашей... семье, и известен тем, что терпеть не может всего, что хоть как-то связано с магией. С тех пор как мой родитель был убит наемниками Гурбориана, Волориан, по существу, избегает Столицы, занимаясь разведением псов, чем он заслуженно славится. Вероятно, сейчас в Столице никто его не помнит настолько хорошо, чтобы ты, госпожа, не могла выдать себя за барона Волориана.

Мои собеседники беспокойно зашевелились в креслах, явно встревоженные моим предложением. Сделав первый выпад в этом словесном поединке, я поспешно продолжил натиск.

— Ты примерно того же роста и возраста, что и Волориан, госпожа,— сказал я Мерет.— Конечно, придется соответствующим образом укоротить и, возможно, осветлить твои волосы. Проблема, однако, в том, что ты лишена дара речи.

Морфью неожиданно улыбнулся.

— Эта проблема легко решается,— заметил он.— Разве мы не можем сказать, что зимняя лихорадка временно лишила твоего дядю голоса? Это довольно распространенная болезнь даже здесь, в Лормте,— наш мастер Пруэтт всю зиму занят приготовлением целительных снадобий, восстанавливающих потерянный голос.

Его сообразительность мне понравилась.

— Очень хорошо. Я же смогу объяснить свое нынешнее отсутствие в Столице,— продолжал я,— тем, что неожиданно получил письмо от Волориана, в котором он вызвал меня к себе в поместье.

— Но ты только что сказал, что все эти годы Волориан избегал любых контактов с убийцей своего брата,— возразила Мудрая.— Каким образом ты сможешь сделать так, чтобы они встретились без кровопролития? Насколько я понимаю,— добавила она, кивнув в сторону Морфью,— вы, ализонцы, жить не можете без кровной вражды.

— Именно благодаря вражде между нашими двумя Родами, мой план выглядит столь многообещающе,— ответил я.— Гурбориан жаждет привлечь на свою сторону как можно больше видных баронов. Мы можем намекнуть, что при наличии достаточных на то причин... и платы... Род Кревонеля может согласиться на союз с группировкой Гурбориана. Я мог бы заявить, что Волориан настоял на тайном возвращении вместе со мной в Столицу, чтобы провести столь деликатные переговоры лично. Гурбориан не посмеет отказаться от подобной возможности. Полагаю, он даже рискнет прибыть в замок Кревонель сам, чтобы попытаться переманить нас на свою сторону лживыми посулами. Тогда мы сможем прикончить его и забрать камень, если, конечно, нам удастся каким-то образом сделать так,

чтобы он взял камень с собой — в этом случае нам не придется подвергать себя опасности, занимаясь поисками камня в его замке.

16

Мерет — события в Лормте
(10 день, Месяц Ледяного Дракона/День Почитания)

Вернувшись в кабинет, Казариан надменно-учтивым тоном обратился ко мне. Он заявил, что мой возраст и рост вполне подходят для того, чтобы я могла выдать себя за его дядю, барона Волориана, воспитывавшего его в детстве.

Вызывающее предложение Казариана повергло меня в ужас. Как могла я сыграть роль ализонского барона? Я уже питала крайнее отвращение к моему собственному решению, вынуждавшему меня тайно отправиться в логово злейших врагов наших Долин, но план Казариана показался мне куда более чудовищным. Все же я заставила себя включиться в дискуссию.

— Если мы сразу же найдем удачный подход к Гурбориану,— говорил Казариан,— и сумеем заманить его в замок Кревонель, главное — найти подходящий момент и способ для того, чтобы его прикончить. Гурборианвсегда был осторожен, как загнанный в угол вепрь, и вряд ли он станет жертвой какого-либо яда. Если я сумею оказаться в достаточной близости от него, надежнее будет воспользоваться ударом кинжала...— Он замолчал, заметив, что сидящие за столом с явным отвращением отшатнулись.— Я вижу, ализонские обычаи отличаются от ваших,— заметил Казариан, скорее заинтригованный, нежели обиженный нашей реакци-

ей.— Разве вы сами не прибегли бы к убийству в подобных обстоятельствах? — спросил он.

— Нам нечасто приходится заранее обсуждать разные методы убийства,— холодно сказал Оуэн,— за исключением военных советов.

Выражение лица Дюратана осталось столь же мрачным.

— В данный момент,— заметил он,— возможно, следует принять во внимание и ализонские обычаи. Если Гурбориан постоянно ожидает внезапного нападения, захватить его врасплох будет намного труднее.

Я ударила посохом о пол и, написав на грифельной доске свой вопрос Казариану, протянула ее Нолар.

— Знает ли Гурбориан почерк Волориана? — прочитала она.

Казариана, похоже, удивил мой вопрос, но, после секундного раздумья, он покачал головой.

— Нет, не думаю, чтобы в прошлом они обменивались письмами. Волориан почти никому не пишет — только мне и другим видным заводчикам псов.

Я написала свое предложение, и Нолар снова прочитала:

— Не устроить ли нам ловушку с помощью письма, якобы написанного Волорианом? Скажем, Волориан хочет знать правду о намерениях Гурбориана в отношении Эскора и предлагает, на вполне приемлемых условиях, поддержку заговора Гурбориана со стороны своего Рода?

— Достойная восхищения мысль, госпожа,— признал Казариан.— Зная, что Гратч был замечен в наших землях, Гурбориан должен исходить из предположения, что Волориану известно о его подозрительной деятельности вблизи наших владений. Так что подобное предложение он будет просто вынужден принять.

— Под предлогом необходимости создать условия для встречи двух не доверяющих друг другу баронов,— задумчиво произнес Дюратан,— Волориан мог бы настоять на том, чтобы Гурбориан тайно явился в замок Кревонель, в благоразумное время — скажем, в полночь — и с минимальным количеством телохранителей. Полагаю, у Гурбориана есть телохранители?

— Дюжина, или даже больше,— подтвердил Казариан.— Гурбориан нажил себе немало врагов.

Глаза Нолар вспыхнули.

— Кажется, я понимаю, каким образом можно убедить Гурбориана взять с собой в замок Кревонель камень Эльзенара. Поскольку зимняя лихорадка, о которой говорил Морфью, лишила Волориана голоса, вполне разумно, если барон прикажет Казариану, сыну его брата, говорить от своего имени. И,— торжествующе добавила она,— Волориан может поставить условием встречи, чтобы на груди у Гурбориана был его камень из Долин. Он может заявить, что камень понравился Казариану, и драгоценность можно использовать в качестве взятки, чтобы склонить его мнение в пользу Гурбориана.

Морфью взял перо и чернильницу.

— Я легко могу сочинить письмо в соответствующем ализонском стиле. Он начал быстро писать, затем прочитал нам написанное: — Гурбориан! До меня дошли любопытные слухи и донесения относительно некоторых твоих последних планов. Каковы истинные причины твоих тайных вылазок у эскорской границы? Нашим могущественным стаям следует объединиться в одно всесокрушающее войско, а не дробить силы, враждуя друг с другом. Не пора ли отбросить прошлую вражду наших Родов? Если ты задумал некий многообещающий план, я мог бы привлечь Кревонель на твою

сторону. Жду тебя в полночь в замке Кревонель. Не бери с собой большую свиту, а если беспокоишься — свяжись со своим агентом Гратчем, который, как мне известно, что-то вынюхивает на моей территории. Положение дел должны обсуждать предводители стай, лично, со всеми мерами предосторожности. Однако, поскольку зимняя лихорадка лишила меня голоса, я приду в сопровождении щенка Оралиана, который будет говорить от моего имени. И еще кое-что, только для твоих ушей: щенку очень понравилась та твоя безделушка из Долин. Имей это в виду, когда будешь собираться в путь. Его мнение может оказаться весомым, особенно для молодых щенков из нашего Рода. Жду твоего ответа. Волориан.

Казариан оскалил клыки в волчьей улыбке.

— Твое сочинение достойно похвалы, Морфью. Оно выдержано как раз в таком тоне, какой и требуется, чтобы заставить Гурбориана навострить уши. Впрочем,— заметил он,— я предвижу еще одно препятствие. Руки этой женщины не спутаешь с лапами настоящего барона и Псаря.

Морфью фыркнул, подавив усмешку.

— Швеи Лормта,— сказал он,— под умелым руководством нашей госпожи Беталии, могут сшить богато украшенные перчатки, вполне подходящие даже барону. Наверняка старый барон, страдающий от лихорадки, предпочтет надеть теплые перчатки на тайную встречу в полночь в старинном замке.

— Твоя изобретательность восхищает меня, Морфью,— одобрительно заметил Оуэн.— Нам следует также учесть проблему языка. Как по-твоему, можно ли в достаточной степени обучить Мерет ализонскому языку, чтобы она могла должным образом реагировать на разговор во время встречи с Гурборианом?

— Если госпожа позволит,— предложил Казариан,— я мог бы научить ее основам нашей речи.

— Мы вдвоем ей поможем,— заявил Морфью.— Она должна также овладеть и нашим письмом, поскольку ей придется писать короткие заметки на своей грифельной доске, как поступал бы Волориан, чтобы общаться со своим племянником. Племянник,— добавил он специально для Казариана,— это эсткарпское слово, обозначающее сына брата или сестры.

Я кивнула им обоим и написала:

«Благодарю вас. Давайте сразу же приступим к делу. Я знаю несколько ализонских слов и знаю, как пишутся некоторые торговые термины, но я выучила их много лет назад. Мне необходимо освежить память и научиться значительно большему».

— Что касается ее волос...— Джонджа перевела взгляд с меня на Казариана, затем снова посмотрела на меня.— Казариан прав. Волосы Мерет нужно сделать светлее, если она намерена остаться в живых рядом с ализонцами.

Нолар молча размышляла.

— Мне знакомы многие снадобья из коры или ореховой скорлупы, от которых волосы становятся темнее,— сказала она,— но я не могу вспомнить ни одного способа придать волосам серебристо-белый оттенок, который нам нужен. Я спрошу мастера Пруэтта — он знает о различных травах больше всех в Эсткарпе. Если подобное вещество существует, он должен о нем знать, и, наверняка, у него в гербарии найдется не меньше трех его разновидностей.

— Прошу тебя, поговори с ним,— велел Оуэн, и Нолар поднялась с кресла.

Джонджа тоже встала.

— Если разрешите, я скажу госпоже Беталии, чтобы она собрала своих самых искусных перчаточниц.

Оуэн кивнул, и она вышла из комнаты следом за Нолар.

— Хотелось бы, чтобы никто не мешал вашим занятиям ализонским языком,— сказал Оуэн, отодвигая кресло.— Я распоряжусь, чтобы сюда принесли еду и питье, так же как тогда, у Морфью. Мы вернемся некоторое время спустя, предоставив вам возможность спокойно заниматься. Несмотря на грозящую с севера опасность, мы не можем пренебрегать своими обязанностями, которые есть у каждого из нас в Лормте.

Дюратан печально улыбнулся.

— Мастер Вессель гоняется за мной по всем коридорам, размахивая списком провизии, которую необходимо закупить. Я надеялся скрыться от него здесь, но — что ж, придется, наконец, с ним встретиться.

Как только они ушли, Морфью сложил вместе несколько чистых листов пергамента и предложил мне сесть рядом. Казариан остался сидеть на своем месте напротив.

По мере того как шли часы, я испытывала все большее облегчение от того, что мне не придется говорить на этом нечеловеческом языке. Чем больше я слушала, как Морфью и Казариан рычат и фыркают друг на друга, тем больше они напоминали мне свору драчливых псов. Ализонская речь резала мне слух... и память. Мне казалось, что те воспоминания похоронены навсегда, однако зазубренные осколки прошлого разбередили мой мозг, подобно непрошеным гостям. И виной тому были, несомненно, звуки ненавистной речи злейших врагов наших Долин.

Я ударила посохом в пол и показала на бутыль с элем. Казариан вскочил, чтобы налить мне кружку. Я

на мгновение закрыла глаза, затем заставила себя еще раз переписать буквы языка, которым мне предстояло овладеть. Я постепенно набиралась опыта, но моя рука онемела от интенсивных упражнений.

Первой вернулась Нолар, принеся с собой долгожданный поднос с кашей, сыром, хлебом и фруктами. Вскоре появилась Джонджа, сообщив, что госпожа Беталия намерена прийти сама, чтобы снять с моих рук мерку для баронских перчаток.

Нолар проворно отодвинула в сторону листы пергамента, чтобы освободить место для еды.

— Я сказала мастеру Пруэтту, что нам необходимо средство, чтобы придать волосам ализонский цвет,— сказала она.— Он крайне сожалеет, что не может встретиться с тобой лично, Мерет, но он сейчас занят составлением снадобий и не может отвлечься. Однако он заверил меня, что этот отвар серебристой крапивы должен дать вполне удовлетворительный результат.— Она достала из кармана юбки бутылочку с темной жидкостью, издававшей острый запах, несмотря на то что пробка была плотно обмотана сухой травой.

Джонджа с сомнением разглядывала флакон.

— Я бы не стала наносить это на свои волосы,— твердо заявила она.— Обычную крапиву я хорошо знаю, и мне известно, как она восстанавливает цвет волос, но эта серебряная крапива с высокогорных лугов куда более едкая и куда больнее обжигает! Наверняка подобный экстракт слишком сильнодействующий для того, чтобы наносить его на голову.

Нолар кивнула.

— Исходя из моего собственного опыта, я высказала те же самые возражения, однако мастер Пруэтт клянется, что его метод очистки и охлаждения отвара устраняет наиболее вредные составляющие растения. Тем

не менее...— Она посмотрела на меня и улыбнулась.— Если Мерет позволит, будет надежнее, если мы отрежем локон ее волос и проверим сначала на нем.

Джонджа сняла с пояса прочный деревянный гребень и небольшой нож. Я распустила волосы. Любопытно, смогут ли снадобья Лормта придать им серебристо-белый оттенок, свойственный ализонцам?

Мы пристально следили за тем, как Джонджа положила локон на блюдце, а Нолар смочила его водой и добавила несколько капель из флакона учителя Пруэтта. Джонджа пошевелила пряди волос ножом, затем сполоснула их в другом блюдце.

— Учитель Пруэтт советует применять отвар крапивы в смеси с мягким мылом,— сказала Нолар.— Процесс осветления продлится несколько дольше, но не будет столь сильно раздражать кожу.

— Я бы в это не поверила,— призналась Нолар,— но экстракт Пруэтта действительно дает именно тот оттенок, который требуется. Если не возражаешь,— она повернулась ко мне,— я могу подстричь твои волосы и сделать нужную прическу.

Казариан с неподдельным интересом разглядывал нас.

— Последний раз, когда я видел Волориана,— заметил он,— его волосы были подстрижены примерно так же, как и мои. Возможно, на затылке чуть короче, поскольку ему редко приходится сражаться в шлеме. Я же часто упражняюсь с мечом и копьем,— пояснил Казариан,— чтобы поддерживать себя в хорошей форме. Некоторым приходится делать в шлеме мягкую прокладку, но, поскольку у меня густые волосы, я обхожусь без этого.

— Благодарю тебя за твое внимание и совет,— написала я, а Нолар прочла вслух.— Делайте с моими волосами все, что сочтете нужным.

Этот день пролетел невероятно быстро. Едва мы закончили поспешный обед, в дверь постучала энергичная женщина средних лет. Нолар представила ее как Беталию, главную рукодельницу Лормта. Она развернула на столе передо мной квадратный кусок тонкой ткани и ловко обвела углем мои растопыренные пальцы. Достав из объемистого кармана халата потертую мерную тесьму, она сняла мерку с моих рук. Тщательно записав все измерения на углу ткани, она покачала головой, собрала свое имущество и пообещала принести мне пару перчаток на примерку, как только ее швеи скроят и сошьют их.

Джонджа зажигала свечи, а Нолар собиралась подавать ужин, принесенный одним из помощников Морфью, когда поспешно вошла госпожа Беталия с парой легких тканевых перчаток, объяснив, что их необходимо подогнать, а затем распороть, чтобы по их образцу скроить кожаные. Тихо напевая себе под нос, госпожа Беталия начала подтягивать складки в одних местах и ослаблять швы в других.

— Потребуется два дня,— наконец, заявила она.— Готовые перчатки вполне подойдут ализонскому барону. Три моих вышивальщицы уже подбирают узор.

Верная своему слову, госпожа Беталия появилась в дверях кабинета Оуэна два дня спустя, вполне довольная результатом своей работы. Подойдя прямо к столу, она подала мне пару чудовищного вида красновато-пурпурных кожаных перчаток, вышитых серебряной нитью столь плотно, что они показались мне на вид жесткими, словно черепаший панцирь. Однако, надев их, я обнаружила, что кожа мягкая и нежная, словно тончайший шелк. Никогда в жизни у меня не было столь искусно сделанных — и столь

вызывающе ярких — перчаток. Сняв одну, я показала ее Казариану, который тщательно осмотрел ее, а затем одобрительно кивнул.

— Мне редко приходилось дотрагиваться до столь тонко выделанной кожи,— сказал Казариан, отвесив госпоже Беталии изысканный поклон,— или видеть столь изящный узор. Сам барон Волориан с гордостью стал бы носить такие перчатки.

Он повернулся к Морфью, выражая свое восхищение, а я услышала, как госпожа Беталия шепчет Нолар:

— В прошлом году я обещала нашему скорняку, что когда-нибудь помогу ему исправить чудовищную ошибку, которую он допустил, выделывая кожу. Он поспорил со мной, что никто в Лормте не сможет вынести столь отвратительного оттенка кожи. Думаю, теперь я могу честно потребовать свой выигрыш, ибо эти перчатки все-таки надевали в Лормте, хоть и ненадолго. Похоже, их вид кажется привлекательным одним лишь ализонцам.

Когда-то я гордилась способностью делать несколько дел одновременно, втискивая их в один короткий промежуток времени. Следующие несколько дней в Лормте напомнили мне о напряженных испытаниях как для разума, так и для тела, обрушившихся на нас в дни сражений в Долинах, и в еще большей степени — в страшные годы после войны. Тогда мне помогали другие, делившие со мной тяжкое бремя; здесь мне тоже помогали по мере сил, но по большей части приходилось полагаться только на себя. Я не замечала, как пролетают один за другим часы, в течение которых я слушала ализонскую речь и училась писать по-ализонски, пока мне подстригали волосы и красили их в серебристо-белый цвет, или когда я примеряла один за другим предметы одежды, которые подобрал Казариан в сун-

дуках госпожи Беталии, чтобы одеть меня, как барона Волориана.

Казариан сам поставил вопрос об оружии. Однажды утром, когда я наконец была одета в брюки, камзол и сапоги, подобающие высокопоставленному ализонцу, он заявил:

— Волориан должен быть соответствующим образом вооружен.

Не говоря ни слова, Дюратан пересек кабинет и отпер маленький шкафчик, висевший над столом Оуэна, возле окна. Достав с полок все оружие, снятое с пояса Казариана, он положил его на стол.

Ализонец тут же поднялся и начал рассовывать все предметы по местам — на поясе, в рукаве или за голенищем сапога. Лицо его сохраняло бесстрастное выражение, но когда он слегка передернулся всем телом, чтобы снаряжение легло на место, мне внезапно вспомнилось подобное же движение. Столь же радостно извивался старый пес Неуверена, когда хозяин надевал на него любимую упряжь, впрягая его в повозку. Я поняла, что, за исключением того времени, когда Казариан спал (впрочем, я подозревала, что Казариан спал, положив рядом свои ножи), он, вероятно, никогда прежде не оказывался безоружным так долго, как в Лормте. Я знала, что и мне было бы не по себе, если бы кто-нибудь отобрал у меня грифельную доску, мел или счетные палочки — однако для ализонца осознание того, что личное оружие всегда у него под рукой, было куда важнее. Вероятно, единственным местом, куда он мог бы отправиться безоружным, было то, о котором заранее знал, что оно полностью безопасно... если такое место вообще существовало в Ализоне, где можно было ожидать предательства даже со стороны самых близких членов семьи.

Наблюдая за Казарианом, я не могла не заметить полной противоположности между ним и Дюратаном. Тело Дюратана тоже явно привыкло к тяжести меча и кинжала, однако, судя по тому, что я успела узнать, Дюратану доставляло куда большее удовольствие держать в руке перо или исследовать древние документы. Казариан же, несмотря на всю свою бледность, вызывал в памяти образ, скорее, ночной тени, нежели дневного света. Сперва мне показалось, что он походит на поджарого, зубастого пса, обученного вцепляться в глотку врага, затем я решила, что он воплощал в себе некие звериные качества, недоступные даже бойцовому псу. Своим сверхъестественным проворством и гибкостью Казариан напоминал, скорее, крадущегося волка, всегда готового к смертоносному прыжку.

Казариан заметил, что я за ним наблюдаю, коснулся своего пояса и сказал:

— В роли Волориана, госпожа, тебе тоже придется носить такое оружие. Однако в последние годы барон сменил большую часть своих кинжалов на учебное оружие, с помощью которого тренирует своих псов. Однако на нашу предстоящую встречу с Гурборианом он наверняка вооружился бы полностью. Если мы действительно окажемся в замке Кревонель, у меня найдется там для тебя достаточный запас оружия, так же как и подходящая пара сапог.— Он обошел меня кругом, изучающе разглядывая со всех сторон.— Я восхищен тобой, госпожа,— сказал он.— Не знай я, кто ты на самом деле, я бы мог поклясться, что ты настоящий потомственный барон.

— Который, к сожалению, нуждается в большей практике для понимания разговорной ализонской речи,— предостерег Морфью.— Крайне важно, чтобы ты была готова отвечать на неожиданные вопросы,

Мерет, без каких-либо могущих вызвать подозрение раздумий. Давай еще раз повторим фразы, которые ты скорее всего услышишь.

В течение казавшихся мне бесконечными часов я боялась, что никогда не смогу понять того, что они говорят, но, в конце концов, мои уши начали различать основные слова, в которых я не имела права ошибиться. Часто мы трудились до поздней ночи. Нас ни на миг не оставляла мысль о том, что в любой момент Гурбориан может отыскать Темного мага из Эскора.

Я испытала смешанные чувства облегчения и страха, когда на двадцатый день месяца Ледяного Дракона, после девяти дней отчаянных усилий, Морфью объявил, что я в достаточной степени обучена как разговорному, так и письменному ализонскому языку. Оуэн выслушал доклад Морфью с явным удовлетворением.

— Полагаю, мы не можем больше рисковать,— заявил он.— Мы сделали все, что могли сделать здесь, в Лормте. Теперь же нам предстоит выяснить, примет ли портал Эльзенара двух наших путешественников. Да поможет нам Свет!

17

Казариан — события в Лормте
(19 день, Луна Ножа/20 день, Месяц Ледяного Дракона)

Я вынужден был признать, что обитатели Лормта— выдающиеся заговорщики. Хотя им явно не понравилось мое предложение выдать Мерет за Волориана, они, оценив наше отчаянное положение, начали с воодушевлением давать всевозможные советы, каким образом можно воплотить мой план в жизнь. Сначала, похоже,

им внушала отвращение сама мысль о том, чтобы убить Гурбориана, заманив его в замок Кревонель; затем Дюратан признал, что насилие в данной ситуации неизбежно, сколь бы чудовищным оно ни казалось. Интересно, подумал я, каким иным образом они предполагали завладеть камнем Эльзенара, если не путем насилия? Впрочем, вслух я ничего не сказал. Мы, ализонцы, на собственной шкуре узнали, что в открытом бою эсткарпцы - смертельно опасные противники. Я был уверен, что они могут постоять за себя, даже если планируемое убийство и кажется им отталкивающим. Однако сопровождать меня была способна лишь Мерет, и я вряд ли мог рассчитывать на ее помощь в вооруженной схватке. Так что прикончить Гурбориана мне все равно пришлось бы самому.

Я испытал немалое облегчение, когда мне вернули конфискованное у меня оружие. Все время, проведенное в Аормте против воли, мне было очень не по себе без привычной тяжести и уверенности в том, что оно всегда под рукой. Я сообщил Мерет, что, как только мы окажемся в замке Кревонель, я обеспечу ее приличествующими сапогами и оружием, чтобы придать ей вполне респектабельный вид.

Мы втроем — Морфью, Мерет и я — усердно трудились несколько дней, пока не удостоверились, что Мерет вполне может выдать себя за Волориана без риска оказаться быстро разоблаченной как вражеский шпион.

На девятнадцатый день Луны Ножа Оуэн решил, что откладывать далее невозможно, и повел нас в то самое подземелье, в которое меня столь неожиданно забросило всего тринадцать дней назад. Дюратан рассыпал на каменных плитах пола свои сверхъестественные кристаллы. Имевшиеся среди них синие камни

образовали правильный овал, словно их преднамеренно выложили именно в таком порядке. Я не придал этому особого значения, но остальные явно считали выпавший узор неким добрым предзнаменованием.

Морфью задал вслух вопрос, который интересовал и меня:

— А что, если проход Эльзенара функционирует лишь в определенное время ночи? Возможно, заклинание, приводящее его в действие, как-то привязано ко времени. Меня не было здесь, когда появился магический портал, но Оуэн показал мне каменную плиту, над которой он возник, и мы пометили ее на будущее. Как я понимаю, все вы наблюдали некое светящееся пятно, висящее над полом. Мои глаза не столь зорки, как когда-то, но сейчас я не вижу ничего необычного в воздухе над отмеченным камнем.

Мудрая нахмурилась, глядя на свою рунную доску.

— Я тоже не ощущаю сосредоточения Силы, которое привело нас сюда перед тем, как открылся проход. Ты что-нибудь чувствуешь, Нолар?

Подруга Дюратана покачала головой, и Мудрая повернулась к Мерет.

— Возможно, если ты дотронешься до камня, отмеченного Морфью,— предложила она,— ты сможешь ощутить нечто, недоступное для нас.

Мерет наклонилась и провела пальцами по каменным плитам, которые отметил Морфью, но колдовская интуиция на этот раз ее подвела. Она написала на своей доске, что камень не вызывает никаких образов в ее сознании.

Оуэн полез в висевшую у него на поясе сумку и достал... Ключ Старшего!

— Может быть, этот ключ — часть заклинания,— заметил он, протягивая ключ мне.— Ведь ты держал

ключ в руке тогда, в замке Кревонель, когда впервые заметил открывающийся проход?

Я задумался, вспоминая те события.

— Да,— подтвердил я,— я держал ключ в руке, но стоял спиной к центру помещения. Меня привлекло странное свечение, внезапно вспыхнувшее позади меня.

— Если бы только мы побольше знали о том, как древние маги составляли свои заклинания,— с тоской проговорила подруга Дюратана.— Наверняка они могли открыть проход в любой момент, когда им это было нужно, с помощью каких-нибудь слов или жестов.

— Я не произносил никаких слов и не делал никаких жестов,— возразил я,— не знал я и куда, собственно, отправляюсь.

Морфью смотрел на помеченный камень.

— Возможно,— задумчиво произнес он,— если Казариан встанет на это место и представит себе соответствующее помещение в замке Кревонель, то сила его мысли перебросит магический туннель в точку назначения.

Мудрая кивнула.

— Предположив, что портал может одновременно принять более одного человека,— предупредила она,— мы не должны рисковать, позволяя двоим нашим путешественникам разделиться. Если Мерет и Казариан возьмутся за руки, они наверняка останутся вместе.

Помня о неприятных ощущениях, испытанных мной во время переноса, я счел разумным заранее предупредить Мерет.

— Меня швыряло во все стороны, словно под ударами зимней бури,— сказал я ей.— То, что говорит Мудрая, справедливо, но боюсь, что просто держаться за руки недостаточно. Лучше я обхвачу тебя руками, госпожа, держа при этом Ключ Старшего, как и в тот

раз, на случай, если он является неотъемлемой составляющей заклинания. Идем, встанем рядом друг с другом и сосредоточимся на конечном пункте нашего путешествия.

Мерет заткнула свой посох за пояс и, после секундного колебания, положила руки мне на талию. Держа ключ в правой руке, я обхватил ее за плечи, крепко прижав к груди.

— Помещение, в котором мы должны оказаться,— громко объявил я,— это охраняемое магическими силами глубокое подземелье под замком Кревонель.— Я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на голых каменных стенах, таких какими я видел их в последний раз... на потемневшей от времени деревянной двери с серебристо-бронзовым замком...

— Вот оно! — вернул меня к реальности внезапный крик Мудрой. Когда я открыл глаза, на расстоянии вытянутой руки от нас разрастался в воздухе противоестественный овал из застывшего света.

— Держись крепче, госпожа! — приказал я и, подняв ее, шагнул в сверкающую дыру.

18

Мерет — события в Лормпе, затем в замке Кревонель
(20 день, Месяц Ледяного Дракона/19 день, Луна Ножа)

Я силой заставила себя приблизиться к Казариану и обхватить руками его стройную талию. Судя по всему, он не испытывал ко мне подобного отвращения, поскольку стиснул меня столь сильно, что я едва могла дышать. Внезапно я осознала, что ни один мужчина не

обнимал меня так крепко с тех пор, как не стало моего любимого Неуверена, все мучительные годы, прошедшие до сегодняшнего дня. Мысль о том, что я вынуждена испытывать подобное унижение со стороны ализонца, казалась мне почти невыносимой, но впереди меня ждало худшее.

Я отчаянно цеплялась за Казариана, единственную твердую и теплую опору среди кромешной тьмы и ревущего хаоса. Я чувствовала, как под камзолом колотится его сердце, а он продолжал крепко держать меня. Не знаю, в состоянии ли я была дышать и можно ли было вообще дышать в этой чудовищной бездне. Затем, столь же внезапно, все кончилось, и мы оказались в другом помещении с каменным полом. Единственным источником света был лишь сам таинственный портал, и когда он, быстро уменьшаясь в размерах, исчез, нас окружила полная темнота.

— Можешь стоять, госпожа? — донесся до меня голос Казариана. Он ослабил объятия, так что мои ноги вновь прочно опирались на пол, но придерживал одной рукой за плечи.— Ах да, она же не может говорить,— пробормотал он по-ализонски, затем добавил: — Сожми мою руку, если можешь стоять без посторонней помощи.

Я нащупала его ладонь и сжала ее. У меня слегка кружилась голова, словно в лихорадке или спросонья, но я была уверена, что смогу устоять, если не буду пытаться двигаться.

Казариан отпустил меня. Вскоре неподалеку послышался скребущий звук. Казариан высек искру с помощью трута и кремня и, присев на корточки, поджег полусгоревший факел, возможно, тот самый, что он оставил, отправляясь в Лормт. Мерцающий огонь факела осветил комнату без окон и с голыми стенами, с одной

лишь массивной дверью. Я оперлась на посох, ожидая, пока пройдет головокружение.

— Прежде чем мы покинем эту комнату,— предупредил Казариан,— мы должны тщательно продумать наши действия. Лучше всего, если тебя будут видеть как можно меньше людей. Меня постоянно сопровождает Геннард, мой слуга с самого моего появления на свет. Прежде он служил сородичу моего родителя, и он единственный в замке Кревонель, кто знает Волориана в лицо. Я скажу ему, что ты — барон, прибывший в Столицу с тайным визитом; он не станет задавать лишних вопросов. Мы можем также полностью положиться на Бодрика, смотрителя моего замка, прибывшего в Кревонель пять лет назад из наших прибрежных владений. Да, именно эти двое будут обслуживать нас. Пусть тебя не смущает шрам на лице Бодрика — он получил его два года назад в стычке с разбойниками из Карстена.— Казариан помолчал, затем добавил: — Бодрик постоянно враждует с Лурском, главным оружейником Гурбориана. Они заключили между собой нечто вроде вооруженного перемирия на то время, пока и Гурбориан, и я в Столице. Мне придется доверить доставку письма для Гурбориана именно Бодрику. Он наверняка сумеет добиться того, что нам нужно — передать письмо Морфью в руки Гурбориана, избежав при этом нежелательного внимания со стороны посторонних.

Я достала из внутреннего кармана плаща грифельную доску и мел. Будучи ограниченной как малыми размерами доски, так и недостаточным знанием ализонского, я постаралась выразить множество возникших у меня вопросов как можно более кратко.

«Не удивятся ли слуги, не найдя наших лошадей?» — написала я.

Казариан прочитал мои слова и оскалил клыки в хищной усмешке.

— Я рад, госпожа, что наше не слишком комфортабельное путешествие не повлияло на твой разум,— сказал он.— Если мы хотим, чтобы наша миссия в Столице оставалась тайной, нам не следует привлекать к себе внимание и появляться здесь в сопровождении верхового отряда. Как хозяин замка Кревонель, один лишь я знаю и использую множество тайных ходов, которые позволяют входить и выходить, оставаясь незамеченным для друзей и врагов. Мои слуги решат, что мы воспользовались одним из таких ходов — что мы, собственно говоря, и сделали, хотя и несколько своеобразным способом.— Он помолчал, затем продолжил: — Тебе придется познакомиться с моими псами; ни один барон, посещающий мой замок, тем более Волориан, не преминул бы это сделать. Тебе когда-нибудь приходилось видеть наших псов или иметь с ними дело?

Я крепко сжала грифельную доску, чтобы он не заметил, как дрожат мои руки.

«Только издали,— наконец сумела написать я,— всего два раза, во время войны». Я невольно содрогнулась, вспомнив те жуткие события.

В первые годы войны в Долинах ализонские захватчики привезли с собой несколько свор хищных зверей, давших имя их расе, и напустили их на наших воинов. Ализонские псы не были похожи на тех собак, которых мы знали и которых использовали для охоты или в бою. Из дневника Эльзенара мне теперь было известно, что первые псы появились из магических Врат вместе с первыми ализонцами. Все мы в осажденных Долинах познали страх и ужас перед поджарыми белыми тварями, безжалостно уничтожавшими наших мужчин, женщин и детей, тщетно пытавшихся бежать.

Когда благословенному флоту Сулкара удалось наконец перехватить и потопить ализонские корабли, снабжавшие армию, бароны постепенно отозвали назад своих псов, слишком ценных для того, чтобы обречь их на гибель в море или от наших дротиков и мечей. Волориан, вспомнила я, считался знаменитым заводчиком этих гнусных созданий. Но я обязана была осмотреть псов Казариана.

Глядя на меня, Казариан, видимо, почувствовал мое отвращение.

— Я принесу тебе недавно родившегося щенка от моей лучшей суки,— объявил он.— Прежде чем ты встретишься со всей сворой, нам нужно будет узнать, как подействует на них твой запах. Идем, поднимемся наверх. Я многое должен тебе рассказать, пока мы будем ждать ответа Гурбориана на наше письмо.

Он вставил свой ключ в большой замок и распахнул дверь.

Мы шли по коридорам и лестницам, где в пыли виднелись недавние следы лишь одной пары сапог. В отличие от мрачно-серых камней Лормта, камни замка Кревонель были блестящего желто-коричневого цвета, но масштабы ализонского строительства впечатляли не меньше. Я обнаружила странное сходство между здешними подземными коридорами и коридорами Лормта... пока мы не достигли более обитаемых верхних уровней. Чем выше мы поднимались, тем более роскошными становились украшения и обстановка. Возможно, по причине своей природной бледности, ализонцы стремились украшать свои жилища, используя яркие, даже чересчур кричащие краски.

Дважды я замечала далеко впереди светловолосые фигуры, одетые в темно-синие ливреи, но, едва заметив нас, они скрывались из виду за углом или за бли-

жайшей дверью. Лишь один из них не стал прятаться, но наоборот, устремился нам навстречу через просторный зал — высокий сухопарый пожилой ализонец, бледно-голубые глаза которого напомнили мне Морфью.

Казариан отрывисто кивнул незнакомцу, словно ожидал его здесь встретить.

— Будешь обслуживать нашего гостя и меня в северной башне, Геннард. Пошли за Бодриком, пусть немедленно явится туда.

Поклонившись Казариану, Геннард коснулся знака своего Рода.

— С возвращением, хозяин.— Он повернулся ко мне и снова поклонился, повторив тот же жест.— Замок Кревонель приветствует тебя, благородный барон,— произнес он голосом, в котором не звучало ни тени раболепства или страха. Если он служил Казариану с самого детства, то, видимо, отличался исключительными способностями к выживанию... и считал свое положение вполне безопасным.

Я поклонилась, стараясь подражать Казариану, и зашагала следом, поскольку он уже направлялся к двери в дальнем конце зала. Мы поднялись еще по нескольким лестницам. Я испытала крайнее облегчение, когда Казариан, наконец, вошел в комнату, где предложил мне изящное кресло. Мы едва успели сесть, как в открытых дверях появился еще один ализонец.

— Входи, Бодрик,— пригласил его Казариан, и к нам подошел человек, которого он называл смотрителем замка.

Почему-то мне казалось, что все ализонцы должны быть на одно лицо. Пока что персонал замка Казариана отличался одинаково бледной кожей и белыми волосами, и все они были одеты в одинаковые синие ливреи, украшенные белым шнуром. Однако, оказавшись

с ними лицом к лицу, я поняла, что они столь же разные, как и любые два уроженца Долин. Черты лица Бодрика были не столь правильными, как у Казариана, и он был более коренастым и широкоплечим, нежели его хозяин. Глаза его были ярко-зелеными, словно весенние листья, но больше всего привлекал внимание синевато-багровый шрам, шедший наискось через левую бровь и переносицу до правой щеки.

Коснувшись знака Рода, Бодрик поклонился Казариану.

— Кревонель приветствует тебя, хозяин,— произнес он голосом, в котором свойственные ализонцам рычащие нотки чувствовались куда более явственно, чем у Геннарда или Казариана.

— Благородный барон оказал замку Кревонель честь своим визитом,— объявил Казариан, почтительно кивнув в мою сторону.— Однако имя его и сам факт его присутствия здесь должны оставаться в тайне, поскольку того требует цель его пребывания в Столице. Он проделал немалый путь, несмотря на зимнюю лихорадку, временно лишившую его голоса. Он будет отдавать тебе свои распоряжения в письменном виде.

— Готов служить тебе, благородный барон,— сказал Бодрик, поклонившись мне.

— Первый приказ барона — доставить личное послание барону Гурбориану,— сказал Казариан, доставая завернутый в кожу пакет, содержавший коварное письмо Морфью.— Немедленно отдай это Лурску, и пусть он, как можно быстрее, передаст его в руки Гурбориану. Тот должен прислать нам столь же тайный ответ. В зависимости от того, каким он будет, последуют дальнейшие распоряжения.

— Будет исполнено, хозяин. Лурск сегодня пьет в «Хохлатом Вороне». Твое послание окажется в руках

барона Гурбориана не позже, чем через час.— Бодрик снова поклонился каждому из нас и поспешно вышел.

Геннард, видимо, ждал ухода Бодрика, поскольку сразу же вошел в комнату, неся резной деревянный поднос, заставленный бутылками, закрытыми крышками блюдами и открытыми сосудами. С легкостью, которая достигается лишь долгой практикой, он ловко расставил еду и питье на столике, стоявшем в стороне. Он уже собирался разложить еду по тарелкам, но Казариан придержал его за руку.

— В твоих услугах мы сейчас не нуждаемся,— сказал Казариан.— У меня есть для тебя другое задание. Мы так спешили добраться до Столицы, что не взяли с собой никакого багажа. Поэтому барону на время его пребывания здесь потребуется кое-что из нашего гардероба.

Геннард окинул меня взглядом.

— Если благородный барон позволит, я могу доставить в его комнату одежду из запасов твоего родителя, хозяин.

— Отличная идея,— одобрил Казариан.— Он примерно такого же роста и телосложения, как и барон Оралиан. Принеси одежду и подходящие сапоги в комнату рядом с моей. Мы придем туда после того, как поедим и поговорим. И принеси также мел. Барон временно лишился голоса из-за лихорадки, и ему придется писать свои распоряжения на грифельной доске, которую он принес с собой.

— Как прикажешь, хозяин... благородный барон,— Геннард поклонился нам обоим и вышел.

Казариан пододвинул столик к нашим креслам и начал переставлять блюда.

— Я не позволяю себе в замке Кревонель той роскоши, которую предпочитают другие бароны,— заме-

тил он.— За годы, проведенные в поместье Волориана, я привык к простой пище и такому же образу жизни. Теперь же, будучи хозяином Кревонеля, я продолжаю жить по-прежнему, вместо того чтобы развлекаться на бесконечных пирушках.— Он осторожно налил темно-красную жидкость в серебряный графин, затем чуть помедлил, прежде чем предложить мне бокал.— Должен тебя предупредить,— сказал он,— о нашем кровь-вине. Мы никогда никому не позволяли вывозить его за пределы Ализона, и пить его позволено лишь баронам. Советую тебе попробовать... чуть-чуть, пока ты сполна не оценишь его качество.

Я осторожно взяла бокал. За годы моих торговых путешествий мне приходилось пробовать множество вин, как слабых, так и крепких. Это ализонское вино обладало ярко выраженным букетом и слегка резким, но не неприятным ароматом. Я сделала маленький глоток. Вкус не походил ни на одно из известных мне вин — одновременно странно сладковатый и соленый. Вино обожгло мне язык, подобно крепкому, хорошо перебродившему сидру. Я поставила бокал на стол, сделав глубокий вдох, чтобы прояснилось в глазах. Казариан наблюдал за мной из-за края своего кубка. Мне показалось, что в глазах у него мелькнула легкая усмешка. Взяв доску, я уверенно написала: «Лучше я не буду много пить. Глаза слезятся».

Казариан кивнул. Моя реакция явно его позабавила.

— Мне придется подать кровь-вино Гурбориану и Гратчу, когда они придут,— сказал он.— Мы можем объяснить твой отказ присоединиться к нам утратой вкуса, из-за той же самой прискорбной лихорадки, что лишила тебя голоса. А сейчас попробуй этот напиток, приготовленный из белых ягод,— он не столь крепок, но хорошо утоляет жажду.

Подавая каждое из блюд, Казариан описывал мне, что это такое, и пробовал сам. Я прекрасно помнила, что и он, и Дюратан упоминали о склонности ализонцев травить друг друга. Несомненно, Казариан пытался убедить меня, что яства безопасны. Я выбрала знакомую мне пищу — вареную рыбу, ножку куропатки, запеченного кролика, немного сыра. Казариан настоял, чтобы я попробовала блюдо, напоминавшее тушеные коренья в сметанном соусе, сказав, что это еще один ализонский деликатес, никогда не предлагавшийся посторонним. Блюдо оказалось столь острым, что, на мой взгляд, вряд ли многие из гостей пожелали бы его есть, но мне не потребовалось высказывать свое мнение, поскольку Казариан был всецело занят разрезанием фруктового пирога с глазурью. Он предложил было еще несколько блюд, но я поспешно написала, что больше есть не в состоянии.

Казариан подал мне серебряную чашу с влажными салфетками, чтобы вытереть руки.

— Я ненадолго тебя оставлю,— сказал он, отодвигая кресло,— и принесу щенка. Может вернуться Геннард, чтобы убрать со стола. Если его присутствие тебя смущает, отойди к окну. Ты сможешь любоваться Столицей, пока он не уйдет.

Как и предполагал Казариан, вскоре после его ухода действительно вернулся Геннард. Он поклонился мне, затем начал ставить блюда на поднос. Я кивнула ему в ответ, надеясь, что мой жест будет правильно истолкован, и отошла к одному из узких окон, чтобы посмотреть на город моих врагов.

Из-за зимних холодов окна были закрыты тяжелыми деревянными ставнями, обитыми шерстью. Отодвинув щеколду, я распахнула ставни. Солнце закрывали густые облака, так что открывшийся передо мной

впервые вид на ализонскую столицу был довольно бесцветным. Меня потрясло огромное пространство, на котором раскинулся город. Ряды крыш уходили вдаль, насколько хватало взгляда. На высоком каменном утесе возвышалась над всеми остальными зданиями громадная крепость, судя по всему — замок Ализон, резиденция печально знаменитого Лорда-Барона. С высоты башни замка Кревонель я могла видеть металлический отблеск на шлемах часовых, патрулировавших вдоль стен крепости.

Морозный ветер дул мне прямо в лицо, но у меня и без того похолодело внутри. Осознание того, что я, одинокая женщина из Долин, нахожусь в самом логове Псов Ализона, пронзило меня, словно острый нож. Вне себя от ужаса, я вдруг заметила, как мне на рукав упали слезы, которых я не замечала из-за холода. Запирая ставни, я ухитрилась вытереть лицо краем плаща и не оборачивалась, пока не услышала, как закрылась дверь за Геннардом. Я ругала себя на чем свет стоит. Несмотря на одиночество и усталость, подобная слабость была непростительна. Вряд ли ализонские бароны часто давали волю слезам — разве что корчась в агонии от выпитого яда.

Дверь внезапно открылась, и вошел Казариан, держа в руках трепыхающийся белый комочек. Я поспешно села на ближайшую скамью, и он положил жуткое создание мне на колени. Это был еще совсем маленький зверек, но уже с длинными и мускулистыми, приспособленными к бегу ногами. Пытаясь скрыть отвращение, я погладила щенка рукой в перчатке.

Меня удивило, насколько мягкой была его короткая белая шерсть. Голова была очень узкой, с проницательными желтыми глазами, глубоко посаженными чуть выше острого любопытного носа. Широкие уши то при-

жимались к голове, то вставали торчком, прислушиваясь. Острые как иглы когти, похожие на кошачьи, могли втягиваться в подушечки на лапах; вскоре мне стало ясно, что зубы у него еще острее: когда он куснул меня, я ощутила боль даже сквозь перчатки госпожи Беталии. Руки Казариана, как я заметила, тоже носили следы свежих укусов и царапин.

Глядя на меня, Казариан рассмеялся — я впервые слышала его смех. Видимо, я ожидала, что ализонцы лают, подобно их чудовищным псам, но смех Казариана звучал вполне естественно, выражая искреннее удовольствие.

— Исключительный храбрец! — воскликнул Казариан, стирая струйку крови с запястья.— Оба его родителя — прекрасные звери, каким со временем станет и он сам. Я назвал его Мун-Бим — Лунный Луч, из-за серебристого цвета шерсти.— Он почесал щенка за ушами, и тот повернул мордочку и лизнул руку хозяина.

Я была поражена. Неужели этим хищникам и в самом деле знакомо чувство привязанности? И были ли способны на это сами ализонцы??

Казариан снова заговорил, будто оправдываясь передо мной:

— Мало кто из баронов дает имена своим псам, но я обнаружил, что некоторых из них легче дрессировать, если как-то выделить из числа прочих. Этому научил меня Волориан, который всегда давал имена своим лучшим псам. Естественно, в щенячьем возрасте псы более податливы. Мун-Биму явно приятно твое внимание.

Я вдруг поняла, что машинально поглаживаю зверька, и, к моему удивлению, хотя издаваемый им звук и был несколько более грубым, зверек мурлыкал, словно кот.

Казариан, сидевший на корточках возле моих ног, поднялся, вернувшись к своей обычной надменной манере держаться.

— Я рад, что твой запах не раздражает Мун-Бима,— сказал он.— Поскольку ты держала его на руках, его запах пристал к тебе, и взрослой своре легче будет тебя принять. Давай теперь вернем Мун-Бима на Псарню.

Едва мы направились к двери, как появился Геннард.

— Я отнес часть одежды барона Оралиана в комнату, соседнюю с твоей, хозяин,— доложил он.

— Посмотрев на Мун-Бима, благородный барон желает познакомиться с моей сворой,— заявил Казариан.— Мы оценим твой выбор после того, как вернемся с Псарни.

Жуткий лай псов слышался задолго до того, как мы достигли Псарни. Мун-Бим возбужденно скулил на руках у Казариана. Мы спустились по нескольким крутым пандусам и остановились перед тяжелой железной решеткой, надежно вделанной в камень по обе стороны прохода.

— Волькор! — крикнул Казариан.

Из темноты появился рослый ализонец, который отпер калитку, подвешенную на петлях с краю решетки.

— Родительница Мун-Бима очень беспокоится, хозяин,— пожаловался он.— Пришлось посадить ее на двойную привязь.

Казариан передал Мун-Бима в его протянутые руки.

— Их все равно скоро придется разлучить, когда мы переведем его в учебную свору,— сказал Казариан.

Я последовала за ними по узкому проходу, выходившему в просторный внутренний двор. Ализонец, державший Мун-Бима, поспешно скрылся под аркой, ведшей на Псарню.

— Волькор служит у меня Псарем уже много лет,— пояснил Казариан.— Мне пришлось заплатить его прежнему хозяину, чтобы он его отпустил, но никто лучше него не умеет ухаживать за щенными суками. Ты можешь оценить его умение по превосходному состоянию моей своры.

Не знаю, как я выдержала следующий час. Как и большинство детенышей, Мун-Бим производил — до определенной степени — впечатление уязвимого и беспомощного существа. При мысли же о том, что мне предстоит встретиться с взрослыми псами, делая при этом вид, что отношусь к ним вполне одобрительно, у меня мурашки бежали по коже.

Вернув Мун-Бима на попечение его матери, Волькор с гордостью демонстрировал мне псов — по одному, по двое, по трое и целыми стаями. Вид поджарых, мертвенно-белых тварей, которые натягивали поводки, поводя узкими змеиными головами из стороны в сторону, щелкая зубами и ворча, вновь пробудил у меня самые страшные воспоминания о войне в Долинах. Когда Казариан выкрикивал сквозь шум какие-то хвалебные слова, я одобрительно кивала. Мне пришлось поверить, что псы признали во мне настоящего ализонца, поскольку, несмотря на их численность, они не предпринимали никаких попыток напасть.

Наконец, когда у меня уже кружилась голова от пыли, шума и своеобразного запаха псов, Казариан крикнул Волькору:

— Мы больше не станем тебя отвлекать. С нетерпением жду новых щенков!

Взяв меня за руку, Казариан повел меня обратно по извилистым ходам в замок.

— Ты прекрасно себя вела, госпожа,— прошептал он, когда мы были одни в бесконечном коридоре зам-

ка.— Сам Волориан не мог бы выглядеть лучше — если не считать того, что он стал бы давать оценку каждому псу. Мне пришлось объяснить причину твоей немоты. Волькор убежден, что ты — знаменитый заводчик псов.— Казариан улыбнулся.— Тебе еще предстоит обмануть Гурбориана, госпожа — но я начинаю думать, что тебе это удастся!

Геннард ждал нас перед резной дверью в одном из залов наверху. Находившаяся за ней спальня была обставлена по-королевски. На широком столе рядом с кроватью под балдахином Геннард разложил элегантные плащи, камзолы, брюки и мягкие кожаные сапоги.

Издав негромкий возглас, Казариан поднял камзол из ярко-зеленого бархата, вышитый золотой нитью.

— Я помню его,— медленно произнес он.

— Барон Оралиан предпочитал этот цвет,— заметил Геннард.— Я думал, что, может быть, благородный барон...

— Хорошо,— прервал его Казариан.— Мы подумаем над твоим выбором. Можешь идти.

Как только Геннард закрыл за собой дверь, Казариан протянул мне камзол.

— Мне было пять лет, когда мой родитель надевал его в последний раз, незадолго до гибели,— задумчиво произнес он.— Вряд ли Гурбориан его помнит. Примерь его, вместе с этими сапогами.

Меня обрадовало, что придется менять лишь верхнюю одежду, поскольку Казариан не собирался покидать комнату. Настоящие ализонские одежда и обувь мне вполне подошли.

Пока я одевалась, Казариан расхаживал взад и вперед. Когда мое облачение было завершено, он окинул меня критическим взглядом и кивнул.

— Похвально,— сказал он.— Никто не усомнится в тебе; в этой одежде ты выглядишь, как настоящий барон.

Внезапно он напрягся, застыв на месте и слегка наклонив голову. Будь он одним из этих жутких псов, подумала я, уши его наверняка встали бы торчком — столь внимательно он прислушивался. Неподвижность в одно мгновение сменилась движением — ловко выхватив из ножен на поясе кинжал, он уверенно, словно делающая бросок змея, метнул его в темный угол, где парчовое покрывало касалось ковра.

Я невольно содрогнулась, услышав глухой удар, за которым последовал дикий животный крик, полный боли.

Казариан наклонился и выдернул нож из складок ткани. За покрывалом обнаружилось тело большой коричневой крысы, пригвожденное к деревянной ножке кровати.

Казариан достал из кармана кусок ткани и вытер лезвие кинжала, прежде чем снова убрать его в ножны. Затем он открыл дверь и позвал Геннарда, который появился неожиданно быстро, словно ждал неподалеку. Казариан показал на труп и сказал:

— Вот и закуска псам Волькора, на ужин.

Геннард аккуратно поднял дохлую крысу за хвост, поклонился нам и вышел.

Казариан, видимо, почувствовал мое беспокойство. Пристально посмотрев на меня, он спросил:

— У вас что, нет крыс?

«А у вас нет кошек?» — написала я в ответ.

Он прочитал мои слова и улыбнулся.

— Я слышал о таких зверях,— ответил он.— Насколько я знаю, их держат в жилых помещениях для охоты на крыс и мышей. Наши псы — превосходные

крысоловы, но они обладают слишком горячим характером и слишком ценны для нас, чтобы позволять им свободно бегать по комнатам. Они предназначены для охоты на действительно серьезную дичь. Для борьбы же с грызунами, как мы считаем, вполне достаточно ножа наготове... а заодно молодежь тренирует руку и глаз.— Улыбка его погасла.— У нас осталось слишком мало времени до возвращения Бодрика с ответом Гурбориана. Сядь, прошу тебя. Я должен рассказать тебе кое о чем, прежде чем прибудут Гурбориан и Гратч — ибо я не верю, что им удастся избежать нашей ловушки.

19

Казариан — события в замке Кревонель (19 день, Луна Ножа/20 день, Месяц Ледяного Дракона)

Я вовсе не был уверен в том, что Мерет нормально воспримет наши ализонские блюда и напитки, особенно те, которые никогда не покидали наших границ. Было жизненно важно, чтобы своей реакцией она не выдала себя перед Гурборианом. Я понимал, что ей желательно привыкнуть — если удастся — к нашему крепкому кровь-вину, которое всегда обильно подавалось на любой встрече баронов. Мерет попробовала свою порцию с достойной похвалы осторожностью, затем написала, что от этого напитка у нее слезятся глаза и она предпочла бы не пить его в больших количествах. Я счел благоразумным согласиться с ней; нельзя было допустить, чтобы она закашлялась или упала в обморок в присутствии Гурбориана, попробовав любимого напитка баронов. Неприятие кровь-вина, непростительное в

любом другом случае, можно было объяснить утратой вкуса из-за лихорадки.

Похоже, каких-либо иных проблем с ализонской пищей у Мерет не возникло. На тот случай, если она подозревает наличие яда, я попробовал понемногу с каждого блюда, чтобы развеять ее опасения, затем ненадолго ее покинул, чтобы принести моего любимого щенка Мун-Бима, родившегося несколько раньше обычного, между двумя Сезонами Щенков. Он уже подавал большие надежды и должен был стать в будущем вожаком стаи, как и его родитель. Когда я положил щенка на колени Мерет, она взяла его на руки и стала гладить, не обращая внимания на укусы сквозь перчатки. Ее выдержка произвела на меня неизгладимое впечатление. К моему облегчению, Мун-Бим спокойно отнесся к присутствию Мерет и проявляемому ею вниманию — он даже урчал в ответ на ее поглаживание! Я надеялся, что запах пристанет к ней в достаточной степени для того, чтобы успокоить свору, когда мы отправимся на Псарню.

Мне доставил громадное удовольствие великолепный показ моей своры, который организовал Волькор, мой Псарь. Когда все мои звери были представлены во всей своей красе и мы собрались уходить, Волькор шепнул мне, что визит столь знающего гостя — большая честь для Псарни Кревонеля. Его слова утвердили меня в мысли о том, что Мерет вполне сможет ввести в заблуждение и Гурбориана.

Придя в гостевую спальню, Мерет оделась с достойной восхищения ловкостью, ей потребовавалась помощь лишь при размещении оружия. Облаченная в один из костюмов моего родителя, она почти ничем не отличалась от подлинного барона. Я тщательно обдумывал, как много я могу сообщить ей. Я не мог знать, что

рассказывал ей Морфью об Ализоне и о наших обычаях. Хотя он утверждал, что был отрезан от любых новостей из Ализона в течение всех лет, проведенных в Лормте, я не был уверен в том, что это правда. Я решил так: Мерет следует знать о репутации Гурбориана и Гратча, чтобы соответственно вести себя в их присутствии. Поскольку Волориану известно о заговоре Гурбориана, Мерет не должна выказывать удивления, услышав то, что должен был знать Волориан. Именно поэтому необходимо было сообщить ей о намерении Гурбориана и Гратча низложить Лорда-Барона Норандора.

— Сперва я должен предупредить тебя насчет Гратча,— начал я.— Он — темная фигура, и наибольший страх внушает его знание редких ядов. О его прошлом почти ничего неизвестно, кроме того, что он бежал из своего родового имения на острове Горм незадолго до того, как остров захватили колдеры, тридцать лет назад. Несомненно, его ненависть к колдерам уходит корнями в то давнее время. Десять лет назад он появился в Ализоне и, оценив возможные перспективы карьеры, вступил в союз с Гурборианом. Я как раз стал хозяином замка Кревонель, когда прошел слух о том, что Гратч стал главным советником Гурбориана, участвуя во всех его интригах. Примерно через год после вступления на престол Лорда-Барона Малландора, Гратч с Гурборианом укрылись во владениях Рода Рептура, на побережье. Там они в уединении строили свои планы примерно пять лет — достаточно для того, чтобы усыпить бдительность Малландора.

Мерет подняла руку и написала на своей доске:

«После войны Малландор сменил Фаселлиана. В чем мог Малландор подозревать Гурбориана? Разве они не были друзьями?»

— Гурбориан открыто поддержал Малландора, свергнувшего Фаселлиана,— согласился я.— Это была главная причина, по которой Малландор наградил Гурбориана камнем, который оказался камнем Эльзенара.

«Но ты говорил в Лормте, что не знаешь в подробностях, за что Гурбориан получил камень,— возразила Мерет.— Ты говорил, что был тогда еще щенком».

Я не смог скрыть своего удивления перед доверчивостью обитателей Лормта.

— Когда ты спрашивала в первый раз,— сказал я,— было нежелательно раскрывать все, что мне известно. Мы, ализонцы, с ранних лет знаем, что информация может быть такой же ценной, как золото, и ее следует столь же тщательно хранить. Теперь же я должен сообщить тебе все, что известно о врагах, которых мы собираемся победить.

В Лормте я говорил тебе правду — часть правды. Двенадцатилетним щенком-подростком я был представлен Лорду-Барону Фаселлиану. На том Новогоднем Сборе меня сопровождал Волориан, заменивший моего убитого родителя, затем мы вернулись в его поместье, где я воспитывался. Вскоре после того, как мы покинули Столицу, Фаселлиан был свергнут и казнен за проигрыш войны в Долинах. Малландор наградил камнем Гурбориана, это было частью платы за поддержку, но вскоре он понял, что лояльность Гурбориана к нему как к Лорду-Барону заслуживает не большего доверия, чем прежняя лояльность к Фаселлиану. Гурбориан благоразумно удалился в свои прибрежные владения, чтобы рассеять сомнения Малландора. Даже после того, как пять лет назад Гурбориан вернулся в Столицу, он намеренно избегал встреч с Лордом-Бароном. Чтобы скрыть истинную цель своих путешествий, он время от

времени просил отпустить его домой, ссылаясь на разные неотложные дела.

— Когда я поселился здесь, в Кревонеле, около десяти лет назад, я слышал, что Гурбориан получил камень в награду, но не видел самого камня до тех пор, пока барон не получил его во второй раз из рук Норандора на нынешнем Новогоднем Сборе. Насколько мне известно, Гурбориан никогда не показывал камень на публике, получив его в первый раз от Малландора. Меня удивляло, почему он не носит награду, о которой ходит столько слухов,— ведь он славится своей любовью ко всяческим побрякушкам; однако я пришел к выводу, что в течение всех этих лет Гурбориан, видимо, не осмеливался напоминать Малландору о том, за что он получил награду. В конце концов, один успешный переворот мог навести на мысль о другом... и в самом деле, теперь мы знаем, что Гурбориан уже строил планы свержения Малландора.

— Три года назад, когда Ведьмы Эсткарпа предвосхитили надвигающееся вторжение Карстена, с помощью своей чудовищной магии обрушив горы вдоль их южной границы, Малландор страстно желал напасть на Эсткарп, пока тот был ослаблен и уязвим. Однако колдовские заклятия, закрывавшие северную границу, были достаточно надежны и предотвращали любые попытки вторжения со стороны Ализона. Затем Малландор по глупости поддался на уговоры группировки, поддерживавшей колдеров, результатом чего стал бесславно провалившийся набег на Эсткарп, который возглавлял Эсгуир, его верный Псарь. Когда все оставшиеся колдеры были убиты, а юные Ведьмы сбежали обратно в Эсткарп, Гурбориан понял, что для него представилась отличная возможность. Объединив усилия врагов Малландора, он организовал заговор и добился успеха.

Трон занял Норандор, сородич Малландора — брат, по-вашему. Чтобы отплатить Гурбориану за помощь, Норандор официально даровал ему камень во второй раз — впрочем, лишь до его смерти. Эсгуира и Малландора, естественно, отдали на съедение псам.

Меня прервал неожиданный скрежет мела Мерет. Она протянула мне доску, и я прочитал ее наспех написанный вопрос:

«Отдали на съедение псам?»

— Морфью наверняка рассказывал тебе о традиционном способе, которым в Ализоне избавляются от низложенных Лордов-Баронов и изменников,— ответил я.— Конечно,— поспешно добавил я,— тела никогда не отдают лучшим псам, из-за остатков яда.

Слегка дрогнувшей рукой Мерет написала:

«Яда?»

— Все видные бароны и их ближайшие слуги должны предохраняться от попыток отравления, регулярно употребляя в небольших количествах распространенные яды,— пояснил я.— В результате их мясо не годится на корм. Изменников скармливают лишь захудалым псам, болезнь или смерть которых не повлияет на силу своры.

Я внимательно смотрел на Мерет в поисках каких-либо признаков непростительной слабости, которые могли бы ее выдать, но, кроме легкой дрожи в руках, ничто не говорило о потере уверенности в себе.

— Один из людей Норандора, Шерек, недавно был назначен новым Псарем,— продолжил я,— к большому неудовольствию Гурбориана. Гурбориан ошибочно полагал, что сможет повлиять на Норандора подкупом или принуждением. Вскоре после того, как Норандор занял трон, Гратч выступил с тем самым проклятым предложением — заключить союз с Темными магами

Эскора взамен нашего прежнего неудачного союза с колдерами. С одобрения Гурбориана Гратч начал прошлым летом зондировать почву в горах неподалеку от владений Волориана. Из писем моего родича я впервые узнал об угрозе со стороны Эскора.

— Должен тебе сказать, что по ряду личных причин, которых я сейчас не буду касаться, я убежден, что Гурбориан и Гратч намерены низложить Норандора, если им удастся заручиться достаточной поддержкой со стороны других недовольных баронов. Примерно то же подозревает и Волориан — со дня убийства моего родителя он питает неприкрытую вражду к Гурбориану. Ты должна постоянно помнить об этой вражде все время, пока будешь играть свою роль. Несмотря на слова в послании Морфью, Гурбориана не так-то легко убедить, что Кревонель готов на союз с ним. Ты и я должны вести себя внешне хладнокровно,— как он и ожидает,— но вместе с тем делать вид, что его аргументы достаточно сильны для того, чтобы склонить нас на его сторону.

Мерет с суровой решительностью кивнула, затем написала еще один вопрос:

«Если Волориан известен тем, что терпеть не может магии, как могу я на его месте...— она поколебалась, видимо, подбирая подходящее ализонское слово. После некоторой паузы она закончила вопрос: — Одобрить какой-либо союз с Эскором?»

— Неопровержимая возможность выгоды должна перевесить все наши возражения — примерно на чем-то подобном станет настаивать Гурбориан,— предположил я.— Если я сделаю вид, будто оказываю на тебя давление от имени младших отпрысков Рода Кревонель, точно рассчитанная смена твоей позиции вполне может его удовлетворить. Первоначальное твое непри-

ятие предложений Гурбориана может смениться неохотным согласием. В данных обстоятельствах все мы вынуждены идти на риск — нам придется говорить все, что будет необходимо для того, чтобы заполучить у Гурбориана камень Эльзенара. Как только камень окажется у нас, мы должны как можно быстрее ретироваться и доставить камень через портал в Лормт, где он будет в безопасности, недоступный для Гурбориана или Темных магов.

Бодрику пора бы уже вернуться, подумал я, если только какие-то трудности не помешали ему доставить наше послание. Потом обругал себя за нетерпение. Гурбориан должен был обдумать каждое слово, написанное Морфью, и наверняка тех же усилий и времени требовало составление ответа.

Я бросил взгляд на Мерет. Она ничем не проявляла ни беспокойства, ни видимого волнения, но неплохо было бы чем-то ее занять, чтобы у нее не оставалось времени на ненужные размышления.

— Ты вполне достойно одета к нашей встрече,— сказал я,— но я — нет. Идем со мной, выпьешь немного другого... более слабого вина, пока я приведу себя в порядок.

20

Мерет — события в замке Кревонель
(19—20 дни, Месяц Ледяного Дракона/20—21 дни, Луна Ножа)

Пока Казариан описывал мне двоих наших врагов, с которыми нам предстояло встретиться лицом к лицу, я благодарила судьбу за то, что многолетний опыт торговли позволил мне слушать его, ничем не проявляя

своих истинных чувств. Мой дорогой Неуверен часто обвинял меня в том, что я выработала у себя привычку придавать своему лицу выражение полнейшего безразличия. Однако он вынужден был признать, что порой мне удавалось добиться лучшей цены, нежели ему, поскольку другие торговцы не в состоянии были понять, какие именно товары мне хотелось приобрести больше всего.

Меня потрясла история постоянных интриг и убийств, которую излагал Казариан. Впечатление усугублялось тем, что он рассказывал об этом, как о чем-то само собой разумеющемся. Мне становилось не по себе при одной мысли о том, что образ жизни, который избрали он сам и другие ализонские бароны, не уродливое исключение, а кровавая традиция.

Когда Казариан упомянул Горм, на меня нахлынули тягостные воспоминания. Когда-то мы вели оживленную торговлю с этой островной цитаделью, находившейся у берегов Эсткарпа. В начале моей карьеры у меня были прекрасные связи со многими купцами, обосновавшимися в многочисленных пакгаузах порта на острове Горм. Подобный громадному кораблю, стоящему на якоре в прибрежной бухте Эсткарпа, Горм был укрыт почти от любых штормов длинным мысом с северо-запада. На оконечности мыса находился Сулкаркип, главный порт Сулкара. Во время моего первого морского путешествия с дядей Парандом, много лет назад, наш корабль делал остановку в Сиппаре, главном городе Горма, который был тогда и основным портом Эсткарпа.

Тридцать лет назад золотым дням процветания пришел конец. Пока Хильдер, Лорд-Защитник Горма, был смертельно болен, его вторая жена, стремясь обеспечить себе регентство от имени их младшего сына, втай-

не обратилась за поддержкой к гнусным колдерам. В ту ночь, когда умер Хильдер, со стороны моря хлынула орда колдеров, превратившихся из союзников в безжалостных захватчиков. Большинство жителей Горма вынуждены были сражаться на стороне колдеров, сделавшись лишенными разума рабами. Они были убиты их собственными бывшими друзьями из Эсткарпа и Сулкаркипа. После того как Сулкаркип был разрушен его же защитниками, чтобы предотвратить захват города войсками колдеров, Волшебницы Эсткарпа, с помощью прославленного Саймона Трегарта, воспользовались своей магией, чтобы, вторгнувшись в Лормт, уничтожить всех засевших там колдеров. С тех пор злополучный остров был необитаем, оплакиваемый всеми, кто помнил его прекрасное прошлое.

Теперь же я узнала, что Гратч, главный приспешник Гурбориана, был одним из тех немногих, кому удалось бежать с Горма незадолго до того, как колдеры обрекли остров на гибель. В отличие от прочих жителей Горма, которых я знала и уважала, Гратч, судя по всему, был опасным интриганом, которого, несомненно, привлекал Ализон, где его талант мог быть оценен по достоинству. Поскольку Горм был предательски отдан в руки колдеров, Гратч возненавидел их и стал на сторону Гурбориана, который по несколько иным причинам также разделял его ненависть к чужакам, спровоцировавшим войну в Долинах.

Меня удивило признание Казариана, что Лорд-Барон Малландор подозревал Гурбориана в возможном заговоре против него. Насколько я поняла, Малландор во время жестокого переворота, свергнувшего предыдущего Лорда-Барона, Фаселлиана, опирался именно на Гурбориана. Однако Казариан откровенно заявил мне, что не рассказал в Лормте всей правды об обстоятель-

ствах, при которых Гурбориан получил камень Эльзенара. Злосчастный барон, на самом деле, получил камень в награду дважды, из рук двух разных Лордов-Баронов!

Мне стало не по себе, когда Казариан подробно изложил историю смертельных интриг и предательства, которыми, казалось, был пропитан ализонский двор. Я надеялась, что он не заметил, как дрогнула моя рука, державшая мел, когда я задала ему вопрос о чудовищной казни низложенного правителя и его слуги, которых в буквальном смысле слова скормили псам. Хорошо, что я не могла говорить, иначе кто знает, какие слова могли бы у меня вырваться — хотя мое потрясение невозможно было описать никакими словами. Я внутренне содрогнулась при мысли о бесчисленных поколениях ализонцев, столь безжалостно уничтожавших друг друга. Трудно было понять, каким образом Ализон вообще просуществовал так долго, если общепринятым способом продвинуться по лестнице карьеры являлось неприкрытое убийство.

Судя по всему, Гурбориан воплощал в себе самые отвратительные обычаи Ализона. Он извлекал выгоду из любой интриги, но не все его заговоры были успешны. После казни Псаря Малландора этот весьма важный пост остался вакантным, и Гурбориан пытался повлиять на новое назначение путем подкупа и запугивания, но на нового Лорда-Барона Норандора его махинации не подействовали, и тот сделал Псарем одного из своих людей.

Казариан предупредил меня, что Волориану давно известно об амбициозных планах Гурбориана. Играя роль Волориана, я должна была демонстрировать свою враждебность к убийце его брата, чего Гурбориану и следовало ожидать. Мы оба, Казариан и я, должны были

сделать вид, что наше отношение к гостю меняется, от явного неприятия до неохотного согласия с предложениями Гурбориана. Казариан предупредил меня, что если нам удастся получить камень Эльзенара в качестве взятки за поддержку со стороны Кревонеля, мы должны как можно быстрее уходить, чтобы в целости и сохранности доставить камень в Лормт, где его не могли бы обнаружить Темные силы Эскора.

Казариан замолчал, словно пораженный внезапной мыслью. Заметив, что ему необходимо подобающим образом одеться для встречи с Гурборианом и Гратчем, он пригласил меня в соседнюю спальню, достаточно скромно, но изящно обставленную. Голые каменные стены были завешены темно-синими портьерами, а у дальней стены на возвышении стояла кровать под балдахином, застеленная таким же синим парчовым покрывалом. Прежде чем я успела осмотреться по сторонам, мое внимание притянуло одно из самых жутких зрелищ, которые мне когда-либо приходилось видеть. Проходя мимо затененной ниши, я внезапно обнаружила, что оказалась во власти громадного желтоглазого чудовища, готового на меня напасть. Я едва не упала, отскочив назад и в сторону, тщетно, как мне казалось, пытаясь избежать клыков и когтей зверя. Обладай я голосом, я закричала бы от страха... и тут я внезапно поняла, что зверь неподвижен.

Чуткий слух и острое зрение Казариана, несомненно, уловили движение за его спиной. Он резко развернулся, держа наготове кинжал. Когда я показала на монстра, он рассмеялся:

— Мне следовало заранее предупредить тебя о самом выдающемся трофее Кревонеля,— сказал он, убирая кинжал в ножны столь же быстро, как выхватил его перед этим.

Выдернув ближайший факел, Казариан поднял его, осветив гигантскую, похожую на волка с густым мехом, тварь, шкура которой была натянута на невидимый каркас, создавая иллюзию живого, готового к броску хищника. Казариан был высокого роста, но вытянутые передние лапы вставшего на дыбы зверя возвышались над плечами ализонца. Он разглядывал чудовище с выражением, которое я до этого видела лишь один раз, когда он принес мне своего щенка. Невозможно было поверить, но он испытывал настоящую гордость этим монстром, даже нечто вроде любви к нему.

— Сейчас их крайне редко можно встретить,— задумчиво сказал Казариан.— Родитель моего родителя убил этого волколака много лет назад, во время охоты в горах на севере. Мастер, который сделал чучело, добился превосходного эффекта, не правда ли? — Он повел факелом из стороны в сторону. Я едва подавила дрожь, когда, как мне показалось, взгляд сверкающих глаз двинулся следом.— Его глаза — из чистого золота, с черными камнями вместо зрачков,— пояснил Казариан.— Совсем как живые.— Он с сожалением вздохнул.— Мне никогда не доводилось видеть волколака самому,— сказал он.— Мой родитель как-то раз рассказывал мне, что встречал отчетливые следы, но зима была слишком суровой, чтобы преследовать зверя. Тем не менее мы восхищаемся этим великолепным экземпляром, каким не может похвастаться даже Гурбориан, несмотря на все его богатство и власть.

Я с радостью выпила бокал придающего силы вина, которое Казариан налил из стоявшего на столике серебряного кувшина, и была благодарна, когда он предложил мне мягкое кресло. Затем он быстро подошел к двери и позвал Геннарда, чтобы тот помог ему одеться.

Мое отчаянно колотившееся сердце несколько успокоилось к тому времени, когда вернулся Казариан. Должна признать, он выглядел просто потрясающе в небесно-голубом бархатном камзоле и брюках, белом кожаном поясе и таких же сапогах. С груди его свисала изящная золотая баронская цепь.

Он едва успел сесть, как в дверь ворвался Геннард.

— Хозяин,— поспешно сказал он.— Бодрик ранен.

— Где он? — вскочив на ноги, спросил Казариан.— Ему удалось вернуться в Кревонель?

Прежде чем Геннард ответил, в коридоре послышался шум, и в комнату, шатаясь, вошел сам Бодрик, за которым следовали несколько слуг, которые, отталкивая друг друга, пытались ему помочь. Смотритель замка Кревонель был основательно потрепан. Шея его была обмотана окровавленной тряпкой, а прежде безупречно чистая ливрея порвана и запятнана кровью. Он упал на колени у ног Казариана, безуспешно пытаясь поднести правую руку к груди, к почти оторванному знаку Рода.

— Руку порезали,— пробормотал он.

Казариан тут же присел, поддерживая Бодрика за плечи.

— Геннард,— приказал он.— Пошли за Волькором и принеси таз с водой и бинты. Все остальные — убирайтесь прочь.

Слуги поспешно ретировались, подгоняемые Геннардом.

Бодрик медленно поднял голову и начал шарить левой рукой под разодранным камзолом.

— Лурск мертв, хозяин,— прохрипел он.

Схватив кубок с вином, я протянула его Казариану, который поднес его к губам Бодрика.

— Отдохни немного,— посоветовал Казариан.— Сейчас придет Волькор и обработает твои раны.

Вино, похоже, придало Бодрику сил, его побледневшее лицо приобрело почти нормальный цвет. Казариан отставил в сторону пустой кубок и усадил смотрителя в кресло. Тяжелое дыхание Бодрика стало спокойнее. Ему, наконец, удалось извлечь левой рукой пакет с посланием и протянуть его мне.

— Барон Гурбориан поручил мне передать его ответ лично тебе в руки, благородный барон,— сказал он. Голос его звучал уже более отчетливо и громко.

Взяв перепачканный кровью пакет, я вопросительно взглянула на Казариана, который вытащил один из висевших у него на поясе ножей и разрезал тесьму, перевязывавшую пакет.

— Как умер Лурск? — спросил он.

В реакции Бодрика невозможно было ошибиться — он оскалил свои ализонские клыки в торжествующей ухмылке.

— Пока мы ждали во дворе, когда барон Гурбориан напишет ответ, хозяин, у нас с Лурском начался спор.

Казариан мрачно кивнул.

— Как я понимаю,— сказал он,— ты спровоцировал поединок, чтобы облегчить мне задачу?

— Да, хозяин. Я решил, что после открытой схватки с Лурском барон Гурбориан, наверняка, примет меня лично.— Бодрик посмотрел на меня.— До того как я поступил на службу к хозяину,— пояснил он,— Лурск убил моего младшего сородича в Каниспорте. Благодарю тебя, благородный барон, за возможность свести счеты моего Рода с Лурском.

В ответ я одобрительно кивнула — по крайней мере, постаралась, чтобы это выглядело именно так. Я провела в Ализоне лишь несколько часов, и это уже привело к смерти. Что за чудовищное место — полное жестоких псов, легендарных монстров, убийц-баронов...

Казариан продолжал держать пакет с посланием в руке.

— Как тебе удалось остаться в живых, если Лурск мертв? — угрожающе спокойно спросил он.— Ведь в поместье Рептур, наверняка, были и другие?

— Люди Лурска убили бы меня,— уверенно ответил Бодрик,— если бы не лорд Гратч. Шум нашей драки привлек его внимание. Он вышел на балкон с пером в руке, как раз тогда, когда Лурск по собственной глупости споткнулся и напоролся на мой кинжал. Другие уже собирались на меня накинуться, но лорд Гратч приказал им схватить меня и немедленно доставить к барону Гурбориану. Барон был очень недоволен, узнав о смерти Лурска, но сказал лорду Гратчу, что не следует пренебрегать возможностью, о которой говорится в письме из Кревонеля, из-за оплошности слуг. Тогда я заговорил, хозяин. Я сказал ему, что у меня были личные счеты с Лурском — наш поединок не имел никакого отношения ни к Кревонелю, ни к Рептуру. Он ответил, что мне лучше с этих пор держаться подальше от Рептура, а затем приказал доставить его ответ, прежде чем он не передумал и не убил меня сам.

Казариан недружелюбно улыбнулся.

— Если мне потребуется передать Гурбориану новое послание,— заметил он,— я постараюсь найти другого гонца.

Вернулся Геннард с бинтами и тазом воды, и тут же появился Волькор с потертой сумкой, раздувшейся от многочисленных банок с мазями и травами, которые, судя по всему, предназначались для лечения раненых псов — или ализонцев. К счастью, для меня это было далеко не первое знакомство с серьезными боевыми ранениями. Мне приходилось помогать нашим Мудрым в страшные годы войны в Долинах, так что меня

не поразил вид крови и изуродованной плоти. Взяв бинты у Геннарда, я разложила их на стоявшем рядом столе, готовясь отрезать кусок нужного размера.

Волькор и Геннард проворно сняли с Бодрика камзол и остатки нижнего белья. Кроме открытых ран на шее, на правом предплечье виднелся рваный порез от меча. К моему удивлению, Волькор вдел в изогнутую иглу вощеную нить и, пока Геннард придерживал края раны, сшил разорванную кожу с ловкостью искусной швеи, затем смазал кожу вином, прежде чем перебинтовать рану.

Оставив их заниматься шеей Бодрика, Казариан достал из пакета ответ Гурбориана. Он почтительно протянул документ мне, но я не в силах была разобрать замысловатый ализонский почерк.

— Могу поклясться, благородный барон,— заметил Казариан,— почерк Гратча стал куда более затейливым с тех пор, как я видел его в последний раз. Давай найдем место посветлее.— Взяв меня за руку, Казариан уверенно повел меня к столу, неподалеку от вставшего на дыбы волколака, где другие ализонцы не могли бы нас услышать.

— Гурбориан, с помощью пера Гратча, выражается в своем обычном стиле,— сказал Казариан, зажигая еще одну свечу, чтобы осветить текст.— «Волориан,— язвительным тоном прочитал он,— я рад, что ты почтил Столицу Ализона своим присутствием. Нам крайне недоставало твоего совета все эти годы — я часто думал о том, сколь ценный вклад ты мог бы внести в продвижение Ализона к вершинам славы. Теперь же я удостоился твоего благородного приглашения и буду несказанно рад прибыть в назначенное тобой время и место, в сопровождении лишь Гратча и минимального числа телохранителей. Твое предложение поистине возбуж-

дает мой интерес. Смею надеяться, что обоим нашим Родам наша встреча пойдет на пользу. Прошу тебя передать мой сердечный привет Казариану, преданностью которого я всегда восхищался. С нетерпением жду назначенного часа. Гурбориан».— Казариан сделал паузу, затем хищно оскалился.— Морфью заслужил новый медальон на свою баронскую цепь,— сказал он.— Наша добыча проглотила его приманку. Идем, нужно подготовиться к встрече.

При нашем приближении Бодрик попытался подняться на ноги. Похоже, он полностью оправился после суровых испытаний.

— Волькор,— сказал Казариан,— можешь возвращаться на Псарню. Скажи управляющему, пусть выдаст тебе бутылку кровь-вина.

Улыбаясь, Волькор отрывисто кивнул и с энтузиазмом хлопнул по своему знаку Рода. Едва за ним закрылась дверь, Казариан повернулся к Бодрику и Геннарду.

— Сегодня в полночь мы принимаем барона Гурбориана,— сообщил он.— Благородный барон и я будем беседовать с ним и Гратчем в зеленом зале. Поскольку наше совещание секретное, их будут сопровождать лишь несколько телохранителей. Бодрик, ты в состоянии исполнить роль начальника моей стражи?

Бодрик согнул правую руку и сделал несколько энергичных выпадов, демонстрируя вновь обретенную подвижность.

— Конечно, хозяин,— заверил он.— Лучшие воины Кревонеля превзойдут любого из стаи Рептура.

— Позаботься об этом,— приказал Казариан.— Может случиться так, что между нами возникнут некоторые... разногласия. Твоим воинам придется иметь дело со стражей Гурбориана. Мы же с благородным бароном займемся Гурборианом и Гратчем.

— Мне принести меч твоего родителя из оружейной, хозяин? — спросил Геннард.

— Да, принеси его в зал,— ответил Казариан,— вместе с подобающим угощением для нас четверых. Мы с благородным бароном поужинаем здесь. Принесешь нам еду, прежде чем идти в зеленый зал.

Бодрик еще не успел далеко уйти, когда Геннард принес нам новые подносы с обильной ализонской едой, которую он собрался нам подать, но Казариан снова отослал его «заниматься более важными делами».

Закрыв за ним дверь, Казариан коротко бросил:

— Твой обман сразу раскроется, если Геннард увидит тебя за едой. Тебя выдадут твои ровные зубы. Поэтому тебе придется следить за тем, чтобы не показывать зубы в присутствии Гурбориана и Гратча. Будем считать, что предполагаемая лихорадка Волориана не позволяет тебе есть приготовленное угощение.

Я проглотила еще немного ализонской еды, поклявшись не раскрывать рот во время встречи баронов.

Наконец, Казариан повел меня вниз, в просторный зал. Он остановился перед высокими двойными дверями, которые вели внутрь обширного помещения. Стены были завешены колышущимися зелеными портьерами, вышитыми золотой нитью. Три огромных железных светильника, стоявших на полу, давали достаточно света, но на большом столе в центре комнаты были зажжены свечи. Посреди стола лежал также меч в ножнах, с оправленной в серебро рукояткой. А на длинном столе, протянувшемся вдоль стены, Геннард сервировал обильный холодный ужин.

Казариан сразу же схватил меч и выдернул его левой рукой из ножен, после чего последовал неожиданный шквал выпадов и ударов. Как я и предполагала, он обращался с оружием удивительно свободно. Явно удов-

летворенный, он убрал меч в ножны, затем окинул пристальным взглядом портьеры. Позади одного из больших резных кресел вертикальные складки ткани прикрывали нишу в каменной стене. Казариан спрятал меч в узком пространстве и, поправив портьеру, повернулся ко мне.

— Хочу предупредить, чтобы ты избегала даже царапины от любого баронского меча — они могут быть смазаны ядом, здесь это вполне обычное дело. Ты говорила, что умеешь обращаться с посохом — а как насчет меча или кинжала?

Покачав головой, я написала на своей доске:

«Самострел, посох — но не меч. Могу ударить кинжалом, если вблизи».

Я коснулась рукоятки одного из кинжалов у себя на поясе, но Казариан нахмурился.

— Лучше не стоит,— сказал он.— Кроме того, всем нам придется разоружиться - формально, конечно,— прежде чем начнется наша встреча. У меня нет никаких сомнений, что и у Гурбориана, и у Гратча будет при себе спрятанное оружие, того же они ожидают и от нас, но обычай есть обычай. Естественно, они не сочтут оружием твой посох. Ализонские бароны не сражаются палками.

«В Долинах сражаются»,— твердо написала я.

— Я слышал,— улыбнулся Казариан, затем его лицо вновь посерьезнело.— Когда Гурбориан будет обращаться к тебе,— сказал он,— ты должна писать на своей доске так быстро, как только можешь, но так, чтобы ни Гурбориан, ни Гратч не видели, что именно ты пишешь. Читать за тебя вслух буду только я. Таким образом я смогу отвечать на вопросы о том, чего ты можешь не знать. Пусть тебя не пугают надменные манеры Гурбориана или Гратча. Ты — барон Волориан из Рода

Кревонель, а он не обязан считаться ни с кем, кроме самого Лорда-Барона.

В открытых дверях появился Бодрик. Он был одет в камзол с высоким воротником, скрывавшим раненую шею, и казался вполне готовым к схватке, если она все же произойдет.

— Прибыли гости из Рептура, хозяин,— доложил он.

— Мы встретим их у входа,— ответил Казариан.

Проходя за ним следом через двойные двери, я заметила тяжелую деревянную балку, лежавшую у стены возле порога, но у меня не было возможности спросить Казариана о ее назначении.

Сразу за дверью выстроились в ряд позади Бодрика четверо вооруженных телохранителей Казариана. Лицом к ним стояли четверо, столь же хорошо вооруженных, ализонцев, одетых в яркие ливреи цвета охры с черным кантом. В воздухе висел дух взаимной вражды, столь же отчетливый, как если бы между ними разбили о каменный пол бутылку с дурно пахнущей жидкостью. Не обращая внимания на мелких сошек, Казариан направился прямо навстречу их приближающимся хозяевам.

Я сразу же узнала Гурбориана, уже известного мне по моим видениям в Лормте. Он был коренаст и широкоплеч, с более широким лицом, чем у Казариана, с более плоскими скулами и более крючковатым носом. Его темно-зеленые глаза напоминали испорченную во время обжига гончарную глазурь. Показная пышность его костюма внушала мне отвращение. Красный, словно кровь-вино, бархатный камзол был испещрен черными атласными вставками, швы вокруг которых были окаймлены жемчугом. На его плечах висела изящная золотая цепь, украшенная красными драгоценными

камнями, такие же камни сверкали в перстнях на обеих короткопалых руках. Даже его черные высокие сапоги были украшены золотой инкрустацией. Однако камня Эльзенара на нем не было. Если он и принес его с собой, то прятал его от посторонних глаз.

Следом за ним шагал высокий и тощий человек — судя по всему, печально знаменитый Гратч. Как и большинство уроженцев Горма, он отличался внешностью от представителей Древней Расы. Его соломенно-желтые волосы и голубовато-зеленые глаза казались неуместными среди более бледных ализонцев. Когда он подошел ближе, я заметила складки в углах его рта, словно ему часто приходилось хмуриться. Цвет и вид его камзола из темно-красно-коричневой рубчатой фланели неприятно напомнил мне окровавленные бинты Бодрика. Цепь на его шее, хотя и не столь тяжелая и украшенная, как у его господина, тем не менее была из чистого золота.

Я не могла удержаться от сравнения двух стоявших друг против друга сторон. Рядом с Гурборианом и его людьми, люди Кревонеля выглядели совершенно невыразительно. Казариан упоминал о том, что предпочитает более простой стиль жизни, нежели другие бароны; теперь я лучше понимала, что он имел в виду.

Быстро решив, что буду подражать поведению самого надменного человека из всех, кого я знала, торговца из Карстена, высокомерные манеры которого всегда приводили в ярость дядю Паранда, я смерила Гурборианa ничего не выражающим взглядом.

Гурбориан оскалил клыки в лицемерной улыбке и провозгласил:

— Получив твое послание, Волориан, я понял, что лишь крайне важная для Кревонеля причина могла оторвать тебя от твоих псов в столь критический момент.

Я быстро нацарапала что-то на своей доске, чтобы Казариан «прочитал» мой ответ. Он ловко повернул доску так, чтобы Гурбориан ничего не видел, и передал ему якобы мои замечания:

— Разве это не самое подходящее время для тайной встречи? Я не пропускал Первого Щенения со времен заморской войны. Ни один барон не подумает, что я мог бы сейчас бросить свою свору.

— Хитрая уловка,— похвалил меня Гурбориан,— но не может ли кто-нибудь... проболтаться насчет твоего отсутствия?

— Определенно — нет,— возразил Казариан.— На Псаря Волориана можно полностью положиться. Никто не узнает о нашей встрече — по крайней мере, не от кого-то из замка Кревонель.

— И, могу вас заверить, не из поместья Рептур,— искренне заверил Гурбориан.

Казариан вытер мою доску носовым платком и вернул ее мне.

— Давайте разоружимся,— предложил он,— и начнем нашу беседу.

Все четверо выложили устрашающее количество ножей на стол за дверью зала.

Поскольку я была самым старшим и, очевидно, самым главным участником этой встречи, я вошла в зал первой и заняла хозяйское кресло с высокой спинкой. Казариан подождал, пока войдут двое гостей, затем закрыл двери и, нагнувшись, поднял заинтересовавшую меня деревянную балку. Теперь я поняла, для чего она нужна — он опустил ее в железные скобы, привинченные по обеим сторонам двойных дверей, заперев нас внутри и при этом оставив наших вооруженных телохранителей снаружи.

21

Казариан — события в замке Кревонель (20 день, Луна Ножа/21 день, Месяц Ледяного Дракона)

Спускаясь по лестнице впереди Мерет по пути в зал, где мы должны были встретиться с Гурборианом и Гратчем, я обдумывал ее реакцию на события сегодняшнего вечера. Ее явно потрясла неожиданная встреча с волколаком в моей спальне, но, к моему удивлению, она не упала в обморок от страха. Учитывая, что ей никогда прежде не приходилось видеть подобных зверей и что сперва она сочла его живым, она среагировала вполне разумно, отскочив в сторону и схватившись за свой посох, чтобы отразить нападение. На меня произвела впечатление ее выдержка — весьма необычная для женщины. Не испугал ее и вид ран вернувшегося Бодрика. Более того, она оказала весьма уместную помощь, своевременно налив ему бокал вина и продемонстрировав явное умение обращаться с бинтами. Судя по ее действиям, ее участие в войне Ализона с Долинами было достойно уважения.

Когда Бодрик сообщил, что убил Лурска, начальника стражи Гурбориана, стало ясно, что я могу доверять смотрителю моего замка. Иначе я должен был предположить, что Гурбориан ухитрился подкупом или запугиванием склонить Бодрика на сторону Рептура и послал его обратно в Кревонель в качестве шпиона. Однако я знал, что Бодрика связывает со мной нерушимая кровная клятва. Он пошел на немалый риск, соблазнив Лурска на дуэль на территории Рептура, но поступок его был вознагражден. Сразу же после того, как Лурск погиб, вмешался Гратч и не позволил воинам Рептура убить

Бодрика. Как и рассчитывал Бодрик, его тотчас же отвели к Гурбориану, который справедливо признал, что потеря начальника стражи куда менее важна, чем потенциальная возможность союза с Кревонелем. Вместо того чтобы убить Бодрика, Гурбориан позволил ему вернуться в Кревонель с ответом на приглашение Волориана. Как мы и надеялись, барон с телохранителями из стаи Рептура намеревался прибыть в Кревонель в полночь.

Я отправил Геннарда, чтобы тот подготовил подобающее случаю угощение в зеленом зале и отнес туда отравленный меч моего родителя. По ализонскому обычаю, бароны всегда разоружались, прежде чем войти в зал переговоров, куда обычных телохранителей не допускали. Этот обычай был введен, чтобы уменьшить вероятность вооруженных стычек между смертельными врагами, но со временем участники переговоров начали запасаться спрятанным оружием, на случай, если в запертой комнате все же начнется схватка.

Бодрик объявил о прибытии гостей из Рептура. Мне понравились все четверо воинов, которых выбрал мой смотритель. Я узнал троих из телохранителей Рептура — все они были достойными бойцами, но не чета нашим.

Гурбориан и Гратч были одеты весьма пышно. Я наблюдал за Мерет, не выдаст ли ее страх, но, к моей великой радости, она вела себя вполне убедительно; своей авторитетной манерой держаться она напомнила мне старого барона Морагиана.

Как только мы вчетвером разоружились перед входом в зал, Мерет направилась прямо к креслу моего родителя во главе овального стола посреди зала.

Я преднамеренно повернулся ко всем спиной, запирая двери на засов, чтобы Гратч мог сам выбрать

себе место — обычно он никогда не садился спиной к двери, но в данном случае запертые двойные двери гарантировали, что никто не сможет подкрасться к нему незамеченным. Кроме того, он был правшой, и его наверняка привлекала непосредственная близость к Мерет, на расстоянии броска ножа. Меч моего родителя удобно расположился у меня под рукой, когда я занял кресло напротив Гратча, слева от Гурбориана и справа от Мерет.

Геннард приготовил для нас поднос с угощением. Направляясь к своему креслу, я расставил три золотых кубка и щедро налил лучшего в Кревонеле кровь-вина нашим гостям. Естественно, они подождали, пока я попробую из своего бокала, прежде чем отпить из своих.

Гурбориан, нахмурившись, посмотрел на пустые руки Мерет.

— Возможно ли,— спросил он,— что ты избегаешь столь великолепного напитка, Волориан?

Мерет, не раскрывая рта, изобразила скорбную гримасу и, набросав что-то на своей доске, протянула ее мне. Там было написано:

«Лихорадка. Не могу ни есть, ни пить».

— К моей великой печали,— произнес я вслух,— лихорадка лишила меня вкуса, и я не могу по достоинству оценить ни еду, ни питье.

Гурбориан слегка расслабился, сидя в своем кресле.

— Какая жалость,— сказал он.— Когда твой вкус возвратится к тебе, потребуй от Казариана, чтобы прислал тебе несколько бочонков этого вина. Оно воистину достойно похвалы. Согласен, Гратч?

— Несомненно, милорд,— послушно ответил Гратч.

Мерет постучала посохом о пол и властно подняла руку. Гурбориан хрипло рассмеялся.

— Ты всегда был нетерпелив, Волориан,— сказал он,— как на словах, так и на мечах.— Он снова повернулся к Гратчу.— Будь любезен, объясни благородному барону, какие необычайные возможности ожидают его и Кревонель, если он вступит в союз с Рептуром, помогая нашему новому предприятию.

Вряд ли можно было сказать о Гратче, что он хоть когда-либо действовал прямолинейно и открыто. Я вспомнил, как Волориан писал, что, если целью Гратча, крутившегося возле наших владений, было шпионить за Эскором, странно, что он действительно забрался в пограничный район — более естественным для него было бы отправиться на корабле в Карстен и проделать самый извилистый из всех возможных путей. Мне было крайне любопытно услышать, каким образом Гратч попытается убедить нас преодолеть традиционное для нашего Рода отвращение к магии. И, как и следовало ожидать, он начал приближаться к своей цели самыми окольными путями.

— Естественно, мы ничего не в силах добавить к той выдающейся репутации, которой пользуется Род Кревонеля,— заявил Гратч, обращаясь к Мерет.

Мерет кивнула, словно признавая общеизвестный факт.

— Похоже,— продолжал Гратч,— что ты больше не принимаешь активного участия в делах замка Кревонель, будучи, несомненно, занят разведением своих знаменитых псов у себя в поместье.

Мерет снова кивнула и беспокойно побарабанила пальцами по крышке стола.

Гратч невозмутимо продолжал приближаться к сути разговора.

— Мой лорд и я тщательно обдумали все, что могли бы предложить тебе взамен на некоторую... перемену

мнения с твоей стороны,— сказал он.— Мы знаем, что наше предложение и без того привлекательно для тебя, но порой некоторые... дополнительные факторы могут ускорить принятие решения.

Мерет внезапно стукнула посохом о пол, отчего Гратч слегка запнулся:

— Б-благородный барон?

Она написала на своей доске лишь одно слово. Я взял ее так, чтобы Гурбориан и Гратч видели жирно написанный вопрос:

«Условия?»

Пока она стирала надпись с доски, я добавил:

— И какие действия потребуются взамен от Кревонеля?

Гурбориан подпер подбородок украшенной перстнями рукой, выжидающе глядя на нас. Он был явно доволен,— по крайней мере, сейчас,— что вместо него говорит Гратч.

Гратч жадно отхлебнул из своего кубка.

— Как я понимаю,— сказал он,— в своре благородного барона недостает представителей лишь одной породы, которую разводит исключительно барон Болдук.— Голос его приобрел льстивый оттенок, словно он пытался убедить едва отнятого от матери щенка впервые сунуть голову в ошейник с шипами.— Недавно барон Болдук с готовностью принял наши предложения. Если и ты присоединишься к нам, вполне вероятно, что он любезно предоставит тебе своих лучших производителей.

Мерет смерила Гратча уничтожающим взглядом, явно намекая на то, что столь примитивный подкуп — без каких-либо объяснений, что требуется взамен,— даже не заслуживает каких-либо комментариев.

Момент показался мне самым подходящим для того, чтобы отвлечь их внимание и, возможно, заставить сказать несколько больше, чем они намеревались.

— Что касается Болдука,— заметил я,— я слышал недавно, что его младший щенок неожиданно умер во время Новогоднего Сбора... кажется, на шестой день? Старый барон, наверняка, вне себя от горя.

Гурбориан изобразил скорбную гримасу, но глаза его довольно блеснули.

— Именно так,— сказал он.— Я поспешил к нему, едва лишь печальная весть достигла Рептура. Как я и подозревал, причиной смерти стала их старая вражда с Ферликианом. Барон Болдук был крайне благодарен мне за сочувствие.— Он повернулся к Мерет.— Ты, наверняка, захочешь с ним поговорить, поскольку вы оба давно уже испытываете одни и те же чувства по отношению к некоторым... вопросам. Болдук полностью пересмотрел свои прежние убеждения, оценив ту выгоду, которую может принести ему наше предприятие.

Мерет написала несколько слов, и я лишь прочел их вслух:

— Подробности этого предприятия?

Гурбориан кивнул Гратчу, который опустил палец в кровь-вино и провел алую черту на крышке стола. Когда он добавил еще несколько линий, я понял, что он рисует грубую карту границ Ализона.

— С тех пор как был разрушен наш необдуманный союз с колдерами,— заявил Гратч,— мой лорд и я посвятили себя разработке нового, более удачного плана расширения ализонских владений. В течение долгого времени заклятия Ведьм Эсткарпа не давали нам свободно продвигаться на юг. Вот здесь — где Запретные Холмы уходят в бескрайние топи Тормарша — Лорд-Барон пытается пробиться уже

несколько лет, но колдовские заклятия не пропускают никого, кроме жалкой горстки шпионов. Несколько лун назад...— Гратч пристально посмотрел на Мерет, затем добавил: — как тебе, наверняка, известно, благородный барон, я путешествовал в окрестностях твоих владений, пытаясь разведать, что происходит в горах на границе с Эскором.— Он отметил пальцем две точки.— Здесь... и здесь, мой лорд искал сведений о неких могущественных силах, которые могли бы помочь нам покарать Эсткарп...

— И ты осмелился хотя бы помыслить о гнусных Магах Эскора? — перебил я его. Мне нетрудно было изобразить неприкрытый страх, учитывая внушающую ужас угрозу со стороны Эскора.

— Успокойся, досточтимый Казариан,— промурлыкал Гурбориан.— Говорят, ты искусно владеешь мечом. Разве ты откажешься от самого острого из всех возможных клинков лишь потому, что тебе не нравится, как украшена его рукоять? Подумай о том, какие преимущества дает наша стратегия. Кто еще мог бы противостоять — собственно, превзойти — Ведьм Эсткарпа? Единственная сила Ведьм — это их магия. Почему бы нам не обратить себе на пользу еще более могущественную магию? Как ученый, ты должен знать, что в далеком прошлом именно Маги Эскора первыми изгнали Ведьм через горы в Эсткарп.

Гратч наклонился вперед, ткнув мокрым от вина пальцем в ту часть своей карты, которая изображала Эскор.

— Как и Ализон,— заявил он,— Эскор не забывает ни старых оскорблений, ни старых врагов. В течение тысячи лет Эскор тоже был отгорожен заклятием от Эсткарпа. Их Маги, наверняка, все еще питают надежды на будущую месть.

— Что скажешь, Волориан? — спросил Гурбориан.— Наверняка, ты не станешь оплакивать гибель колдеров — ненадежных чужаков, бесславно проигравших сражение с Ведьмами. Эскор рядом, он в течение столетий копил Силу. Почему бы нам не завладеть столь многообещающим средством для расширения границ Ализона и в то же время — орудием мести за честь твоих Прародителей?

Мерет изучила карту Гратча, затем написала на своей доске:

«Кревонель всегда ненавидел магию. Как данный заговор может помочь Кревонелю?»

Я кивнул, словно в знак согласия, и «прочитал» вслух:

— Ты прекрасно знаешь, какую позицию всегда занимал наш Род в отношении магии: это отвратительное и неприемлемое для нас занятие. Как можешь ты предполагать, что Кревонель согласится на столь гнусный союз?

— Но ведь в самом Ализоне никакой магии не будет,— быстро возразил Гратч.— Вся ярость Эскора будет направлена исключительно против Эсткарпа.

Мерет зловеще взглянула на него, снова что-то коротко написала и протянула мне грифельную доску. Я восхищался ее выдержкой — даже настоящий Волориан не мог бы вести себя лучше. Она прекрасно подобрала слова, и я просто прочел их:

— А если Эскор одержит верх над Эсткарпом, кто станет их следующей жертвой?

Гратч побагровел.

Гурбориан громко рассмеялся.

— Я думал, годы, проведенные вдали от двора, притупили твой разум,— воскликнул он.— Теперь я вижу, что он все еще столь же остр, как и клыки твоих псов. Хороший вопрос. Пока мы не завершим наши перего-

воры, я не могу вдаваться в подробности, но можешь быть уверен, что Ализон получит власть над всеми землями к западу от гор. На меньшее я не рассчитываю.

— Ты можешь сообщить нам имена тех, кто ведет переговоры со стороны Эскора? — спросил я.

Гурбориан покачал головой.

— Увы, нет. Пока что наши контакты должны оставаться в тайне. Как ты понимаешь, таково настоятельное требование наших союзников.

— Но ведь ты имеешь дело с признанными магами,— настаивал я.

— Конечно,— огрызнулся Гурбориан.— От прочих нам мало пользы.

Мерет подала мне доску. Я снова прочитал вслух ее слова:

— Каким образом ты намереваешься контролировать Магов Эскора? Не попытаются ли они захватить Ализон с помощью своей гнусной магии?

— Нет, нет,— возразил Гурбориан.— Ты не понял. Мы будем иметь дело лишь с наиболее могущественными врагами Эсткарпа, с теми магами, кто больше всех жаждет мщения. Мы заверим их, что, как только они уничтожат Ведьм, Ализон будет править всем Эсткарпом. Их собственному суверенитету к востоку от гор ничто не будет угрожать, это мы гарантируем. Представь, какие преимущества они получают: стабильная граница, надежная защита с запада — возможно, мы даже позволим себе начать взаимовыгодную торговлю.

Я сделал вид, что слова его произвели на меня впечатление.

— Звучит весьма заманчиво для обеих сторон,— заметил я.— Лорд-Барон, наверняка, похвально отнесся к твоему предложению.

Гратч поколебался, наливая себе еще кровь-вина.

— Вообще-то... — начал он, но Гурбориан перебил его.

— Норандор пока ничего не знает о нашем предприятии, — сказал он. — Мы предпочитаем подождать завершения наших переговоров.

— Значит, вы пока не нашли Магов, которых ищете, — заявил я, вынуждая его признаться... или солгать.

— Это дело тонкое, — Гурбориан сделал знак Гратчу, чтобы тот вновь наполнил его кубок. — Мы действуем параллельно, подобно двум псам, идущим по двум разным следам. Гратч ищет потенциальных союзников в Эскоре, я же привлекаю на нашу сторону баронов. Одно лишь помогает другому. На Магов произведет большее впечатление солидная группа единомышленников-баронов, так же как и на баронов — могущество Магов, с которыми нам придется иметь дело.

— Я бы сказал, — заметил я, — что поиск Магов Эскора — дело сложное и даже опасное.

Говоря, я внимательно разглядывал Гратча. Часто те, кто хвастается каким-либо умением, например знанием ядов, не могут понять, что и другие могут наткнуться на некие полезные сведения из той же области, о которых им самим может быть ничего не известно. Среди древних рукописей Кревонеля я в свое время нашел изгрызенное крысами описание некоего редкого корня, который, если его высушить и истолочь, мог развязать язык кому угодно. Отыскав и приготовив этот корень, я осторожно попробовал щепотку порошка, чтобы проверить, не почувствуется ли его вкус в вине, и заодно — какое действие он окажет на ализонца, поскольку документ был захвачен во время морского набега у потерпевших кораблекрушение из Верлейна. Кроме легкого ощущения тепла, я ничего больше не почувствовал, но решил, что стоит испытать порошок

на Гратче, родной остров которого, Горм, находится достаточно близко от Карстена, а значит, снадобье может оказаться более действенным. Поэтому я высыпал щепотку порошка из потайного отделения в моем перстне в первый кубок Гратча. Теперь я с удовольствием наблюдал за тем, как участилось его дыхание, а на лбу выступили капли пота. Мне было интересно, как он ответит на мою реплику.

— В горах у границы куда больше магов, чем ты думаешь,— выпалил Гратч.— Конечно, большинство из них — лишь бесполезные, самоуверенные глупцы. Помню одного, на которого наткнулся прошлым летом,— старого отшельника, который варил какое-то зелье, якобы придающее телу невероятную силу и выносливость. Его столь поразил эффект, который он испытал, опустив в него пальцы, что он велел ученику наполнить зельем целую ванну и погрузился в нее целиком.

— Подобное снадобье могло бы оказаться крайне ценным для солдат,— заметил я.— Полагаю, магу оно пошло на пользу?

Гурбориан нахмурился.

— Старый идиот умер от чрезмерного возбуждения,— с горечью сказал он,— а его придурок-ученик так перепугался, что опрокинул ванну, дочиста вымыл пол и сжег единственный рецепт снадобья.

— Какая жалость,— посочувствовал я.

Гурбориан пренебрежительно махнул рукой.

— Это лишь мелочь, по сравнению с тем, чего нам удалось добиться. Будущее величие Ализона в наших руках.— Он пристально посмотрел на меня.— Ты не станешь отрицать, что твое слово многое значит для младших щенков твоего Рода. Сколь потрясающие перспективы ты мог бы обещать им, когда границы Ализона протянутся до... даже дальше Карстена! Я крайне

высоко оценил бы твою помощь и мудрое руководство, когда настанут дни нашей славы.— На какое-то мгновение его пальцы повисли над карманом его камзола, словно он собирался что-то оттуда достать, затем, поколебавшись, он положил обе руки на стол.— В дополнение к высокому посту, который я тебе гарантирую,— продолжал Гурбориан,— ты мог бы рассчитывать и на другие награды...

Однако Гратч, который пристально смотрел то на руки Гурбориана, то на одетые в перчатки руки Мерет, внезапно воскликнул:

— Руки! Я ведь слышал кое-что о руках Волориана. Левая рука... этим летом ты лишился части двух пальцев, разнимая псов. Почему твои руки в перчатках?

— От лихорадки руки часто мерзнут,— начал я, но было уже поздно. Прежде чем я успел помешать, Гратч схватил Мерет за левую руку и сорвал перчатку, после чего все увидели, что пальцы ее целы — и не только это.

Гратч смотрел на нее так, словно перед ним была ядовитая жаба. Мерет выдернула руку.

— Это же сучья лапа! — взревел Гратч.— Это не Волориан!

22

Мерет — события в замке Кревонель (21 день, Месяц Ледяного Дракона/20 день, Луна Ножа)

Как только Гурбориан сел за стол, я вдруг ощутила, что камень Эльзенара при нем — столь отчетливо, словно касалась камня кончиками пальцев. Никогда прежде я столь четко не ощущала присутствия предмета, не дотрагиваясь до него.

Я не могла предупредить Казариана, что хитроумное послание Морфью достигло своей цели. Теперь нужно было заставить Гурбориана показать камень — в качестве главной приманки для нас.

Будучи опытным торговцем, я уже оценила богатство Рода Кревонеля. Обстановка замка была не слишком роскошной, но и не бедной. Успев ближе познакомиться с Казарианом, я сомневалась, что его привлекает богатство или плотские утехи. Другие же ализонские бароны жаждали грубой власти — или, как Волориан, обладания первоклассными представителями породы этих чудовищных псов.

Когда Гратч попытался воспользоваться слабостью Волориана, предлагая лучших производителей, я презрительно глянула на него, словно он предложил мне бочонок прогорклого масла. Сделав вид, что моя реакция его вовсе не удивила, Гратч обмакнул в вино палец и нарисовал на столе грубую карту. Я едва подавила дрожь, вызванную нахлынувшими на меня воспоминаниями. Поверхность стола была светлой, выцветшей, словно кожа самих ализонцев. Алые струйки вина текли по ней, словно кровь, неумолимо напоминая мне об ужасах войны, смертях и ранах. Я заставила себя сосредоточиться на ненавистном голосе Гратча, пытавшегося преодолеть легкий акцент уроженца Горма.

Мое сердце забилось сильнее, когда Гурбориан потянулся к карману своего камзола, но затем, поколебавшись, положил обе руки на стол. Гратч смотрел полупьяным взглядом то на руки Гурбориана, то на мои. Прежде чем я успела отдернуть руку, он сорвал мою левую перчатку, взревев, что я не Волориан, а «сука».

Все мы вскочили на ноги, стараясь занять наиболее выгодную позицию. Я сбросила правую перчатку, чтобы удобнее было держать посох.

Как и предсказывал Казариан, и Гратч, и Гурбориан тайно пронесли в зал оружие — Гратч достал из кармана маленький самострел, а Гурбориан вытащил из рукава кинжал с узким лезвием. Казариан тут же выхватил меч, спрятанный за портьерой.

Несмотря на обильное количество выпитого кровьвина, Гратч двигался с удивительной легкостью. Он метнулся ко мне, яростно рыча:

— Прочь с дороги, негодная сука!

Попятившись, я зацепилась каблуком сапога о ножку кресла и потеряла равновесие. Гратч толкнул меня в плечо, сбив с ног. Он явно намеревался выстрелить в Казариана, который был полностью поглощен смертельной схваткой с Гурборианом. Я знала, что стрелы Гратча, наверняка, отравлены и, вероятно, любая царапина оказалась бы гибельной.

Гратч попытался выстрелить, но Казариан, видимо, заметил его движение боковым зрением, поскольку уклонился в сторону, едва Гратч поднял самострел. Гратч невольно шагнул вперед и оказался в пределах досягаемости моего посоха. Приподнявшись с пола, я ударила посохом по его руке, выбив из нее оружие. Самострел упал на каменные плиты и, столкнувшись с ножкой стола, отлетел в мою сторону. Я схватила его и выстрелила прямо в нависшее надо мной лицо Гратча, собиравшегося отобрать у меня оружие. Стрелка воткнулась ему под левый глаз. Дико завопив, он рухнул мне на ноги, но я откатилась в сторону, под стол. На случай, если он погонится за мной, я, как можно быстрее, развернулась кругом, но за Гратча можно было уже не беспокоиться. Яд, которым были смазаны его стрелки, действовал мгновенно. Гратч лежал там, где упал; в глазах его застыл ужас, а конечности дергались, словно у обезглавленной ящерицы. Я вдруг поняла, что он просто не ожидал отпора от «негодной суки».

23

Казариан/Мерет — события в замке Кревонель, затем в Лормте
(20 день, Луна Ножа/21 день, Месяц Ледяного Дракона)

Казариан

Занятый схваткой с Гурборианом, я услышал, как ударилось о каменный пол тело Мерет, но смог лишь бросить в ту сторону короткий взгляд. Гурборианяростно нападал, и я вынужден был полностью переключиться на наш поединок. Еще мгновение спустя, раздался вопль Гратча. Я отступил назад к столу, чтобы посмотреть, что случилось с Мерет. Одновременно я опрокинул на пути Гурборианакресло, пытаясь задержать его.

Я не сразу увидел Мерет, но Гратч был мертв — он лежал у стола, с искаженным от ужаса лицом. Видимо, Мерет каким-то образом воспользовалась его самострелом и выстрелила — что было с ее стороны весьма неожиданно и вместе с тем удачно. У меня не было времени искать Мерет, поскольку Гурборианвновь начал наседать на меня. На случай, если Мерет жива и прячется под столом, я отвлек Гурборианав дальний конец зала. Из-за запертой на засов двери доносился шум борьбы — несомненно, Бодрик и его люди сражались с четверкой Рептура. Я был уверен, что Кревонель победит в этой схватке; точно так же я был уверен в том, что окажусь победителем по эту сторону дверей.

Мерет

Переведя дух, я поняла, что, кроме звона клинков в зале, до моих ушей доносится и шум борьбы за дверью. В дальнем конце зала настороженно кружили двое ализонцев. Я содрогнулась при мысли о том, что, поскольку оба клинка отравлены, малейшая царапина может стать смертельной. Я подползла ближе, надеясь подсунуть посох под ноги Гурбориану, но его охотничьи инстинкты, такие же как и у Казариана, предупредили его о моем приближении. Отбросив кинжал, чтобы освободить руки, Гурбориан опрокинул один из железных светильников, преградив путь Казариану, и швырнул в меня тяжелое кресло. Меня отбросило к каменной стене.

В отчаянии я попыталась отползти в сторону, но кресло упало сверху, едва не раздавив мне ногу. Боль была столь сильной, что у меня помутилось в глазах. Когда мое зрение, наконец, прояснилось, я увидела, что Казариан, рванув на себя стоявший у стены столик, с размаху бросил его в Гурбориана, сбив того с ног. Затем Казариан поспешил ко мне, чтобы освободить меня от тяжелого кресла. Я села на пол, чувствуя, как все плывет перед глазами. Каким-то образом мне удалось не выронить посох, что оказалось кстати. Гурбориан, уже поднявшийся с полу, подбирался к Казариану сзади, занося над его головой отломанную ножку кресла. Я ухитрилась ткнуть Гурбориана под ребра, частично отразив его удар, так что он пришелся на правую руку и плечо Казариана, а не на его голову. Зарычав, Гурбориан со всей силы пнул мою вытянутую ногу. Я почувствовала, как ломается кость. Вероятно, он ударил бы меня еще раз, но Казариан, хотя и наполовину оглушенный, развернулся к нему и выставил перед собой меч, который перехватил левой рукой.

Гурбориан поколебался, отступая от обнаженного клинка Казариана.

— Правая рука у тебя, похоже, висит,— заметил он с хищной усмешкой.— Уж не сломана ли?

Казариан столь же неприятно усмехнулся в ответ.

— От твоего пустячного удара она может лишь на время онеметь — ну, может быть, еще небольшая царапина,— сказал он, прочертив клинком сложную фигуру в воздухе.— Учитель Шивар всегда настаивал на том, чтобы я одинаково хорошо владел обеими руками. Так что можешь не надеяться, что обезоружил меня.

Гурбориан прорычал несколько слов по-ализонски, которых я не знала, но содержание их было явно оскорбительным. Лицо Казариана посуровело. Он смерил Гурбориана ледяным взглядом и заявил:

— Ты навлек позор на весь Род Рептура.

Внезапно я ощутила резкий запах горящей или тлеющей ткани. Угли из опрокинутого светильника подожгли разорванную обивку кресла, плащ Гурбориана и смятую скатерть, сорванную со стола в самом начале поединка. К моему ужасу, пламя становилось все ярче, подбираясь к моим искалеченным ногам, которыми я не в силах была пошевелить, как ни старалась. Я в отчаянии взмахнула посохом, чтобы привлечь внимание Казариана.

Казариан

Отступая под натиском моего меча, Гурбориан оскорбил моего родителя и всех его предков. Теперь я просто обязан был перерезать ему горло — впрочем, я все равно собирался это сделать.

Краем глаза я заметил какое-то движение. Не в силах привлечь мое внимание криком, Мерет размахива-

ла посохом. Высыпавшиеся из светильника угли подожгли разбросанный на полу мусор, и огонь подбирался к ней. Сорвав гобелен со стены, я набросил его на Гурбориана. Я знал, что даже столь тяжелая ткань не сможет надолго задержать моего врага. Хотя мне мешала онемевшая правая рука, я сунул меч подмышку, схватил за край перевернутый столик и швырнул его в запутавшегося в ковре Гурбориана.

Теперь можно было помочь Мерет. У меня не было времени обходить кругом пламя, пожиравшее брошенный плащ Гурбориана и прочий хлам. Шагнув прямо в огонь, я оттащил Мерет в более безопасное место, затем с помощью уцелевшего плаща Гратча затушил пламя и разбросал оставшиеся угли и мусор.

Мерет

Казариан бросился мне на помощь прямо сквозь огонь, схватил меня за сапоги и потащил в сторону, подальше от грозящей мне опасности.

Выпутавшись из наброшенного Казарианом ковра, перед нами возник Гурбориан, словно раненый кабан, выскочивший из своего логова. Глаза его горели от дикой ярости, из царапины на лбу текла кровь. Он уже подобрал свой кинжал и неуклюже двигался в нашу сторону, намереваясь напасть на Казариана, пока тот занимался моим спасением. Заметив его приближение, Казариан развернулся кругом, выхватив меч и принял защитную стойку, заслонив меня.

Стремясь пробить оборону Казариана, Гурбориан рванулся в атаку, но споткнулся об один из упавших кубков. Казариан тут же прыгнул вперед и перерубил вытянутую руку Гурбориана. Не сумев устоять на ногах, Гурбориан тяжело рухнул на пол. Мгновение он

лежал неподвижно, затем издал пронзительный вопль. Когда он рывком перевернулся на спину, мы увидели, что у него не только отрублена рука, но он еще и напоролся на свой собственный кинжал. Задыхаясь, Гурбориан в агонии умолял:

— Прошу тебя... убей... яд...

Казариан осторожно приблизился к поверженному врагу, так чтобы не оказаться в пределах досягаемости кинжала. Однако то, что он увидел, заставило его сделать три быстрых шага вперед и пронзить сердце Гурбориана. Вытащив и вытерев меч, Казариан опустился на колено возле тела. Когда он встал, в его руке на мгновение блеснул какой-то серебряный предмет, который он сунул в карман камзола, а затем поспешил ко мне.

Если бы не ужасная боль в ноге, я бы улыбнулась, увидев гримасу отвращения на лице Казариана. Вокруг царил страшный беспорядок. Успев познакомиться с обстановкой замка Кревонель, я знала, что его хозяин любит, когда все вокруг аккуратно расставлено по местам. Теперь же учиненный в зале разгром беспокоил его даже больше, чем собственные кровоточащие раны.

Нагнувшись, он поднял меня на руки. Он был очень силен. Я помнила, как он держал меня во время нашего магического прыжка в замок, и только что видела его в бою, и потому безмерно удивилась тому, каким нежным оказалось его прикосновение. Он усадил меня в единственное уцелевшее кресло, затем повернулся к запертой двери.

Я вытерла выступившие от боли слезы, с трепетом наблюдая за своим союзником. Снаружи больше не было слышно никаких звуков борьбы, но мы не знали, чьи телохранители одержали верх — Кревонеля или Рептура.

Казариан

Снаружи было уже тихо, но я чувствовал, что следует действовать осмотрительно. Сняв засов, я осторожно открыл дверь, держа в руке меч.

Я оказался прав, решив не выскакивать за дверь сломя голову, поскольку прямо перед дверью стоял Бодрик с топором, готовый нанести сокрушительный удар. Конечно, удар предназначался нашим врагам — на тот случай, если бы им удалось одержать верх,— но в спешке случаются весьма досадные ошибки. Я искренне похвалил Бодрика, а он сообщил, что все люди Рептура и двое наших мертвы.

— Входи,— приказал я.— Нужно поскорее избавиться от наших высокопоставленных гостей. Барон Гурбориан, на свою беду, смазал свой кинжал ядом, разлагающим плоть, так что будь осторожен.

Бодрик бросил взгляд на то, что осталось от Гурбориана, и улыбнулся.

— Самый безопасный способ отнести эту падаль к реке — завернуть ее в какой-нибудь ковер,— сказал он. Окинув взглядом царивший в зале беспорядок, Бодрик добавил: — Геннард будет весьма недоволен, хозяин. Он терпеть не может грязи. Могу поспорить, поломанная мебель его тоже не обрадует.

— Геннард может заняться уборкой утром,— заметил я.— Проследи, чтобы яд не просочился сквозь ткань, когда будешь поднимать эти... останки. Труп Гратча особого обращения не требует; для своих стрелок он, судя по всему, выбрал удушающее зелье. Я займусь ранами благородного барона. Возможно, нам потребуется костоправ.

Бодрик с уважением отдал честь Мерет, затем ушел за помощью. Я поднял Мерет на руки и как можно

быстрее понес ее к ближайшему коридору, ведущему в подземелья моего замка.

К счастью, правая рука уже оправилась от последствий удара Гурбориана. Если бы Мерет столь умело не отразила своим посохом удар, нацеленный мне в голову, я, скорее всего, был бы уже мертв. К сожалению, я не мог спросить ее, насколько сильно она пострадала. Глаза ее были закрыты, но я не знал — просто от усталости или же она потеряла сознание от боли и слабости. Я не смел остановиться, чтобы попросить ее написать что-нибудь на грифельной доске. Мне самому приходилось ломать кости во время охоты и в схватках, и я понимал, что сейчас она испытывает сильную боль. Я пытался двигаться как можно быстрее и при этом как можно меньше ее трясти. Тем не менее путь до комнаты с порталом показался мне бесконечным. Я был рад, что незадолго до встречи с Гурборианом предусмотрительно спустился вниз и зажег факелы, обеспечив нам освещенный путь, на случай, если придется спешно — или с боем — отступать к порталу, завладев камнем Эльзенара. Поскольку на руках у меня была Мерет, я не мог нести факел или свечу.

Добравшись, наконец, до нижнего коридора, я вынужден был положить Мерет на пол, чтобы достать Ключ Старшего и отпереть дверь, ведущую к порталу. Вспомнив, как в прошлый раз эта дверь закрылась позади меня, я предположил, что и теперь магия сработает так же, едва мы войдем в комнату. Мне все же стало не по себе, когда я увидел, как тяжелая дверь захлопывается у меня за спиной, но меня почти сразу же отвлекло возникшее в воздухе противоестественное светящееся пятно. Портал открылся. Подняв Мерет, я шагнул в него, надеясь, что в Лормте ждут нашего возвращения.

Судя по всему, Оуэн распорядился, чтобы в лормтском подвале постоянно кто-то дежурил. Когда я появился там, неподалеку стоял пожилой ученый, на лице которого застыли удивление и страх. Я напрягся, пытаясь подобрать подходящие эсткарпские слова.

— Не стой так,— сказал я ему.— Позови лекаря!

Он молча схватил фонарь и бросился к дальней двери, но навстречу ему уже спешили двое.

К нам быстрым шагом приближались подруга Дюратана и Мудрая, узнавшие, благодаря своим колдовским способностям, об открытии портала. Увидев, что Мерет ранена, они перешли на бег. Отправив ученого, чтобы тот сообщил о нашем возвращении остальным, они помогли мне уложить Мерет на деревянную скамейку.

— Что с ней? — спросила Мудрая.

— Нам пришлось драться,— ответил я.— Гурборианин и Гратч мертвы. Похоже, у Мерет сломана нога.

Мудрая осторожно ощупывала тело, руки и ноги Мерет.

— Несколько ребер тоже сломаны,— бросила она,— и кто знает, что еще.— Она яростно уставилась на меня, словно считая лично ответственным за случившееся.

— Ты тоже ранен? — спросила подруга Дюратана, поднимая фонарь, чтобы лучше осветить меня.

— Всего лишь пара царапин,— ответил я.— Займись женщиной — ее раны куда более серьезны.

Мерет внезапно открыла глаза и пошевелила пальцами.

— Кажется, она просит свою доску,— заметила подруга Дюратана. Она повернулась к Мерет.— Ты этого хочешь?

Мерет отчаянно закивала. К счастью — или, возможно, благодаря многолетней привычке — доска и

мел остались в кармане камзола Мерет. Мудрая достала их, а подруга Дюратана помогла Мерет сесть, чтобы та могла писать. Я поднял фонарь так, чтобы на доску падало побольше света.

24

Мерет — события в замке Кревонель и Лормте (21 день, Месяц Ледяного Дракона/20 день, Луна Ножа)

Мучения, которые доставляло мне поврежденное правое бедро, и жгучая боль в левом колене заглушили все неприятные ощущения, связанные с путешествием через портал. Я поняла, что вернулась в Лормт, лишь когда ко мне обратилась Нолар, а Джонджа достала из кармана моего камзола грифельную доску — всего-навсего треснувшую. Постепенно ко мне стали возвращаться и другие чувства, помимо боли. Я с удивлением ощутила то же мысленное воздействие, что и раньше, за столом переговоров в Кревонеле, но на этот раз оно было гораздо сильнее.

Вспомнив блеск серебра, мелькнувший в руке Казариана, когда он отошел от тела мертвого барона, я схватила оставшийся у меня кусок мела и написала на доске, дав прочитать Казариану:

«Ты нашел камень. Я чувствую его присутствие. Покажи».

Мгновение поколебавшись, он медленно вытащил цепочку. Сверкающий голубой камень, который я когда-то впервые увидела в Веннеспорте, снова закачался перед моими глазами в Лормте.

Джонджа громко вздохнула.

— Это и в самом деле вместилище великой Силы,— прошептала она.

Нолар задумчиво разглядывала камень.

— Я ощущаю нечто сродни могуществу моего собственного Камня Коннарда,— сказала она.— Возможно, и этот камень обладает подобными же целительными свойствами, которые могли бы облегчить страдания Мерет.

Казариан опустил кулон в мою протянутую руку. Едва камень коснулся моей ладони, все остальные ощущения исчезли, словно провалившись в бездонный колодец. Казалось, прямо у меня в голове зазвучал странный, настойчивый голос, обращавшийся ко мне напрямую. Прежде чем я лишилась способности действовать, мне удалось сунуть руку в карман и разжать пальцы, разорвав контакт с камнем.

Схватив доску, я написала для Нолар:

«Эльзенар вложил в этот камень некое сообщение — срочную просьбу о помощи. Я готова записать его, но у меня дрожит рука. Ты можешь доставить меня в кровать? Боюсь, что от боли я могу в любой момент потерять сознание».

Джонджа насмешливо фыркнула.

— Просьба о помощи, которая ждала тысячу лет, может подождать и еще несколько часов — или дней. Твоя нога и ты сама нуждаешься в помощи лекаря. Куда подевался наш посланник? Он давно уже должен был доложить Оуэну.

У меня снова начало темнеть в глазах, но, как это часто бывает в напряженные моменты, сущий пустяк вдруг показался до крайности важным. Внезапно осознав, что обе мои руки обнажены, я с трудом нацарапала:

«Пожалуйста, извинись от моего имени перед госпожой Беталией. Во время драки с Гратчем я потеряла обе ее прекрасные перчатки».

— Туда им и дорога,— твердо сказала Нолар.— На них даже смотреть было страшно.— Она повернулась к дальней двери и с облегчением улыбнулась.— Не беспокойся. Дюратан уже несет носилки, на которых мы переносили мастера Кестера, когда он упал и сломал ногу.

Голос ее звучал все тише, словно удаляясь, а затем меня окутала кромешная тьма, лишив меня чувств.

Следующим моим ощущением был восхитительный запах бульона. Открыв глаза, я обнаружила, что лежу на прекрасной мягкой постели, откинувшись на груду подушек. Рядом сидела Нолар, помешивая что-то в висевшем над очагом котелке.

Подняв руку, я хлопнула по простыне, чтобы привлечь ее внимание. Она сразу же поспешила ко мне с кружкой бульона и костяной ложкой. Ни один богатый торговец не наслаждался угощением на самом лучшем пиру так, как я наслаждалась этим простым бульоном. Я жестом попросила дать мне грифельную доску, но Нолар ждала, пока я не выпью бульон до последней капли.

Я сразу же заметила, что мою бедную старую доску, проделавшую вместе со мной множество опасных путешествий, сменила новая, оправленная в прочную деревянную раму. Нолар протянула мне мел, и я написала:

«Как долго я спала?»

— Ночь и почти полдня,— ответила Нолар.— Сейчас уже второй час пополудни, и все мы рады передышке после того, что пережили прошлой ночью. Хотя,— добавила она с хитрой улыбкой,— нам всем не терпится услышать опоздавшее на столько лет сообщение Эльзенара. Когда ты почувствуешь себя достаточно хорошо, чтобы передать его нам, об этом желал бы

знать мастер Оуэн. Поскольку в этой комнате все мы вряд ли поместимся, он предлагает поставить кресла в коридоре.

Я вытерла доску и написала:

«Пожалуйста, передай мастеру Оуэну, что и мне тоже не терпится узнать, какое сообщение спрятал Эльзенар в своем камне. Мне пока неизвестно его содержание, но если ты принесешь мне пергамент и чернила, как и в прошлый раз, и стол, который можно поставить рядом с кроватью, я постараюсь записать древнюю просьбу Эльзенара».

Час спустя моя спальня превратилась в аудиторию. Морфью пожелал занять мягкое кресло рядом с моей кроватью, чтобы лучше слышать. Нолар настояла, что рядом со мной будет сидеть она сама, чтобы, как она сказала, ей было легче читать то, что я напишу, а также обеспечивать меня едой и питьем, если они мне потребуются. Оуэн сел возле двери, а Джонджа и Дюратан поставили свои кресла в коридоре, сразу за дверью. Казариан предпочел стоять у изножья кровати.

Пока я спала, Джонджа и Нолар сняли с меня одежду барона, заменив ее длинной полотняной ночной рубашкой, в которой мне было намного удобнее. Они перевязали мои ушибленные ребра и колено и наложили на бедро чудесный компресс, который одновременно согревал меня и снимал боль. Я чувствовала себя намного лучше, чем сразу после возвращения через портал.

Зеленый бархатный камзол Оралиана был аккуратно повешен в ногах кровати. Мне не требовалось дотрагиваться до него, чтобы узнать, что камень Эльзенара все еще лежит в кармане, где я его оставила. Я жестом попросила Казариана подать мне камзол. Когда я в первый раз коснулась камня в подвале Лормта, мои впе-

чатления были смешанными и отрывочными, из-за невыносимой боли. Оставалось лишь надеяться, что заклятие Эльзенара позволит мне второй раз принять сообщение — теперь, когда я могла посвятить ему все свое внимание.

Я покачала кулон над столом, стоявшим возле моих коленей, затем взяла камень в правую руку. Словно поток ледяной воды из горного ручья, в мой мозг полился колдовской голос Эльзенара.

25

Эльзенар — заколдованное сообщение, записанное Мерет в Лормте
(21 день, Месяц Ледяного Дракона/20 день, Луна Ножа)

Приветствую тебя, Дитя Разума. Сколь бы долгое время ни разделяло нас, я знаю, что ты услышишь мой зов и придешь мне на помощь. Выслушай же мою историю. Я Эльзенар, Светлый Маг. Я создал проход из Лормта в лежащий за морем край Арвон, в надежде на помощь магов-единомышленников перед лицом угрозы, исходящей от Тени, порождения Эскора. Первая моя попытка была неудачной — магические силы, которые призвали маги Лормта, чтобы создать Главные Врата, вышли из повиновения. Однако на какое-то мгновение проход в Арвон все же открылся и был обнаружен тамошним Темным Адептом, неким Нарвоком, который тоже пытался открыть Врата, но не обладал соответствующей Силой. Он устроил мне засаду и, когда позднее я сотворил еще одно заклинание, как бы перетащил портал создаваемого мной прохода в свое логово. В результате, едва появившись там, я оказался

тут же вовлечен в Поединок Силы. Мой волшебный камень позволил мне отчасти предвидеть намерения Нарвока. Я без промедления сотворил заклинание, которое должно было швырнуть его в наполовину открытые Врата и запечатать их за ним — но он, в свою очередь, распознал бесценные свойства моего камня и, воспользовавшись своей Силой, вырвал камень из моей руки.

Однако, прежде чем Нарвок успел завладеть добычей, мы оказались во власти третьей, куда более могущественной Силы. Мы оба не знали, что в далекой древности место, где мы находились, было Средоточием Силы. Энергия наших заклинаний пробудила эту местную Силу. Вырвав мой камень у Нарвока, она бросила его на каменный пол, так что я не мог до него дотянуться, и в то же мгновение швырнула Нарвока в его собственные Врата, уничтожив проход, едва лишь Темный Адепт провалился в него.

Не имея в руке камня, я не в состоянии был противостоять пробудившейся Силе. Я почувствовал, как меня тащит назад, к моим Вратам, ведущим в Лормт. Я чувствовал, будто само мое существо раздирают надвое; часть меня была выброшена через некий проход, недоступный моему пониманию, оставшаяся же часть была заключена, словно муха в капле янтаря, в стенах этого помещения. Однако я не присутствовал здесь на физическом плане, уцелевший фрагмент моей сущности был столь мал, что казался невидимым. Мой камень, однако, продолжал существовать, и, поскольку он был тесно со мной связан, я смог послать ему мысленный призыв. С его помощью я обратился к местной Силе, с просьбой взглянуть на мой камень и на то, что от меня осталось, и дал понять, что я не замышлял зла и что я вовсе не принадлежу Тени, как Нарвок.

Я тут же подвергся безжалостному исследованию, чуть ли не вывернувшему меня наизнанку. К моему облегчению, Сила приняла меня... но после того, что она сотворила с Нарвоком и со мной, все ее могущество, накопленное за долгие годы, иссякло. Проникнув в мой разум, Сила выразила искреннее сожаление по поводу случившегося со мной, а затем, к моему ужасу, исчезла.

Лишенный физической сущности, я не мог дотронуться до камня, даже если бы был способен двигаться. С одной стороны, в чем-то мне повезло, поскольку в нынешнем бестелесном состоянии я не нуждался ни в пище, ни в воде. Мне оставалось лишь ждать, пока кто-либо придет сюда, кто-то, к чьему разуму я мог бы обратиться посредством моего камня. Я был не в состоянии даже следить за течением времени. Судя по всему, я был заключен в некоем подземелье, но оно могло находиться и под заброшенным замком или необитаемыми руинами. Вспышки света во время нашего Поединка Силы освещали каменные ступени в дальнем углу, но внешний свет сюда не проникал, и невозможно было отличить день от ночи... или, как я, к несчастью, обнаружил, одно время года от другого.

Когда, наконец, в подвал, спотыкаясь, вошел неизвестный, его тяжелая одежда была покрыта снегом! Я заставил камень ярко сверкать, чтобы осветить помещение и привлечь внимание вошедшего. Пришелец тут же откинул отороченный мехом капюшон. Это была женщина.

Когда она подошла ближе, глядя на сияние моего камня, я воспользовался тем, что вижу ее — ведь она не была ни магом, ни даже ученицей мага — чтобы послать ей мысленный приказ: «Подойди ко мне». Она восприняла его, и, едва она наклонилась и голой рукой

взяла камень, я ощутил надежную мысленную связь с ней.

Сразу же стало ясно, что она ничего не сможет сделать, чтобы освободить меня, поскольку не обладала ни знаниями, ни Силой для того, чтобы управлять моим камнем. За время своего заключения я примирился с такой возможностью; вряд ли стоило ожидать, что первый же, вошедший в мою темницу, окажется Адептом. Я также обдумал соответствующий план на случай, если мой первый потенциальный спаситель окажется женщиной, не обученной магии.

Считая позорным для себя использовать Силу для того, чтобы заставить женщину поступить против ее воли,— лишь приверженцы Тьмы позволяют себе подобное — я описал ей свое отчаянное положение и предложил выход. С ее согласия, я мог бы с помощью магии зачать в ее теле ребенка, с тем чтобы родившееся Дитя моего Разума могло однажды вернуться сюда, наделенное Силой, которая могла бы меня освободить.

Я тут же почувствовал смятение в ее душе. Сама мысль о магии внушала ей отвращение — странная реакция, которой я не предвидел, но я не мог знать, какие изменения в людских обычаях могли произойти за то время, пока я пребывал в заточении. Однако, вместе с тем, ей казалась крайне привлекательной сама возможность зачать ребенка. Прожив с мужем три года, она страстно желала иметь от него сыновей, но судьба до сих пор не даровала им детей.

После напряженных раздумий она честно призналась, что привыкла взвешивать все «за» и «против», прежде чем решиться на какой-либо поступок.

Мне понравилось ее благоразумное поведение. Если бы она согласилась, эта женщина с сильным характером могла бы стать лучшей матерью для моего будуще-

го избавителя. Поскольку она не могла меня видеть, я показал ей мое изображение таким, как я выглядел когда-то.

Затем я заверил ее, что мое предложение не следует рассматривать как супружескую измену и что они с мужем должны воспитывать Дитя моего Разума, как свое собственное. Кроме того, я предложил ей на определенное время стереть все воспоминания об этом событии. Я хотел, чтобы с первых признаков беременности она и ее муж считали ребенка своим. Однако я настоял на том, что, когда ребенок станет достаточно взрослым для того, чтобы прийти мне на помощь, к женщине вернется память о нашей встрече и она сможет дать соответствующие указания и советы. Я объяснил ей, что, если она действительно хочет мне помочь, она должна взять с собой мой камень, поскольку он обеспечит магическую защиту для нее и ее ребенка, оберегая их от любых опасностей.

Она еще немного подумала, затем согласилась мне помочь, попросив, чтобы я временно стер ее память. Чтобы объяснить появление у нее камня, я предложил ей, чтобы она помнила о нем, как о ценном подарке, полученном из таинственного источника, и чтобы она хранила его до совершеннолетия ребенка (если это будет сын) или в качестве обручального дара (если это будет дочь). Когда придет пора, воспоминания о нашем договоре вернутся, и она передаст камень и связанные с ним обязательства ребенку ее тела и моего разума.

Получив ее согласие, я от всего сердца поблагодарил ее и тут же приступил к заклинаниям. Чтобы ребенок обладал богатым внутренним миром и был склонен к размышлениям, я сделал его немым от рождения, а также наделил даром мысленного осязания, что позволило бы ему в будущем сразу же опознать мой камень.

Знай же, Дитя Разума, что я, Эльзенар, твой отец, молю тебя поспешить мне на помощь. Путь же ко мне укажет тебе твоя мать, леди Веронда из Долин...

26

Мерет — события в Лормте
(21 день, Месяц Ледяного Дракона/20 день, Луна Ножа)

Сначала мысленный голос Эльзенара полностью овладел мною, но постепенно я вновь начала осознавать, что нахожусь в Лормте. Я даже обнаружила, что мне удалось ненадолго отложить камень в сторону, пока Нолар читала вслух слова Эльзенара, которые я уже успела записать. Мне очень хотелось, чтобы остальные поняли, сколь безотлагательна и важна переданная мне магическим образом просьба Эльзенара. Каким-то образом я знала, что, вне всякого сомнения, это сообщение не было ложным. Судя по его эмоциональной окраске, Эльзенар был убежден, что единственная его надежда на спасение — это отклик на заколдованную мольбу о помощи.

Я на мгновение подняла взгляд. Слушатели были полностью захвачены рассказом Эльзенара о его сверхъестественном заточении. Когда я вновь начала писать, в моем мозгу эхом отдались слова Эльзенара: «Я сделал так, чтобы ребенок был немым от рождения...» Меня обдало холодом от дурного предчувствия. Я с трудом заставила себя держать перо, пока две невероятные фразы не хлестнули меня, словно бич: «Я, Эльзенар, твой отец», и «твоя мать, леди Веронда из Долин».

Обладай я голосом, я вскрикнула бы от ужаса. Я не почувствовала, как камень выпал из моих онемевших

пальцев — меня окутала плотная пелена мрака, лишив каких-либо ощущений.

Потом мне рассказали, что у меня словно оборвалось дыхание, и я упала на подушки. Пока Джонджа растирала мне руки, Нолар схватила свою сумку, лежавшую неподалеку, и поднесла к моему носу горсть растертых целебных листьев.

Острый бодрящий запах вывел меня из обморока, заставив чихнуть. Едва открыв глаза, я жестом попросила всех отойти от моей кровати, чтобы я могла опомниться и перевести дух.

Я отчаянно пыталась осмыслить казавшуюся невероятной правду. Маг Эльзенар действительно был моим настоящим отцом... но, прежде чем моя мать отправилась на поиски убежища от зимней бури среди древних руин в окрестностях Ферндола, Эльзенар провел там в заключении тысячу лет. Я наконец нашла ответ на вопрос, ради которого совершила столь долгое путешествие: теперь я знала, кем был мой истинный отец. И совсем не по себе мне стало от второго открытия — еще одного неожиданного ответвления моей родословной, хотя и весьма отдаленного во времени. Я была зачата Эльзенаром почти семьдесят шесть лет назад, но за тысячу лет до этого он стал основателем Рода Кревонеля. Таким образом, Казариан оказался моим кровным родственником! Дрожащей рукой я взяла новый лист пергамента и написала последние невероятные слова послания Эльзенара, добавив к ним выводы о моей родословной.

Когда Нолар прочитала мои слова, Казариан побледнел настолько, что мне показалось — еще немного, и он упадет в обморок. Однако он лишь по привычке яростно вертел свой золотой перстень. Когда он заговорил, голос его звучал хрипло, словно у него пересохло в горле.

— Откуда мы знаем...— начал он, затем замолчал и налил себе ячменного отвара из кувшина, который Нолар принесла для меня. В иное время, я уверена, любой ализонский барон выплюнул бы столь безвкусное питье с подобающими случаю проклятиями. Однако Казариан был настолько взволнован, что выпил целый кубок без единого звука. Сомневаюсь, что он вообще понял, что пьет. Однако жидкость придала его голосу обычную твердость, и он закончил свой вопрос: — Откуда мы знаем, где искать нашего общего... Прародителя (само слово прозвучало в его устах так, словно он проглотил нечто кислое), если проход в место его заключения был магическим образом разрушен? Наверняка, твоя мать давно умерла и не может указать нам путь, как рассчитывал Эльзенар.

Я поспешно написала: «Даже если бы древний проход существовал до сих пор, мы не смогли бы отыскать то место неподалеку от Лормта, где Эльзенар его создал. Нет, если мы и в самом деле хотим помочь Эльзенару, мы должны отправиться в Долины — морем, затем верхом и, возможно, пешком. Мне не было еще и двадцати, когда умерла моя мать, но я хорошо помню, как в детстве я путешествовала с ней в окрестностях торговой базы, где я родилась. Мне кажется, я могла бы найти место заключения Эльзенара. Моя мать както раз показала мне древние каменные руины, где, как она сказала, она пряталась от зимней бури в тот год, когда осенью родилась я».

Я перестала писать, внезапно осознав, что перо согнулось в моих пальцах так, что вот-вот сломается. Словно ломкие обрывки страниц, подброшенные порывом ледяного ветра, прежде необъяснимые фрагменты воспоминаний внезапно сложились в четкую картину.

Моя мать, выросшая в большой семье, всегда мечтала о сыновьях, которые могли бы стать продолжателями торгового дела ее Клана. Она обучала меня, ее единственного ребенка, всем премудростям семейного ремесла, несмотря на мои физические недостатки. Не могло ли магическое влияние камня Эльзенара стать причиной ее незаурядных успехов в торговле? Вполне вероятно, странные сновидения, и мои, и матери, были вызваны близостью камня.

Я не знала, начали ли возвращаться к моей матери воспоминания о ее встрече с Эльзенаром до того, как она отправилась в свое последнее, роковое путешествие. С обжигающей ясностью передо мной предстала жестокая правда нашего прошлого: самые тяжкие удары судьбы обрушивались на нас, когда мы были разлучены с камнем — сначала, когда он был спрятан в сокровищнице в Веннеспорте, а затем когда был похищен. Моя мать погибла, сорвавшись в пропасть, а мне довелось пережить мучительные месяцы войны в Долинах. Теперь же, когда камень Эльзенара снова был у меня в руках, я обязана была ответить на призыв о помощи.

Еще один осколок воспоминаний пронзил меня, словно удар кинжала. Когда-то, очень давно, я делилась своими чувствами с Неувереном — писала ему нашей тайнописью об ощущениях, которые я не в силах была выразить голосом. И теперь, стремясь сбросить камень с души, я тоже схватилась за грифельную доску:

«Что за невыносимая мука — пребывать в этом слабом теле, которое не в состоянии более сидеть верхом или взбираться по горной тропе! Призыв Эльзенара из прошлого был адресован мне — я была рождена специально для того, чтобы выполнить эту задачу! Передав мне камень Эльзенара в качестве обручального дара, моя мать получила бы возможность поведать мне об обстоятель-

ствах их соглашения. С помощью моего мужа я предприняла бы все необходимое, чтобы освободить Эльзенара... но мать погибла до моей помолвки, до того, как она могла рассказать мне о встрече с Эльзенаром. Кровная клятва обязывает меня исполнить ее обязательство, но в моем нынешнем состоянии я не в силах совершить подобное путешествие. Я в безвыходном положении!»

Я снова сделала паузу. Мне трудно было продолжать, но выход из создавшейся ситуации мог быть лишь один. Я снова заставила себя писать, и Нолар прочитала вслух:

— Однако остается еще одна возможность.

Услышав написанное мной, Казариан медленно кивнул.

— В моих жилах тоже течет кровь Эльзенара,— мрачно произнес он.— Ты позволишь мне отправиться в путь вместо тебя?

— Тебе нельзя появляться в Долинах,— возразил Дюратан.— Хотя прошло двадцать с лишним лет, раны, которые нанес Долинам Ализон, до сих пор не зажили. Скорее всего, тебя встретят с обнаженным мечом, а не с приветственным кубком.

Казариан окинул Дюратана взглядом, словно тот был своенравным псом, отказавшимся идти по четкому следу.

— Я привык жить с клинком у горла,— возразил он.— Почему это должно стать помехой для наших планов? Если никто, кроме меня, не может выполнить задачу, вывод очевиден — я должен ехать.

— Но сможешь ли ты столь же легко пренебречь своими баронскими обязанностями в Ализоне на время долгого путешествия? — спросила Нолар.— Кроме того, могут возникнуть неприятные вопросы относительно внезапного исчезновения Гурбориана. Ты не думаешь, что тебя могут заподозрить в убийстве?

Казариан раздраженно покачал головой.

— Мне пришлось бы отвечать только перед Лордом-Бароном, и то лишь в том случае, если бы я не позаботился заранее о мерах предосторожности. У Гурбориана немало могущественных врагов. Прежде чем покинуть замок Кревонель, я приказал Бодрику отправить через два дня убедительное письмо Лорду-Барону, где вполне правдоподобно объяснил внезапное отсутствие Гурбориана. Кроме того, я сообщил Лорду-Барону, что вынужден на несколько недель отправиться по делам в свои отдаленные владения. Меня никто не будет искать в Столице, пока я сам не решу вернуться.

Джонджа привстала со своего кресла.

— Зачем тебе это? — требовательно спросила она.— Ты достаточно ясно дал понять нам всем, что питаешь крайнее отвращение к атрибутам Силы. Думаешь, мы поверим, что ты лично доставишь могущественный камень Эльзенара в столь далекие края, чтобы просто вернуть его хозяину?

— Что ж, ты говоришь откровенно,— ответил Казариан.— Буду столь же прям и я. Нет, меня не вдохновляет проклятие, лежащее на этом камне, однако он принадлежит моему Прародителю, который, если он до сих пор жив, требует вернуть камень ему. Я считаю, что это путешествие — наш долг, долг Рода Кревонеля. Я также осмелюсь предположить, что для нашего общего дела поддержка столь могущественного мага была бы крайне полезна. Думаю, он не откажется отблагодарить своего спасителя.

Пока Казариан говорил, я пришла к собственному решению и протянула Нолар доску со своими комментариями.

— Руины, которые следует искать,— прочла она вслух,— находятся неподалеку от границ Пустыни, вдали

от побережья. Почти в любой необитаемой местности путника подстерегает серьезная опасность.

Казариан насмешливо посмотрел на меня.

— Госпожа, еще пол-луны назад я был уверен, что ни одно создание не сумеет преодолеть наши границы, проникнуть в Ализон и остаться в живых... однако тебе это удалось.— Обращаясь к остальным, он добавил: — Должен отметить, что вы, в Лормте, умнее, чем я полагал прежде. Если вы сумеете сочинить правдоподобную историю, объясняющую мое появление в Долинах, я охотно отправлюсь в путь.— Казариан внезапно улыбнулся, отчего жесткие черты его лица несколько смягчились. Он снова повернулся ко мне.— Ты покрасила волосы для лучшей маскировки, госпожа. Не мог бы и я сделать свои волосы темнее, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания в Долинах?

— Должен сказать,— язвительно заметил Морфью,— я вовсе не был уверен, что Мерет сумеет выдать себя за ализонского барона. Еще труднее поверить, что тебе удастся обмануть проницательных жителей Долин, назвавшись одним из них. У тебя слишком бледная кожа, юноша,— тебе пришлось бы искупаться в ванне с экстрактом дубовой коры.

— Может быть, и нет,— прозвучал голос Нолар.— Разве у женщин в Долинах не было детей от ализонцев? — спросила она.— Казариан мог бы сойти за полукровку.

Дрожащей рукой я написала:

«Мне неизвестны несчастные, которым... позволили жить. Во время войны многие женщины предпочли покончить с собой, нежели родить дитя позора».

Казариан внимательно слушал, слегка наклонив голову, словно любознательный ястреб, наблюдающий за травой в поисках ничего не подозревающей мыши.

— Мне было четыре года, когда началось вторжение,— сказал он.— Насколько я знаю, никто никогда не привозил из Долин щенков-полукровок. Однако я вполне могу представить себе обстоятельства, когда полукровка моего возраста мог бы остаться в живых. В прежние времена из Ализона отправлялись военные корабли, которые порой возвращались в порт с пленниками — на развод.

Глаза Джонджи расширились.

— Ты хочешь сказать, вы использовали пленных женщин, чтобы...

Голос ее оборвался. Наступила пугающая тишина.

— До нас доходили подобные слухи,— холодно заметил Оуэн.— Мы надеялись, что это ошибка.

Казариана, похоже, вовсе не смутила наша реакция.

— А вы, эсткарпцы, разве не совокупляетесь время от времени с кем-нибудь из Сулкара, чтобы улучшить породу? — спросил он.— Мы, бароны, конечно, всегда храним чистоту крови, но это не касается обычного народа. От пленниц получаются неплохие слуги и рабочие. Я вполне мог бы выступить в роли одного из них.

С тяжелым сердцем я написала:

«В минувшие годы некоторые из наших торговых кораблей, как мы думали, пропали без вести в море. Мы полагали, что они затонули во время штормов, но...»

Я больше не могла писать. Слишком болезненна была сама мысль о страшной участи, которая ожидала наших соотечественниц, попавших в Ализон в качестве племенных кобыл.

— Мы в Эсткарпе отвергаем рабство в любой форме,— с нескрываемым отвращением заявила Нолар.

Казариан пожал плечами.

— В Ализоне так было всегда,— ответил он.— Сильный эксплуатирует слабого.

— Сколь ни важен этот вопрос,— твердо сказал Оуэн,— сейчас не время спорить о расхождениях во взглядах. Каким бы ни был данный ализонский обычай, приемлемым или отвратительным, он существует, и, возможно, мы сумеем разумно воспользоваться этим фактом.

— Предположим...— Нолар с состраданием посмотрела на меня, понимая мое, едва скрываемое горе.— Предположим,— повторила она,— что мать Казариана была на одном из торговых кораблей Долин — возможно, каботажного корабля, который занесло слишком далеко в море и он был захвачен ализонцами. Выросший в рабстве, юноша вполне мог бежать, едва представилась такая возможность.

— Можно предположить и такое,— сказала Джонджа.— Три года назад, когда Карстен сражался с Эсткарпом, всюду в наших краях творилось нечто невообразимое. Если побег из ализонского плена мог удаться, то именно тогда. В то время границу с Эсткарпом захлестнул хаос из-за непрекращающихся попыток разрушить магический барьер.

Морфью потер руки.

— А у меня есть идея, как связать его историю с Лормтом,— воскликнул он.— Казариан мог пробраться в северный Эсткарп и поступить в ученики к странствующему торговцу, путешествия которого и привели их в Лормт. Но как объяснить опасную миссию Казариана в Долинах — не поисками же родни его предполагаемой матери?

Я наконец овладела собой после нахлынувшей волны воспоминаний и смогла написать:

«Давайте посмотрим, что нам известно. Я знаю Долины и знаю торговлю. Как ученик торговца, Казариан мог бы отправиться в путешествие по заданию своего наставника. Среди бесчисленных документов Лормта, наверняка, должны быть карты Долин. Предположим, на одной из этих карт торговец обнаружил указания на возможный источник какого-то ценного товара... но не слишком ценного.— Я немного подумала, пока Нолар читала, затем закончила: — Я знаю прекрасный материал: ламантиновое дерево. Оно довольно высоко ценится, но не настолько, чтобы экспедиция, отправившаяся на его поиски, привлекла внимание разбойников. На руку нам и то, что место, где Казариан должен вести поиски, находится неподалеку от Пустыни. Скорее всего, это отобьет у кого бы то ни было охоту набиваться ему в спутники. Далее, я могу написать моим друзьям в Сулкаре, чтобы они обеспечили Казариану безопасный проезд за море, и торговцам в Долинах — с просьбой оказать ему помощь во время путешествия по суше».

— В самом деле, вполне правдоподобная история,— заявил Морфью, когда Нолар закончила читать.— Что скажешь, Казариан? Сможешь сыграть роль ученика торговца?

Пока Нолар читала, выражение лица Казариана поначалу оставалось весьма скептическим, но постепенно сомнения сменились задумчивостью.

— Могу попытаться. В торговле я, правда, разбираюсь слабо,— честно признался он,— если не считать периодических проверок отчетов управляющего замка Кревонель и сделок, касающихся псов.— Казариан повернулся ко мне.— Тебе придется обучить меня, госпожа, всему необходимому, а также помочь мне лучше овладеть языком Долин.

— Несколько лет назад сюда прибыл выдающийся ученый, Ирвил из Норсдола, чтобы заняться изучением родословных,— сказал Оуэн.— Однако зимой его стали мучить боли в суставах, и он, обнаружив, что дальнейшее путешествие будет для него чересчур мучительным, попросил у нас разрешения остаться здесь. Он с радостью обучит тебя разговорному языку Долин.

— Прежде чем мы вновь приступим к столь напряженным занятиям,— жалобно сказал Морфью,— нельзя ли хотя бы немного отдохнуть и поесть? Мой старый желудок напоминает мне, что час ужина уже наступил... и миновал.

Джонджа встала.

— Мы и в самом деле слишком долго разговаривали,— заявила она.— Мерет нуждается в отдыхе после всего, что ей довелось пережить. Все — вон отсюда, и не беспокоить ее до утра.

Я подняла перо, собираясь возразить, но Джонджа выхватила его из моих пальцев.

— Вон! — скомандовала она, и все, за исключением Нолар, покинули комнату, словно стадо послушных овец.

— Прежде чем удалиться в соседнюю комнату,— сказала Нолар,— я подогрею тебе еще чашку бульона и наполню кувшин с ячменным отваром, поскольку Казариан, как ни странно, выпил его до дна. Если я тебе зачем-то понадоблюсь ночью, позвони в колокольчик, который висит на спинке кровати.

Хотя мне не терпелось обдумать все события недавнего прошлого, а также перспективы ближайших дней, я обнаружила, что глаза мои закрываются, едва выпила вторую чашку бульона. Нолар почувствовала мое желание, чтобы камень Эльзенара оставался рядом со мной... но так, чтобы я случайно не коснулась его во сне. Она

опустила цепочку с кулоном в маленький кожаный мешочек, который достала из своей сумки с лекарствами. Последнее, что я видела — тень рукава Нолар, когда она осторожно подсунула мешочек мне под подушку.

27

Казариан — события в Лормте
(20-21 дни, Луна Ножа/21-22 дни, Месяц Ледяного Дракона)

Слушая текст послания, заключенного в камне, я с трудом удержался, чтобы не высказать вслух сомнений по поводу того, что Мерет была зачата Эльзенаром, во чреве женщины из Долин по имени Веронда. Кревонель, Прародитель моего собственного Рода, был рожден от Эльзенара тысячу лет назад. Мы и раньше подозревали, что в жилах Мерет течет капля крови Эльзенара, поскольку перед ней открылся его магический портал. Претензии ее Рода на камень также говорили в пользу некой родственной связи... однако, благодаря своей чудовищной магии, Эльзенар оказался не просто отдаленным родственником Мерет. Он был ее родителем! Я вынужден был признать невероятное: мы с Мерет были прямыми, кровными родственниками. От этой мысли у меня захватило дух.

С некоторым усилием я заставил себя дослушать послание Эльзенара до конца. Предусмотрительность, с которой он сделал Мерет немой от рождения, была достойна восхищения, однако маг оказался не в состоянии влиять на судьбу самого камня. Похищение камня ализонцами во время войны в Долинах по иронии судьбы разрушило первоначальные планы Эльзенара, и он не был освобожден в намеченный им самим срок.

Я не стал высказывать вслух свои сомнения в том, что Эльзенар до сих пор жив и что его еще можно спасти. Однако, когда в дело вступает магия, можно предполагать все, что угодно.

Когда Морфью сказал, что мы уже слишком долго разговариваем и пропустили час ужина, Мудрая неожиданно приказала всем нам покинуть спальню, чтобы Мерет могла отдохнуть.

Я был только рад перерыву, поскольку мне требовалось время для размышлений. Ненадолго задержавшись в трапезной Лормта, я удалился в свою комнату, взяв с собой буханку хлеба, немного каши и бутылку эля.

Проблема Эльзенара всецело занимала меня. Возможность казалась весьма соблазнительной: если бы мне каким-то образом удалось освободить древнего мага и вернуть ему камень, Эльзенар наверняка щедро вознаградил бы меня как своего спасителя. С другой стороны, сама перспектива встречи с живым магом, к тому же пользующимся столь дурной репутацией, внушала ужас. Что мог я противопоставить этому чудовищу, присутствовавшему при рождении Ализона и лично ответственному за Изначальную Измену? Вместо того чтобы вознаградить меня за спасение, Эльзенар мог испепелить меня на месте... или, что намного хуже, вернуться посредством своего колдовства в Ализон и захватить всю власть над ним. Каким образом мог устоять смертный против столь чудовищной Силы? И тем не менее... риск всегда был обычным делом для ализонцев, а потенциальная выгода в данном случае превосходила вероятную угрозу, которая могла и не осуществиться.

Ограниченный тесным пространством моей комнаты, я все же сумел достаточно поупражняться, убедившись, что мои легкие раны не повлияли на владе-

ние мечом. Я задул свечи и лег. Утомленный событиями дня, я тут же уснул, без каких-либо сновидений.

Был уже почти полдень, когда Мудрая вновь позволила нам собраться в спальне Мерет. После ночного отдыха Мерет выглядела менее изможденной. Она уже нарисовала грубую карту, чтобы показать нам местонахождение руин, где, по ее мнению, томился в заключении Эльзенар. Она также написала несколько писем, которые я должен был передать корабельщикам из Сулкара в Эстпорте, главном порту Эсткарпа с тех пор, как был разрушен Горм.

Я изучал карту Мерет, когда в дверях появился еще один пожилой обитатель Лормта. Хотя его красноватая кожа посветлела от возраста, так же как и его волосы, он явно был уроженцем Долин. Морфью приветствовал его, назвав по имени,— это был Ирвил, ученый, о котором говорил Оуэн. Прежде Ирвил и понятия не имел о том, что Мерет находится в Лормте — что было явным признаком отсутствия здесь сколько-нибудь разумной организации. Он сразу же разразился потоком слов на языке Долин, слишком быстрым для того, чтобы я мог понять что-либо, кроме нескольких обрывков фраз.

Казалось, на Мерет его слова не произвели особого впечатления, но я успел заметить, что по ее щеке скатилась слеза. Мерет стерла ее рукавом и написала на своей доске обращенные к соотечественнику слова приветствия.

Прочитав их, Ирвил повернулся ко мне и сказал по-эсткарпски:

— Мне сказали, что тебе необходимо срочно выучить язык Долин. Никогда не думал, что мне придется

разговаривать с ализонцем... но мастер Оуэн велел мне побеседовать с тобой.

Ирвил был достаточно стар для того, чтобы быть родителем моего родителя, и потому, скорее всего, питал к нам вражду еще со времен войны. Я поклонился и коснулся своего знака Рода.

— Я бы не утруждал тебя, но дело не терпит отлагательства,— сказал я.— И Ализон, и Эсткарп стоят перед лицом общей опасности, которая, если ее не остановить, может угрожать и твоим Долинам. Мое предполагаемое путешествие в Долины поможет ее избежать. Благодарю тебя за твое терпение и помощь.

Судя по всему, мои слова несколько успокоили Ирвила, и выражение его лица стало не столь мрачным.

Мерет подала ему свою доску, и он прочитал вслух:

— Мы должны поделить наше время между обучением языку и торговле — поскольку Казариан должен овладеть началами и того, и другого.

Морфью улыбнулся.

— Пожалуйста, не старайся скрыть свой ализонский акцент, юноша,— посоветовал он.— Помни, что единственные слова на языке Долин, которые ты знал с щенячьего возраста — это те, которым учила тебя твоя мать, и до своего побега в Эсткарп, три года назад, ты разговаривал главным образом по-ализонски.

Нолар встала.

— Мне потребуется час времени, чтобы перекрасить твои волосы. Может быть, попытаемся сегодня днем? Мне нужно справиться у мастера Пруэтта относительно пропорций травяной смеси. Я позову тебя, когда все будет готово.

Дюратан тоже встал и направился вслед за своей подругой.

— Кроме того,— заметил он в дверях,— ты вполне можешь говорить, что твой отец был ализонцем, поскольку иначе твой обман станет явным, едва ты откроешь рот.

— Надеюсь, вы сумеете быстро обменяться всеми необходимыми знаниями,— уверенно сказал Оуэн Ирвилу, Мерет и мне.— Если потребуется моя помощь — сразу же сообщите. Все, чем располагает Лормт,— в вашем распоряжении.

Так началась утомительная неделя постоянных занятий. Утром, днем и вечером я слушал и писал под требовательной опекой Мерет и Ирвила. Помня о предупреждении Морфью, я не пытался в совершенстве воспроизводить звуки речи Долин. Честно говоря, это было бы непросто, поскольку они звучали значительно мягче и совершенно иначе, нежели ализонские.

Как и обещала Нолар, ближе к вечеру первого дня она отвела меня к себе и посадила на табурет перед каменной чашей, в которой пузырилась едкая жидкость. Смочив мои волосы водой, она стала лить пахучее снадобье мне на голову, чашку за чашкой, не забывая и о том, чтобы окрасить мои брови, с помощью смоченной в красителе мягкой щетки. Мы оба промокли с головы до ног, прежде чем она заявила, что я выгляжу вполне приемлемо. Она предупредила меня, что, нанесенная один раз, краска не выцветет в течение долгого времени и не смоется во время морского путешествия. Должен признаться, я вздрогнул, увидев свое отражение в серебряном подносе. На какое-то мгновение мне показалось, что я вижу перед собой чужака. Ни один барон не позволил бы столь отвратительному типу войти в его жилище в качестве гостя... но подруга Дюратана улыбнулась и сказала, что я вполне сойду за полукровку.

В промежутке между нашими напряженными занятиями Мерет написала еще несколько писем, которые я должен был передать ее родственникам и другим торговцам в Долинах, когда сойду на берег в Веннеспорте. Мы часами просиживали с ней над картами, пока она описывала местность, которую мне предстояло пересечь, и давала советы, как обеспечить себя всем необходимым и нанять приличных лошадей.

Пока мы трудились, наступила Луна Первых Щенков. Мерет называла ее Месяцем Снежной Птицы, и действительно, мне редко приходилось видеть столь обильный снег, как тот, что лежал на горных склонах, окружавших Лормт.

Вскоре мною занялся управляющий Лормта, лысый разговорчивый эсткарпец по имени Вессель, который набросился на меня, словно вздорный щенок. Однако он удивительно ловко подобрал для меня все, что могло бы потребоваться мне в путешествии. Он также дал мне маленький сундучок из ламантинового дерева, которое, по его словам, прекрасно сохраняет любые продукты во время долгого пути. Во время войны несколько похожих трофеев попало в наши руки, но я никогда прежде не видел этого темного серовато-коричневого дерева с тонкими волокнами. Мерет написала, что оно очень ценится как материал для изготовления бутылок, в которых вода много дней остается свежей, а также коробок, в которых долго не портятся пироги с фруктами и мясом. Она также добавила, что никто в Долинах не знает, где растут такие деревья, однако предметы, сделанные из обработанного ламантинового дерева, время от времени находят в Пустыне. Моя торговая экспедиция, основанная на указаниях старой карты, могла считаться опасной, но не столь необычной для того, чтобы привлечь к себе излишнее внимание.

На третий день Луны Первых Щенков я был готов отправиться в первый этап своего путешествия — тридцать с лишним лиг от Лормта до Эса. Один из относительно молодых ученых Лормта — тем не менее достаточно старый для того, чтобы быть моим родителем,— согласился сопровождать меня в Эс. Мне пришлось оставить в Лормте все свои баронские атрибуты, включая перстень. Я чувствовал себя крайне уязвимым с одним лишь кинжалом на поясе. Кинжал, по словам обитателей Лормта, был обычным оружием самозащиты для странствующего торговца. Сама мысль о том, что мне предстоит провести луну или больше — в зависимости от погоды — на корабле с командой, состоящей из заклятых врагов Ализона, вооруженному одним лишь кинжалом, сводила меня с ума. Однако я напомнил себе, что выступаю в роли ученика торговца, и потому должен подчиняться здешним обычаям.

Взяв тяжелый зимний плащ, я вошел в спальню Мерет, чтобы забрать камень Эльзенара. Мерет сидела на постели. Окинув меня взглядом, она одобрительно кивнула и написала на своей доске:

«Наши совместные усилия увенчались успехом. Ты и в самом деле выглядишь как ученик торговца. Возьми же с собой наследство Эльзенара вместе с моими наилучшими пожеланиями счастливого пути».

Она протянула мне сверкающий камень, который я надежно спрятал во внутренний карман камзола. Мне было несколько не по себе при мысли о том, что придется путешествовать, имея при себе магический предмет. Не станет ли он вновь тревожить мой сон, как прежде в Ализоне? Однако я отбросил неприятные мысли прочь.

— Я вдвойне благодарен тебе, госпожа,— сказал я,— за твое доверие и за добрые слова. С помощью

твоей карты я отыщу заколдованные руины и верну этот могущественный камень нашему Прародителю.

Я поклонился ей, и моя рука привычным жестом коснулась моего камзола в том месте, где должен был быть вышит знак моего Рода.

Мерет слегка улыбнулась.

«Да хранит тебя Огонь, чужеземец»,— к моему немалому удивлению, написала она.

Я снова поклонился и поспешил вниз по лестнице к лошадям, ожидавшим меня на продуваемом ветром дворе.

28

Казариан — рассказ о путешествии из Лормта в Веннеспорт
(3 день, Луна Первых Щенков — 23 день, Луна Волколака)

Мне часто доводилось охотиться в горах возле границ Эскора, так что я без труда приноровился к походке лошадей из Лормта, привыкших к горам. Они были поменьше и не столь выносливы, как наши, высоко ценившиеся, торгианские кони, но хорошо приспособлены к передвижению по заснеженным склонам.

Моим спутником был Фаррис, молчаливый эсткарпец. Чтобы привыкнуть к предстоящей мне роли, я попросил Фарриса обращаться ко мне исключительно по придуманному для меня имени — Казиар. Я должен был вести себя так, словно это мое собственное имя — от подобных мелочей зависела моя жизнь. У нас мало было возможностей пообщаться, пока мы ехали верхом, но, когда мы остановились на ночь, я попытался разговорить Фарриса. Похоже, его привлекла в Лормт

возможность полностью посвятить себя любимому делу— изучению целебных трав. Едва затронув эту тему, он уже не в силах был остановиться. Мое личное знакомство с растениями сводилось больше к ядовитым их разновидностям, но, к счастью, мне пришла в голову одна идея, которую мы могли с пользой обсуждать — травы и пряности, придающие вкус пище. Родитель Геннарда, превосходный повар, научил его готовить множество великолепных блюд. Многое из того, что рассказывал в свое время Геннард, я помнил в достаточной степени, для того чтобы поддерживать беседу с Фаррисом.

Глубокий снег и неровная местность часто задерживали нас. Лишь по прошествии мучительной недели, постепенно приближаясь к северному берегу реки Эс, мы выбрались на более ровную, утоптанную тропу. Еще через несколько дней тропа расширилась, превратившись в некое подобие дороги, и вечером тринадцатого дня Луны Первых Щенков перед нами предстали массивные серо-зеленые стены, окружавшие город Эс.

С возвышенности в центре города на нас смотрел замок Эс, на фоне которого даже большие круглые башни, расположенные на равных расстояниях вдоль городской стены, казались карликами. Даже в самых худших кошмарах я не мог вообразить, что когда-либо увижу ту самую цитадель, где собрались одетые в серое Ведьмы Эсткарпа, словно пауки в центре своей паутины, сотканной из раскинувшихся на многие лиги заклинаний.

На следующее утро, когда мы въехали в узкие ворота, мне приходилось прилагать постоянные усилия, чтобы сохранять внешне беззаботный вид. Меня устрашала одна мысль о том, что я вторгаюсь в самое сердце территории заклятого врага Ализона, один, без поддер-

жки вооруженной до зубов армии. Я с трудом подавлял опасения, что в любой момент перед нами может появиться одна из Ведьм в сером, которая немедленно распознает мою истинную сущность.

К счастью, как только мы въехали в ворота, Фаррис тут же свернул с улицы, ведущей к замку Эс, и направил лошадь к оживленному торговому кварталу неподалеку от внешней стены и дальше, к постоялому двору, на вывеске которого красовалось яркое, хотя и несколько неуклюжее, изображение снежного кота. Когда мы спешились, Фаррис объяснил, что намерен посетить городские рынки в поисках трав, недоступных в Лормте, затем провести здесь ночь и отправиться в обратный путь к цитадели ученых. Однако сперва он собирался спросить хозяина гостиницы, где можно найти торговцев, которые, по словам Мерет, могли бы мне помочь.

С огромным облегчением я узнал, что один из трех эсткарпских торговцев, к которым обращалась Мерет в своих письмах, сейчас в городе. Попрощавшись с Фаррисом, я отправился к расположенному неподалеку складу, на который указал мне хозяин гостиницы, и показал там письмо Мерет. Судя по оказанному мне радушному приему, Мерет пользовалась среди местного торгового люда немалым уважением. Торговец, вспомнив ее краткое пребывание в Эсе по пути в Лормт, крайне заинтересовался ламантиновым деревом, которое я мог бы найти во время своей экспедиции в Долины. Он спросил, почему меня, ученика, не сопровождает в таком путешествии мой наставник, но я изложил историю, которую мы придумали в Лормте на случай подобных вопросов: якобы мой учитель повредил ногу в горах, когда мы спускались к Эсу, и вынужден был вернуться в Лормт; а поскольку старая карта выглядела

весьма многообещающе, он доверил мне продолжать путь в Долины одному. Торговец поздравил меня с представившейся возможностью и велел одному из своих подручных приготовить лошадь для следующего этапа моего путешествия — четыре с небольшим лиги до Эстпорта. Затем он любезно предложил мне провести ночь на постоялом дворе по соседству.

Я тщательно следил за своими словами, но, похоже, не вызвал никаких подозрений. За ужином торговец рассказал мне, что лишь немногие торговые корабли отваживаются выходить в зимнее море, но, если мне повезет, я могу найти в порту капитана из Сулкара, по имени Браннун, который ходит по морю в любое время года.

Ранним утром на следующий день я отправился в Эстпорт. Вдоль берега реки Эс протянулась накатанная дорога, и ехать было легко, несмотря на снег. Отдохнувшая лошадь двигалась быстро, и к ночи я был уже на месте.

Я благоразумно обогнул стороной местную крепость, поместье Эстфорд, владения Кориса из Горма, бывшего воина, а ныне Лорда-Сенешаля Эсткарпа. Нам в Ализоне приходилось слышать, что после серьезного ранения Корис перебрался в свои уединенные владения. Ходили также слухи, что они с супругой — Лоизой, дочерью лорда Верлейна, грабителя затонувших кораблей,— до сих пор, время от времени, давали советы Ведьмам Эсткарпа. Не желая привлекать внимания столь опасных врагов, я направился прямо к порту возле устья реки.

Я быстро нашел торговый дом, который порекомендовал мне торговец в Эсе. Его коллеги охотно взяли на себя заботу о моей лошади, согласившись отправить ее назад в Эс вместе с очередной партией товара. Они

сообщили также, что сулкарский капитан, которого я ищу, действительно сейчас в порту и готовит свой корабль к путешествию в Долины. Один из учеников проводил меня до таверны, где любил бывать капитан Браннун, и показал мне рослого волосатого типа, жадно глотавшего эль за столом возле двери. Я отвлек его от кружки, громко позвав по имени, и представился.

Он вытер пену с щетинистых сулкарских усов и смерил меня презрительным взглядом.

— Для такого мальчишки, как ты, орешь ты неплохо,— сказал он.— И что тебе такого понадобилось, что ты нарушаешь мой покой?

В Ализоне с давних пор было известно, что с сулкарцами имеет смысл говорить только напрямую — хитрость в общении с ними неуместна. Достав из кошелька на поясе два серебряных слитка, я бросил их на грубый деревянный стол. Когда я покидал Лормт, Мерет предложила заплатить за мое путешествие в Долины, однако я настоял на том, чтобы воспользоваться моим собственным золотом. Дюратан возразил, что вряд ли стоит демонстрировать металл с ализонским клеймом, но Оуэн, к некоторому моему удивлению, послал слугу за ларцом, в котором лежали неклейменые серебряные слитки, и тщательно отвесил количество серебра, равноценное моему золоту.

Капитан Браннун ухмыльнулся и потрогал слитки жилистым пальцем.

— Вижу, дело у тебя и в самом деле срочное,— заметил он.— Как я понимаю, тебе нужно место на «Ищущем Бури»?

— Если ты идешь сразу в Долины — да,— подтвердил я.— Мой наставник требует, чтобы я отправился в торговую экспедицию вместо него, пока его сломанная нога заживает в Лормте.

Браннун со всей силы хлопнул меня по плечу.

— Счастье улыбнулось тебе, парень! — воскликнул он.— Я загрузился товаром уже шесть дней назад и жду лишь подходящего ветра, чтобы отплыть в Веннеспорт. Но что ты сидишь тут, весь иссохший, словно пустынный цветок? Эй, хозяин — эля для моего пассажира! И для меня! Что за товар ты везешь? Предупреждаю, в моем трюме почти нет места.

— Я надеюсь вернуться с товаром,— ответил я,— но сейчас у меня ничего нет. Только мои личные вещи.

— Тем лучше,— радостно взревел Браннун.— Я боялся, что тебе понадобится место в трюме, у меня его нет. Давай, допивай свой эль, и я покажу тебе «Ищущий Бури» — лучший корабль из всех, на палубе которых хотелось бы стоять.

Поднявшись, он сгреб со скамьи рядом с собой темно-желтую груду, которая сперва показалась мне кипой шкур. Заметив мой взгляд, Браннун громко расхохотался.

— Сомневаюсь, что ты когда-либо видел живьем зверя, подарившего мне эту шубу,— провозгласил он.— Это настоящий лев — да, один из тех редких зверей из краев к югу от Долин. Когда я был молод — примерно твоего возраста — он напал на меня во время плавания вдоль побережья. Мы сошли на берег, чтобы пополнить запасы пресной воды. Я стоял, наклонившись, и наполнял бочонок из ручья, когда лев прыгнул на меня из зарослей. Должен сказать, славная была схватка! Не окажись у меня на поясе топорика, возможно, моя собственная шкура по праву украсила бы его логово. Так или иначе, я заполучил эту превосходную шубу — и украшение для моего боевого шлема — одним ударом.

Бросив на стол несколько карстенских серебряных монет, он потащил меня к двери.

Мне никогда прежде не приходилось бывать на морских кораблях. Весь мой опыт ограничивался речными судами. С необычной для своих размеров ловкостью Браннун спрыгнул с пристани на палубу внешне неуклюжего, но устойчиво державшегося на плаву широкопалубного сулкарского корабля. Как и у всех подобных кораблей, его нос украшала гротескная фигура в виде чешуйчатой змеи.

Браннун потянул носом воздух и, прищурившись, взглянул на низкие облака.

— Ветер пока слишком слаб, чтобы мы могли выйти в море — возможно, к утру он усилится. Идем! Можешь выбрать себе каюту — хочешь, рядом с вином, хочешь — рядом с шелком. Или ты предпочитаешь спать на палубе?

Я заверил его, что предпочту место в трюме. Мне казалось благоразумным как можно больше времени проводить под палубой, по возможности не показываясь на глаза сулкарцам и уменьшая тем самым вероятность разоблачения. Я признался Браннуну, что это мое первое морское путешествие, и выразил опасение по поводу возможных штормов. На какое-то мгновение мне показалось, что он задохнется от негодования.

— Шторма, шторма! — сплюнул он.— Я хожу в море зимой, хожу среди штормов! Почему, по-твоему, я назвал свой корабль «Ищущий Бури»? — Он яростно взмахнул руками.— Потому что шторм для него — наивысшее наслаждение; чем выше волны, тем быстрее он летит по ветру.— Он покачал головой, не в силах поверить в мое невежество.— Возможно, в трюме ты не столь сильно промокнешь,— с неохотой признал он, затем глаза его вспыхнули.— Конечно, во время по-настоящему сильного шторма мне потребуется каждая

пара рук на борту. Не сомневаюсь, твой наставник достойно оценит приобретенный тобой опыт.

На восемнадцатый день Луны Первых Щенков мы вышли из Эстпорта. Три дня спустя на нас обрушился первый шторм. Я узнал о кораблях и морском деле столько, сколько никогда не предполагал узнать — как на палубе, так и под ней. Команда Браннуна состояла из шумных и задиристых парней, типичных сулкарцев, но они были искусными моряками и, как мы в свое время узнали на собственном горьком опыте, отважными воинами. Каждый раз, когда я оказывался на палубе, от меня ожидали какой-либо помощи, и потому я при малейшей возможности предпочитал оставаться в трюме.

Впрочем, даже там я не мог полностью уединиться. Едва закончился первый шторм, Браннун вошел в мою кабину со счетными палочками и документами в руках и бросил их на мою деревянную койку.

— Разберись-ка с этими грузовыми накладными,— приказал он.— Вряд ли твоему учителю понравится, что ты впустую теряешь время, когда у тебя столько возможностей набраться опыта.

Я с удовольствием сказал бы ему, что для подобной работы у меня есть управляющий, но, чтобы не выдать себя, постарался навести некоторый порядок среди исписанного неразборчивым почерком бумажного хаоса. Когда Браннун вернулся несколько часов спустя, я сообщил ему, что, судя по счетным палочкам, в его трюме недостает четырех тюков шерсти — по сравнению с почти нечитаемыми грузовыми накладными.

— Вы, торговцы из Долин,— заявил Браннун,— вечно помешаны на точных подсчетах.— Он опять хлопнул меня по плечу так, что у меня застучали зубы, и проревел: — Идем, пообедаем у меня в ка-

юте! Там и обсудим, как правильно вести бухгалтерию.

Именно во время этого обеда я едва себя не выдал. Когда мы ели какую-то, вполне приемлемую на вкус, вареную рыбу, я заметил большую крысу, высунувшую голову из-за деревянного шпангоута, изгибавшегося вдоль стены. По привычке, прежде чем я успел что-либо сообразить, моя рука потянулась к висевшему на поясе ножу и метнула его в крысу, пронзив гнусную тварь насквозь.

Браннун набрал в грудь воздуха и пристально посмотрел на меня.

— Где ты научился так швырять нож, ученик? — прорычал он.

Проклиная себя за то, что позволил моим мускулам действовать помимо моей воли, я, стараясь выглядеть как можно более униженно, поведал ему о своем мнимом горьком прошлом.

— Несколько лет я был рабом в одном из ализонских замков,— объяснил я.— Замок этот просто кишел грызунами. У ализонцев нет таких чудесных животных, как ваши кошки, и потому нас, рабов, заставляли уничтожать каждую, попавшуюся на глаза крысу, именно таким способом. Прошу прощения за то, что обнажил нож без твоего разрешения.

Браннун расхохотался и так стукнул меня по плечу, что я чуть не свалился со скамьи, которая, как и стол, была прикреплена к палубе деревянными гвоздями.

— Разрешения? — проревел он.— Если бы я мог так ловко и метко бросать нож! Мне потребовалось несколько лет, чтобы обучиться искусству метания топора — и пока я не увидел твоего броска, я восхищался собственной ловкостью. Ты должен показать моим парням, как ты это делаешь! Я вижу, ты так наловчился за все те годы,

что реагируешь на любое движение, едва заметив его краем глаза. Будь, пожалуйста, осторожнее, и не прибей ненароком нашу корабельную кошку или кого-нибудь из матросов ростом пониже. Мы теперь будем звать тебя не иначе как Казиар-Быстрый-Нож!

После этого случая, который мог окончиться весьма печально, я старался следить за всеми своими движениями, так же как и за своим языком. Подобная вынужденная бдительность и долгие часы заключения в каюте выводили меня из себя. Как ни странно, некоторое облегчение принесла мне корабельная кошка, с которой я познакомился на следующее утро после истории с крысой.

Я вышел на палубу, чтобы размять ноги, когда мимо торопливо прошел Браннун; казалось, он все время куда-то шел, наверх или вниз, на нос или на корму. Заметив меня, он остановился и воскликнул:

— А вот и наша кошка — мы зовем ее Морская Пена — лучший в мире крысолов. Дай ей несколько недель, и у нас на корабле будет куда меньше движущихся мишеней, вводящих в искушение твой нож.

Повернувшись, я увидел большую, кремового цвета кошку, которая смотрела на меня янтарными глазами. Не зная, как принято вести себя с подобными животными, я присел и протянул ей руку, давая понюхать, как я обычно поступал с незнакомым псом. Кошка наклонила голову, затем проворно подошла ближе по наклонной палубе и потерлась о мои сапоги.

— Ты ей нравишься, парень! — одобрительно прогремел Браннун.— Морская Пена отлично разбирается в людях — наверняка, она признала в тебе собрата-крысолова!

В оставшиеся дни моего путешествия Морская Пена часто приходила ко мне в каюту, иногда сворачиваясь

клубком на койке, иногда даже сидя у меня на коленях и мурлыча, словно настоящий пес,— исключительное в своем роде животное.

Кроме четырех, еще более суровых, штормов, нас задерживал в пути неблагоприятный ветер, но, когда подошла к концу Луна Волколака, пустынная линия горизонта на фоне водной глади сменилась долгожданными неровными очертаниями суши. Мы провели в море тридцать четыре дня — по моей оценке, поскольку во время самого страшного шторма мне трудно было определить, когда кончался день и начиналась ночь.

За время нашего плавания неизмеримо выросло мое уважение к капитану Браннуну и его команде — и вместе с ним убежденность в том, что путешествие по суше куда приятнее морского. Мысль о неподвижной земле под ногами или даже о стремительно несущейся лошади привлекала меня все больше. Я готов был поведать мою историю о поисках ламантинового дерева торговцам в Веннеспорте.

29

Казариан — рассказ о путешествии через Долины из Веннеспорта к руинам в окрестностях Ферндола (26 день, Луна Волколака — 24 день, Луна Чордоша)

Мне потребовалось три дня, чтобы доставить все оставшиеся письма Мерет — два для родственников и еще два для ее знакомых торговцев. Сначала каждый из получателей смотрел на меня несколько искоса, но, прочитав письмо, искренне прилагал все усилия к тому, чтобы обеспечить меня лошадьми и припасами, которые могли мне понадобиться для путешествия в края,

граничащие с Пустыней, пользовавшейся дурной славой. Кроме того, все с тревогой расспрашивали о Мерет. Лишь один из торговцев был ее возраста; остальные трое были значительно моложе. Судя по всему, она пользовалась у них немалым уважением, и, похоже, они были всерьез озабочены тем, как ее встретили после долгого путешествия через море. Я заверил их, что в Лормте ее ждал теплый прием, а глубокое знание родословных получило высокую оценку. Я не стал упоминать о ее ранах. Пусть считают, что она с головой погружена в научные исследования... что, в определенном смысле, было недалеко от истины.

Как и предвидела Мерет, мнимая цель моего путешествия и в особенности местность, где я предполагал вести поиски, не вызывали у жителей Долин особого желания предлагать свои услуги в качестве сопровождающих. Один из родственников Мерет, со стороны ее родительницы, нерешительно предложил попробовать нанять для меня проводника, но я заверил его, что нарисованных лично Мерет карт вполне достаточно для того, чтобы привести меня туда, где я мог бы воспользоваться особой картой моего наставника. Я намекнул, что мой наставник предпочел бы, чтобы я выполнил свою миссию в одиночку, и в порыве вдохновения признался, что, из-за своего ализонского происхождения, считаю разумным по возможности избегать населенных мест. Едва услышав мои объяснения, родственник Мерет, несколько смущенный, но не скрывавший чувства облегчения, нагрузил меня двумя корзинами, в которых можно было найти все, необходимое для одинокого путника. Он также убедил меня, как только я доберусь до Палтендола, поменять моих верховых и вьючных лошадей на горных пони и дал мне письмо с рекомендацией к его тамошнему знакомому, торговцу

шерстью. Я попытался расплатиться с ним несколькими серебряными слитками, но он решительно отказался их принять, сказав, что в письме Мерет четко оговорено, что мне должна быть оказана «семейная любезность». Поскольку предполагалось, что мне знакомы обычаи Долин, я вынужден был понимающе кивнуть и искренне поблагодарил за заботу.

На двадцать шестой день Луны Волколака я отправился в путь по дороге, ведущей из Веннеспорта в Тревампер. Мерет нарисовала для меня карту Долин, которую я мог открыто показывать кому угодно, с отмеченными на ней жирными линиями населенными пунктами. Также она написала для меня ряд личных комментариев, которые я должен был запомнить наизусть, так что теперь я мог выбирать наименее проторенные тропы, двигаясь все дальше на северо-запад.

Луна Волколака вскоре сменилась Луной Чордоша, а я все еще продолжал тяжкий путь, часто проклиная переменчивую погоду. С утра день мог быть прохладным и ясным, но через час с горных склонов спускались тучи, осыпая меня мокрым снегом, дождем или градом. Иногда казалось, будто на лошадей и на меня поочередно обрушиваются все три стихии.

После Тревампера уже не осталось ничего, что можно было бы назвать дорогой, но мне в любом случае приходилось избегать людных троп. Мое продвижение временами становилось изнурительно-медленным. Я проехал к югу от Дорндола, затем поднялся на холмы к западу, огибая Хавердол, и двинулся дальше на север, взбираясь по крутым горным склонам, отделявшим Итордол на западе от Финдола на востоке.

К этому времени я проделал путь примерно в шестьдесят лиг, и миновала половина Луны Чордоша. Чтобы пополнить уменьшающиеся запасы продовольствия, я

время от времени охотился. В силки, которые я ставил, прежде чем остановиться на ночь, иногда попадались кролики. Несколько раз на ужин мне доставались неуклюжие, медленно летающие птицы, беззаботно располагавшиеся в пределах броска моего ножа.

Добравшись до Палтендола, я тщательно разведал местность, прежде чем спуститься по извилистой тропинке в долину. Торговец шерстью, которого порекомендовали мне в Веннеспорте, оказался, как и многие другие, разговорчивым типом, который без умолку болтал об овцах. Однако он взял у меня серебряный слиток, когда я сказал ему, что не знаю, как долго продлятся мои поиски возле границ Пустыни, и что я предпочел бы купить у него горных пони прямо сейчас. Пополнив мои запасы, он настоял на том, чтобы отправиться вместе со мной до самой границы Палтендола. Перед расставанием он предупредил меня, чтобы я остерегался весенних снежных лавин, а затем повернул назад, продолжая нести вздор о бесчисленных превратностях судьбы, обрушившихся на местные стада в то время, как он намеревался купить шерсть...

Я никогда особо не интересовался пони, в отличие от лошадей. Вскоре я обнаружил, что это животные весьма своенравные и упрямые. Никогда нельзя заранее предугадать, что у них на уме. Я жалел, что у меня нет подобающих случаю ализонских шпор, и еще больше — о том, что мой пони не имеет никакого представления об ализонской дрессировке. Однако, по мере того как мы забирались все дальше в гористую местность на северо-западе, испещренную безымянными долинами среди отвесных скал, я все больше убеждался, что оба моих животных исключительно твердо держатся на ногах, особенно на предательски узких уступах и крутых склонах. Учитывая характер местности,

они казались ничем не хуже наших торгианцев. Смирившись со своенравным характером пони, на котором я ехал, я предоставил ему выбирать любой разумный, с его точки зрения, путь, лишь бы он вел в нужном мне направлении.

Когда до утесов и долин, которые, по словам Мерет, соседствовали с Ферндолом, было уже недалеко, у меня появилась новая ночная привычка. Расседлав пони и завернувшись в дорожное одеяло, я доставал камень Эльзенара и держал его в руке. Я не прикасался к нему ни во время морского путешествия, ни в течение многих утомительных лиг, пока пересекал Долины. В Лормте, беря камень у Мерет, я опасался, что его гнусная магия может вновь овладеть мной, как это случилось, когда я впервые увидел его в Ализоне. К моему облегчению, я не ощущал ни каких-либо беспокоивших меня вторжений в мои сны, ни признаков слабости, подобных тем, что я испытал в Ализоне. Однако я постоянно осознавал присутствие камня. Я ощущал его твердые очертания под камзолом, когда ложился, но не испытывал никаких магических воздействий до тех пор, пока не покинул Палтендол.

Двигаясь по дикому бездорожью, я обнаружил, что моя рука все время невольно тянется к груди. Когда я остановился на ночь в первый раз после того, как расстался с торговцем шерстью, что-то неожиданно заставило меня достать кулон из внутреннего кармана и повесить на шею. Камень казался необычайно холодным — холод ощущался даже сквозь перчатку, но я решил, что это, вероятно, из-за морозного воздуха. Я спрятал камень под камзол, поверх рубашки, и вскоре заснул. Камень не вторгался в мои сновидения, как прежде в Ализоне, однако, проснувшись на следующее утро, я ощутил некое едва заметное чувство... направления, слов-

но слабое дуновение ветра подталкивало меня дальше на северо-запад.

После той ночи я каждый вечер перед сном брал камень в руку. Со смешанными чувствами страха и волнения я понял, что странное ощущение влечет меня в точности в том направлении, что было указано на последней карте Мерет — на которой якобы было отмечено место, где следует искать ламантиновое дерево. Последние четыре или пять лиг мне уже не приходилось обращаться к карте Мерет за ориентирами, поскольку камень сам вел меня прямо к беспорядочному нагромождению серых камней, наполовину занесенных снегом. Судя по моим подсчетам, был двадцать четвертый день Луны Чордоша.

Я настороженно осмотрелся по сторонам. На снегу не было видно чьих-либо следов, его явно ничто не тревожило, кроме ветра. Я накормил и напоил пони, затем некрепко привязал их к росшему поблизости вечнозеленому дереву, так чтобы они смогли освободиться самостоятельно, если я не вернусь. С помощью отломанного от того же дерева сука я разгребал снег, пока под ним не показались ведущие под землю широкие каменные ступени.

Лестница резко сворачивала влево, заканчиваясь занесенной снегом площадкой, затем вновь уходила вниз, в темноту. Среди моего имущества было несколько факелов, но, повернувшись, чтобы забрать их, я неожиданно остановился. Моя рука потянулась к груди, и, прежде чем я успел осознать, что делаю, я обнаружил, что снимаю цепочку с шеи, так что камень свободно повис на моих пальцах. Он сверкал столь ярко, что на мгновение мне показалось, что он сияет ярче естественного света. Шагнув на ведущую вниз темную лестницу, я уже не сомневался в том, что камень действительно

испускает холодное голубое свечение. Мне не требовалось никаких факелов, чтобы освещать путь.

Чем глубже я спускался, тем ярче светился кулон, пока я не оказался в большом пустом помещении у подножия лестницы. На древних каменных стенах дрожали мрачные тени. Когда я поднял камень, чтобы оглядеться, он засиял столь ярко, что мне пришлось заслонить глаза свободной рукой.

Внезапно я почувствовал, с той же отчетливой ясностью, как если бы в мою спину вонзилось холодное лезвие, что я здесь не один. Вздрогнув от страха, я резко опустил руку, схватившись за рукоять кинжала, но представшее передо мной зрелище настолько потрясло меня, что оружие так и осталось в ножнах.

Сверхъестественное сияние камня высветило фигуру высокого, черноволосого человека, одетого в светлую мантию старомодного покроя. Прежде чем я успел как следует разглядеть чужака, камень вспыхнул столь ярко, что я чуть его не выронил. К своему ужасу я почувствовал, как цепочка скользит по моей коже по мере того, как кулон медленно, но верно освобождается из моих пальцев. Я сдавленно вскрикнул, увидев, что сверкающий камень поплыл по воздуху в сторону облаченной в мантию фигуры, призывно поднявшей руку.

В еще больший ужас повергло меня осознание того, что я могу различить линии каменной кладки на дальней стене сквозь очертания фигуры. Стоявший напротив меня был прозрачен, словно изображенный на вертикально поставленной пластине из речного льда. Когда камень замер возле вытянутых пальцев призрака, яркое свечение несколько угасло, перестав быть болезненным для глаз. Глаза... Взглянув на призрачное лицо, я увидел, что глаза мага лишены белков и подобны сплошным черным шарам, взгляд которых приковал

меня к месту, словно взгляд змеи, гипнотизирующей добычу.

За все это время я не слышал ни единого звука, если не считать моего учащенного дыхания. Внезапно мне показалось, что маг обращается ко мне на совершенно непонятном языке. Слова звучали успокаивающе, но я едва не вскрикнул, осознав, что то, что я принял за обычный голос, на самом деле — результат чудовищной магии, заставляющей звуки формироваться прямо у меня в мозгу! Ноги больше не держали меня. Я опустился на колени, думая лишь об одном — как бы не лишиться чувств от непреодолимого ужаса.

В то же мгновение я начал понимать спокойные слова, вторгавшиеся в мой разум.

— Неужели прошло столько времени, что изменился сам язык? — спросил призрак. Затем, когда я опустился на колени, тон стал более резким.— Нет, нет — не становись передо мной на колени! Я всего лишь ученый, а не повелитель, требующий преклонения. Встань, говорю я тебе! Ты вернул мне мой камень; ты — моей крови, но волосы твои перекрашены, словно для маскировки. Я бы попросил тебя рассказать мне свою историю, но, как ты видишь, я не присутствую здесь в моем телесном воплощении. Теперь, когда камень разрушил путы, удерживавшие меня здесь, у меня осталось мало времени — излишне промедлив, я безвозвратно исчезну. Если позволишь, я войду в твой разум и узнаю о тебе все, не тратя времени на разговоры. Ты беспокоишься. Не нужно. Я твой кровный родственник, Эльзенар, Слуга Света. Мы, приверженцы Света, никому не причиняем вреда и никого не принуждаем действовать против его воли. Могу я войти в твой разум?

Я не мог поверить в то, что разговариваю с могущественным магом, обездолившим нашу страну более ты-

сячи лет назад. Я содрогался от одной мысли о прикосновении к моему разуму... однако знал, что не в силах помешать ему сделать со мной все, что он пожелает — что бы он ни говорил. Тем не менее, пока что я был цел и невредим. Если самому Эльзенару угрожала опасность исчезнуть навсегда, возможно, его Сила существенно ослабла. Чем он мог мне угрожать — разве что убить меня? Я тут же подавил пришедшее на ум воспоминание о том, что, по слухам, Ведьмы Эсткарпа умели превращать людей в животных. У меня не было времени на столь глупые страхи. Я шагнул к Эльзенару и кивнул в знак согласия.

Странный, неподвижный взгляд его черных глаз пронзил меня. Он поднял руки, и камень поплыл в мою сторону, испуская пульсирующее темно-синее сияние, которое превратилось в огромное сапфировое облако света, окутавшее меня со всех сторон, и я провалился в лазурную бездну.

30

Эльзенар — рассказ о событиях в заброшенном логове Нарвока, переданный Казариану посредством мысленной связи
(24—25 дни, Луна Чордоша)

Время — невероятно долгое время прошло со дня моего поединка с Нарвоком. Казалось, лишь несколько мгновений назад моя роковая схватка с Темным Адептом пробудила Силу, спокойно спавшую с Древних Времен. Вышвырнув Нарвока через его Врата и разорвав меня надвое, она вновь погрузилась в беспробудный сон, оставив тот обрывок, в который я превратился, в бестелесном состоянии, без возможности двигаться и гово-

рить. По прошествии неизмеримого времени в месте моего заточения появилась женщина. С помощью Силы, заключенной в моем камне, я привлек к себе ее внимание и получил от нее разрешение магическим способом зачать Дитя Разума, которое войдет во владение моим камнем с тем, чтобы в будущем освободить меня. Когда она ушла вместе с камнем, я не в силах был определить, сколько еще времени мне предстоит провести в виде висящего в кромешной тьме призрака.

Вывело меня из этого состояния лишь ощущение, что ко мне вновь приближается мой камень. Я все еще пребывал в заточении, но, по мере того как камень оказывался все ближе, я начинал все отчетливее воспринимать окружающее. Волна Силы предупредила меня, когда обладатель камня вошел в мою темницу. Я радостно приветствовал камень — будучи частью моего разума, он придавал мне силы, благодаря чему я смог приобрести хотя бы слабо видимые очертания. Однако я не мог физически завладеть камнем, поскольку не обладал материальной сущностью, которая позволила бы прикоснуться к чему-либо или другим — прикасаться ко мне. Не мог я и обратиться вслух к юноше, кровь которого взывала к моей крови. Но почему его волосы были выкрашены в темный цвет, если он явно был сыном ализонского народа?

Я приказал камню покинуть его руку и приблизиться ко мне. Его энергия согрела мою мысленную сущность, подобно животворящим лучам солнца. Вобрав в себя силу камня, я обратился к юноше мысленно, на известном мне ализонском наречии. Сначала, казалось, он не мог меня понять, затем громко вскрикнул и упал на колени.

Я понял, что моя мысленная речь испугала его. Смущенный тем, что он меня боится, я велел ему поднять-

ся, воспользовавшись мысленной речью, предназначенной лишь для близких друзей, по ясности она превосходит любой разговорный язык. Я объяснил ему, что мое кажущееся появление лишь временно и что я должен немедленно действовать, чтобы собрать воедино осколки моей, разрушенной магическим заклятием, личности, иначе я вскоре исчезну, превратившись в ничто.

Чтобы как можно быстрее обменяться информацией, я попросил его позволения проникнуть в его разум напрямую, дав доступ ко всем воспоминаниям. Как и в предыдущем случае, с леди Верондой из Долин, я не мог и не хотел поступать вопреки желанию того, с кем имел дело.

Юноша ничего не сказал. Он весь дрожал, когда шагнул мне навстречу, однако, несмотря на вполне объяснимый трепет, он посмотрел прямо на меня и твердо кивнул в знак согласия.

С помощью Силы моего камня я проник в его память. К моему удивлению, я узнал, что этот юноша, Казариан из Ализона, вовсе не Дитя моего Разума, от которого я ждал спасения; ребенком же, рожденным леди Верондой, была женщина по имени Мерет. Глазами Казариана я видел ее такой, какой в последний раз видел ее он сам,— в постели, выздоравливающей после тяжких увечий, которые она получила, рискуя жизнью, чтобы вернуть мой камень. Встревоженный, я быстро просмотрел события, хранившиеся в памяти Казариана. Мерет родилась в Долинах почти семьдесят шесть лет назад, но Казариан знал и о моем пребывании в Ализоне, более тысячи лет назад!

Меня привело в крайнее уныние известие о том, что изгнание предателя Шорроша и уничтожение Врат, ведших в Ализ, до сих пор считается нынешними жи-

телями Ализона столь великой изменой, что они ведут от этого события свое летоисчисление. Тем не менее я хорошо помнил жестокие изъяны в натуре самых первых переселенцев из Ализа. Меня вовсе не удивило — хотя жалость переполнила меня,— что потомки народа, который я когда-то спас, сохранили и даже развили в себе прискорбные качества, которые портили характер их прародителей. С другой стороны, я был крайне обрадован тем, что не обнаружил пятна Тьмы на Казариане. По иронии судьбы, считая совершенное мной и Шоррошем изменой, ализонцы осуждали и отвергали все, связанное с магией, столь последовательно и целеустремленно, что их культура с тех пор, несмотря на все ее отталкивающие черты, не носила никаких следов влияния Тьмы... до... до сегодняшнего дня!

С возрастающим страхом я сосредоточился на возникшей угрозе, которую представляли планы барона Гурбориана найти союзников среди выживших сил Тьмы, все еще действовавших в Эскоре. Я наблюдал поединок, в котором Гурбориан был смертельно ранен собственным отравленным кинжалом. Я видел, как Казариан забрал мой камень с тела Гурбориана, а затем отнес Мерет через мой тайный проход в Лормт, где ждала группа ученых, приверженцев Света, готовившихся отразить нападение Эскора на земли, расположенные к югу от Ализона.

Я исследовал знания Казариана и его мнение о каждом из его сотоварищей в Лормте; союз их оказался вынужденным, вызванным необходимостью защититься от общего врага. К моей великой печали, я узнал о войне, которую вел Ализон против Долин. Казариан, хотя и был слишком молод для того, чтобы принимать участие в неудавшемся вторжении, все еще считал, что Ализон враждует как с жителями Долин, так и с по-

томками приверженцев Света, бежавших из Эскора и именовавших себя теперь эсткарпцами.

Прямая мысленная связь не допускала возможности обмана. Я сразу же понял, что Казариан испытывает ко мне смешанные чувства — моя магическая Сила внушала ему отвращение и страх, но в то же время он питал некоторую надежду на то, что я вознагражу его за спасение. Он с ужасом представлял себе, что будет, если я вернусь в Ализон и захвачу власть, но также размышлял и о том, что я мог бы оказать помощь его товарищам в Лормте, разработав план, который не позволил бы никому из оставшейся группировки Гурбориана вступить в союз с Темными Адептами Эскора.

Я коротко ознакомился с жизненным опытом Казариана, коснувшись и его воспоминаний об отце,— которого, как я узнал, злодейски убил Гурбориан. Родословная Казариана вела свое начало непосредственно от Кревонеля, моего сына, которого я никогда не видел, рожденного моей возлюбленной Килайной долгие столетия тому назад. Сквозь все поколения прошли отголоски ее необычайной красоты — они отразились и в цвете глаз Казариана, и в его стройной фигуре.

Я страстно желал остаться в этом новом времени, столь далеком от той эпохи, которую я знал, и тем не менее находившемся под угрозой со стороны все тех же смертоносных сил Тьмы. Медлить дальше было нельзя. Меня охватило всепоглощающее чувство, безотлагательно требовавшее спешить к неизвестным Вратам, за которыми томилась оставшаяся часть моего существа.

Так же как был открыт передо мной разум Казариана, так и мои мысли должны были стать ему доступны — между нами не могло быть никаких тайн. Я знал, что должен действовать быстро — пока не иссякла моя

сила. Воспользовавшись энергией камня, я осторожно разорвал нашу связь, так чтобы это произошло безболезненно для Казариана.

31

Казариан — события в заброшенном логове Нарвока (25 день, Луна Чордоша) и позднее в Лормте (1 день, Луна Пятнистой Змеи/2 день, Месяц Бахромчатой Фиалки)

Никогда прежде я не испытывал погружения в чужие мысли, к тому же столь полного. Прежние путешествия через магический проход Эльзенара полностью лишали чувств и ориентации в пространстве. Однако, когда сознанием моим овладел камень Эльзенара, ощущения, которые я испытал, оказались удивительно приятными. То, что сперва показалось мне погружением в сплошную голубизну, постепенно сменилось сверкающим каскадом разнообразных красок, сопровождавшихся музыкальными звуками, подобных которым мне никогда прежде не доводилось слышать. Я также ощущал ароматы слаще запаха цветущих гроздей ягод кровь-лозы, превосходивших даже одурманивающий запах цветка-душителя. Однако я сознавал, что вижу не глазами, слышу не ушами и обоняю не носом; я вообще не ощущал своего собственного тела. Подобное могло бы испугать, если бы не окружавшая меня безмятежная красота, полностью рассеивавшая любые страхи. В течение казавшегося бесконечным времени меня окутывало мягкое, успокаивавшее тепло.

Внезапно звуки и запахи исчезли, а тепло сменилось сковывающим холодом среди бескрайней голубиз-

ны, словно я погрузился в глубокие воды горного пруда. Мои руки окоченели от холода... руки! Внезапно я вновь ощутил собственное тело. Ко мне вернулось зрение, и передо мной снова предстало помещение с голыми каменными стенами, все еще освещенное сиянием камня Эльзенара.

Призрачный силуэт Эльзенара нависал надо мной почти на расстоянии вытянутой руки. Лицо его было искажено, и его прозрачные черты дрожали, расплываясь, словно очертания камней на дне стремительного потока.

В моем мозгу прозвучал его голос:

«Немало великих событий свершилось с тех пор, как я оказался здесь в заточении. И снова силы Тьмы грозят прорваться из своего оплота в Эскоре. Будь моя воля, я бы поспешил на помощь силам Света — но если я не смогу соединиться со своей собственной пропавшей половиной, я неминуемо погибну. Помощь потребуется и от тебя, чтобы спасти Лормт и Ализон. Ты поступил разумно, воспользовавшись моим проходом между Ализоном и Лормтом; увы, у меня нет ни времени, ни сил, чтобы снять запрет, действующий против любого, не связанного с нами кровными узами. Сейчас же я могу прибегнуть к помощи другого заклятия, которое свяжет место, где мы сейчас находимся, непосредственно с Лормтом, но лишь один раз. Я предупрежу Джонджу Мудрую о твоем прибытии. Несомненно, та хижина, где я когда-то сотворил это заклятие, давно превратилась в пыль, но Джонджа, благодаря своему дару, будет знать, когда и где ты появишься. Сначала я отправлю тебя, затем уничтожу проход. После я займусь поисками утраченной части себя. Даже если я добьюсь успеха, возможно, я не смогу вернуться в Лормт из столь отдаленных мест, так что твоим спут-

никам не следует ждать от меня помощи. Теперь же я вынужден с тобой попрощаться, Казариан, кровь от моей крови. Я вижу в твоем лице далекие черты моей возлюбленной Килайны. Пусть же тебе и твоим товарищам сопутствует удача! Да пребудет с тобой Свет!»

Камень Эльзенара, неподвижно висевший между нами, поплыл в сторону мага. Он поднял бестелесные руки, словно желая его схватить. Камень вспыхнул ярче солнца, ослепив меня. Прежде чем я успел закрыть глаза руками, меня швырнуло в ревущий хаос магического прохода.

Полуоглушенный, я обнаружил, что распростерт на покрытой росой траве горного луга. Какое-то время я просто лежал, постепенно приходя в себя. Солнце уже село за верхушки гор, когда я услышал стук копыт приближающихся лошадей. Я с трудом сел. Впереди ехал Дюратан, за ним Мудрая, которая вела в поводу третью лошадь, без всадника. Увидев меня, путники спешились и побежали в мою сторону.

Мудрая предложила мне фляжку пряного вина, но, сделав глоток, я отказался от напитка. Я все еще был удручающе слаб после колдовского перемещения и сомневался, что смогу удержаться в седле. К счастью, Дюратан, оценив мое состояние, посадил меня на свою лошадь перед собой.

Не помню, как мы возвращались в Лормт. Когда мы въехали в просторный внутренний двор, я на мгновение увидел перед собой лицо управляющего Лормта, который что-то говорил, словно еще не закончил свой последний разговор со мной. Я соскользнул с седла прямо ему на руки, и темнота окутала меня.

Как мне рассказали, я проснулся лишь на следующий день, который обитатели Лормта называли вторым днем Месяца Бахромчатой Фиалки, последней Луны

их весны. Я был ошеломлен, но Морфью заверил меня, что это действительно первый день Луны Пятнистой Змеи, второй из наших трех весенних Лун. Я отсутствовал в Лормте почти три луны.

Прежде чем я успел спросить, как дела в Лормте, в мою спальню вошла Мудрая, неся тяжело нагруженный поднос. Морфью заметил, что сам лично выбирал для меня еду. Мудрая скорчила недовольную гримасу, настоятельно предложила мне поесть и оставила нас вдвоем. Я с радостью принялся за сочные куски жареного мяса кабана, которого, по словам Морфью, добыл Дюратан. Я поблагодарил за угощение и спросил, использует ли Дюратан во время охоты какую-нибудь местную породу псов.

Морфью рассмеялся.

— Мало кто в Лормте достаточно молод и ловок для того, чтобы охотиться,— объяснил он.— Большую часть провизии, которую мы не можем выращивать сами, мы покупаем у соседних фермеров. Этот же зверь вторгся в один из наших огородов и опустошал его, пока Дюратан не застал его врасплох, прекратив грабеж ударом копья. Возможно, это не столь захватывающе, как псовая охота, но ведь добыча не становится от этого менее аппетитной.

Я с удовольствием выпил пряное вино, от которого отказался накануне. Наливая себе второй бокал, я спросил:

— Как дела у госпожи Мерет?

— Рад сообщить тебе, что ей намного лучше,— ответил Морфью.— Мастер Вессель соорудил хитроумное кресло на колесиках, в котором она может передвигаться, что позволяет ей вместе с нами работать с документами. Когда ты окончательно придешь в себя, Мерет ждет твоего рассказа у меня, вместе с Оуэном и

остальными. Должен признаться, мы едва сдерживаем наше любопытство.

Сытно пообедав, я с радостью обнаружил, что моя одежда аккуратно сложена на сундуке у изножия кровати. Одевшись, я последовал за Морфью по извилистым лормтским коридорам в его рабочий кабинет.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы поведать о своих приключениях. Обитатели Лормта были явно разочарованы тем, что на помощь Эльзенара и его камня в отражении угрозы со стороны Эскора рассчитывать не приходится.

Я не стал высказывать вслух свою радость по поводу ухода Эльзенара. Его присутствие было угрозой Ализону, сколь добрыми намерениями он ни руководствовался. Тысячелетние традиции и убеждения невозможно отбросить за одну ночь. Ни один ализонец — и уж, во всяком случае, ни один барон — не мог не испытывать ужаса при одной лишь мысли о возможном возвращении Эльзенара. Ради самого существования Ализона, Эльзенару лучше было оставаться некой устрашающей фигурой, навеки заточенной в далеком прошлом.

Я также был рад, что чудовищный камень Эльзенара исчез вместе с ним. Никто и никогда не должен проникать в чужой разум. И тем не менее... Я надеялся, что Эльзенар будет искать свою недостающую половину достаточно долго, прежде чем, воссоединившись с ней, вернется, неся с собой новые беды для Ализона.

Оуэн поднял руку, предупреждая долгую бессмысленную дискуссию о неожиданном уходе Эльзенара.

— Мы должны разработать наш собственный план наступления и обороны, не рассчитывая на Эльзенара,— заявил он.— Я надеялся, что он окажет нам бесценную помощь, но придется принять как должное его слова о том, что он вряд ли вернется в Лормт.

— В таком случае,— решительно сказал Морфью,— наше положение ничем не хуже, чем было до того, как мы отправили Казариана в Долины. За все это время Джонджа и Дюратан не обнаружили никаких явных признаков деятельности Темных Магов. Ничто не угрожает нам и со стороны Ализона. Очевидно, группировка Гурбориана все еще пребывает в смятении после его необъяснимого исчезновения.

— Я должен как можно скорее вернуться в замок Кревонель,— заявил я.— Мне необходимо выяснить, как обстоят дела в Столице. Гурбориана и Гратча больше нет, но их место могут занять другие, и они продолжат поиски гибельных связей с Эскором. Возможно, мне удастся объединить старых баронов — начиная с настоящего Волориана,— чтобы противостоять остаткам тех, кто поддерживал колдеров, и тем, кто еще остался среди сторонников Гурбориана.

Морфью пристально посмотрел на меня.

— Меня беспокоит твоя безопасность,— сказал он.— Благоразумно ли возвращаться именно сейчас? Даже если твое длительное отсутствие и удастся объяснить якобы поездкой в дальние владения, не вспомнят ли твои враги о кровавых событиях в замке Кревонель незадолго до твоего отъезда?

Я не смог сдержать улыбку.

— Какие еще кровавые события? — спросил я.— Уверяю тебя, мои люди не скажут ни слова о том, что случилось в ту ночь. А как ты помнишь, других живых свидетелей не осталось.

Дюратан неохотно кивнул.

— Но не станут ли сторонники Гурбориана подозревать, что ты имеешь какое-то отношение к исчезновению барона и Гратча? — спросил он.

— Подозревать — одно дело,— возразил я.— Доказать подозрения — намного сложнее. Если только Гратч, что на него не похоже, не проговорился о планах своего хозяина, никто из стаи Рептура не знает, что именно случилось с пропавшими. Бодрик расскажет мне о любых слухах, которые ходили за это время. Я же, признаться, не получил еще ответа на вопрос: что нового удалось узнать из документов, пока меня не было в Лормте?

Подруга Дюратана махнула рукой в сторону стола, заваленного свитками, книгами и листами пергамента.

— Мы нашли множество упоминаний о крупных стычках в Эскоре еще до того, как наши предки бежали в Эсткарп,— ответила она, затем расстроенно покачала головой.— Многие весьма отрывочны, многие же непонятны и нечитаемы. Похоже, новым материалам, которые еще предстоит изучить, не будет конца.

— Никогда не думал, что нам удастся проникнуть в столь далеко в прошлое,— воскликнул Морфью, потирая руки.— Было бы намного проще,— продолжил он,— если бы все эти куски и обрывки более последовательно соединялись в единое целое, однако мы все же постепенно продвигаемся вперед.

— Информация, которую вы собрали, может дать нам ключ к успеху,— торжественно произнес я.— Прошу вас, продолжайте вашу работу и делитесь со мной любыми фактами, которые могли бы помочь моим действиям в Ализоне.

— Единственный способ связи с тобой в Ализоне — магический проход,— возразила Мудрая.— Поскольку воспользоваться им могут лишь кровные родственники Эльзенара, наш единственный связной — Мерет, а она пока не в состоянии предпринимать подобные путешествия.— Безнадежно махнув рукой, она воскликну-

ла: — Если бы мы могли просто бросить в портал пакет с сообщением! Но, чтобы создать проход, нужен родственник Эльзенара с твоим ключом в руках!

— Так же, как я сам прихожусь — как вы говорите — племянником Волориану,— заметил я,— так и у меня в стае найдется несколько щенков. Я просто скажу им, что они должны доставить сообщение; прочная маска на лице не даст им увидеть, кому они передают пакет. Их заставит держать язык за зубами преданность стае, а также страх перед возможным наказанием.

Морфью вздохнул.

— Достойная сожаления практика — держать молодежь в повиновении и страхе,— сказал он.

Я недоверчиво уставился на него.

— Нет ничего лучше Закона Стаи,— уверенно заявил я.— Сильный становится сильнее, а слабый не должен жить, поскольку может породить еще более слабых.

— Надеюсь, никто не пострадает,— твердо сказал Оуэн.— Как ты верно говоришь, наше местонахождение в Лормте необходимо хранить в строжайшей тайне. У тебя достаточно оснований доверять нам, Казариан, но твои товарищи-бароны вряд ли с радостью отнесутся к твоему союзу с нами, их извечными смертельными врагами.

— В обычаях Ализона всегда было искать выгоду где бы то ни было,— ответил я,— и разрывать любые договоры, стоит лишь появиться лучшему варианту. Тем не менее, как мне стало ясно, ваши обычаи тоже имеют высокую ценность. Вы полагаетесь на клятву, не боясь последующей измены. Мы поступаем иначе, но, похоже, ваши обычаи придают обществу некую... стабильность, которой недостает в Ализоне. Учитывая опас-

ность, которая угрожает нам с востока, я полагаю, что всем нам необходимо изменить некоторые из наших обычаев, если мы хотим выжить.

Меня прервал громкий стук посоха Мерет. Во время нашей дискуссии она что-то быстро писала и теперь протягивала лист пергамента Нолар, чтобы та прочитала ее слова вслух.

32

Мерет — события в Лормте
(2 день, Месяц Бахромчатой Фиалки/1 день, Луна Пятнистой Змеи)

С тех пор как Казариан покинул Лормт, беспокойство мучило меня каждый день. Несмотря на то что краска Нолар чудесным образом превратила серебристо-белые волосы Казариана в темно-каштановые, я не в силах была убедить себя, что он встретит радушный прием со стороны жителей Долин, помнивших ужасы войны. Когда он пришел ко мне попрощаться и забрать камень Эльзенара, я посмотрела на него с мрачным предчувствием. Его только что покрашенные волосы подчеркивали ализонскую бледность кожи и блеск голубовато-зеленых глаз. Я подумала, что единственный способ для Казариана скрыть свою подлинную сущность — это спрятаться в большой корзине и не показываться никому на глаза. Одежда, которой снабдила его госпожа Беталия, вполне подходила ученику торговца. Если бы только Казариану не приходилось двигаться! Он не в силах был скрыть свою грациозную походку воина, как и свой сверхъестественный слух. Оставалось лишь надеяться, что моих писем к торговцам и нашей истории о его смешан-

ном происхождении окажется достаточно, чтобы объяснить необычные черты Казариана.

Когда я протянула ему камень Эльзенара, он не повесил цепочку на шею, но спрятал кулон во внутренний карман камзола. Я знала, что для ненавидевшего магию ализонца камень был чем-то чудовищным, одно прикосновение к нему внушало отвращение... однако Казариан готов был рискнуть жизнью, чтобы пронести его с собой через море и через Долины. Повинуясь мгновенному импульсу, я написала ему благословение торговцев, которое выучила в детстве, в обители Наставниц аббатства Ришдол.

Фаррис, вернувшись, принес весть об успешном продвижении Казариана к цели. Почти девять недель спустя, в начале Месяца Гибкого Папоротника, прибыл ученый из Карстена, с письмом ко мне, которое ему дали в Эсе, когда стало известно, что он отправляется в Лормт. Торговец из Эса желал известить наставника «Казиара», что его ученик достиг Эстпорта на семнадцатый день Месяца Снежной Птицы и отплыл в Долины два дня спустя, на борту «Ищущего Бури». Я вспомнила, что во время моего собственного путешествия капитан Халбек упоминал этот корабль и как-то сказал, что капитан «Ищущего Бури» Браннун — один из немногих знакомых ему сулкарцев, корабль и команда которого отваживаются выходить в зимнее море.

После этих добрых известий на многие тревожные дни наступила тишина. Мы продолжали изучение документов Лормта с рассвета до заката, да и после захода солнца, при лампах и свечах. Мы обнаружили отрывочные подтверждения записей в дневнике Эльзенара, и некоторые свидетельства в пользу версии Казариана о древней истории Ализона; однако мы не нашли ни каких-либо подробностей, ни четкой стратегии — ни-

чего, чем могли бы воспользоваться против Темных Сил из Эскора, угрожавших теперь как Ализону, так и Эсткарпу.

По крайней мере, раз в неделю мы собирались в кабинете Морфью, наблюдая за Джонджей и Дюратаном, пока те священнодействовали со своими магическими инструментами, предсказывавшими будущее. Джонджа объяснила мне, что ее рунная доска может показать в общих чертах, как дела у Казариана. Когда она сосредоточивалась на Казариане, скользя рукой по рунной доске, и ее движущиеся пальцы останавливались на золотой руне, то мы могли быть уверены, что у него все хорошо; красная руна говорила о наличии некой угрозы; черная же руна означала смертельную опасность или смерть. По словам Дюратана, его кристаллы тоже могли сообщать о непредвиденных препятствиях или полученной помощи. Все мы испытали несравненное облегчение, когда первые несколько сеансов гадания показали, что Казариан движется к цели без серьезных помех. Однако порой мы с тревогой видели, как пальцы Джонджи останавливаются на красной руне, а кристаллы Дюратана подтверждают присутствие опасности. Оуэн напомнил, что корабль, на котором путешествовал Казариан, мог попасть в шторм, как и во время любого зимнего путешествия в Долины. Морфью полагал, что «Ищущему Бури» потребуется от четырех до шести недель на то, чтобы пересечь море, в зависимости от направления ветра и силы штормов. Таким образом, мы подсчитали, что Казариан должен прибыть в Веннеспорт в конце Месяца Ястреба или, возможно, в начале Месяца Гибкого Папоротника.

Шли недели, и мы постепенно привыкли к повторяющемуся появлению золотых рун и благоприятному расположению кристаллов. Неожиданно в последний

день Месяца Гибкого Папоротника, когда Джонджа провела пальцами по рунной доске, они остановились на черной руне. Дюратан с мрачным выражением лица бросил свои кристаллы и с явной тревогой воскликнул:

— Казариану угрожает опасность — но какая? Я вижу два источника Силы, противостоящих ему, но оба принадлежат Свету...

— Эльзенар! — голос Нолар дрожал от волнения.— Казариан, вероятно, отыскал руины и вернул Эльзенара к жизни с помощью камня. Не могут ли маг и его камень быть теми самыми силами Света?

Лицо Джонджи оставалось бесстрастным.

— Пока не исчезнет преобладающее влияние черной руны,— заявила она,— я буду следить за своей доской.

К нашему удивлению, ничто не изменилось ни ночью, ни на следующий день, несмотря на постоянное обращение к магическим предметам, но ближе к вечеру второго дня Месяца Бахромчатой Фиалки Джонджа сдавленно вскрикнула и осела в своем кресле. Нолар встревоженно схватила ее за руку, но несколько мгновений спустя Джонджа вздрогнула и открыла глаза.

— Я получила Послание от Эльзенара,— заявила Джонджа, прижимая ладонь ко лбу, словно у нее все еще кружилась голова.— По сравнению с ним Послания Волшебниц — лишь шепот, звучавший в моем мозгу; послание же Эльзенара подобно крику! Мне следовало бы принять лекарство, чтобы избавиться от боли, которую оно мне доставило... но у меня нет на это времени. Нам потребуется лошадь — нет, две лошади.

Нолар осторожно вложила в руку Джонджи чашку ячменного отвара.

— Выпей,— предложила она, но Мудрая отставила напиток в сторону.

— Нужно спешить! — настойчиво повторила Джонджа.— Эльзенар намеревается отправить Казариана обратно в Лормт через тот же проход, которым воспользовался он сам тысячу лет назад.

Морфью рассеянно выпил ячменный отвар, после чего заметил:

— Но ведь о том месте, где была лесная хижина, в которой Эльзенар сотворил свое заклинание, нам известно лишь, что оно находится где-то в дне пути от Лормта.

— Эльзенар заверил меня, что я смогу определить точное место,— ответила Джонджа.— Он узнал о моих способностях от Казариана. Я почувствовала, что он намерен действовать очень быстро. Вполне возможно, Казариан уже здесь. Учитывая скорость, с которой он переместился из Ализона в Лормт, следует полагать, что и это расстояние он преодолеет столь же быстро.

Дюратан снова сгреб кристаллы и бросил их на стол. Сверкающие голубые камни легли ровным клином, указывавшим на юго-восток. Собрав кристаллы, Дюратан встал.

Джонджа тоже встала, продолжая сжимать в руке рунную доску.

— Я поеду с тобой,— заявила она.— Нужно спешить. Возможно, Казариан оглушен после перехода. Что, если он свалится в пропасть?

Идя впереди нее к двери, Дюратан сказал:

— Мы узнаем, что с ним, лишь тогда, когда найдем его.

Уже наступили поздние весенние сумерки, когда они привезли Казариана в Лормт. Я наблюдала из дверей, выходивших в большой внутренний двор, как появилась лошадь Дюратана, неся на себе двоих всадни-

ков. Дюратан сидел позади седла, поддерживая бесчувственного ализонца. Мимо меня пробежал мастер Вессель, чтобы помочь внести Казариана внутрь. Хотя ноги мои уже зажили, мне все еще тяжело было ходить, и я была вынуждена пользоваться хитроумным креслом на колесиках, которое сконструировал для меня мастер Вессель. Я с легкостью могла передвигаться на нем по ровной поверхности, но мне требовалась помощь, чтобы подняться или спуститься по лестнице. Именно по этой причине мы перенесли место нашей встречи из комнат Оуэна, расположенных наверху, в кабинет Морфью.

Джонджа не позволила нам разговаривать с Казарианом до следующего дня, чтобы дать ему время восстановить силы. Едва сдерживая нетерпение, мы собрались в кабинете Морфью. Когда в сопровождении старого ученого Казариан появился среди нагромождений свитков и документов, он показался мне еще более изможденным, чем когда покидал Лормт, однако двигался он все с тем же своеобразным изяществом. Заняв место за рабочим столом Морфью, Казариан в подробностях поведал нам о своем удивительном путешествии.

После оживленной дискуссии о наших ответных действиях, Казариан, к моему удивлению, открыто признал преимущество нашей традиции хранить клятву и доверять друг другу, а также то, что перед лицом общей для всех нас угрозы со стороны Эскора, всем нам — эсткарпцам, ализонцам и уроженцам Долин — придется менять традиционный образ мышления.

В этот момент я ударила посохом о пол, привлекая внимание собравшихся. Нолар прочитала вслух мой настойчивый вопрос:

— Можем ли мы быть уверены, что знаем все магические проходы, сотворенные в древности? Нам из-

вестны лишь два из них, созданные Эльзенаром — один из логова Нарвока в Лормт, уже уничтоженный, и другой, из Лормта в замок Кревонель, который пропускает лишь кровных родственников Эльзенара; но разве не мог Эльзенар — и, возможно, маги из Эскора, как Темные, так и Светлые — создать в прошлом и другие подобные проходы?

Морфью нахмурился.

— Не стоит забывать и о Вратах,— предостерег он.— Врата, через которые пришли наши Прародители, основавшие Ализон, были запечатаны Эльзенаром, а Главные Врата, которые пытались создать здесь, в Лормте, разрушились, но были и другие. Как я понимаю, сам Саймон Трегарт явился в Эсткарп через Врата, открывшиеся неподалеку от границы с Ализоном. Колдеры пришли через свои Врата, которые, к счастью, закрылись за ними, но Казариан говорил, что оставшиеся в Ализоне колдеры собирались сотворить еще одни Врата, чтобы пополнить ряды. Так что нам следует учитывать возможность существования скрытых Врат, равно как и магических проходов.

Лицо Казариана побледнело. Слушая Нолар и Морфью, он сидел неподвижно, даже не дотрагиваясь до своего вновь обретенного перстня.

— Когда Эльзенар проник в мой разум,— мрачно произнес он,— мне тоже стали известны некоторые его мысли. Сперва я не помнил подробностей, но сейчас, когда вы стали обсуждать Врата и проходы, я вспомнил о том, что знает Эльзенар.— Он схватился за край стола, глаза его сверкали от ярости.— Да, были и другие колдовские проходы — но для меня это звучит подобно эху в пещере! Мысли Эльзенара недоступны мне в полной мере, но я знаю, что ему известно о других проходах и, возможно, других Вратах.— Казариан по-

молчал, затем медленно добавил: — Если существуют иные колдовские ходы в Ализон из Эскора, тогда опасность, что нам угрожает, еще страшнее, чем мы себе представляли. Прошу вас, отыщите в архивах Лормта хоть слово, которое подсказало бы нам, как обнаружить и уничтожить подобный ужас!

— Опасность, которую ты справедливо ощущаешь,— угрюмо сказал Дюратан,— грозит не одному лишь Ализону. Только представьте себе, друзья мои, что ожидает Эсткарп, если нынешние Темные маги узнают о любых древних проходах, сотворенных в древности между Эскором и Эсткарпом! Или, скажем, если они решат создать подобный проход сейчас, чтобы вероломно напасть на нас?

Я протянула Нолар еще один написанный вопрос. Она прочитала:

— Не следует ли нам немедленно послать предупреждение Совету Волшебниц, в Эс? Они должны знать, что угроза со стороны Эскора намного серьезнее, чем казалось прежде.

— Боюсь,— с сожалением проговорил Оуэн,— что любому предупреждению из Лормта Волшебницы не поверят. Вдвойне не поверят. Они всегда презирали нас за то, что мы мужчины, и еще больше оскорбит их, если не приведет в ярость, тот факт, что наше предупреждение изначально исходит от ализонского барона.

— Следует также помнить о том, что сила Волшебниц уже не та, что прежде,— грустно заметила Нолар.— Даже если они и примут наши слова во внимание, боюсь, они просто не смогут предпринять что-либо серьезное. Несмотря на отчаянные усилия по обучению новых Волшебниц, Совет еще не возместил чудовищные потери, которые понес во время Сдвига.

— Возможно,— желая как-то подбодрить собравшихся, предположил Морфью,— существующее ныне заклятие, удерживающее границу с Ализоном закрытой, удастся до некоторой степени усилить?

— Я могу попытаться передать Послание в Эс,— предложила Джонджа, тоже заметно побледневшая.— Перед самым Сдвигом Совет Волшебниц предупредил нас, в Лормте, чтобы мы заранее предприняли некоторые меры предосторожности. Я получила их Послание. У них постоянно кто-то дежурит в замке Эс, обеспечивая мысленную связь, и я могла бы с ними связаться. Однако должна сказать честно: я сомневаюсь в том, что зов из Лормта вообще будет принят.

— Мы можем послать письмо...— начала Нолар, но Дюратан перебил ее.

— Во время бесконечных стычек с Карстеном,— сказал он,— я служил у Волшебниц в пограничной страже. Мне кажется, я мог бы представить нашу ситуацию в истинном свете, если бы сам поехал в Эс и обратился к Совету.

— Я поеду с тобой,— заявила Джонджа.— С точки зрения Волшебниц, я ничем не хуже тех, кто посвящает себя исключительно овладению Силой. Хотя мои способности ограничены исцелением болезней тела и духа, я, как истинная женщина, могу предстать перед Советом, не ища каких-либо оправданий. Когда сама жизнь Эсткарпа подвергается столь серьезной угрозе, Совет не может отказаться выслушать нас.

Казариан печально улыбнулся.

— Я бы поехал вместе с вами,— сказал он,— но я прекрасно понимаю, что меня в замке Эс встретят не лучше, чем какую-нибудь из Волшебниц, потребуй она аудиенции у нашего Лорда-Барона. Но мне пришло в голову, что мое предупреждение могло бы произвести на Волшебниц большее впечатление, если бы оно не

было получено добровольно. Скажите Совету Волшебниц, что я невольно проговорился, будучи вашим пленником и лежа в лихорадке.

Нолар покачала головой.

— Разумный человек предпочитает говорить Волшебницам правду,— сказала она.— Они могут обнаружить любые попытки их обмануть.

Я протянула ей новый лист пергамента, чтобы она могла прочитать мою просьбу.

— Те из нас, кто останется в Лормте, должны немедленно приступить к поискам любых записей, которые мог оставить здесь Эльзенар. Мы уже нашли часть его дневника. Наверняка обнаружатся и другие документы — возможно, в некоторых из них содержатся сведения о проходах или Вратах.

Оуэн отодвинул кресло.

— Мы с Морфью составим письмо,— решительно заявил он.— Поскольку сегодня уже поздно, Дюратану и Джондже лучше отправиться в замок Эс рано утром. Тем временем нам, и в самом деле, нужно последовать совету Мерет. Я попрошу всех наших ученых принять участие в поисках. Любой документ, написанный нечитаемым почерком Эльзенара, будет немедленно доставлен Мерет. Да пошлет нам Свет удачу!

33

Казариан — события в Лормте
(2 день, Луна Пятнистой Змеи/3 день, Месяц Бахромчатой Фиалки)

Всех нас привел в смятение вопрос Мерет: не могут ли существовать иные колдовские проходы, созданные в древности? Морфью к тому же напомнил нам

о Вратах, гораздо более сложных порождениях магии, которые вели в странные, невероятно далекие места, подобные тому, откуда явился Саймон Трегарт, или отвратительному гнезду колдеров. К счастью, мне удалось убедить обитателей Лормта заняться поисками в архивах любых сведений, которые могли бы помочь нам обнаружить и ликвидировать эти страшные бреши.

Следя за последовавшей затем дискуссией о том, как предупредить Ведьм Эсткарпа, я испытывал смешанные чувства. Сама мысль о возможной встрече с этими грозными колдуньями бросала меня в дрожь... однако я вынужден был согласиться с когда-то подслушанными в замке Ализон словами Гурбориана. Когда против тебя объединились гнусные силы магии, не лучше ли привлечь на свою сторону столь же могущественные силы? Гурбориан намеревался натравить Темных магов Эскора на Ведьм Эсткарпа; вряд ли стоило сомневаться, что возможно и обратное. Если бы удалось добиться от Ведьм Эсткарпа — сколь бы ослаблены они ни были,— чтобы они выступили на нашей стороне против угрозы со стороны Эскора, наша группировка, по крайней мере, располагала бы магической Силой, которую можно было бы обратить против наших врагов. Однако я был только рад, когда обитатели Лормта отказались от моего участия в миссии с целью предупредить Совет Ведьм Эсткарпа.

Пока все вставали с мест, намереваясь заняться своими делами, я обратился к подруге Дюратана. Чтобы я мог вернуться в Ализон, я должен был попросить ее о весьма важной для меня услуге.

— Я был бы крайне благодарен тебе за помощь, госпожа,— сказал я.— Я не могу появиться в замке Кревонель с такими волосами.

К моему удивлению, Нолар улыбнулась.

— Жаль осветлять их снова,— заметила она.— Ты так хорошо смотришься с темными волосами...— Прежде чем я успел возразить, она поспешно добавила: — Я спрошу мастера Пруэтта, может ли состав из серебристой крапивы, который мы использовали, чтобы осветлить волосы Мерет, вернуть твоим волосам прежний цвет после моего снадобья из дубовой коры. Идем со мной, и попытаемся вернуть тебе подобающий барону облик.

Затем последовало бесконечное вымачивание моей шевелюры в едком травяном настое. Несколько раз мне казалось, что еще немного — и я утону. Однако, к немалому моему облегчению, вытерев с лица последние капли воды, я посмотрел на свое отражение в серебряном подносе и увидел, что мои волосы приобрели прежний цвет.

Немного обсохнув, я поспешил обратно в кабинет Морфью, где обнаружил Мерет и Морфью, усердно разбиравших горы документов.

Морфью поднял на меня взгляд и одобрительно кивнул.

— Должен сказать,— заметил он,— я предпочитаю твою истинную внешность. Если уж ты решил вернуться в Кревонель, не опасаясь нападения со стороны первого встречного, тебе никак нельзя походить на уроженца Долин.

— Мне крайне необходимо вернуться в Ализон,— подтвердил я.— Я должен противостоять силам, которые хотят уничтожить нашу страну. Так же как дело твоей жизни — здесь, среди архивов Лормта, так и мое ждет меня в замке Кревонель.— Я поколебался, не решаясь затрагивать неприятную тему.— К сожалению, пока я сверхъестественным образом перемещался че-

рез проход Эльзенара сюда из Долин, я потерял свой кошелек с серебряными слитками, которые дал мне мастер Оуэн.

Морфью усмехнулся.

— На этот счет можешь не беспокоиться. Запасов серебра в Лормте вполне хватит на все наши нечастые расходы. Думаю, мастер Оуэн настоит на том, чтобы ты забрал с собой свое ализонское золото — нет, не возражай. Твоя деятельность в Ализоне потребует щедрых взяток, а нам, и в самом деле, мало пользы от ализонского золота здесь, в Лормте.

Мерет постучала посохом о пол. Морфью взял у нее грифельную доску и прочитал:

— Когда будешь посылать своих племянников, чтобы доставить для нас какие-либо письма через проход из замка Кревонель, как ты объяснишь им ощущения, которые они испытают во время переноса? Не перепугаются ли они до смерти?

— Об этом я тоже думал,— ответил я.— К счастью, я знаю надежное снадобье, от которого щенков будет настолько клонить в сон, что они ничего толком не будут помнить. Я скажу им, что предстоит проделать путь столь тайный, что он требует повязки на глазах и полной тишины. Думаю, не будет никаких трудностей и никакого вреда для щенков.

Морфью взял со стола несколько свитков.

— Мастер Оуэн будет рад услышать это,— заявил он.— Я должен отнести ему документы, и узнать, как обстоят дела с окончательным вариантом письма Совету Волшебниц. На случай, если мы больше не встретимся, Казариан, я желаю тебе доброй охоты и лучших псов для твоей стаи.

Мне было очень приятно услышать знакомые ализонские слова прощания.

— Пусть всегда будет верен удар твоего клинка,— ответил я, коснувшись знака моего Рода.

Когда мы остались одни, я посмотрел на Мерет. Никогда бы не поверил, что могу испытывать столь огромное уважение к старой женщине, рожденной в Долинах... однако истинным родителем ее был Эльзенар, мой собственный далекий Прародитель. Отсюда понятны были — хотя это и полностью противоречило ализонским традициям — и ее ум, и ее отвага в бою.

Расстегнув пряжку пояса, я снял один из своих кинжалов и протянул его Мерет.

— Госпожа,— сказал я,— ты спасла мне жизнь в замке Кревонель, и по нашим обычаям я перед тобой в кровном долгу; но, по удивительному стечению обстоятельств и вследствие магии Эльзенара, мы оба принадлежим к его Роду. Мы с тобой — сородичи, разделенные во времени, а между сородичами не может быть долгов. Потому я прошу тебя принять это от меня в дар, как знак моего глубокого уважения.

Мерет сперва удивилась, затем на ее губах появилась легкая улыбка. Она осторожно взяла кинжал и написала:

«Не ожидала получить подарок от ализонца. Следует ли мне опасаться его отравленного лезвия?»

— Это любимый метательный нож моего старшего сородича,— объяснил я.— Его лезвие совершенно чистое.

Она вытерла доску, снова что-то написала и протянула ее мне.

«Я вдвойне благодарна тебе, Казариан, за твой подарок и за все, что ты сделал ради меня. Если бы ты не защитил меня, я могла бы жестоко обгореть или, что еще хуже, меня могли пронзить отравленным клинком. Полагаю, у нас обоих достаточно поводов к тому,

чтобы изменить наше первоначальное отношение друг к другу. Пережив вместе смертельную опасность, мы научились действовать сообща. Теперь же судьба бросает нам новый суровый вызов. Прежде чем отправиться в путь, возьми с собой это серебряное кольцо, изготовленное в Долинах. Оно достаточно просто выглядит и не привлечет ненужного внимания, если ты решишь носить его в Ализоне».

Я поклонился и надел кольцо на мизинец правой руки.

— Красивый узор, госпожа,— сказал я.— Похож на прожилки листа кровь-лозы. Я буду с гордостью его носить.

Мерет снова протянула мне доску, в последний раз.

«Как уже заметил Морфью, мы можем больше не увидеться. Ты отправляешься в свою полную опасностей страну, а я остаюсь в Лормте, не зная, что ждет нас здесь. Возьми же с собой и мое Прощальное Благословение: добрых восходов и закатов дням твоего путешествия, доброй удачи всем твоим начинаниям. Да придаст Свет нам отваги и охранит нас от Тьмы».

Я коснулся кольцом — ее подарком — знака моего Рода и поклонился.

— Благодарю тебя за благословение, госпожа,— сказал я.— Для меня оно подобно второму дару, ибо я никогда прежде не получал ничего подобного. Я пошлю тебе весть о том, как идут переговоры с Волорианом и старшими баронами. Лучше, если вы с Морфью будете писать ответные послания для меня по-ализонски, на случай, если они попадутся на глаза кому-то постороннему.

Мерет согласно кивнула. Поклонившись последний раз, я попрощался с ней. Ключ Старшего лежал нагото-

ве в кармане моего камзола. Не задерживаясь более, я направился прямо в подвал Лормта.

34

Мерет — события в Лормте
(3 и 4 дни, Месяц Бахромчатой Фиалки)

Как только Морфью оставил нас вдвоем, Казариан, к моему удивлению, расстегнул пояс и протянул мне один из множества своих кинжалов. Затем он обратился ко мне, признав, что я, вероятно, спасла ему жизнь во время схватки с Гурборианом и Гратчем. Поэтому, по ализонскому обычаю, он был обязан мне тем, что он назвал долгом крови, но, поскольку оба мы оказались кровными родственниками Эльзенара, подобное обязательство считалось невозможным. Теперь он предлагал мне в дар свой кинжал, как знак уважения.

С немалым смущением я приняла от него спрятанное в ножны оружие. Это был подарок от родственника... но весьма необычный. Я написала на доске вопрос, не отравлен ли клинок, тоже по ализонскому обычаю. Казариан заверил меня, что кинжал чист; он принадлежал его старшему брату, который использовал его в качестве метательного ножа. Я даже не пыталась представить, во что или в кого его могли метать.

Казалось очевидным, что подарок Казариана — жест как вежливости, так и искренней благодарности. Несмотря на ужасное ализонское воспитание, Казариану было присуще, по крайней мере до некоторой степени, чувство долга, понятное любому уроженцу Долин. Исходя из собственного опыта, я ничуть не сомневалась в его решительности и отваге.

Я знала, что мы можем больше никогда не встретиться. Казариану предстояло оказаться в самой гуще событий, разыгрывавшихся среди баронов, постоянно строивших интриги и заговоры. Что касается меня, Лормт мог в любой момент подвергнуться нападению пробудившихся Темных магов Эскора. Когда Казариан покидал Лормт в первый раз, чтобы доставить камень Эльзенара в Долины, я, повинуясь мгновенному порыву, написала для него благословение путнику. Теперь же, глядя на Казариана, возможно, в последний раз, я без долгих размышлений написала ему торжественное Прощальное Благословение Долин, добавив пламенную молитву к Свету, чтобы тот помогал юноше и хранил его от Сил Тьмы.

Казариан коснулся моим подарком, серебряным кольцом из Долин, знака своего Рода и, последний раз грациозно поклонившись, вышел.

Я вновь начала читать и разбирать документы, пока Нолар не принесла ужин. Поужинав, мы вместе работали еще несколько часов. Постепенно глаза мои устали, свеча померкла, и я погрузилась в легкую дрему.

Меня разбудило внезапное появление Дюратана и Морфью. Оба были возбуждены, словно мальчишки, разворачивающие именинные подарки.

— Здесь всего лишь одна страница,— воскликнул Морфью, размахивая потемневшим от времени листом пергамента,— но она определенно написана рукой Эльзенара. Едва я ее увидел, я потребовал, чтобы остальные разобрали до ниточки весь сундук, в котором ее нашли... и сказал Дюратану, что мы должны немедленно принести ее тебе!

Нолар заставила Морфью сесть и протянула ему чашку ячменного отвара.

— Спасибо, дитя мое,— сказал Морфью, утомленно опускаясь в кресло.— Мне не приходилось так спешить со времен Сдвига, когда я покинул свой пост во внутреннем дворе за мгновение до того, как рухнула длинная стена.

Я взяла еще один подсвечник, чтобы лучше осветить выцветшие следы чернил. Хотя я не могла читать написанное, возможность ясно видеть текст помогала мне мысленно сосредоточиться на его содержании. Эльзенар написал его сразу же после чудовищного разрушения Главных Врат. Я начала записывать на доске, а Нолар читала вслух:

— Прежде чем Эльзенар во второй раз попытался сотворить проход в Арвон, он написал это письмо уцелевшим Светлым Магам, оставшимся в Лормте. Он опасался, что и другие Врата могут быть точно так же открыты Темными магами, и обращался за помощью, призывая к совместным усилиям... Мне трудно понять, но Эльзенар, похоже, считал, что некое... устройство, управляемое особым заклинанием, может обнаружить присутствие несущих угрозу Врат или, возможно, предотвратить их открытие в определенном месте. Письмо его не закончено. Не были ли найдены рядом с этой и другие страницы?

Дюратан покачал головой.

— Как видишь, мы буквально занимаемся раскопками. Лишь два дня назад один из ученых случайно заметил трещину в стене подвала. Проломив стену, мы обнаружили вход в небольшое помещение, заполненное старинными ящиками и сундуками.— Он чихнул.— И пылью,— добавил он.— Оуэн сейчас там, руководит извлечением каждого ящика. Многие из деревянных сундуков серьезно пострадали от времени или от последствий Сдвига.

Морфью потер руки.

— Вокруг в изобилии разбросаны документы,— сообщил он.— Этот листок из письма Эльзенара лежал наверху небольшой стопки, но страницы под ним относятся к другим текстам. Если в этой комнате сохранились еще какие-то фрагменты письма Эльзенара, я уверен, что Оуэн их найдет.

Дюратан встал.

— Я должен вернуться и помочь ему,— сказал он.— Наше предупреждение Совету Волшебниц будет куда более убедительным, если мы сможем представить им магический план Эльзенара, который тот разработал для обнаружения враждебных проходов и Врат.

Морфью зевнул.

— Мои кости подсказывают мне, что пора отправляться в постель,— заметил он.— Утром Оуэн непременно поправит наше письмо, добавив туда эту, крайне важную, новость. Вам с Джонджей придется задержаться, пока мы не изучим каждый обрывок записей, спрятанных в том подвале.

— Я уверена,— твердо сказала Нолар,— что, будь здесь Джонджа, она бы посоветовала Мерет отдохнуть, чтобы у нее были силы записать новые послания Эльзенара, если мы их обнаружим.— Чем-то на мгновение напомнив госпожу Беталию, Нолар решительно выставила Дюратана и Морфью из комнаты, затем помогла мне расположиться на ночь в тихой каморке по соседству, которую мы превратили в мою временную спальню. Держа свечу в руке, Нолар ненадолго задержалась у двери.

— Мне нужно приготовить снадобье, способное поддержать силы исследователей,— с улыбкой заметила она.— Если они найдут сегодня ночью еще какие-нибудь записи Эльзенара, они, наверное, поспешат сюда,

умоляя тебя о помощи, так что лучше поспи, пока есть такая возможность.

Едва Нолар закрыла дверь, я откинулась на подушки, натянув до подбородка теплое одеяло. Однако тревожные мысли не давали мне заснуть.

Меня беспокоило, как примут Казариана в Ализоне. Даже если ему удастся правдоподобно объяснить свое отсутствие, отныне ему угрожает опасность со всех сторон. Лорд-Барон, наверняка, постоянно — и вполне справедливо — опасается всевозможных заговоров против себя; жаждущие мести силы Рептура будут стремиться возложить на юношу ответственность за исчезновение Гурбориана; а все остальные оставшиеся в живых сторонники Гурбориана, скорее всего, станут пуще прежнего добиваться союза с Темными магами Эскора. Даже если Казариан сумеет привлечь на свою сторону Волориана и еще кого-то из старых баронов, его положение по-прежнему останется очень рискованным... однако я уже видела, как действует Казариан в минуту опасности. Если кто-то и мог успешно преодолеть смертельный лабиринт неустанной борьбы за власть в Ализоне, то только Казариан.

Не могла я избавиться и от мыслей о том положении, в котором оказались мы сами, то есть Лормт. Нам было просто необходимо убедить Совет Волшебниц серьезно отнестись к нашему предупреждению, но захотят ли они выслушать Дюратана и Джонджу, а если да, то согласятся ли действовать в наших интересах? Многое зависело от того, удастся ли нам представить убедительные доказательства существования планов Эльзенара, касавшихся обнаружения и, как мы надеялись, также и обезвреживания любых Врат или проходов, через которые Темные Силы Эскора могли напасть на Эсткарп. Я не знала, смогут ли

Волшебницы успешно воспользоваться указаниями древнего мага, даже ясно изложенными. Хватит ли их общей Силы для того, чтобы привести в действие его заклятия? Написал ли вообще Эльзенар о том, как следует применять эти заклятия? Вопросам, которые роились у меня в голове, подобно раздраженным пчелам, казалось, не было конца.

Мне почудилось, будто я слышу тихий, убежденный голос Неуверена:

«Когда у тебя больше вопросов, чем ответов, и когда на разрешение большинства вопросов требуется время, ни к чему тратить силы на бессмысленные сомнения. Лучше потрать их на какую-нибудь задачу, для которой уже есть решение, и пусть время даст тебе то, чего не хватает для ответа на другие вопросы».

Мой драгоценный Неуверен... Он явился ко мне во сне прошлой ночью, напомнив о случае, о котором я не вспоминала много лет. Мы вдвоем пересчитывали рулоны ткани на одном из наших складов в Ульмспорте. Другие торговцы и посыльные то входили, то выходили, постоянно прерывая нас, пока Неуверен не оказался обмотан тремя полотнищами из разных рулонов. После очередного неожиданного вторжения Неуверен раздраженно повернулся, и рулон, разматываясь, соскользнул с его плеча на пол.

Конечно, я не могла рассмеяться вслух, но меня трясло от нескрываемого веселья. Он вызывающе уставился на меня.

«Могу я спросить,— бросил он,— что тут такого смешного?»

Трясущейся рукой я написала на своей доске:

«Ты похож на плетеный хлеб из Элдердола!»

Неуверен окинул себя взглядом, затем искренне расхохотался за нас обоих.

«Лучше я выберусь,— воскликнул он,— пока окончательно не запутался. Хотя,— добавил он приглушенным тканью голосом,— я слышал, что правильно завязанная плетенка служит талисманом, отгоняющим несчастья».

Сон этот перебросил мост в далекое прошлое, словно не миновали с тех пор бесконечные годы, но, когда я проснулась, в памяти моей остались лишь теплые воспоминания. Я знала, что никогда больше не смогу ощутить прикосновение руки Неуверена к моей, кроме как в воспоминаниях, так же как никогда больше не смогу взять в руки мой обручальный дар, магический камень Эльзенара, который отправился вместе с хозяином в волшебные края, недоступные нашему пониманию.

К сожалению, Неуверену не довелось увидеть магический камень, обручальный дар моей матери... но лишь теперь мне стало ясно, что камень, обладающий подобной Силой, не мог быть лишь простым украшением для невесты. Он был неразрывно связан с самой жизнью мага, которому принадлежал. Его чудовищная Сила позволяла Эльзенару преодолевать огромные расстояния и вершить великие дела. Что-то подсказывало мне, что магический камень доставил Эльзенара туда, где маг мог вновь воссоединиться в единое целое. Не могу сказать почему, но я это знала. Теперь и Эльзенар, и его магический камень были невообразимо далеко от нас. На многие века судьба разделила их, словно плывущие листья, разнесенные потоком времени в разные стороны. Эльзенар был волшебным образом заточен в логове Нарвока, словно под слоем зимнего льда, в то время как его драгоценный камень переходил из рук в руки, и никто не подозревал о его истинной сущности, пока, благодаря нашим усилиям, он не вернулся к своему владельцу. После этого поток времени вновь понес их обоих к их магическому предназначению.

Неуверена тоже унес от меня поток времени, и столь же неотвратимо. Теперь, среди водоворота событий, меня сопровождали обитатели Лормта, принявшие меня в свое общество. Более того, сколь невероятным это ни казалось, я вынуждена была признать, что начинаю считать одним из своих новых товарищей и Казариана из Ализона. В том, что он был моим родственником, у меня не было сомнений. К тому же манеры его оказались крайне учтивыми и неожиданно мягкими. Исходя из того, что я знала, прежде чем приехала в Лормт, я должна была презирать и опасаться его, как врага... но, после испытаний, которые нам довелось пережить вместе, я начала думать, что, возможно, когда-нибудь, если мы снова встретимся, я смогу... назвать его другом.

На закате своей жизни я совершила путешествие намного более далекое, чем ожидала, и видела то, чего не предполагало даже самое пылкое воображение. Чувство причастности к великим событиям придавало сил моему изможденному телу. Наконец, я нашла для себя достойное место. Лормт был тем самым убежищем, которого я искала, не сознавая еще, что не могу полностью принадлежать одним лишь Долинам. Мое будущее внушало страх; в любой момент мы могли быть вовлечены в схватку за собственную жизнь, но судьба уже бросала мне подобный вызов прежде. Меня поддерживали и придавали мне сил не только воспоминания; со мной были надежные друзья, готовые сражаться за все самое дорогое для нас.

Прежде чем я заснула, перед моим мысленным взором предстала сцена, которой не могло быть в действительности: Неуверен стоял в лучах солнца, протягивая мне руку. На шее у него висел на серебряной цепочке сверкающий голубой драгоценный камень, такой же формы, как и мой обручальный дар, но лишенный не-

выносимого бремени заключенной в нем Силы. Я поняла, что это и в самом деле обручальный дар, который я преподнесла бы своему возлюбленному, если бы судьба была к нам благосклонна.

Мне показалось, что я слышу шепот Неуверена:

«Сейчас ты должна приложить все усилия для того, чтобы защитить Лормт... но я всегда буду ждать тебя, дорогая».

Погруженная в золотой сон, я улыбнулась и потянулась к перу и чистому листу пергамента. Мне еще столь многое предстояло написать.

Заключение

Мерет — события в Лормте
(5 день, Месяц Ивового Карпа/4 день, Луна Горячечного Листа)

Казариан ушел обратно в Ализон через проход в подвале Лормта на третий день Месяца Бахромчатой Фиалки. Из-за найденного неоконченного древнего письма Эльзенара Дюратан и Джонджа отложили поездку в Эс еще на три дня и отправились в путь лишь на восьмой день. В результате утомительных поисков нам удалось найти еще два обрывка, написанных рукой Эльзенара, но ни один из них не содержал желанных сведений о том, как обнаружить или уничтожить проходы и Врата.

В последующие дни мы с нетерпением ждали вестей из Эса или от Казариана. Нолар даже перенесла свою постель в подвал Лормта, на случай, если Казариан пришлет через проход своего племянника. Поскольку мы не знали, когда это произойдет, Оуэн и Морфью попросили нескольких не слишком старых (и потому более надеж-

ных) ученых дежурить в подвале по очереди. Морфью тщательно обучил их всех заранее подготовленным фразам на ализонском языке. Он бы остался в подвале и сам, если бы от холода у него не болели кости.

По мере того как шли недели, ко мне постепенно возвращалась прежняя подвижность, и когда весна уступила место лету, я тоже присоединилась к дежурствам. Морфью предупредил Нолар, чтобы та не разговаривала с ализонским парнишкой, если он появится; он должен был слышать лишь мужские голоса, говорящие по-ализонски, чтобы у него не возникло подозрений, что он находится не в Ализоне.

Вечером второго дня Месяца Ивового Карпа через ворота Лормта въехали под первым летним дождем Дюратан и Джонджа, усталые и расстроенные. Дюратан намеревался тут же доложить о результатах поездки, но Джонджа потребовала, чтобы им обоим дали время переодеться в сухую одежду.

Когда мы собрались в кабинете Морфью, Дюратан не в силах был усидеть на месте. Он ходил взад и вперед, и в каждом его слове чувствовалась нескрываемая горечь. Ему и Джондже было позволено обратиться к оставшимся членам Совета Волшебниц в Эсе несколько раз за те пять дней, что они там провели... но без какой-либо пользы. Дюратан был убежден, что, будь там Корис, он, наверняка бы, выслушал его и присоединился бы к просьбе Лормта о помощи — но сенешаль Эсткарпа отсутствовал в Эсе, путешествуя по окрестностям и наблюдая за ходом восстановительных работ после Сдвига. Джонджа неохотно признала, что нам не следует рассчитывать на какую-либо помощь со стороны Волшебниц. Почти все видные Волшебницы погибли или были ранены во время Сдвига, а тех, кто теперь пытался править Эсткарпом, постоянно разди-

рали противоречия. Одни требовали удалиться от всех мирских дел в цитадель, подобную их Домам Мудрости, где со временем они могли бы восстановить свои поредевшие ряды. Даже те Волшебницы, которые желали по-прежнему править в Эсе, как и прежде, не проявляли никакой склонности к совместным действиям, тем более что призыв о помощи исходил из Лормта, к тому же — изначально — от ненавистного им ализонца. Дюратан мрачно сказал, что единственная польза от их путешествия в Эс заключается в случайно услышанной фразе о том, что Саймон Трегарт снова в Эскоре. Двое сыновей Трегарта, Киллан и Кемок, тоже, судя по всему, находились сейчас в Эскоре, но Волшебницы были о них не лучшего мнения, все еще возмущенные событиями трехлетней давности, когда Киллан и Кемок похитили свою сестру Кэтти из уединенного Дома Мудрости, где девушки Эсткарпа, наделенные даром Силы, готовились стать Колдуньями.

Неожиданно Дюратан перестал ходить и воскликнул, что мы должны предупредить Саймона Трегарта об угрозе со стороны Темных магов Эскора, которые с помощью своей магии могут в любой момент вторгнуться в Эсткарп или Ализон. Джонджа предложила после ночного отдыха попытаться передать Послание в Долину Зеленой Тишины, оплот Сил Света в Эскоре. Не будучи истинной Волшебницей, Джонджа не могла передать суть нашего предупреждения во всей его полноте, но полагала, что сумеет сообщить, что нам жизненно необходимо связаться с Саймоном Трегартом. На следующее утро Джонджа сосредоточилась на просьбе к Леди Зеленой Долины, чтобы та послала к нам одну из своих сине-зеленых почтовых птиц, с помощью которой мы могли бы отправить письмо с предупреждением.

Джонджа как раз завершила свои мысленные усилия, когда, к нашему удивлению, Дюратан внезапно вскрикнул, но не от боли или страха, а от нескрываемой радости. Несколько мгновений он сидел неподвижно, затем встряхнулся, словно пробудившись от сна, и объяснил, что Послание Джонджи принял Кемок, его бывший товарищ по оружию. В прошлый раз Кемок явился Дюратану во сне, но сейчас сумел установить связь с разумом Дюратана наяву. Кемок сообщил Дюратану, что Саймон ведет сейчас разведку в окрестностях северо-западной границы между Эскором и Ализоном, обеспокоенный тревожными слухами о появившихся в этих краях силах Зла. Вняв нашему отчаянному призыву, Кемок обещал немедленно покинуть Долину Зеленой Тишины и поспешить к нам, в Лормт. Его путешествие через горы должно было занять примерно пять дней, но, добравшись до Лормта, Кемок мог беспрепятственно устанавливать мысленную связь со своим старшим братом Килланом, остававшимся в Долине, что позволяло обойтись без задержек и проблем, возможных при связи с помощью почтовых птиц.

Пока мы ждали прибытия Кемока, произошло еще одно важное событие — всего два дня спустя, вечером пятого дня Месяца Ивового Карпа. На страже в подвале Лормта, к счастью, стоял сам Оуэн, когда портал, открывавший проход из замка Кревонель, внезапно ярко вспыхнул и перед нами предстал ошеломленный, едва стоявший на ногах ализонский мальчишка, сжимавший в одной руке ключ Эльзенара, а в другой — плотно скрученный свиток с письмом.

Оуэн сразу же подвел мальчика к скамье и произнес по-ализонски слова, которым научил его Морфью:

— Сиди здесь и ничего не говори. Письмо может потребовать немедленного ответа.

Оставив парня под пристальным наблюдением одного из ученых, Оуэн поспешил к нам, стоявшим в отдаленном углу подвала. Казариан представил своего посланника как Девериана, щенка его старшего сородича. Послание было коротким, но крайне тревожным. Вернувшись в замок Кревонель, Казариан провел тайное расследование, которое лишь подтвердило его худшие опасения. Лидерство в группировке Гурбориана захватили двое баронов, Баларан из Рода Рептура, к которому принадлежал и Гурбориан, и Рушар из Рода Годара. Они притворялись, будто полностью согласны друг с другом, но каждый из них втайне стремился стать единоличным лидером. Казариан воспользовался их скрытым соперничеством, подкупив мелких сошек из каждого лагеря от имени противоположной стороны, так что о его собственных интересах никто даже не подозревал. Он узнал, что вскоре у границ Эскора должна состояться встреча с Темным магом, известным баронам под именем Скурлок. Казариан опасался, что ни один барон не сможет противостоять Темному магу и что без преимуществ, ранее обеспечиваемых хитростью и коварством Гратча, интересы Ализона, скорее всего, будут попраны. Казариан обещал разузнать подробности, а пока что его интересовали итоги нашего «путешествия на юг», как он тонко назвал просьбу Лормта о помощи, обращенную к Волшебницам Эсткарпа.

Морфью быстро сочинил ответ, пользуясь преднамеренно неясными фразами, на случай, если наше послание попадется на глаза врагам в Ализоне.

— Сожалею,— прочитал он вслух,— что наше путешествие на юг, похоже, кончилось ничем. Те, к кому мы обращались, не желают брать на себя каких-либо обязательств в отношении нас. Однако наш человек организовал встречу со своим товарищем по оружию, кото-

рая состоится через несколько дней. Это второй могущественный щенок грозного родителя, о котором мы говорили тебе раньше. Ты будешь рад услышать, что сам его родитель сейчас расследует те события, о которых ты сообщил, с той стороны границы. Учитывая, что мы вскоре получим новые важные сведения от этого второго щенка, прошу тебя отправить к нам своего посланника через четыре дня, чтобы мы могли поделиться с тобой новостями. Мы будем ждать его в это время, но продолжим постоянное наблюдение за порталом, на случай, если тебе придется отправить письмо раньше.

Мы снова поспешили к порталу, где Морфью сурово обратился к парнишке с повязкой на глазах, одетому в темно-синюю ливрею замка Кревонель:

— Слушай меня, Девериан из Рода Кревонеля. Доставь это письмо своему господину, так же как ты доставил его нам. Вставай же... Я провожу тебя до входа в коридор. Не урони ключ!

Положив руки на плечи парня, Морфью поставил его на отмеченную каменную плиту и мягко подтолкнул в сторону знакомого, но до сих пор казавшегося противоестественным овала, беззвучно возникшего в воздухе.

Когда Девериан исчез, Оуэн заметил:

— Если продержится хорошая погода, Кемок прибудет в Лормт через три дня. Нужно собрать для него все наши документы.

Дюратан был рад, что Саймон Трегарт уже знает о подозрительной деятельности возле границы Эскора с Ализоном. У него не было никаких сомнений в том, что Саймон Трегарт и Кемок поверят нашим предупреждениям и сделают все, чтобы противостоять угрозе.

Я ударила посохом о каменные плиты и написала на доске слова, которые прочитала Нолар:

— С помощью этого прекрасного нового посоха, который сделал мастер Вессель взамен того, что мне пришлось оставить в замке Кревонель, я теперь снова могу нормально передвигаться. Если потребуется послать Казариану срочное письмо, я думаю, что могла бы сама отправиться сквозь проход. Однако было бы неблагоразумно бродить по замку Кревонель в одиночку. Мне нужно взять с собой сумку с провизией и матрас, чтобы я могла в более или менее приемлемых условиях ждать Казариана возле портала. Кроме того, интересно узнать, пропустит ли магический проход нас, кровных родственников Эльзенара, в замок Кревонель без волшебного ключа.

Дюратан улыбнулся.

— Госпожа,— сказал он,— сам Саймон Трегарт не пожелал бы себе более отважного товарища, чем ты. Хотя положение наше весьма серьезно, но, имея в союзниках тебя и сыновей Трегарта, я начинаю надеяться на лучшее.

— Может быть, перенесем эту дискуссию в более теплое место? — жалобно спросил Морфью.— Кости Мерет, может быть, и зажили, но мои болят все сильнее с каждым часом, который я провожу в этом подвале. Кроме того,— добавил он, когда мы начали наш долгий путь наверх,— я отчетливо слышал, как мастер Вессель говорил что-то насчет бочонка старого вина, который он недавно нашел в здешней неразберихе. Самое меньшее, что нам стоит сделать — попробовать это вино и выяснить, годится ли оно для того, чтобы подать его молодому Кемоку, когда он приедет.

Следуя за остальными, я думала об ожидавшем нас застолье с вином, о товариществе и общей опасности, с

которой нам предстояло бороться. Темный маг Скурлок мог обнаружить, что ему противостоят объединенные, готовые на все, силы из Лормта и Эскора... и даже из Ализона. Мы были готовы защитить нашу родину.

Андре Нортон

Цикл «Колдовской мир»

Романы

ВОСТОЧНЫЙ КОНТИНЕНТ

(Эсткарп, Эскор, Ализон, Карстен, Горм, Сальзарат, Сулкар, Айл):

1. *Колдовской мир (1963)*
2. *Паутина Колдовского мира (1964)*
3. *Трое против Колдовского мира (1965)*
4. *Чародей из Колдовского мира (1967)*
5. *Волшебница из Колдовского мира (1968)*
6. *Игра мечей (1977)*
7. *Остерегайся ястреба (1983)*
8. *Кошачьи врата (1987)*
9. *Ковательь песен (с А.Криспин, 1992)*
10. *Ключ от Кеплиан (с Л. Маккончи, 1995)*
11. *Камень мага (с М. Шауб, 1996)*
12. *Стража Колдовского мира (1999)*

ЗАПАДНЫЙ КОНТИНЕТ

(Арвон, Пустыня, Куэйт, Хай-Холлек, Долины):

1. *Год Единорога (1965)*
2. *Заклятие Колдовского мира (1972)*
3. *Хрустальный грифон (1972)*
4. *Джаргунский леопард (1974)*
5. *Проклятие Зарстора (1978)*
6. *Рогатый венец (1981)*
7. *Торжествующий грифон (1981)*
8. *Гнездо грифона (с А. Криспин, 1984)*
9. *Ярость оборотня (1984)*

Сборники рассказов и повестей

1. *Высокое волшебство (1970)*
2. *Книга Андре Нортон (1974)*
3. *Тайны Колдовского мира (1980)*
4. *Истории из Колдовского мира (1987)*

Колдовской мир: Великая Перемена

1. *Бури победы (с П. Гриффин, 1991)*
2. *Жажда мести (с П. Гриффин и М. Шауб, 1992)*
3. *На крыльях магии (с П. Мэтьюс и С. Миллер, 1994)*

Внутренняя хронология цикла:

Рогатый венец
Паутина Колдовского мира
Заклятие Колдовского мира
Колдовской мир
Год Единорога
Трое против Колдовского мира
Чародей из Колдовского мира
Волшебница из Колдовского мира
Ярость оборотня
Хрустальный грифон
Торжествующий грифон
Гнездо грифона
Проклятие Зарстора
Остерегайся ястреба
Игра мечей
Джаргунский леопард
Кошачьи врата
Колдовской мир: Великая Перемена
Кователь песен
Ключ от Кеплиан
Камень мага
Стража Колдовского мира

Содержание

Андре Нортон, Лин Маккончи
Ключ от Кеплиан
5

Андре Нортон, Мэри Х. Шауб
Камень мага
355

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства «АСТ» по адресам:

Ул. Бауманская, д. 33/2, стр. 8 (рядом со станцией метро «Бауманская»). Тел. 261-1484
Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584, 299-6601
Арбат, д. 12. Тел. 291-6101
Татарская, д. 14. Тел. 959-2095
Звездный б-р, 21, Тел. 232-1905
Б. Факельный пр-д, д. 3. Тел. 911-2107
Луганская, д. 7. Тел. 322-2822
2-я Владимирская, д. 52. Тел. 306-1898

По вопросам оптовой покупки книг
"Издательской группы АСТ" обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел.: 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги "Издательской группы АСТ" можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ — "Книги по почте"

Литературно-художественное издание

Нортон Андрэ, Маккончи Лин, Шауб Мэри

Ключ от Кеплиан. Магический камень

Ответственный редактор А. М. Лактионов
Редакторы: И. С. Андронати, А. В. Етоев
Художественный редактор А. Е. Нечаев
Компьютерный дизайн: А. С. Сергеев
Технический редактор Ю. Ю. Смирнов
Корректор Е. В. Шестакова

Подписано в печать 25.02.00.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 33,60.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 247.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма "Издательство АСТ"»
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома
«Корвус». Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Английский пр., д. 40.
Электронный адрес:
WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

Перед вами — новые романы цикла. Прочтите!

ISBN 5-237-05273-8

9 785237 052732